

42
#B 30 555

X 1895. IX

Харьковский сборникъ

ХАРЬКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

къ „Харьковскому Календарю“ на

1895 г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. Иванова.

Изданіе Харьковскаго Губернакаго Статистическаго Комитета.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

карты Слободскихъ полковъ за 1764 годъ.

ВЫПУСКЪ 9-й.

ХАРЬКОВЪ.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1895.

Khark'kovskii
ХАРЬКОВСКІЙ
СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложение къ „Харьковскому Календарю“
на 1895 годъ.

ВЫПУСКЪ 9-й.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

карты Слободскихъ полковъ за 1764 годъ.

Kharkovskii
ИЗДАНИЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. В. Иванова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.

1895.

ЗКСІІ
КЗАФ
v.9

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

MILUKOV LIBRARY

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Отъ редакціи	I
<i>А) Отдѣлъ I-й.</i>	
1.—Исторія Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка. Е. А. Альбовскаго	1
2.—Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (окончаніе). В. А. Демидова . . .	100
3.—Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій (окончаніе). Прот. Н. А. Ладченкова . . .	129
4.—Историческій очеркъ крестьянскаго суда. Н. С. Илларионова	201
5.—О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда (продолженіе)	218
<i>Б) Отдѣлъ II-й.</i>	
Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губерніи. Гл. 1. Старобѣльскій уѣздъ (продолженіе):	
12) Сл. Бѣло-Куракино (продолж.). П. М. Шинкарева	239
13) Сл. Курячевка. Д. Шинкаревой	343
14) Сл. Пантюхино. И. Н. Шухмина	364
15) Сл. Райгородка. Е. А. Коробовой	382
16) Сл. Боровское. В. Лятова	399
17) Сл. Бахмутовка. А. Коломейцевой	413
18) Сл. Ново-Айдарь. А. Г. Жижкова	429
19) Сл. Больше-Черниговка. Е. С. Тихоновой	443
20) Сл. Спѣваковка. Е. В. Цоповой	452
21) Сл. Шульгинка. Е. И. Будянской	454
22) Сл. Литвиновка	474
23) Сл. Баранниковка. С. И. Костинова	479
24) Сл. Нижне-Баранниковка. А. Кристь	483
25) Сл. Безгинова. Тремпольцевой	487

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Желая пополнить пробѣлъ прошлыхъ выпусковъ «Харьковскаго Сборника» по общей исторіи края, помѣщаемъ въ предлагаемомъ выпускѣ изслѣдованіе, касающееся прошлаго «Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка». Къ этой статьѣ прилагается карта Слободскихъ полковъ, изъ которыхъ образовалась нынѣшняя Харьковская губернія; она относится къ 1764 году и представляетъ собою весьма интересный историческій документъ, впервые появляющійся въ свѣтъ.

Опубликованными статьями по этнографіи Харьковской губерніи, въ прошломъ и предлагаемомъ выпускахъ «Харьковскаго Сборника», еще не исчерпывается весь имѣющійся матеріалъ по Старобѣльскому уѣзду. Остальныя статьи по этому уѣзду будутъ помѣщены въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника». За матеріалами по Старобѣльскому уѣзду будетъ слѣдовать печатаніе матеріаловъ по смежному Купянскому уѣзду.

Печатаніе собранныхъ обширныхъ матеріаловъ по обычному праву въ Харьковской губерніи отложено до слѣдующаго выпуска «Сборника».

ОТДѢЛЪ I-й.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

ОТДѢЛЪ I-й.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ

ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

И С Т О Р І Я

Харьковского Слободского козачьяго полка.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь находится Харьковская губернія съ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ Харьковомъ, въ былыя времена кочевали дикія орды разныхъ народовъ. Служа широкою дорогою, край этотъ видѣлъ въ теченіе долгихъ столѣтій много племенъ, смѣнявшихъ другъ друга и являвшихся изъ многолюдной Азіи. Были здѣсь Готы и Гуны въ IV вѣкѣ, Авары и Обры въ VI. Слѣдуя другъ за другомъ, они оставляли по себѣ разные памятники, сохранившіеся до нашего времени:—это „могилы“ (майданы)—большіе земляные курганы, во множествѣ разбросанные по всему необъятному югу Россіи; истуканы каменные, очень грубой работы, извѣстные у народа подъ именемъ „бабъ“, разставленные по высокимъ могиламъ, будто для стражи; лѣхи—какія-то подземелья, соединяющіяся между собою, и городища. Въ этихъ могилахъ и лѣхахъ находили различныя старинныя металлическія вещи—оружіе и женскія украшенія, а также и римскія монеты съ изображеніемъ императоровъ первыхъ вѣковъ, свидѣтельствующія, что этотъ край былъ заселенъ уже въ то время.

Затѣмъ здѣсь были Хозары, о которыхъ имѣется уже болѣе извѣстій, какъ жившихъ позднѣе,—въ IX вѣкѣ; ихъ, въ свою очередь, смѣнили Печенѣги, потомъ Торки и Половцы.

Нѣкоторыя названія населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи и нынѣ свидѣтельствуютъ о пребываніи здѣсь этихъ народовъ. Такъ, напр., Хозарское городище, Хозарское поле, близъ г. Валокъ, Коганово городище, Когановъ перевозъ, м. Печенѣги, въ 23-хъ верстахъ отъ г. Чугуева, и др. Городищами назывались мѣста, на которыхъ прежде существовали какіе-то города, остатки которыхъ сохранились. Предполагають, что время существованія этихъ городовъ относится къ до-татарскому нашествію, т. е. къ XII вѣку; такъ были: Коломацкое городище, Донецкое городище и множество другихъ.

Половцы вели постоянныя войны съ славянскими племенами и долгое время опустошали ихъ земли. Извѣстны два похода въ половецкую землю, одинъ въ 1111 и другой въ 1185-мъ году—походъ Игоря Святославовича, кончившійся пораженіемъ русскихъ князей. Походъ этотъ описанъ въ высоко-поэтическомъ произведеніи „Слово о полку Игоревѣ“, въ которомъ неизвѣстный авторъ воздастъ хвалу тому Донцу, по берегамъ котораго селились впоследствии Харьковскіе казаки¹⁾.

„О Донче! не мало ти величія, лелеявшу князя на волнахъ, ставшущу ему зелену траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; строжиаше е гоголемъ на водѣ, чайкамъ на струяхъ, чрънядьми (особенный родъ черныхъ утокъ) на вѣтрѣхъ“²⁾.

И какъ было не селиться людямъ въ этой благословенной Господомъ землѣ! Здѣсь было все: непроходимые лѣса, въ которыхъ въ изобиліи водились звѣри и разнаго рода дичь, рѣчки, кишация рыбою, рядомъ съ густымъ лѣсомъ,—луга, покрытые чудною травою, и привольныя необъятныя степи, въ которыхъ водились даже дикія лошади.

Климатъ этой мѣстности прекрасный, умѣренный; почва плодородна, съ избыткомъ вознаградившая-бы трудъ человѣка, если-бы онъ захотѣлъ ее обрабатывать.

1) По малороссійскому выговору произносится *козакъ*. Такъ какъ во всѣхъ документахъ и подлинныхъ бумагахъ полка это слово пишется чрезъ о, то мы поэтому вездѣ и удержали эту орфографію.

2) Слово о полку Игоревѣ. Изд. 2. Вельтмана. Москва. 1866 г.

И вотъ, начала появляться здѣсь понемногу осѣдность.

Губительнымъ, всесокрушающимъ ураганомъ пронеслись татары Чингисъ-Хана и Батя по этому краю, превращая на пути своемъ все въ пепель и кучи развалинъ, дѣлая изъ городовъ—городища, и покѣрили своей власти всю страну. Даже Кіевъ, гдѣ сидѣлъ когда-то Олегъ, наводившій страхъ на могучій Цареградъ, былъ разрушенъ до основанія и долго не могъ оправиться отъ такого погрома. Жители, которымъ удалось избѣжать смерти или неволи, ушли въ болѣе безопасныя мѣста; „набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспрепятствовать обиталища“ ¹⁾.

Нападенія дикихъ татаръ обезлюдили эту мѣстность въ XIII вѣкѣ, а притѣсненія и несправедливости другаго народа, почитавшаго себя цивилизованнымъ, въ XVII населили ее снова.

Край этотъ, подвергавшійся постояннымъ нашествіямъ татаръ, чрезъ который проходили такъ называемые шляхи и сакмы—степныя дороги (Муравскій, мурава—трава, и др.) ведущіе въ Московское государство, заселенъ ими также не былъ, хотя нѣкоторыя названія бродовъ и перелазовъ и другихъ мѣстъ говорятъ объ ихъ тамъ пребыванія: Ахтырка—Акты-Яръ ²⁾—татарскій юртъ, гдѣ татары загоняли свои стада. Изюмская Сакма—чисто татарскія названія.

Южными пограничными русскими городами, „глядѣвшими прямо въ степь“, въ XVI вѣкѣ были: Алатырь, Мценскъ, Орель, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль и другіе. Открытость границъ, незащищенныхъ природою, внезапность и опустошительность татарскихъ нападеній побудили московское правительство еще въ XIV вѣкѣ завести сторожевую службу. Въ царствованіе Іоанна Грознаго (1571 г.) было для нея составлено кн. Воротынскимъ общее уложеніе, и въ немъ были собраны тѣ правила, которыми должны были руководствоваться станичники ³⁾.

Пограничные города высылали въ степь разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало зорко слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что

1) Топограф. опис. Харьк. Намѣст. Хар. 88 г., стр. 8.

2) Пр. Филаретъ. Истор.-стат. опис. Харьк. епар. Мос. 57 г., отд. 3, стр. 1.

3) Бѣляевъ. О сторож., стан. и полев. службѣ.

дѣлалось въ степи, и предупреждать воеводъ о возможности непріятельскаго нападенія. Служба эта была до крайности трудная. Вотъ что говорится въ уложеніи: „А стояти сторожемъ на сторожахъ съ коней не съѣдая перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь-же на право и на лѣво по два человекъ по наказамъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ не дѣлати, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити и тогда огня водномъ мѣстѣ не класти дважды, а вкоемъ мѣстѣ кто полдневаль а въ томъ мѣстѣ не ночевати, а въ лѣсѣхъ имъ не ставится.... и того беречи на крѣпко, на которые Государевы Украины воинскіе люди пойдуть... а которые сторожи, не дождався собѣ обмѣны съ сторожи сойдуть... и тѣмъ... быти казненнымъ смертю“¹⁾.

Отъ сторожей, на обязанности которыхъ лежало предупреждать о появленіи татаръ, требовалось много внимательности и тонкаго знанія степной жизни: иногда малѣйшіе признаки служили предзнаменованіемъ появленія шакаловъ—степныхъ татаръ;—крики птицъ и звѣрей, убѣгавшихъ предъ ордою, уже были ясными предвѣстниками хищниковъ, несущихъ съ собою гибель и разореніе²⁾. „Сторожи“—это мѣсто въ степи, гдѣ останавливались сторожа, но останавливались, какъ видно изъ приведеннаго, очень не надолго, такъ что ихъ обитаемыми пунктами назвать нельзя.

Въ 1593 году были основаны гг. Бѣлгородъ, Осколь и Валуйки; граница Московскаго государства, такимъ образомъ, отодвинулась на югъ, отодвинулись и сторожи. Въ росписаніи сторожей этого времени упоминаются уже рѣчки и урочища, находящіяся на территоріи Слободской Украины, заселенной въ XVII столѣтіи. Край этотъ, прилегавшій къ южнымъ границамъ Московскаго государства, не принадлежалъ ему; не принадлежалъ онъ собственно никому, хотя частое появленіе здѣсь татаръ дѣлало его какъ-бы татарскимъ. Москва-же продолжала стремиться расширить свои границы далѣе на югъ. Такъ, въ царствованіе Бориса Годунова, въ

1) Вѣднень. О сторожевой, станич. и полк. службѣ, стр. 12—13.

2) Вантшъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, 42 г., часть I, стр. 122.

1598 г. былъ построенъ г. Царево-Борисовъ ¹⁾, далеко лежащій за рубежомъ; но этотъ городъ, выдвинутый одиноко въ степь, продержался недолго, и уже въ 1644 г. въ царскихъ грамотахъ (отъ 14 апрѣля и 4 декабря) встрѣчается только „Царево-Городище“ и „Борисово-Городище“ ²⁾.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (въ 1636—40 гг.) построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ—„Бѣлгородская Черта“ на протяженіи 300 верстъ между рѣками Ворсклой и Дюномъ. Эта черта охранялась двѣнадцатью крѣпостями (Вольное, Хотмыжскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нижегородскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколь, Верхососенскъ, Ольшанскъ и Коротоякъ). Пространство между этими городами защищалось землянымъ валомъ. Вокругъ этихъ крѣпостей, подъ ихъ защитою, и вдоль вала были поселены служилые московские люди. Укрѣпленная черта эта не вполнѣ достигала своего назначенія, ибо нападенія были такъ внезапны, что татары легко прорывались черезъ нее.

Какъ мы уже говорили, уцѣлѣвшіе остатки жителей мѣстностей, сильно пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій, ушли за Днѣпръ. Край этотъ, по разрушеніи Кіева монголами, пересталъ быть центромъ Руси, ибо великокняжескій престолъ былъ перенесенъ во Владиміръ. Подверженный постояннымъ нападеніямъ татаръ и терзаемый междоусобіями русскихъ князей, Кіевъ не могъ оставаться самостоятельнымъ, и въ 1320 г. со всѣми землями по Днѣпру былъ покоренъ Ольгердомъ. Покореніе это для южно-русскаго населенія было благодѣтельно, ибо Литва, въ то время почти уже христіанская держава, присоединила къ себѣ этотъ край, даровавъ жителямъ совершенную равноправность и свободу вѣроисповѣданія. Пробывъ недолго во власти Литвы, южноруссы были подчинены Польшѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ, женившемся на королевѣ Ядвига и соединившемъ владѣнія Литвы и Польши въ одно государство. Отъ этого для жителей поднѣпровскихъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ первое время, ибо и къ Польшѣ они были присоединены на тѣхъ-же

¹⁾ Пр. Фларетъ. Отд. V, стр. 49.

²⁾ Ibidem, отд. V, стр. 56.

правахъ, т. е., какъ равные къ равнымъ. Съ теченіемъ времени эти отношенія начали измѣняться, и русское населеніе подверглось разнымъ притѣсненіямъ. Желая отъ нихъ избавиться, многіе уходили въ нѣкѣмъ незанятая пустынные, недоступныя и поэтому непривлекательныя для наѣздниковъ мѣста, лежація при днѣпровскихъ порогахъ, мѣста болотистыя, густо заросшія тростникомъ,—и селились тамъ вольными ватагами, которыя, по мѣрѣ того, какъ численность ихъ увеличивалась, составили цѣлую общину, получившую впоследствии правильное устройство, которое имъ далъ Евстафій Дашкевичъ (+1535), староста черкасскій и каневскій, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1503 г.) находившійся также на службѣ у московскаго царя ¹⁾. Община, имъ устроенная, получила названіе Коша (съ татарскаго—стань) и раздѣлялась на курени. Главнымъ начальникомъ запорожскихъ козаковъ былъ кошевой атаманъ, и первымъ изъ нихъ—Евстафій Дашкевичъ, этотъ бичъ Божій для татаръ.

Такимъ образомъ образовалось „славное запорожское низовое войско“. Живя въ странѣ, постоянно подвергавшейся нападениямъ татаръ, жители, естественно, должны были всегда быть готовыми къ отраженію непріятеля. Мирно заниматься хлѣбопашествомъ они не могли, ибо труды ихъ въ одинъ день часто бывали уничтожаемы. Эти условія жизни выработали у нихъ особенный строй воинскій, а постоянная боевая обстановка—лихость и отвагу. Они не ограничивались уже пассивною дѣятельностью наблюденія за непріятелемъ, но и сами стали иногда на него нападать; такъ въ 1515 году кошевой Евстафій Дашкевичъ и первый малороссійскій гетманъ Предиславъ Ланцкоронскій (+1531), введшіи воинское устройство среди малороссійскихъ жителей, опустошили Буджакскую орду (между устьями рр. Днѣпра и Дуная). Образование такого воинственнаго народа на южныхъ границахъ государства полякамъ было очень выгодно, такъ какъ они могли не держать здѣсь своего постояннаго войска, предоставляя защиту края козакамъ.

Это отлично понималъ Сигизмундъ I и, желая поддержать

¹⁾ П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. 74 г. Томъ I, стр. 45.

дальнѣйшее развитіе козаковъ, дароваль имъ права, равныя съ правами польскаго шляхетства,—позволилъ селиться хуторами выше пороговъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

Первый разъ южноруссы получили названіе козаковъ въ 1516 г.¹⁾ Слово „козакъ“, по всей вѣроятности, происхожденія татарскаго и означаетъ вольнаго, свободнаго, легко вооруженнаго воина—всадника. Очень возможно, что поселившаяся по Днѣпру община получила свое названіе козаковъ отъ татаръ, съ которыми она вѣчно воевала и удержала его за собою, тѣмъ болѣе, что до того времени она не носила какого-либо самостоятельнаго названія. Главою малороссійскихъ козаковъ былъ гетманъ, жившій въ Черкасахъ.

Козацкая община росла, поощряемая правительствомъ, дѣлалась все сильнѣе такъ, что впослѣдствіи даже возбудила опасеніе королей. Козаки, нападая на границы польской сосѣдки—Турціи и грабя на Черномъ морѣ ея корабли, нерѣдко ссорили эти два правительства. Стефанъ Баторій, предвидя отъ козаковъ опасность для самого государства и для Польскаго господства въ Украинѣ, первый старался ихъ ослабить, но дѣлалъ это очень осторожно; онъ учредилъ реестровыхъ козаковъ, такъ сказать, „подъ ружьемъ“, ограничилъ число ихъ шестью тысячами. Слѣдовательно всѣмъ козакамъ, не вошедшимъ въ число реестровыхъ, предлагалось, забывъ свою вольность и любезную или боевую жизнь, обратиться въ гречкосѣевъ и подчиниться власти помѣщиковъ. Къ неудовольствію, вызванному такимъ стѣсненіемъ ихъ вольностей, присоединилось еще раздраженіе, обусловленное преслѣдованіемъ за исповѣданіе православной вѣры, которую поляки презрительно называли „хлопскою“, и козаки стали уходить на днѣпровскіе острова, гдѣ вскорѣ и образовалась запорожская сѣчь. Эта заставившая громко говорить о себѣ, сѣчь сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ козаковъ, желавшихъ отомстить Рѣчи Посполитой за всѣ свои обиды; поводами для набѣговъ ихъ на Польшу были преимущественно религіозныя притѣсненія, слабыя вначалѣ, но ставшія нестерпи-

¹⁾ А. П. Кулишъ. Исторія возсоедин. Руси, т. I, стр. 44. Баятышъ-Жаменскій. Истор. Малой Россіи. Москва. 42 г. Часть I, стр. 101.

мыми съ того времени, какъ, призванные въ Польшу Стефаномъ Баторіемъ для борьбы съ протестантизмомъ, іезуиты воздвигли, *ad maiorem Dei gloriam*, жесточайшія гоненія на греко-россійскую вѣру.

Іезуиты, для подчиненія западно-русской церкви власти папъ придумали унію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: православные должны были признать главенство папы, какъ намѣстника Христа и главы вселенской церкви, обряды западной церкви—наравнѣ со своими; церковный языкъ оставался славянскій. Главная-же цѣль этой уніи, конечно, была въ подчиненіи русской церкви власти папъ, къ которой они постоянно, но неудачно, стремились.

На брестскомъ соборѣ (1596 г.) унія официально была принята, узаконена и начала вводиться силою, жестокостями, вызвавшими рядъ козацкихъ возстаній, повлекшихъ за собою отпаденіе Малороссіи отъ Польши и ослабленіе этого государства.

Каковъ былъ характеръ преслѣдованій и въ какомъ беззащитномъ состояніи находился народъ, можно видѣть изъ того, что, отдавая свои имѣнія въ аренду, польскіе помѣщики вмѣстѣ съ этимъ давали право жиду арендатору „казнить крестьянъ смертью“ за разные проступки, по ихъ усмотрѣнію ¹⁾. Вмѣстѣ съ землею въ аренду попадали и храмы Божіи, изъ которыхъ жида извлекали большую выгоду, ибо за всякую потребу—за крещеніе ребенка, похороны, свадьбу, за право совершать это въ церкви, жидъ бралъ деньги; ни одинъ попъ безъ квитка, взятаго отъ „риндаря“ (арендатора), не имѣлъ права крестить или вѣнчать ²⁾.

„Во власти Іуды былъ храмъ Господень, Іуда продавалъ причастіе Духа святаго, Іуда продавалъ Крестъ спасенія“.

Храмы иные были запечатаны, другіе обращены въ синагоги, иконы и церковные сосуды переливались на монеты.

Притѣсненіе православной вѣры и, главнымъ образомъ, отнятіе вольностей, заставило козаковъ—этихъ „*religionis nullius*“, о которыхъ поляки говорили, что „*nie ludzie*“, а просто сволочь,

¹⁾ Рус. Ист. Соловьева, стр. 196; П. А. Жулишъ. Ист. возс. Руси, томъ II, стр. 358.

²⁾ Ibidem, томъ II, стр. 357.

скопище разбойниковъ,—возстать открыто. Къ нимъ присоединились и крестьяне, изнемогавшіе подъ гнетомъ жидовъ, этихъ вампировъ, высасывавшихъ у нихъ послѣдніе гроши. Первое возстаніе было поднято при гетманѣ Косинскомъ. Хотя этотъ Косинскій кончилъ жизнь свою во время попойки въ Черкасахъ, гдѣ былъ убитъ однимъ шляхтичемъ, но народная фантазія сочинила легенду, что онъ погибъ мученикомъ за вѣру православную, будучи замуравленъ живымъ въ каменномъ столбѣ полаями, схватившими его предательствомъ. Имя-же Косинскаго, Криштофъ,—заставляетъ болѣе предполагать, что и возстаніе, поднятое имъ, имѣло своею цѣлью ратовать за свои вольности козацкія, на которыя посягало польское правительство, а не за вѣру, такъ какъ даже гетманами у нихъ бывали нерѣдко католики—поляки знатнаго происхожденія.

Второе возстаніе поднялъ Наливайко (Гвоздичъ—дворянинъ бѣлорусскій). Дѣла козаковъ вначалѣ были удачны—они побѣдили поляковъ подъ Чигириномъ, но, понесъ пораженіе подъ Лубнами, исполняя требованія Жолкевскаго, сами выдали своего гетмана, который и былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Но и о немъ сложили легенду, будто онъ былъ сожженъ „у мідяному волю“, такъ ужасно погибнувъ за вѣру-же православную ¹⁾).

Народъ изнывалъ также подъ тяжестью всевозможныхъ денежныхъ поборовъ и содержанія польскаго войска, которое введено было на Украину поляками, предвидѣвшими возможность возстанія, но въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ шедшими по пути гнета и насилія все дальше и дальше. Не образумило поляковъ даже и такое проявленіе взрыва народной ненависти, какъ „тарасова нічъ“ (1628 г.), знаменитая своею свирѣпостью и ясно показавшая, что терпѣніе украинскаго народа имѣетъ свои границы, перейдя которыя онъ превращается въ неумолимаго и не дающаго пощады мстителя.

Возстаніе слѣдовало за возстаніемъ; но всѣ они были неудачны, и вожди ихъ, обыкновенно, мучительною смертью платились за поднятіе оружія.

Сеймъ въ 1638 году сдѣлалъ слѣдующее энергичное поста-

¹⁾ П. А. Кулишъ. Ист. воз. Руси. Томъ II, стр. 54—55; 124, 143 и 147.

повленіе даже относительно запорожскихъ козаковъ, которые на самомъ дѣлѣ, были почти независимы отъ короны польской: „запорожскіе козаки за поднятіе возстанія утрачиваютъ навсегда всѣ свои права, привиллеги, старшину и доходы и другія преимущества и обращаются въ хлоповъ“¹⁾. О Малоросіи-же, гдѣ польское вліяніе было несравненно сильнѣе и гдѣ легче было приводить въ исполненіе сеймовыя постановленія, и говорить нечего,—народъ тамъ былъ лишень всего, чего только лишить было возможно.

Изнеможенный страданіями и доведенный жидами до крайняго разоренія, народъ, не вѣря въ возможность измѣненія обстоятельствъ къ лучшему у себя на родинѣ, сталъ прибѣгать къ переселеніямъ. Къ этому влекло его еще то, что по сосѣдству лежала земля одноплеменной и единовѣрной Россіи со своими обильными и никѣмъ незанятыми привольными пустошами.

Между тѣмъ среди Украинскаго народа появился вождь, своею энергіею, умомъ и воинскими дарованіями далеко превосходившій всѣхъ, бывшихъ раньше — это Богданъ Хмельницкій, „козакъ расторопный и въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у письмѣ бѣглый“²⁾; но не любовь къ родинѣ, къ несчастію, воодушевляла его, когда онъ брался за оружіе, а личная месть.

Не находя въ судѣ справедливости и защиты противъ своего оскорбителя Чаплинскаго, который силою занялъ его хуторъ Субботово, отнялъ у него любовницу и высѣкъ сына, послѣ чего тотъ и умеръ, Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю; но слабый Владиславъ IV не могъ ему помочь ни въ чемъ, хотя и желалъ; что могъ онъ сдѣлать въ государствѣ, гдѣ его подданные магнаты, опираясь на свои колоссальныя богатства, прибрѣтенныя поборами съ народа, платя деньги шляхтѣ, своевольной и безтолковой толпѣ, за которыя она готова была дѣлать, что угодно.—были далеко сильнѣе короля,

¹⁾ „Kozacy Zaporozcy pro rebellione wzrystkie swoje prawa, przywileje, starozynę i dochody i inne decora in perpetuum utraca ją i w chlopów są obróceni“. М. Gliszczynski. Znaczeniu i wew. zyc. Zaporozza, стр. 94.

²⁾ Лѣтопись Самовидца. Киевъ, 78 г., стр. 78.

выбраннаго ими-же съ условіемъ подтверждать и расpirать ихъ вольности. Онъ только напомнилъ Хмельницкому, что у козаковъ есть сабли, чтобы мстить за свои обиды. Этимъ Владиславъ указывалъ путь къ возстанію противъ того правительства, представителемъ котораго былъ онъ самъ. Послѣ такого отвѣта самаго короля, Хмельницкому ничего не оставалось, какъ послушаться его и ввязаться за оружіе. По другимъ источникамъ, словъ этихъ Владиславъ не говорилъ Хмельницкому, но подобное писалъ Черкасскому полковнику Барабашу: „ежели-де жолнѣре есте добрыи, шаблю и силу имѣете, и кто вамъ за себе стать воспящаетъ“¹⁾. Это будто-бы письмо Хмельницкій обманомъ добылъ и съ нимъ отправился въ обычное въ то время мѣсто для всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ—въ Запорожье, гдѣ его козаки приняли съ радостью; оттуда онъ ушелъ въ Крымъ и склонилъ хана на войну противъ Польши. 21 апрѣля 1648 года Хмельницкій выступилъ изъ сѣчи въ походъ уже гетманомъ съ 8 тысячами козаковъ и отрядомъ татаръ, подъ предводительствомъ Тугай-бея, мурзы Перекопскаго.

Прежде всего Хмельницкій направился противъ Чигирина, чтобы отомстить своему врагу.

Рядъ одержанныхъ побѣдъ надъ польскими войсками: у Желтыхъ водъ, Корсуня, подъ Пилявой—высоко поставилъ его въ глазахъ украинскаго народа.

Хмельницкій универсаломъ (отъ 28 мая 1648 г.), въ которомъ именовалъ себя „гетманомъ войска запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ сущей Украины малороссійской,“ призывалъ народъ къ оружію, объясняя тѣ поводы, которые побудили его начать возстаніе; причемъ говорилъ, что поднялъ онъ его не противъ короля. Все, что только было способно на Украинѣ носить оружіе, откликнулось на призывъ гетмана и устремилось къ Бѣлой Церкви, куда звалъ универсалъ. Народъ возсталъ и вооружился поголовно. Огонь запылалъ по всей Украинѣ; война велась съ обѣихъ сторонъ съ такимъ ожесточеніемъ, что содрогаешься отъ ужаса, читая повѣствованія лѣтописцевъ, относящіяся ко времени этой истребитель-

¹⁾ Литописъ Самовидца, стр. 219; Г. Успенскій. Опытъ повѣс. о древ. рус. стр. 709; Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Р. 1 ч., стр. 206.

ной войны. Жители всѣхъ городовъ, которые брались непріателемъ, подвергались обыкновенно поголовному избіенію; полъ и возрастъ не спасали никого отъ ножа разсвирѣпѣвшихъ убійць.

Послѣ одержанной козаками побѣды подъ Зборовымъ, заключенъ былъ договоръ, по которому число реестровыхъ козаковъ было увеличено до 40 тысячъ. Договоръ этотъ не обезпечивалъ мира: всѣ, невошедшіе въ число реестровыхъ, должны были, положивъ оружіе, приняться за мирныя занятія. Но трудно это было исполнить народу, у котораго война уничтожила все, трудно тѣмъ болѣе еще, что народъ испыталъ сладость побѣды, свободы. Это понималъ и самъ Хмельницкій, говоря: „поляки поддѣли меня,—я подписалъ договоръ, котораго исполнить нельзя. Только 40 тысячъ козаковъ! что-же мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ!?“

Не умѣлъ Хмельницкій воспользоваться плодами побѣдъ своихъ. Думалъ-ли онъ, собираясь поднять возстаніе съ цѣлью только отомстить за себя, что событія такъ далеко заведутъ его? Послѣ пилевской побѣды Варшава была открыта, тѣмъ болѣе, что въ ней „чернь (католическая) готовилась подняться противъ шляхты по-козацки, и если-бы хотя одинъ козацкій полкъ появился на берегахъ Вислы, то вельможные паны бѣжали бы изъ Варшавы опремотью“¹⁾; а со взятіемъ ея Хмельницкій могъ-бы продиктовать полякамъ миръ, какой-бы пожелалъ, миръ, который могъ-бы принести и полное освобожденіе, и самостоятельность его родины. Но Хмельницкій, въ расчеты котораго это, повидимому, не входило, колебался, не пошелъ дальше, не смотря на требованіе козаковъ—„веди насъ на Ляхивъ, кинчай Ляхивъ!“ А вмѣсто того онъ, нѣсколько разъ побѣждавшій поляковъ, бравшій гетмановъ въ плѣнъ, „какъ вѣрноподанный“, послушался приказанія вновь избраннаго короля, Яна Казимира, слабого изъ слабыхъ, отступить на Украину. Съ этого момента дѣло козаковъ, начавшееся такъ удачно, было проиграно; результатомъ этихъ славныхъ побѣдъ—было полное разореніе края.

Хмельницкій рассылаетъ новые универсалы, народъ нап्रा-

¹⁾ П. А. Булишъ. Ист. воев. Руси, томъ I, стр. 11.

гаетъ свои послѣднія силы; пришли и татары подь предводительствомъ самого хана—Исламъ-Гирея; армія союзниковъ простиралась до 300 тысячъ; правда у Хмельницкаго былъ всякій сбродъ, вооруженный чѣмъ попало.

Союзники осадили поляковъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подь Збаражемъ (1649 г.), на помощь которымъ двинулся король. Хмельницкій съ ханомъ поспѣшили къ нему на встрѣчу и снова одержали полную побѣду. Самъ король, защищаемый горстью храбрецовъ, едва держался. И въ этотъ моментъ Хмельницкій приказываетъ прекратить бой и отступить! Снова былъ упущенъ благопріятный случай и теперь уже навсегда. Заключенный договоръ былъ выгоденъ только для татаръ, да для гетмана съ его реестровыми. Хмельницкій не позаботился объ участи народа, думая только о себѣ; Хмельницкій преклонилъ колѣни, цѣловалъ королевскую руку и благодарилъ за этотъ договоръ, отдававшій несчастный украинскій народъ снова во власть его мучителей.

Миръ продолжался недолго, украинцы не хотѣли подчиниться его рѣшенію, и война вспыхнула снова. Въ битвѣ подь Берестечкомъ (1651 г.) козаки понесли страшное пораженіе. Этимъ заключилось возстаніе, поднятое при такихъ, казалось, благопріятныхъ условіяхъ. По бѣлоцерковскому договору, число реестровыхъ козаковъ было ограничено 20 тысячами, гетманъ утверждался королемъ и обязывался не вступать ни въ какія сношенія съ сосѣдними странами; народъ оставался въ прежней зависимости у поляковъ и жидовъ.

Истощивъ всѣ силы въ бесполезной борѣбѣ, приведшей Украину въ полное разореніе, народъ понялъ, что ему собственными силами не избавиться отъ ига своихъ гонителей и, не надѣясь уже болѣе на своего гетмана, не сдумѣвшаго воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, видѣлъ все свое спасеніе только въ бѣгствѣ изъ этихъ неблагопріятныхъ для него мѣстъ. И вотъ, потянули они цѣлыми толпами, часто прокладывая себѣ путь вооруженною рукою, искать себѣ новаго отечества, гдѣ бы не было ни пановъ, ни жидовъ, ни уни.

ГЛАВА I.

Переселеніе малороссіанъ въ земли, лежавшія южнѣе рубежа Московскаго государства.—Состояніе этихъ земель до переселенія.—Первое массовое переселеніе 1638 г. подъ предводительствомъ Якова Остряницы.—Грамота Московскаго царя по этому поводу.—Раздоръ между переселенцами, уходъ ихъ обратно въ Литву.—Переселенія послѣ Берестецкаго пораженія.—Разрѣшеніе на то Хмельницкаго.—Полтавщина.—Состояніе правобережной Украины.—Борьба съ татарами изъ-за обладанія землями.—Причины противодѣйствій татаръ заселенію края.—Отношеніе Московскаго правительства къ черкасамъ.—Острогомжскій полкъ.—Различіе между этимъ полкомъ и другими слободскими.—Основаніе полковнхъ городовъ Сумъ и Ахтырки.

Еще задолго до бѣлоцерковскаго договора, разочаровавшаго козаковъ въ ихъ надеждахъ избавиться отъ поляковъ, начались переселенія съ правой стороны Днѣпра въ дикія, никѣмъ незанятая и собственно никому непринадлежація мѣста, находившіяся къ югу отъ рубежа тогдашняго Московскаго государства, лежавшаго по мѣстности, гдѣ позднѣе была построена, такъ называемая, Бѣлгородская черта. Всѣ исторіи согласно повѣствуютъ о томъ, что земли, гдѣ впоследствии возникли слободскіе полки, со времени нашествія татаръ и до половины XVII столѣтія „были пустынно, дики и не имѣли постоянныхъ жителей“¹⁾. Квятка говоритъ, что „земля, на которой поселились слободскіе полки, была необитаема“²⁾.

Первое извѣстное массовое переселеніе³⁾ относится къ 1838 году, когда гетманъ Яковъ (Яцко) Остряница съ сотниками и съ 865 козаками явился на мѣсто Чугуева горо-

1) И. И. Срезневскій. Истор. обзор. граж. уст. Слоб. Укр. Хар. 1883 г., стр. I.

2) Квятка. Зап. о Слоб. пол. Хар. 1883 г., стр. 3.

3) Пр. Филаретъ говоритъ, что въ 1617 г. 10000 козаковъ вышла изъ Польши и отошла къ Донцу, но что иные изъ нихъ потомъ снова возвратились обратно. (Отд. I, стр. 3).

дища, „гдѣ они и построили городъ съ крѣпостью“¹⁾. Въ грамотѣ отъ 14 мая 1641 года царь Михаилъ Θεодоровичъ по тому поводу пишетъ: „они (гетманъ и пришедшіе съ нимъ) изъ Литовскія стороны въ наше Московское государство пришли для того, что польскіе и литовскіе люди ихъ крестьянскую вѣру нарушили и церкви Божія разоряютъ и ихъ побиваютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строеніе разорили и пограбили..... И мы, Великій Государь, жалѣя, что они, черкасы, православныя крестьянскія вѣры греческаго закона, и видя ихъ отъ поляковъ во изгнаніи и смертномъ посѣченіи, велѣли ихъ принять подъ свою царскую высокую руку и велѣли устроить на Чугуевѣ“²⁾.

Черкасами въ Московской Руси назывались днѣпровскіе казаки, по городу Черкасамъ, столицѣ днѣпровскаго козачества. Это названіе распространилось впоследствии на весь южно-русскій народъ. Пришедшіе съ Острианицею черкасы были приведены къ присягѣ на вѣрность московскому государству; имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованіе на первое время. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чугуевъ былъ присланъ воевода Щетининъ и съ нимъ 200 человекъ русскихъ служилыхъ людей.

Продержались эти выходцы въ Чугуевѣ недолго, ибо въ 1641 году между ними произошли раздоры, кончившіеся тѣмъ, что гетманъ былъ убитъ, а украинцы ушли изъ этого города обратно въ Литву, а, вмѣсто нихъ, сюда были присланы дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкарі и казаки³⁾.

Со времени этого неудачнаго водворенія козаковъ въ Чугуевѣ, переселенія малороссіанъ, по словамъ писателей, продолжались; но извѣстія, приводимыя ими о времени выхода ихъ изъ-за Днѣпра и о мѣстахъ, гдѣ размѣщались эти поселенцы, расходятся между собою и часто одни другимъ противорѣчатъ. Эпоха козацкихъ войнъ Хмельницкаго, съ его побѣдами надъ поляками, подававшими козакамъ надежду избавиться отъ ненавистнаго имъ польскаго господства на Украй-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 3.

²⁾ Ibidem, отд. I, стр. 2.

³⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 41.

нѣ, должно было остановить на время эти переселенія, такъ какъ малороссіянамъ не было основанія покидать свою родину въ этотъ періодъ, они рассчитывали добиться желаемой независимости у себя дома.

Послѣ-же берестецкой битвы и бѣлоцерковскаго договора, показавшаго всю несбыточность ихъ желаній, Богданъ Хмельницкій, противъ котораго былъ сильный ропоть по всей Малороссіи, желая успокоить народъ, объявилъ универсаломъ о своемъ позволеніи, до прибытія на Украину польскаго войска, переходить куда ему угодно на новыя мѣста — въ Полтавщину, въ Крымъ и Россію.

„Тогда жъ Хмельницкій, ожидая угоднаго къ отомщенію времени, позволилъ утѣсняемому народу отъ Ляховъ вольно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье. Изъ того времени начали осѣдать: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иныя слободскія мѣста ажъ до рѣки Дону козацкимъ народомъ“¹⁾.

Событіе это въ лѣтописи Самовидца показано подъ 1651-мъ годомъ.

Полтавщиной назывались земли, принадлежавшія Полтавскому полку, — пустыя мѣста по теченію рр. Псла, Сулы и Ворсклы, гдѣ паслись стада и табуны гетманскіе и лошади козацкой артиллеріи, для надзора за которыми тамъ были хутора²⁾.

Пользуясь позволеніемъ, народъ потянулъ цѣлыми толпами и селился по теченію рѣкъ Ахтырки, Сулы, Псла, при впаденіи р. Харькова въ Лопань, по Тихой Соснѣ и Сѣверскому Донцу³⁾. Переселенія эти, начавшіяся съ 1651 года, продолжались непрерывно до 1654. Украина почти опустѣла, представляя изъ себя однѣ только развалины: „въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города“. „Изъ большихъ и малыхъ городовъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (переселенцами) съ ихъ семьями и пожитками; на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они

1) Лѣтопись Самовидца. Изд. 78 г. Кіевъ, стр. 234.

2) П. Головинскій. Слоб. коз. пол. Прим. 21.

3) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колон. и быта, стр. 392.

нерѣдко сожигали свои жилища“¹⁾. Переселенцамъ пришлось, на первыхъ-же шагахъ, вступить въ борьбу съ татарами, завоевывая себѣ отъ нихъ силою оружія тѣ мѣста, которыя они выбирали для своего селенія. Крымцамъ, конечно, очень не нравилось пришествіе воинственныхъ козаковъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Этотъ опытъ они получили въ постоянныхъ стычкахъ и нападеніяхъ даже на ихъ собственное гнѣздо—Крымъ. Не нравилось это имъ потому, что черкасы заслоняли собою южныя границы Московскаго государства, къ которымъ татары проложили себѣ торныя дороги, часто разгуливая по нимъ съ дѣлю поживиться московскимъ добромъ. Недовольные заселеніемъ этимъ, татары, естественно, мѣшали козакамъ своими частыми нападеніями, такъ что черкасамъ на первое же время приходилось вести упорную борьбу, строить укрѣпленія и жить въ вѣчномъ страхѣ, ожидая ежеминутнаго нападенія дикихъ хищниковъ. Но они, закаленные въ опасностяхъ, предпочитали все это тѣмъ угнетеніямъ на своей родинѣ, отъ которыхъ могли избавиться только бѣгствомъ. Подкрѣпляемые постоянно новыми волнами, сгущавшими населеніе, переселенцы крѣпли, дѣлались сильнѣе и, въ концѣ, прочно завоевали отъ татаръ Москвѣ этотъ край, чего эта послѣдняя въ продолженіи долгаго времени не въ силахъ была сдѣлать.

Московское правительство съ самаго начала смотрѣло очень дружелюбно на переселеніе черкасъ, селя ихъ по Бѣлгородской чертѣ; заселеніе-же дикихъ мѣстъ южнѣ своихъ границъ оно должно было встрѣтить еще болѣе сочувственно, такъ какъ переселенцы прикрывали „государевы украины“ и такимъ образомъ, брали на себя борьбу съ степными хищниками. Царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ приказаніе: „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить имъ Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впредь царскою милостью они жалованы будутъ“²⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Заселеніе Харьков. края, стр. 6—7.

²⁾ Квитка. Зап. о сл. пол., стр. 7; И. И. Срезневскій. Ист. обзоръніе, стр. 5; П. Головинскій. О сл. пол., стр. 50—53. Пр. Филаретъ. Ист.-ст. обзоръніе, отд. IV, стр. 37.

„Тотъ часъ послѣ берестецкаго сраженія тысяча козаковъ возникшаго тогда Острогожскаго полка, подѣ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ,— гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ.“ „Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они того хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержатъ все прежнее козацкое устройство: чинъ полковника, сотниковъ, ассауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободской полкъ“¹⁾.

Этотъ Острогожскій полкъ (онъ назывался также еще Рыбинскимъ), хотя и носилъ названіе Слободскаго, но во многомъ отличался отъ остальныхъ полковъ, ибо возникъ онъ нѣсколько при иныхъ условіяхъ да и общаго съ ними почти ничего не имѣлъ. Онъ поселился не самовольно, а съ разрѣшенія Московскаго правительства, причемъ даже просьба переселенцевъ занять земли около Бѣлгорода и Путивля была неисполнена; между тѣмъ какъ остальные полки заняли мѣста самовольно и послѣ уже признали свою зависимость отъ Москвы. Черкасы, пришедшіе съ Ив. Дзинковскимъ, по приглашенію воеводы Арсеньева, нашли готовые даже дома, снабженные хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія, черкасамъ-же другихъ полковъ самая земля часто приходилось занимать не иначе, какъ съ бою. Поселеніе притомъ Острогожскаго полка на самой Бѣлгородской чертѣ дѣлало жизнь его не такую опасною, какъ городовъ, лежащихъ за этою чертою, да и укрѣпленъ былъ этотъ полковой городъ несравненно лучше другихъ полковыхъ поселеній. Нахождение-же его на самой чертѣ обусловило то, что полкъ этотъ болѣе тяготѣлъ къ великорусскимъ городамъ, ибо, благодаря своему положенію, находился въ болѣе тѣсной связи съ ними. Да и самая территория этого полка относительно другихъ слобод-

1) Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельн., 3 изд., стр. 4—5.

скихъ лежала на сѣверо-востокъ и отдѣлялась отъ нихъ большимъ и незаселеннымъ пространствомъ ¹⁾.

„Извѣстно, что селился онъ (Острогожскій полкъ) по зазывной грамотѣ воронежскаго воеводы Арсеньева, но сей полкъ ни случаевъ, ни обстоятельствъ, сообразно Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому и общаго участія службы съ помянутыми тремя полками не имѣлъ“ ²⁾.

„Сей полкъ присоединенъ къ другимъ полкамъ слободскимъ по единственному соизволенію Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича въ 1700 году“ ³⁾.

„Поселеніе Острогожскаго полка на берегу Тихой Сосны началось при другихъ условіяхъ дѣла, чѣмъ объясненное поселеніе Слобожанъ“ ⁴⁾.

Время возникновенія этого полка относится къ 1652 году, по сообщеніямъ П. Головинскаго, когда воевода Арсеньевъ послалъ зазывную грамоту (отъ 30 июля). Совмѣстно съ черкасами были поселены въ Острогожскѣ и великороссіане ⁵⁾, что еще болѣе отличаетъ его отъ другихъ слободскихъ полковъ.

Полковой городъ Сумы основанъ въ 1652 году; черкасы поселились „на дикомъ гиляковомъ полѣ, гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и др. украинскія мѣста“ ⁶⁾.

Г. Ахтырка (Ахтырскъ) еще до переселенія черкасъ былъ пограничнымъ городомъ Польши и заселенъ уже Малороссіянами, которые оставили этотъ городъ послѣ перехода его въ 1647 году подъ власть московскаго государства. По удаленіи черкасъ, правительство прислало въ Ахтырку своихъ служилыхъ людей, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вновь заселена Ахтырка выходцами изъ-за Днѣпра, „какъ кажется“ ⁷⁾, въ 1654 г.; другіе относятъ это заселеніе къ 1653 году ⁸⁾, „но неизвѣстно, когда именно“. Этотъ городъ сдѣлался въ скорости

1) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

2) Квятка. Зап. о слоб. п., стр. 26.

3) Ibidem.

4) П. Головинскій. Слоб. воз. п., стр. 57.

5) Ibidem, гл. I.

6) Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.

7) Ibidem, стр. 429.

8) П. Головинскій. Слоб. воз. полки, гл. I.

центромъ возникшаго Ахтырскаго Слободскаго козачьяго полка.

Такъ какъ поселенія переселенцевъ, начавшись съ запада, по мѣрѣ прихода новыхъ партій, шли по теченіямъ рѣкъ далѣе на востокъ до р. Сѣверскаго Донца, то Сумской уѣздъ теперешней Харьковской губерніи заселился ранѣе и гуще другихъ. И даже теперь замѣчается бѣльшая густота населенія въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи, сравнительно съ юго-восточными.

Такъ произошло возникновеніе трехъ слободскихъ украинскихъ городовъ, послужившихъ центромъ образовавшихся затѣмъ трехъ самостоятельныхъ козачьихъ полковъ—Острогжскаго, Сумскаго и Ахтырскаго.

Г л а в а II.

Преданіе объ основаніи полковаго города Харькова.—Историческія данныя, доказывающія неосновательность этого преданія.—Портреты Харька.—Время возникновенія г. Харькова по преданію.—Названіе „рѣки Харькова“ по „Книгѣ, глаголемой большой чертежъ“.—Возникновеніе города на какомъ-то городищѣ.—Мнѣніе профессора Аристова о происхожденіи названія г. Харькова.—Другое преданіе объ основаніи г. Харькова.—Несостоятельность его.—Мнѣнія о годѣ основанія города.—Грамота Петра Великаго, свидѣтельствующая о свободномъ доступѣ на Украйну татаръ.—Появленіе черкасъ на городищѣ и постройка города.—Размѣры его и первоначальныя укрѣпленія.—Мѣсто, занимаемое укрѣпленіемъ.—Иванъ Баркачъ, первый Харьковскій осадчій.—Назначеніе Вонна Селифонтова Харьковскимъ воеводою.—Отсутствіе въ то время въ городѣ полковника.—Отказъ черкасъ строить новыя укрѣпленія, приказанія воеводою.—Мотивы этого отказа.—Жалоба В. Селифонтова на харьковцевъ въ Москву.—Недоразумѣнія между черкасами, воеводою и московскими служилыми людьми.—Указъ Алексѣя Михайловича.—Обязанности воеводъ.—Постройка новыхъ укрѣпленій.—Описаніе ихъ.—Окрестности г. Харькова.—Просьба къ Черниговскому архіерею о присылкѣ священниковъ.—Икона Елецкой Божіей Матери.—Постройка церквей.—Учрежденіе бѣлгородской епархіи.—Слободское духовенство.

„Еще дѣдъ моего дѣда зашелъ въ этотъ край, а именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на этомъ берегу Донца и разтѣвжали въ теперешней Харьковской губерніи, какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистые берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ мѣстомъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ, по горѣ между рѣками, доходившимъ тогда до теперешняго каедральнаго собора. Оно

представляло такое скрытное убѣжище, что, вѣроятно, было избрано для поселенія еще первыми переселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состояннн защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ-же на описанномъ мною мѣстоположеннн могло быть первое поселеннн, какъ не тамъ, гдѣ чистая, здоровая вода давала первую, необходимѣйшую, послѣ пищи, потребность въ быту поселянина. Рѣчная вода не представляла еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой р. Харьковѣ, такъ называемая, Бѣлгородская криница“.

„Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его, какъ первое поселеннн, дало названнн своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впоследствии городу; и этотъ первый поселенецъ былъ Харько. Жилъ онъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ (т. е., не позже 20-хъ годовъ XVII ст.), вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя нѣсколькихъ семействъ; часто онъ истреблялъ партнн татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно, такимъ образомъ, оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ Лопани, при устьѣ которой образовался впоследствии городъ, но названнн свое онъ получилъ по первому поселеннн“¹⁾.

Таково преданнн объ основаннн Харькова, но заслуживаетъ ли оно довѣрнн,—это другой вопросъ. Смахиваетъ этотъ рассказъ на многнн другнн преданнн, которыми, за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣннн, старались всегда объяснить возникновеннн городовъ, причемъ ихъ названннми пользовались для воспроизведеннн имени основателя. Такимъ образомъ, первые лѣтописцы наши розыскали Кнн, основавшего будто-бы Кннвъ.

Невѣроятнаго, конечно, въ этомъ рассказѣ нѣтъ ничего, и принять его было-бы можно, если бы онъ опирался хотя на какнн-либо документальннн данныя и не шель-бы, къ тому-

¹⁾ Д. И. Багалънн. Основаннн г. Хар. Харьковскнн Календарь 86 г., стр. 67.

же, въ разрѣзъ съ другими болѣе точными извѣстіями по этому поводу. Тѣмъ не менѣе, это повѣствованіе долго принимали за историческую истину, и міеологическій Харько почитался патріархомъ черкасъ, поселившихся нѣкогда на теперешней территоріи г. Харькова; о томъ, что преданію этому придавали вѣру, свидѣлствуютъ портреты Харька, продававшіеся въ Харьковѣ ¹⁾.

Преданіе говоритъ, что основаніе города относится къ 20-мъ годамъ XVII вѣка, но ни одинъ документъ не подтверждаетъ этого; напротивъ, намъ вѣдъ извѣстно, что въ 1638 году появился Яковъ Острианица и на мѣстѣ Чугуевского городища построилъ городъ.

Въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“, писанной въ 1627 году, а составленной въ концѣ XVI вѣка, ибо „сдѣланъ былъ этотъ чертежъ давно при прежнихъ государяхъ“, говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопинъ пала въ Харкову, а Харкова пала въ Уды“ ²⁾... „А выше Донецкаго городища, съ правой стороны впала въ Уды рѣка Харкова, отъ городища съ версту, а въ Харкову пала рѣка Лопина“ ³⁾. Итакъ, этотъ старинный документъ повѣствуетъ, что названіе рѣки „Харькова“ было уже извѣстно за много лѣтъ до переселенія черкасъ изъ-за Днѣпра и постройки, слѣдовательно, города. Донецкое городище—это остатки г. Донца, бывшаго въ XII вѣкѣ; въ этотъ городъ прибѣжалъ изъ Половецкаго плѣна князь Сѣверскій, Игорь Святославовичъ.

Г. Харьковъ, подобно очень многимъ городамъ этой мѣстности, возникъ также на какомъ-то городищѣ ⁴⁾, которыми, естественно, поселенцы охотно пользовались, какъ представляющими болѣе защиты отъ нападенія. Значить, до возобновленія городища черкасами, здѣсь была прежде жизнь, былъ цѣлый городъ.

Н. Я. Аристовъ въ своей статьѣ „о землѣ Половецкой“ говоритъ, что г. Харьковъ позднѣе былъ построенъ на мѣстѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 68.

²⁾ Книга, глаг. бол. чертежъ. Изд. Г. И. Спасскаго. М. 1846, стр. 14.

³⁾ Ibidem, стр. 32.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очерки изъ ист. колон., стр. 422 и Матеріалы, том. I, стр. 22.

древняго половецкаго города Шаруканя, названнаго по имени хана Шарука; объ этомъ городѣ упоминается въ лѣтописяхъ, говорящихъ о походахъ русскихъ князей въ половецкую землю. Названіе города Шаруканя, по его разрушеніи, было присвоено рѣкѣ. Явились сюда козаки и построили городъ на городищѣ, назвавъ его именемъ рѣки ¹⁾, причѣмъ передѣляли названіе по своему, принявъ во вниманіе „филологическую возможность перехода Ш въ Х“ ²⁾. Если брать этимологическій путь для объясненія происхожденія названія города, то слово „Харьковъ“ несравненно ближе подходитъ къ слову „Каркачъ“—имени перваго Харьковскаго осадчаго, положившаго основаніе города, чѣмъ къ „Шарукань“. Если Ш легко переходитъ въ Х, то для К сдѣлать это обыкновенно бываетъ еще легче. Каркачъ—Харкачъ—звучатъ почти одинаково. Но все это праздная соображенія, ибо Каркачъ съ черкасами появился здѣсь и строить сталъ городъ въ половинѣ XVII вѣка, а названіе рѣки „Харкова“ извѣстно уже было въ XVI стол.

Объ основаніи Харькова, впрочемъ, существуетъ, кромѣ преданія о Харькѣ, еще и другая варіація.

Нѣкій Андрей Квитка, прозванный такъ за свою красоту (квитка, по малороссійски, цвѣтокъ), оставшись послѣ смерти своего отца, умершаго въ тюрьмѣ, на попеченіе вѣрнаго слуги Агафона, былъ привезенъ имъ въ Кіевъ; потомъ, попавъ въ домъ Кіевскаго воеводы, у котораго была дочь,—Квитка, какъ водится, влюбился въ нее. Но такъ какъ сирота Квитка, безъ роду и племени, не могъ надѣяться, чтобы воевода отдалъ за него свою дочь, то влюбленная пара бѣжала, сочеталась бракомъ и поселилась съ немногими козаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ впоследствии возникъ г. Харьковъ, и хуторъ свой назвали „Основой“. Около бѣлгородской криницы, на берегу рѣки, стоялъ другой хуторъ, очень понравившійся Квиткѣ. Въ то мѣсто онъ началъ зазывать переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ Польши; когда-же число ихъ значительно увеличилось, то они стали строить городъ, осно-

1) Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 49.

2) Д. И. Багалъй. Основ. Хар., стр. 77.

ваніе котораго преданіе это относить къ 1646 году, когда въ немъ впервые раздался звонъ колокола ¹⁾).

Преданіе это еще менѣе имѣетъ общаго съ истиной и разбивается уже тѣмъ, что „Основа“ была куплена полковникомъ Григоріемъ Семеновичемъ Квиткою въ 1713 году у Захаржевскихъ, владѣвшихъ ею до этого времени ²⁾).

Одновременно по всей территоріи Харьковской губерніи начали возникать многіе города и селенія; одни нѣсколькими годами раньше, другіе позже. Подъ именемъ города нужно понимать укрѣпленные мѣста; а укрѣпляли тогда не одни города—даже самыя маленькія поселенія, напр., пасѣки не оставались безъ укрѣпленій—рва, вала, или полисада ³⁾). А такъ какъ Харьковъ въ числѣ ихъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, то и основаніе его прошло совершенно незамѣтно; вслѣдствіи этого ни одному изъ историковъ не удалось опредѣлить точно года его возникновенія. Преданіе относить его начало къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія, Квитка къ 1646, профессоръ Д. И. Багалъй къ 1654-му ⁴⁾), неизвѣстный авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“ къ 1653-му ⁵⁾).

Въ грамотѣ Петра Великаго, данной Харьковскому полку отъ 7 мар. 1705 г., сказано, что козаки Харьковскаго полка пришли изъ разныхъ заднѣпровскихъ и малороссійскихъ родовъ и „поселились въ Харьковъ и того полку городѣхъ на татарскихъ займахъ, куды былъ ихъ бусурманскій свободный подъ украинскіе города проходъ, и построили хутора и мельницы и всякіе заводы завели по своей черкасской обычности“ ⁶⁾). Изъ этой выдержки видно, что первые поселенцы поселились на землѣ, непринадлежавшей тогда Москвѣ или, по крайней мѣрѣ, гдѣ власть ея была очень ничтожна; на землѣ скорѣе татарской, куда они имѣли „свободный“ доступъ.

¹⁾ Г. Квитка. Основаніе Харькова. „Молодыкъ“ на 1843 г. Укр. Литер. Сбор., изд. И. Бецаго, ч. I.

²⁾ Пр. Филаретъ. Оп. Хар. епар. Отд. II, стр. 129.

³⁾ Кулишъ. Ист. воз. Руси., т. I, стр. 387.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очеркъ изъ ист. колов., стр. 427.

⁵⁾ Стр. 49.

⁶⁾ В. В. Гуровъ. Сбор. рѣшеній, стр. 521—524.

На Харьковское городище одновременно явилась цѣлая партія черкасъ, а не одинъ человѣкъ, какъ повѣствуетъ преданіе; извѣстіе это несомнѣнно, ибо опирается на документахъ, найденныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ мѣстной старины проф. Д. И. Багалъемъ. Количество переселенцевъ въ этой партіи было довольно значительное, такъ какъ своими поселеніями они заняли все городище, „наставили дворами“, дома же въ то время строились очень скученно, почему ихъ должно было помѣститься на городищѣ не мало, ибо окружность его, по чертежу Чугуевского воеводы Гр. Спешнева, равнялась 530 сажениамъ ¹⁾. Первымъ дѣломъ переселенцевъ было озаботиться о своей безопасности отъ татарскихъ набѣговъ—они начали строить укрѣпленіе, окружили себя тыномъ, хотя онъ, наскоро построенный, былъ низкій и рѣдкій ²⁾. Укрѣпленіе заняло возвышенное мѣсто, въ углу между сливающимися здѣсь рр. Харьковомъ и Лопанью, то, гдѣ въ настоящее время находятся Присутственные мѣста, соборъ и университетъ.

Подобно другимъ партіямъ переселенцевъ, имѣвшимъ своихъ предводителей: Чугуевская—Якова Острианицу, Острогжская—Ивана Дзенковскаго, Харьковская пришла подъ начальствомъ вѣского Ивана Каркача, который былъ первымъ Харьковскимъ осадчимъ, что видно изъ „хронографическаго описанія г. Харькова“ ³⁾ 1767 года. Это-же самое подтверждаетъ и другой документъ (описаніе г. Харькова), представленный въ Екатеринославскую комиссію ⁴⁾. Пришлая партія имѣла уже особую организацію; это видно изъ того, что первый Харьковский воевода, Воинъ Селефонтовъ, долженъ былъ, по царскому указу, строить крѣпость, „посоветовавшись съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами“ ⁵⁾, хотя о полковникѣ и полковомъ старшинѣ здѣсь и не говорится.

Есть предположеніе, что въ 1655 году въ Харьковъ явилась и другая партія черкасъ въ 800 человѣкъ съ атаманомъ Максимомъ Тимофеевымъ ⁶⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы къ ист. колон., т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. II, стр. 216.

⁴⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 428.

⁵⁾ Его-же—Матеріалы, т. I, стр. 22.

⁶⁾ Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 427.

Изъ указа Бѣлгородскаго воеводы Чугуевскому отъ 22 декабря 1655 года видно, что во вновь возникшій г. Харьковъ воеводою былъ тогда назначенъ Воинъ Селефонтъ ¹⁾. Въ другомъ документѣ отъ 23 марта 1656 года говорится: „По нашему указу велѣно быти на нашей службѣ въ чугуевскомъ уѣздѣ, для городоваго строенія въ Зміевѣ Якову Хитрово, а въ Харьковѣ Воину Селефонтову и велѣно имъ тѣхъ городовъ зміевскихъ и мохначескихъ и печенѣжскихъ и хорошевскихъ черкасъ вѣдать во всемъ, а тебѣ тѣхъ черкасъ вѣдать ни въ чемъ не велѣно... А будетъ тебѣ на Чугуевѣ... про проходъ татаръ учинятся вести... и ты бы... ссылаясь съ Яковомъ Хитрово и Воиномъ Селефонтовымъ... сообщая за одинъ... новые города Зміевъ и Харьковъ и тѣхъ городовъ служилыхъ людей черкасъ отъ татарскія воины заступили и въ плѣнъ и въ расхищеніе не выдалъ“ ²⁾. И въ этомъ документѣ о полковникѣ и старшинѣ не говорится, а Харьковъ названъ городомъ новымъ; такъ какъ воеводы съ появленіемъ полковниковъ и слободскихъ полковъ черкасами не завѣдывали,—въ ихъ распоряженіи были только московскіе служилые люди, то, значить, въ то время (1656 г.), когда отдавался приказъ Селефонтову и Хитрово „вѣдать“ черкасъ, полковника въ Харьковѣ можно сказать утвердительно, еще не было. Московскій воевода, назначенный сюда „для городоваго строенія“, по своемъ пріѣздѣ съ состоящими при немъ московскими людьми, сразу-же хотѣлъ приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, по образцу московскихъ городовъ, признавая укрѣпленія, построенныя козаками по ихъ „черкасскому извычаю“, недостаточными. Согласно указу, онъ началъ совѣтоваться съ начальными людьми, но съ первыхъ-же ша-

¹⁾ Д. И. Багалій. Матеріалы, стр. 77.

Примѣчаніе. Это самый старинный документъ, въ которомъ говорится о г. Харьковѣ. Въ этомъ указѣ Бѣлгородскій воевода, дѣлая выговоръ воеводѣ Чугуевскому, вслѣдствіи жалобы Селефонтова на то, что въ Харьковѣ изъ Чугуева посылаются служилые люди, несоответствующіе своему назначенію, малолѣтніе, безъ лошадей, безъ оружія и не въ полномъ числѣ,—грозятъ гнѣвомъ царя и на будущее время предписываетъ поступать по указу, ибо отъ его „бездѣльной користи“ можетъ случиться „какое дурно“.

²⁾ Пол. Собр. Зак. Т. I, № 175.

говъ у нихъ пошла недоразумѣнія. Черкасы хотѣли удовольствоваться построенными уже укрѣпленіями, не желая строить новыхъ, мотивируя свой отказъ: „мы людишка бѣдные, голодные, еще пашни не распахали и хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились“, ¹⁾ обѣщая исполнить требованіе воеводы, когда вполне устроятся, грозя даже въ противномъ случаѣ покинуть городъ: „дѣлать де намъ такой острогъ не вмочь и всѣмъ-де намъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись розно“ ²⁾.

Кромѣ того „черкасы учинились непослушны“ и въ другомъ, отказались нести сторожевую службу („на отъѣзжія сторѣжи“) въ степи и исполнять другіе наряды. Воевода жаловался въ Москву, что Харьковцы „безпрестанно пьютъ и бражничаютъ, а унять ихъ некому“ ³⁾. „Многожды“ жаловался Се-лефонтовъ въ Москву, но отвѣта никакого не получалъ, ибо московское правительство дорожило новыми своими подданными, ясно сознавая всю пользу отъ нихъ для безопасности своихъ южныхъ границъ.

Между черкасскими поселенцами, съ одной стороны, и воеводами и Московскими служилыми людьми, съ другой,—были вѣчныя недоразумѣнія. Привыкнувъ у себя въ Московскомъ государствѣ къ безусловному повиновенію своей власти, воеводы, естественно, стремились подчинить тому-же и малоросіянъ, не хотѣвшихъ сносить всей тяжести московскихъ порядковъ. Воеводамъ было не по нраву, что черкасы свободно занимаютъ себѣ земли, не несутъ никакихъ повинностей, не признавая никакихъ законовъ, кромѣ своей „черкасской обычности“, зная притомъ, что государь на ихъ сторонѣ, приказавъ воеводамъ „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ распоряженіи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впередъ царскою милостью они жалованы будутъ“ ⁴⁾.

На обязанности воеводы лежало заботиться о городскихъ

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 22.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Пассекъ. Очеркъ Хар. губ., стр. 39. и др.

укрѣпленіяхъ, завѣдывать русскими служилыми людьми, состоящими при нихъ. Заботясь о безопасности города, воевода завѣдывалъ городскими караулами и посылалъ развѣзды въ степь, „чтобы татаровя и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поймали и конскихъ и животинскихъ стадъ не отогнали“. О полученныхъ отъ сторожей и развѣздовъ извѣстіяхъ относительно движенія татаръ воевода немедленно долженъ былъ извѣщать Бѣлгородскаго воеводу. На храненіи у воеводы былъ ключъ отъ пороховаго погреба—„зелейной казны“,—онъ раздавалъ и записывалъ приходъ и расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ ¹⁾.

Воевода Воинъ Селефонтовъ пробылъ въ Харьковѣ съ 1655 года по 1658 г. и въ теченіи этого времени окончилъ укрѣпленіе города. По описанію г. Харькова 1663 года (разыскано проф. Д. И. Багалъемъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), укрѣпленія его состояли въ слѣдующемъ:

„Крѣпость его или острогъ состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами; обламы—это брустверь въ стѣнѣ, высоту въ грудь стрѣлка, котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни, и скатывались на врага во время приступа; стѣна рубленая тарасами состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовались клѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ ровомъ. Воевода Сухотинъ (бывшій въ Харьковѣ въ 1660—62 гг.) построилъ другой тынъ и сдѣлалъ ровъ возлѣ него въ ширину и глубину по 2 саж. Въ стѣнахъ находились 10 башенъ („баштъ“), покрытыя дранью; однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота, другія—глухія; вся окружность стѣны равнялась 475 саж., т. е., немного менѣе одной версты, форму она имѣла четырехугольную, на четырехъ углахъ ея было по башнѣ, и эти башни носили названіе наугольныхъ;—одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой; въ ней висѣлъ вѣстовой колоколъ (въ 10 пуд. вѣсу, прислан-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Хар. въ XVII ст. Харьковскій Календарь 85 г., стр. 618.

ный въ 1675 г. изъ Москвы¹⁾, другая находилась у р. Харькова, третья у р. Лопани, а четвертая тоже у Лопани; въ башнѣ Тайницкой помѣщался тайникъ съ колодцемъ, простиравшійся въ длину на 16 саж., а поперекъ на 1½ саж.“²⁾

„Всѣхъ пушекъ (пищалей) было 12: 10 желѣзныхъ, 11-я мѣдная, а 12-я затиная. Около рва подлѣ города былъ набить честики въ дубовыя колоды; это частоколь, состоящій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ, колья были вбиты въ дубовыя колоды, позади честика были еще расположены надолобы, т. е., обрубки дерева, стоямя вкопанные въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ“³⁾.

Тотъ-же воевода Вас. Сухотинъ, на случай осады города непріателемъ, чтобы дать пріютъ жителямъ деревень, немѣвшихъ своихъ укрѣпленій и дѣлавшихся жертвою татарскихъ нападеній, къ главному укрѣпленію пристроилъ пригородокъ; онъ обнесенъ былъ тыномъ изъ стоялаго дуба съ обломами, котками и помостами; высота стѣны была 1½ саж. а окружность 240 саж.⁴⁾

Внутри крѣпости помѣщались дома казаковъ, храмъ Успенія Пр. Богоматери, приказная изба; въ крѣпости было вырыто шесть колодезей. Значить, г. Харьковъ состоялъ какъ бы изъ двухъ городовъ: одинъ внутренній, помѣщавшійся въ крѣпости; другой между крѣпостью и наружною стѣною,— послѣдній назывался большимъ городомъ и „местомъ“. Кромѣ козаковъ, въ этомъ второмъ городѣ жили еще мѣщане, занимавшіеся разными промыслами и торговлею. Такимъ образомъ, г. Харьковъ, лежащій въ углу сливающихся двухъ рѣкъ, бывшихъ, по свидѣтельству многихъ писателей, въ то время

1) Описаніе г. Хар., составл. воев. В. Сухот.—Хар. Календ. 85 г., стр. 621.

2) Всѣ 10 башенъ носили слѣд. названія: Московская, Чугуевская, Лопанская, Рождественская, Никольская (опис. г. Хар., сост. воев. В. Сух.), Тайницкая (Багалѣй. Основ. г. Хар., стр. 75), Протопоповская (соч. Квитки, том. III, стр. 122). Деркачевская, Новая (Ibidem) и Шаповаловская (Хар. Ист. Ар. Отд. I, № 124).

3) Д. И. Багалѣй. Осн. Хар., стр. 74—75. Затиная пищаль—длинное крѣпост. орудіе, которое устанавливалось на затинѣ—барбетѣ. (Энцикл. воен. и морнавукъ г. Леера, т. III, стр. 241).

4) Д. И. Багалѣй. Осн. Харькова.

очень полноводными, былъ защищенъ, кромѣ своихъ искусственныхъ сооруженій, съ трехъ сторонъ водою, съ четвертой же, съ сѣвера, его защищала дремучій лѣсъ, доходившій въ былыя времена до самаго города. Дикіе хищники—татары и калмыки, такіе ловкіе и неуловимые въ степи, не любили лѣса и избѣгали его.

Съ восточной стороны города, подъ горою, р. Харьковъ текла въ болотистой долинѣ, по которой разбросаны были рощи; эти болота на далекое разстояніе простирались какъ въ одну, такъ и въ другую сторону отъ города; съ южной и западной стороны Харьковъ былъ окруженъ дико растущими плодовыми деревьями—яблонными, грушевыми, вишневыми, черешневыми и др., а также сосновыми и березовыми рощами, которыя далѣе на западъ прерывались снова болотами по теченію р. Лопани. А дальше, за этими рощами и болотами, съ нагорной части города, съ крѣпости, видны были синѣющіе лѣса, уходящіе въ даль ¹⁾.

Есть преданіе, что Харьковцы, приступая къ постройкѣ города, обратились съ просьбою къ Черниговскому архіерею прислать имъ священниковъ для построенія храмовъ. Исполняя эту просьбу, архіерей, вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ на это дѣло, прислалъ въ Харьковъ и подлинную икону Елецкой Божіей Матери ²⁾. Пришедшее духовенство, кончивъ свое дѣло, возвратилось обратно, но иконы съ собою не взяло, боясь нападенія татаръ. Образъ этотъ такъ и остался въ городѣ. По словамъ-же пр. Филарета икона эта попала въ Харьковъ въ 1687 г., когда ее привезъ съ собою кн. Барятинской и, будучи при смерти, отдалъ ее въ Успенскій соборъ ³⁾. Если то преданіе справедливо, то значитъ, въ первое время въ церковномъ отношеніи черкасы зависѣли отъ архіереевъ Малороссіи. Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно и всѣ церковныя принадлежности, даже колокола, и на мѣстѣ, выбранномъ для поселенія складывали новые себѣ церкви. Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникно-

¹⁾ С. И. Кованько. Истор. стат. оп. Хар., Хар. Губ. Вѣд. за 1859 г., № 8.

²⁾ Сочиненіе Квитки, т. III, стр. 88.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 12.

веніемъ, была построена церковь св. Николая чудотворца; вскорѣ былъ построенъ въ крѣпости и Успенскій соборъ, деревянный, стоявшій въ 25 саж. отъ настоящаго. Церкви— Благовѣщенія Пр. Богородицы, Рождества Христова и Воскресенія Христова построены въ 1655 г. ¹⁾

Въ 1667 г. была учреждена Бѣлгородская епархія, и Харьковскій полкъ въ числѣ другихъ слободскихъ, въ церковномъ отношеніи съ этого времени былъ подчиненъ бѣлгородскимъ митрополитамъ (первый митр. Ѳеодосій, сербъ) ²⁾.

Украинское духовенство не представляло изъ себя того замкнутаго сословія, въ которомъ священство переходило-бы отъ отца къ сыновьямъ, какъ-бы по наслѣдству. Нерѣдко священники бывали избираемы самими прихожанами изъ своей-же среды, какъ по своему желанію, такъ и по указанію старшины, иногда даже и лицъ шляхетскаго происхожденія. Бывали примѣры, что вліятельные козаки мѣняли свою личую черкеску съ откидными рукавами на скромную рясу священника, а сыновья этихъ послѣднихъ отдавали предпочтеніе саблѣ, вступая въ ряды ранговыхъ козаковъ. Духовенство полка состояло изъ одного протопопа, живущаго въ г. Харьковѣ, и приходскихъ священниковъ, которымъ полагались подданные. Такъ, въ вѣдомости 1728 г. показано, что за духовенствомъ и церковными служителями Харьковскаго полка числилось 91 дворъ съ 350 человекъ подданныхъ ³⁾.

1) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 30, 33, 38 и 43.

2) Ibidem, отд. I, стр. 5 (изд. 52 г.).

3) Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

ГЛАВА III.

Сохраненіе переселенцами прежняго своего козацкаго устройства.—Происхожденіе названія слободъ.—Неизвѣстность точнаго года основанія полка.—Отсутствіе въ городѣ Харьковѣ въ первое время полковника.—Постепенное сложеніе полка.—Балаклейскій полкъ.—Полковникъ Яковъ Черниговецъ.—Указъ о соединеніи Балаклейскаго полка съ Харьковскимъ.—Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко.—Г. Салтовъ.—Выдѣленіе г. Харькова изъ числа другихъ поселеній.—Мѣнѣе о времени, съ котораго полковникъ Ѳ. Ренко управлялъ Харьковскимъ полкомъ.—Повелѣніе Алексѣя Михайловича о выдѣлѣнн слободскихъ полковъ посольскому приказу.—Грамота жителямъ г. Салтова.—Дѣленіе населенія полка.—Дворянскіе роды.—Владѣніе землею.—Подраздѣленіе ранговыхъ козаковъ.—Своиственники, подпомощники, подсосѣдки, посполитые, владѣльческіе и др.—Положеніе ихъ.—Область полка; дѣленіе полка на сотни.—Мѣстечки и города, входившіе въ составъ полка.—Члены полковой старшины.—Клейноды.—Полковая рада.—Число выборныхъ козаковъ.—Вооруженіе и снаряженіе ихъ.—Лошади.—Одежда слободскихъ козаковъ.—Хлѣбопашество, скотоводство.—Опасность отъ татарскихъ нападений.—Письмо протоіерея Балаклеи и челобитье жителей г. Савинска.—Винокуреніе.—Покровительство Москвы.—Льготы, пожалованныя козакамъ.

На мѣстахъ новой своей осѣдлости, козаки, не зная никакого другого устройства, кромѣ воинскаго козацкаго, завели естественно, тѣ-же порядки, къ какимъ привыкли изстари; и порядки эти сохранились еще даже тогда, когда Слободская Украина вполнѣ подчинилась вліянію Москвы, ибо царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ „не препятствовать слобожанамъ въ устройствѣ ихъ поселеній и не мѣшаться въ ихъ внутренній распорядокъ“¹⁾.

Переселившіеся изъ за Днѣпра малороссіяне, помимо даннаго имъ Москвою наименованія—черкасы, стали называться еще слобожанами, а весь ихъ край „Слободской Україною“:

Г. Квитка даетъ слѣдующее объясненіе этимъ словамъ. „свободное поселеніе и занятіе земли по произволу на мало-

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. полки. Гл. I.

россійскомъ языкѣ выражается—„поселиться слободно (свободно)“; это дало сему поселенію наименованіе „слободъ“; по народу-же, приходившему большею частью изъ Украйны и поселяющемуся „на Украйнѣ“ (на границѣ)—„украинскихъ слободъ“¹⁾. Слѣдовательно, козаки въ этомъ названіи, которое они сами себѣ дали, выразили ту свободу и приволье, которыя встрѣтили здѣсь.

Образовавшіеся изъ слободскихъ козаковъ полки стали называться „слободскими козачьими полками“ (московское правительство называло ихъ еще „черкасскими“ и „украинскими“). Подобно тому, какъ неизвѣстно точно появленіе партіи черкасъ съ Иваномъ Каркачемъ на Харьковскомъ городищѣ и основаніе города, неизвѣстно также точно образованіе Харьковскаго слободскаго полка. Первые грамоты были выдаваемы московскими царями не на имя полковника или полковой старшины, а просто въ Харьковѣ, „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилаецкимъ людямъ, именно черкасамъ“ (1659 г.)²⁾. Въ указѣ В. Селефонтову приказывалось совѣтоваться при постройкѣ укрѣпленій съ черкасскими „начальными людьми“. Рядъ-же жалованныхъ грамотъ съ 1668 г. по 1743 г. данъ уже на имя полковниковъ. Изъ этого нужно вывести то заключеніе, что до этого времени правильнаго дѣленія на полки, какое видимъ въ послѣдствіи, еще не было.

Въ составъ Харьковскаго полка при томъ не сразу вошли всѣ тѣ села и города, которые позднѣе, при полковникѣ Григоріи Донцѣ, составляли область его. Одновременно съ существованіемъ уже полковника въ Харьковѣ, въ Балаклеѣ, напр., былъ свой полковникъ, управлявшій имъ до 1673 г.; кромѣ того, былъ тамъ сотникъ Шумейко, атаманъ Коляда и другая старшина. Самъ полковникъ балаклеяскій, Яковъ Черниговецъ, въ письмѣ своемъ къ воеводѣ Саковкину писалъ, что онъ стоитъ „со своимъ“ полкомъ тамъ-то. Слѣдовательно, тогда былъ балаклеяскій самостоятельный полкъ. Этотъ Яковъ Черниговецъ былъ лихой воинъ, часто билъ татаръ,

¹⁾ Г. Квитка. О сл. пол., Современ., томъ XVII, стр. 65.

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 119—20, 127, 129.

„деталь соколомъ“ за ними по степямъ. Прийдя съ козаками на Слободскую Украину въ 1663 г. и пробывъ полковникомъ въ Балаклеѣ 14 лѣтъ, Як. Черниговецъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ силу распоряженія кн. Ромодановскаго, воеводы бѣлгородскаго, отъ полковничества отставленъ въ 1677 г., а „бульцѣйскій полкъ“ вѣдно полковнику Гр. Донцу соединить съ Харьковскимъ „воедино“ и писаться „однимъ Харьковскимъ полкомъ“¹⁾.

Далѣе, очень близко отъ Харькова—въ Мерефѣ—жилъ кошевой атаманъ запорожской сѣчи—Иванъ Сѣрко. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно, но трудно допустить, чтобы такое лицо, какъ кошевой, могъ-бы подчиняться Харьковскому полковнику. Такъ какъ въ Сѣчи жить женщинамъ не позволялось, а женатые козаки держали свои семейства гдѣ-нибудь на сторонѣ, то, можетъ быть, и присутствіе Сѣрка въ Мерефѣ этимъ только и объясняется, ибо онъ все время до смерти (1680²⁾ съ 1658 г. былъ кошевымъ; хотя рядомъ-же съ этимъ есть извѣстіе, что Сѣрко завѣдывалъ во время смуты, произведенныхъ гетманомъ Брюховецкимъ, Зміевскими, Мерефянскими и Печенѣжскими черкасами. Сѣрка даже называютъ Харьковскимъ полковникомъ³⁾.

Далѣе, нами разыскана въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ грамота, данная царемъ въ 1668 г. жителямъ г. Салтова, принадлежавшаго послѣ къ Харьковскому полку. Если бы Салтовъ въ то время былъ въ составѣ полка, то эта грамота не была бы выдана жителямъ этого города отдѣльно, ибо въ томъ же году и въ то-же число—19 февраля—подобная-же грамота, только нѣсколько иной редакціи, была пожалована и Харьковскому полку.

Такой порядокъ замѣчался и на позднѣйшихъ территоріяхъ другихъ полковъ: такъ, въ Котельвѣ, напр., былъ свой полковникъ Жученко,—а Котельва, вѣдь такъ близко отъ полковаго города Ахтырки⁴⁾.

1) Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 180.

2) Лѣтопись Самовида, стр. 150.

3) Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 500—1.

4) Пр. Филаретъ. Отд. III, стр. 89.

Изъ этого всего можно видѣть, что Харьковскій полкъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ является ко времени принятія полка Донцомъ, сложился далеко не сразу, а въ составъ его постепенно входили города и села. Видимо, по нѣкоторымъ причинамъ г. Харьковъ началъ выдѣляться изъ всѣхъ сосѣднихъ поселеній, сдѣлался центральнымъ пунктомъ, къ которому начали тяготѣть другіе признавая своею зависимость отъ него. Въ первые годы существованія города, въ Харьковѣ, по всѣмъ даннымъ, не было и полковника. Пр. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что полковникъ Репко „вѣроятно съ 1657 г. принялъ на себя завѣдываніе полка“,—а этотъ Репко былъ первымъ полковникомъ харьковскимъ. Не имѣя ни какихъ документальныхъ данныхъ, которыя говорили-бы за или противъ этого предположенія, мы, съ своей стороны, ничего не можемъ сказать по этому поводу.

Сложившимся тремъ самостоятельнымъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому—царь Алексѣй Михайловичъ, повелѣніемъ 1668—69 годовъ, приказалъ быть въ вѣдѣніи посольскаго приказа. Это распоряженіе свидѣтельствуеъ, что московское правительство смотрѣло на слободскіе полки скорѣе какъ бы на своихъ союзниковъ, чѣмъ какъ на своихъ обыкновенныхъ подданныхъ ¹⁾. Такъ грамота жителямъ г. Салтова, о которой мы упоминали выше, очень характерно рисуеът отношенія московскаго правительства къ черкасамъ. Гетманъ Брюховецкій, ради привлеченія козаковъ на свою сторону, возвелъ на царя разныя небылицы. Алексѣй Михайловичъ, желая, вѣроятно, поддержать вѣрность между салтовскими черкасами, прислалъ имъ грамоту, въ которой, „свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ“, увѣрялъ ихъ, что у него „и у мысли“ ничего такого не было, въ чемъ обвинялъ его гетманъ; говоря, что онъ всегда желалъ и желаетъ жителямъ покоя, тишины и благоденствія, царь вмѣстѣ съ тѣмъ *проситъ*, напоминая ихъ „обѣщаніе“ быть вѣрными, наговорамъ этимъ не довѣрять, а вѣрить его словамъ, обѣщая, въ награду за все то милость „свыше прежняго“ ²⁾. И это пи-

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. II. В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 99—100-

²⁾ Грамота 1668 г. См. приложеніе.

шесть самодержавный Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, хотя добрый и „тишайшій“, а все-же непривыкшій говорить такимъ тономъ со своими великороссійскимъ подданными.

Все населеніе полка, который занималъ не одинъ городъ, а, какъ увидимъ далѣе,—цѣлую область, дѣлилось на козаковъ, мѣщанъ и селянъ (посполитыхъ). Среди козаковъ было много шляхтичей, лицъ дворянскаго происхожденія; быть шляхтичемъ въ Польшѣ не значило быть католикомъ и непременно полякомъ: этимъ достоинствомъ пользовались и лица русскаго происхожденія. Въ Харьковскомъ полку такими дворянскими родами были Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе и др.

Панство, которое обыкновенно составляло полковую и сотенную старшину, въ свою очередь дѣлилось на шляхетство и простыхъ пановъ. Различіе между ними заключалось въ томъ, что первые имѣли у себя во владѣніи крестьянъ, вторые-же этимъ правомъ могли только пользоваться временно, когда состояли на службѣ, вмѣсто денежнаго жалованія, котораго не получали. Спустя столѣтіе, въ царствованіе Екатерины II, въ 1762 г. Харьковской полковой канцеляріи указано было представить вѣдомость всѣмъ лицамъ шляхетскаго происхожденія съ доказательствомъ своихъ правъ на это достоинство, т. е. имъ было предписано доставить царскія и польскія королей жалованныя грамоты. Канцелярія отъ себя разослала предписанія во всѣ сотни съ приказомъ переписать всѣхъ шляхтичей, если таковые гдѣ есть, и представить вѣдомости съ доказательствами въ полкъ. Не смотря на то, что въ полку жили Квитки, Донцы, Шидловскіе, Ковалевскіе и др., всѣ сотники донесли, что въ ихъ степяхъ не оказалось ни одного такого шляхтича, который могъ-бы это свое достоинство доказать ¹⁾.

Всѣ сословія полка пользовались земельною собственностью, которую приобрѣтали или путемъ „займки“—свободнымъ занятіемъ никѣмъ незанятыхъ пустопорожнихъ земель, (право первыхъ поселенцевъ—*jus primæ occupantis*), или съ позволенія полковника. Подобно панству, раздѣлялось такъ-же и ду-

1) Харьк. Ист. арх., отд. I, № 329.

ховное сословіе; изъ нихъ лица шляхетскаго происхожденія имѣли своихъ крестьянъ.

Выборные козаки (ранговые, реестровые или регистровые), которые, кромѣ службы войсковой, никакихъ другихъ повинностей не несли, имѣли нѣсколько разрядовъ. Реестровые или сотенные козаки составляли собственно полкъ, ходили въ походы и несли другіе воинскіе наряды. Въ козаки выбирались люди способные къ боевой службѣ; отъ нихъ требовалось удалство, ловкость, сила и лихое наѣздничество. Далѣе слѣдуютъ хорунжевые козаки—они состояли при полковомъ штабѣ (прапорѣ), находились въ непосредственномъ вѣдѣніи полковника и составляли какъ-бы его гвардію. При полковомъ прапорѣ, кромѣ того, находилась еще команда, составленная изъ такъ называемыхъ полковыхъ козаковъ, выбираемыхъ изъ старшинскихъ дѣтей полковникомъ; они назначались для разныхъ командировокъ съ командами, для посылки съ приказаніями и т. п.; они не получали никакого содержанія отъ полка, но изъ нихъ назначались сотники на открывающіяся вакансіи.

Въ крѣпостяхъ были еще пушкаріи при пушкахъ, которыя пріобрѣтались на средства полковой или сотенной старшины.

Семейства козаковъ распадались на слѣдующія группы, подобно той роли, которую играли онѣ въ козачествѣ. Къ первой категоріи принадлежали всѣ семейства козаковъ и ихъ свойственники, изъ которыхъ выбирались способные нести строевую козачью службу; ко второй группѣ принадлежали семейства, которыя не выставляли служилыхъ козаковъ, но зато должны были содержать этихъ послѣднихъ; на деньги, собираемыя съ нихъ, покупались лошади (по двѣ на каждаго козака), оружіе, сѣдла и платье, а такъ-же провіанты въ походахъ; они во время походовъ брались такъ-же погонщиками. Эти козаки носили названіе „подпомощниковъ“ („подпомощники“). Такихъ подпомощниковъ давалось старшимъ отъ 2 до 6 человекъ; козакамъ же выборнымъ (они назывались позднѣе еще козаки—компанійцы) отъ 2 до 8 на каждаго, смотря по зажиточности—богатымъ меньше, бѣднымъ больше¹⁾. Кто же изъ подпомощниковъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, тотъ

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 181.

денегъ не платилъ, но за то долженъ былъ, живя въ семействахъ, выставившихъ козака на службу, работать на нихъ; въ такомъ случаѣ они назывались „подсосѣдками“.

Наконецъ, между селянами различались владѣльческіе, монастырскіе и свободные; они жили въ селахъ и хуторахъ, занимались земледѣліемъ и состояли во владѣніи старшинъ, но положеніе ихъ было не тяжелое: владѣльческіе подданные работали на своихъ пановъ, какъ это видно изъ переписи, произведенной въ 1732 году маіоромъ Хрущевымъ, по большей части по 2 дня въ недѣлю (такихъ показано 25 мѣстъ); были такіе, которые работали по одному дню (6) и такіе что работали только одну недѣлю въ году (1). Но были даже и такіе владѣльцы, подданные которыхъ вовсе не работали и не платили ни какихъ денегъ (6). Отработавъ положенное число дней, поданные остальными днями располагали по своему усмотрѣнію; главнымъ-же ихъ преимуществомъ былъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто¹⁾. Въ Слободской Украинѣ простой народъ, какъ и въ Малороссіи, назывался посполствомъ; такъ его именуютъ и царскія грамоты: „и всѣмъ того полку старшинамъ и всему *посполству* наше Великаго Государя, милостивое слово“²⁾. Слово „посполство“ польское и означаетъ общенародный, но подъ этимъ именемъ разумѣли только простой народъ³⁾. Мѣщане жили въ городахъ и мѣстечкахъ и занимались ремеслами и торговлею.

Нынѣшніе уѣзды Харьковскій, Валковскій, часть Изюмскаго и Волчанскаго, Купянскій и Зміевскій⁴⁾ составляли область полка при полковомъ городѣ Харьковѣ, въ которомъ жилъ полковникъ и полковая старшина; въ немъ помѣщалось управленіе полка военное и гражданское; въ немъ жили воеводы, назначаемые Московскимъ правительствомъ.

Полкъ дѣлился на сотни. Дѣленіе это было административно-территориальное; сотню составлялъ извѣстный участокъ земли со всѣми селеніями и хуторами, находящимися въ немъ, чис-

¹⁾ Д. И. Багалъй, Матеріалы. Томъ I, стр. 204.

²⁾ Б. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. рус., 1818 г., стр. 725.

³⁾ И. И. Срезневскій. Ист. обоз., стр. 7. П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. I.

⁴⁾ Ibidem, стр. 8.

ленность сотенъ была неодинакова. Вначалѣ полкъ раздѣлялся на 5 сотенъ, но, по мѣрѣ того, какъ населеніе полка росло, увеличивалось и число сотенъ; сотни назывались по главному мѣстечку, находившемуся въ ней, гдѣ жила сотенная старшина и помѣщалось управленіе сотни. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Харьковскомъ полку было уже 15 сотенъ, въ концѣ-же XVII вѣка 8 ¹⁾ (вслѣдствіе отдѣленія къ Изюмскому полку). Въ составъ полка входили слѣд. мѣстечки и города:

Волчанскъ (съ 8 селами), Салтовъ (съ 4-мя), Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дерев.), Золочевъ (съ 2-мя), Ольшанка (съ 2-мя), Валки (съ 4-мя)—„сей-же есть древнѣйшій изъ городовъ слободскихъ, понеже всѣ иные упредилъ“ ²⁾, Мерефа (съ 3-мя), Соколовъ, Зміевъ (съ 4-мя), Маяцкій, Соленый; слѣдующіе, входившіе въ составъ Харьковскаго полка, впоследствии были отчислены къ Изюмскому полку: Перекопъ (съ 1 дер.), Бишинъ, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинскъ, Изюмъ, Царевъ-Борисовъ, Острополю, Сеньковъ, Купецкій, Двурѣчная, Каменка; всего значить, 25 городовъ и мѣстечекъ,—54 села и деревни ³⁾.

Во главѣ полка стоялъ полковникъ, который совмѣстно съ полковою старшиною ему подчиненною, управлялъ имъ, соединяя въ себѣ власть военную и гражданскую. Выбирался полковникъ вольными голосами—старшиною и полчанами, которые собирались для этой цѣли въ полковой городъ ⁴⁾, и избирался на всю жизнь, что дѣлало его положеніе очень самостоятельнымъ; воеводѣ онъ подчиненъ не былъ. Власть полковника была велика: онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ полку; ему подчинялись всѣ сословія, жившія на тер-

¹⁾ Думаютъ, что на мѣстѣ этого города было прежде укрѣпленіе половецкаго хана Кончака, память о которомъ сохранилась и до нынѣ подъ названіемъ «Салтановскаго городища». Объ этомъ говорится также и въ книгѣ, глаголемой большою чертежъ. Застроенный въ 1639 г. пришедшими съ гетманомъ Як. Острияцею козаками и оставленный ими снова въ 1641 году, Салтовъ заселился черкасами одновременно съ другими украинскими городами. Во второй половинѣ XVII в. въ немъ была уже церковь и укрѣпленіе (Геогр. стат. слов. П. Семенова).

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 199.

³⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 542.

⁴⁾ Его-же. Матеріалы, том. I, стр. 167—168.

риторіи, составлявшей полкъ; онъ имѣлъ право раздавать въ потомственное владѣніе, по своему усмотрѣнію, ни кѣмъ не занятія пустопорожнія мѣста, въ награду за заслуги, кого считалъ достойнымъ того; въ свою очередь, и самъ имѣлъ право для себя занимать земли, оставшіяся послѣ во владѣніи его рода. Полковникъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ полка, водилъ его въ походы; его утвержденіе было необходимо для законной силы приговоровъ по разнымъ преступленіямъ и по другимъ судебнымъ дѣламъ; онъ имѣлъ право наказывать даже смертію. Такъ, полковникъ Федоръ Репко приказалъ разстрѣлять въ Харьковѣ Левку Жигалку за убійство служилыхъ людей ¹⁾. Власть наказывать смертію и другими тѣлесными наказаніями полковникъ имѣлъ даже надъ членами полковой старшины, выбравшими его въ это званіе. Это можно вывести изъ письма ²⁾ харьковского полковника Тевяшева къ полковому судѣ по случаю неисполненія этимъ послѣднимъ уже разъ отданнаго приказанія: „по полученіи сего извольте, Ваше благородіе, всѣ тѣ чины сыскать, прислать къ полку конечно къ завтнешнему числу подъ опасеніемъ за неисполненіе лишенія чести Вашей и живота“. Всѣ свои распоряженія и рѣшенія онъ утверждалъ письменными приказами, которые назывались универсалами, какъ и въ гетманщинѣ, за своею подписью и приложеніемъ своей гербовой печати, употреблявшейся, какъ полковая. Какъ знакъ своей независимости, къ своей подписи полковники прибавляли „властною рукою“ ³⁾ и писались: „мы, полковникъ харьковский“; о немъ всегда говорили: „асновельможный панъ полковникъ“ и „его милость панъ полковникъ“.

Во время отправленія своихъ обязанностей, полковникъ держалъ въ рукѣ, какъ знакъ своего достоинства, такъ называемый, шестоперъ (родъ булавы), который состоялъ изъ рукоятки, кончавшейся шаромъ съ шестью гранями, отъ чего и получилъ свое названіе, такъ какъ эти грани имѣли нѣкоторое подобіе перьевъ и были глухія или съ прорѣзами.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

²⁾ Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

³⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

Иногда знаки эти дѣлались съ большимъ числомъ граней (перьевъ) и тогда носили названіе „перначъ“. Дѣлались они изъ серебра, золота, украшались драгоценными камнями, по желанію полковниковъ. Ихъ брали съ собою и въ походъ и возили съ правой стороны на сѣдлѣ въ нарочно сдѣланной для того петлѣ; носили его такъ-же и за поясомъ ¹⁾.

Въ полку было знамя полковое, называемое хоругвею; оно почиталось полковою святынею,—на немъ изображался ликъ святого, почитавшагося патрономъ полка; на украшеніе хоругви собирались по всему полку деньги, и козаки обыкновенно гордились богатствомъ своего знамени ²⁾; хранилось оно у полковника. Кромѣ полковой хоругви, было у каждой сотни свое собственное знамя, на которомъ обыкновенно изображался крестъ, писался № сотни и обозначался полкъ. Какъ уже упомянуто выше, въ полку была гербовая полковничья печать, считавшаяся полковою. Все это называлось полковничьими клейнодами (драгоценностями).

Вторымъ лицомъ по своему значенію за полковникомъ былъ полковой обозный; его обязанностью было завѣдывать пушками, всею артиллеріею полка и укрѣпленными мѣстами. Во время болѣзни полковника или его отсутствія полковой обозный управлялъ всѣмъ полкомъ, но властью всею не пользовался; такъ, напр., универсаловъ давать не имѣлъ права. Полковой судья—на его обязанности лежало завѣдываніе судебными дѣлами полка; онъ засѣдалъ въ полковой ратушѣ и рѣшалъ дѣла, но утвержденіе его приговоровъ всегда зависѣло отъ полковника. Два полковыхъ есаула (асауль)—помощники полковника—одинъ старшій, другой младшій—по воинской части. Полковой хорунжій—онъ хранилъ во время похода хоругвь, завѣдывалъ хорунжевыми козаками. Два полковыхъ писаря; они исполняли должность секретарей въ полковой ратушѣ; одинъ изъ нихъ былъ по воинской части, другой по гражданской; при ратушѣ, кромѣ двухъ штатныхъ писарей, было еще четыре, состоявшихъ на содержаніи отъ полка. Изъ нихъ

¹⁾ Висковатый. Истор. опис. одежды, част. I, стр. 67—68. Ефименко. Харьк. Сбор. на 87 г., стр. 176.

²⁾ П. Головинскій. Сл. воз. пол., гл. I.

назначались полковые писаря при открытіи вакансіи на ту должность.

Всѣ эти лица составляли полковую старшину и полковую раду, на которой рѣшались всѣ важные вопросы по большинству голосовъ, при чемъ всѣ члены рады имѣли равные голоса, кромѣ полковника, имѣвшаго два. Такой порядокъ велъ иногда къ большимъ недоразумѣніямъ, дѣлалъ рады очень шумными; иногда онѣ оканчивались драками, даже настоящими битвами между ея членами, которые для этой цѣли вооружали своихъ крестьянъ ¹⁾. Распорядителемъ на радѣ былъ полковой обозный. Кромѣ того въ городѣ еще былъ атаманъ—онъ исполнялъ полицейскія обязанности ²⁾.

Управленіе сотни было сходно съ полковымъ управленіемъ; въ дѣлахъ важныхъ она подчинялась полковнику, а управлялась вполнѣ самостоятельно „паномъ“ сотникомъ, которому были подчинены жители селъ и хуторовъ, составляющихъ сотню; въ сотнѣ была своя сотенная старшина; она состояла изъ сотника, атамана, есаула и хорунжаго. Атаманъ послѣ сотника было первое лицо, присутствовалъ въ канцеляріи и рѣшалъ гражданскія дѣла, исполняя обязанности судьи; у него помощникомъ былъ сотенный писарь; въ отсутствіе сотника атаманъ управлялъ сотнею. Есауль и хорунжій были помощниками сотника по воинской части; послѣдній въ походѣ хранилъ сотенное знамя. Назначеніе лицъ, составлявшихъ сотенную старшину, зависѣло отъ сотника, равно и смѣщеніе недостойныхъ старшинъ, снова послѣ того переходившихъ въ разрядъ рядовыхъ казаковъ.

Число выборныхъ козаковъ доходило до 800. Вооружены они были саблями, пистолетами, ружьями и копьями. На красоту сабли, съ которою казаки никогда не разставались, такъ что даже пахарь, идя за сохою, былъ препоясанъ ею, обращалось большое вниманіе; она служила предметомъ щегольства и украшалась золотыми и серебрянными насѣчками. Особенно цѣнились сабли турецкія. Ножны обкладывались краснымъ бархатомъ,

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

²⁾ Г. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. Рус., стр. 760.

украшались драгоценными камнями и оправлялись въ серебро и т. п., смотря по состоянію ¹⁾).

Пистолеты и ружья („пищали, ручницы“) были по большей части турецкаго происхожденія, а также нѣмецкаго и тульскаго. Боевые припасы носились въ рогахъ, лядункахъ и барашахъ (мѣшки для пуль); рога были буйволовые съ серебряными отдѣлками; лядунки и бараша шились золотомъ и серебромъ. Ѣздили слобожане на лошадяхъ разной породы, какія приходилось гдѣ добывать; но была у нихъ и своя порода— „черкасскіе жеребцы“—красивая, но уступавшая всѣмъ прочимъ по своей крѣпости ²⁾). Ѣздили на уздечкахъ и украшали ихъ серебромъ. Сѣдла у нихъ были польскія и черкесскія. Подушки сѣдельныя дѣлались изъ бархата, сафьяна, сукна, кожи, и также украшались шитьемъ, равно какъ и сѣдельные войлоки, крытые сафьяномъ и бархатомъ³⁾). Сѣдла были высокія, и Ѣздили на нихъ на короткихъ стременахъ, по татарски, что очень уродовало посадку и дѣлало ее не крѣпкою, но давало возможность всаднику легко обращаться во всѣ стороны, уклоняясь отъ ударовъ саблею противника.

Одежда слободскаго козака состояла изъ черкески съ откидными рукавами, нижняго полукафтаныя, широкихъ шароваръ и дѣлалась всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ, на кумачевой подкладкѣ. Обкладывалась черкеска и полукафтаные кругомъ матерією другаго цвѣта, и называлась эта обложка „подпушкомъ“, цвѣтъ котораго всегда былъ другой; такъ, напр., если черкеска дѣлалась желтаго цвѣта, то подпушекъ лазоревый; если дымчатая, то подпушекъ зеленый. Полукафтаные подпоясывалось поясомъ, на который обращали большое вниманіе, и стояли пояса обыкновенно не дешево; пуговицы дѣлались изъ серебра. Шапки носили мѣховыя, большею частью изъ смушка. Полковники поверхъ всего надѣвали еще и мантию—епанчу ⁴⁾). Одежда выборныхъ (ранговыхъ) козаковъ не отличалась ничѣмъ отъ одежды прочихъ, не подчинялась

¹⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 174.

²⁾ Висковатый. Ист. оп. воор. и одеж., ч. I, стр. 79.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ П. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 172.

какой либо формѣ и зависѣла вполнѣ отъ вкуса каждаго ¹⁾).

Волосы слобожане подстригали въ кружокъ, подбывая голову немного выше ушей; они обыкновенно носили огромные усы, спущенные всегда книзу, бороду-же брили ²⁾).

Таково было управленіе полка, вполнѣ самостоятельное, свободное. Въ сравнительно короткій періодъ времени послѣ своего переселенія изъ Польши, гдѣ они подвергались, какъ мы видѣли, всевозможнымъ притѣсненіямъ, казаки устроились на новыхъ мѣстахъ; города, слободы, хутора росли и развивались; и такъ какъ слобожане въ новомъ своемъ отечествѣ нашли почти тѣ-же климатическія условія, какія были и по правую сторону Днѣпра, то имъ легко было скоро примѣниться къ мѣстности. Первое время, когда пришлось силою пробиваться на новыя мѣста, ежечасно ждать нападенія татаръ, черкасы не могли заняться хлѣбопашествомъ, а получали хлѣбъ изъ Бѣлгорода, покупая его тамъ; сами-же промышляли звѣриною и рыбною ловлею. По мѣрѣ-же того, какъ строились укрѣпленныя мѣста, слобожане, подъ ихъ защитою, стали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; привольные луга съ чудною травою вполнѣ тому благопріятствовали. Правда, опасность отъ нападенія татаръ, истреблявшихъ въ одинъ часъ весь трудъ земледѣльца, не позволяла Харьковскимъ козакамъ вполнѣ отдаться мирнымъ занятіямъ. При первомъ извѣстіи о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать все свое имущество, скотъ, все, что только было можно, и бѣжать подъ защиту городовъ. Даже жители полковаго города, гдѣ были и пушки и болѣе вооруженныхъ людей, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ поселеніи полка, должны были быть постоянно на сторожѣ. Воевода и днем и ночью держалъ вездѣ караулы; на полевыя работы дозволялось выходить только тогда, когда все кругомъ было спокойно и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ; даже въ такое, повидимому, спокойное время дозволялось выходить въ поле „не малыми людьми съ пищалями и всякимъ оружіемъ“. Скотъ выгонять можно было, „только провѣдавъ про воинскихъ

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

²⁾ Гербель. Извѣст. Слоб. коз. п., изд. 52 г., стр. 34.

людей до пряма“. Иногда, при вѣсти о появленіи татаръ, жители запирались въ городъ, отсиживались тамъ долго, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Такъ, въ 1668 г. жители г. Балаклеи, опасаясь нападенія татаръ, просидѣли въ городѣ, на работы въ поле не выходили, и хлѣбъ остался совсѣмъ не сжатымъ. Протоіерей балаклейскій писалъ: „на той Украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ; ради прихода татаръ пахать нельзя“ ¹⁾. Въ 1674 г. жители г. Савинска подали челобитье, гдѣ просили себѣ хлѣбнаго жалованья, такъ какъ безъ него помрутъ съ голоду и разбредутся врозь; пахать и сѣять за приходомъ воинскихъ людей имъ невозможно. Просьба ихъ была уважена ²⁾.

Это, конечно, въ значительной степени отравляло жизнь харьковцевъ, но, не смотря на то, имъ жилось гораздо лучше здѣсь, ибо они знали одного только непріятеля и бились съ нимъ, у себя-же дома были свободны, могли дѣлать, что хотѣли; надъ ними не тяготѣлъ гнетъ ни пановъ, ни жидовъ — арендаторовъ; они могли свободно исповѣдывать религію своихъ отцовъ, не боясь ни насмѣшекъ ни наказанія; духовенство-же, не стѣсненное ничѣмъ, могло безъ помѣхи исполнять свое назначеніе—служить дѣлу нравственнаго развитія своей паствы.

Харьковцы на своихъ рѣкахъ построили мельницы, на пригоркахъ наставили вѣтряки и занялись своимъ любимымъ дѣломъ—винокурениемъ; этою привиллегіею они больше всего дорожили, ибо, что грѣха таить, козаки любили выпить; безъ „горілки“ они жить не могли; такъ что воевода В. Селефоновъ, можетъ быть, и былъ отчасти правъ, когда, жалуясь на Харьковцевъ за ихъ непослушаніе, писалъ, что „сами они безпрестанно пьютъ и бражничаютъ“ ³⁾.

Московское правительство, чтобы пріохотить козаковъ, ласкало ихъ и предоставило имъ всевозможныя льготы; козаки-же за это своею грудью заслоняли московскія границы отъ татаръ.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 137.

²⁾ Ibidem, отд. IV, стр. 137.

³⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ I, стр. 22.

Льготы, которыя были пожалованы Алексѣемъ Михайловичемъ Харьковскому полку, были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожныхъ земель; 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое не вмѣшивались воеводы; 3) дозволялось безошлинно заниматься всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокурениемъ и продажею вина; 4) козаки были избавлены отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ и 5) право содержать на откупѣ таможи, мосты и перевозки.

•

ГЛАВА IV.

Царская грамота 1659 г. харьковскимъ черкасамъ.—Положеніе дѣлъ въ Малороссіи.—Гетманъ Иванъ Выговскій.—Измѣна его.—Универсалъ Выговскаго Сумскому полковнику Кондратьеву.—Непоколебимость слобожанъ въ вѣрности царю.—Добровольное участіе Харьковцевъ въ дѣлахъ противъ измѣнниковъ.—Судьба Выговскаго.—Гетманъ Иванъ Брюховецкій.—Недовольство украинскаго народа гетманомъ.—Андрусовскій договоръ.—Измѣна гетмана.—Универсалъ Харьковцамъ.—Клеветы Брюховецкаго на царя.—Вѣрность слобожанъ.—Склоненіе Ивана Сѣрка на сторону мятежниковъ.—Волненіе въ полку, избіеніе воеводъ и московскихъ служилыхъ людей.—Нисъмо ѣн. Ромодановскаго.—Увозъ изъ Зміева Донцомъ пушекъ въ г. Харьковъ.—Убіеніе Брюховецкаго.—Стремленіе Дорошенка завладѣть обѣими Украинами.—Появленіе бунтующихъ партій снова въ области полка.—Битва подъ Чугуевомъ.—Нападеніе татаръ и козаковъ Полтавскаго полка на Харьковскій полкъ.—Мятежъ въ полковомъ городѣ.—Убіеніе полковника Ренко и сотника Федорова.—Число мятежниковъ.—Населеніе полковаго города.—Безукоризненное поведеніе Сѣрка до измѣны Брюховецкаго.—Причины, объясняющія волненіе въ полку.—Взглядъ на это Москвы.—Похвальная грамота 1668 г.—Обложеніе полчанъ пошлинами.—Просьба полковъ объ отгнѣнн ихъ.—Царская грамота 1669 г.—Возвращеніе льготъ.—Отголоски бунта Стеньки Разина въ полку.

Въ Харьковъ пришла отъ московскаго государя, Алексѣя Михайловича, грамота отъ 23 сентября 1659 г., „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ“. Въ ней сообщалось объ измѣнѣ гетмана Ивана Выговскаго, и царь увѣщевалъ харьковцевъ не приставать къ измѣнникамъ, быть вѣрными присягѣ, обѣщая за это „жалованіе“¹⁾. Грамота эта была вызвана слѣдующими событіями, происходившими въ Малороссіи.

15 августа 1657 г. гетманъ Богданъ Хмельницкій, „Хмель“, какъ его называли казаки, умеръ, послѣ трогательнаго прощанія съ народомъ, въ Чигиринѣ. На его мѣсто въ гетманы былъ выбранъ сынъ его Юрій, человѣкъ „разумомъ слабенькій“, по выраженію народной поэзіи, неспособный къ какой либо,

¹⁾ Грамота 1659 г. В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 469—470.

требующей энергии роли; этого избранія и самъ Юрій не особенно то хотѣлъ, ибо, подъ вліяніемъ совѣтовъ Выговскаго, отъясился отъ гетманства по причинѣ малолѣтства и былъ помѣщенъ въ Кіевское училище. Народъ-же сдѣлалъ ятотъ выборъ единственно изъ уваженія къ памяти отца. Впослѣдствіи Хмѣльницкій снова былъ гетманомъ, передался польскому королю, присягалъ ему на вѣрность, былъ монахомъ, архимандритомъ, невольникомъ въ Константинополь, сдѣлался потурнакомъ („потурчився, побусурманився“), носилъ громкій, но ничего незначившій титулъ князя малороссійской Украины — безъ княжества и подданныхъ. Наконецъ, печально кончилъ свою ничтожную жизнь, полную превратностей и измѣны, будучи убитъ кошевымъ атаманомъ Ив. Сѣркомъ со всѣми бывшими при немъ козаками¹⁾. Выговскій, генеральный писарь, былъ любимецъ Богдана, который вымѣнялъ его изъ татарскаго плѣна на лошадь и сдѣлалъ при себѣ писаремъ (1648 г.). Выговскій имѣлъ громадное вліяніе на Юрія, который, подавшись его наущеніямъ, выдалъ ему милліонъ талеровъ изъ казны отца своего. Съ помощію этихъ денегъ Выговскій, подкупая кого слѣдуетъ, расположилъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ козаковъ въ свою пользу и былъ избранъ въ гетманы старшиною и шляхетствомъ. Полякъ по происхожденію, какихъ много было тогда среди козачества, онъ задумалъ, въ расчетъ на личныя выгоды, подчинить Малороссію, по прежнему, власти Польши. Эта мысль встрѣтила сочувствіе даже среди народа, недовольнаго новыми порядками, которые имѣли цѣлью постепенное ослабленіе воинственнаго духа, привычки по всякому, даже пустому сравнительно поводу, обращаться къ оружію и наклонности къ необузданному своевольству, къ чему онъ такъ привыкъ за послѣднія возстанія, и что мѣшало массѣ народной обратиться всецѣло къ мирнымъ занятіямъ. Къ тому-же поляки, со своей стороны, желая возвратить потерянную Малороссію, заигрывали съ народомъ и не скупились на обѣщанія. Выговскій заключилъ съ Польшею договоръ въ сентябрѣ 1658 г., по которому Малороссія и запорожцы переходили къ Польшѣ. Чтобы привлечь

¹⁾ Бантышъ-Каменскій. Ист. Малой Россіи, ч. II, стр. 160. Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Р., I, стр. 171.

козаковъ на свою сторону и заставить ихъ согласиться на этотъ договоръ, гетманъ сталъ распускать слухи, что будто бы московскій царь хочетъ ограничить число реестровыхъ козаковъ, а вародъ обратитъ въ драгуны. И вотъ, склоняя всѣхъ на свою сторону всевозможными средствами, Выговскій прислалъ универсалъ и въ слободскій полкъ, въ которомъ приглашалъ слобожанъ стать на его сторону. Этотъ универсалъ былъ написанъ на имя Сумскаго полковника Кондратьева. Гетманъ просилъ снять съ универсала копію и разослать въ другіе полки—Харьковскій, Ахтырскій и Острогожскій; но онъ ошибся въ расчетъ своемъ: Кондратьевъ не поддался на тѣ обольстительныя предложенія, которыя дѣлалъ универсалъ за измѣну Москвѣ; онъ созвалъ раду, разорвалъ на глазахъ у полковой старшины универсалъ, сказалъ посланному, что Выговскій или глупъ отъ природы или одурѣлъ по смерти Богдана, что слобожане—не гетманцы и за безчестіе считаютъ равняться съ ними, послѣ ихъ измѣны царю и присягѣ, что они вѣрно и прежде служили Его Пресвѣтлому Царскому Величеству и всегда на томъ останутся. Посолъ былъ выгнанъ со стыдомъ ¹⁾.

Когда вѣсть объ измѣнѣ гетмана и о его приглашеніи пристать къ нему облетѣла Харьковскій полкъ, то харьковцы не только не поддались на увѣщанія Выговскаго, но даже многіе изъ нихъ добровольно и охотно пристали къ русскому войску Ромодановскаго, шедшему изъ Бѣлгорода противъ измѣнчившаго гетмана, и „немилосердно грабили и разоряли малороссійскіе города и села“. Кромѣ напраснаго кровопролитія и разоренія многихъ городковъ, изъ этого ничего не вышло. Малороссія осталась по прежнему за Москвой; только царь послѣ этого сталъ подозрительно смотрѣть на малороссійскихъ козаковъ, не довѣряя имъ; поведеніе же слобожанъ, оставшихся вѣрными и даже помогавшихъ подавленію измѣны, еще болѣе расположило Алексѣя Михайловича къ черкасамъ, которые „памятуя Бога... служили со всякимъ усердствомъ безъ всякаго сомнѣнія... и совѣту и сыску съ ними не имѣли“.

Самъ Выговскій, видя свое дѣло проиграннымъ, ушелъ въ

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. каз. п., гл. II.

Польшу, гдѣ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Москвою, схваченъ польскимъ полковникомъ Маховскимъ, судимъ за измену и разстрѣлянъ въ Корсунѣ въ 1664 году¹⁾.

Съ бѣгствомъ Выговскаго смуты въ Малороссіи не прекратились; его неудачи и печальный конецъ не научили Брюховецкаго быть вѣрнымъ Москвѣ. Избранный гетманомъ, благодаря запорожцамъ, Брюховецкій, простой слуга Хмельницкаго, въ благодарность за это окружилъ себя почти исключительно запорожцами и предоставлялъ имъ всѣ высшія должности. Сѣчевки не замедлили возстановить противъ себя жителей своимъ распутствомъ и пьянствомъ. Первое время Брюховецкій былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, ѣздилъ туда представляться царю, женился на русской боярынь Долгорукой, причемъ Алексѣй Михайловичъ самъ устраивалъ этотъ бракъ. Гетманъ получилъ титулъ стольника, былъ пожалованъ бояриномъ. Козакамъ очень не нравилось производство ихнаго гетмана въ русскіе бояры; это какъ то отчуждало его отъ нихъ, и они уже стали смотрѣть на него, не какъ на своего брата козака. Полковникамъ-же, ѣздившимъ въ Москву съ гетманомъ и пожалованнымъ дворянами, не было проходу отъ насмѣшекъ, и они просто боялись показаться козакамъ на глаза.

Народъ былъ также недоволенъ своимъ гетманомъ; это неудовольствіе усилилось еще отъ того, что московскіе воеводы, жившіе по городамъ, позволяли себѣ мелкія несправедливости; малороссіяне, видя хорошія отношенія гетмана къ Москвѣ, думали, что Брюховецкій самъ покровительствуетъ этимъ чиновникамъ и дѣйствуетъ вообще съ ними за одно въ ущербъ своему народу. По андруссовскому договору (1667 г.), окончившему войну между Москвою и Польшею, этой послѣдней были уступлены земли, лежащія по правую сторону Днѣпра; такимъ образомъ, Малороссія раздѣлилась на двѣ части—правобережную, отошедшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, оставшуюся за Москвою; это раздѣленіе, естественно, еще болѣе посѣяло смуть между народомъ. Между тѣмъ Брюховецкій круто измѣнилъ Москвѣ и задумалъ отдѣлиться отъ

¹⁾ Ген. Лееръ. Энциклопедія воен. и мор. наукъ, п. II, стр. 343.

нея совершенно; онъ встрѣтилъ себѣ сочувствіе во многихъ полковникахъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перебить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ Москвы. Думая привлечь на свою сторону слободскіе полки, гетманъ прислалъ универсалъ, въ числѣ другихъ полковъ, харьковцамъ, въ которомъ ввѣдывалъ всевозможныя небывлицы на царя, говоря, что онъ „побратался съ ляхами, условился съ ними всѣхъ православныхъ на Украинѣ, Донѣ, Запорожьѣ и слободахъ съ ихъ дѣтьми истребить мечемъ, а другихъ загнать въ Сибирь, а земли козаціи обратить въ дикія поля и звѣринныя жилища“¹⁾. Харьковцы не сдались на подговоры Брюховецкаго, остались по прежнему вѣрными Москвѣ. Гетманъ послѣ того пытался силою принудить слобожанъ къ измѣнѣ и послалъ на нихъ шайки татаръ и веприцкихъ козаковъ, которыя и проникли въ область Харьковскаго полка.

Жившій въ это время въ Мерефѣ кошевой атаманъ, Ив. Сѣрко, непримиримый врагъ ляховъ и татаръ, громившій неоднократно послѣднихъ, забираясь въ самое ихъ гнѣздо— въ Крымъ, освободившій не одну тысячу христіанскихъ плѣнныхъ²⁾, отбивая ихъ обыкновенно у татаръ при возвращеніи ихъ съ набѣга, склонился на сторону измѣнниковъ. Своимъ авторитетомъ, которымъ пользовался между всѣми казаками, Сѣрко увлекъ къ бунту и черкасъ Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Валокъ и на Торскихъ озерахъ. Возставшіе козаки начали съ того, что поубивали воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, своими неполнѣ добросовѣстными и несправедливыми поступками возбудившихъ противъ себя ненависть черкасъ, разграбили въ означенныхъ городахъ огнестрѣльные припасы, а Зміевъ, Царевоборисовъ разорили и сожгли. Въ уѣздахъ Чугуевскомъ и Харьковскомъ бунтовщики эти произвели большія опустошенія, жгли села, деревни и хлѣбъ, жителей, отказывавшихся приставать къ нимъ, убивали или брали

¹⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. II. Грамота 1668 жителямъ г. Салтова. См. приложеніе.

²⁾ Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., II, стр. 50.

въ плѣнъ, уподобляясь татарамъ¹⁾. Мятежъ тотъ вспыхнулъ 4 марта 1668 года.

Черкасы-же полковаго г. Харькова, вся старшина и козаки, съ полковникомъ во главѣ, остались вѣрными своему долгу, что подтверждается письмомъ²⁾ кн. Ромодановскаго, гдѣ тотъ воевода говоритъ, что харьковцы вѣрно служатъ великому государю, не пристають къ измѣнникамъ и „надъ ними промыслы чинять“. Въ томъ же письмѣ къ чугуевскому воеводѣ, онъ приказываетъ ему соединиться съ харьковскимъ воеводою Л. Сытинымъ „надъ измѣнниками промыслы и поиски чинить и въ полонъ имать и села и деревни жечь, сколько мило-сердый Богъ поможетъ“.

Въ Зміевѣ, послѣ его разоренія, остались неуезенными измѣнниками 7 пушекъ. Изъ Чугуева за ними былъ посланъ Александръ Марченко съ ратными людьми; но удалось имъ увести съ собою только три пушки, ибо дорога по причинѣ весенней распутицы была очень плоха. Остальныя-же 4 пушки Марченко закопалъ въ землю, въ расчетѣ забрать ихъ послѣ³⁾, что ему не удалось, ибо отрядъ харьковцевъ, подъ начальствомъ своего сотника Григорія Донца⁴⁾, поспѣшилъ въ Зміевъ и увезъ съ собою въ Харьковъ эти желѣзныя пушки; изъ нихъ двѣ горѣли во время пожара въ городѣ и потому къ стрѣльбѣ не годились⁵⁾.

Кошевой Сѣрко съ бунтовщиками 11 марта подходилъ къ самому полковому городу, схватилъ нѣсколько харьковцевъ; изъ крѣпости по нимъ стрѣляли, причемъ одну пушку разорвало⁶⁾. Послѣ этого, перейдя въ двухъ верстахъ отъ города р. Уды, Сѣрко ушелъ дальше.

Между тѣмъ гетманъ Брюховецкій дорого заплатилъ за свою измѣну Москвѣ—онъ былъ убитъ козаками; но со смертью его смуты въ Малороссіи не прекратились. Гетманъ правобережной Украины—Дорошенко—стремился подчинить своей

1) Письмо Чуг. воев. къ бѣлгородскому (Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 62).

2) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.

3) Ibidem, отд. IV, стр. 191.

4) Ibidem, отд. II, стр. 53.

5) Описаніе г. Хар., состав. воев. В. Сухот., Харьк. Календарь 1885 г., 628.

6) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.

власти всю Малороссію (право и лѣво бережнія Украины). Ему сочувствовалъ и весь народъ, бывшій сильно озлобленъ за подобное раздѣленіе. Чтобы добиться своей завѣтной цѣли, Дорошенко вступилъ въ союзъ съ татарами и, по смерти Брюковецкаго, разослалъ воззванія къ бунту.

Бунтующія-же партіи козаковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ снова появились въ области Харьковскаго полка, въ Печенѣгахъ, рассчитывая получить здѣсь подкрѣпленія и идти подъ Чугуевъ. Опасаясь этого, Чугуевскій воевода, обратился къ полковнику Репко, прося его о помощи. Вѣрный своему долгу, Репко съ полкомъ своимъ поспѣшилъ на помощь и 28 іюня явился въ Чугуевъ. Въ битвѣ подъ Чугуевомъ Репко нанесъ непріятелю поражение, и 30-го числа возвратился уже въ Харьковъ ¹⁾. Въ наказаніе за это гетманъ Дорошенко выслалъ противъ Харьковскаго полка отрядъ въ числѣ тысячи татаръ съ мурзами и двумястами козаковъ Полтавскаго полка подъ начальствомъ Кульбидкаго. Отрядъ этотъ опустошилъ Мерэфу, Васицево и Чугуевскія села ²⁾. Нападеніе это не было неожиданнымъ, такъ какъ полковникъ Репко былъ о томъ предупрежденъ. Онъ сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ непріятеля ³⁾ и предупредилъ Чугуевскаго воеводу. Волненія на этомъ не прекратились, и въ половинѣ октября того же года ночью вспыхнулъ мятежъ въ самомъ полковомъ городѣ; въ Харьковѣ измѣнники неожиданно напали на полковничій домъ, убили вѣрнаго царю полковника Репко и сотника Константина Федорова; они стремились склонить на свою сторону и остальныхъ жителей Харькова, но это имъ не удалось,—харьковцы къ нимъ не пристали и заперлись въ крѣпости.

Въ ту же ночь харьковскій протопопъ Захарій Филимоновъ поспѣшилъ въ Чугуевъ, рассказалъ о случившемся воеводѣ и просилъ помощи.

Разсказъ этотъ мы почерпнули изъ письма бѣлгородскаго воеводы чугуевскому, въ которомъ онъ предписываетъ ему идти на выручку въ Харьковъ. Изъ него видно, что чугуевскій вое-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ К. П. Шелковъ. Харьковъ, стр. 10.

³⁾ С. И. Кованько. Ист. стат. опис. г. Хар. Хар. Губ. Вѣд. 1859 г., № 8.

вода, основываясь на показаніи протопопа Филимонова и чугуевского вѣстовщика Раслабова, допросилъ, что въ Харьковѣ бунтовщиковъ было немного—человѣка 20 („Ивашка Кривошлыкъ да Степка и Тарасъ—человѣкъ съ двадцать“) ¹⁾.

Надо полагать, что бунтовщиковъ въ Харьковѣ было гораздо больше чѣмъ 20 человѣкъ, ибо трудно допустить, чтобы такая горсть людей могла силою проникнуть въ домъ полковника, не смотря на караулы, бывшіе повсюду въ городѣ и около дома полковника, гдѣ хранилась полковая хоругвь. Если-бы дѣйствительно ихъ было такъ мало, то нужно-ли было-бы остальнымъ жителямъ, непричастнымъ той измѣнѣ, запереться въ крѣпости, а протопопу обращаться за помощью въ Чугуевъ, когда имъ легко было и самимъ управиться съ такою ничтожною горстью людей, такъ какъ въ городѣ въ то время было 62 человѣка однихъ русскихъ служилыхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи воеводы, да 1491 человѣкъ черкасъ ²⁾.

Этимъ и завершились волненія среди харьковцевъ. Правда, вѣ этотъ случай нельзя особенно строго ставить въ укоръ полку, въ которомъ только нѣкоторые города (о которыхъ мы упоминали выше), да часть жителей полковаго города, по своему легкомыслію, поддавшись наговорамъ и соблазнительнымъ обѣщаніямъ, склонились на сторону измѣнниковъ. Винить ихъ тѣмъ болѣе трудно, что во главѣ измѣнившихъ харьковскихъ козаковъ стала такая личность, какъ Ив. Сѣрко, въ которомъ всѣ видѣли героя, заклатаго врага поляковъ и татаръ, громившаго неоднократно даже самый Крымъ. Къ тому-же личность эта занимала такой видный постъ, какъ кошевого атамана сѣчевиковъ, которыхъ козаки ставили себѣ обыкновенно въ идеалъ и всегда подражали имъ: Сѣрко притомъ былъ до этого времени постоянно вѣренъ царю, а въ 1664 году даже остерегалъ его, говоря, что онъ Брюховецкому не вѣрить, что съ нимъ соединиться поэтому не хочетъ, и безупречно велъ себя во время смутъ гетмановъ Выговскаго и Тетери. Можно-ли

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 246. Черезъ 2 года—въ 1670 г. населеніе возрасло до слѣд. цифръ: дѣтей боярскихъ 157, приказныхъ и полковыхъ козаковъ 256, черкасъ 2100. (Ibidem).

винить козаковъ, увлекшихся такою личностью! Трудно было бы требовать, чтобы слобожане сразу отрѣшились окончательно отъ той родственной связи, которая соединяла ихъ съ гетманщиною. Бунтовщики убивали московскихъ чиновниковъ и воеводъ, отъ которыхъ освободиться было очень соблазнительно и харьковцамъ, ибо они видѣли въ нихъ только своихъ притѣснителей и недоброжелателей.

Это отлично понимала Москва и не только какими либо репрессивными мѣрами не высказала своего гнѣва, а, напротивъ, по окончаніи смуть, освободила полки отъ налоговъ и даровала другія льготы. Похвальная и увѣщательная грамота отъ 19 февраля 1668 г. была прислана царемъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому. О томъ, что эта грамота была пожалована и Харьковскому полку, говорятъ П. Головинскій и И. И. Срезневскій, причемъ послѣдній опирается на бывшій у него въ рукахъ „экстрактъ о слободскихъ полкахъ“ — документъ официальнаго происхожденія; авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“, имя котораго остается неизвѣстнымъ, а также В. В. Гуровъ и Г. Квитка утверждаютъ тоже самое ¹⁾. Одинъ только профессоръ Д. И. Багалъй высказываетъ сомнѣніе по этому поводу, говоря, что „она (грамота) не могла быть пожалована ему (полку), потому что харьковцы приняли участіе въ возмущеніи Брюховецкаго“ ²⁾. Сомнѣніе это возникло только отъ того, что подлинная грамота эта не найдена нигдѣ, имѣется только копія съ нея. Хотя, къ несчастью, небольшая часть жителей Харьковскаго полка и приняла участіе въ этомъ возмущеніи, но грамота эта все таки могла быть пожалована и Харьковскому полку, ибо дана она была 19 февраля 1668 г., между тѣмъ какъ волненія въ полку начались уже послѣ того числа: 4 марта вспыхнулъ мятежъ въ Зміевѣ, Царево-Борисовѣ и др.; 11 марта непріатели подступили къ Харькову; 6 марта было послано письмо кн. Ромодановскаго о вѣрности харьковскихъ

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., стр. 86. И. И. Срезневскій. Ист. об., стр. 9. Топогр. оп. Хар. нам., 29; В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 100. Квитка. О сл. пол. Современникъ 1840 г., т. XVII, стр. 75.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 448

черкасъ государю ¹⁾. Все это, случившееся послѣ пожалованія грамоты, не могло препятствовать тому, чтобы она могла быть выдана и Харьковскому полку въ числѣ другихъ, о чемъ согласно говорятъ вышеприведенные писатели.

Всѣ слободскіе полки, не получая отъ Московскаго правительства равно никакого содержанія, до 1665 г. за то и не несли никакихъ налоговъ, но въ этомъ году Вѣлгородскій разрядъ, въ вѣдѣніи котораго состояли въ это время слободскіе полки, обложилъ оброчными деньгами таможи, шинки, мосты и др. Въ Харьковскомъ полку, впрочемъ, подобными пошлинами былъ обложенъ только одинъ городъ Харьковъ. Эти налоги слобожане встрѣтили очень недружелюбно и вносили ихъ крайне туго, что видно изъ того, что изъ числа 10,458 руб. 50 к., подлежавшихъ уплатѣ за время съ 1665 г. по 1669 г., были уплачены только 3,120 руб.; за харьковскимъ полкомъ числилось 2,226 руб. 50 коп. Слобожане Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ, видя къ себѣ милостивое расположеніе московскаго царя, обратились къ нему съ просьбою отгнѣвить эти пошлыны. Въ отвѣтъ на это прошеніе, Харьковскому полку, на имя полковника Григорія Донца, была пожалована царская грамота отъ 5 мая 7177 (1669) года, которою давались разныя льготы за „прежнія и нынѣшнія службы и за разоренія“, понесенныя полкомъ во время смуть Брюховецкаго, и за „осадное сидѣніе“ этою грамотою козаки; освобождались отъ платежа налоговъ на винныя и пивныя котлы и шинки, а такъ-же прощались имъ недоимки за прошлые годы въ количествѣ 2,226 руб. 50 коп. и тѣ, которыя были уже взяты—849 руб.—возвращались обратно ²⁾. Пожалованіе этой милостивой грамоты, послѣ происшедшихъ въ полку безпорядковъ, служить также доказательствомъ, что царь не гнѣвался на Харьковскій полкъ, бѣльшимъ своимъ составомъ оставшійся ему вѣрнымъ.

Этою грамотою, стало быть, возвращались полку тѣ льготы, которыми онъ пользовался до 1665 года. Особенно пришло по сердцу харьковцамъ свободное винокуреніе и продажа

¹⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 9.

²⁾ Грамота 1669 г. Пол. соб. зак., I, № 449.

вина. Такъ какъ привиллегія свободнаго винокурения на великорусское населеніе не простиралась, то харьковцы получали отъ этого большія выгоды. Въстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ слободскимъ полкамъ быть въ вѣдѣніи Московскаго Посольскаго приказа, чѣмъ царь показывалъ свое благоволеніе и милость ¹⁾.

Бунтъ Стеньки Разина также не прошелъ вполнѣ благополучно для полка — въ Чугуевѣ, Царевоборисовѣ, Балаклеѣ и Меревѣ происходило волненіе, но скоро оно было подавлено; въ Острогжскомъ-же полку даже самъ полковникъ Дзянковский увлекся воззваніями и планами Стеньки, за что и былъ казненъ ²⁾.

¹⁾ П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. II.

²⁾ Ibidem.

ГЛАВА V.

Избраніе Харьковскимъ полковникомъ Григоріа Ерофеевича Донца.—Проведеніе оборонительнаго вала отъ г. Царено-борисова до г. Коломака и продолженіе перекопскаго вала.—Обязанности пограничныхъ козаковъ.—Постройка Изюмской крѣпости.—„Вѣдвіе“ 1726 г.—Царская грамота 1682 г.—Льготы изюмцамъ.—Царскія грамоты 1682 и 1684 гг.—Выдѣленіе особаго Изюмскаго слободскаго казачьяго полка.—Первый Изюмскій полковникъ; царская ему грамота 1685 г.—Отдѣленіе мѣстечекъ и городовъ отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому. Постройка Куряжскаго Преображенскаго монастыря.—Роль монастырей въ колонизаціи края.—Образецъ полковничьяго універсала.

Послѣ смерти вѣрнаго Московскому правительству полковника Ѳедора Репки, на радѣ въ Харьковѣ полковникомъ Харьковскаго полка былъ выбранъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій — „въ воинствѣ, въ побожности мужъ zelo избраннїи“¹⁾, происходившій изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ-за Днѣпра; между слобожанами онъ прославился своими подвигами, давшими ему прозваніе Донца, такъ какъ на этой рѣкѣ билъ онъ часто татаръ. Григорій Ерофеевичъ былъ извѣстенъ не только какъ опытный и храбрый воинъ, но также какъ дѣятельный администраторъ и строитель многихъ укрѣпленій. Онъ провелъ валъ, тянувшійся отъ г. Цареноборисова по рр. Дону и Мжѣ до г. Коломака. Началась эта постройка немного ранѣе 1680 г. и вызвана была частыми нападеными татаръ. Весь этотъ валъ на протяженіи около 200 верстѣ былъ построенъ безъ всякой посторонней помощи Гр.Ер. Донцомъ и козаками Харьковскаго полка; даже русскихъ служилыхъ людей не было на этой работѣ²⁾. Кромѣ этого вала Григорій Ерофеевичъ продолжилъ еще бывшій уже перекопскій валъ, но къ 7-ми верстамъ онъ прибавилъ еще цѣлыхъ 100 верстѣ³⁾.

1) Изъ эпитафіона, писан. въ 1786 г. Пр. Филареть. Отд. I, стр. 57, прим. 35.

2) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 487.

3) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

Козаки городовъ, лежащихъ по вновь построенной чертѣ, должны были спеціально заниматься сторожевой и станичной службой, слѣдить за движеніями татаръ. Постройкой этой черты и заселеніемъ Изюма, какъ увидимъ ниже, Григорій Ерофеевичъ нѣсколько обезопасилъ отъ татарскихъ нападений свой Харьковскій полкъ, который отчасти пересталъ, такимъ образомъ, быть уже пограничнымъ; жители его теперь могли болѣе спокойно предаваться своимъ занятіямъ, почему въ Харьковѣ сторожевая служба сдѣлалась болѣе легкой, и число станичниковъ и сторожей въ городахъ поэтому уменьшилось. Главною же заслугою Донца, какъ строителя, была постройка укрѣпленнаго г. Изюма, въ мѣстности болѣе всего подверженной нападеніямъ татаръ. Городъ этотъ впоследствии сталъ центромъ возникшаго 5-го слободскаго козачьяго полка. Вновь построенный городъ былъ очень хорошо укрѣпленъ,—онъ состоялъ изъ большаго и малаго города, лежалъ на возвышенности, на самомъ берегу р. Донца въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Изюмець съ лѣвой стороны.

Въ „вѣдѣніи“, присланномъ 31 іюня 1726 г. изъ полковой Изюмской канцеляріи объ Изюмскомъ слободскомъ полкѣ говорится: „г. Изюмъ и прочіе того полку мѣстечки и села набраны изъ-за Днѣпра и г. Корсуня и изъ прочихъ разоренныхъ тамошнихъ заднѣпровскихъ мѣстъ, и изъ Малой Россіи, и изъ Слободскихъ полковъ Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго малороссійскими служилыми черкасами, въ прошлыхъ давнихъ годахъ. А населенъ оный Изюмскій полкъ и устроенъ крѣпостями за старую бѣлгородскою чертою, отъ Крымской и Нагайской стороны, въ дикихъ степяхъ надъ рр. Сѣверскимъ Донцомъ и Осоломъ на татарскихъ бродахъ и перелазахъ въ прошломъ сто восемьдесятъ девятомъ году“¹⁾. Уѣзжая изъ Харькова на постройку изюмской крѣпости, полковникъ Донецъ взялъ съ собою для работы 500 харьковскихъ козаковъ; 1000 шли за нимъ, кромѣ того вель еще съ собою козаковъ и сынъ его Константинъ²⁾. Построенъ городъ, значитъ, былъ въ 1681 г., въ слѣдующемъ же 1682 г. Григорій Ерофеевичъ

¹⁾ В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 594—595.

²⁾ Д. И. Багалій. Очерки, стр. 534.

Донецъ получилъ отъ Московскаго царя грамоту, которая разрѣшила ему, согласно его „челобитью“, жить въ новостроенномъ г. Изюмѣ, заселить какъ его, такъ и смежныя съ нимъ мѣста—Спѣваковку и Пришибъ, призывая съ тою цѣлью козаковъ своего и другихъ слободскихъ полковъ „неслужилыхъ черкасъ“¹⁾. Грамота опредѣляла льготы новымъ переселенцамъ на 10 и на 15 лѣтъ, смотря по ихъ достаткамъ; они могли вести безпошлинную торговлю во всѣхъ городахъ, держать шинки, податей и оброковъ никакихъ не платить и „дальней полковой службы не нести“ и т. д. Григорій Ерофеевичъ, хотя и жилъ теперь въ г. Изюмѣ, но по прежнему оставался въ званіи Харьковскаго полковника; въ Харьковѣ-же жилъ сынъ его Константинъ и сталъ называться Харьковскимъ полковникомъ²⁾.

19 февраля 1684 г., въ царствованіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, полковникъ Донецъ получилъ вторую грамоту, въ которой подтверждались льготы, данныя грамотою 1682 г., и, между прочимъ, говорилось, что „пашенныя земли пахать и всякими угодьями владѣть по отводу генерала нашего и воеводы Гр. Ив. Косогова, а про межъ собою по раздѣлу по ихъ черкасскимъ обыкностямъ“ и, что составляетъ особенность, не бывшую въ другихъ полкахъ, „а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣхъ городѣхъ въ тѣ льготные годы у нихъ не быть, а вѣдать ихъ тебѣ и полку твоего урядникамъ; и въ тѣ-же льготные годы въ тѣхъ городѣхъ торговать имъ черкасы всякими товарами безпошлино“... и т. д.³⁾.

Такимъ образомъ Григорій Ерофеевичъ дѣлался полнымъ хозяиномъ во вновь заселенной мѣстности, не будучи стѣсненъ ни воеводами, ни другими русскими чиновниками. Подобнаго довѣрія онъ, конечно, вполне заслуживалъ, ибо все это было созданіе его рукъ; правительство было ему благодарно къ тому-же за устройство новой оборонительной линіи по Донцу.

Особый Слободскій Изюмскій полкъ выдѣлился въ 1685 г.⁴⁾.

1) Грамота 1682 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

2) Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 180.

3) Грамота 1684 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

4) Д. И. Багалъй. Очерки, 535. Грамота 1685 г. Филаретъ. Ист. стат. опис. Хар. епархія, V, стр. 8.

Авторъ исторіи Изюмскаго полка—Г. Гербель, стремится доказать, что полкъ этотъ возникъ не позже, какъ было на самомъ дѣлѣ, а, наоборотъ, ранѣ другихъ Слободскихъ полковъ, и, значитъ, ранѣ своего родителя—Харьковскаго полка. На страницѣ третьей¹⁾ своего сочиненія онъ говоритъ: „во всякомъ случаѣ, по времени поселенія Изюмскій полкъ, за исключеніемъ Рыбинскаго (нынѣ несуществующаго), *безспорно* есть самый старый полкъ изъ всѣхъ слободскихъ полковъ, что свидѣтельствуя Коннискій, Маркевичъ и др.“

Въ доказательство своего „безспорно“ онъ приводитъ слѣдующіе источники: „Исторія Русовъ“ (неправильно приписываемую моголевскому епископу, этотъ памфлетъ, „такъ долго вводившій въ заблужденіе многихъ историковъ“), и „Исторію Малороссіи“ Маркевича; этотъ послѣдній источникъ не сообщаетъ намъ ничего новаго, ибо буквально, слово въ слово, перепечатываетъ, безъ указанія откуда взято, 104 страницу изъ „Исторіи Руссовъ“²⁾, чего авторъ исторіи Изюмскаго полка, вѣроятно не замѣтилъ. Остается пожалѣть, что авторъ не указалъ, какіе это именно „и др.“ источники, кромѣ названныхъ имъ двухъ, онъ имѣлъ въ виду.

Первымъ полковникомъ Изюмскаго полка былъ Константинъ Григорьевичъ Донецъ - Захаржевскій, дѣятельно помогавшій отцу своему строить крѣпость Изюмъ и заселять область новаго полка. При назначеніи своемъ полковникомъ Конст. Гр. Донецъ получилъ царскую грамоту (отъ 31 ген. 1685 г.), въ которой говорится, что онъ, „харьковскій наказной полковникъ, за многія службы его отца“ назначается полковникомъ вновь образованнаго Изюмскаго полка, но назначается не вполне самостоятельно, а „съ отцомъ его, Григоріемъ, вмѣстѣ“. Царь внушалъ новому полковнику служить вѣрно, „такъ-же, какъ и отецъ его, Григорій, котораго слушаться приказывалось во всемъ“³⁾. Полковникъ Конст. Донецъ былъ раненъ въ сраженіи и умеръ въ 1692 г. По этой грамотѣ 1685 года отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому были отдѣлены слѣдующіе

¹⁾ Н. Гербель. Изюм. Слоб. коз. полкъ. С.-Шб. 52 г., стр. 3.

²⁾ Г. Коннискій. Ист. Руссовъ или Малой Россіи. Моск. 46 г., стр. 104.

³⁾ Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

мѣстечки и городки: Изюмъ, Острогожскъ, Двурѣчное, Новый Перекопъ, Балаклея, Андреевы лозы, Бишкинъ, Лиманъ, Савинцы, Царевоборисовъ, Сеньковъ, Купецкій и Каменка ¹⁾ и, кромѣ того, вѣроятно, были отдѣлены позднѣе еще слѣд.: Печенѣги, Махнатъ, Зміевъ, Спѣваковка, Купенка и Торъ ²⁾ (нынѣ Славянскъ).

Дѣятельность Григорія Ерофеевича не ограничивалась постройкою однихъ укрѣпленій,—онъ заботился такъ-же объ увеличеніи числа храмовъ Божіихъ: такъ былъ основанъ имъ, съ помощью нѣкоторыхъ старшинъ полка, въ 1663 г., въ 8-ми верстахъ отъ Харькова, Куряжскій Преображенскій монастырь, существующій и нынѣ. Для устройства монастыря были вызваны изъ Святогорской обители архимандритъ Іоиль съ братіей,—онъ и былъ первымъ настоятелемъ вновь созданнаго монастыря.

Свое названіе Куряжскій монастырь получилъ по фамиліи нѣкоего Алексѣя Куряжскаго, пасѣка котораго стояла на томъ мѣстѣ; оно было у него куплено Бѣлашемъ Тенетевскимъ за 150 грошей. Этотъ послѣдній продалъ его полковнику Донцу подъ монастырь за 200 злотыхъ и въ придачу получилъ еще мельницу на р. Харьковѣ ³⁾. Первое время монастырь существовалъ на пожертвованія, которыя дѣлалъ Григорій Ерофеевичъ и его преемники. Монастырю были отведены земли и угодья. Мѣсто для постройки было выбрано очень удачно по своему живописному положенію. Въ дѣлѣ заселенія края и развитія его культуры монастыри играли видную роль: владѣя большими землями и угодьями, монастыри не имѣли возможности обрабатывать все это руками одной братіи, поэтому они старались зазывать крестьянъ, селя ихъ на своей землѣ. Хозяйство, веденное въ большихъ

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 535. Г. Квитка. О слоб. пол. Совр. 40 г., т. XVII, стр. 66; Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, 18.

Примѣчаніе. На мѣстѣ г. Тора, какъ думатьъ, въ древности было поселеніе торковъ, степного народа, обитавшаго въ этихъ мѣстахъ. Въ росписаніи сторожей 1571 года упоминается одна сторожа, стоявшая на р. С. Донцѣ противъ р. Торцы, гдѣ былъ построенъ послѣ городъ.

³⁾ Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 55.

размѣрахъ, служило образцомъ для населенія, тѣмъ болѣе, что монастырь не ограничивался веденіемъ только хлѣбопашества, скотоводства и пчеловодства—монахи выдѣлывали себѣ сами все то, въ чемъ нуждались въ своей домашней жизни. Татарскія нападенія, отъ которыхъ монастыри также не были избавлены, заставляли укрѣплять ихъ, имѣть свои пушки и держать ратныхъ людей.

Для примѣра того языка, которымъ писали жители Слободской Украины, а такъ-же какъ образецъ полковничьяго универсала, помѣщаемъ здѣсь документъ 1678 г., которымъ Люботинская мельница назначалась Куряжскому монастырю. Къ тому-же этотъ документъ рисуеть одинъ эпизодъ изъ жизни полка.

„Великодержавнаго Благочестиваго Царя и Вел. Кн. Алексѣя Мих., всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, я, полковникъ Григорій Ерофѣевичъ Донецъ, вѣстно чиню всѣмъ, о семъ комуколькокъ будетъ вѣдать въ полку нашемъ Харьковскомъ, же застаючи я на полковничествѣ Харьковскомъ по указу Царя Вел. Алексѣя Мих., всея Россіи сам., яко дано мнѣ вѣдать о всемъ въ полку Харьковскомъ, свѣдалъ: которое то дѣло прилучилось неподобное еще за полковника Ѳедора Рѣпки въ полку нашемъ Харьковскомъ убійственны же Левко Жигалка да Омелянъ мельники, жители Гавриловскіе, позабывали изъ Бѣлгорода служивыхъ дѣтей боярскихъ, идучихъ изъ службы изъ-подъ Валокъ котораго-то забойцу одного поймавши, Левку Жигалку мельника, полковникъ Ѳедоръ Рѣпка казалъ разстрѣлять въ г. Харьковѣ; а Омелянъ мельникъ убѣжалъ, гдѣ онъ зналъ. Которыхъ то грунта отъ того часу въ запустеніи оставали. Когда-же, по Указу Его Цар. Вел., Алексѣя Мих., всея Россіи самод., мнѣ, Григорію Ерофѣевичу, дано полковничество Харьковскаго полку, я узнавши извѣстно отъ людей о тѣхъ грунтахъ и займѣ на млынѣ по рѣчцѣ Люботинцѣ, приняемся къ тому, яко принальжно старшимъ вѣдать о всемъ, въ чемъ намѣреніе мое исполняючи, Всемиловитому Спасу и Св. Великомученику Георгію завѣвши я монастырь на своемъ грунтѣ, иже подъ Куряжемъ, подли шляху zostаетъ, прида-

лень и оный грунтъ Омеляновъ мельниковъ забойцовъ до монастыря своего харьковского Преображенскаго за всѣми принадлежностями, съ землею и въ сѣнними покосами, которые внизъ рѣчки Люботинки до Удъ остаются, тымъ бокомъ рѣчки горою и симъ бокомъ внизъ Удами на долиницѣ, по два дуба на горѣ пахатнаго поля, который то грунтъ знаючи сполна кумъ мой Логвинъ, сотникъ Люботинскій, да Григорій Капустянскій, житель тожь Люботинскій, и Степанъ Ушкало, писарь тожь Люботинскій, которые-то заводцами (свидѣтелями) были съ товариствомъ многимъ козацкимъ села Люботинскаго, а за мною Полковникомъ Харьковскимъ, Григоріемъ Донцомъ, изъ г. Харькова судья Тимофей Ключко, да Алексѣй Рудій, братчикъ Рождества Христова, да Лонгвинъ Крамарь, жители Харьковскіе, совокупно со мною бывши подъ р. Люботинкою оныя всѣ мнѣ показывали грунта и займу на млинъ Омеляна мельника забойцы которіе-то грунта отъ заводцевъ вышеписанныхъ я узнавши истотне, приняемъ оныхъ и давши достатокъ своего скарбу, вручилемъ Лонгвину Ѳедоровичу, жителю Харьковскому, вкладчику со мною монастыря Харьковскаго, жебы греблю засыпавъ и млинъ збудувалъ на оной греблѣ, на р. Люботинцѣ внизъ на грунтѣ Омеляновомъ мельника, жителя гавриловскаго. Который взявши скарбъ отъ меня Лонгвинъ Ѳедоровичъ и познавъ мѣрошника Лаврина Кубру на оное дѣло всѣмъ моимъ достаткомъ построилъ мельницу и греблю на р. Люботинѣ и то построивши все совершенно належитое въ млинѣ и потомъ вручилисьмо Герману, архимандриту монастыря нашего Харьковскаго, съ братією его. Кабы въ тѣ всѣ грунта никто не важилъ втругатися отъ жадныхъ пріятелей моихъ ближнихъ и дальнихъ, жаднымъ способомъ кривды и перешкоды чинить сурово симъ письмомъ нашимъ вручаемъ и приказуемъ и для крѣпости во всемъ на оный грунтъ сей поступной листъ за подписомъ руки и печати нашей притѣсенней далисмо въ монастырь нашъ чернецамъ, иже надъ Куряжею живутъ. Писанъ въ Харьковѣ при заводцахъ вышеписанныхъ, року отъ Рожд. Христ. 1678 авг.

17 дня¹⁾. На подлинномъ по польски: „Григорій Ерофеевичъ Донецъ и полковникъ Харьковскій рукою властною“.

За всѣ дѣла свои и преданность Москвѣ Григорій Ерофеевичъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ царей; въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей онъ былъ пожалованъ званіемъ стольника²⁾, почему въ универсалахъ и другихъ бумагахъ именовался: „стольникъ и полковникъ“.

1) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

2) Г. Бѣнтка. Зап. о слоб. пол., стр. 23.

ГЛАВА VI.

Татарскія нападенія, характеръ ихъ.—Выносливость татарскихъ лошадей.—Время набѣговъ.—Переправа чрезъ рѣки.—Численность лошадей.—Средства замечанія слѣдовъ и скрытія истиннаго числа нападающихъ.—Отсиживание жителей въ укрѣпленныхъ мѣстахъ.—Численность татаръ при набѣгахъ на Украйну.—Внезапность нападеній.—Одночныя нападенія.—Убытки, приносимыя татарами краю.—Плѣнные.—Судьба ихъ.—Обращеніе съ ними.—Освобожденіе плѣнныхъ, выкупъ, отбываніе.—Плачь невольниковъ.—Невольничьи рынки.—„Поломянничий сборъ“.—Распространеніе тревоги, маяки.—Погоня за грабителями.—Клады.—Услуга, оказанная Гр. Ер. Донцомъ Харьковскому полку.—Перечисленіе татарскихъ набѣговъ на Харьковскій полкъ.—Битвы Харьковцевъ съ ними.—Убытки.

Со времени поселенія черкасъ въ новыхъ мѣстахъ, какъ мы уже о томъ говорили, они безпрестанно подвергались нападеніямъ татаръ; а когда этихъ нападеній не было, то надъ ними тяготѣлъ постоянный страхъ предъ ними, не позволявшій имъ заниматься мирными трудами; страхъ заставлявшій ихъ всю силу и энергію тратить на укрѣпленія своихъ городовъ и несеніе трудной сторожевой службы. Ко времени управленія полкомъ Григорія Ерофеевича относится цѣлый рядъ такихъ нападеній, между которыми нѣкоторыя были очень опустошительны.

Степные хищники-татары были очень искусны въ дѣлѣ внезапныхъ набѣговъ, въ веденіи партизанской войны; будучи мастерами такого рода, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были трусливы въ открытомъ полѣ. Когда слобожане бывали во время извѣщены о появленіи непріятели и успѣвали выйти ему навстрѣчу, то этотъ врагъ уже дѣлался не страшенъ; его часто били, если только онъ не уклонялся отъ боя, а татарамъ дѣлать это было легко на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ. Если они видѣли, что появленіе ихъ въ мѣстности открыто и жители готовы дать имъ отпоръ,

они улетали въ степь, разсѣивались по ней въ разныя стороны и дѣлались поэтому неуловимы; догнать-же татарина въ степи было трудно—кони ихъ были быстрѣе малороссійскихъ и очень выносливы: проскакать для татарской лошади 75 верстъ не представляло особенной трудности. Къ тому-же, татаринъ, отправляясь въ походъ, бралъ съ собою двѣ, даже три лошади, которыхъ велъ въ заводу какъ для того, чтобы навьючивать на нихъ награбленную добычу, такъ и для того, чтобы имѣть подъ рукою свѣжую, неистомленную тяжестью всадника лошадь, когда пришлось-бы уходить отъ преслѣдованія; на всемъ скаку перескакивалъ татаринъ на другую съ измученной, которая, будучи къ тому приучена, послѣ этого сама перебѣгала на правую сторону, чтобы, когда придетъ ея очередь, хозяину было-бы удобнѣе снова на нее перескочить. Ковали лошадей своихъ татары на бычачій рогъ, прикрѣпляя его къ копыту кожею, что конечно, было не прочно. Татары избѣгали дѣлать свои нападенія во время безснѣжныхъ зимъ и гололедицы, когда ихъ лошади скользили; хотя рядомъ съ этимъ излюбленнымъ временемъ года для набѣговъ была зима,—тогда замерзали рѣки, болота, и ничто уже не могло удерживать татаръ. Выступая въ походъ, по большей части въ началѣ января, они рассчитывали время такъ, чтобы къ началу весенняго разлива поспѣть домой. Но и въ лѣтнее время рѣки, даже такія широкія, какъ Днѣпръ, не служили такою уже для татарина преградой, надъ которою бы онъ особенно задумался. Путешествуя всегда налегкѣ, безъ обоза, они легко переправлялись черезъ рѣки, устраивая для этой цѣли родъ небольшого плота изъ палокъ и рѣчного камыша, который находили вездѣ по берегамъ рѣкъ. На устроенный, такимъ образомъ, плотъ они клали свое платье, сѣдла и оружіе, привязывали его къ хвосту лошади и рядомъ съ нею переплывали черезъ рѣку, гребя только одною рукою, а другою направляя лошадь. Если рѣки и могли служить препятствіемъ для татаръ, то при обратномъ ихъ шествіи, когда награбленную добычу и плѣнныхъ нельзя было переправлять на такихъ утлыхъ плотахъ. Вслѣдствіе обыкновенія брать по нѣсколько лошадей на каж-

даго всадника, численность орды всегда почти казалась вдвое, втрое многочисленнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—„не такъ часты бывають деревья въ лѣсу, какъ конница татарская, выступившая въ поле. Ее можно уподобить нѣкоторому облаку, на горизонтѣ плывущему и, по мѣрѣ приближенія своего, распространяющемуся“. При нападеніяхъ лѣтомъ, когда высокая трава въ степи легко могла-бы обнаружить козакамъ численность орды, татары, желая скрыть это, прибѣгали къ слѣдующей хитрости, возможной только при обширности тѣхъ степей, которыя служили ареною ихъ разбойничьей дѣятельности: не доходя 20—30 миль до границы, орда дѣлилась на четыре равныя части, и эти отдѣлившіеся отряды отходили въ четыре противоположныя стороны—впередъ, назадъ, вправо и влѣво—мили на полторы отъ мѣста отдѣленія, гдѣ, раздѣлясь опять на три равныя части, снова раздѣжались въ три стороны—впередъ, вправо и влѣво; каждая часть, отойдя на нѣкоторое разстояніе, дѣлилась въ свою очередь опять на три отряда. Такимъ образомъ, если первоначально партія состояла изъ 400 человекъ, то при послѣднемъ дѣленіи являлась уже человекъ въ 11. Прямая трава отъ такого, сравнительно небольшого, числа лошадинныхъ ногъ чрезъ нѣкоторое время поднималась снова, и всякій слѣдъ прохода въ этомъ мѣстѣ татаръ исчезалъ. Другая выгода такого маневра состояла въ томъ, что сторожа, высланные въ степь для наблюденія, наткнувшись на немногочисленную партію непріятеля, о ней только и давали знать, что и вводило слобожанъ и воеводъ часто въ заблужденіе. А татары, между тѣмъ, продѣлавъ этотъ маневръ на ерупной рыси не болѣе какъ въ 1½ часа, сходились въ условленномъ заранѣ мѣстѣ и дѣлали нападенія въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ ихъ предполагали встрѣтить¹⁾. Если же Крымцамъ приходилось иногда вступать въ сраженіе въ открытомъ полѣ, то тогда они прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы поставить непріятеля въ худшія условія; они старались нападать такъ, чтобы вѣтеръ и солнце были

¹⁾ Вантши-Каменскій. Ист. Мал. Рос., гл. XIX, часть I, написанная по Бошлану.

въ глаза врагу. Грудью, такъ сказать, они не бились,—а, подскакавъ къ непріятелю, пускали въ него тучи стрѣлъ чрезъ лѣвое плечо, стрѣляя шаговъ съ 60—100; сдѣлавъ это, они убѣгали опять, разсѣивались по степи; соединясь снова, кружились около непріятеля; стрѣляли же татары изъ лука очень мѣтко. Стрѣлы свои они носили въ колчанахъ, гдѣ помѣщалось ихъ около 20, за спиною. Татары не любили нападать и на укрѣпленные пункты, такъ что жители легко могли отсиживаться отъ нихъ; но такое отсиживаніе конечно, дорого стоило имъ. При извѣстїи о появленїи татаръ, жители сель и хуторовъ должны были, забирая съ собою свое имущество и скоть, спѣшить подъ защиту городскихъ укрѣпленій; если-же это случалось во время жатвы, то имъ приходилось бросать всѣ полевныя работы; когда-же тревожное время продолжалось долго, то хлѣбъ такъ и оставался необраннымъ, высыпался, а тѣ, которые положили не мало труда, чтобы его посѣять, оставались на зиму безъ своего хлѣба, имъ приходилось его покупать. (Выше мы уже приводили въ примѣръ этому челобиты Савинскихъ жителей и письмо протоіерея г. Балаклея). Татары-же, между тѣмъ какъ черкасы отсиживались въ городахъ, хозяйничали по окрестностямъ и немилосердно жгли деревни и хутора. Татарамъ часто удавалось незамѣтно пробираться въ край, обреченный ими огню и мечу; когда имъ случалось захватить въ степи сторожей ¹⁾, то некому уже было давать знать объ ихъ появленїи. Подобравшись къ валу, они прокапывали его и прорубливали топорами сдѣланныя на немъ засѣки.

Численность силъ при нападенїи бывала различна; иногда самъ ханъ крымскій предпринималъ походъ, тогда съ нимъ шла многочисленная орда; таковы были, напр., нападенія 1680 и 1693 гг. ²⁾; но чаще набѣги предпринимались сравни-

¹⁾ Сторожаки, развѣзавшимъ по степи для наблюденія за движеніями татаръ и для предупрежденія нечаяннаго ихъ нападенія на черкасскія слободы, полагалась особая плата. Въ росписанїи сборовъ съ полка за 1726 годъ на жалованье сторожамъ выведено въ расходъ 128 руб.—сумма очень небольшая, если взять во вниманіе немалое число постовъ, а также трудность и отвѣтственность самой службы. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 462; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

тельно небольшими шайками, численность которыхъ доходила до нѣсколькихъ тысячъ и даже нѣсколькихъ сотенъ человекъ. Пробравшись къ селамъ, на которыя намѣревались напасть, татары раздѣлялись на двѣ половины,—одна оставалась на мѣстѣ, становилась кошемъ и служила какъ-бы резервомъ другой половины, которая грабила окрестности. Весь залогъ своихъ успѣховъ татары полагали во внезапности своихъ нападений; чтобы дать понятіе о такой внезапности, приведемъ въ примѣръ нападеніе татаръ на г. Изюмъ, который, какъ полковой, долженъ былъ, казалось-бы, хорошо охраняться и, тѣмъ не менѣе, въ 1690 г. татары среди бѣла дня ворвались въ городъ для грабежа, когда жители выходили изъ церкви ¹⁾).

Кромѣ нападенія цѣлою ордою, подъ предводительствомъ хана, кромѣ нападений небольшими партіями, татары постоянно рыскали по Украинѣ и небольшимъ числомъ, въ нѣсколько десятковъ, въ нѣсколько человекъ, а то просто даже въ одиночку охотились на жителей, какъ на какихъ либо звѣрей, подстерегая ихъ по дорогамъ. Время для своихъ нападений они выбирали, когда полчане уходили куда либо въ походъ, а что дѣлалось у слобожанъ, татарамъ хорошо было извѣстно. Дерзость этихъ охотниковъ на людей иногда доходила до того, что они днемъ, незамѣтно подкравшись къ селенію или городу, хватали неосторожно вышедшихъ оттуда жителей. Вотъ очень характерный примѣръ этого: „козакъ Игнатъ Сѣренко увидѣлъ на другой сторонѣ рѣки татарина, который увозилъ его жену, рѣшился пустить вслѣдъ за нимъ пулю изъ своей „ручницы“. Но къ большому счастью жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповаль только похититель, а борзый конь достался въ добычу“ ²⁾).

Цѣль всѣхъ этихъ татарскихъ нападений были грабежъ и плѣнные (ассирь). Крымъ былъ чисто разбойничье гнѣздо, откуда время отъ времени вылетали дикіе хищники для своей обычной работы. Татары выжигали цѣлыя села; жителей убивали и уводили въ плѣнъ, сколько были въ состояніи захва-

¹⁾ Д. И. Багалій. Очерки, стр. 462; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

²⁾ В. Карзинъ. Взглядъ на Укр. стар., Молодикъ 1844 г., стр. 36.

тять; угоняли съ собою также „конскія и животинскія стада“; послѣ этихъ варваровъ оставались только трупы да сожженныя деревни. О вредѣ, приносимомъ татарами, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ: въ набѣгѣ 1680 г. въ Харьковскомъ полку (кромѣ того, что въ Золочевѣ) „всего было захвачено въ плѣнъ 215 чел., уведено 11,299 штукъ скота, сожжено 11 дворовъ и 8 хуторовъ и, наконецъ, пограблено и сожжено много хлѣба въ зернѣ и копнахъ“¹⁾.

Плѣнниковъ, уводимыхъ татарами, ждала горькая судьба. Молодыя дѣвушки и женщины, которыхъ татары особенно охотно забирали, поступали къ нимъ въ наложницы, или изъ Крыма разсылались по разнымъ невольничьимъ рынкамъ; мужчины-же и некрасивыя женщины должны были нести ручныя тяжелыя работы; вся прислуга въ Крыму была изъ невольниковъ, съ ними обходились очень жестоко, клеймили лобъ и щеки. Сильныхъ-же мужчинъ и женщинъ ждала особенно горькая судьба—ихъ засаживали на турецкія галеры и обращали въ машины, — они должны были, сидя прикованными на мѣстѣ у весель, работать ими день и ночь. Турки себѣ преспокойно спали, а „бѣдны невольники“ съ правильностью пароконнаго винта принуждены были дѣлать свое дѣло, неся по морю тирановъ часто въ битву противъ своихъ-же братьевъ; машину, для легкости хода смазываютъ масломъ, а тѣхъ несчастныхъ людей для поощренія били по спинѣ прутьями, которые были извѣстны у нихъ подъ именемъ „червоной таволги“. Для большаго удобства производить эту экзекуцію спины козаковъ—невольниковъ постоянно до пояса бывали обнажены. Молчаливо, съ глубоко затаенною въ сердцѣ ненавистью, сносили все это бѣдныя жертвы варварскаго вѣка и религіознаго фанатизма; праздника для нихъ никогда не было, а отдыхъ былъ только, когда галера стояла у пристани. Этимъ несчастнымъ оставалось только проклинать „землю турецкую, віру бусурманскую“; единственнымъ лучемъ надежды на освобожденіе была встрѣча галеры съ козаками и побѣда послѣднихъ—тогда только невольниковъ ждало освобожденіе. Козаки для всѣхъ плѣнниковъ, которые не могли питать надежды на выкупъ,

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 461.

являлись единственными спасителями. Не мудрено, что народъ обожалъ козаковъ, которые посвящали себя для борьбы съ монгольскимъ міромъ; любовь эта сильно вкоренилась въ сердцахъ украинцевъ, и память объ этихъ народныхъ герояхъ живетъ до послѣднихъ дней. „Тяжкая неволя турецкая“ и самыя цѣпи—„кайданы“, не умерли до сихъ поръ, когда все это давно отошло уже въ область преданій. Народная поэзія восхваляетъ козака,—освободителя, называя его всегда именами вѣжными, а устами невольниковъ посылаетъ горячую молитву Богу, прося Его:

„Ой, визволь, Господи,
Нас всіх бідних невольників
З тяжкою неволи турецкої,
З каторги бусурманскої
На тихі води,
На ясні зорі

У край веселій,
У мір хрещений!
Вислухай, Боже, у прозьбах
щирых,
У нещасных молитвах
Нас, бідних невольників“.

Цѣлыя десятки тысячъ подобныхъ несчастныхъ мучениковъ приводили татары изъ Польши и Московіи. Торговля невольниками была правильно организована, центромъ ея былъ въ малой Азіи г. Кафа, а въ Крыму—Козловъ (Евпаторія). Слобжанки, захваченныя въ плѣнъ, продавались въ Турцію, Персію и др. государства. Нѣкоторымъ изъ плѣнниковъ—„полонянниковъ“ удавалось уходить изъ неволи съ дороги, употребляя разныя хитрости, другимъ изъ Крыма и даже Царьграда. Такъ харьковская слобжанка, Ульяна Свынарева, дочь крестьянина полковника Донца, захваченная въ плѣнъ татарами въ с. Новой Ладогѣ, ушла ночью и счастливо встрѣтилась съ полтавскими козаками, ловившими рыбу въ Великомъ лугу¹⁾. Полонянники, которымъ уйти не удавалось, бывали иногда выкуплены своими родственниками, которые, купивъ фирманъ (свободный пропускъ), пускались по Крыму и Турціи искать своихъ братьевъ, отцовъ, женъ и дочерей, переходя съ одного невольничьяго рынка на другой, разыскивая ихъ слѣдъ. Въ московскомъ государствѣ существовалъ даже особенный фондъ—„поломянничій сборъ“, который пополнялся путемъ сбора съ народа; дѣятельное участіе въ дѣлѣ выкупа плѣнныхъ при-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 466.

нимала православная церковь; при выкупѣ платилось за человека отъ 100 до 15 рублей, смотря по его достоинству ¹⁾).

Незавидно было житье харьковцевъ, особенно первое время! Это ежеминутное ожиданіе непріятеля, который бывало налетитъ неожиданно на деревню, разграбитъ все, сожжетъ домъ, уведетъ жену и дѣтей—даже грудныхъ дѣтей увозили татары съ собою, чтобы обратить ихъ въ магометанство. Козакъ, собираясь въ походъ, или куда либо въ командировку, прощался обыкновенно со своею женою, какъ-бы навсегда, ибо часто самъ ложился на полѣ битвы, или попадался въ плѣнъ, или, возвратясь домой, находилъ деревню разграбленную, а жену и дѣтей уведенными въ неволю; и онъ дѣлался круглою сиротою безъ надежды на возвратъ ему близкихъ людей. Мужчинамъ часто удавалось освобождаться изъ плѣна: ихъ иногда выкупали, но женщины, обыкновенно, назадъ уже не возвращались, ибо, при недостаткѣ денегъ, выкупались только мужчины, которые могли еще пригодиться на службу. При частыхъ стычкахъ съ татарами, казаки почти не брали послѣднихъ въ плѣнъ, а прямо истребляли. Татарамъ плѣнные были нужны для продажи, для заработка, для обращенія въ рабовъ, которые исполняли-бы всѣ тяжкія работы; казаки-же, какъ христіане, гнушались первымъ и не нуждались въ послѣднемъ. Къ тому-же татаринъ предпочиталъ смерть, а въ неволю живымъ не отдавался, почему на размынъ плѣнныхъ рассчитывать было нельзя. Правда, плѣнныхъ часто отбивали. Ранговые казаки, узнавъ о нападеніи, бросались за грабителями и настигали ихъ, ибо татары, обремененные награбленною добычею, не могли такъ быстро уходить, какъ дѣлали это налегкѣ; татары, видя за собою погоню, бросали обыкновенно все и уходили. Для достиженія этого нужно было только, чтобы тревога возможно быстрѣе распространилась по деревнямъ и достигла-бы сотеннаго городка, для чего прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: около всякаго селенія, на возвышенномъ мѣстѣ ставили маяки, сдѣланные изъ легко воспламеняющагося матеріала. Когда случалось нападеніе на какое

¹⁾ Уложеніе Алек. Мих., изд. 1737 г., гл. 8 о искупленіи плѣнныхъ §§ 1—7, стр. 21—22.

либо селеніе, то жители спѣшили прежде всего зажечь свои маяки; замѣтивъ этотъ зловѣщій сигналъ, сосѣднія села зажигали свои; такимъ образомъ тревога распространялась всюду ¹⁾. При видѣ горящихъ маяковъ, жители вооружались, готовились къ отпору, пряча свое имущество въ укромныхъ уголкахъ. Ранговые-же казаки неслись къ мѣсту нападенія бить врага, или его преслѣдовать, если онъ, сдѣлавъ свое дѣло, спѣшилъ уходить. Деньги и что поцѣннѣе, обыкновенно, казаки держали закопанными въ землѣ, гдѣ нибудь въ саду, въ лѣсу, чѣмъ и объясняется большое количество „кладовъ“, находимыхъ и нынѣ на Украинѣ, ибо, закопавъ въ землю свои капиталы, хозяинъ часто бывалъ или убитымъ, или уводимъ въ неволю, а клады оставались лежать не одну сотню лѣтъ въ землѣ, чтобы послѣ, случайно, при рытьѣ погребя или колодезя появляться на свѣтъ.

Смоляные маяки приносили въ извѣстной степени пользу и нерѣдко спасали слобожанъ отъ неволи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда нападенія дѣлались небольшими партіями, да и то достигалась цѣль маяковъ только отчасти, вслѣдствіе того, что сдѣлавъ внезапный набѣгъ и забравъ, что можно, татары часто успѣвали уходить. При нападеніи же огромными силами, какъ это стали дѣлать татары по мѣрѣ того, какъ строились укрѣпленія, маяки не могли уже спасать отъ грабежа и плѣна; тогда казаки были уже безсильны и могли спастись только отсиживаясь въ крѣпостяхъ, чтѣ спасало жизнь, но не имущество.

Уводомъ жителей въ плѣнъ татары наносили полку очень большой вредъ, не говоря уже о томъ, что дѣлали нравственное ихъ положеніе ужаснымъ, ибо часто мужъ лишился жены, молодья дѣвушки—„дівкі бранки“ становились наложницами ненавистныхъ бусурманъ; наносили вредъ самому полку, изъ рядовъ котораго ежегодно выхватывали много козаковъ, что было очень чувствительно при тогдашнемъ рѣдкомъ населеніи.

Изъ всего этого мы видимъ, какую громадную услугу оказалъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ своему Харьковскому полку, защитивъ его рядомъ укрѣпленій и заселивъ большое

¹⁾ Г. Квитка. Сочинен., т. III, стр. 109.

пространство на юго-востокъ отъ него, создавъ новый Изюмскій полкъ, отчасти, такимъ образомъ, заслонившій собою Харьковскій отъ крымцевъ и калмыковъ. Но, кромѣ этихъ мѣръ, полковникъ велъ постоянную и упорную борьбу съ татарами, удачно отражая ихъ нападенія на Харьковскій полкъ, и нерѣдко нанося имъ пораженія.

Въ 1672 г. разбилъ онъ подъ Мерефою татаръ и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя; цѣлую зиму онъ простоялъ въ Ахтыркѣ, охраняя территорію своего полка отъ вторженія въ нее татаръ ¹⁾. Въ слѣдующемъ году татары подошли подъ Печенѣги, Малиновку и Андреевы Лозы ²⁾. Въ 1678 г. татары совершенно разрушили Савинскъ и д. Двурѣчное. Харьковскій наказной полковникъ сотникъ Гаврило Могильниковъ бился съ татарами подъ г. Савинскомъ. Изъ разсказа взятаго въ плѣнъ татарина оказалось, что подъ Савинскъ подходили 540 азовцевъ и 6 куреней нагайцевъ подъ командою азовца Синей-Оги. На Савинскъ ордынцы напали „безвѣстно загономъ“ и обложили городъ, прoderжавъ въ осадѣ Могильникова, и козайничали въ окрестностяхъ. Жена Могильникова, дѣти и многіе жители были истреблены, или взяты въ плѣнъ, а скотъ угнанъ ³⁾. Этотъ-же сотникъ Могильниковъ („Могилка“) въ 1675 г. въ стычкахъ нахватавъ множество татаръ въ плѣнъ, которые и были отосланы въ Москву. За это полковникъ Донецъ, какъ пишетъ Орловскій, получилъ похвальную грамоту ⁴⁾.

Къ 1679 г. татары разорили Чугуевъ; подъ Харьковомъ они были разбиты Григоріемъ Ерофеевичемъ; онъ у нихъ отбилъ скотъ и набранныхъ плѣнныхъ ⁵⁾, за что такъ-же получилъ похвальную грамоту ⁶⁾.

Къ 1680 г. относится одинъ изъ опустошительнѣйшихъ набѣговъ, которымъ только подвергалась Слободская Украйна. Во главѣ Крымской орды сталъ самъ ханъ, высланный на

¹⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

²⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 464.

³⁾ Ibidem, стр. 463.

⁴⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 36.

⁵⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 463.

⁶⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

этотъ разъ въ набѣгъ Турціею для отвлеченія силъ русскихъ отъ Кіева, на который турки сами собирались напасть. Въ этомъ году одновременно съ Крымцами на Слободскую Украину сдѣлали нападеніе азовскіе татары, калмыки и черкесы, условившись въ одинъ день сдѣлать во многихъ мѣстахъ нападенія. Ханъ перешелъ валъ между Коломакомъ и Перекопомъ 22 янв. ночью и, пройдя Мерчикъ, остановился ¹⁾, по татарскому обыкновенію, съ половиною войска кошемъ, гдѣ и простоялъ до самаго ухода; около-же Перекопа осталась многочисленная застава для обезпеченія, вѣроятно, пути отступленія; другая половина, какъ водится, разбрелась въ разныя стороны для своей губительной работы; подверглись разоренію слѣд. села полка: Золочевъ, гдѣ взято въ плѣнъ 122 человекъ, угнано 1697 головъ скота, унесено 50 ульевъ съ пчелами, 6 руб. денегъ и 30 ведеръ вина ²⁾, Деркачи, Лозовая, Липцы, Ворщевое, Жихарь и др. Скотъ и имущество этихъ деревень были пограблены, жители частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Этими, впрочемъ, селами татары и ограничились, не подходили ни къ Харькову, ни къ другимъ городамъ полка. Общій итогъ того, что здѣсь надѣлали татары въ 1680 г. (кромѣ Золочева), мы уже приводили выше. Подверглась разоренію и деревня, принадлежавшая Григорію Ерофеевичу, на р. Удахъ, гдѣ взято было въ плѣнъ 4 челадника, 25 душъ подданныхъ, уведено 1104 головы скота, унесено 30 ульевъ пчель, пограблено и сожжено 1294 четв. хлѣба, сожжено 11 дворовъ. Въ с. Борщевомъ татары разграбили церковь, обобрали иконы, взяли съ собою напрестольное Евангеліе и все, что нашли цѣннаго.

По полученіи извѣстія о движеніи татаръ, воевода харьковскій оповѣстилъ объ этомъ жителей, которымъ приказано было со всѣмъ имуществомъ спѣшить въ Харьковъ; Григорій-же Ерофеевичъ съ полкомъ пошелъ къ Золочеву, гдѣ тогда произошли двѣ битвы. У татаръ была отнята вся добыча. Въ этой битвѣ полковникъ „Захаржевскій громилъ“, по словамъ очевидца, сотника Щербины, „враговъ въ раз-

¹⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы, томъ II, стр. 97.

²⁾ Ibidem.

ныхъ мѣстахъ, и острая сабля его плавала въ крови поганныхъ“. Результатомъ этого было то, что татары пошли изъ русскихъ городовъ Муровскимъ шляхомъ, а полкъ 29 янв. возвратился въ Харьковъ ¹⁾.

Въ 1687 г. на Харьковскій полкъ сдѣлала нападеніе азовская орда въ числѣ 5 тысячъ человекъ и внесла большія опустошенія. Ее разбилъ полковникъ Донецъ.

Въ слѣдующемъ году (1688) татары въ числѣ 5 тысячъ чел. сдѣлали нападеніе на назанного полковника, валковского сотника, Фед. Мураховца, который стоялъ таборомъ въ 7 верстахъ отъ Валокъ, около Фомина рога. 6 июня съ утра до полудня непріятель лѣзъ на таборъ. Битва произошла жаркая; съ нашей стороны много людей и лошадей было переранено, а 2 казака, стоявшіе на сторожѣ, взяты были въ плѣнъ. Непріятель, потерявъ много людей и лошадей убитыми и не добывъ табора, ушелъ оттуда къ Полтавѣ ²⁾. Въ 1689 г. татары напали на Водолажку. Около Водолаги была многочисленная орда, противъ которой выходилъ весь Харьковскій полкъ ³⁾.

Въ 1691 г. буйныя толпы грабителей внесли большія опустошенія въ полки Харьковскій и Изюмскій. Особенно сильному опустошенію подвергнулись Чугуевскій уѣздъ, Зміевъ, Лиманъ, Бишкинъ. Слѣдующія цифры краснорѣчивѣе всего указываютъ на опустошительность этого набѣга. Въ названныхъ мѣстахъ взято въ плѣнъ и убито всего 1915 чел. (109 русскихъ служилыхъ людей и 1806 черкасъ), отогнано 4902 гол. скота, сожжено и разорено 65 дворовъ съ гумнами и хлѣбомъ, 1 хуторъ, 2 пасѣки (взято 40 ульевъ пчель), нѣкоторое количество оружія и всякой рухляди. Въ с. Терновомъ была разграблена церковь и „попы поколоты“, съ престола и жертвенника сняты ризы, съ иконъ ободраны оклады; наконецъ, похищены сосуды церковныя, ризы и книги ⁴⁾.

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 254, 460, 465 и Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 60.

²⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 200.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 465.

ГЛАВА VII.

Независимое состояніе Слободской Украины.—Внутренняя жизнь.—Отношеніе московскаго правительства къ полкамъ.—Предъявленіе требованій правительства.—Война съ Турціею 1678 г.—Дневникъ Петрика Гордона.—Прозвѣтъ Юрія Крижанича.—Политика Москвы относительно Крыма.—Русскіе послы въ Крымѣ, ихъ сообщеніе.—Договоръ Россіи съ Польшею.—Заключеніе „вѣчнаго мира“.—Причины войны.—Походъ кн. В. В. Голицына.—Участіе въ немъ Харьковского полка.—Медленность движенія арміи; причины.—Степной пожаръ.—Сильная жара.—Недостатокъ воды и фуража.—Военный совѣтъ.—Отступленіе арміи.—Награда.—Судьба гетмана Самойловича.—Нападеніе орднцнцевъ на Харьковский полкъ.—Разбитіе ихъ подъ Андреевкою.—Второй походъ Голицына.—Переговоры съ татарами.—Участіе Харьковского полка.—Отступленіе арміи.—Сраженіе при Черной Долинѣ.—Нападеніе татаръ на Украину.—Вредъ, причиненный ими.—Царскія грамоты Харьковскому полку.—Челобиты полковниковъ.—Отвѣтная царская грамота 1688 г.—Смерть Гр. Ер. Донца.—Дѣти его.—Новый полковникъ Харьковский.—Нападеніе на Украину Нуредина.—Петрикъ, его планы.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Нападеніе Крымцевъ.—Отбитіе ихъ.

Со времени своего образованія, слободскіе полки были предоставлены самимъ себѣ; зависимость ихъ отъ Москвы выражалась только въ присутствіи въ городахъ воеводъ, назначенныхъ сюда какъ бы въ помощь самимъ черкасамъ—„для городоваго строенія“. Наложеніе пошлинъ на нѣкоторыя отрасли торговли и промышленности, правда, указывало на то, что бѣлгородскій разрядъ смотритъ на слобожанъ, какъ на подданныхъ московскаго правительства, но, по просьбѣ полковниковъ, царь въ 1669 г., не только отмѣнилъ эти пошлины на будущее время и простилъ таковыя-же за прошлые года, но даже изъялъ въ то время слободскіе полки изъ вѣдома этого разряда, наложившаго помлины, и подчинилъ ихъ по-сольскому приказу, ясно показавъ этимъ, что онъ смотритъ на переселенцевъ иначе, выдѣляя ихъ изъ числа обыкновенныхъ своихъ подданныхъ. Харьковцы жили своею внутреннею

жизнiю, не принимая никакого участiя въ политической жизни Москвы. Эта послѣдняя если и допускала все это въ первое время, то только изъ желанiя привязать къ себѣ новыхъ своихъ подданныхъ; въ томъ можно видѣть глубокое соображенiе и вѣрный расчетъ Алексѣя Михайловича, принявъ во вниманiе, что Москва, вообще, въ то время не имѣла обыкновенiя церемониться со своими подданными. Такая политика ея была, впрочемъ, только временная, вызванная обстоятельствами. Предъявивъ въ первый разъ въ 1678 г. требованiе слободскимъ полкамъ принять участiе въ войнѣ съ Турцiею, Москва, съ того времени, все чаще и чаще начинаетъ давать понять слобожанамъ, что Слободская Украина, хотя и находящаяся въ нѣсколько иныхъ условiяхъ, чѣмъ другiя области государства, все-же не болѣе, какъ часть его, правда, пользующаяся особенною милостью царя. Требованiя свои Московское правительство начало предъявлять, постепенно ихъ усиливая, вводя понемногу реформы, пока окончательно не сравняла эту Украину съ другими своими землями, но сдѣлала это уже тогда, когда надобность въ козакахъ миновала, когда они спѣли свою пѣсню, т. е. когда Крымъ пересталъ уже быть страшнымъ для Россiи.

Въ войну 1678 г. турки въ iюнѣ осадили Чигиринъ, укрѣпленiя котораго были исправлены послѣ осады его въ предшествующемъ году. Горнизонъ крѣпости былъ также усиленъ; въ немъ было 10 тысячъ русскихъ, малороссiянъ и слобожанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленiе, Чигиринъ палъ, благодаря устроеннымъ туркамъ подкопамъ. Хотя на выручку осаждаемымъ и послѣшилъ кн. Ромодановскiй съ гетманомъ Самойловичемъ, но помѣшать туркамъ они не могли, и Чигиринъ былъ разрушенъ; слобожане-же своею геройскою защитою покрыли себя славою.

По дневнику ген. Патрика Гордона, въ которомъ онъ приводитъ подробное росписанiе Чигиринскаго гарнизона, упоминается изъ слободскихъ полковъ только Сумской (300 чел.) и Ахтырскiй (1200 чел.) полки ¹⁾. О присутствii этихъ полковъ говорится нѣсколько разъ, приводится даже число ихъ

¹⁾ Дневникъ г. Пат. Гордона, изд. Салтнковой. М. 92 г., часть II, стр. 143.

прибытія, о Харьковскомъ-же не говорится ни слова, почему и можно заключить, что его тамъ вовсе и не было; въ другихъ-же источникахъ находимъ извѣстіе, что въ этомъ Чигиринскомъ дѣлѣ принимали участіе всѣ слободскіе полки.

Въ слѣдующемъ, 1679 г., хотя враждебныя отношенія между Россією и Турцією продолжались, но война была чисто оборонительная; слободскіе казаки оставлены были у себя дома для охраны границъ отъ нашествія крымцевъ, которыхъ, какъ мы уже говорили въ обзорѣ татарскихъ набѣговъ, полковникъ Донецъ разбилъ подъ Харьковомъ.

Въ 1681 г. былъ заключенъ Бахчисарайскій миръ, окончившій эту войну, стоившую слободскимъ полкамъ многихъ трудовъ и потерь.

Москва, столько страдавшая отъ хищныхъ своихъ сосѣдей—крымцевъ, тратившая много силъ и денегъ на постройку оборонительныхъ линій, неприносившихъ къ тому-же особенной пользы, рѣшилась, наконецъ, въ свою очередь сдѣлать нападеніе на татаръ въ ихнемъ гнѣздѣ—Крымѣ, куда иногда только отважные сѣчевики—запорожцы дѣлали набѣги, подъ начальствомъ своихъ удалыхъ кошевыхъ атамановъ. Еще въ царствованіи Алексѣя Михайловича сербъ Юрій Крыжаничъ подалъ царю прозекъ, въ которомъ совѣтовалъ ему оставить войны съ сосѣдями и стремленіе раздвигать границы государства на западъ и востокъ, но исключительное вниманіе обратить на Крымъ, чтобы въ союзѣ съ государствами, которымъ онъ такъ-же приносилъ не мало хлопотъ, постараться завоевать его и выгнать оттуда татаръ. Крыжаничъ доказывалъ, что татары, сильные только внезапностью своихъ набѣговъ и опасные враги въ этого рода степныхъ войнахъ, въ то-же время у себя дома почти беззащитны, за отсутствіемъ укрѣпленныхъ городовъ. Крыжаничъ даже совѣтовалъ перенести туда столицу изъ Москвы, представляя всю выгоду, которая отъ этого могла послѣдовать. Но мысль эта не нашла примѣненія въ политикѣ Алексѣя Михайловича, ведшаго постоянную борьбу съ Польшею изъ-за обладанія Малороссією. Впрочемъ, царь былъ совершенно правъ, не предпринима

ничего рѣшительнаго противъ Крыма и стараясь иными путями сдерживать хищническіе порывы татаръ; онъ хорошо понималъ, что завоевать Крымъ и удержать его навсегда за собою онъ не въ состояніи и что временное его занятіе и даже совершенное разореніе не привело бы ни къ чему. Разсѣявшіеся по степи предъ нашими войсками толпы собрались бы по нашемъ уходѣ снова, и страшная месть ихъ не замедлила бы обрушиться на пограничныхъ жителей. Русскіе послы, стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ, вѣдшіе въ Крымъ въ 1680 г., докладывали, возвратясь оттуда, что они тамъ осмотрѣли все и убѣдились, что татары въ Крыму беззащитны, что завоевать ихъ полуостровъ нетрудно, стоитъ туда лишь только добраться.

Между Польшею, Австріею и Венеціей былъ заключенъ договоръ, по которому эти государства должны были соединенными силами напасть на Турцію со всѣхъ сторонъ; имъ было нужно привлечь на свою сторону Москву; ради этого польскій король, Янъ Собѣскій, знаменитый своею побѣдою подъ Вѣною, не задумался даже предъ жертвою уступить Москвѣ Кіевъ, бывшій до этого времени яблокомъ раздора. Участіе Россіи въ этой войнѣ необходимо было ему, чтобы она своимъ нападеніемъ на Крымъ лишила Турцію помощи татаръ. Уступка Кіева и собственныя выгоды при успѣхѣ этого предпріятія побудили правительницу Софью заключить съ Польшею на этотъ разъ даже „вѣчный миръ“ (27 апрѣля 1686 года); тогда какъ до этого времени, обыкновенно, между обоими государствами заключались только продолжительныя перемирія (напр., въ 1666 году былъ заключенъ миръ „на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ“).

Къ предстоящему походу будущаго года осенью было приказано произвести наборъ. Въ обнародованной по этому поводу грамотѣ причиною, вызвавшей необходимость похода, выставлялось то, что „русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ отъ того данью все жъ не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, разоряетъ русскіе города, храмы Божіи разрушаетъ“.

Сборными пунктами русской стотысячной арміи были назначены слободскіе города — Ахтырка, Сумы, Красный Кутъ, а также и Хотмыжскъ, и начальство надъ нею поручалось любимцу царевны Софьи, князю В. В. Голицыну, незажившему себя до того времени воинскими дарованіями. По своемъ сосредоточеніи, причеъ не обошлось безъ обычныхъ замедленій, неавокъ въ сроеъ и наказаній „батожемъ“, армія двинулась черезъ р. Колемакъ по степи, вѣя по ней въ одномъ большомъ каре, равнявшемся по фронту 557 сажениамъ и въ глубину двумъ верстамъ. По дорогѣ, на р. Самарѣ, 30 мая, къ арміи присоединилось еще 50 тысячъ козаковъ, пришедшихъ подъ начальствомъ гетмана Самойловича.

Въ этотъ походъ, во главѣ съ Константиномъ Григорьевичемъ Донцомъ, сыномъ Харьковскаго полковника; выступила и половина Харьковскаго полка; другая-же, подъ начальствомъ самого полковника, осталась для охраны южныхъ границъ Харьковскаго и Изюмскаго полковъ.

Въ продолженіи семи недѣль, Голицынская армія, въ которой развѣвалось даже знамя, видѣвшее покореніе Казани Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, прошла въ глубь степей только 300 верстъ. Приготовленій къ этому походу Голицынъ не сдѣлалъ никакихъ, не принялъ во вниманіе всей трудности лѣтняго перехода по безводнымъ „дикимъ полямъ“. По переправѣ 13 іюня черезъ р. Конскія воды, въ двое сутокъ армія подвинулась на югъ не болѣе 12 верстъ; причиною этого было то, что татары, желая препятствовать движенію арміи, выжгли степь; къ этому средству они прибѣгала нерѣдко. Арміи пришлось, такимъ образомъ, двигаться впередъ по выжженной степи; удушливый дымъ и пылъ были настолько сильны, что съ трудомъ можно было различать предметы; главное-же мученіе было въ недостаткѣ воды; лошади едва двигались отъ жажды и голода, ибо кормить ихъ было нечѣмъ. Къ тому-же обозъ этой огромной арміи былъ очень великъ: за нею тянулось 20 тыс. повозокъ! Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ присоединился большой зной, страшно изнурившій людей и лошадей. Движеніе арміи Голицына продолжалось до р. Карокчакрокъ, дойдя до которой, русскіе не встрѣтили ни единого татарина.

Продолжать походъ при вышеуказанныхъ условіяхъ было невозможно, а до Перекопа оставалось еще 200 верстъ. Голицынъ созвалъ совѣтъ (17 іюня), на которомъ было рѣшено, въ виду истощенія запасовъ, повернуть назадъ. Прийдя къ этому рѣшенію, армія начала такое быстрое отступленіе, подъ прикрытіемъ козаковъ и кавалеріи, какъ будто за нею по пятамъ гнался сильнѣйшій непріятель—даже обозъ былъ брошенъ назадъ. На р. Мерло въ армію пріѣхалъ бояринъ Шереметьевъ, присланный царевною Софьею. Онъ привезъ многочисленныя подарки и награды покорителю Крыма, главнокомандующему кн. Голицыну, и благодарность за успѣшный походъ. Награды получили также и воеводы, а армія, изнуренная бесполезнымъ походомъ, была распущена по домамъ ¹⁾. Поплатился также гетманъ Самойловичъ, котораго Голицынъ, желая снять съ себя отвѣтственность за неудачный походъ, неоправдавшій надеждъ союзниковъ, обвинилъ въ сношеніи съ татарами и въ томъ, что онъ умышенно зажегъ степь. Самойловичъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь, несправедливо перенеся наказаніе, заслуженное главнокомандующимъ ²⁾.

Походъ этотъ нисколько не устрасилъ татаръ. Весною слѣдующаго года, какъ бы мстя слобожанамъ за ихъ участіе въ предпріятіи Голицына противъ Крыма, они выслали азовскую орду въ набѣгъ, въ количествѣ 5 тысячъ человекъ. Эти хищники много причинили вреда Харьковскому полку, предавая все огню и мечу и уводя плѣнниковъ. Неутомимый полковникъ Донецъ встрѣтился съ ордою и разбилъ ее подъ Андреевою; наказной же подковникъ Ив. Сербинъ бился съ ордынцами подъ Валками ³⁾.

Во второмъ Крымскомъ походѣ, армія, подъ начальствомъ того-же Голицына, добралась до самого Перекопа. Татары были въ ужасѣ и собирались уже бѣжать съ женами и дѣтьми за море ⁴⁾, но у Голицына не хватило мужества внести опустошеніе въ это разбойничье гнѣздо, столько времени неда-

¹⁾ Г. Л. Лееръ. Энцикл. воен. и мор. наукъ, томъ 4, стр. 426.

²⁾ Н. П. Ламбинъ. Ист. Петра В. Спб. 1843 г., стр. 109.

³⁾ К. П. Щелковъ. Харьк., стр. 11.

⁴⁾ Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 132.

вавшее покоя Россіи, отомстить за безконечное число христіанскихъ плѣнниковъ, томившихся здѣсь въ продолженіи не одного столѣтія, и освободить тѣхъ, которые были въ неволѣ въ то время! Голицынъ, полюбовавшись Перекопомъ издали, къ изумленію самихъ татаръ, вступилъ съ ними въ постыдныя переговоры, выговаривая себѣ безопасное отступленіе. Во время этого второго похода, часть Харьковскаго полка стояла съ Константиномъ Григорьевичемъ у Царевоборисова, подъ начальствомъ Чугуевскаго воеводы; самъ-же полковникъ оберегалъ свои полки, стоя на перекопскомъ валу. Въ этотъ походъ особенно пострадали полки Сумской и Ахтырскій въ бою при Черной Долинѣ (16 мая). Въ обоихъ полкахъ едва осталось 150 чел.; пушки, знамена—все было потеряно¹⁾. А Голицынъ и за этотъ походъ получилъ грамоту, гдѣ „милостиво и премилостиво“ его „похваляли“, за то, что онъ „съ (такими) славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратился въ цѣлости“²⁾. Въ этомъ году орда также дѣлала набѣгъ, но Харьковскій полкъ мало подвергся опустошенію, ибо непріятель былъ отраженъ у Водолагъ; Изюмскій-же полкъ не такъ легко отдѣлался³⁾. По переписнымъ книгамъ полковника Донца видно, что въ 1691 г. татары въ произведенныхъ погромахъ въ Зміевѣ, въ Бпшкнѣ и въ Лиманѣ взяли, убили и сожгли 1915 человекъ, изъ этого числа мужчинъ взято въ плѣнъ 838, женщинъ 1009, угнали лошадей 358, воловъ, коровъ, козъ и овецъ 4554⁴⁾.

Ко времени управленія полкомъ Гр. Ер. Донца относятся слѣдующія царскія жалованныя грамоты: отъ 5 мая 1684 г., которою Харьковскимъ козакамъ предоставлялась безпошлинная торговля всякими товарами; пошлина собиралась только съ пріѣзжихъ черкасъ и съ русскихъ людей и не русскими чиновниками, а самими козаками⁵⁾. Въ грамотѣ отъ 10 іюня 1686 г., присланной Харьковскимъ полковникамъ Григорію Ер. и Конст. Гр. Донцамъ, государи сообщали, что послы польскаго короля

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 88.

²⁾ Соловьевъ. Томъ XIV, стр. 62—63.

³⁾ Ibidem, отд. II, стр. 320.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 157—163.

⁵⁾ Грамота 1684 г. Н. Чижевскій. Старозамочныя земли, стр. 5.

Яна Собѣскаго съ московскими послами заключили вѣчный миръ. По этому договору уступили и написали намъ, Великимъ Государямъ, многіе прибыльные, славные титула, т. е., насъ писать пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими великими государями, писаться вѣчно Кіевскими, Черниговскими и Смоленскими“. Сообщалось, что православной вѣрѣ въ польскомъ королевствѣ выговаривалась свобода исповѣданія и т. д. Говоря о заключеніи мира, государи писали, что они „отъ той всемірной радости молебствовали“. Для ознаменованія-же этого мира, снисходя къ вѣрной службѣ Харьковского полка, жалуютъ полковника и старшину вотчинами, землями, всякими угодьями и промыслами и „васъ-же полковниковъ и полку вашего урядниковъ и козаковъ, за вашу вѣрную службу жалуемъ и милостиво похваляемъ“. Далѣе приказывалось, по полученіи этой грамоты, отслужить „молебное пѣніе со звономъ“ и послѣ него, собравъ всѣхъ, объявить о заключенномъ мирѣ, сказавъ, что государи за службу вѣрную всѣхъ „милостиво“ хвалятъ и чтобы дальше служили вѣрно и за то ожидали-бы „милости и жалованіе свѣтше прежняго“¹⁾.

Въ томъ-же году была получена на имя полковниковъ „память“ (именно такъ она названа въ самомъ документѣ); прислана она была по слѣдующему поводу: Государи сообщали, что до ихъ вѣдома дошло, будто въ слободскихъ полкахъ приказные люди не велятъ владѣть занятыми землями, говоря, что „всякія угоды велѣно мѣрить“, между тѣмъ какъ указа объ этомъ не было. Поэтому приказывалось, „какъ ся память придетъ“, объявить всемъ чинамъ полка, чтобы они владѣли занятыми угодьями по-прежнему „по своимъ черкасскимъ обыкностямъ“ и чтобы надѣялись и впередъ на „государскую милость безъ всякаго сумнѣнія“²⁾.

Эта память краснорѣчивѣе другихъ показываетъ съ какимъ вниманіемъ московское правительство относилось къ черкасамъ. Далѣе полки, основываясь на грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1669 г., просили отмѣнить оброки на мельницы; въ Харьковскомъ полку было обложено такими оброками 36 мельницъ

¹⁾ Грамота 1686 г. (10 іюня). В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 475—480.

²⁾ Ibidem. Грам. 1686 г. (4 нояб.). Ibidem 480—481.

на сумму 99 руб. 25 алт. Челобитная трехъ слободскихъ полковниковъ—Харьковскаго, Ахтырскаго и Сумскаго была уважена, и эти налоги царскою грамотою 1688 г., выданною въ каждый полкъ отдѣльно, были отмѣнены ¹⁾).

Въ 1691 году полкъ понесъ большую утрату въ лицѣ своего незамянаго полковника: Гр. Ер. Донецъ-Захаржевскій скончался на 22 году своего управленія полкомъ. Въ продолженіи всего этого немагаго времени онъ неуспѣшно трудился, защищая полкъ свой и московскія границы отъ нападеній дикихъ хищниковъ и занимаясь его внутреннимъ устройствомъ, проводя укрѣпленныя линіи, строя и населяя города. Властно управляя такою большою территоріею, каковую представляли изъ себя полки Харьковский и Изюмскій, созданный трудами Харьковскаго полковника, Григорій Ерофеевичъ доказалъ свою способность, умъ и энергію, которые по заслугамъ были оцѣнены московскими царями. Они съ уваженіемъ относились къ своему стольнику, оказывая ему полное довѣріе, что уже доказывается тѣмъ, что въ заселенный имъ Изюмскій полкъ, это дѣтище Харьковскаго полка, обязанный ему своимъ возникновеніемъ и устройствомъ, не были даже назначены, какъ мы уже о томъ говорили, воеводы и другіе русскіе чиновники. Это уже знакъ особой милости и довѣрія, которыя харьковский полковникъ въ продолженіи 22-хъ лѣтъ своей безпрестанной боевой жизни несомнѣнно заслужилъ.

Во всѣхъ трудахъ многосторонней полковничьей дѣятельности принимали непосредственное участіе и сыновья Григорія Ерофеевича— Ѳеодоръ, Константинъ и Иванъ Григорьевичи, вода неоднократно команды Харьковскаго полка въ бой и нанося пораженія неприятелю.

Ѳеодоръ Григорьевичъ, знакомый съ дѣломъ управленія полкомъ, закаленный въ походахъ боевой жизни съ семилѣтняго возраста, изъ уваженія къ заслугамъ отца и его собственнымъ, былъ избранъ радю Харьковскимъ полковникомъ.

Ѳ. Гр. Донецъ, подобно отцу своему, продолжалъ борьбу съ татарами; такъ, скоро послѣ принятія полка, въ 1693 г.

¹⁾ Ibidem. Грам. 1688 г. Пол. Соб. Зак. II № 1279.

ему пришлось уже биться съ ними, защищая свой полкъ. Въ этомъ году зять самаго султана—Нурединъ—сдѣлалъ нападеніе на Харьковскій полкъ, прійдя съ 15 тысячами татаръ и отрядомъ янычаръ. Вмѣстѣ съ Нурединомъ былъ сынъ султана, Шаринъ-бей, и Петрикъ (Петръ Иваненко) съ небольшимъ числомъ козаковъ приверженцевъ. Этотъ Петрикъ, бывшей раньше войсковымъ канцеляристомъ, задумалъ добиться гетманства, для чего еще въ 1692 г. склонилъ хана на походъ въ Украину. Для отраженія того нашествія былъ поставленъ отрядъ изъ слободскихъ полковъ силою въ двѣ тысячи человекъ, съ отрядомъ великороссіянъ по городкамъ, лежащимъ по р. Самарѣ. На случай успѣха въ своемъ предпріятіи, Петрикъ составилъ планъ, который пришелся очень по душѣ татарамъ: онъ хотѣлъ выселить на правую сторону Днѣпра слободскихъ черкасъ, что открыло-бы татарамъ дорогу въ великороссійскіе города; поэтому-то они такъ охотно и поддерживали Петрика¹⁾. Татары страшно опустошили въ тотъ свой набѣгъ города и мѣстечки, набрали, по своему обыкновенію, множество плѣнныхъ. Отряды грабителей были въ 20 вер. отъ самого Харькова, въ Меревѣ. Нападеніе это было сдѣлано внезапно, почему харьковцы къ нему приготовлены не были.

Наскоро собравши, сколько было можно, своихъ козаковъ, полковникъ напалъ на непріятеля, нанесъ ему пораженіе, отбилъ плѣнныхъ, всю награбленную добычу и взялъ въ плѣнъ „четырнадцать важныхъ поганцевъ“²⁾. Пораженіе это, нанесенное харьковцами Нуредину пріобрѣтаетъ особенную важность—оно, такимъ образомъ, избавило Украину отъ большихъ внутреннихъ смуть, которыя могли бы въ ней произойти отъ силою навязаннаго ей султанскаго гетмана, если бы врагъ не былъ разбитъ и прогнанъ. Въ благодарность за этотъ подвигъ полковникъ получилъ царскую похвальную грамоту; цари подарили полку двѣ пушки и дали нѣкоторыя другія отличія³⁾.

Полковнику Фед. Гр. Довцу, подобно тому какъ и его пред-

1) Н. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы, стр. 107, 109 и 119.

2) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.

3) Ibidem.

шественнику, не пришлось ограничиться однимъ отраженіемъ своихъ враговъ, на его долю выпало участвовать съ полкомъ во всѣхъ почти войнахъ, которыя вела Москва; ея требованія къ полку предъявляются все чаще и чаще и начали уже ясно показывать о перемѣнѣ отношеній московскаго царя къ слободскимъ полкамъ.

Въ 1694 г. полкъ Харьковскій былъ назначенъ въ армію Шереметьева на р. Міусь, дѣйствовавшую противъ Азова. Между тѣмъ крымскіе татары шли на обычную свою работу въ предѣлы Харьковскаго полка и подошли уже къ Берестовкѣ. Узнавъ во время объ этомъ, полковникъ далъ знать Шереметьеву, который успѣшилъ стать на Джунѣ. Этимъ движеніемъ татары были отрѣзаны и отражены. Харьковцы погнались преслѣдовать ихъ, отняли дабычу, которую крымцы по дорогѣ успѣли захватить, и въ происшедшей стычкѣ взяли 70 человекъ въ плѣнъ ¹⁾.

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.

ГЛАВА VIII.

Реформы Петра Великаго; стремленіе въ морю.—Дѣйствія противъ Азова.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Взятіе Казикермена и др. крѣпостей.—Поставка воловъ и барановъ для арміи.—Похвальная грамота полку.—Компанія 1696 г.—Полеъ подъ начальствомъ Гетмана Мазепы.—Высылка подпомощниковъ съ подводами.—Возстановленіе укрѣпленій Казикермена и Тавани.—Участіе полка въ этой работѣ.—Возвращеніе домой.—Нападеніе татаръ, отраженіе ихъ.—Численность населенія Харьковскаго полка; мѣстечки и города, входящіе въ его составъ.—Участіе полка въ походѣ кн. Долгорукова къ Перекопу.—Поставка продовольствія для русскихъ войскъ.—Нападеніе татаръ.—Разореніе слободъ.—Опасность, грозившая полковому городу.—Царская грамота 1695 г.—Подати, наложенныя на подпомощниковъ.—Просьба полчанъ объ отмятій этой подати.—Конфирмація; льготы полку, опредѣленныя ею.—Царская грамота 1700 г.—Число ранговыхъ козаковъ.—Грамота 1705 г.—Жалоба харьковцевъ на воеводъ.—Повелѣніе воеводамъ выѣхать изъ городовъ.—Смерть Харьковскаго полковника Фед. Гр. Донца.—Характеристика Донцовъ.—Просьба харьковцевъ назначить имъ полковникомъ Фед. Вл. Шидловскаго.—Грамота царя о назначеніи его.—Ссора Шидловскаго съ Меншиковымъ.—Опала Шидловскаго.—Слѣдствіе и судъ надъ нимъ.—Рѣшеніе.—Письмо царя къ Апраксину.—Наказной Харьковскій полковникъ, Лов. Ив. Шидловскій.—Утвержденіе его.—Полковникъ Пр. Вас. Куликовскій; его заслуги.—Полковникъ Гр. Сем. Квитка.—Его происхожденіе.

Въ это время, когда почти все содержаніе жизни козаковъ Слободской Украины исчерпывалось одною только борьбою съ татарами и, казалось, не предвидѣлось конца обусловленной ею неурядицы и не было надежды на лучшія времена, на возможность мирнаго развитія Украины, въ жизни Московскаго государства наступилъ рѣзкій переломъ—Москва вступила въ эпоху великихъ преобразованій, которыя не могли, конечно, не отразиться и на слободахъ Украины, все тѣснѣе сливавшейся съ Москвою.

По смерти царя Іоанна и устраненіи царевны Софіи отъ управленія государственными дѣлами, царь Петръ Алексѣевичъ сталъ монархомъ единодержавнымъ и съ необычайной энер-

гій сталъ приводить въ исполненіе свои планы преобразованія всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Едва ли не на первомъ планѣ онъ ставилъ преобразование вооруженныхъ силъ Россіи, сухопутныхъ и морскихъ, и, на первое, по крайней мѣрѣ, время, его особенно заботила ясно сознавая имъ необходимость для Россіи обладанія моремъ. Сказавшаяся еще въ раннемъ дѣтствѣ Петра любовь его къ водѣ, страсть къ морю и желаніе придвинуть къ нему границы Россіи побудили Петра предпринять походъ, съ цѣлью завоеванія того Азова, отъ обладанія которымъ его дѣдъ—царь Михаилъ Федоровичъ отказался, когда ему предлагали принять подъ свою державу эту крѣпость козаки, отнявшіе ее у турокъ (1642 г.).

Было составлено двѣ арміи, одна для непосредственнаго дѣйствія подъ Азовомъ подъ начальствомъ самого царя въ числѣ 31 тысячи; въ составъ этой арміи вошелъ Острогжскій полкъ, Харьковскій-же въ числѣ остальныхъ слободскихъ полковъ назначенъ былъ въ другую армію боярина Шереметьева (120 тыс.). Весною 1695 г., когда травы въ степи поднялись на столько, что могли прокормить лошадей, эта вторая армія двинулась къ низовьямъ р. Днѣпра и осадила крѣпости, лежащія на немъ. Назначеніе этой арміи было отвлечь силы татаръ отъ другой, осаждавшей Азовъ. Подъ Казикермень (нынѣ Берисловъ) армія подступила въ іюлѣ и расположилась около крѣпости внѣ выстрѣла. Осаду повели очень энергично: на другой же день пошли на приступъ пѣшіе козаки, между которыми были и слободскіе, прогнали вышедшихъ къ нимъ на встрѣчу янычаръ и на ихъ плечахъ ворвались въ сады и огороды, гдѣ успѣли насыпать шанцы, окруживъ ими весь городъ. Снаряды, пускаемые въ городъ, причиняли очень большой вредъ жителямъ; бомбардировка эта продолжалась въ теченіи четырехъ сутокъ. Подведенный подъ стѣну подкопъ произвелъ проломъ, послѣ чего гарнизонъ сдался и былъ взятъ въ неволю. Часть его была взята Москвою, часть гетманскими войсками. Не смотря на запрещенія, козаки ворвались въ городъ и принялись грабить, но произвели пожаръ и едва успѣли уйти оттуда. Не имѣя возможности удержать за собою крѣпость, русскіе срыли стѣны ея до основанія.

Равнымъ образомъ были покорены крѣпости Таванскъ, Исламъ-Керей, Мубарекъ-Кермень и др.—эти крѣпости, впрочемъ, сдались безъ боя.

Для дѣйствовавшей на Днѣпрѣ арміи изъ Слободской Украйны поставлялись вола и бараны; за вола платилось отъ 1 до 3 рублей, за барана 6 алт. и 4 денежки ¹⁾. Полковникъ съ Харьковцами участвовалъ въ этомъ походѣ, за что и получилъ похвальную грамоту ²⁾.

Въ слѣдующемъ году Харьковскій полкъ, вмѣстѣ съ другими слободскими полками (кромѣ Острогожскаго), подъ начальствомъ малороссійскаго гетмана Мазепы, вошелъ снова въ составъ арміи Шереметьева, которая на этотъ разъ ограничилась тѣмъ, что стояла на р. Коломакѣ и оберегала русскія границы отъ нашествія татаръ. Харьковскій полкъ въ этотъ походъ, кромѣ того, что выставилъ въ поле всѣхъ полковыхъ козаковъ, выслалъ еще, повинувся требованіямъ Шереметьева, и значительное число подпомощниковъ съ подволами ³⁾. По взятіи Азова 19-го іюня, Харьковскій полкъ былъ отпущенъ домой.

Весною 1697 г. было приказано возстановить укрѣпленія крѣпости Казикерменя и окончить постройку начатой Таванской крѣпости, а также построить 30 галеръ къ веснѣ будущаго года въ виду предстоящей осады Очакова. Полкъ Харьковскій, въ числѣ другихъ (кромѣ Острогожскаго), находился въ распоряженіи начальника бѣлгородскаго разряда—Долгорукаго и исполнялъ разныя работы подъ Казикерменемъ. Когда полкъ съ этой работы возвращался обратно домой, то узналъ о нападеніи все тѣхъ же татаръ на свои слободы, Харьковцы подъ начальствомъ брата полковника—Ивана Григорьевича—стремительно напали на татаръ, заставивъ бѣжать ихъ „неоглядкою“. Нападенія повторялись и въ слѣдующемъ году, но были отбиты.

Набѣги татаръ послѣдняго времени, вообще, далеко были слабѣе прежнихъ; по большей части они бывали неудачными

¹⁾ Н. Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, стр. 123—124, 132; Лѣтопись Самовидца, стр. 166.

²⁾ К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 12.

³⁾ П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. III.

и дѣлались съ небольшими сравнительно силами. Татаръ постоянно отражали и побивали. Это происходило какъ отъ того, что население полка къ тому времени возросло, такъ и отъ присутствія въ странѣ російскихъ войскъ.

Полкъ Харьковскій, считавшій въ 1677 г. 7,773 козака, а въ 1691 г.—7,005 (уменьшеніе это произошло отъ отдѣленія части къ Изюмскому полку), въ 1698 г. заключалъ въ себѣ уже 7,939 козаковъ ¹⁾. При всемъ томъ область полка была большая—въ немъ считалось въ 1692 г., за отдѣленіемъ 13 городовъ въ составъ Изюмскаго полка, слѣд. населенныя мѣста: 1) Волчанскъ (съ 2-мя селами), 2) Салтовъ (съ 4-мя сел. и 2 дерев.), 3) Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дер.), 4) Золочевъ (съ 2 сел.), 5) Ольшанка (съ 2 сел.), 6) Валки (съ 4 сел.), 7) Мерефа (съ 3 сел.), 8) Соколовъ, 9) Зміевъ (съ 4 сел.), 10) Маяцкій и 11) Селеный ²⁾.

Въ 1698 г. полкъ, въ числѣ другихъ слободскихъ полковъ, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками, подъ начальствомъ гетмана Мазепы, принялъ участіе въ походѣ кн. Долгорукаго къ Перекопу и въ осадѣ этой крѣпости впервые русскими войсками. Хотя и этотъ походъ, подобно походамъ Голицына, не принесъ никакой особенной пользы, такъ какъ армія Долгорукаго, дѣйствовавшая съ большимъ успѣхомъ первое время противъ татаръ, должна была снять осаду Перекопа и отойти на Украину вслѣдствіе подкрѣпленія, полученнаго крѣпостью, и недостатка фуража, но дорога въ Крымъ была уже проложена и покореніе этого разбойничьяго государства составляло уже вопросъ времени.

Полкъ въ этотъ походъ долженъ былъ поставлять провіантъ для продовольствія русскихъ войскъ. Это большою тяжестью ложилось на подпомощниковъ, ибо они, кромѣ того, что должны были содержать ранговыхъ козаковъ, доставляли провіантъ въ русскіе войска. Это отрывало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую горячую пору. Привольное время начало проходить! Въ этотъ-же годъ, когда армія ходила усмирять крымцевъ, орда ворвалась въ Слободскую Украину, разорила многія

¹⁾ Д. И. Багалъй. Очерки, стр. 561.

²⁾ Ibidem, стр. 542.

слободы по р. Сѣверскому Донцу и г. Салтовъ; самому полковому городу грозила большая опасность, его едва успѣли отстоять ¹⁾).

Въ 1695 г., во время перваго азовскаго похода, была пожалована полку грамота на имя Харьковскаго воеводы Зурова;—этою грамотою подтверждались права Харьковцевъ на безошлинное владѣніе мельницами ²⁾).

По окончаніи-же азовскихъ походовъ, въ 1697 г., по повелѣнію царя Петра Алексѣевича, на подпомощниковъ-козацкихъ была наложена подать въ размѣрѣ одного рубля съ души. Непривыкшіе къ какимъ-бы-то ни было поборамъ, слобожане подали челобитье царю, въ которомъ просили ихъ отъ этой подати избавить. Въ отвѣтъ на эту просьбу послѣдовало опредѣленіи, или конфирмація, которою козаки всѣхъ слободскихъ полковъ за ихъ вѣрныя и безпорочныя службы жаловались промыслами, владѣніемъ землями и всякими угодами, мельницами, рыбными ловлями, безошлиннымъ куреніемъ вина, правомъ открывать шинки, свободою отъ какихъ либо податей и платы таможенныхъ денегъ. За всѣ эти милости козаки должны были только оберегать границы отъ нашествія татаръ, зорко слѣдить за ними, донося о всякомъ ихъ движеніи къ границамъ государства ³⁾).

Въ грамотѣ, пожалованной полку отъ 28 февраля 1700 г., повелѣвалось въ Харьковскомъ полку быть „въ конной службѣ“ 850 выборнымъ козакамъ—компанейцамъ. Въ это число должны были выбираться козаки и мѣщане, но изъ тѣхъ, которые не состояли въ книгахъ, присланныхъ въ бѣлгородскій разрядъ воеводою; остальные-же козаки подпомощники, на которыхъ была наложена подушная подать, отъѣна которой подтверждалась этою грамотою, должны были помогать въ службѣ выборнымъ козакамъ, снабжая ихъ конями, оружіемъ, запасами въ походахъ, чтобы „скудности имъ никакой не было“. Распредѣленіе этихъ повинностей предоставлялось грамотою самому полку, „по ихъ черкасскому обыкновенію“. Далѣе въ грамотѣ

¹⁾ Н. Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, стр. 165.

²⁾ Грамота 1695 г. Н. Чижевскій. Староз. земли, стр. 113.

³⁾ Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 10—11.

говорилось, что выборныхъ козаковъ „кромѣ той валой конной службы никуда на городовую службу не посылать и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ... безъ указу и безъ грамотъ изъ разряду никому не имать“. Всѣ права и преимущества, перечисленные въ конфирмаціи этою „милостивою жалованною грамотою“ подтверждались снова. Далѣе козакамъ предлагалось, „видя къ себѣ нашу Великаго государя... премногую и превысокую милость и жалованіе“, быть вѣрными въ службѣ и „надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всякимъ усердіемъ и радвіемъ“ и пр., зачѣмъ обѣщалось, что служба ихъ „забвенна никогда не будетъ“¹⁾.

Въ 1705 была пожалована еще грамота отъ 7 марта, на имя воеводы Вас. Кир. Толстого, съ приказомъ, снявъ копію, подлинную передать старшинѣ. Этою грамотою козаки снова освобождались отъ налоговъ на мельницы, на которыя хотѣли въ этомъ году наложить оброки²⁾.

Недоразумѣнія между полковою старшиною, черкасами и воеводами продолжались постоянно. Не желая далѣе сносить всѣ тѣ притѣсненія и обиды, которыя воеводы позволяли себѣ по отношенію къ населенію, жители харьковскіе и золочевскіе обратились словесно къ Харьковскому полковнику съ жалобою, говоря, что воеводы и приказные люди „ихъ, черкасъ, непрестанно бьютъ и подати съ нихъ всякія силуютъ“,³⁾ „и отъ того-де они разорились, а иные и разбрелись по слобо-

1) Грамота 1700 г. Пол. Соб. Зак. IV № 1771.

Примѣчаніе. Харьковский Слободской полкъ послѣ этого состоялъ изъ слѣдующихъ чиновъ: полковникъ, обозный, судья, по 1; асауловъ, писарей, хорунжихъ, городовыхъ, сотниковъ, ратушныхъ, атамановъ,—по 2; уѣздныхъ сотниковъ—22; сотенныхъ хорунжихъ—10; молодыхъ писарей при ратушѣ—6; сотенныхъ писарей-пушкарей по 24; трубачей—4; фурмановъ, литаврщиковъ по 1; ратушныхъ послушниковъ—26; сотенныхъ послушниковъ (асаульцевъ)—30; компанейцевъ служащихъ—850, а всего всѣхъ чиновъ 1011 человекъ. Кромѣ того, въ полку были еще „куренщичи“—такъ назывались козаки, назначаемые старшинамъ на время похода для ихъ личныхъ услугъ. Часто эти куренщичи и по возвращеніи домой оставались старшинами при своихъ дворахъ и обращались постепенно въ подданныхъ. Название куренщичковъ происходитъ отъ того, что имъ поручался „курень“ старшины (походныя палатки для хозяина и его прислуги) (Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25 св. 321 и „Павель Полуботокъ“ Лазаревскаго, Рус. Арх. 1880 г., кн. I, стр. 137).

2) Ibidem, грамота 1705 г. В. В. Гуровъ. Сбор. суд. рѣш., стр. 521—524.

3) Д. И. Багалъй. Матеріалы, т. I, стр. 182.

дамъ, да и достальныя хотять итить врознь“ ¹⁾. Объ этомъ всемъ Федоръ Григорьевичъ донесъ царю, и результатомъ этого была послѣдняя царская грамота, полученная имъ въ 1706 г. отъ 28 февр., которою повелѣвалось воеводамъ и приказнымъ людямъ выѣхать изъ городовъ, а городовыя постройки, дѣла, ключи, „зелейную и свинцовую казну передать Харьковскому полковнику. Русскихъ-же людей велѣно было приписать къ Чугуеву, болховому“ ²⁾. Такимъ образомъ, полкъ этою грамотою былъ избавленъ отъ русскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ много терпѣлъ несправедливостей.

Въ томъ-же 1706 г. скончался полковникъ и стольникъ Фед. Гр. Донецъ-Захаржевскій, до послѣдней минуты своей жизни исполнявшій возложенныя на него обязанности; онъ умеръ на р. Самарѣ, гдѣ находился въ то время съ командою полка своего для наблюденія за крымцами. Тѣло его было перевезено въ Харьковъ, гдѣ протекла вся его жизнь, полная боевыхъ тревогъ и неуспѣшной многосторонней дѣятельности, и погребено въ нижней церкви Покровскаго монастыря. И теперь еще на металлической дощечкѣ видна надпись: „Року 1706 августа 28 дня въ среду представился рабъ божій Федоръ Григорьевичъ Захаржевскій, полковникъ Харьковскій, въ полку на Самарѣ и погребенъ въ Харьковѣ“ ³⁾.

Донцы—отецъ и сынъ, потрудившіеся на славу своего полка, сдѣлавшіе такъ много для Московскаго государства, охраняя его отъ татаръ и прочно закрѣпивъ за нимъ большую область земли, оставили по себѣ добрую память на Украинѣ. Орновскій, панегиристъ рода Захаржевскихъ, посвятилъ памяти Федора Григорьевича дѣлую книгу, небывшую, къ несчастью, въ нашихъ рукахъ, гдѣ выставялъ его заслуги ⁴⁾.

По смерти третьяго по счету Харьковскаго полковника, кандидатовъ въ полку на эту должность, видимо, не было; сынъ покойнаго былъ еще малолѣтній. Вся полковая старшина и

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Пр Филаретъ. Отд. I, стр. 49.

⁴⁾ Ornowsky. „Bogaty Wiridarz legatus Theodorowi Zacharzewskiemu“, изд. 1705 г. Этой книги, по наведеннымъ нами справкамъ, не оказалось и въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

козаки подали „полковую заручную челобитную“ на имя царя (12 сент. 1706 г.), въ которой, изложивъ кратко исторію заселенія Изюмскаго полка Гр. Ер. Донцомъ, просили царя назначить Харьковскимъ полковникомъ Изюмскаго полковника Ѳедора Владиміровича Шидловскаго, зятя основателя г. Изюма. Просьбу свою они основывали на томъ, что „Харьковскаго и Изюмскаго полку города поселены между собою поблиску, и селили ихъ одинъ полковникъ, тестъ его—Григорій Донецъ, и вѣдалъ за одинъ полкъ, чтобы намъ отъ посторонняго полковника въ конецъ не разориться“¹⁾. Харьковцы, бывшіе до того времени всегда подъ управленіемъ начальниковъ, родственниковъ имъ по крови, обычаамъ и интересамъ, не находя среди себя достойнаго, кому можно было-бы вручить управленіе полкомъ, обратили свои взоры на Шидловскаго, который былъ женатъ на дочери Григорія Ерофеевича; они къ тому же привыкли къ порядку управленія однимъ лицомъ двумя вполнѣ родственными полками. Такимъ образомъ, Шидловскій вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ полчанъ, такъ какъ они видѣли въ немъ своего и, притомъ, родственника Донца, который считалъ его достойнымъ, если отдалъ за него свою дочь, а харьковцы привыкли цѣнить и уважать Донцовъ, въ продолженіи 37 лѣтъ съ честью управлявшихъ имъ, и съ именемъ которыхъ было связано для нихъ много хорошихъ воспоминаній. Петръ Великій, снисходя къ такой общей просьбѣ полка, повелѣлъ Шидловскому (указъ 17 ноября 1706 года), произведя его въ бригадиры, быть полковникомъ и Харьковскаго полка. Притомъ, согласно желанію полчанъ, высказанному въ челобитѣ ихъ, разрѣшалось Шидловскому жить въ Харьковѣ. Грамота объ этомъ назначеніи была послана въ полкъ; и старшина, козаки и все посольство были извѣщены, что просьба ихъ уважена. Такая-же грамота была пожалована и бригадиру Шидловскому. Въ этихъ обѣихъ грамотахъ подтверждалось, что въ городахъ русскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ не быть.

Управлялъ полками Ѳед. Влад. Шидловскій недолго—скоро онъ навлекъ на себя гнѣвъ царя и отданъ былъ подъ судъ,

¹⁾ Д. И. Багалій. Матеріалы, томъ I, стр. 179.

такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность поспорить съ всемогущимъ Меншиковымъ. Ссора эта послѣдовала изъ-за того, что Шидловскій не позволилъ собирать поборовъ съ купцовъ въ полкахъ въ пользу Рагузинскаго, въ чемъ, есть основаніе предполагать, былъ замѣшанъ и самъ Меншиковъ. Оскорбленные этимъ, вельможи своими происками достигли того, что всѣми любимый Шидловскій попалъ подъ судъ ¹⁾. Предлогомъ для этого послужилъ доносъ, обвинявшій Шидловскаго въ грабежахъ, которые онъ будто-бы производилъ въ Польшѣ ²⁾. 23 апрѣля 1711 г., по приказанію царя, Шидловскій былъ арестованъ и, подъ конвоемъ капитана Чириковского и поручика Макарова, доставленъ къ нему въ м. Яворъ (Волинской губ.), гдѣ въ то время Петръ находился ³⁾.

Послѣ произведеннаго слѣдствія, нашедшаго доносъ основательнымъ, Шидловскій былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и конфискаціи всѣхъ его имѣній. Владѣль-же онъ обширнымъ пространствомъ земли съ 710 дворами; все это было отдано кн. Кантеміру для раздѣла между волохами, которые прибыли вмѣстѣ со своимъ господаремъ и поступили въ рускую службу ⁴⁾, будучи поселены въ Слободской Украинѣ.

Подобной же конфискаціи ранѣе этого подверглись имѣнія и ахтырскаго полковника Перекрестова, на котораго весь полкъ приносилъ жалобу; при этомъ кое-что досталось и Меншикову ⁵⁾; не надѣялся-ли онъ на то-же при отнятїи имѣній у Шидловскаго, ведя противъ него интригу? Но царь, какъ-бы предусматривая что-то, писалъ письмо Апраксину: „Понеже сей плутъ Шидловскій зѣло богатъ, того ради гораздо въ томъ покажи вѣрность и трудъ свой, чтобы деньги его не пропали, но все чрезъ вѣрныхъ людей списать“ ⁶⁾.

Но Ѳедоръ Владиміровичъ пользовался общею любовью своихъ подчиненныхъ; это краснорѣчиво высказалось въ поданной просьбѣ, которую подписали полковые и сотенные стар-

¹⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Н. Гербель. Из. сл. коз. п., стр. 54.

⁴⁾ Д. И. Багалъй. Матеріалы. Томъ I, стр. 193.

⁵⁾ Шимановъ. Главн. момен. въ ист. землевл. Хар. губ., стр. 15.

⁶⁾ Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.

шины всѣхъ полковъ, гдѣ они просили царя помиловать ихъ любимца. И эта просьба полковъ была уважена царемъ, но только отчасти: Шидловскій былъ назначенъ въ армию генераль-майоромъ, но отнятыя имѣнія ему возвращены не были¹⁾.

Еще ранѣе, въ 1708 году, наказнымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ назначенъ Лаврентій Ивановичъ Шидловскій, утвержденный въ званіи полковника по волѣ царя 3 марта 1710 года, когда разразилась бѣда надъ бригадиромъ Шидловскимъ²⁾. На мѣсто-же Лаврентія Ивановича Шидловскаго, опредѣленнаго полковникомъ Изюмскаго полка, иманнымъ указомъ царя Петра, Харьковскимъ полковникомъ былъ пожалованъ Прокофій Васильевичъ Куликовскій, молдаванинъ шляхетскаго происхожденія, находившійся предъ этимъ въ службѣ волоскаго господаря, князя Кантемира, въ чинѣ полковника. Куликовскій во время того крайне затруднительнаго положенія, въ которое попалъ Петръ (въ 1711 году), неосмотрительно начавъ войну съ Турціею,—неоднократно пріѣзжалъ къ царю отъ господаря съ секретнѣйшими бумагами. Тогда-же, въ бытность Петра на Прутѣ при арміи, Куликовскій со всѣмъ своимъ семействомъ, въ числѣ многихъ другихъ чиновниковъ, бывшихъ съ Кантемиромъ, принялъ русское подданство и переселился въ Россію. За вѣрную и безпорочную службу, оказанную имъ въ войнѣ съ Портою, Петръ и назначилъ его полковникомъ³⁾.

Куликовскаго въ 1714 году смѣнилъ Григорій Семеновичъ Квитка, происходившій изъ польскаго шляхетства, но малороссіянинъ и православнаго вѣроисповѣданія. Его дѣдъ, Афанасій Квитка, прибылъ изъ Польши и принялъ подданство въ царствованіе Алексѣя Михайловича, служилъ въ Гадачскомъ полку полковникомъ; сынъ его, Семень, пришелъ въ Харьковскій полкъ и былъ въ немъ полковымъ судьей⁴⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Е. А. Альбовскій.

1) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 39.

2) Ibidem. Отд. II, стр. 65.

3) Мос. отд. арх. гл. шт. Оп. 109, св. 62 и 67.

4) Квитка. Записки о сл. пол., стр. 23.

ЦЕРКОВНО-СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

ПО ДѢЛАМЪ БРАЧНЫМЪ ВЪ БѢЛГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ.

II *).

ОТМѢНА БРАКА.

Церковный судъ XVIII вѣка по дѣламъ брачнымъ (и не по однимъ только этимъ дѣламъ) дѣйствовалъ въ условіяхъ совершенно исключительныхъ, значительно усложнявшихъ задачи судьи и самое отправленіе правосудія. Всякое другое судебное мѣсто того времени руководствовалось кодексомъ своей эпохи, систематически обработаннымъ и потому непредставлявшимъ большихъ трудностей въ приложеніи¹⁾;—судъ церковный долженъ былъ неизмѣнно примѣнять правила, возникшія въ отдаленный періодъ вселенскихъ соборовъ, притомъ на обширной разноплеменной территоріи древняго христіанскаго міра. Возникновеніе правила и жизнь, къ коей она примѣнялась, норма и ея приложеніе представлялись здѣсь въ огромномъ, пространственномъ и временномъ взаимномъ отдаленіи²⁾. Затруднительность буквального примѣненія древнихъ правилъ къ брачнымъ дѣламъ выясняется прежде всего въ церковныхъ наказаніяхъ, налагавшихся на виновныхъ супруговъ. Наказанія

*) См. Харьковскій Сборникъ, вып. V, стр. 53.

¹⁾ Уложеніе царя Алексѣя 1649 г. Военскій уставъ (Военскіе артикулары) 1716 г. Морской уставъ 1720 г. Приложеніе этихъ законоположеній усложнилось только съ развитіемъ указной дѣятельности государей. Проф. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, стр. 603.

²⁾ Основными правилами, которыми главнымъ образомъ разрѣшались дѣла о незаконныхъ бракахъ были правила, извлеченныя изъ 2-го и 3-го, такъ называемыхъ, каноническихъ посланій Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Оба посланія написаны въ 375 году; Филаретъ, арх. Черниг. Историч. ученіе объ отцахъ, т. II (изд. 2), стр. 116.

эти, какъ увидимъ ниже, вообще смягчились — такова общая характеристика заключеній духовныхъ управленій и мнѣній консисторіи и въ особенности рѣшеній архіереевъ по вопросамъ объ ответственности супруговъ. Суровая санкція древнихъ правилъ, въ частности относящихся до нарушенія чистоты брачнаго союза уже не представлялась необходимою въ XVIII вѣкѣ. Не слѣдуетъ забывать, въ какую эпоху она возникла. „Суровости древнецерковной дисциплины, говоритъ проф. Суворовъ, съ ея тяжкимъ и продолжительнымъ покаяніемъ для грѣшниковъ, съ ея покаянными степенями, съ ея строгостію къ рецидивистамъ, могла бы съ нашей точки зрѣнія казаться непонятною и странною, если бы взвѣшивать ее, безъ соображенія съ тѣмъ, чего требовали партіи, отдѣлявшіяся отъ церкви. Сравнительно съ ними, взглядъ церкви былъ снисходительнѣе, при всей его суровости, а что онъ не могъ быть еще болѣе снисходителенъ, — это само собою понятно, если принять во вниманіе воззрѣнія времени вообще: не могли быть мягкими воззрѣнія христіанства въ такую эпоху, когда изъ за обратнаго принятія въ церковь грѣшниковъ происходили церковные расколы, выходившіе изъ мысли о поддержаніи соответствія между церковью въ идеѣ и церковью въ дѣйствительности“¹⁾. Съ исчезновеніемъ ригористическихъ направленій въ христіанствѣ, сыгравшихъ какъ и все крайнее и несовершенное въ исторіи свою временную, переходящую роль, церковь, сообразуясь съ измѣнившимися потребностями времени, стала смягчать свою суровую древнюю дисциплину. VI-й вселенскій, Трулльскій соборъ въ 102 правилѣ даетъ общія указанія пастырю церкви сообразовать размѣръ налагаемыхъ имъ запрещеній (епитимій) и съ степенью вины и съ индивидуальными особенностями виновнаго. По общему выраженію правила, повторенному въ толкованіи къ нему по нашей Кормчей книгѣ²⁾, вся забота пастыря должна состоять въ томъ, чтобы овцу заблудшую возвратить, а не гнать по стремлинамъ отчаянія, и уязвленную змиемъ исцѣлить. Резюмируя смыслъ этого правила и положеній изъ него вытекающихъ, знаменитый канонистъ Вальсамонъ замѣчаетъ, что должно „знать и точныя правила каноническихъ епитимій и положенія болѣе снисходительнаго объема, и иногда врачевать недуги по правиламъ, а иногда посредствомъ обычныхъ и болѣе снисходительныхъ лѣкарствъ“³⁾.

1) Н. Суворовъ. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикц. церкви въ періодъ вселенск. соб., стр. 30.

2) Толкованіе принадлежитъ византійскому канонисту Аристину. См. правила св. вселенск. собор. съ толкованіями, изд. Моск. общ. любит. духовн. просв., ч. II, стр. 612—613.

3) Тамъ же. Въ толкованіи Вальсамона на то же правило читаемъ: „и на

Буквально точнаго исполненія древнихъ опредѣленій церковныхъ объ епитиміяхъ, какъ уже отчасти упомянуто, не встрѣчалось вообще въ практикѣ церковно-судебныхъ учреждений XVIII вѣка, причѣмъ нельзя не замѣтить, что, чѣмъ выше стояло учрежденіе, тѣмъ чаще и рѣшительнѣе смягчались имъ наказанія въ смыслѣ сокращенія продолжительности ихъ, перемѣны мѣста и способа прохожденія, а иногда опредѣленіе объ епитиміи, дойдя до обсужденія епархіальнаго архіерея, и вовсе отменялось.

Въ 1780 году Свят. Синодъ общимъ указомъ отъ 21 марта вновь подтвердилъ осмотрительное примѣненіе епитимій, предписавъ „въ разсужденіи налагаемаго преступникамъ запрещенія причащенія святыхъ таинъ поступать осмотрительно такъ, чтобъ и кающагося не обременить и не привести въ отчаяніе и въ имѣющемъ холодность къ закону не умножить оную... чтожъ надлежитъ до умаленія времени, то и въ ономъ искренно раскаявающемуся отъ церкви снисхожденіе оказывать нужно“.

На этотъ Синодскій указъ и на 102 правило Трульскаго собора и ссылалась всегда Бѣлгородская епархіальная власть, когда приходилось допускать какія-либо смягченія въ налагаемыхъ епитиміяхъ ¹⁾.

другихъ соборахъ опредѣлено, чтобы мѣстный епископъ, получившій отъ благодати Всесвятаго Духа власть взять и рѣшать, *не всегда обращалъ вниманіе на положенное правилами относительно епитимій, но чтобы назначилъ оныя притворительно къ лицамъ, подлежащимъ епитиміи, т. е.--къ возрасту ихъ и къ расположеніямъ, къ способностямъ, а, при этомъ, и къ качеству грѣха“*. Вальсаноново толкованіе на 84 прав. Вас. Вел. и 2 пр. Алкирск. соб.

¹⁾ Упомянутые указъ и правило, имѣвшіе общее значеніе, а не относившіеся исключительно къ дѣламъ брачнымъ, полагались въ основаніе всѣхъ опредѣленій объ епитиміяхъ вообще, причѣмъ Бѣлгородская консисторія и въ особенности архіереи пользовались всякимъ случаемъ для смягченія епитимій. Такъ наприм., по дѣламъ о проступкахъ, тѣсно связанныхъ съ достоинствомъ и неприкосновенностью чистоты брачныхъ отношеній, поводомъ къ такому смягченію нерѣдко служилъ новый бракъ, такъ сказать покрывавшій и заставлявшій забыть совершенный проступокъ. Въ 1792 г. правитель Харьковскаго намѣстничества сообщеніемъ требовалъ о наложеніи церковнаго покаянія на Ахтырскихъ жителей—солдатскую жену Анну и деверя ея Никиту Литвиновыхъ (за кровосмѣшеніе), „почему Бѣлгородскою консисторіею опредѣлено и Его Пресвященствомъ утверждено: на означенныхъ солдатку Анну и обывателя Никиту Л. за показанное ихъ преступленіе наложить церковную епитимію по прав. Василя В. 67 на 12 лѣтъ, которую исполнять имъ: Аннѣ въ Харьковскомъ Хорошевскомъ Вознесенск. Дѣвичьемъ, а Никитѣ въ ономъ Покровскомъ училищномъ монастырѣхъ, подъ присмотромъ въ дѣвичьемъ монастырѣ тамошняго священника, а въ мужескомъ искуснаго іеромонаха чрезъ три года, а достальное время въ домахъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, прописаннымъ въ помянутомъ правилѣ порядкомъ, а притомъ стараться тѣмъ священни-

На отступленіе отъ буквального примѣненія древне-церковной дисциплины къ виновнымъ супругамъ отнюдь не ограничивались однимъ смягченіемъ епитимій. Практика церковно-судебныхъ учреждений XVIII вѣка шла въ этомъ отношеніи гораздо дальше. Подчиняясь утилитарнымъ воззрѣніямъ времени, когда продолжительное пребываніе обвиненнаго въ мона-

хамъ и иеромонаху наставлятъ ихъ Анну и Никиту закону Божию, приводить къ истинному о преступленіи ихъ раскаянію и, внушая о происходящихъ отъ непостоянства худыхъ слѣдствіяхъ, предуготовить ихъ къ препровожденію впредь цѣломудренной и богоугодной жизни и чрезъ все время бытія ихъ подъ епитимією въ посты исповѣдывать, а Святыхъ Божественныхъ Таинъ не сподоблять, кромѣ смертнаго случая, а въ ономъ поступать какъ Григорія Нисскаго 5-е правило повелѣваетъ. Какіе они приносятъ будутъ плоды покаянія, о томъ изъ помянутыхъ монастырей, и по прошествіи трехъ лѣтъ изъ Ахтырскаго Духовн. Правленія репортовать Его Пр-ву погодно для поступленія съ ними, Литвиновыми, по правилу 102 шестого Вселенск. собора и 1780 года марта отъ 21 дня изъ Святѣйш. Правит. Синода указу; буде-жъ изъ нихъ Л. Анну пожелаетъ мужъ ея взять въ сожитіе, а Никита *пожелаетъ вступить въ бракъ и о томъ будетъ просить, то изъ изъ монастырей и прежде окончанія назначеннаго времени освободить*. (Дѣло № 110—1793 г.).

Въ 1789 г. Харьковскій Уѣздный Судъ отнесся къ Духовному Правленію о наложеніи епитиміи на дѣвку Софію Кеневу за прижитіе младенца. Правленіе репортовало консисторіи, консисторіей опредѣлено и архіереемъ утверждено: „на означенную дѣвку... наложить церковную епитимію по 59 прав. Василия В. на семь лѣтъ, которую исполнять ей въ Харьковск. Хорошевомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, чрезъ 1 годъ подъ наблюденіемъ священника, а достальное время въ домѣ подъ присмотромъ духовнаго ея отца... въ свободные же отъ молитвы часы употреблять ее и въ монастырскую черную работу и чрезъ все бытіе ея подъ епитимією время въ святые посты ее Софію исповѣдывать, а Святыхъ Б. Таинъ не сподоблять, кромѣ смертнаго случая, какіе же она приносить будетъ плоды покаянія о томъ... репортовать по полугодно для поступленія съ нею, Софією, по правилу 102 шестого Вселенск. собора и 1780 года марта 21 дня изъ Святѣйш. Правит. Синода указу; буде-же къ помянутой дѣвкѣ С. во время жительства ея въ монастырѣ по старанію родителей или родственниковъ *сыскаться можетъ женихъ и о выгодѣ ея въ замужество просить будутъ, въ такомъ случаѣ и прежде окончанія назначеннаго времени изъ монастыря ее освободить и въ бракъ вступить дозволить*“. (Дѣло № 119).

Аналогичный случай представляетъ дѣло № 93—1793 года о дозволеніи присужденной къ церковной епитиміи дѣвкѣ Марфѣ Куридьбѣ вступить въ бракъ.—Марфа за какой-то проступокъ судилась въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а затѣмъ въ Бѣлгородской консисторіи и по представленію Преосвященнаго указомъ Синода отъ 12 іюля 92 года велѣно было опредѣлить ей церковную епитимію на 10 лѣтъ (2 года въ монастырѣ и 8 лѣтъ въ домѣ) съ тѣмъ, что если во время пребыванія ея въ монастырѣ сыщется ей женихъ, то и прежде окончанія назначеннаго времени изъ монастыря ее освободить и въ бракъ вступить дозволить. Найдя крестьянина, пожелавшаго на ней жениться, она просила Преосвященнаго объ увольненіи ея изъ монастыря (Рождественскаго

стырѣ могло казаться непроеводительнымъ и шло въ разрѣзъ съ экономическими интересами государства, интересами фиска, епархіальная власть нерѣдко замѣняла всякое прохожденіе епитиміи тѣлеснымъ наказаніемъ. Такъ разрѣшались брачныя дѣла, въ особенности въ первой половинѣ столѣтія, надъ лицами податного состоянія, для которыхъ „жестокое (нещадное) плетью наказаніе“ признавалось болѣе соответствующимъ и даже болѣе легкимъ, нежели отрывавшія отъ хозяйственныхъ занятій продолжительныя церковныя запрещенія. Мотивы такой замѣны иногда ясно указывались въ рѣшеніяхъ; они допускались въ видахъ принадлежности виновнаго „къ такому званію, по которому онъ обязанъ платить государственныя подати и другіе поборы и дабы не могъ онъ имѣть въ хозяйствѣ своемъ разстройства“¹⁾.

Замѣна церковныхъ запрещеній тѣлесными, болсвыми наказаніями практиковалась въ XVIII вѣкѣ въ духовныхъ судахъ, безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ суровыхъ уголовныхъ законовъ Имп. Петра I-го и не имѣла никакихъ основаній ни въ каноническихъ правилахъ, ни даже въ гражданскихъ, законоположеніяхъ по дѣламъ церкви. Собственно церковныя наказанія по самому существу своему могутъ выражаться только въ формѣ запрещеній, состоя въ лишеніи члена церкви на опредѣленное время какихъ либо церковью даруемыхъ благъ²⁾. Имѣя цѣлью какъ бы перевоспитать преступника, они должны дѣйствовать исключительно на его совѣсть. „Церковная епитимія, говоритъ Вальсамонъ, не есть наказаніе, но очищеніе и врачеваніе.... а гражданскій законъ наказываетъ, а не врачуетъ“. По этому

Бѣлгородскаго) и дозволеніи вступить въ бракъ. На это послѣдовала резолюція — „учинить по точности указа о семь“. Консисторія опредѣлила удовлетворить просительницу съ тѣмъ, чтобы возложенную на нее церковную епитимію она проходила въ домѣ; приходскому священнику вмѣненъ въ обязанность присмотръ за Марфою, наставленіе ея закону Божію, а благочинному „о плодахъ покаянія“ репортовать погодно „со свидѣтельствомъ Долбинскаго приходскаго священника.“ (Указъ отъ 25 іюня).

1) Тѣлесныя наказанія виновнымъ супругамъ практиковались и въ другихъ нашихъ епархіяхъ въ прошломъ столѣтіи, напр. въ Московской. См. Розанова истор. Московск. епар. управ., ч. I, стр. 224—225; ч. II, кн. I, стр. 109; ч. II, кн. II, стр. 134 и др.

2) Ср. пр. Суворова „о церковныхъ наказаніяхъ“, стр. 16—24. Опредѣленія византійскаго законодательства о тѣлесныхъ наказаніяхъ виновнымъ супругамъ не имѣли въ виду замѣнить ими епитиміи, которымъ преступники должны были подвергаться, наряду съ наказаніями, законамъ установленными; напр., Василіикъ 60 кн. 39 тит. 77 гл. опредѣляетъ тѣлесное наказаніе вступающимъ въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и др., частью вошедшія въ составъ 2-й части Коричей книги.

замѣна одного другимъ съ точки зрѣнія канонической не можетъ быть признана правильной.

Но не только особенности епитимій, установленныхъ древними канонами, представляли затрудненія въ церковно-судебной практикѣ прошлаго столѣтія,—самая редакція канонѳвъ въ Кормчей книгѣ также должна была вызывать, если не недоумѣнія, то во всякомъ случаѣ нелегкій трудъ толкованія древнихъ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ измѣнившимся и усложнившимся условіямъ новаго времени. Какъ извѣстно, Кормчая книга содрержитъ въ себѣ неполный текстъ канонѳвъ, но сокращенный его текстъ (синопсисъ) въ формѣ краткихъ догматическихъ положеній. Большинство сопровождается краткими же толкованіями Аристина, нѣкоторые (очень немногіе)—выдержками изъ толкованій Зонары, составленныхъ въ XII вѣкѣ¹⁾. По своему содержанію и редакціи, каноны не лишены до нѣкоторой степени казуистическаго характера: составители ихъ не задавались задачей исчерпать всѣ мыслимые случаи, которые могли бы представиться на обсужденіе пастыря церкви, правила не сочинялись, не были результатомъ теоретической работы ихъ авторовъ. Они составлялись *по поводу* конкретнаго частнаго случая, писались и издавались большею частью по поводу даннаго событія, почему-либо обратившаго на себя вниманіе духовной власти, наприм., представлявшаго извѣстныя практическія трудности или недоумѣнія. Для правильнаго и успѣшнаго приложенія древняго каноническаго кодекса церковный судъ долженъ былъ прибѣгать къ аналогіи, къ толкованію распространительному, долженъ былъ изъ конкретныхъ опредѣленій церкви выводить общіе каноническіе принципы²⁾.

Каноническій кодексъ Вселенской церкви, вошедшій въ составъ первой части нашей Кормчей книги, служилъ главнымъ основаніемъ опредѣленій церковнаго суда по дѣламъ брачнымъ, по названный судъ долженъ былъ руководствоваться и второй частью Кормчей, содержащей: 1) постановленія болѣе поздняго времени, церковнаго происхожденія и 2) гражданскіе (византійскіе) законы. Главы 50—52 служили руководствомъ къ разрѣшенію

¹⁾ Полный текстъ канонѳвъ и толкованія къ нимъ Зонары и Вальсамона до текущаго столѣтія не были у насъ издаваемы, хотя, по распоряженію высшей духовной власти, нѣсколько разъ и переводились по изданіямъ западныхъ ученыхъ Леунклавне—„*Jus graeco-romanum*“ и Бевирегія „*Pandectae sive Synodicon canonum*“. Хранясь въ рукописяхъ, переводы эти не могли быть доступны для пользованія духовнымъ судамъ.

²⁾ Богѣе подробную характеристику съ юридической точки зрѣнія вселенскаго каноническаго кодекса см. у меня „Характеръ и значеніе толкованій на каноническ. кодексъ греческой церкви“. М. 88 г., стр. 33—37 и 41.

дѣлъ о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства. Остальныя главы той-же части представляютъ преимущественно заимствованіе изъ законодательныхъ трудовъ византійскихъ императоровъ: Юстиніана, Василія Македонянина, Льва Исаврянина, Константина Копронима, Алексѣя Комнена (VI—XII столѣтій). Если вопросъ о практическомъ значеніи всѣхъ этихъ опредѣленій считается и въ настоящее время, когда источники ихъ достаточно выяснены, вопросомъ труднымъ, то легко понять, насколько неяснымъ представлялся онъ духовнымъ судамъ прошлаго столѣтія. Многіе вошедшіе въ составъ Кормчей византійскіе законы, въ особенности по дѣламъ, изъятымъ, со времени Петра, изъ вѣдѣнія церкви, очевидно потеряли у насъ силу дѣйствующаго правила, но провести точно опредѣленную границу въ Кормчей между правомъ дѣйствующимъ и уже переставшимъ дѣйствовать было по меньшей мѣрѣ очень нелегко. Практика Бѣлгородскихъ церковно-судебныхъ учреждений не представляетъ въ этомъ отношеніи однообразія: въ дѣлахъ совершенно аналогичныхъ то дѣлаются, то не дѣлаются ссылки на византійскіе законы, то ими руководствуются, то оставляютъ ихъ безъ вниманія.

Руководствуясь столь сложнымъ сборникомъ правилъ и законовъ, какова наша Кормчая, во многихъ частяхъ своихъ *implicite* отмѣненная законодательной дѣятельностью русскихъ государей, Бѣлгородскій церковный судъ XVIII вѣка въ своей практикѣ по дѣламъ брачнымъ не могъ, естественно, избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Ясно сознавая основныя положенія брачнаго права, онъ во многихъ частностяхъ неустойчиво мѣнялъ свои взгляды и одни и тѣ-же случаи разрѣшалъ неодинаково. Опредѣленіе Бѣлгородскихъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросамъ объ отмѣнѣ брака и въ особенности объ отвѣтственности супруговъ всего менѣе можно было-бы назвать стереотипнымъ. Въ случаяхъ совершенно однородныхъ, какъ увидимъ ниже, супруги подвергались и не подвергались запрещеніямъ, браки признавались и не признавались дѣйствительными и т. п. Въ этомъ разнообразіи встрѣчаются изрѣдка рѣшенія и безусловно антиканоничныя.

Но упомянутыя особенности условій, въ которыхъ приходилось дѣйствовать церковному суду, и которыя значительно усложняли его дѣятельность, имѣли и свою хорошую сторону. Здѣсь судья, нестѣсняемый детальными и строго точными опредѣленіями правилъ и законовъ, пользовался нѣкоторымъ просторомъ въ дѣйствіяхъ, роль его не ограничивалась только простымъ механическимъ приложеніемъ абстрактной нормы къ конкретному случаю. Безконечно разнообразныя сочетанія, создававшія-

ся жизнью и представлявшіяся обсужденію суда въ дѣлахъ о незаконныхъ бракахъ, могли получать и разнообразную оцѣнку и каждое—соотвѣтствующее разрѣшеніе. Въ опредѣленіяхъ церковнаго суда большее значеніе получилъ элементъ моральный. Нравственными соображеніями часто мотивировалась и та разность въ разрѣшеніи совершенно аналогичныхъ случаевъ, о которой нами только что упомянуто. Въ особенности сами епархіальные архіереи, имѣя дѣло съ лицами почему либо заслуживавшими жалости, обманутыми и т. д., не стѣснялись отступать отъ обычнаго порядка рѣшенія, допускали всевозможныя снисхожденія, освобождали отъ всякой отвѣтственности, придавали недѣйствительному браку силу брака законнаго. Словомъ, здѣсь вмѣсто формально—юридическаго (древне-римскаго) принципа „*fiat justitia, pereat mundus*“ выступалъ принципъ религиозно нравственный—„*суббота (законъ) для челоѣвка, а не челоѣвкъ для субботы*“ (Ев. Марк. II, 27).

Въ законоположеніяхъ и правилахъ, служившихъ основаніемъ дѣятельности церковнаго суда, всего менѣе заключалось нормъ процессуальнаго права. Обряды судопроизводства и порядокъ движенія дѣлъ во всѣхъ стадіяхъ заимствовались поэтому судомъ этимъ отъ современнаго ему суда гражданскаго. Въ частности дѣла объ отгнѣнѣ браковъ велись слѣдственнымъ порядкомъ, *сыскомъ*, характерная особенность котораго состоитъ въ томъ, что направленіе дѣла отъ усмотрѣнія сторонъ не зависитъ и прекращенію миромъ не подлежитъ¹⁾. Эти дѣла возникали, заводились и получали свое движеніе, какъ только органы епархіальнаго суда освѣдомлялись о существованіи незаконнаго брака. Обыкновенно начинались они съ донесенія лица заинтересованнаго, нерѣдко лица должностнаго. Доносили прежде всего священники, совершавшіе браковѣнчаніе, когда получали свѣдѣнія о его сомнительной законности или священники, въ чьихъ приходахъ имѣли мѣсто жительства супруги, незаконно обвѣнчанные. Доносчикъ имѣлъ цѣлью оградить себя доносомъ отъ всякой отвѣтственности за соучастіе, попустительство или сокрытіе преступнаго дѣянія²⁾. Доносили, далѣе, родственники невинной обманутой стороны, очевидно желая избавить ее отъ дальнѣйшихъ невыгодныхъ послѣдствій

1) Проф. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, стр. 982 и слѣд.

2) Радковскій священникъ Константинъ Федоровъ, донося 6 апрѣля 1733 г. протопопу Изюмскому Прокопію объ обнаруженномъ въ предѣлахъ его прихода случаѣ четвероженства, между прочимъ пишетъ: „и объ оной женѣ (Евдокіи) доношу пречестности вашей, какъ съ нею повелите, понеже я опасался архіерейскаго штрафа и дабы мнѣ не быть за то въ какой бѣдѣ понеже она въ приходѣ моемъ живеть“, д. № 43 1733 г., также д. № 78 1789 г. и др.

незаконнаго брака и навлечь на виновнаго заслуженную кару¹⁾. Наконецъ доносили лица, права коихъ нарушались подобными браками, наприм., помѣщики, владѣльцы одного изъ супруговъ и даже самъ обманутый супругъ²⁾. Доносъ или извѣтъ съ какой-бы то ни было стороны признавался самъ по себѣ достаточнымъ, чтобы приступить къ розыску; но доносчикъ прежде всего долженъ былъ содѣйствовать власти въ раскрытіи и выясненіи уликъ³⁾.

Ближайшей затѣмъ задачей духовнаго правленія было произвести слѣдствіе и розыскать обвиняемыхъ и свидѣтелей. Предварительное слѣдствіе поручалось иногда произвести на мѣстѣ священникамъ, очевидно занимавшимъ какія либо церковно-

1) Вотъ образецъ такого доношенія: Изюмскаго полку, мѣстечка Каменна на духовной дворъ духовному управителю доношеніе, а въ чемъ мое доношеніе тому слѣдуютъ пункты: 1) Въ прошломъ 725 году въ августѣ мѣсяцѣ выдалъ я, ниже именованный, дочеръ свою Матрену Петрову замужъ за печенежскаго жителя Андрея Пшениченка и жилъ онъ Андрей съ моею дочерью понынѣ. 2) А сего 726 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ увѣдомился я про него Андрея, будто женился онъ на моей дочери Матренѣ отъ живой жены своей Ефросиніи, которую, остави въ селѣ Деркачахъ, бѣжалъ въ мѣстечко Двурѣчную и женился на моей дочери, Матренѣ, и въ то число какъ онъ Андрей женился на моей дочери сказалъ якобы жена его Ефросинія померла въ селѣ Деркачахъ. 3) И дабы повелѣно было противъ сего моего доношеніе выше означеннаго Андрея на духовный дворъ сыскать и о упомянутой его женѣ допросить, не отъ живой ли онъ, Андрей, жены своей, Ефросиньи, женился на моей дочери Матренѣ. Доношеніе подписалъ за Петра Самохвалова дьячокъ Филимонъ Герасимовъ.

2) См. напр. д. 1776 г. № 15. Въ январѣ 1776 года солдатка Ульяна Денисова, по первому мужу Стрыжкина, вошла съ „всенижайшимъ“ прошеніемъ къ преосвященному Агею. Въ прошеніи Ульяна объясняетъ, что первый мужъ ея былъ убитъ за границей въ сраженіи съ турками, затѣмъ пишетъ: „въ 771 году въ августѣ м. Козловскаго пѣхотнаго полку оставленнымъ сержантомъ Варфоломеемъ Волосатымъ обманно не давъ мнѣ знать, что жена у него жива, взята я въ замужество, съ каковымъ, по перевѣчаніи онаго мѣстечка воскресенской церкви священникомъ Василюемъ, жила по 773 г.; а въ томъ году помянутаго сержанта являсь первая жена и съ нимъ изъ того мѣстечка тайно уѣхала на прежнее жилище будто Воронежской губерніи, а въ какое имянно мѣсто я не вѣдаю и что точно уѣхали я имѣя того-жъ полку отъ поручика Николая Уварова свидѣтельство, при семь подношу. Послѣжъ того я, не имѣя мужа, будучи на отдаленной отъ родства сторонѣ, доннѣ въ пропитаніи претерпѣваю крайнюю нужду; и безъ благословія Вашего преосв-ва замужъ итить не смѣю. Того ради Вашего преосв-ва всенижайше прошу о дачѣ мнѣ благословительнаго повелѣнія итить въ замужество учинить отеческое милосердное разсмотрѣніе.

3) Наприм., см. д. 1795 г. № 137: по поводу прошенія помѣщика Заруднаго, донесшаго на солдата Ивана Федорова что „онъ де женился на его ерѣпостной, мужъ которой всего три года какъ бѣжалъ“, Волонское Духовн. Правленіе полагало истребовать отъ просителя Заруднаго доказательства, такъ какъ доношеніе его недостаточно обосновано.

административныя должности. Выѣздъ на мѣсто вызывался, надо полагать, необходимою опросить большое число лицъ, проживавшихъ притомъ въ далекомъ разстояніи отъ правленія. Обыкновенно-же и обвиняемыхъ и свидѣтелей требовали въ самое правленіе, гдѣ и отбирались отъ нихъ показанія. Къ свидѣтельству привлекался и священникъ, вѣнчавшій бракъ. Для допроса вызываемые подвергались въ большинствѣ случаевъ приводу, со всею строгостью нашихъ старыхъ судебныхъ порядковъ. Чтобы лишить ихъ возможности уклониться отъ суда и слѣдствія ихъ брали „подъ караулъ“, иногда „забивали въ колодки“ и такъ доставляли въ правленіе. Исполнителями опредѣленій Духовнаго правленія о личномъ задержаніи виновныхъ и вообще прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ были: священники, чаще причетники, пономари, дьячки, а иногда даже сторожа. Если посылаемый былъ священникъ, то ему предписывалось взять съ собою „для вспоможенія дьячка съ лошадыю“¹⁾.

Порученіе дѣлалось въ письменной формѣ инструкціи, въ которой излагались задачи посылаемаго, съ неизмѣннымъ добавленіемъ объ отвѣтственности его за неправильныя дѣйствія. Съ инструкціей въ рукахъ посланный пользовался большими полномочіями, могъ употребить въ отношеніи арестуемаго силу²⁾ и потому напоминаніе ему каждый разъ о не

¹⁾ 26 мая 1736 года поплъ Григорій доносилъ Изюмской духовной канцеляріи: „по силѣ инструкціи, я, нижеименованный, въ означенную слободу (Протопоповку) ѣздилъ и о вышепоказанныхъ трехъ бракахъ слѣдовать, допросами токмо явились попомъ Максимомъ вѣнчаны, а явился точию одинъ второй бракъ, а больше слѣдовать невозможно, ибо которыя подлежатъ въ допросу, то оныя не слушаютъ, многія русскія люди отправлены въ крымскій походъ, и которыхъ свидѣтелей не допрашивалъ ибо отговаривались, что они не духовнаго регламенту и въ допросахъ во свидѣтельство показать не хочугъ, а выше показанные допросы при семъ представляю“. Поплъ Григорій дѣйствовалъ по инструкціи Изюмскаго духовнаго правленія отъ 17 мая 1736 года: „ѣхать тебѣ Изюмскаго вѣдомства въ слободу Протопоповку... о вышепоказанныхъ трехъ бракахъ въ слободѣ Протопоповѣ слѣдовать по распросу тамошняго попа Ивана, гдѣ кто жителство имѣеть, сыскать и допросить обстоятельно, а по слѣдствію въ той слободѣ, ѣхать для слѣдствія въ прочія крѣпости и слѣдовать“...

²⁾ Указъ Е. И. В. Самодерж. Всероссійск. изъ канцеляріи преосв. Епифанія, епископа Бѣлгородскаго и об. Изюмской соборной церкви протопопу Проконию Бужинскому: сего марта 16 дня 726 г. его преосв-ву въ доношеніи твоємъ по пунктамъ написано: въ первомъ пунктѣ—увѣдомился ты, что въ городѣ Изюмѣ имѣются четвероженцы, того города жители Иванъ Суковой да Иванъ Кравецъ, которые и донынѣ съ женами своими живутъ беззаконно; во второмъ (пунктѣ) о вышеозначенныхъ беззаконно живущихъ такихъ и ежели впредь таковыя явятся о учиненіи резолюціи, что архипастырскимъ милостивымъ распоряженіемъ повелѣно будетъ. И по повелѣнію его пр-ва на то доношеніе велѣно таковыхъ беззаконныхъ допрашивать, сколь давно живутъ и каковымъ образомъ сошлись, и

превышеніи власти было необходимо. Въ инструкціи прописывалось (послѣ указанія куда ѣхать и что исполнить): „токмо будучи тебѣ въ той посылки обидѣ, раззореній и грабительствъ отнюдь не чинить подѣ опасеніемъ жестокаго истязанія“ или „жестокаго на тѣлѣ наказанія“. Угроза объ отвѣтственности повидимому оказывала свое дѣйствіе; злоупотребленія были крайне рѣдки, по крайней мѣрѣ жалобъ на таковыя въ дѣлахъ почти не встрѣчается ¹⁾. Нельзя усмотрѣть и медленности въ исполненіи порученій о личномъ задержаніи. За

кто вѣнчалъ, съ памятью-ль вѣчной или безъ памяти, и въ городъ за карауломъ къ наказанію прислать, и о томъ отпустить къ тебѣ указъ и тебѣ-бъ по полученіи сего указа о вышеписанномъ чинить по вышеписанному указу непременно, а съ кѣмъ именно оныя четвероженцы и въ Бѣлгородъ посланы будутъ, о томъ въ домовую его пр-ва канцелярію отвѣтствовать доношеніемъ безъ замедленія.

¹⁾ Одинъ изъ такихъ случаевъ находимъ въ дѣлѣ 1726 г. (невнесенномъ въ опись) о двоеженцѣ Андрѣѣ Ткачѣ. Въ названномъ году полковая Изюмская канцелярія сообщила промеморіей духовному Изюмскому правленію: сего 1726 г. іюня въ 24 день, въ поданномъ въ оную канцелярію прошеніи Изюмскаго полку мѣстечка Двурѣчной жителя Петра Самохвалова показано: въ прошедшемъ 725 году, октября въ первыхъ числахъ, сговорилъ онъ, Самохваль, дочь свою Матрену вдову, въ Двурѣчной, за Андрея Ткача, которую Двурѣчанскій попъ Дмитрій, взявъ сказку съ вышеписаннаго зятя его, нѣтъ-ли у него жены, вѣнчалъ, и оный-де зять его съ означеннаго числа съ оною дочерью его жили сего 726 году мая по первое число, и сего-же-де году марта 26 числа освѣдомился онъ чрезъ Печенѣжскаго брамаря Акіма Кусдиманенка, что означеннаго зятя его Андрея вторая жена въ живыхъ Харьковскаго полку въ селѣ Деркачахъ, и пошелъ-де онъ на духовной дворъ къ поповскому старостѣ, каменскому попу Іакову, и о томъ извѣстилъ, и оной-де попъ Іаковъ, по тому его, Самохвалова, извѣту, зятя его, Андрея Ткача съ Двурѣчной взялъ въ Каменку на духовной дворъ и держалъ подѣ карауломъ на цѣни. А для поданнаго-де увѣдомленія отъ второй зятя его жены, оной попъ Іаковъ посылалъ его въ вышеозначенное село Деркачи, и по той онаго попа Іакова посылкѣ, вышеписаннаго зятя его, Самохвалова, Андрея, жену его вторую въ Деркачахъ онъ, Самохваловъ, сыскалъ въ живыхъ и оная съ нимъ, С., въ Каменку не поѣхала, а по отъѣздѣ-де его, С., изъ Двурѣчной въ оное село Деркачи, оной попъ Іаковъ прислалъ съ камнями дворовыхъ своихъ людей, которые, набѣжи на его, Самохваловъ, дворъ, тайно и безъ вѣдома Двурѣчанскаго старшины пограбили безвинно и взяли пару воловъ, цѣна восемь рублей, лошадь—мервина бѣлаго, цѣна пять рублей, которыми волами и лошадю оной попъ Іаковъ въ домѣ своемъ всякую работу работаетъ и по нынѣ, и какъ-де онъ, С., изъ села Деркачей возвратился и о второй женѣ зятя его, С., ему, попу Іакову, что въ живыхъ есть, извѣстилъ, и оной попъ Іаковъ не повѣрилъ ему, С., и велѣлъ нанять своего двороваго человѣка Авдѣя и послалъ вторично въ село Деркачи, и оной посланный, возвратясь оттудова, ему, попу Іакову, сказалъ, что зятя его жена въ живыхъ есть, и оной попъ Іаковъ велѣлъ взять оному своему человѣку, что ѣздилъ, съ него, С., денегъ рубль, и того ради Изюмскаго духовнаго правленія канцелярія о возвращеніи самовласно у онаго челобитчика заграбленнаго и за харчи, и убытки за волокиту, что ему, челобитчику, стало съ показаннаго старосты, поа

немногими исключеніями, когда виновный не давался въ руки, онъ доставлялся „на духовный дворъ“ въ нѣсколько дней по полученіи инструкціи ¹⁾). Съ одинаковой строгостію доставлялись въ Духовныя Правленія и обвѣнчавшіе сомнительный бракъ свидѣтели — священники, которые, при обнаруженіи улики въ завѣдомомъ совершеніи такого браковѣнчанія, легко могли быть привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ. За такими священниками посылались для привода ихъ священники-же, но часто причетники и сторожа, какъ и за прочими привлекаемыми къ отвѣтственности лицами ¹⁾). Таковъ былъ порядокъ привода во всѣхъ случаяхъ, когда вызываемый находился въ предѣлахъ епархіи при томъ, когда мѣстожительство его было извѣстно. Въ противномъ случаѣ производился розыскъ чрезъ земскіе суды, куда духовныя правленія относились промеморіями ²⁾). Подвергнутый приводу или вообще вызванный обвиняемый давалъ свои показанія духов-

Иакова, да благоволятъ учинить, какъ указы Е. И. В. повелѣваютъ, а что оной попь Іаковъ презрѣніемъ указовъ вступаетъ въ чужія команды и самовластно грабилъ Изюмскаго полку онаго челобитчика, С., и въ томъ учинилъ обиду полковой Изюмской канцеляріи, и за ту продерзость оному, повелѣно бы учинить въ томъ духовномъ правленіи, и за показанную обиду оной канцеляріи, по указамъ и по генеральному регламенту, и что учинено будетъ, о томъ въ полковую Изюмскую канцелярію увѣдомить письменно. Изюмскаго полку полковникъ Лаврентій Шидловскій.

¹⁾ 6-го апрѣля 1733 г., получивъ отъ Радковскаго священника Константина Ѳедорова донесеніе объ обнаруженномъ имъ случаѣ четвероженства, протопопъ Изюмскій Прокопій Ѳедоровъ наложилъ на доношеніи резолюцію: „записавъ въ книгу, написать инструкцію на попа Комаровскаго Афонасія да Радковскаго Константина, дабы, взявъ понятыхъ своихъ дьячковъ или понамаревъ, сыскавъ оныхъ помянутыхъ четвероженцовъ, подъ карауломъ привезли въ духовной дворъ“. Уже 10-го апрѣля того же года порученіе было исполнено: „по данной намъ отъ превелебія вашего инструкціи, доносили посланные, Радковскаго жителя Лазаря грека съ женою его Евдокією, которіи имѣютца четверобрачны, забивъ въ колодки, съ посыльными нашими, понамари Иваномъ Бѣлоусомъ, Степаномъ П. (?) и съ подводами нашими двома да третьяго онаго Лазаря, сего нижеписаннаго числа въ Изюмъ, на духовной дворъ, вашему прев. посылаемъ. Точію просимъ пречестности вашей объ отпуску оныхъ понамарей и лошадей не уметь къ намъ вспять, понеже намъ затѣмъ имѣется не безъ нужды, а просрочили за лошадьми, понеже убѣгли съ двора и не вскоре ихъ изыскали. Вашего прев. богомольцы Комаровскій попь Афонасій, Радковскій попь Константинъ“. Доставивъ Лазаря на четвертый день въ правленіе, исполнители порученія очевидно опасались, что и это будетъ признакъ медленности, и нашли нужнымъ извиниться.

¹⁾ По прод. 1735 г. № 18, попа Ѳедора доставилъ по инструкціи Изюмскій соборный дьячекъ Андрей Леонтьевъ; попа Афонасія — сторожъ церкви, Иванъ, какъ видно изъ доношенія послѣдняго отъ 16 ноября 735 г., подписаннаго, за неграмотностію Ивана, дьячкомъ той же церкви.

ному управителю и затѣмъ оставался подъ карауломъ до рѣшенія дѣла, если не находилъ надежнаго поручителя. Поручная запись надежнаго лица освобождала его отъ дальнѣйшаго личнаго задержанія. Поручитель ручался въ томъ, что представлятъ обвиняемаго на духовный дворъ по первому требованію³⁾.

Собравъ такимъ образомъ фактической матеріалъ по дѣлу, духовное правленіе, не рѣшая его, выписывало относящіяся къ нему правила и узаконенія и затѣмъ направляло всю переписку съ своимъ заключеніемъ въ консисторію (или домовую канцелярію архіерея): Консисторія дѣло пересматривала, требовала дополнительныхъ свѣдѣній, поручала въ случаѣ надобности произвести допросы новыхъ свидѣтелей, наконецъ составляла проектъ рѣшенія, который утверждался епархіальнымъ архіереемъ либо цѣликомъ, либо съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ объ отмѣнѣ браковъ; что касается *опытки доказательствъ* при постановкѣ рѣшеній, то и въ этомъ отношеніи епархіальный судъ нерѣдко руководился принципами, заимствованными изъ гражданскихъ законовъ. Положеніе „Воинскихъ Артикуловъ“ имп. Петра I-го—„собственное признаніе лучшее есть всего свѣта доказательство“ и извѣстное положеніе Екатерининскаго указа 1763 года—„лучше въ неизвѣстїи и не имѣя точнаго обличенія виновнаго освободить, нежели невиннаго истязать“—эти положенія выписывались въ мотивахъ многихъ рѣшеній Бѣлгородской Консисторіи по брачнымъ дѣламъ и ими руководствовался духовный судъ въ сужденіяхъ о доказанности или недоказанности обвиненія.

2) Тамъ же: 10 ноября 1735 г. на промеморію Изюмскаго духовнаго правленія отъ 11 октября земскій судъ сообщалъ: „промеморіею отъ онаго духовнаго правленія требовано о смысѣ и о присылкѣ села С. обывателя Никиты Овчарова, который-де женился отъ живой жены на вдовѣ Теодорѣ, по которой промеморіи означенной Никита Овчаровъ съ его женою сысканъ и при семь для допросу въ оное духовное правленіе посылается. И о томъ духовному правленію да будетъ извѣстно“. Подпись судьи. Внизу помѣтка: записать въ книгу, приобщить къ дѣлу, села Сеники жителя Никиту Овчарова съ женою его Теодорю въ Изюмскую духовную канцелярію принять и допросить по указу. Подпись: дух. дѣлъ управитель поль Стефанъ Герасимовъ.

3) Подобную поручную запись можно видѣть въ д. 1733 г., № 43: „1733 году маія 11-го дня, я, нижеподписавшійся, по Радковскомъ жителѣ Лазарѣ Грекѣ, который содержится въ Изюмѣ, въ духовномъ дворѣ, по духовному дѣлу, подъ карауломъ, ручаюсь, котораго и беру на свои поруки, и ежели оной грекъ Лазарь отъ духовнаго Изюмскаго двора востребуется и мнѣ-бы, поручнику его, Лазаря представить, а ежели по востребованію отъ духовнаго двора оной грекъ Лазарь отъ мене представленъ не будетъ, и за то буду штрафованъ какъ указы повелѣваютъ“.

III.

ОТМѢНА БРАКА ПО МНОГОБРАЧІЮ.

Резолюціями, наложенными на докладные пункты Св. Синода отъ 12 апрѣля 1722 года, Петръ I оставилъ въ вѣдѣніи Синода дѣла „о посягнувшихъ женахъ въ отсутствіи мужей за другихъ и о возвращеніи ихъ прежнимъ мужемъ“ и „о мужахъ въ подобныхъ тому винахъ являющихся“¹⁾. Въ такомъ видѣ оставалась подсудность многобрачія въ теченіи всего XVIII вѣка. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, этотъ видъ дѣлъ о незаконныхъ бракахъ былъ однимъ изъ наиболѣе многочисленныхъ въ Бѣлгородской епархіи. Бытовья, жизненные условія, среди которыхъ они возникали, наглядно иллюстрируются слѣдующими типичными случаями, которые заимствуемъ изъ архивной переписки.

Въ 1725 году предстали предъ Харьковскимъ духовнымъ управителемъ возвратившійся послѣ двадцатилѣтней военной службы драгунъ Карпъ Елисеевъ, жена его Лукерья, и второй мужъ Лукерья Иванъ Соболевъ, прежде „волочащійся челоуѣкъ“, теперь „харьковский житель“, каменщикъ. Послѣдній повѣдалъ управителю исторію многобрачія Лукерьи въ слѣдующей сказкѣ: „служилъ-де онъ, Карпъ Елисеевъ, въ драгунской службѣ; жена его, Лукерья Семахова, не дожидаясь онаго своего прежняго мужа, не вѣдаю какими случаемъ съ того села Удъ пришла и жила въ селѣ Тишкахъ, и я... въ томъ же селѣ Тишкахъ былъ, а про оную женку Лукерью не вѣдалъ, есть ли у нея въ живыхъ мужъ или нѣтъ, просилъ тамошнихъ жителей и священника, чтобы меня съ нею повѣнчали и по прошенію моему бывшій Тишковскій попъ Ѳедоръ призвалъ ее Лукерью къ себѣ и допрашивалъ, нѣтъ ли у нея въ живыхъ мужа, и она въ допросѣ сказала: былъ де у нея мужъ первый, который взять въ драгунскую службу и тамо на службѣ умре и вышла я де за другаго мужа въ Харьковѣ и жила съ нимъ лѣтъ съ десять и прижила дѣтей трое, и оной другой мужъ ея утопъ... и по тому ея допросу оной бывшій Тишковскій попъ Ѳедоръ далъ вѣнечную память и по той вѣнечной памяти тогожь села Тишковъ попъ Кондрать вѣнчалъ меня съ нею, Лукерьею, и жилъ съ нею лѣтъ шесть и прижилъ двое дѣтей, а въ прошломъ 720 году первый ея, Лукерья, мужъ К. Елисеевъ вышелъ съ неволи и сыскавъ жену свою, что она живетъ со мною въ селѣ Тишкахъ, пріѣхалъ въ оное село и не билъ челоуѣкъ на меня

1) Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. прав. исп., т. II, стр. 174.

нигдѣ, самовольно, безъ суда отнял у меня свою первую жену и весь мой дворъ разорилъ и что было въ ономъ моемъ дому, все побралъ и дворъ мой продалъ и жилъ съ нею недѣль съ шестнадцать, и я, выше упомянутый Иванъ Соболевъ, былъ на работѣ въ городку Борисовкѣ и помянутая жена Лукерья бѣжала въ тотъ же городокъ Борисовъ вся убита, чуть жива отъ мужа своего означеннаго Елисеева и я... принялъ ее къ себѣ и жилъ съ нею четыре года по прежнему въ городкахъ Борисовкѣ и въ Зміевѣ и въ Харьковѣ, и оной первый ея, Лукерья, мужъ Карпъ (снова) сыскалъ у меня жену свою и билъ челомъ на меня въ Харьковъ на духовномъ дворѣ и по тому его челобитью я, Иванъ Соболевъ, ему... помянутую свою жену Лукерью уступилъ¹⁾ и т. д.

Здѣсь мы видимъ примѣръ одной группы случаевъ многобрачія, возникавшихъ въ Бѣлгородской епархіи, благодаря ея такъ сказать военному положенію,—случаевъ, имѣвшихъ мѣсто главнымъ образомъ среди ея *военнаго элемента*. Здѣсь обвиняемыми являлись *многобрачныя жены—солдатки*.

Но едва ли не чаще возникало многобрачіе въ епархіи, благодаря тому, что въ XVIII вѣкѣ еще совершался дѣятельный процессъ ея колонизаціи. Плотники, каменщики и т. п. мастеровые, очевидно привлекаемые работой въ обстраивавшіеся украинскіе города, приходили невѣдомо откуда, останавливались на короткое время по хуторамъ и слободамъ и при случаѣ женились, не представляя иного доказательства своей свободы ко вступленію въ бракъ, кромѣ простаго утвержденія, что они холосты, законнымъ бракомъ еще не связаны. Часто на дѣлѣ оказывалось противное, и тогда поступало отъ обманутой женщины къ архіерею прошеніе такого рода, что выдалъ де ее отецъ (или вотчимъ) замужъ „за пришлого незнаемо каково чловѣка и жила она съ нимъ токмо двѣ недѣли,“ что увѣдомилась, будто у мужа есть первая жена и дѣти и взятъ былъ оный ея мужъ духовнымъ управителемъ подъ караулъ, изъ подъ караула бѣжалъ невѣдомо куда и доннѣ гдѣ живетъ безвѣстно и за скудостію своею кормится ей стало нечѣмъ, а потому просить архіерейскаго указа о разрѣшеніи ей посягнуть за иного мужа“. Такъ появлялись *пришлые* или *волочащіяся люди—двоеженцы и многоженцы*.

Поводомъ къ скитальческой жизни обоихъ супруговъ, притомъ не вмѣстѣ, а врозь, служило иногда желаніе одного изъ нихъ переселиться, пойти „на вновь населяемые слободы“. Такое скитаніе мужей и женъ, независимо другъ отъ друга, въ разныя стороны, причемъ они невольно теряли другъ друга

¹⁾ Дѣло 1725 г. № 35.

изъ виду, подвергало ихъ также большому искушенію вступить въ новый бракъ, умолчавши о первомъ.

Въ 1781 году была привлечена къ суду за многобрачіе совершенно еще молодая женщина Ирина Васенкова, рассказавшая о своихъ долгихъ скитаніяхъ слѣдующее. Родилась она, Ирина, Чугуевского уѣз. въ казенной слободѣ Печенѣгахъ, отъ роду ей двадцать лѣтъ. Отецъ ея былъ казенный обыватель, Емельянъ Васенко, а мать Ксенія, и, по бѣдности оныхъ родителей, жила она при нихъ по хуторамъ до 14 лѣтъ, а какъ отецъ и мать померли, то по умертвіи ихъ жила она, Ирина, въ хуторѣ тамошняго жъ жителя Петра Омельяненка и жены его, Агафіи, два года въ услуженіи, въ прошломъ-же 1778 году Печенѣжскій житель Филиппъ Ткаченко посваталъ ее, Ирину, за своего работника Евфима и взялъ ее и сундукъ ея, съ имѣющимися въ сундукѣ разными вещами, въ свой домъ. Здѣсь она жила „тогожь 778 года чрезъ весь филипповъ постъ и не похотѣвши съ работникомъ вступить въ законное супружество“, оставивши у Филиппа Ткаченка свой сундукъ, пошла на Рождественскихъ святкахъ къ брату своему родному, живущему въ селѣ Хатнемъ у помѣщика майора Ивана Заруднаго, для свиданія. Поживъ у него отъ Рождественскихъ святокъ до Свѣтлаго праздника, вышла она „съ доброй ея воли въ замужество въ томъ же селѣ Хатнемъ за жителя, подданнаго помѣщика Заруднаго, Ивана Салогубенка, съ коимъ поживши только одну недѣлю, когда началъ оной мужъ ея, Иванъ, уговаривать ее идти „на вновь населяемая въ разныхъ мѣстахъ слободы, не пожелала идти туда съ нимъ и, оставивъ его въ Хатнемъ, сама пошла въ Хотомлю и тамъ у хотомлянскаго священника, а какъ его имя и прозваніе не знаетъ, жила двѣ недѣли, по прошествіи же тѣхъ двухъ недѣль, съ оной слободы Хотомли пришла въ Харьковъ и жила у нѣмца Бустевина въ городѣ Харьковѣ до трехъ недѣль, отъ коего отошла къ нѣмцу-же, живущему тамъ же за Лопанью въ аштекъ, а какъ его имя и прозваніе не знаетъ, и у онаго жила недѣлю, и.... позвалъ ее, Ирину, слободскаго горвизоннаго баталіона капраль Степанъ Ильинъ къ подполковнику Якову Васильевичу Тевяшеву и, пришедши она къ реченному Тевяшеву, опредѣлена была малыхъ дѣтей его смотрѣть, а между тѣмъ недѣли чрезъ двѣ начали ее, Ирину, реченный подполковникъ и капраль Ильинъ уговаривать къ выходу въ замужество за крѣпостнаго онаго подполковника челоуѣка, Калинника, Евстафіева сына, а прозваніе его не знаетъ, на что она имъ объявляла, что у нея есть... законный мужъ, но они научили ее, Ирину, называть себя дѣвкой и увѣрили,

что никто съ ихъ господскаго двора ее не возьметъ, чрезъ что она, и къ выходу за реченнаго крѣпостнаго въ замужество и согласилась и вѣнчана въ 1779 году въ іюлѣ мѣсяцѣ съ онымъ крѣпостнымъ города Харькова въ Вознесенской церкви—священникомъ Іоанномъ Калиновскимъ.... При вѣнчаніи капралъ Степанъ Ильинъ, когда священникъ требовалъ отъ него объясненія, сказывалъ ему, „чтобы ни въ чемъ не сумнѣвался, ибо отвѣчать будетъ подполковникъ Тевяшевъ“. И по перевѣнчаніи жила она, Ирина, въ домѣ подполковника до мая 1781 года, а мужъ ея, Калинникъ, поживъ съ нею три дня бѣжалъ и въ побѣгахъ находился чрезъ все тое время.... Въ томъ-же маѣ мѣсяцѣ она, Ирина, видя на себѣ напрасныя, частыя отъ подполковницы Тевяшевой побои и не имѣя одѣянія бѣжала отъ нея сама безъ всякаго сносу въ одной только рубашкѣ и на дорогѣ подъ мѣстечкомъ Зміевымъ капраломъ Ильинымъ догнана и возвращена обратно... По наказаніи жъ ея онымъ подполковникомъ ботожемъ, отослана на хуторъ его для жатвы хлѣба, но и оттуда вѣднее бѣжала одна въ городъ Валки, гдѣ взята была подъ караулъ и, какъ увѣдомился подполковникъ, что она, Ирина, содержится въ Валкахъ подъ карауломъ, прислалъ своего крѣпостнаго Ивана, коимъ взята и представлена обратно, въ то время и мужъ ея сысканъ былъ“. Два неудавшихся побѣга Ирины и понесенное ею жестокое наказаніе не удержали ее однако отъ попытки снова бѣжать, на этотъ разъ съ нѣкоторыми предосторожностями. „Кода-жъ, показывала она далѣе, онаго подполковника дѣвка Параскева объявила ей, Иринѣ, что по просьбѣ ея писарь Петръ Захаринъ написалъ имъ, Иринѣ и Параскевѣ, для удобнаго побѣгу паспортъ и оныя ей показывала, при томъ-же и самъ оный писарь Петръ при дѣвкѣ вольной, живущей у подполковника, Аленѣ Петровнѣ, во увѣреніе читалъ въ той силѣ, что онѣ якобы отъ его, господина подполковника Тевяшова, отпущены на волю и слѣдуютъ въ Курскъ и... общался еще провезти ихъ на Бѣлгородскую дорогу, то онѣ Ирина и Параскева, съ реченными писаремъ и дѣвкою Аленою отъ радости напились горячаго вина, а между тѣмъ пріѣхала подполковница къ вечеру изъ хутора въ домъ и застала ихъ пьяныхъ, призвавши къ себѣ обѣихъ, была по щекамъ почему она, Ирина, не дожидаясь большаго наказанія, оставивши случай, что-бы вмѣстѣ съ тою Параскевою бѣжать сама одна и въ одномъ только платьѣ, кое обыкновенно на себѣ носила, безъ всякаго сносу, бѣжала и пришла въ Хотомлю въ домъ къ тамошнему жителю, Матвѣю Крискому, для найму“. Послѣдній, узнавъ, кто таковая Ирина, представилъ

ее въ Хотомлянское земское правленіе ¹⁾). Яркую бытовую картину даетъ намъ въ своихъ подробностяхъ этотъ откровенный разсказъ (свидѣтели подтвердили все въ немъ изложенное) *волочащейся многобрачной жемки* Ирины Васенковой.

Но попытки къ самовольному расторженію существующаго законнаго брака не были всегда слѣдствіемъ злого умысла, преступной воли супруговъ. Побуждало ихъ къ этому иногда и просто *отсутствіе яснаго сознанія о нерасторжимости брачнаго союза*, наивное убѣжденіе, что достаточно одного обоюднаго согласія мужа и жены, чтобы безпрепятственно вступить имъ въ новый бракъ. Эти случаи представляются особенно любопытными съ бытовой стороны. Само собою разумѣется, что приходскіе священники, если подобные супруги не скрывали своего прошлаго, отказывали имъ въ вѣнчаніи, но и это не всегда убѣждало ихъ, а, напротивъ, заставляло еще обращаться съ жалобой къ епархіальному архіерею. Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи прошеніе, поданное въ 1801 году казеннымъ поселяниномъ заштатнаго города Валокъ, Игнатомъ Иванскимъ. Изъ прошенія узнаемъ, что въ 1792 г. Игнатъ женился на дѣвицѣ Наталіи, которая, поживъ съ нимъ не болѣе 20 недѣль, оставила его и неизвѣстно куда бѣжала. По прошествіи шести лѣтъ, Иванскій, находясь на заработкахъ въ Таганрогѣ, нашель жену вышедшей замужъ за казеннаго поселянина слободы Покровской, Петра Будянскаго. „Я намѣревался взять ее, пишетъ проситель, но видя ее не желавшую болѣе жить со мною, не могъ принудить, которая о нежеланіи таковаго со мною сожителства и о безпрепятственномъ мнѣ вступленіи во второй бракъ дала при свидѣтеляхъ у сего прилагаемое свидѣтельство; почему я нынѣ сговорилъ за себя валковскаго-жъ жителя дочь, дѣвицу Христину, и, по обыкновенію, къ свадьбѣ все приготовлено; но священникъ приходскій къ вѣнчанію съ оной не приступаетъ. Для того, ваше пр-во покорнѣйше прошу... позволить вступить во второй бракъ и повелѣть, кому слѣдуетъ, предписать обвинчатъ меня съ выше поминаемое дѣвицею“. Приложенное къ прошенію свидѣтельство гласило: „1798 года ноября 8 дня, я, нижеподписавшаяся, Наталія Дмитріева, дала сіе разлучное (?) письмо первобрачному моему мужу Харьковской Украинской губерніи и уѣзда, слободы Валокъ, Игнату Иванскому, въ томъ, что я съ нимъ жить въ супружествѣ не желаю по нѣкоторымъ мнѣ извѣстнымъ обстоятельствамъ и потому, увидя отъ него, вышла чрезъ шесть лѣтъ въ замужество за поселянина Таганрогскаго вѣдомства, слободы Покровской,

¹⁾ Дѣло 1781 года, въ опись не внесено.

Петра Яковлева Будянского, живу съ нимъ, а ему (Игнату) позволяю искать себѣ другую жену, въ чемъ я препятствовать... ниже прилиплъ (?) къ нему по первому браку не буду, и есть-ли бы я о томъ пожелала искать и были бы отъ меня поданы просьбы присутственному мѣсту, то оныя не должны быть принимаемы отъ меня и причтены за дѣйствительныя, въ чемъ при упрощенныхъ отъ мене свидѣтеляхъ сіе и даю¹⁾). При составленіи этого документа принимали участіе и должностныя лица: онъ былъ явленъ „въ Еланчинской заставѣ“, о чемъ сдѣлана надпись начальникомъ войсковой старшины.

Не менѣе бытовой, любопытна, быть можетъ, *каноническая* сторона судебныхъ дѣлъ о многобрачїи. Догма дѣйствовавшего церковнаго права въ прошломъ столѣтіи въ отношеніи этого вида незаконныхъ браковъ основывалась, главнымъ образомъ, на правилахъ св. Василія Великаго и VI-го Вселенск. собора, въ большинствѣ также лишь повторившаго св. Василія Вел. (въ 87 и 93 правилахъ). Противорѣча основному понятію о христіанскомъ бракѣ, какъ пожизненномъ союзѣ *одного* мужчины съ *одной* женщиной²⁾, второй бракъ, при вѣличности перваго, законно *нерасторгнутаго, ничтоженъ*. По ошибкѣ ли, или злоупотребленію священника, хотя-бы и освященный обрядомъ вѣнчанія, онъ нисколько не отличается отъ вѣнчаныхъ плотскихъ сношеній между полами и влечетъ за собою одинаковыя съ послѣдними церковныя запрещенія. Супругъ, уклонившійся отъ существующаго супружескаго союза къ иному браку, подлежитъ, по 87 прав. Трулльск. собора, семилѣтней епитимїи³⁾, какъ за прелюбодѣяніе; изъ того-же положенія слѣдуетъ, что лице свободное, вступившее въ бракъ съ состоящимъ уже въ брачномъ союзѣ, совершаетъ блудъ (46 прав. Василія Вел.). Степень участія умысла въ преступномъ дѣяніи супруга вліяетъ лишь на мѣру наказанія. Жены отлучившихся мужей, вступающія въ бракъ неудостоиваясь предварительно въ смерти первыхъ мужей, хотя-бы

1) Д. № 20—1801 г.

2) „Бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и събитіе, воесей жизни“. Кормчая кн., листъ 86, изд. 1786 года.

3) „Иже, отъ мужа пущена бывши жена за другаго пойдетъ, прелюбодѣвица есть, и пустивши жену свою и иную поимъ, прелюбы творить“. Кормчая, часть 1-я, листъ 203. То же правило въ полной редакціи содержитъ нѣсколько иной отгѣнокъ мысли: „жена, оставившая мужа (ή καταλιπούσα τον άνδρα) аще пойдетъ за иного, есть прелюбодѣвица... законно сопряженную себѣ жену (ό μεντοι καταλιπάνων την νομίμως συναμφεισαν αὐτῶ γυναίκα) и иную поемлющій—повиненъ суду прелюбодѣянїа“. См. Прав. св. всел. собор. съ толкованїями, ч. 2-я, стр. 552—553.

предполагаемой, не лишены, такъ сказать, „вины неосторожной“, и потому, по правиламъ (31 Василія Вел.), также подлежатъ запрещеніямъ¹⁾. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣроятность смерти мужа возрастаетъ, при безвѣстной отлучкѣ его въ чужихъ странахъ или тѣмъ болѣе на войнѣ, правила допускаютъ свихожденіе къ многобрачному, или совершенное прощеніе его [Вас. Вел., 36, Трулльск., 92 (93)]²⁾. Обманутой супругѣ во всякомъ случаѣ свободенъ отъ отвѣтственности и только въ видѣ совѣта правила указываютъ, что предпочтительнѣе было-бы ему остаться безбрачнымъ. Безусловную безотвѣтственность обманутаго подтвердило и наше гражданское законодательство XVIII вѣка. 172-й воинскій артикулъ Петра Вел. гласить: „ежели супругъ или хотя супруга обманута будутъ, въ супружество вступивши съ тѣмъ, кто уже женатъ,—онъ отъ всякаго наказанія уволенъ и въ прежней чести содержимъ будетъ“³⁾.

Второй бракъ многобрачнаго ничтоженъ *безусловно и съ самаго момента заключенія* и остается таковымъ даже въ томъ случаѣ, если-бы затѣмъ послѣдовало прекращеніе перваго брака, вслѣдствіи смерти супруга, или законнаго съ нимъ развода. Съ точки зрѣнія строго канонической, связь мужчины и женщины, недостойная назваться брачнымъ союзомъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ возвыситься до значенія христіанскаго брака, даже если-бы супругъ, вовлеченный въ мно-

1) „Жена аще отъиде мужъ ея и безвѣсти боудеть, и не испытавше ни извѣдвши добръ яко умре, за нѣ мужъ идетъ, прелюбы творить“. Кормч., листъ 236. Какимъ образомъ можетъ жена „добръ увѣдать“ о смерти мужа указывать помѣщенный въ 48-й главѣ Кормчей „законъ градской“ (грань 11-я): „Аще ли воини боудуть или купци или простіи челоувѣци или иніи нѣдци надъ другимъ кимъ либо во воинство окружное вотчены, повелѣваемъ елико убо болиждо гѣтъ въ воинствѣ на бранехъ пребывать, ожидать женамъ ихъ, аще-ли грамоты, или вѣсти нѣкія отъ своихъ мужъ не примуть; аще-же нѣкая отъ такихъ женъ своего моужа оуслышитъ скончавшася, ни тогда на второй бракъ пріяти ей повелѣваемъ, аще не прежде идетъ жена сама, и родители ея и инъ кто отъ своихъ ей къ писемъ, или къ старѣйшинамъ числа того внешне моужъ ея воинствоваше, и вопроситъ, аще воистину скончалася сожитникъ ея и яко убо истинну ради извѣщенія святымъ евангелиемъ предложеномъ соущемъ воспоминаніе о дѣянїяхъ исповѣдати, рекше на грамотѣ написати яко воистину моужъ ея оумре; и егда такоее сотворится, понеже воспоминаніе писанье жена за свое свидѣтельство возметъ и потомъ повелѣваемъ ей пребывати единого гѣта разстояніе и якоже по прешествіи гѣта того подобаеъ ей законно сочетатися браку“ (Кормчая, часть 2-я, л. 107).

2) Кормчая, часть 1-я, л. 286 на обор. и 237, этой же части листъ 203 на обор. и 204. Въ толкованїяхъ къ указаннымъ правиламъ цитируются гражданскїя узаконенїя византїйскаго права.

3) Цитируется въ дѣлахъ о многобрачїи, напр. 1801 г. № 32.

гобрачіе по невѣдѣнію, сталъ домогаться признанія такого брака дѣйствительнымъ ³⁾ (послѣ законнаго прекращенія перваго брака). Съ другой стороны, второй недѣйствительный бракъ не можетъ освободить супруга отъ супружескихъ его обязанностей по первому браку, а потому мужъ, нашедшій свою уклонившуюся въ многобрачіе жену можетъ по 93 прав. Трулльск. соб. взять ее обратно, если пожелаетъ⁴⁾. Вопросъ о прижитыхъ въ многобрачїи дѣтяхъ вѣдѣнію духовнаго суда не подлежалъ⁵⁾.

Таковы основныя положенія брачнаго права, которыми могли руководствоваться Бѣлгородскія церковно-судебныя учрежденія, въ разрѣшенїи дѣлъ объ отмѣнѣ браковъ по многобрачїю. Очевидно, далеко не всѣ случаи судебной практики могли найти въ этихъ положенїяхъ прямой отвѣтъ и непосредственное разрѣшеніе. Приведемъ для характеристики нѣсколько дѣлъ о многобрачїи.

1-й случай. *Виновный въ многобрачїи, при безукоризненномъ поведенїи первой жены своей, мужъ сознался въ винѣ, вторая жена вступила съ нимъ въ бракъ по невѣдѣнію* (дѣло о вступленїи казеннымъ обывателемъ гор. Бѣлополя Иродїономъ Литовцевымъ при первой женѣ своей во второе незаконное съ казенною обывательскою Агафіею Чередниченковою супружество 1795 года № 158). О двоеженствѣ Литовцева внесло Бѣлгородской Консисторїи Изюмское Духовное Правленіе. Изъ доношенія узнаемъ, что обвиняемый виновнымъ себя призналъ и что прижилъ съ Агафѣей незаконно двухъ дочерей—Марїю 3-хъ лѣтъ и Пелагею 10-ти мѣсяцевъ. Правленіе, выписавъ Евангел. Мате., гл. V, стр. 32-й и гл. XIX, стр. 9, правила Анкирск. соб. 20, VI вселенск. 87, Кароагенск. 112 (115) съ толкованїемъ (Аристіна), Василїа В. 9 съ толкованїемъ (того-же канониста) 77, Закона Градск., гл. 48, грани 39, отдѣлев. 70, Григорїа Нисск. 5 прав. и Воинск. Артикуловъ 171 главы 20—мнѣніемъ полагало:

1) „Онаго Бѣлопольскаго казеннаго обывателя Радїона Литовца съ помянутою балаклеюскою обывательскою Агафіею по отцу Чередниченковою второй бракъ, яко незаконный по положеннымъ у Евангелиста Матѳея въ главахъ 5 и 19 Христовымъ словамъ и по 9 правилу Василїа В. расторгнуть вовсе и чтобы они впредь супружескаго сожителства не имѣли и онъ Родїонъ Л. не называлъ-бы ея А. своею женою,

³⁾ Thishman, Das Eherecht d. Orient. Kirche, стр. 383.

⁴⁾ По Кормчей, 92 правило „да возвратившуся моужу, аще хоцеть да поиметь ю“.

⁵⁾ Полное собраніе постановлен. и распоряжен. по вѣдом. Црав. Испов., т. II, стр. 174.

а она А. его Р. своимъ мужемъ, въ томъ обязать ихъ въ духовномъ правленіи подписками.

2) Хотя означенная первая законная его Родіона Л. жена Дарья Ѳедорова дочь, по отцу Приходькова, въ показаніи своемъ..... объявила, что она въ минувшемъ 794 году предъ Троицинымъ днемъ къ нему, мужу своему Р., чрезъ Бѣлопольскаго жителя Семена Дьяченка послала письмо о томъ, чтобы онъ поелику преступивъ законъ Божій, женился отъ нея на другой женѣ далъ ей позволеніе войти въ супружество за другого мужа и нынѣ она съ нимъ Литовцемъ по рѣшеніи о немъ, дѣла вовсе жить не желаетъ; однако еще одинажды ей Даріи чрезъ Бѣлопольское духов. правленіе объ ономъ объявить и истребовать отъ нея письменное показаніе, желаетъ ли она съ тѣмъ мужемъ своимъ Р. имѣть по прежнему законное въ супружествѣ сожитіе, къ чему ее въ присутствіи того довольно увѣщевать, и когда согласится то, по рѣшеніи о мужѣ ея дѣла и быть имъ въ супружествѣ по прежнему неразлучными и чтобы онъ Р. имѣлъ съ нею Д. согласное сожитіе и содержалъ ее, какъ законную жену безъ всякаго изнуренія и притѣсненія, въ томъ обязать его подпискою. Когда-же она Д. и за довольнымъ увѣщаніемъ быть съ нимъ Р. въ супружествѣ не пожелаетъ, въ такомъ случаѣ поелику города Бѣлополя казенные обыватели околные девятнадцать человѣкъ повольнымъ обыскомъ учиненнымъ въ Бѣлопольск. городическ. правленіи ее Д. одобрили тѣмъ что она какъ во всякое время сожитія своего съ рѣченнымъ Р. мужемъ своимъ вела жизнь согласно и безпорочно и въ явномъ прелюбодѣянніи съ обѣихъ сторонъ никто изъ нихъ тогда не изобличенъ, такъ и съ тѣхъ дней, какъ оный мужъ ея Р. оставилъ ее въ Бѣлопольи, она-жь Д. до сего времени ни въ какихъ худыхъ дѣлахъ и подозрѣніяхъ не обращалась, тожь и въ прелюбодѣйномъ грѣхѣ не изобличена, также и чтобы она Д. живучи съ нимъ Р. въ супружествѣ не имѣла къ нему вѣрной супружеской любви, колдовала, либо для того къ колдунамъ ѣздила и ходила, либо чтобы къ себѣ таковыхъ людей для того-жь призывала и тѣмъ-бы причинила ему Р. каковую болѣзнь, да и чтобы онъ Р., возвратясь съ погонщиковъ въ домъ свой чрезъ цѣлое лѣто внѣ ума былъ раздуть какъ большой боченокъ (какъ утверждалъ самъ Родіонъ), а голова и руки и ноги были въ большой опухоли,—они про то вовсе не знаютъ и ни отъ кого не слышали. Слѣдовательно онъ Р. безъ всякой ея Д. предъ нимъ виновности самопривольно ее оставилъ и незаконно на другой женился, дозволить ей Д. есть ли похочеть, вступить съ свободнымъ лицомъ

во второй бракъ и о томъ изъ Бѣлгородской духов. консисторіи чрезъ Бѣлопольское дух. правленіе снабдить ее Д. указомъ.

3) За то, что Р. ввелъ въ обманъ священника, вѣнчавшаго его и ложно увѣрялъ о смерти жены и прижилъ блудно двухъ дѣтей..... наложить по правиламъ 9 и 77 Василя В. церковную епитимію на семь лѣтъ со исполненіемъ въ монастырѣ прописаннымъ въ тѣхъ правилахъ порядкомъ по елику ему отроду имѣется только 29 лѣтъ монастырскаго послушанія чрезъ три года съ половиною, а прочее время въ гор. Бѣлопольи въ домѣ своемъ подъ присмотромъ духовнаго его отца и во все то время ему Р. Литовцу исповѣдываться, а святымъ Христовымъ Тайнамъ кромѣ смертнаго случая не причащаться, а въ такомъ случаѣ поступать какъ Григорія Нискаго 5-мъ правиломъ повелѣно. Чтобъ-же имъ Р. сія епитимія въ монастырѣ точно была исполнена, настоятель того монастыря долженъ наблюдать за нимъ неослабно. Буде-жъ озваченная его Литовца законная жена Д. жить съ нимъ по прежнему согласится и будетъ о томъ просить, въ такомъ случаѣ и прежде окончанія той епитиміи его Р. изъ монастыря уволить,—и исполнять оную ему Р. епитимію прописаннымъ образомъ и сверхъ того быть безбрачнымъ по кончину жизни той первой жены его Даріи.

4) Что слѣдуетъ до мнимой второй жены его Р., Агафіи Чередниченковой, то хотя она въ допросѣ своемъ показала, что якобы по предложенному ей, во вдовствѣ бывшей, отъ него Р. Литовца паче-же отъ балаклейскаго казеннаго обывателя Тимофея Загребельнаго (кой уже умре) увѣренію о умертвіи изъ родовъ его, Родіона, первой жены въ городѣ Бѣлопольи и что онъ точно находится вдовъ и по невѣдѣнію объ ономъ, яко первая законная жена его Д. состоитъ въ живыхъ, вступая съ нимъ Р. въ брачное сожитіе, но такое ея, Агафіи, показаніе къ оправданію ея не служитъ, ибо она на сей случай должна была истребовать у него Р. письменнаго достовѣрнаго отъ приходскаго его священника (который ту первую его жену погребалъ) въ присутственномъ мѣстѣ засвидѣтельствоваднаго о томъ свидѣтельства; но она сего не учинила и съ нимъ Р. вѣнчалась и, находясь съ нимъ въ супружескомъ сожитіи.... прижила незаконно двухъ дочерей—Марію и Пелагею потому и на ее, Агафію, такъ какъ и на онаго Литовца по тѣмъ-же самимъ правиламъ 9 и 77 Василя В. наложить церковную епитимію на семь лѣтъ съ тѣмъ, чтобы она А., поелику по вышепрописанному въ поданныхъ за минувшій 794 годъ Балаклейскія Успенскія церкви отъ священно и церковно-причетниковъ исповѣдныхъ росписяхъ

значится, что у нея дѣтей въ живыхъ имѣется шесть съ первымъ мужемъ Михайломъ Мандрыкою прижитыхъ четыре, а именно Іустина 15, Тимофей 14, Симеонъ 13, Евдокія 9 лѣтъ, а съ означеннымъ Р., незаконно прижитыхъ двѣ дочери—Марія 3 лѣтъ, Пелагія 10-ти мѣсяцевъ,—дабы не отягощать судьбу оныхъ неповинныхъ малолѣтнихъ ея дѣтей и безъ пропитанія и призрѣнія не повергнуть въ несчастный жребій, всю ту семилѣтнюю епитимію исполняла въ домѣ своемъ подъ присмотромъ и прилежнымъ наблюденіемъ духовнаго отца ея, изъясненнымъ въ тѣхъ правилахъ порядкомъ и все то время епитиміи у духовнаго своего отца и исповѣдывалася-бы, а свят. Христовыхъ Тайнъ, кромѣ смертнаго случая, не приобщалася-бы, да и въ семъ случаѣ поступлено-бы было по вышеизображенному Григорія Нисскаго 5-му правилу⁴.

Консисторія въ своемъ опредѣленіи по этому дѣлу значительно смягчила намѣченныя Изюмскимъ духовнымъ правленіемъ наказанія. Опредѣленіе состоялось 20 мая 1796 г. въ такомъ смыслѣ: „Какъ означенный города Бѣлополья казенный обыватель Родіонъ Л. о вступленіи его отъ живой первой своей жены во второй незаконный бракъ со вдовою казенною обывательскою Агафіею К. самъ признаніе учинилъ да и свидѣтели то-жъ подтвердили для того оногo Р. Л. съ наказанною А. второй бракъ яко незаконный по положеннымъ у евангелиста Матѳея въ главахъ 5 и 19 Христовымъ словамъ и по 9 правилу Василия Вел. расторгнуть вовсе и чтобы они впредь супружескаго сожителства не имѣли и онъ Р. Л. не называлъ ее А. своею женою, а она его Р. своимъ мужемъ, въ томъ обязать ихъ въ духовномъ правленіи подписками и имѣть ему Р. супружеское сожителство по прежнему съ первою женою Даріею Федоровою дочерью, къ чему ее въ Бѣлопольскомъ духовномъ правленіи и увѣщевать, а его Р., чтобы онъ имѣлъ съ нею Д. согласное житіе и содержалъ ее какъ законную жену безъ всякаго изнуренія и притѣсненія въ томъ обязать подписками ¹⁾, за вступленіе-же его Р. отъ живой жены во второй бракъ наложить на него яко на явнаго прелюбодѣя по правиламъ 9 и 77 Василия В. церковную епитимію на семь лѣтъ, которую исполнять ему въ гор. Бѣлопольѣ въ домѣ своемъ подъ присмотромъ приходскаго священника и по все то время ему Р. Л. исповѣдываться и святыхъ Христовыхъ Тайнъ кромѣ смертнаго случая не приобщать, а въ такомъ случаѣ поступать, какъ Григорія Нисскаго 5 правиломъ повелѣно и какіе онъ Р. приноситъ будетъ плоды покаянія о томъ пополугодно репортовать Его Преосвящен-

¹⁾ Подписки при дѣлѣ.

ству изъ духовнаго правленія со свидѣтельствомъ священника, чтожъ касается до второй незаконной его Р. жены, Агафіи, то какъ она вступила съ нимъ Р. въ бракъ по незнанію, что первая его жена находится въ живыхъ, отъ епитиміи оставить свободно, и когда случится ей женихъ, позволить вступить въ бракъ и о томъ въ Изюмское и Бѣлопольское духовныя правленія послать указы. Но повелѣно-ль будетъ по сему учинить—внести сіе опредѣленіе Его Преосвященству. 26 мая 96 года⁴. Преосвященный положилъ по этому дѣлу резолюцію: „учинить по сему“¹⁾.

2-й случай. *Многобрачіе по невѣдѣнію обѣихъ сторонъ.* (Дѣло о выходѣ жены Сумскаго уѣзда слободы Высшей Сыроватки обывателя Михайла Фостиченка, Прасковьи, во время отлучки его Ф. въ замужество за другого обывателя, Семена Смольченка, 1801 г. № 32). Изъ прошенія, поданнаго Фостиченкомъ въ Сумское духовн. правленіе, узнаемъ, что въ 1792 году отлучился проситель на заработки и предъ уходомъ объявлялъ многократно женѣ о своемъ намѣреніи.... и, по отбытіи изъ слободы Высшей Сыроватки, находился въ Донскихъ станицахъ, нынѣшняго-жъ 1800 года возвратясь, уже означенной жены своей въ домъ не засталъ, а вышла она въ замужество за обывателя Семена Василюва Смольченка тому назадъ третій годъ; какъ-же поступила она въ замужество при жизни его незаконно, то хотя онъ къ первобытному сожитію ее къ себѣ приглашалъ, но она по своему свирѣпству итти къ нему и жить съ нимъ не соглашается. Для того просить объ отбраніи отъ обывателя С. жены его и объ отдачѣ ему. Виновная увѣряла, что не знала, куда ушелъ ея мужъ и показала, что вышла за другого вслѣдствіе притѣсненія со стороны свекра и желанія пристроиться.

Духовное правленіе, руководствуясь 92 пр. VI Вселенскаго собора, 31—Василія В. и „Именнымъ Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ апрѣля 12 дня 1722 г. на докладные Святѣйш. Синода пункты“, полагало „просителя Мих. Фостиченко жену Параскеву яко не испытавшую ни увѣдавшую добрѣ о мужѣ своемъ отлучавшемся на заработки, живъ-ли есть, или

¹⁾ Случаи многобрачія, подобные вышеприведенному, разрѣшались иногда и иначе и повидимому безъ особнхъ основаній. Таково дѣло 1762 года однодворца Алексѣя Сергѣева, женившася отъ живой, на время отлучившейся жены своей Евдокіи, на дѣвкѣ Ксеніи, незнавшей, что вступаетъ въ незаконный бракъ. Дѣло возникло по жалобѣ второй жены послѣ того, какъ первая жена Сергѣева, вернувшись, была имъ снова принята. Епархіальный судъ наказалъ строго всѣхъ троиъ супруговъ: Алексѣй и Евдокія наказаны тѣлесно, а на обманутую Ксенію наложена епитимія.

умре и вышедшую безъ изслѣдованія и дозволенія епископскаго въ противность святыхъ отецъ правилъ за другаго мужа Семена Смольченка, по разлученію ихъ отъ брачнаго союза, возвратити первому мужу М. Ф. А яко оказавшею себя чрезъ незаконный бракъ и прижитіе дитяти явно прелюбодѣицею, за то оную, а равно и незаконнаго мужа ея С. вдать въ церковную епитимію, которую и исправлять имъ подѣ присмотромъ духовныхъ ихъ отцевъ. Дабы-же они впредь между собою не имѣли супружеской привязанности, въ томъ обоихъ ихъ обязать строжайшею подѣ неминуемымъ наказаніемъ подпискою“.

Консисторія, не рѣшая дѣла, истребовала дополнительныхъ свѣдѣній: 1) съ которымъ изъ двоихъ мужей желаетъ Парасковья имѣть сожитіе, 2) пожелаетъ-ли первый мужъ снова жениться послѣ того, какъ жена его Парасковья оставлена будетъ второму ея мужу Семену С. или пожелаетъ остаться безбрачнымъ?—Парасковья дала отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что желаетъ оставаться при второмъ мужѣ, а первый ея мужъ Михаилъ требовалъ ее къ себѣ.

Консисторія опредѣлила: 1) Бракъ Семена С. съ Парасковьей, поелику онъ за явкою изъ отлучки перваго ея П. мужа Михаила Ф. есть незаконенъ, расторгнуть вовсе, а ее П. по содержанію 92 прав. VI Вселенск. собора отдать въ сожитіе первому ея мужу Ф. согласно его желанію, но прежде сдѣлать ему въ присутствіи духовнаго правленія при ней П. увѣщаніе, чтобы онъ съ нею и она съ нимъ жили мирно, согласно и другъ другу укоризнѣ, а онъ Ф. ей П. побоевъ и никакихъ изнуреній не дѣлалъ, въ чемъ и обязать ихъ подписками.

2) Какъ она П. за Семена С. въ замужество вышла, бывъ обманута данною 798 года въ октябрѣ мѣсяцѣ слободы Высшей-Сыроватки священнику Василію, кой уже умре, тоя слободы казенными обывателями Иваномъ Крючкомъ, Васи́лемъ Пономаренкомъ (и проч.), что будто тотъ первый ея П. мужъ въ Донскихъ мѣстахъ умре, сказкою, которой вмѣсто означенныхъ казенныхъ обывателей по ихъ якобы прошенію и за себя руку приложилъ В.-Сыроватскій же обыватель Анерей Якимовъ, то о учиненіи о семъ ложномъ ихъ поступкѣ разсмотрѣнія и законнаго положенія сообщить въ здѣшнее губернское правленіе.

3) Парасковья Т. за незаконное прижитіе младенца хотябы и подлежала къ отсылкѣ въ монастырь для понесенія тамъ епитиміи, но отъ того ее по содержанію Всемиловств. манифеста во второй день апрѣля 1801 года избавить, а исправить ей за этотъ грѣхъ епитимію, если еще оной не исполнила, подѣ смотрѣніемъ духовнаго ея отца по его разсмотрѣнію.

рѣнію. Ее-жь П. и С. Смольченка за незаконное ихъ сожитіе, поелику они вступили въ бракъ бывъ обманутыми вышеписанною данною отъ В.-Сыроватскихъ жителей сказкою по содержанію воинскаго 172 артикула отъ епитиміи уволить.

4) Какъ-же Сумское духовное правленіе къ сему дѣлу, написавъ изъ докладныхъ Святѣйш. Синода пунктовъ, подносимыхъ Е. И. В. 1722 года апрѣля 12 дня, третью статью требованія синодальнаго, гдѣ производитъ дѣла, т. е. въ синодѣ или свѣтскихъ судахъ... то за сіе, а при томъ за нерезонное приговореніе къ епитиміи П. и С. за совокупное ихъ сожитіе, за невнесеніе въ приговоръ Всемилоств. Его И. В. манифеста, состоявшагося во 2-й день апрѣля 1801 года, по коему П. избавляется отъ несенія епитиміи въ монастырѣ за прижитіе ею прелюбодѣйно младенца, за' упущеніе въ приговорѣ, что съ давшими ей П. будто первый ея мужъ Ф. умре ложно сказку людьми учинить подлежитъ, и за недоустройство по содержанію указа Святѣйш. Правит. Синода 798 года марта 15 дня сего дѣла въ консисторію къ разсмотрѣнію подлинникомъ—оштрафовать того правленія присутствующихъ на вдовъ и сиротъ пятью рублями.

3-й случай. *Многобрачіе по умыслу обоихъ супруговъ* (выше цитированное дѣло И. Васенковой). Мнѣніе духовнаго правленія по этому дѣлу, неизмѣненное консисторіей, основано на ст. 9 гл. XIX евангел. Матѣ., ст. 2, гл. VII послан. апост. Павла Римл., правил. 35 Василия В. (и толкован.), прав. 48 его-же (съ толкован.), новыхъ заповѣдей Устиніана царя гл. 44, ст. 4, духовн. Регл., п. 12, указ. консисторіи 1769 г. окт. 30, Правил. Василия В. 58: „Ирину подвергнуть епитиміи по 35, 48 и 58 прав. Василия В., которую ей за выходъ такъ и второму ея мужу К. за вступленіе съ нею въ бракъ исправлять. Протопопъ Василій Поповъ за дозволеніе ее Ирину. съ первымъ ея мужемъ, Иваномъ, другому священнику Федору Левицкому въ приходской его церкви вѣнчать, а оный священникъ Федоръ за отважное вѣнчаніе ихъ не своего приходу въ нарушеніе духовнаго регламента 12 пункта, не истребовавъ касательныхъ отъ нихъ къ вѣнчанію указанныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, тожь и Харьковскій Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Калиновскій за вѣнчаніе же ея Ирины со вторымъ мужемъ въ противность 1769 года указа не чиня дальняго указаго объ нихъ обыска, а увѣрсясь единственно на одно данное ему священнику отъ подполковника Тевяшева извѣстіе, подлежитъ штрафу“....

Приведенныя нами *in extenso* три дѣла о многобрачїи представляютъ случаи наиболѣе простыя, неусложненные никакими

нравственными обстоятельствами, которыя бы смягчали, или увеличивали вину уклонившихся въ незаконный бракъ супруговъ. Въ дѣлахъ послѣдняго рода рѣшенія епархіальнаго суда болѣе или менѣе отступаютъ отъ буквального смысла церковныхъ правилъ, предусматривающихъ впрочемъ, какъ мы уже видѣли, далеко не всѣ случаи многобрачія. Къ болѣе обыкновеннаго снисходительному отношенію къ виновнымъ побуждала иногда большая запутанность дѣла, когда супругъ самъ бывалъ жертвой обмана и, считая себя незаконно связаннымъ, самовольно разрывалъ брачный союзъ, для вступленія въ новый бракъ.

Въ 1733 году Радковскій попъ Константинъ Федоровъ, узнавъ, что въ питейномъ шинку слободы Радковки живетъ нѣкая Евдокія Гречка за четвертымъ мужемъ и опасаясь архіерейскаго штрафа за свою прихожанку, донесъ объ этомъ Изюмскому духовному управителю. Возникло дѣло, которымъ выяснилось, что первый мужъ Евдокіи, двоеженецъ, продалъ ее на Дону какому то молодому греку; этотъ грекъ, женившійся на ней, былъ убитъ разбойниками; третій ея мужъ покинувъ законную жену свою „въ заднѣпровскихъ городахъ“, жилъ съ ней полгода и бѣжалъ обратно къ покинутой семьѣ. Тогда женился на Евдокіи четвертый и послѣдній мужъ ея Лазарь, съ которымъ она прижила сына и дочь. Этотъ случай раскрылъ цѣлый рядъ преступленій противъ брачнаго права: обвиняемая два раза была замужемъ за двоеженцами, разъ была выдана насильно, даже просто продана мужу, какъ товаръ, и, наконецъ, самовольно признавъ свой третій бракъ недѣйствительнымъ, вышла замужъ въ четвертый разъ; но понятно, что, кромѣ жалости, Евдокія ничего не могла внушить милостивому судѣ, и архіепископъ Досіеѣй такъ и отнесся къ этой несчастной женщинѣ. Принявъ во вниманіе, что прежніе ея мужья жили съ нею „недолгое время и не по законному сочетанію“ и что, кромѣ двухъ дѣтей, прижитыхъ съ грекомъ Лазаремъ, отъ прежнихъ браковъ ея „два сына и дочь остались въ сиротствѣ“, архіерей разрѣшилъ имъ жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, не подвергнувъ Евдокію никакому церковному запрещенію, признавъ лишь послѣдній бракъ ея недѣйствительнымъ. „Но, хотя, гласитъ указъ консисторіи по этому дѣлу, имъ жить сообщно и позволяемъ, а плотскаго сожитія между собою отнюдь не имѣть и о томъ имъ объявить и учинить присягу и подписаться для вѣдома“.

Въ мотивировкѣ означеннаго рѣшенія высказана совершенно вѣрная мысль, что незаконный бракъ (въ данномъ случаѣ двоеженство), какъ бракъ недѣйствительный, ничтож-

ный, препятствіемъ къ брачному союзу служить не можетъ ¹⁾, но тѣмъ не менѣе бракъ Евдокіи съ Лазаремъ остался неутвержденнымъ.

Любопытныя рѣшенія Бѣлгородскаго епархіальнаго начальства, утверждавшія на оборотъ вторые браки супруговъ съ расторженіемъ первыхъ браковъ опубликованы въ печати проф. А. С. Лебедевымъ въ брошюрѣ „о брачныхъ разводахъ“. Упомянемъ лишь вкратцѣ сущность этихъ рѣшеній.

а) Оставленный въ 1773 году невѣрной своей женой, крестянинъ, съ дозволенія помѣщика, вступилъ въ бракъ съ крѣпостной дѣвкой безукоризненнаго поведенія и прижилъ съ нею дочь. Консисторіей первый бракъ расторгнутъ, второй утвержденъ съ наложеніемъ лишь епитиміи на двоеженца ²⁾.

б) Аналогичный случай—въ дѣлѣ 1764 года, причемъ, обманутымъ до крайности развратной женой, явился канцеляристъ. Первый бракъ также расторгнутъ, второй утвержденъ, двоеженецъ архіереемъ прощенъ ³⁾.

Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ Бѣлгородскихъ дѣлъ о многобрачїи таково, что здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо епархіальная власть старалась относиться бережно къ супругамъ, хотя и провинившимся, осторожно и часто съ крайней снисходительностью вмѣшиваясь въ брачныя отношенія, эти наиболѣе интимныя отношенія семейственнаго права.

Какъ далеко заходила снисходительность Бѣлгородскихъ архіереевъ въ иныхъ случаяхъ многобрачїя показываетъ приведенное въ упомянутой брошюрѣ проф. Лебедева дѣло 1796 года кописта Василя Яковлева ⁴⁾. Выкрестъ изъ евреевъ, Яковлевъ оставилъ свою непринявшую христіанства жену и вступилъ въ бракъ съ христіанкой. По прошествїи года онъ сталъ ходатайствовать о дозволенїи вернуться къ первой женѣ, также успѣвшей креститься и выразилъ желаніе обвѣнчаться съ нею по христіанскому обряду. На основанїи Анкирск. соб. 20 прав., VI Вселенскаго 87, Василя Вел. 46—второй бракъ расторгнутъ, Яковлеву разрѣшено обвѣнчаться съ выкрестившейся первой женой, а второй женѣ дано разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ. Архіерей (пр. Теокистъ), вопреки мнѣнія консисторїи, не подвергъ Яковлева даже епитиміи въ виду хлопотъ его къ обращенію первой жены въ христіанство.

В. А. Демидовъ.

¹⁾ Срав. Thishman, Eherecht, стр. 383.

²⁾ Стр. 11—12.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Стр. 16—17.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ СТОЛѢТІЮ ХАРЬКОВСКОЙ КАФЕДРЫ.

(16 окт. 1799 г.—16 окт. 1899 г.).

Христофоръ—первый епископъ Слободско—Украинскій и Харьковскій *).

(16 окт. 1799 г.—18 мая 1813 г.).

(Окончаніе).

Пресвященный Филаретъ, въ своемъ трудѣ „описаніе Харьковской епархіи“, такъ отозвался о нравственномъ состояніи современнаго ему (1859 г.) духовенства и мірянъ: „какъ духовенство епархіи, говоритъ онъ—духовенство образованное и ведетъ себя весьма прилично званію своему, такъ и паства отличаются многими прекрасными качествами“. И объясненіемъ сему онъ поставляетъ то, что „въ Харьковѣ рано открытъ былъ *коллегіумъ*, а въ числѣ духовенства въ прежнее время много было *дворянъ*, которые свой духъ и правила жизни, растворенныя духомъ христіанскимъ, распространили, какъ на все духовенство, такъ частію и на паству“¹⁾. Дѣйствительно коллегіумъ, открытый въ 1726 г., во все время до начала текущаго столѣтія, въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, игралъ весьма важную роль. „Коллегіумъ вовсе не представлялъ тогда изъ себя узкой, спеціальной духовной школы, ни по программѣ преподаванія, ни по составу учащихся. Среди учащихся было не мало старшинскихъ, козацкихъ и мѣщанскихъ дѣтей. Питомцы коллегіума очень часто ѣздили на кондичіи въ деревни къ козацкой старшинѣ и обучали ея дѣтей разнымъ наукамъ“²⁾.

*) См. „Харьковскій Сборникъ“, вып. 7 и 8.

1) Историко-статистич. опис. Хар. епарх. Отд. I, стр. 44.

2) Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки. Проф. Д. И. Вагалъя. Кіев. Стар. 1893 г.

Что касается духовенства изъ дворянъ, то извѣстно, что въ прошломъ столѣтїи нерѣдко можно было встрѣтить въ Малороссїи цѣлыя селенїя, принадлежавшія дворянамъ—священникамъ, чѣмъ и объясняется названїе между ними *поповокъ* и *протопоповокъ*. Владѣльцы ихъ, въ большинствѣ случаевъ, дворяне Екатериновскаго времени, поступившіе въ сословіе духовенства, укрываясь отъ военной службы. Нѣкоторые священники происходили изъ дворянскихъ фамилій, переселившихся изъ за Днѣпра въ Украину. Таковъ былъ духовникъ Петра I, протоіерей Тимофей Надаржинскій, уроженецъ сл. Тростянца (Ахт. у.) имѣвшій въ Ахтырскомъ уѣздѣ громадное количество земли и 4 т. пожалованныхъ ему крестьянъ.

Изъ современныхъ Христофору дворянъ—священниковъ достоинъ особой памяти усердный сотрудникъ его протоіерей Андрей Семеновичъ Прокоповичъ ¹⁾. Онъ родился въ 1756 г. ноября 28 дня, Полтавской епархіи въ мѣстечкѣ Санжары, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначально обучался въ Кіевѣ, а затѣмъ въ теченїи десяти лѣтъ прошелъ полный коллегіумскій курсъ въ Харьковѣ. Своими блестящими способностями Прокоповичъ еще здѣсь обратилъ на себя вниманіе прот. Михаила Шванскаго, извѣстнаго ученостію префекта и учителя богословія ²⁾. Шванскій предсказывалъ даровитому юношѣ, что онъ далеко пойдетъ впередъ, превзойдетъ своихъ товарищей и самихъ наставниковъ, и, если останется въ коллегіумѣ, то будетъ лучшимъ украшеніемъ его. Предсказаніе это вполне сбылось. По окончанїи курса, онъ въ 1780 году поступилъ на должность учителя перваго низшаго класса, а въ 1794 году уже былъ префектомъ и учителемъ высшаго богословскаго класса. Въ должности префекта онъ прослужилъ шесть лѣтъ и въ 1801 году, первый изъ бѣлаго духовенства и тринадцатый по счету отъ учрежденїа коллегіума, былъ произведенъ въ званіе ректора, каковую должность исполнялъ двадцать два года. Богословскія науки онъ читалъ двадцать

¹⁾ Изъ послужнаго списка А. Прокоповича видно, что онъ имѣлъ „помѣстье (т. е. землю), людей (т. е. крестьянъ) и достатка очень изобильнаго“.

²⁾ Шванскій Михаилъ, съ 1760 учитель X. коллегіума, а съ 1769 протоіерей Харьк. собора, съ 1778 г. префектъ коллегіума, сконч. въ 1790 году.

восемь лѣтъ (съ 1794 по 1822 г.). Въ 1817 году комиссія духовныхъ училищъ, по преобразованіи collegіума, удостоила его именоваться профессоромъ богословскихъ наукъ. Еще быстрѣе Прокоповичъ пошелъ впередъ по службѣ епархіальной. Въ самый годъ окончанія collegіума (1780 г.) преосв. Θεоктистъ, какъ отличному студенту, далъ ему священническое мѣсто въ Харьковѣ при Николаевской церкви, считавшейся тогда лучшею послѣ городского собора. На осьмомъ году священства онъ получилъ санъ протоіерея, а въ 1790 году—должность настоятеля градскаго собора и десять лѣтъ состоялъ въ званіи первоприсутствующаго въ Харьковскомъ духовномъ правленіи. Съ открытіемъ архіерейской каѳедры епархіальная дѣятельность Прокоповича приняла еще болѣе широкіе размѣры. Несмотря на то, что онъ уже былъ настоятелемъ градскаго Успенскаго собора, преосвященный Христофоръ сдѣлалъ его настоятелемъ Каѳедральнаго Покровскаго собора, въ каковой должности онъ состоялъ семь лѣтъ. Двадцать три года онъ былъ членомъ слободской украинской консисторіи, 12 лѣтъ благочиннымъ и 24 года несъ должность епархіальнаго цензора. На каѳедрѣ богословскихъ наукъ Прокоповичъ, какъ даровитый наставникъ, соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя свойства рѣдкаго по тогдашнему времени профессора. Онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова и умѣлъ самыя глубокія и отвлеченныя истины передавать ясно и просто. По домашнимъ замѣткамъ Прокоповича видно, что число студентовъ, слушавшихъ его богословскія лекціи было 570 человекъ. Лучшіе изъ нихъ доканчивали потомъ свое образованіе въ кievской духовной академіи, а нѣкоторые въ медикохирургической академіи, но большая часть поступала во священники своей родной епархіи. Еще въ семидесятихъ годахъ встрѣчались старцы—священники—ученики Прокоповича, которые съ гордостію и восторгомъ вспоминали о своемъ знаменитомъ ректорѣ профессорѣ. У Прокоповича была очень хорошая бібліотека. При увольненіи отъ ректорства онъ пожертвовалъ въ даръ бібліотекѣ Харьковскаго collegіума 100 экземпляровъ разныхъ книгъ на сумму 600 руб., о чемъ тогда-же было напечатано въ московскихъ вѣдомостяхъ. Какъ человекъ извѣ-

стной учености онъ былъ почетнымъ членомъ ученаго общества Московскаго и Харьковскаго университета. Прокоповичъ извѣстенъ своими литературными трудами ¹⁾. Въ должности настоятеля Успенскаго собора Прокоповичъ состоялъ 36 лѣтъ. Въ 1818 году онъ, какъ настоятель собора, первый подалъ прекрасную мысль въ память знаменитыхъ побѣдъ всероссійскаго воинства, подъ личнымъ предводительствомъ Государя Императора Александра Благословеннаго воздвигнуть въ Харьковѣ при соборѣ колокольню въ величественныхъ размѣрахъ съ наименованіемъ ея „Александровскою“. Личнымъ трудамъ и хлопотамъ Прокоповича, прекратившимся съ его смертію, были обязаны всѣ распоряженія, какія въ теченіи семи лѣтъ были сдѣланы къ осуществленію задуманнаго имъ предпріятія какъ то: составленіе плана и фасада колокольни, сломка старой колокольни, устройство кирпичнаго завода, покупка дерева, вырытіе рововъ подъ фундаментъ глубиною въ 14 сажень, первые сборы денежныхъ пожертвованій, освященіе мѣста и заложеніе фундамента и т. п. На церковной каедрѣ Прокоповичъ, какъ краснорѣчивый ораторъ, въ продолженіи 46 лѣтней своей пастырской службы былъ неутомимымъ проповѣдникомъ. Въ теченіи 20 лѣтъ онъ, по воскреснымъ днямъ, публично толковалъ въ коллегіумскомъ залѣ посланія Св. Ап. Павла. Слова и рѣчи его всегда производили на слушателей глубокое впечатлѣніе. Нѣкоторые изъ его проповѣдей, какъ мы уже говорили, удостоивались царскаго вниманія, и отъ высочайшихъ особъ онъ получалъ награды денежные, какъ-то: 30 большихъ золотыхъ червонцовъ,

¹⁾ Его сочиненія: а) слова и рѣчи на праздники 1808 г., б) мысли при чтеніи посланій Ап. Павла 1819—1821 г., в) богословскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ, издававшіяся имъ съ 1808 по 1812 годъ на русскомъ и латинскомъ языкѣ, г) латинскія христоматіи изд. 1810—1811 и 1817 гг., д) нѣкоторыя сочиненія на латинскомъ языкѣ. Кромѣ сего Прокоповичъ издалъ нѣсколько календарей (съ 1808 г. по 1814 г.) и нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей Государю Императору Александру I-му и первымъ двумъ слободскимъ епископамъ. Подъ его редакціей въ 1807 г. были изданы переводныя сочиненія студентовъ коллегіума—рядъ статей нѣмецкаго писателя Геллерта по исторіи и теоріи словесности. Остаются въ рукописи: поучительныя слова и бесѣды, предложенныя въ систематическомъ порядкѣ на цѣлый годъ, академическія разсужденія и на разные случаи привѣтственныя рѣчи.

300 р. и 1000 р. и разныя вещи, какъ-то: золотыя часы, золотой крестъ, осыпанный брилліантами. Разсмотрѣніе и рѣшеніе трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ по епархіальному управленію всегда были за Прокоповичемъ, онъ неоднократно былъ командированъ для ревизій духовныхъ правленій и школъ, для освященія храмовъ и т. п., его, наконецъ очень часто посылали для увѣщанія раскольниковъ и молоканъ. Послѣдніе порученія не всегда были безопасны. Такъ, въ селѣ Русской Лозовой и Проходахъ жизнь Прокоповича подвергалась два раза опасности отъ злоумышленія закоренѣлыхъ раскольниковъ. Въ первомъ, онъ былъ спасенъ отъ явной смерти только проходившею военною командою; а во второмъ—чумаками, ѣхавшими по столбовой Липецкой дорогѣ къ Харькову. При обширномъ умѣ Прокоповичъ обладалъ прекрасными свойствами души: онъ былъ честенъ, великодушенъ, гостеприименъ и сострадательнъ. Неудивительно, что такія качества ума и сердца доставили ему извѣстность, прославили его по всей украинѣ и окружили его любовію его учениковъ ¹⁾ уваженіемъ и довѣріемъ многихъ именитыхъ лицъ,

¹⁾ Свои чувства преданности къ ректору питомца коллегіума обыкновенно выражали въ день его ангела 30 ноября въ подносимыхъ ему отъ каждаго класса привѣтствіяхъ, написанныхъ въ формѣ рѣчей, стиховъ и т. п. Рукописныя копии подобныхъ привѣтствій можно находить и теперь въ домашнихъ дѣдовскихъ архивахъ нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ. Для образца мы приводимъ слѣдующее печатное поздравленіе, присланное Прокоповичу къ 30 ноября 1801 года изъ Петербурга, бывшимъ его ученикомъ, студентомъ медицинской коллегіи, Иваномъ Свѣчинскимъ.

Открылся слѣдъ благословенный
И столь давно желанный мной!
Се лаки день тезоименный
Твой возсіалъ—принесъ съ собой
Отраду, радость и блаженство,
Утѣхи, счастья совершенство,
И все—съ чѣмъ жизнь мила для насъ;
Языкъ мой здѣсь не лезть сплетаетъ
Восторгъ весь духъ мой наполняетъ,
Вода черомъ мовизъ въ сей часъ,
Оно не лезть—мою преданность
Любовь, почтенье, благодарность—
Душевыя чувства чертятъ,
И то—что сердце мнѣ велеть...

Оно велить—я повторяю
Изъ дальнихъ мѣстъ къ тебѣ вѣщать
Будь счастливъ—я того желаю!
Чегожъ еще могу желать?
Пусть гений ангелъ шестокрылый
Твой будетъ вождь—хранитель, другъ—
Пусть онъ прогонитъ мракъ унылый
Лянову жизнь всякъ часъ въ твой духъ—
Пусть мирнымъ кровомъ осѣняетъ
Твое блаженство возншаеть.
Чегожъ еще могу желать?
Твоихъ дней мирныхъ продолженья
Спокойства—счастья, утѣшенья—
Вотъ все—что я хотѣлъ сказать!

безграничною любовію первыхъ двухъ архипастырей и всего Харьковскаго духовенства. По ходатайству Преосв. Христофора, Прокоповичъ, какъ уже было сказано, сопричисленъ былъ въ 1803 г., при Высоч. рескриптѣ, къ ордену Св. Анны 2-й ст., а въ 1811 году также при Высоч. рескриптѣ получилъ алмазные знаки этого ордена. Съ своей стороны Прокоповичъ глубоко былъ преданъ преосвященному Христофору, имѣя въ немъ перваго своего благодѣтеля и покровителя. Это онъ ясно выражалъ и дѣломъ и словомъ. Такъ, печатавъ проповѣди свои, Прокоповичъ посвятилъ ихъ преосв. Христофору и посвященіе свое онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Особенное вниманіе и любовь ваша къ наукамъ, великія добродѣтели, душу вашу украшающія и тѣ высокія милости и благотворенія мнѣ оказываемыя, коихъ память вѣчно пребудетъ для меня драгоценна, возбудили чувство моего сердца посвятить вашему преосвященству въ знакъ моей благодарности сей посильный мой трудъ. Преосвященнѣйшій владыко! удостойте оный благосклоннаго вашего принятія, какъ жертву сердечныхъ чувствій истиннаго моего къ вамъ высокопочитанія, усердія и благодарности. Сіе будетъ новымъ щастіемъ для меня, имѣющаго сохранить, какъ память вашихъ благодѣяній, такъ и благодарныя къ священной особѣ вашей чувствія до послѣдней минуты моея жизни ¹⁾). Прокоповичъ очень много посвятилъ преосвященному Христофору рѣчей и одъ. Всѣ онѣ написаны, какъ водилось въ то время, витіевато и фигурно, но сквозь риторическіе прикрасы нельзя не видѣть въ авторѣ неподдѣльныя чувства сердечнаго благожеланія святителю. Для образца приводимъ слѣдующія двѣ эпиграммы:

I.

Въ дни майскіе цвѣты не для себя цвѣтутъ;

А чтобъ ихъ прелестями всѣхъ взоры веселились:

Ректору протоіерею Андрею Прокоповичу въ радостнѣйшій день его тезоименитства отъ студента государственной медицинской коллегіи Ивана Свѣчинскаго. Печатано при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. С.-Петербургъ. Ноября 30 дня 1801 года.

¹⁾ Книгу—„поучительныя слова“ Прокоповичъ принесъ въ даръ Х. университету въ день его открытія съ слѣдующею собственно-ручною надписью на книгѣ: „Харьковскій императорскій университетъ прошу принять въ бібліотеку на память. 1805 года Января 17 дня“. Книга эта хранится въ университетской бібліотекѣ.

Такъ пастырь дни твои не для тебя текутъ;
А чтобы паствы всей и музъ сердца живились.

II.

Какъ наше ечастье въ твои дни не пресѣчно;
Такъ и желаніе, чтобы съ нами жилъ ты вѣчно.

Желаніе, конечно, не сбыточное, Христофоръ доживалъ уже осьмой десятокъ и Прокоповичу пришлось хоронить его, а затѣмъ вскорѣ и преемника его преосвященнаго Аполлоса. Съ нимъ онъ похоронилъ душевный покой свой. Послѣдніе годы жизни Прокоповича прошли для него крайне тревожно. По какимъ-то невѣдомымъ побужденіямъ пріемникъ Аполлоса преосв. Павелъ Саббатенко не возлюбилъ Прокоповича и, какъ жаловался послѣдній св. синоду, „разными способами старался очернить его предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ затмить долговременную и безпорочную его службу“. Вѣроятно изъ за личныхъ столкновеній съ этимъ архіереемъ Прокоповичъ въ 1822 году нашелъ себя вынужденнымъ совсѣмъ оставить должность ректора коллегіума, а скоро затѣмъ должность члена консисторіи, епаршескаго цензора, и др. Ему еще грозило удаленіе отъ должности настоятеля градскаго собора и это случилось бы, если бы не вступался за него Свят. Синодъ. Протоіерей Прокоповичъ обвинялся въ несоблюденіи нѣкоторыхъ епархіальныхъ распоряженій и обвинялся совершенно несправедливо ¹⁾. Консисторія, продержавъ его около четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ, присудила его къ 25 рублевому штрафу и предписала ему держать седмицу наравнѣ съ прочими соборными священниками. Преосвященный Павелъ, утверждая это постановленіе въ своей резолюціи, вы-

¹⁾ Такъ напр., Консисторія, или точнѣе преосв. Павелъ обвинялъ прот. Прокоповича за то, что онъ въ седьмомъ часу повѣнчалъ дочь Харьковскаго купца Надежду Карпову. Прокоповичъ оправдывался тѣмъ, что въ Харьковѣ не онъ одинъ, а и прочіе священники вѣнчаютъ въ эти часы, что съ дозволенія самого преосв. Павла онъ вѣнчалъ въ 1819 году племянника его преосвященства въ восьмомъ часу по полудни. Далѣе, что обвѣнчанная Прокоповичемъ Н. Карпова была будто бы раскольница, потому что и ея отецъ былъ раскольникъ. Прокоповичъ официальными данными доказалъ, что дѣвица Н. Карпова всегда ходила въ соборъ и ежегодно говѣла, что отецъ ея былъ православный и что самъ преосв. Павелъ отпѣвалъ его соборнѣ съ Харьковскимъ духовенствомъ. Дѣло Хар. Дух. Конс. 1825 г. марта 17 д.

разилъ надежду, что прот. Прокоповичъ возчувствуетъ свою немаловажную виновность противъ церковныхъ уставовъ и толь снисходительное опредѣленіе, вмѣсто довлѣемаго штрафа, въ запрещеніи и отрѣшеніи отъ мѣста состоящаго, денежной пени, примирится съ своею совѣстію и не будетъ возставать противъ власти начальства укоризнами и строптивыми защищеніями своей мнимой непогрѣшимости, такъ какъ поступокъ его явно правилами изобличается. Если же, присвокупивъ онъ, и за симъ снисхожденіемъ не будетъ поступать по уставамъ церковнымъ, при исправленіи мірскихъ требъ, и не станетъ держать седмицы, тогда отрѣшенъ долженъ быть отъ прихода ¹⁾). Протоіерей Прокоповичъ, опровергая обвиненія, взведенныя на него консисторіею въ тоже время упрекалъ ее въ томъ, что въ рѣшеніи его дѣла она дѣйствовала, какъ выражается Прокоповичъ, *по нотѣ преосвященнаго*. Съ своей стороны св. Синодъ нашель, что „консисторія допустила незаконныя, съ отступленіемъ отъ порядка, дѣйствія, неумѣстныя и вымышленныя разсужденія, показывающія пристрастіе и неосновательную наклонность къ отяготительному обвиненію протоіерея“. Прокоповичъ былъ освобожденъ отъ всякаго взысканія и, по уваженію его лѣтъ и заслугъ, былъ уволенъ отъ чреды седмичнаго служенія. Объявивъ консисторіи строгое внушеніе за ея неправильныя дѣйствія въ производствѣ дѣла Прокопорича, св. синодъ присовокупилъ: „а вашему преосвященству особенно взять во вниманіе, что вы, по духу архипастырскому, всемѣрно должны уклоняться и уклонять подчиненныхъ (т. е. членовъ консисторіи) отъ подобныхъ дѣйствій, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неминуемаго взысканія“. ²⁾ Спустя полгода послѣ полученія этого указа, состоялось опредѣленіе св. Синода о переводѣ преосвященнаго Павла въ Астрахань. Въ тѣ самыя дни, когда преосвященный готовился ѣхать въ свою новую епархію, протоіерей Прокоповичъ, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни (31 Января 1826 года) скончался на 70 году жизни. По устному преданію чинъ погребенія

¹⁾ Дѣло Харьк. Дух. Конс. Марта 17 дня.

²⁾ Указъ св. Синода отъ 29 Іюля 1825 г. № 4169.

совершалъ преосвященный Павель. Прощаясь съ мертвымъ тѣломъ протоіерея Прокоповича, онъ какъ-бы прощался въ лицѣ его со всею епархіею и горько при этомъ плакалъ. Протоіерей Прокоповичъ погребенъ на Мурноносицкомъ кладбищѣ,—гдѣ крестовоздвиженская церковь, рядомъ съ могилою бывшаго любимаго его наставника протоіерея Шванскаго. Отъ этого кладбища давно уже около 50 л. и слѣдовъ нѣтъ ¹⁾).

Громадное вліяніе имѣлъ, не столько на духовенство, сколько на своихъ крестьянъ-прихожанъ и на тогдашнюю украинскую интеллигенцію, дворянинъ, протоіерей Андрей Афанасьевичъ Самборскій. Онъ родился въ деревнѣ Сыроваткѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ и землевладѣльцемъ. По окончаніи курса въ Кіевской Духовной Академіи, онъ исполнялъ должность настоятеля церкви при русской миссіи въ Англіи, а затѣмъ былъ и законоучителемъ Императора Александра I-го. За ревностное исполненіе обязанности по законоучительству Императоръ Павель пожаловалъ о. Самборскому землю и деревню съ пятьюстами крестьянъ въ Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда подъ названіемъ село Стратилатовка. Въ этомъ имѣніи была и приходская церковь и при ней священникъ, а самъ Самборскій по временамъ служилъ въ особой часовнѣ, которая имѣла значеніе его домовою церкви, и при ней особый причетникъ изъ канцеляристовъ слободской консисторіи Василій Щербинскій, а иногда преосвященной Христофоръ присылалъ ему одного или двухъ пѣвцовъ изъ своего хора. Проживая въ своей деревнѣ (съ 1804—1811 г.) о. Самборскій, какъ знатокъ и любитель агрономіи, усердно занимался улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ, распространеніемъ между ними болѣе здравыхъ понятій о земледѣліи. Съ этой цѣлю онъ выписывалъ изъ Англіи земледѣльческія орудія. Нѣкоторые изъ крестьянъ стариковъ и до сихъ поръ показываютъ одно дерево, на которое вѣшалъ о. Андрей Афанасье-

¹⁾ Современные Христофору Харьковскіе протоіереи В. Фотіевъ и А. Могилевскій пользовались въ свое время, подобно Прокоповичу, громкою извѣстностію: первый былъ отличный воспитатель свѣтскаго юношества, второй усердный сотрудникъ Христофора по епархіальному вѣдомству, впоследствии профессоръ богословія Харьковскаго университета. Къ сожалѣнію объ этихъ лицахъ, кромѣ сказаннаго нами прежде, другихъ свѣдѣній не имѣемъ.

вичь свою рясу и наперстный крестъ предъ тѣмъ, какъ идти показывать крестьянамъ употребленіе новаго англійскаго плуга, причеиъ самъ первый начиналъ пахать. Благотворная его дѣятельность, какъ помощника, настолько выдѣлялась изъ круга обыкновенныхъ явленій тогдашней общественной жизни, что мѣстной губернаторъ Бахтинъ находилъ нужнымъ сообщить о ней тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ. „Въ вѣренной управленію моему губерніи, пишетъ онъ князю Куракину, помѣщикъ господиивъ протоіерей Самборскій, въ своемъ селѣ Стратилатовкѣ, устроилъ и содержитъ на свои средства больницу и при ней доктора и особый довольно видный домъ съ лекарствами и для прививанія оспы, богадѣльню для вдовъ и сиротъ и престарѣлыхъ и домъ для училища. Деревенскіе мальчики—ученики этого училища читаютъ въ церкви внятно и поютъ согласно“¹⁾. Самборскій и самъ не скрывалъ своихъ добрыхъ дѣлъ предъ лицами, пользовавшимися близостью къ государю. Такъ во своемъ письмѣ оберъ-прокурору св. Синода князю Д. Голицину (отъ 12 ноября 1810 г.), Самборскій, перечисливъ устроенныя имъ въ селѣ Стратилатовкѣ благотворительныя учрежденія, говоритъ: „если бы бѣлое духовенство было воспитываемо такъ, чтобы споспѣшествовало симъ единственнымъ и богоуднымъ подвигамъ, здѣсь къ тебѣ преосвященный Христофоръ, вопію,—то сколь скоро родъ человѣческій могъ-бы преобразиться и соответствовать намѣреніямъ своего Преблагого Творца. Но мы, мірскіе священники, служимъ алтарю не для Іисуса, а болѣе хлѣба куса; якоже и св. Злотоустъ глаголетъ: не вѣдѣхъ іерея спасающа, но погибающа. Сіе вамъ дерзася рещи яко ревностному новообразователю священнослужителей. Впрочемъ молю: положи Господи храненіе устамъ моимъ. Мои поселяне начинаютъ уже нѣсколько награждать меня своимъ, хотя коснымъ, исправленіемъ и признаніемъ, что я болѣе пекусь о ихъ духовномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи, нежели о своихъ доходахъ, что ихъ не обременяю заботами и наказаніями. И они меня съ любовію и уваженіемъ именуютъ батюшкою. Сією наградой я весьма доволенъ“²⁾. Къ такому откровенно-

1) Христ. Чтеніе 1894 г. Кн. Ноябрь—Декабрь стр. 451.

2) Тамъ-же.

му заявленію о. Самборскаго не лишнимъ считаемъ прибавить отъ себя, что высокопочтеннѣйшій Андрей Афанасьевичъ, какъ сельскій священникъ, находится въ исключительномъ, почти безпримѣрномъ положеніи. Денежныя его средства въ тѣ годы (1804—1813), когда онъ, удалившись со службы жилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи Стратилатовкѣ, простирались до 11,260 р. ас. ¹⁾ Находимъ умѣстнымъ замѣтить и то, что между современниками о. Самборскаго дворянами—священниками, нѣкоторые изъ нихъ своею благотворительностію, конечно, въ далеко болѣе скромныхъ размѣрахъ, также оставили по себѣ среди прихожанъ добрую память. Такъ священникъ Порфирій Ковалевскій, Андрей Жуковъ, Иванъ Холодовъ, владѣя недвижимыми имѣніями, въ округѣ прихода сл. Соколова, собственность свою употребляли на дѣла благотворенія. Священникъ сл. Бишкина Стефанъ Луценко, владѣя населенною землею, данное ему Богомъ богатство употреблялъ во славу имени Его—на украшеніе храма ²⁾.

И въ ряду простыхъ пастырей времени Христофора были лица, кои значительно превышали обычный уровень тогдашняго духовенства и могли бы занять почетное мѣсто среди какого угодно образованнаго общества. Исполняя пастырскія свои обязанности, они несли съ особою ревностію разныя общественныя должности, а нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, оставили добрую память своею благочестивою жизнію. Таковъ былъ въ Острогожскѣ соборный протоіерей Сумеонъ Сцепинскій. Онъ имѣлъ привлекательную наружность. Фигура его поражала благородствомъ, даже величіемъ. Лицо его дышало умомъ, а манеры отличались благородствомъ и привѣтливостію. Онъ былъ не только умный, но и многосторонне образованъ; слѣдилъ за литературой и обладалъ рѣдкимъ даромъ слова. Его проповѣди привлекали массу слушателей. По поступленіи въ Острогожскъ, онъ скоро достигъ выдающейся роли:

¹⁾ Не стотра на такое солидное содержаніе. О. Самборскаго послѣ его смерти (умеръ въ 1815 г. 84 л.) оказалось долгу на его имѣніи заемному банку 36 т. ас. Государь долгъ простилъ, а дѣтямъ былъ оставленъ пансіонъ отца 7600 р. ас.

²⁾ Ист.-стат. опис. Х. епар. Филарета. Отд. III, стр. 465.

преосвященный Христофоръ сдѣлалъ его благочиннымъ и первоприсутствующимъ духовнаго правленія. Его осыпали почестями и отличіями: онъ имѣлъ рѣдкія по тогдашнему времени награды какъ-то: камилавку, наперстный крестъ, палицу, орденъ св. Анны. Казалось его поняли и оцѣнили. Но дорого заплатилъ потомъ бѣдный отецъ Сумеонъ за всѣ эти первоначальные успѣхи. Еще при жизни Христофора этотъ достойный пастырь въ 1810 году подвергся тяжкому испытанію. Городъ Острогожскъ уже состоялъ тогда въ вѣдомствѣ Воронежской епархіи, Епархіальный архіерей Антоній Соколовъ, лишивъ Сцепинскаго должностей, занимаемыхъ имъ, замѣстилъ его своимъ роднымъ братомъ—священникомъ Николаемъ Соколовымъ—горьчайшимъ пьяницей. И таковъ былъ въ то время произволъ архіерейской власти, что Антоній могъ сдѣлать это безнаказанно. Правда лучшее городское общество было возмущено, горячилось, шумѣло, дѣлало въ пользу Сцепинскаго демонстраціи, ходатайствовало за него, но все это ни къ чему не повело. За симъ, какъ обыкновенно водится, протестующія лица устали, перестали возмущаться и продолжали только при случаѣ глумиться надъ недостойнымъ попомъ Соколовымъ. За то на самаго Сцепинскаго нанесенное ему оскорбленіе произвело неизгладимое впечатлѣніе и губительно отразилось на его здоровьѣ. Спустя 15 лѣтъ послѣ этой катастрофы ему все съ избыткомъ воротили, что передъ тѣмъ отняли. Антоній умеръ, братъ его Николай Соколовъ былъ отрѣшенъ отъ должности благочиннаго, а Сцепинскій въ ней восстановленъ. Но ни силъ, ни здоровья ему уже не могли возвратить: онъ умеръ послѣ этого пять лѣтъ спустя, всего пятьдесятъ лѣтъ отъ роду ¹⁾).

Современникъ Сцепинскаго настоятель Изюмскаго собора Іосифъ Погорлевскій, о коемъ мы уже упоминали,—бывши еще ученикомъ въ Бѣлгородѣ, своими бойкими на экзаменѣ отвѣтами понравился святителю Іосифу Горленкѣ, который велѣлъ ему называться (вмѣсто Ковалевскаго) Погорлевскимъ и взялъ его къ себѣ въ келейники. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Прослуживъ около

¹⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Т. I, стр. 90.

8 лѣтъ священникомъ на мѣстѣ своего отца въ сл. Салтовѣ, Погорлевскій, въ теченіи пяти лѣтъ, для пользы службы, былъ переводимъ преосвященнымъ Агеемъ изъ города въ городъ—Бѣлгородъ, Зміевъ и Изюмъ. Вездѣ, согласно желанію владыки, онъ устроилъ должный порядокъ по собору и духовному правленію. Состоя благочиннымъ по Изюмскому уѣзду, онъ ревностно слѣдилъ за поведеніемъ духовенства; для мало свѣдущихъ причетниковъ онъ открылъ въ Изюмѣ школу и самъ обучалъ ихъ читать и пѣть и исполнять службу по уставу. Въ духовное правленіе являлся первый и самъ-все провѣрялъ, во все вникалъ и часто самъ переписывалъ бумаги, для ускоренія хода дѣлъ. Къ чести духовенства оно цѣнило труды своего благочиннаго. Въ 1803 году причты всѣхъ церквей Изюмскаго уѣзда въ числѣ 180 человекъ письменно свидѣтельствовали предъ преосвященнымъ Христофоромъ, что „Погорлевскій должности благочиннаго и первоприсутствующаго проходить ревностно, рачительно и усердно и обиды никому изъ нихъ не причиняетъ“. Еще болѣе онъ усерденъ былъ въ совершеніи богослуженія; при всѣхъ занятіяхъ своихъ по правленію и по должности благочиннаго, онъ служилъ литургію не только по очереди съ другими, но любилъ отпирать службы и на седмицѣ товарищей. Въ служеніи наблюдалъ благочиніе, и очень заботился объ улучшеніи пѣнія и чтенія въ храмѣ. Самъ становился на клиросъ и самъ пѣлъ и читалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно занимался проповѣдываніемъ слова Божія въ храмѣ. И добрые прихожане были весьма довольны своимъ пастыремъ, что и засвидѣтельствовали въ особомъ своемъ доношеніи, представленномъ преосвященному Христофору въ числѣ 150 человекъ. „Мы по совѣсти свидѣтельствуемъ, что Погорлевскій въ проповѣданіи слова Божія и примѣрномъ наставленіи насъ догматамъ православной вѣры и православныхъ христіанскихъ добродѣтелей, равно какъ въ священнослуженіи и исправленіи мірскихъ требъ посильный трудъ и бдѣнный и неопустительный подвигъ всегда имѣеть. О благоустроеніи и благолѣпнѣ церковномъ онъ усердное стараніе прилагаетъ, обидъ же намъ и прочимъ прихожанамъ никакихъ не причиняетъ.“

А потому мы, бывъ имъ довольны, желаемъ его до послѣднихъ дней его жизни имѣть предстоятелемъ въ штатѣ прачта на нашемъ приходѣ“. Дворяне всего Изюмскаго уѣзда въ числѣ 100 человекъ съ своей стороны, представили Христофору заявленіе, въ коемъ свидѣтельствовали, что „протоіерей Погорлевскій во все время нахождения его при Изюмскомъ соборѣ въ должности настоятеля онаго ведетъ себя безпорочно, честно, добропорядочно и сановито¹⁾“. Погорлевскій, по словамъ его библиографа²⁾, былъ неутомимъ въ трудахъ. Ложился спать поздно и вставалъ рано. Постоянно видѣли его или на молитвѣ, или въ правленіи и за дѣлами по благочинію“. Такое бодрое и неусыпное служеніе тѣмъ болѣе было удивительно въ немъ, что семейныя дѣла его были горькія. Они до того были грязны, что другой впаль бы отъ нихъ въ отчаяніе. Жена его была женщина строптивая и нетрезвая, рѣдкій день проходила, чтобы она не была пьяна и не осыпала мужа бранью. Мало того, она еще занималась ремесломъ колдуньи и, слывя въ народѣ вѣдьмою, поставляла мужа въ самыя затруднительныя положенія предъ прихожанами и по службѣ общественной. Благочестіе его и безкорыстіе по службѣ служили для нея предметомъ неумолкаемой брани, случалось и то, что маленькаго протопопа (такъ памятенъ понинѣ Погорлевскій въ Изюмѣ по его росту) она била своими руками, тогда какъ названіе вѣдьмы колдуньи понинѣ остается въ народѣ за нею. Послѣ сего неудивительно, что, когда умерла она, онъ неутѣшно плакалъ по ней и плакалъ отъ скорби за ея участь. Послѣ смерти жены, онъ уже жилъ совершеннымъ подвижникомъ, въ строгомъ постѣ и молитвѣ, чаще былъ въ уединеніи, чѣмъ съ людьми. Онъ умеръ въ 1814 году на 74 году своей жизни, священствовалъ 44 года.

Валковскій протоіерей Василій Снѣсаревъ съ глубокимъ искреннимъ благочестіемъ, весьма близкимъ къ аскетизму, соединялъ превосходное образованіе и пастырскую ревность. Сынъ сельскаго звонаря онъ, будучи семи лѣтъ, въ церкви любилъ стоять прямо предъ царскими вратами, устремляя пол-

1) Архивъ Х. Дух. Ковс. 1805 № 45.

2) Историко-статистич. описаніе Харьков. епарх. Филарета, отд. V, стр. 94.

ный любви взоръ на нерукотворенный образъ Спасителя. „Я такъ любилъ его, говоритъ онъ, такъ влекъ къ себѣ душу мою этотъ образъ, что я готовъ былъ никогда не отходить отъ него, и, въ младенческой простотѣ, молилъ дать и мнѣ раздѣленные волосы, какіе видѣлъ на этомъ изображеніи“. Отецъ уже готовилъ ему мѣсто звонаря, но Богъ судилъ иначе. По окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ и, по выслушаніи лекцій въ Киевской духовной академіи, Снѣсаревъ былъ рукоположенъ въ 1786 году во священника въ Харьковской Рождественской церкви и занялъ мѣсто учителя при коллегіумѣ. Здѣсь онъ, своими изустными проповѣдями, сразу обратилъ вниманіе гражданъ г. Харькова. Но жизнь въ Харьковѣ была не по немъ, душа его стремилась къ простымъ сердцамъ, къ меньшей братіи Іисуса. Къ тому же расположенность гражданъ, любившихъ внимать его поученіямъ, возбуждала въ нѣкоторыхъ духовныхъ лицахъ зависть. Занявъ открывшееся протоіерейское мѣсто при соборѣ въ г. Валкахъ, какъ мѣсто удаленное отъ шума и зависти людской, онъ прожилъ здѣсь въ тишинѣ 50 лѣтъ, назидая духовныхъ дѣтей своихъ ученіемъ и жизнію. На другой годъ священства Снѣсареву поручена была должность благочиннаго всего Валковскаго уѣзда. Снѣсаревъ тяготился этою должностію, самъ сознавалъ, что плохой дѣлецъ и неспособенъ повелѣвать другими. Харьковское духовное правленіе, по навѣтамъ недоброжелательныхъ людей, всякій проступокъ кого либо изъ подчиненнаго Снѣсареву духовенства объясняло его невнимательностію къ долгу службы, сдѣланное имъ лично опущеніе по службѣ—гордостію, на просьбу уволить отъ должности смотрѣло, какъ на доказательство его неповиновенія начальству и т. п. „Находясь я, писалъ онъ правленію, въ должности благочиннаго съ 1787 г. ноября 3 дня до сего времени, порученное мнѣ званіе по мѣрѣ силъ моихъ старался исполнять, а какъ нынѣ, по часто приключаящимся болѣзненнымъ припадкамъ и природной силѣ слабости, которая умножается *отъ чувствительнаго мнѣ притѣсненія духовнаго правленія,* вышеупомянутой должности никакъ уже продолжать не могу. Того ради Харьковское духовное правленіе покорно прошу

о увольненіи меня отъ благочиннической должности, куда слѣдуетъ представить и о семъ учинить милостивое разсмотрѣніе“¹⁾. Прошеніе это духовное правленіе оставило безъ вниманія и только въ 1809 году Христофоръ уволилъ его, но уволивъ, онъ долго гнѣвался на него. О. Василій былъ неутомимый проповѣдникъ. Онъ сѣялъ слово Божіе каждый праздникъ, каждый воскресный день, проповѣдывалъ всюду: въ храмѣ, въ домахъ, въ училищѣ, гдѣ былъ законоучителемъ. Торжественные акты въ училищѣ бывали очень многолюдны, сюда собирались почти всѣ дворяне уѣзда, привлекаемые его рѣчами и ненапрасно собирались: слышанное такъ надолго оставалось въ памяти. Разъ онъ цѣлый годъ, по болѣзни глазъ, не могъ служить, но не переставалъ проповѣдывать. Жители Валокъ, особенно жившіе здѣсь дворяне, такъ привыкли къ живому, всегда исполненному чувствъ слову его, что не могли оставаться безъ него“. Похоронивъ свою жену и пристроивши на мѣсто дѣтей, Снѣсаревъ, говоритъ преосв. Филаретъ²⁾, отдалъ себя и свое время своему исключительно духовному семейству: былъ на дѣлѣ око слѣпымъ, нога хромымъ, рука безпомощнымъ; слѣдя за дѣйствіями его—невольнo переносишься ко временамъ апостольскимъ, когда сердце благовѣстниковъ было едино съ вѣрующими. Такъ и незабвенный о. Василій, окончивая каждое служеніе проповѣдью и выходя изъ храма, одѣлялъ Христову братію всѣмъ, что получалъ въ тотъ день въ церкви, а, за недостаткомъ монетъ, отдавалъ и платокъ свой бѣдняку. У себя онъ не имѣлъ ни слуги, ни служанки: дрова для своей печи онъ рубилъ самъ, купалъ по большей части сухари съ водой, а иногда заставляли его за необыкновеннымъ супомъ; на вопросъ: что вы кушаете? „да вотъ, говоритъ онъ, вздумалось сварить супъ, вскипятилъ воду, бросилъ нѣсколько бузиновыхъ цвѣтовъ, они распарились, прибавилъ сухариковъ и вышелъ прекрасный супъ; видите, какъ мало собственно необходимаго для поддержанія физической жизни человека“. Во время предсмертной своей болѣзни о. Василій, слушая со слезами на глазахъ чтеніе св. Евангелія и ограж-

¹⁾ Архив. Х. Д. Конс. Марта 5, 1795 г. № 12.

²⁾ Ист.-статист. оп. Х. еп., от. II, стр. 229.

дая себя крестнымъ знаменіемъ, принявъ св. Тайны, тихо предалъ Господу духъ свой. Скончался на 78 году жизни ¹⁾.

За время Христофора между сельскими іереями были пастыри, о коихъ добрая память долго потомъ жила въ приходѣ. Таковъ былъ священникъ сл. Ольшаной (Лебед. уѣз.) Тимофей Роменскій. Имѣя безбѣдное состояніе (онъ былъ вдовъ и бездѣтенъ), онъ много благотворилъ нуждающимся крестьянамъ и храмамъ Божиимъ. Время служенія его здѣсь называется лучшимъ временемъ, и онъ памятенъ съ именемъ благоумнаго священника ²⁾. Замѣчательная была личность священникъ сл. Колядовки Іоаннъ Радковскій. Онъ, предъ началомъ каждой литургіи, служилъ молебенъ съ акафистомъ и въ каждую литургію читалъ поученія прихожанамъ. Въ приходѣ былъ сострадательнъ къ бѣднымъ и при всѣхъ случаяхъ старался объ искорененіи языческихъ суевѣрій въ народѣ, какъ-то: празднованія Ивану Купалѣ, которое совершалось наканунѣ 24 іюня; равно вооружался всею ревностію противъ кулачныхъ боевъ, оканчивавшихся иногда смертію бойцевъ. Онъ скончался въ 1805 году на 51 году своей жизни ³⁾. Священникъ сл. Ольшаной (Харьк. у.) Андрей Чернявскій, рукоположенный Христофоромъ въ 1801 году оставилъ по себѣ благодарную память неутомимымъ усердіемъ къ долгу наставника, любовію къ бѣднымъ и страждущимъ; онъ и скончался въ трудахъ, по долгу своему, во время посѣщенія страждущихъ отъ холеры въ 1832 г. ⁴⁾.

Украинское сельское духовенство въ описываемое время, страдая бѣдностію и недостаткомъ образованія, въ домашней своей жизни естественно сближалось и дружилось преимущественно съ крестьянскимъ сословіемъ ⁵⁾. Сближеніе это имѣло

¹⁾ Истор.-статистич. опис. Хар. епар. Отд. II, стр. 229.

²⁾ Тамъ-же. Отд. III, стр. 581.

³⁾ Тамъ-же. Отд. V, стр. 391.

⁴⁾ Тамъ же. Отд. II, стр. 116.

⁵⁾ Благочиннической инструкціею (1775 г. § 34) предписывалось духовенству имѣть обхожденіе и дружбу съ подобными себѣ священниками, діаконами, съ благородными помѣщиками и съ почтенными купцами и мѣщанами, а не со всякимъ безразборно обходиться и дружить: ибо священники, особливо будучи священнымъ саномъ почтены, должны вести себя съ *осанкою* и тѣмъ другихъ приво-

много добрыхъ сторонъ. Такъ, духовенство безропотно переносило съ своими прихожанами ихъ скудость и лишенія охотно раздѣляло съ ними ихъ патріархальную простоту и т. п., но, къ сожалѣнію, оно не только снисходительно смотрѣло на нѣкоторыя темныя стороны ихъ религіозно-нравственной жизни и молча терпѣло ихъ¹⁾, но, нерѣдко, даже заимствовалъ отъ нихъ нѣкоторыя грубыя порочныя привычки. Неудивительно послѣ сего, если оно, обладая тогда большимъ вліяніемъ на народъ, при всей близости къ нему, не могло имѣть на него желаннаго дѣйствія; неудивительно, если оно не могло пользоваться уваженіемъ даже у мелкаго дворянства. Изъ грубыхъ привычекъ, коихъ не чуждо было тогдашнее духовенство, особенно указываютъ на его нетрезвость. Обвиненіе это дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую долю основаній. Прихожане, представляя архіерею кандидата на свободное мѣсто при своей церкви, въ данномъ ему письменномъ одобреніи, утверждали, что онъ „не пійма“. Давая въ консисторіи подписку, кандидатъ во священника писалъ: „симъ обязываюсь, что, до произведенія и по произведеніи меня въ священника, въ пьянственной и соблазнительной страсти обращаться ни подъ какимъ видомъ не буду“. Въ послужныхъ спискахъ того времени, въ графѣ „поведеніе“ духовенства стоитъ первый вопросъ: не зараженъ ли пьянствомъ? Благочинный въ этихъ спискахъ подвѣдомаго ему духовенства свидѣтельствовалъ о каждомъ членѣ причта, что „пьянствомъ онъ не занимается“, или: „от-

дать къ почтенію себя“. На практикѣ это предписаніе оставалось однимъ благочестивымъ желаніемъ. Многие изъ благородныхъ помѣщиковъ смотрѣли на священниковъ своихъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, священники же напротивъ относились къ помѣщикамъ съ подобострастіемъ. Встрѣчаясь, наприм., съ дѣтьми помѣщика, священникъ, вмѣсто того, чтобы благословить ихъ, говорилъ: „А, здравствуйте, молодые господа; пожалуйте ручку“,—и цѣловалъ ее (Рус. Стар., 1894 г. октябрь, стр. 115).

1) Въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностяхъ невѣжество и грубость нравовъ сибожанъ были велики: съ одной стороны суевѣрія, колдовство, знахарство и т. п. съ другой—грубое обращеніе мужей съ женами, нетрезвость и безпечность и т. п. практиковались въ широкихъ размѣрахъ. Изъ вредныхъ народныхъ обычаевъ господствующими были вечерницы и гульба молодежи подъ воскресные и праздничные дни, гульба новобранцевъ предъ поступленіемъ въ военную службу, разгулъ свадебный, нерѣдко непристойный и безобразный.

пьянства удаленъ“, или: „пьянственною страстію очень зараженъ“. Въ тогдашней инструкціи благочиннической, въ отдѣлѣ о священно—и церковнослужителяхъ, первый параграфъ гласилъ слѣдующее: „прилѣжно наблюдать, чтобъ священники, діаконы и церковники, а особенно священники, жили честно и сановито, и наипаче съ крайнимъ вниманіемъ смотрѣть, чтобъ не пьянствовали, въ питейные дома не ходили, и вели бы жизнь трезвую. А если бы усмотрѣлъ ты кого часто напивающагося, въ пьянствѣ безчинствующа, или исправляющаго требы въ нетрезвости, о такомъ безъ всякаго закрытія представлять“¹⁾. Въ области тогдашняго консисторскаго суда весьма часто мы встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: „послать въ монастырь подь началъ донезели отъ пьянства престанетъ и покажетъ воздержное житіе“. Допуская обвиненіе въ нетрезвости тогдашняго духовенства и преимущественно низшихъ его чиновъ—обвиненіе, конечно, не огульное, а съ большими ограниченіями, въ то же время не слѣдуетъ отрицать, что порокъ нетрезвости своимъ происхожденіемъ весьма много обязанъ той бѣдности и той зависимости, въ какой находилось оно тогда отъ прихожанъ въ своемъ матеріальномъ быту. Въ настоящее время духовенство имѣетъ хоть небольшую денежную помощь, то въ жалованья отъ казны, то въ платѣ за труды по училищу и т. п.; въ описываемое же время, за исключеніемъ пользованія полевыми продуктами отъ церковной земли, оно жило исключительно *на животахъ* прихожанъ, завися вполнѣ отъ прихожанъ и ихъ ничтожной платы за исполненіе требы; сельскій священникъ по необходимости долженъ былъ пріобрѣтать ихъ расположеніе, примѣняться къ ихъ обычаямъ, вкучамъ и даже пьянствовать съ ними. Извѣстно, что у прихожанъ есть обычай угощать свой причтъ послѣ каждой требы. Отказаться отъ угощенія—значило обидѣть прихожанина и навлечь на себя обвиненіе въ гордости, а главное лишиться скольконибудь достаточной платы за трудъ. Въ настоящее время прихожанинъ можетъ предложить священнику чай, но въ то время самоваръ былъ большою рѣдкостію въ домѣ городского, тѣмъ

1) Инструкція благочиннымъ. Печатана въ Моековской типографіи 1775 г., стр. 4.

болѣ сельскаго, жителя и онъ угощалъ своего духовнаго отца только зеленымъ виномъ ¹⁾. Угощенія эти практиковались слишкомъ широко и устроались не только въ домѣ, но и въ церкви. Изъ многихъ примѣровъ приводимъ слѣдующій: въ 1800 г. Золочевскій благочинный, священникъ Іоаннъ Кіановскій, далъ духовенству и ктиторамъ своего округа такое предложеніе: „дошло мнѣ до свѣдѣнія, что въ церквахъ моего благочинія послѣ вѣнчанія браковъ и послѣ отправленія панихидъ по литургіи или вечерни, а иногда и безъ отправленія церковнаго пѣнія въ притворахъ церковныхъ священно-церковнослужители съ прихожанами, коимъ требы отправляютъ, пьютъ горячее вино и снѣдаютъ пироги и протчія брашна употребляютъ. Для сего въ притворахъ церковныхъ имѣются по одному ординарному столу съ помощными лавочками. Какъ же правилами святыхъ соборовъ ²⁾ во вся запрещено дабы въ притворахъ церковныхъ никакія общія брашна не были употребляемы, коими паче горячіе напитки, что немалое наводитъ духовенству поношеніе, а храму безчестіе, чего для симъ вамъ предлагаю, дабы таковой худо господствующій обычай во вся былъ оставленъ и, гдѣ имѣются ординарныя въ притворахъ съ лавочками столы, ктиторы оныя съ притворовъ во вся выносили-бы, въ чемъ на семь предложеній имѣете подписатись. Буде же гдѣ сей обычай послѣ сего останется въ употребленіи или кто изъ священно-церковнослужителей и ктиторей не подниметъ на семь въ исполненіи, о томъ будетъ представлено съ объясненіемъ столь худо господствующаго и правиламъ церковнымъ противнаго обыкновенія обстоятельствъ главному духовному начальству“. Несмотря на эту угрозу всѣ ктиторы и большинство изъ духовенства отказались подписать это предложеніе. Нѣкоторые священники дали отвѣтъ, но довольно уклончивый.

¹⁾ Впрочемъ, и въ позднѣйшее время епархіальное начальство указываетъ на эти же самыя причины нетрезвости духовенства. Такъ, въ отчетѣ св. Синоду преосв. Макарія Ар. Харьковскаго за 1866 годъ читаемъ: „Общій недостатокъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ духовнаго званія—нетрезвость, которая зависитъ болѣе всего отъ тяжелаго гнета *бѣдности и зависимости прихожанъ*“. (Харьк. епар. вѣд. 1867 г., стр. 420).

²⁾ Правило 28 Лаодикійскаго собора: „въ церкви трапезы не поставляются и пиръ да не бываютъ“. Сравни. Кореагенск. соб., пр. 48, VI Вселенск. соб., пр. 74, 76 и 97.

„По сему предложенію благочиннаго Кіяновскаго, писалъ священникъ Афанасій Высочинскій, исполнять долженъ, но въ разсужденіи общества оставить обычая не могу, опасаясь *худого приключенія*.“ Подъ „худымъ приключеніемъ“ вѣроятно онъ разумѣлъ противодѣйствіе прихожанъ силою. Вотъ что писалъ благочинный Кіяновскій въ рапортѣ своемъ преосвященному Христофору: „въ бытность мою 16 февраля въ селѣ Удахъ я усмотрѣлъ, что въ тотъ день священникъ Тимофей Терновской, по перевѣнчаніи уже къ вечеру брака, въ церковномъ притворѣ съ поѣзжанами и причтомъ до пьяна напились. Освѣдомясь, что такое обыкновеніе бываетъ и въ прочихъ церквахъ, я далъ предложеніе всему духовенству моего благочинія, дабы оно упразднить, но какъ ктиторы и нѣкоторые священники презрѣли мое предложеніе, то представляю ихъ подписки и прошу въ защищеніи меня учинить благо-разсмотрѣніе“. Христофоръ предписалъ благочинному Кіяновскому объявить духовенству, чтобы оно немедленно прекратило обычай въ притворахъ устроить трапезы и удалило оттуда столы и скамьи, и при этомъ пригрозилъ слушникамъ, что таковыя будутъ *во вся* удалены отъ мѣстъ своихъ ¹⁾.

Питейный откупъ за время Христофора дѣйствовалъ на Украинѣ во всей силѣ. Харьковъ и уѣздные города, въ огражденіе отъ корчемства дешевой водки, были окружены отъ пригородовъ заставами. Харьковъ былъ оцѣпленъ пятнадцатью заставами, съ стражею изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ чловѣкъ. Такъ-какъ въ окрестныхъ пригородныхъ селахъ водка была очень дешева, а въ городахъ очень дорога, то, не смотря на неоднократныя предписанія Христофора, — остерегаться корчемства, нѣкоторые изъ духовенства провозили водку тайно, и, попадаясь на заставахъ въ руки корчемной стражи, подвергались потомъ суду и наказанію. Были случаи, когда нѣкоторые изъ низшихъ членовъ причта производили въ своемъ домѣ тайно торговлю спиртными напитками. Представляемъ слѣдующую жалобу епархіальному начальству проживающаго въ селѣ Циркуны еврея Самуила Салтановскаго. „Оное село Циркуны, пишетъ онъ, откупилъ я для прода-

1) Архивъ Х. Д. Юнс. 1799 г. № 10.

жи горячего вина, однако тамошній дячекъ Семень Романовскій производилъ тайно горячимъ виномъ въ своемъ домѣ торгъ, а когда прійдетъ въ село рекрутская партія, то оной дѣлаеть прозбу у командировъ рекрутскихъ, чтобы учинено было рекрутамъ запрещеніе, дабы не приходили ко мнѣ для покупки вина и тѣмъ мнѣ причиняеть крайнюю обиду и разореніе. Того для прошу означенному дячку, чтобы онъ торгу не производилъ, сдѣлать запрещеніе и о томъ учинить милостивое разсмотрѣніе“¹⁾. Судъ надъ духовенствомъ по корчемнымъ дѣламъ длился чрезвычайно долго: съ этой стороны онъ былъ крайне разорителенъ, тяжелъ и унизителенъ для духовенства. Приводимъ слѣдующій примѣръ: въ 1603 году корчемная стража поймала пономаря Богодуховской соборной Успенской церкви Лободовскаго съ двумя боченками корчемнаго вина. Судъ надъ Лободовскимъ тянулся семь лѣтъ; продолжался бы и еще, но содержатель въ слободской украинской губерніи городского питейнаго откупа кол. сов. помѣщикъ Харьковскаго уѣзда села Ивановки Андрей Ивановичъ Ковалевскій самъ пожелалъ положить конецъ этому суду: въ 1810 году онъ далъ отъ себя консисторіи слѣдующее заявленіе: „Хотя претензія моя на пономаря Лободовскаго правильна, но, будучи свѣдущъ о его недостаточности и что онъ обремененъ семействомъ, снисходя на сіе изъ единого человеколюбія вину его прощаю, а съ симъ вмѣстѣ и искъ свой оставляю и потому прошу Харьк. Консисторію дѣло, оставивъ безъ дѣйствія, предать вѣчному забвенію и Лободовскаго учинить отъ оного свободнымъ“²⁾. Продѣлки корчемной стражи у заставъ, гдѣ допускалась, такъ называемая вольная продажа, перешедшіе теперь въ область преданій, по народнымъ воспоминаніямъ, были ужасны. Откупъ—это разбой, какъ тогда говорили о немъ, и наши архивы сохраняютъ массу дѣлъ, рисующихъ почти всегда кровавыя и ужасныя расправы и кары. Памятенъ откупъ и для духовенства не только Христофоровскаго, но и послѣдующаго времени. Трудно забыть то подавляющее чувство, какое приходилось испыты-

1) Архивъ Х. Дух. Конс. 1799 г. марта 26 № 13.

2) Дѣло Хар. Дух. Кон. 1810 г.

вать священнику, при появленіи предъ нимъ корчемной стражи, всегда пьяной и буйной съ длиннымъ металлическимъ щупомъ, ея безцеремонный осмотръ вещей, не смотря на часы дня, присутствіе семьи, состояніе здоровья и т. п. Жалобы, приносимыя духовенствомъ на эту стражу, всегда были гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Да и что значила жалоба священника, когда губернаторъ,—это первое лицо въ губерніи,—по отношенію къ откупщику, находился въ какомъ-то унижительномъ положеніи и молчалъ о безобразіяхъ корчемной стражи, боясь получить замѣчаніе отъ министерства финансовъ за мнимыя будто бы притѣсненія откупщика, могущаго отказаться выплатить откупную сумму. Дабы видѣть, какъ питейная стража поступала съ духовными лицами, укажемъ на нѣкоторые факты. „Сего 1806 года 11 февраля, пишетъ консисторіи Пелагія Ильинская—дочь пономаря села Большихъ Проходовъ, бывши въ слободѣ Липцы купила я для больной замужней сестры моей, находившейся въ домѣ отца моего въ селѣ Большихъ Проходовъ горячаго вина на 6 коп. и наливши въ склянку положила туда на 2 коп. конфоры и въ близи села Большихъ Проходовъ была задержана здѣлпнимъ сидѣльцемъ евреемъ и двумя десятскими, которые, не найдя въ саянхъ ничего, схватили меня за обѣ руки, распахнули пазуху и вынули изъ оной склянку, пили изъ нея и выпивши до половины насильно хотѣли посадить меня на сани, но я воспротивилась и сама добровольно пошла за санями и представили меня въ земскій судъ, гдѣ сняли съ меня показаніе. Пошелъ уже третій годъ, а я по нынѣ нахожусь подъ судомъ и волокитою“¹⁾. Благочинный г. Валокъ священникъ Павелъ Васильковскій донесъ консисторіи, что Валковской Богородицкой церкви священникъ, Яковъ Михайловскій, будучи отозванъ для погребенія въ деревню помѣщика Бородаевского, по окончаніи требы, выпросилъ у него боченокъ (съ полведра) уксусу для домашней надобности и для леченія больныхъ прихожанъ. Возвращаясь въ свой домъ и подъѣзжая къ городской заставѣ, былъ остановленъ тремя челоувѣками корчемной стражи, одинъ схватилъ за

¹⁾ Арх. Х. Дух. Ковс. 1806 г. № 38.

поводъ лошадь и, держа, приостановилъ ее, другой спросилъ: есть-ли водка, и получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, взялъ лежавшій на повозкѣ мѣшокъ съ ризами, крестомъ и книгой, бросилъ на землю такъ сильно, что деревянный крестъ переломился, книга-требникъ разбилась, взялъ себѣ платокъ, данный при погребеніи въ руки вмѣстѣ со свѣчею, потомъ схватилъ его, Михайловскаго, подъ бороду за шею, стащилъ съ повозки на землю и началъ все выбрасывать съ повозки. Вытащивши боченокъ съ уксусомъ, крикнули: поймали попа съ водкой, и при этомъ ругали его всякими дерзкими и бранными словами. Наконецъ, схвативъ за оба рукава рясы, вели по улицѣ и терзали его столько, сколько позволяла имъ наглость ихъ. Несущіе же позади, боченокъ, ощутивъ обоняніемъ, что то былъ уксусъ, сказали: братцы, оставьте попа, это уксусъ, и, поставивъ боченокъ на дорогѣ, сами хотѣли разбѣжаться. Священникъ Михайловскій сказалъ: нѣтъ, взяли боченокъ, какъ водку, везомую мною, то и несите его, куда слѣдуетъ. Случившіеся тутъ прихожане вступились за священника и принудили ихъ доставить боченокъ въ питейную контору; дали знать полиціи, былъ составленъ актъ, боченокъ и всѣ церковныя вещи были опечатаны. Затѣмъ дѣло поступило въ судъ и служители питейной конторы были судимы по закону ¹⁾. Ахтырское духовное правленіе донесло Христофору, что священно-церковнослужители, выѣзжая изъ города по собственнымъ надобностямъ, а болѣе для исправленія мірскихъ требъ и, при возвращеніи ихъ обратно въ дома свои, нерѣдко къ позорному стыду ихъ и безчестному посмѣянію духовенства сторожами и объѣздчиками питейной конторы, на караулахъ задерживаемы бывають тогда, когда имъ поспѣшать нужно для священнослуженія въ свои церкви и, при задержаніи отъ тѣхъ объѣздчиковъ съ повозокъ сволакиваемы, толкаемы и до рубахи раздѣваемы бывають. Такъ она поступили недавно съ священникомъ Ахтырско-Архангельской церкви Ѳеодоромъ Александровымъ и Ахтырско-Николаевской церкви діакономъ Іоанномъ Петровскимъ. Было-ли сдѣлано по этому

¹⁾ Дѣло Конс. 1811 года.

рапорту распоряженіе со стороны духовнаго и гражданскаго начальства и какое именно—послѣдствія неизвѣстны ¹⁾).

Вопросъ о мѣрахъ противъ нетрезвости духовенства въ описываемое время стоялъ, такъ сказать, на очереди. Имъ озбоченъ былъ св. Синодъ, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа. Государь императоръ Александръ I-й, усмотрѣвъ изъ рапорта Тамбовскаго гражданскаго губернатора, что города Нижняго Лома Крестовоздвиженской церкви діаконъ Ананій Петровъ умеръ отъ пьянства, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: „предписать, кому слѣдуетъ, чтобы люди духовнаго состоянія удерживались отъ подобныхъ дѣяній, замѣтя притомъ, коль сіе противно ихъ званію“. Св. Синодъ, выразивъ въ своемъ указѣ крайнее сожалѣніе о томъ, что всѣ съ его стороны многократныя убѣжденія, постановленія и подтвержденія, относящіяся къ благоустройству священно- и церковнослужителей желаемаго дѣйствія и успѣха не имѣли, потребовалъ, чтобы духовныя правленія, благочинные и священники, имѣющіе отличіе, представили ему чрезъ архіереевъ мнѣнія, какія они съ своей стороны, на основаніи опытовъ и личныхъ наблюденій, усматриваютъ „ближайшія, наисильнѣйшія и прстойнѣйшія средства къ отвращенію священно- и церковнослужителей отъ противныхъ званію ихъ дѣяній, паче же къ удержанію отъ гнуснаго пьянства“ ²⁾). Слободско-украинское духовенство представило Христофору 42 мнѣнія. Онъ выбралъ 12 и съ своимъ отзывомъ отослалъ въ Синодъ, „оставивъ прочія, яко одинаковаго содержанія“. Мнѣнія эти, заключающія въ себѣ личные самостоятельныя взгляды лучшихъ людей изъ среды тогдашняго духовенства, распадаются на пять группъ. Разберемъ поближе съ этими мнѣніями.

По мнѣнію первой группы одно изъ лучшихъ средствъ—водворить въ служителяхъ церкви духъ трезвости—это строгій выборъ кандидатовъ на сельскія церковныя должности. „Необходимо строго наблюдать, пишетъ благочинный Толмачевъ, чтобы въ духовные чины были производимы одни только окончившіе курсъ коллегіума, яко довольно въ благочестіи вос-

¹⁾ Дѣло Конс. 1808 года.

²⁾ Указъ св. Синода отъ 22 марта 1800 г. № 1824.

питанные, а въ церковнослужители люди благонравные, искусные въ чтеніи, пѣніи и писмѣ и совершенно изучившіе катихизисъ“. „Тогда только, пишетъ благочинный Черняевъ, можетъ водвориться въ духовенствѣ всецѣлая трезвенность, если въ среду его войдетъ возможно значительное число лицъ благочестивыхъ и образованныхъ. Архіереямъ отнюдь не слѣдуетъ полагаться на одобренія прихожанъ. кои часто рекомендуютъ того, кого сами не знаютъ“.

По мнѣнію второй группы духовенство всячески должно избѣгать угощеній прихожанъ. „Духовныя лица, пишетъ благочинный Спѣсивцевъ, никакихъ постороннихъ компаній не должны имѣть и въ тѣхъ домахъ, гдѣ приносятъ жертвы бахусу отнюдь не ходить“. „Священно-церковнослужители, пишетъ Харьковское духовное правленіе, исправленіе требъ должны, по возможности, сосредоточивать не въ домахъ прихожанъ, а въ самой церкви; если же въ домѣ, то, окончивъ требу, немедленно уходить оттуда. Во время весны, пишетъ Изюмское дух. правленіе, бываетъ освященіе за селомъ полей и колодець, а потомъ обѣды. Окончивъ освященіе, духовенство должно немедленно съ крестомъ и иконами идти въ церковь, а не оставаться въ полѣ обѣдать“. Интересно мнѣніе благочиннаго Рубашевского. „Матеріальное состояніе духовенства, пишетъ онъ, всецѣло зависитъ отъ милостиваго подаенія приходскихъ людей. Но простой народъ не иначе пособляетъ нуждамъ духовныхъ лицъ, какъ если они сдѣлаютъ ему удовольствіе излишнимъ совокупно съ нимъ винопитіемъ. Слѣдственно, чтобы отвратить духовенство отъ пьянства и утвердить въ поведеніи, соотвѣтственномъ его благородному званію, для сего нужно освободить его отъ зависимости прихожанъ, даровавъ ему отъ правительства достаточное *казенное жалованье*“.

Третья группа мнѣній предлагаетъ усилить надзоръ благочиннаго надъ духовенствомъ. „Дабы благочинные могли удобнѣе слѣдить за поведеніемъ духовенства, пишетъ благочинный Эннатскій и знать житіе cadaго изъ нихъ, должны они ежемѣсячно обвѣзжать врученное ихъ смотрѣнію духовенство и для отмѣтокъ добрыхъ и худыхъ поступковъ духовенства имѣть особенный журналъ“. По мнѣнію нѣкоторыхъ благочинныхъ

при каждой церкви должны быть потаенные замѣчатели (фискалы) изъ надежныхъ священно-служителей, кои каждый мѣсяцъ доносили-бы благочинному не только о предосудительныхъ поступкахъ своей братіи, но и малѣйшіе ихъ неисправности. Особенно оригинально въ этомъ родѣ мнѣніе благоч. Бблицкаго. „О худыхъ поступкахъ духовенства, пишетъ онъ, должны доносить благочинному безъ малѣйшей утайки церковники на священниковъ, а священники на церковниковъ, чрезъ сіе, продолжаетъ онъ, выйдетъ круговая повѣрка, почему будутъ другъ друга беречься“.

Четвертая группа мнѣній рекомендуетъ усилить дисциплинарныя мѣры взысканій за нетрезвость, придавъ взысканіямъ характеръ возможно болѣе приличный. Такъ присужденные къ строжайшему выговору за нетрезвость обязаны для выслушанія его лично явиться въ присутствіе консисторіи или духовнаго правленія,—къ положенію поклоновъ—долженъ явиться въ соборный храмъ губернскаго или уѣзднаго города. Нѣкоторые находили цѣлесообразнымъ подвергать извѣстному наказанію и того прихожанина, съ которымъ духовное лицо ведетъ пьянственную компанію. Во время ссылки виновнаго въ монастырь, домашніе его, по мнѣнію бл. Сѣдакова, должны быть лишены выдѣла слѣдуемой имъ части доходовъ. „Жена и дѣти, пишетъ онъ, лишаясь дневнаго пропитанія, симъ столѣ горестнымъ своимъ бѣдствіемъ, могутъ отвратить его отъ пьянства и всѣхъ худыхъ его качествъ и исправить состояніе его жизни“. „Священнослужителей, послѣ всѣхъ мѣръ исправленія продолжающихъ коснѣть въ пьянствѣ, слѣдуетъ, пишетъ сумское духов. правленіе, лишать чиновъ *во вся*“. Мѣры наказаній нетрезвыхъ причетниковъ, это—посылка въ коллегіумъ для исполненія обязанности прислуги,—въ полицію—для городовыхъ, уличныхъ, черныхъ работъ, посаженіе въ цѣпу, тѣлесное наказаніе розгами и наконецъ отсылка въ военную команду для опредѣленія его, куда сама команда присудить.

Остается разсмотрѣть мнѣніе пятой группы. Предварительно замѣтимъ, что въ это самое время, когда составлялись подобныя мнѣнія, духовенство Высочайшею волею было освобож-

дено отъ личной обработки церковной земли. „Какъ всѣ сельскіе священники и церковнослужители, пишетъ благочинный Данѣвскій, по высокомонаршей милости отъ упражненія въ земледѣльчествѣ, яко несвойственнаго ихъ сану. нынѣ уволены, а потому, дабы никто не могъ имѣть случая быть въ гнусной праздности, то слѣдуетъ ихъ неустанно упражнять въ трудахъ, доступныхъ и приличныхъ духовному сану“. „Слѣдуетъ требовать, пишетъ бл. Снѣсаревъ, дабы священнослужители во всякое отъ служенія мірскихъ требъ свободное время найприлежнѣйше занимались чтеніемъ священнаго писанія и всѣхъ толкованій его, какія только существуютъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкѣ“. „Учительные священники, пишетъ изюмское духовное правленіе, обязаны въ каждый воскресный и праздничный день говорить своего сочиненія краткія катехизическія поученія и, списавъ копіи съ нихъ, присылать въ каждый мѣсяцъ въ духовное правленіе, съ обозначеніемъ, кто когда говорилъ“. „Обязать священниковъ, пишетъ бл. Хрисанфтъ Черняевъ, дабы они въ послѣ обѣденное время, во всѣ воскресные и праздничные дни, въ церкви часа по два толковали прихожанамъ, на тотъ разъ добровольно приходящимъ, краткій катехизисъ и книгу о должностяхъ христіанина, Тихона, епископа воронежскаго. Въ простые же дни, лѣтомъ въ церкви, а зимою—въ своихъ домахъ не только священники, но и причетники обучали бы дѣтей прихожанъ въ возрастѣ отъ семи до двѣнадцати лѣтъ. Сей трудъ послужилъ-бы во благо не только духовенству, но и прихожанамъ къ ихъ просвѣщенію и къ исправленію въ нравахъ“. „Настрожайше подтвердить всѣмъ священно-церковнослужителямъ съ подписками, пишетъ волчанское духовное правленіе, чтобы они въ церквахъ своихъ сколько можно чаще и по крайней мѣрѣ каждую недѣлю три дня отправляли церковную службу, какъ-то: вечерню, утреню и литургію“. „Литургія, пишетъ благочинный Спѣсивцевъ, весьма полезное средство къ одолѣнію страстей и похотей. Черезъ частое совершеніе литургіи усиливается въ священникѣ любовь къ Богу, а при любви къ Богу не будетъ уже ни времени, ни охоты къ страсти пьянства, а если и возсталъ-бы эта страсть,

то тотъ часъ душевною крѣпостію будетъ ослаблена“. Изюмское духовное правленіе совѣтуетъ духовенству въ свободное время заниматься работами: иконописною, столярною, токарною, переплетомъ книгъ и т. п. Ахтырское духовное правленіе рекомендуетъ духовенству изъ отраслей домашняго хозяйства въ особенности садоводство и пчеловодство. „Изъ опыта и примѣченныхъ между людьми склонностей, пишетъ благочинный Свѣсаревъ, усмотрѣно, что пьянство и другіе пороки происходятъ болѣе отъ праздности, слѣдственно къ отращенію оныхъ потребно дабы временемъ священно-церковнослужители имѣли и тѣлесную работу приличную, относящуюся къ хозяйственному домостроительству и пристойное въ домѣ руководіе, якоже апостолы дѣлающе своими руками“.

Представляемъ наконецъ мнѣніе преосвященнаго Христофора. „Неоспоримая истина, пишетъ онъ, что и между самими учениками Спасителя міра не всѣ одинаково располагали свои дѣянія, не всѣ поступки свои соображали соотвѣтственно святѣйшей Его волѣ и желанію. А сіе и заставляетъ мыслить, что сколько строго не испытывали-бы архипастыри поступающихъ въ духовный санъ людей, сколько сильно не внушали-бы, наставляли и увѣщевали ихъ о честномъ себя поведеніи, нельзя однако въ семъ усѣять такъ, чтобы всѣ безъ исключенія и всегда были въ должностяхъ исправны, въ поведеніи честны и трезвы. Можетъ ли чіе либо наставленіе и вразумленіе быть настолько убѣдительно и сильно, какъ наставленіе, взятое отъ слова Божія и выраженное въ ставленныхъ грамотахъ, даваемыхъ священно-церковнослужителямъ при ихъ производствѣ въ чины, и которыя грамоты они обязуются подпискою читать еженедѣльно? Но если мы оставимъ Спасителево и апостольское наставленіе объ исправленіи виновныхъ въ духѣ кротости, а станемъ опредѣлять за каждый проступокъ очень строгое наказаніе, то кажется мнѣ, что чрезъ сіе умножится токмо число преступниковъ. Если же учредимъ сверхъ благочинныхъ надъ каждымъ причтомъ фискаловъ, то кажется усугубится одна только клевета, вражда и нерѣдко невинныя несчастія. Я сильно удостовѣряюсь, да и всякому извѣстно, что никакому благочинному нѣтъ средствъ,

нѣтъ никакихъ возможностей содержать на всякое время вѣдомство свое въ равновѣсіи благоправія и трезвости, если не будетъ поселено въ сердце каждаго служителя церкви благороднаго честолюбія сею, такъ сказать, внутренняго и всегдашняго наставника и руководителя къ порядочной жизни. Не ясно-ли доказываетъ сію истину не изъ дворянъ вновь произведенный изъ унтеръ-въ оберъ-офицерскій чинъ? Онъ въ тотъ же часъ перемѣняетъ прежнее свое поведеніе, обхождение и въ то же самое время какъ бы сосуществляется съ его духомъ и совѣстію нѣкое благородное мнѣніе, что всякая и потаенная нелѣпость оскорбляетъ честь возложеннаго на немъ благородства. Съ похвальнымъ ревнованіемъ онъ неопустительно старается во всѣхъ своихъ дѣлахъ представить свои поступки, свое поведеніе, свое обращеніе въ такомъ видѣ, въ какомомъ мнѣніи и уваженіи въ обществѣ чинъ его. Словомъ сказать, по облеченіи наружности его въ благородство, какъ бы облачается купно въ оное и душа его. Премногіе въ доказательство сея истины дадутъ примѣры слободская губернія и вообще украина. Приводимъ главнѣйшіе: такъ прошедшее здѣсь въ упадокъ древнее дворянское поколѣніе употребляемо было въ общіе и одинаковые съ простыми козаками службы и наряды, по каковому неотличенію и неуваженію ихъ благородства, не отличались и они сами отъ простолюдиновъ въ поведеніи своемъ, а располагали себя сообразно съ мнѣніемъ объ нихъ простонародномъ и вели себя, какъ простые козаки, не стыдясь нерѣдко и самихъ безчинствъ. Но коль скоро по депутатской комиссіи разборъ дворянства была восстановлена ихъ прерогатива, такъ скоро, сообразно общему о благородствѣ мнѣнію, перемѣнили они и жилище и одѣяніе и обхождение и образъ жизни и поведеніе свое; изъ одинаго, такъ сказать, чувства къ добру и благородству своему сами по себѣ сдѣлались такими, каковыми общее о благородствѣ мнѣніе требовало. Служители церкви, завися пропитаніемъ своимъ и содержаніемъ отъ добровольнаго даянія прихожанъ, нерѣдко противъ воли и склонностей своихъ въздыхающе принужденными себе находятъ въ образѣ своей жизни соотвѣтствовать быту прихожанъ, опасаясь за

несоображеніе оному презрѣнія, нищеты и гоненія. Добровольнымъ даяніемъ за трудъ свой живутъ и лѣкаря, очень часто происходящіе изъ дѣтей духовенства. Поелику же они поверстаны въ классы, то какъ въ разсужденіи сего, такъ равно и въ разсужденіи нуждъ своихъ, пріемлютъ ихъ господа съ уваженіемъ и почтительностію, а сами лѣкари побуждаются отвѣчать поведеніемъ своимъ ихъ пріемамъ и обхожденію съ ними, да и слуги и крестьяне, смотря на господъ своихъ, съ почтеніемъ и уваженіемъ къ нимъ относятся и наставленія и совѣты ихъ съ достовѣренностію пріемлютъ и исполняютъ. Но пріймутъ-ли слуги и крестьяне увѣщанія, наставленія и совѣты, какъ-бы ни были они душеспасительны, отъ такого священника, коего помѣщики и ихъ управители, по нѣкоторому неблагоразумному побужденію, въ обращеніи съ нимъ и уваженіи ставятъ его далеко ниже лѣкаря? А изъ сего открывается государственная польза и нравственная причина, по коимъ прозорливѣйшіе россійскіе законодатели, лѣкарей, неимѣвшихъ прежде никакихъ классовъ, удостоили прерогативъ оныхъ и личнаго дворянства. Малороссійскіе священники, пользующіеся по статуту правомъ шляхетства и пріемъ въ наукахъ образованные обращаются съ чиновниками и вельможами безъ раболѣпства и безъ робости и, бывъ принимаемы ими соотвѣтственно ихъ шляхетству, понимаютъ ихъ о себѣ благородное мнѣніе, коимъ и удерживаются въ предѣлахъ трезвости, честности и благонравія, яко благородные и яко уважаемые пастыри. Престолюдины, кои управляются одними примѣрами, видя почтеніе и уваженіе благородныхъ къ іереямъ, съ своей стороны уважаютъ и почитаютъ ихъ, нравоученія ихъ и наставленія съ почтеніемъ и послушаніемъ пріемлютъ и не дерзаютъ домогаться требовать отъ нихъ участія въ низкой ихъ компаніи. Да и сами священники, опасаясь оскорбить благородныхъ о себѣ такое мнѣніе и унижить свое благородство и свою ученость, взаимно остерегаются входить съ престолюдинами въ низкое обращеніе и компаніи, подъ опасеніемъ потерять знакомство и компанію съ людьми благородными. Вотъ въ чемъ обрѣтается нравственная причина, которая руководствуетъ и удерживаетъ дворянъ-іереевъ

въ ихъ кругу и въ прохожденіи званія своего со всякою благопристойностію, честностію и трезвостію! А по такимъ соображеніямъ, само собою, по моему мнѣнію, открывается нижеслѣдующее ближайшее, наисильнѣйшее и существеннѣйшее средство къ удержанію духовнаго сана въ кругу честности, благородства и трезвости: исходатайствовать отъ Государя Императора Павла I-го бѣлому духовенству російскому право дворянства, назначивъ каждой степени священно-церковнослужительства приличные классы. Благочестивѣйшій Монархъ своимъ указомъ отъ 18 декабря 1797 г. уже осчастливилъ бѣлое духовенство, даровавъ ему право на полученіе за свои заслуги разныхъ высокихъ наградъ, но милости царевы не имѣютъ предѣловъ“¹⁾.

Первая награда, кою епархіальная власть, въ описываемое время поощряла особые труды и заслуги духовенства, былъ набедренникъ. Эта награда весьма желательна была каждому священнику, какъ отличающая его отъ прочихъ рядовыхъ собратій, но она жаловалась съ большою разборчивостію. Преосвященный Христофоръ возлагалъ набедренникъ исключительно на такихъ лицъ, которые, при похвальномъ поведеніи, довольно долгое время (12—18 лѣтъ) съ особымъ раченіемъ исполняли должность увѣщателя колодниковъ, или депутата, или благочиннаго, или проявили рачительную заботу въ построеніи храма. Особенно цѣнилось отличное усердіе въ проповѣданіи слова Божія: такъ, ахтырское духовное правленіе, ходатайствуя предъ преосвященнымъ о награжденіи набедренниками священниковъ Джунковского и Рубашевского, указывало главнымъ образомъ на то, что эти священники заявили себя искусными въ проповѣданіи слова Божія. Христофоръ далъ такую резолюцію: „вызвать ко мнѣ помянутыхъ священниковъ для написанія проповѣдей и тогда послѣдуетъ разсмотрѣніе о награжденіи ихъ возможными отличіями“. Священнику Джунковскому тутъ же въ своемъ домѣ, онъ велѣлъ написать проповѣдь на слова апостола, взятыя изъ 1-го посланія къ коринѳянамъ главы 15-й ст. 19-го, а Рубашевскому изъ того же посланія главы 4-й стиха 15-го. Проповѣди

¹⁾ Дѣло X. Д. Конс. 1800 г. № 20.

написаны были удовлетворительно и онъ наградилъ ихъ набедренниками. Другая награда—это степень протопресвитерскій. Протоіерейство было неотъемлемою принадлежностію настоятелей соборовъ уѣздныхъ городовъ. А на такія мѣста назначались самые лучшіе люди, такъ сказать, цвѣтъ духовенства. Кромѣ настоятелей соборовъ, протоіерейскимъ саномъ были достаиваемы присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ, а изъ сельскаго духовенства благочинные, прослужившіе съ отличіемъ 20—30 лѣтъ въ этой должности. Изъ вѣдомостей за 1802 года мы видимъ, что, въ числѣ 745 наличныхъ тогда священниковъ, протоіеревъ въ Харьковѣ было 3, въ уѣзныхъ и заштатныхъ городахъ 19, въ слободахъ 6. Въ Харьковѣ въ 1810 году считалось, кромѣ протоіереевъ кафедральнаго и городского собора, девятнадцать священниковъ, но между ними только одинъ приходскій имѣлъ санъ протоіерея. Степень протопресвитерская, въ лицѣ настоятелей собора, въ то время давала нѣкоторыя привиллегіи. Такъ, настоятель собора уѣзднаго города въ то же время былъ первоприсутствующимъ въ духовномъ правленіи, благочиннымъ и законоучителемъ уѣзднаго училища. Уѣздные дворяне и гражданскіе начальники относились къ нему съ особымъ почетомъ. Нерѣдко вліяніе его простиралось на цѣлый уѣздъ, его приглашали на всѣ церковно-общественныя торжества, какія случались въ уѣздѣ. Бывая по дѣламъ службы въ консисторіи, онъ имѣлъ здѣсь стулъ наравнѣ съ присутствующими. Какъ настоятель собора, онъ былъ свободенъ отъ седмичнаго служенія и изъ братской кружки на нѣсколько процентовъ получалъ больше рядовыхъ священниковъ. Къ одной и той-же церкви приходской, при которой уже состоялъ на лицо протоіерей, другого священника, его товарища по церкви, въ этотъ санъ не производили. Считали это нарушеніемъ церковнаго благочинія и порядка. О производствѣ въ протоіерея извѣстнаго лица, о переводѣ его на другое мѣсто, о смерти его архіерей обязанъ былъ доносить св. Синоду особымъ рапортомъ. Палица—это была самая высшая и самая послѣдняя награда, которою лично располагали архіереи, награждая духовенство. Почетное это отличіе имѣли немногіе изъ настоя-

телей соборовъ. Украшенные палицею—это были, какъ видно изъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ имъ, сѣдовласые старцы, давно уже трудившіеся и заявившіе себя своею ученостію и сановитостію, старцы отличные по назидательной жизни, искусству въ проповѣданіи слова Божія и опытные канонисты. Вотъ, что мы читаемъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ протоіерею Іосифу Погорлевскому, на право ношенія палицы. „По благодати дару и власти всесвятаго Духа, даннѣй намъ отъ самаго великаго архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, судили мы протоіерея Іосифа Погорлевскаго удостоить палицы въ воздаяніе тридцати-пяти лѣтней его службы, за его трудолюбіе въ проповѣданіи слова Божія, пастырскій примѣръ благо нравія, за долговременное и старательное прохожденіе должности первоприсутствующаго въ Изюмскомъ духовномъ правленіи, за усмотрѣнный нами отличный порядокъ и точность въ отправленіи текущихъ въ ономъ правленіи дѣлъ и наконецъ за должное благочиніе въ управленіи порученнаго вѣдомству его духовенства. Сего 1806 года Іюля 1-го мы возложили на него палицу, по чину православной церкви въ Харьковскомъ Покровскомъ соборѣ, съ тѣмъ чтобы онъ ее имѣлъ всегда на себѣ и во время церковнаго служенія употреблялъ на основаніи снудальнаго указа (18 декабря 1797 г.) по примѣру игуменовъ. Во увѣреніе чего дано сіе свидѣтельство за рукою нашею и при нашей печати“¹⁾. Императоръ Павель, желая чтобы бѣлое священство „имѣло образъ и состояніе важности сана соотвѣтственные“, призналъ за благо разрѣшать, по особымъ представленіямъ, бѣлому духовенству употребленіе фіолетовыхъ скуфей, камлавокъ, наперсныхъ крестовъ, митръ и орденовъ. Святѣйшій снудъ, по поводу предоставленнаго Государемъ духовенству права на полученіе знаковъ отличія, въ циркулярномъ указѣ своемъ разъяснилъ духовенству, что удостоиваемые *высокомонаршихъ отличностей* *одоужаются* усугубить свою ревность объ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей²⁾. Спустя года три послѣ учрежденія наградъ, св. Снудъ предписалъ архіереямъ выда-

¹⁾ Дѣло Конс. 1806 г.

²⁾ Указъ св. Снуда отъ 24 марта 1799 г.

вать всѣмъ, получившимъ награды, письменныя свидѣтельства, которыя, какъ сказано въ указѣ, могутъ служить, не только удостовѣреніемъ каждаго награждаемого объ отличныхъ его дѣяніяхъ, но и *примѣромъ къ побужденію потомства изъ къ ревностному исполненію своей должности* ¹⁾. Первое представленіе св. Синода духовныхъ лицъ Императоръ Павелъ утвердилъ въ 1798 году и первый изъ украинскаго духовенства, удостившійся получить золотой наперсный крестъ былъ Харьковскій протоіерей А. Прокоповичъ. Въ первые годы по установленіи высочайшихъ наградъ, въ некоторыхъ лицамъ изъ духовенства приходилось получать фіолетовую скуфью въ то время, когда они уже имѣли санъ протоіерея и даже палицу. Такъ, протоіерей Ѳеодоръ Щербинскій, настоятель Ахтырскаго собора и первоприсутствующій, человѣкъ учительный, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Христофора, на 5-мъ году священства былъ произведенъ въ санъ протоіерея, на 22 году получилъ палицу, а синодальною скуфіею былъ награжденъ въ 1801 году, спустя пять лѣтъ послѣ полученія палицы. Въ это время ему было болѣе 50 лѣтъ. Дворянинъ, питомецъ Кіевской духовной академіи, благочинный Ахтырскаго вѣдомства, протоіерей Покровскаго собора, Максимъ Яновскій получилъ синодальную скуфью также спустя нѣсколько лѣтъ послѣ полученія палицы, имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. Такія должностныя лица, какъ ключарь протоіерей Афанасій Могилевскій или членъ консисторіи и градской благочинный протоіерей Іоаннъ Курасовскій, за все время епископства Христофора, не имѣли ни одной синодальной награды. О камилавкѣ, которую настоятель Валковскаго собора, протоіерей Снѣсаревъ, въ 1811 г. получилъ, по ходатайству попечителя Харьковского университета гр. Потоцкаго, за его труды по училищу, преосвященный Филаретъ замѣчаетъ, что это камилавка была *первая* тогда во всей Харьковской епархіи ²⁾. И дѣйствительно первая: этой награды не имѣлъ протоіерей градскаго собора Прокоповичъ, хотя уже имѣлъ наперсный крестъ и орденъ св. Анны 2 степ.; камилавку онъ получилъ уже при преем-

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 19 декабря 1803 г.

²⁾ Историко-статистич. опис. Х. епар. Отдѣлъ II, стр. 222.

никъ Христофора—преосвященномъ Аполлосѣ въ 1814 году, на 58 году жизни. Протоіерей Снѣсаревъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ, спустя 15 лѣтъ по полученіи камиллави. Протоіерей Максимъ Яновскій получилъ золотой крестъ на 41 году священства. „Его императорское величество, во вниманіе на сороколѣтнее и безпорочное служеніе ваше, писалъ ему министръ Дмитрій Трощинскій, засвидѣтельствованное Его Величеству преосвященнымъ Амвросіемъ, митрополитомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, всемилостивѣйше пожаловать вамъ изволилъ золотой крестъ, на таковой же цѣпочкѣ, который при семъ препровождая, особливимъ удовольствіемъ себѣ поставляю поздравить васъ, ваше высокопреподобіе, съ таковою Монаршею милостію“¹⁾. Въ описываемое время, полученіе какой либо изъ установленныхъ императоромъ Павломъ наградъ составляло въ тогдашнемъ духовномъ мірѣ, по своей новизнѣ и своего рода рѣдкости, эпоху, такое явленіе, которое производило особое впечатлѣніе, какъ выходящее изъ обычнаго теченія жизни. Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, что нѣкоторыя изъ наградъ, напр. орденъ Анны 2 ст., или крестъ наперсный присылались, за кабинетными печатами, прямо на имя того лица, который получалъ награду и что всего важнѣе—при Высочайшемъ рескриптѣ. Самое возложеніе награды происходило въ градскомъ соборѣ, при большомъ стеченіи народа. Тогда жалуемые духовнымъ лицамъ ордена надѣвались ими, при отправленіи богослуженія, поверхъ священныхъ облаченій. Совершивъ возложеніе, Христофоръ въ нѣсколькихъ словахъ, тутъ-же привѣтствовалъ получившаго награду, а послѣдній благодарилъ преосвященнаго особою на этотъ разъ сочиненною рѣчью. Были примѣры, когда сами священники просили себѣ награды. Такъ, священникъ сл. Тарановки Алексѣй Лебединскій въ 1800 г. просилъ Зміевское духовное правленіе представить его архіерею къ награжденію во уваженіи, что онъ 26 лѣтъ священствуетъ со всевозможнымъ стараніемъ, прилежаніемъ и ревностію, всегда руководствуетъ прихожанъ своихъ какъ примѣромъ, честностію и благонравнымъ поведеніемъ, такъ и проповѣдями. „Принявъ

1) Архивъ Хар. Дух. Конс. 1802 г. ноября 5, № 126.

во уваженіе, пишетъ Христофоръ, прописанныя въ семь доношеніи Зміевского правленія заслуги священника Лебединскаго, его ученость, его долговременное и усердное прохожденіе священническаго званія, ревность къ вѣрѣ и неусыпную попечительность о врученной ему паствѣ, также примѣрную его добродѣтель въ поведеніи и родительскую тщательность въ воспитаніи своихъ дѣтей, по всему оному сужу, что таковая достохвальная отличность его между священствомъ по справедливости достойна моего вниманія и награжденія по законамъ. Для того представить его, священника Лебединскаго, на 29 іюля къ посвященію въ протоіерея для соборнаго отправления священнодѣйствія въ трехъ—приходной слободѣ Тарановкѣ Архангельской церкви, при которой онъ, Лебединскій, находится“. Другой примѣръ: Ахтырской Архангельской церкви священникъ Федоръ Александровъ въ 1803 г. пишетъ Христофору: „посвященъ я, нижайшій, во священника въ 1779 г. и потому священствую 24 г., въ числѣ сихъ годовъ пять лѣтъ былъ десятоначальникомъ, четыре года депутатомъ, для чего, въ награжденіе таковой моей службы и трудовъ моихъ, прошу уничиженнѣйше удостоить меня предъ прочими священниками отличія“. Христофоръ наградилъ его набедренникомъ. Села Высочиновки священникъ, Дмитрій Сильвановскій пишетъ преосвященному Христофору: „я, нижайшій, въ 1776 г. вступилъ въ коллегіумъ, гдѣ 11 лѣтъ обучался и три года былъ въ богословіи. Съ 1787 года по настоящій 1801 годъ священникомъ, съ 1790 года десятоначальникомъ и присутствующимъ въ Зміевскомъ духовномъ правленіи, а съ 1792 года депутатомъ, упражнялся въ проповѣданія слова Божія собственныхъ моихъ сочиненій и имѣлъ возложенное попеченіе при постройкѣ Архангельской церкви въ слободѣ Высочиновкѣ. Того ради прошу сіе мое прошеніе уважить и о награжденіи меня за выше прописанные мои труды учинить милостивое архипастырское благоразсмотрѣніе“. „Съ уваженія, писалъ Христофоръ, какъ на ученіе просителя священника Дмитрія Сильванскаго, такъ и на исправное, при похвальномъ поведеніи, исправленіе возлагаемыхъ на него должностей и тщательное прохожденіе священническаго званія, опредѣляю: представить

его, Сильванскаго на 6 число сего теченія мѣсяца, для чего повелѣтъ ему на упомянутое число приготовиться къ священнослуженію въ здѣшнемъ градскомъ соборѣ“¹⁾). Изъ представленныхъ немногихъ примѣровъ нельзя не видѣть, что въ оцѣнкѣ заслугъ, при награжденіи, Христофоръ особое значеніе давалъ образованію, неучительныхъ священниковъ онъ совсѣмъ не награждалъ. Обращался къ нему за наградой, города Краснокутска священникъ, Іоаннъ Ильинъ. Изъ прошенія видно, что онъ священствуетъ съ 1762 года, т. е. 42 года, въ 1784 году лично испросилъ деньги и вновь перестроилъ церковь и украсилъ ее утварью. „Того ради, писалъ онъ, прошу къ одобренію въ прохожденіи дальнѣйшихъ услугъ и въ воздаяніе за долговременную службу мою отличить меня отъ прочихъ іереевъ по архипастырскому благоразсмотрѣнію награжденіемъ“. Резолюція послѣдовала такая: „такъ какъ священникъ Ильинъ въ школѣ не обучался, должностей никакихъ, кромѣ приходской своей, не несъ, ни по комиссіямъ отражаемъ не былъ, а потому къ награжденію его набадренникомъ причинъ не нахожу, тѣмъ паче, что таковыя почести относятся до учительнаго духовенства и для того ему, Ильину, въ просьбѣ его отказать“²⁾). Настоятель Харьковской Христо-рожденственской церкви протоіерей Зимовскій просилъ Христофора представить его къ знаку отличія изъ установленныхъ Высочайшимъ указомъ для блага духовенства почестей и при этомъ представилъ просьбу и одобреніе своихъ прихожанъ. Вотъ что отвѣчалъ Христофоръ на это прошеніе: „такъ какъ протоіерей Зимовскій неучень, а указомъ св. Синода 1798 года велѣно представлять тѣхъ, кои преимущественно ученостію и отличными заслугами заслуживаютъ вниманіе начальства, притомъ бывшіе его труды уже достаточно награждены протоіерействомъ и палицею. Если же прихожане его дали о немъ одобреніе, то сдѣлали сіе по незнанію силы указа св. Синода отъ 22 Марта 1800 года. Указомъ-же симъ тѣхъ людей, кои желаютъ отличій достигнуть происками и просьбами постороннихъ лицъ велѣно счи-

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1801 г., № 4.

²⁾ Дѣло Конс. 1808 г.

татъ подозрительными и лишенными надежды къ полученію награды“. Для низшихъ членовъ причта—причетниковъ, единственной наградой служила церковная одежда—стихарь. Стихарь это было завѣтное желаніе пономаря и дячка. Стихарь нагляднымъ образомъ выдѣлялъ ихъ изъ толпы и давалъ имъ въ глазахъ прихожанъ нѣкоторое священное значеніе. Но эта награда получалась далеко труднѣе, чѣмъ теперь. Пряматоръ въ стихарь обязанъ былъ представить одобреніе отъ причта и прихожанъ и аттестацію духовнаго правленія о званіи причетническихъ предметовъ. Засимъ онъ держалъ экзаменъ въ толковомъ чтеніи, краснописаніи, знаніи церковнаго устава и въ пѣніи простомъ и нотномъ. По сдачѣ экзамена, очъ снова отсылался къ экзаменатору для изученія истолкованія ему причетнической грамоты. Послѣ исповѣди и принятія присяги слѣдовалъ допросъ въ консисторіи, гдѣ давалъ подписку точно исполнять причетническія обязанности. Эта процедура длилась иногда недѣли двѣ, три и болѣе.

Отличительный характеръ мѣръ взысканія и исправленія, коимъ за время Христофора подвергались лица духовнаго званія по епархіальному суду, это ихъ суровость и публичность. Такъ *изверженіе по суду изъ священническаго сана* (случаевъ добровольнаго сложенія священнаго сана или совсѣмъ не было тогда, или же были весьма рѣдки) производилось при слѣдующей обстановкѣ. По повѣсткѣ консисторіи, сюда собирались тѣ изъ клира, которые въ это самое время состояли подъ судомъ за разные пороки и жили въ Харьковѣ, выжидая рѣшенія суда. Здѣсь цѣль была та, „дабы видя на собратѣ своемъ примѣръ законнаго наказанія удерживали бы себя отъ подобныхъ законопротивныхъ проступковъ“. Присужденный за пороки къ исключенію изъ священства призывался въ присутствіе консисторіи, двери котораго въ это время были открыты. Секретарь, въ присутствіи всѣхъ членовъ консисторіи, читалъ экстрактъ дѣла и опредѣленіе консисторіи, утвержденное Синодомъ. Подсудимый, выслушавъ рѣшеніе Синода, снималъ рясу и надѣвалъ простое мужицкое платье. Проставъ консисторіи тутъ-же обрѣзывалъ ему волосы. Послѣ этого отбиралась у него подписка въ томъ, что онъ, какъ лишенный

священства *во вся*, впредь не будетъ называться чиномъ священника, не будетъ рясы носить, рукою благословлять и проч. Наконецъ приставъ, при отношеніи консисторіи, отправлялъ его въ губернское правленіе для написанія въ подушный окладъ. Лишенный сана оставался на всю жизнь извѣстенъ на языкѣ народномъ подъ позорнымъ наименованіемъ разстриги. Достоиню вниманія, что Христофоръ причетника за двоеженство исключалъ изъ списка священнаго чина, или, по нынѣшнему выраженію, изъ духовнаго званія. Такъ поступалъ на основаніи слѣдующаго апостольскаго правила (17): „кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, тотъ не можетъ быть въ спискѣ священнаго чина“. Въ настоящее время не по строгому, а по снисходительному примѣненію сего правила дѣлается то, что причетникъ—двоеженецъ не исключается изъ духовнаго званія, а остается при мѣстѣ, только ему возбраняется употреблять стихарь и входить въ алтарь.

Другое не менѣ позорное наказаніе было—это *посаженіе* подсудимаго *въ цѣпу*. Цѣпи употреблялись разныя: ручныя и ножныя, большія и малыя. Цѣпи хранились въ сторожевской избѣ, при консисторіи, и числились въ числѣ необходимыхъ статей канцелярскихъ расходовъ. Преступленіе, которое въ большинствѣ случаевъ влекло за собой присужденіе къ посаженію въ цѣпу,—это пьянство, соединенное съ буйствомъ. Такъ священникъ Харьковской Вознесенской церкви Ѡ. М., за причиненныя въ нетрезвомъ видѣ ругательства и обиды товарищу своему по церкви и прихожанамъ, „въ исправленіе его самаго и въ страхъ другимъ, былъ задержанъ на сутки въ сторожевской избѣ на цѣпу“ ¹⁾. Пономарь Бѣловодской Троицкой церкви В. за обращеніе во всегдалнемъ пьянствѣ и буйствѣ былъ присужденъ консисторіею къ посаженію на нѣсколько дней въ цѣпу ²⁾. Дьячекъ Харьковской Муроносицкой церкви въ пьяномъ видѣ пробилъ голову женѣ священника Копьева. На время слѣдствія онъ содержался въ цѣпи, бывъ прикованъ къ ней за шею. Цѣпь, впрочемъ, настолько была неисправна,

¹⁾ Архивъ Дух. Конс. 1805 г. № 67.

²⁾ Дѣло Конс. 1800 г.

что подсудимый, какъ донесъ благочинный, отперъ ее палкой и во время ночи бѣжалъ¹⁾. Монастырская епитимія была известна въ то время подъ названіемъ ссылки въ монастырь подъ началь. Время ссылки обозначалось опредѣленнымъ срокомъ на годъ, а иногда и на два, или неопредѣленнымъ— „до указа“, „донеже въ чувствіе придетъ“. Этому наказанію духовенство подвергалось чаще всего за проступки по дѣламъ брачнымъ. Такъ, священникъ г. Сумъ Ильинской церкви Михайлъ Чернявскій въ 1800 году повѣнчалъ козака Тимофея Будника, при жизни жены его Параскевы, съ другою дѣвицею Іуліаніею Кукловою,— повѣнчалъ, сдѣлавъ предварительно *олашение*, а также исполнивъ и всѣ прочія практиковавшіяся тогда предостерегательныя правила. Консисторія постановила: священника Чернявскаго опредѣлвть въ куряжскій монастырь на два года, съ запрещеніемъ ему одинъ годъ священнослуженія и ношенія рясы, употребляя его въ монастырскіе труды, а на другой годъ оставить его только при исполненіи церковныхъ обязанностей по клиросу. Христофоръ на это постановленіе консисторіи положилъ такую резолюцію: „весьма достойно и праведно исполнить по сему мнѣнію консисторіи“. Обыкновенно подначальный въ одномъ подрясникѣ стоялъ при входѣ въ храмъ наряду съ крестьянами, исполнявшими монастырскую епитимію, по приговору гражданскаго суда. Самые труды монастырскіе были нерѣдко далеко несоответственны силамъ епитимійца. Священникъ г. Купянска Михайлъ Поповъ въ 1810 г. жалуется Христофору, что онъ три мѣсяца наравнѣ съ простыми рабочими копалъ рвы вокругъ куряжскаго монастырскаго лѣса и дуга, отчего сдѣлалась у него сильная въ головѣ болѣзнь съ такимъ безпрестаннымъ шумомъ, что онъ туго теперь слышитъ и плохо видитъ и всякую ночь угнетаетъ его лихорадка. Самая, такъ сказать, обычная мѣра наказанія была — *поклоны*. Число поклоновъ было различно (отъ 150 до 1000), но въ одинъ разъ подагали не болѣе ста. Присужденный къ поклонамъ долженъ былъ положить ихъ въ въ алтарѣ собора того города, въ уѣздѣ котораго онъ жилъ, а причетникъ—на солеѣ предъ мѣстною иконою. Случалось

¹⁾ Дѣло Конс. 1804 г.

что священникъ вызывался для этого въ Харьковъ. Крестовый іеромонахъ стоялъ тутъ-же и затѣмъ, по исполненіи епитиміи, доносилъ о семъ консисторіи. Такъ, священникъ Поповъ, за отправленіе требы въ чужомъ приходѣ, долженъ былъ въ алтарѣ богодуховскаго собора положить 150 поклоновъ, священникъ Шебатинскій за то, что на молебнѣ въ церкви произнесъ многолѣтіе послѣ государя и архіерея „себѣ и другимъ кому не надлежало“, положилъ 1000 поклоновъ въ кафедральномъ соборѣ. Благочинный, въ силу инструкціи, имѣлъ право священника поставить на колѣни въ алтарѣ, а діакона—въ церкви и даже на паперти. Наконецъ, практиковалось за время Христофора еще слѣдующее довольно оригинальное наказаніе, это—стояніе въ теченіи нѣкотораго времени, при отправленіи торжественныхъ молебновъ и панихидъ и вообще при соборномъ служеніи, ниже того мѣста въ ряду священниковъ, какое, по своимъ заслугамъ, занималъ прежде. Слишкомъ строги и суровы намъ теперь кажутся подобныя мѣры взысканія и исправленія, но мы не должны забывать, что таковъ тогда характеръ наказаній былъ и въ гражданскомъ судѣ. Кромѣ сего, для духовенства христофоровскаго времени, которое выросло и воспиталось подъ руководствомъ дисциплинарныхъ мѣръ второй половины XVIII вѣка, несравненно болѣе суровыхъ и жесткихъ, помянутыя мѣры не были для него чѣмъ либо необычнымъ. Тогда въ области церковнаго суда почти вездѣ существовалъ деспотизмъ власти. Провинившійся священникъ еще не былъ осужденъ судомъ, но его уже бросали въ подвальную тюрьму, или заковывали въ цѣпи или ножныя колодки: „сего пона, писалъ архіерей, взять въ цѣпь до нашего рѣшенія“. Тогда труды епитимійцевъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ соединялись далеко съ большимъ страданіемъ и униженіемъ для духовенства. Тѣлесное наказаніе священно-церковно-служителей плетью и кнутомъ въ 1800 году было еще въ ходу. „Наказываемый укладывался такъ, пишетъ Д. И. Ростиславовъ¹⁾, чтобы владыка, не вставая съ дивана, могъ своими глазами видѣть, плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкли причетниковъ, за-

¹⁾ Русск. Стар. 1894 г., октябрь, стр. 102.

тѣмъ дьяконовъ, но не давали спуска и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ: „у! жарко, бывало, дрожь пробѣгала по тѣлу“. Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови. И такъ наказывали священно-церковно-служителей не только за уголовныя преступленія, но и съ цѣлю исправительною. И дѣло это было самое обыкновенное, никто не удивлялся и не возмущался. Государь Александръ I, вступивъ на престоль, осудилъ эти порядки. Въ первый же годъ своего царствованія онъ освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія по суду тѣхъ священно-служителей, кои имѣли несчастье впасть въ уголовныя преступленія. И главнымъ побужденіемъ къ сему у Государя было желаніе „дать примѣръ уваженія къ священному сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть, болѣе другихъ свойственно“. Русское духовенство, движимое чувствами благодарности къ Государю Императору, за такое его благодѣяніе тогда же принесло молебствіе Господу Богу о многолѣтнемъ здравіи Его Величества съ цѣлодневнымъ звономъ. Этотъ Государь, постоянно оказывавшій знаки уваженія къ священно-служителямъ и благоговѣнно лобызовавшій благословляющую руку каждаго сельскаго священника, который искренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его на паперти своей церкви, повелѣлъ св. Синоду предписать архіереямъ, „чтобы съ людьми духовнаго званія во всѣхъ случаяхъ начальники духовные поступали съ благоразумною кротостію и обходились умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію“. И мы видимъ, что уже за время Христофора, особенно во вторую половину его службы на епископской каѳедрѣ, мѣры взысканій начали терять свою публичность и суровость. Такъ, случаи лишеній сана стали бывать рѣже. Причина сему та, что прежде епархіальное начальство, само, своею властію, лишало виновныхъ священнаго сана, теперь же свое рѣшеніе о томъ оно должно было представлять на разсмотрѣніе и утвержденіе

св. Синода. Съ 1805 года посаженіе въ цѣпу вовсе не практиковалось, Христофоръ только грозилъ этимъ наказаніемъ явнымъ и упорнымъ ослушникамъ его воли. Были примѣры, когда консисторія присуждала виновнаго къ положенію покलों, числомъ нерѣдко въ нѣсколько сотъ, а Христофоръ это назначеніе замѣнялъ денежными штрафами или выговорами, низведеніе въ причетники, — монастырскою епитимією, отрѣшеніе отъ мѣста, — переводомъ на другое мѣсто и т. п. Были случаи, когда Христофоръ, не предавая виновнаго консисторскому суду и слѣдствію, самъ налагалъ довольно снисходительное наказаніе единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы виновный воспользовался онымъ, какъ средствомъ къ своему исправленію. Самыя резолюціи Христофора, коими онъ опредѣлялъ наказанія, нерѣдко сопровождались отеческими наставленіями и вразумленіями. Изъ многихъ подобныхъ резолюцій приводимъ для образца слѣдующую. „Какъ отъ нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ лицъ достойныхъ вѣроятія, пишетъ Христофоръ, дошло мнѣ къ свѣдѣнію, что Изюмскаго уѣзда села Петровскаго Преображенской церкви діаконъ Василій Чайковскій ведетъ себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не соотвѣтственно своему священно-служительскому званію, теряя духовный характеръ свой въ пьянствѣ, въ ссорахъ съ домашними и въ подобныхъ сему непристойныхъ и постыдныхъ поступкахъ, а таковымъ позорнымъ поведеніемъ своимъ жителей таможенныхъ нерѣдко приводитъ къ соблазну, для которыхъ онъ, въ разсужденіи сана своего, долженъ бы быть примѣромъ честнаго и добродѣтельнаго житія: то въ возчувствіе ему, Чайковскому, того, что такая непорядочная его жизнь не только вредна собственной чести и имени его, но и предъ глазами начальства всегда непростительна, перевесть его консисторіи въ другое куда либо селеніе на діаконское же мѣсто по своему разсмотрѣнію, съ дачею ему на оное открытаго указа, обязавъ его въ обѣщаніи лучшаго поведенія строжайшею подпискою. Сіе однако же легкое и довольно снисходительное къ слабостямъ человѣческимъ оштрафованіе, яко первое, пусть приметъ онъ, діаконъ Чайковскій, не иначе, какъ за точное руководство къ своему исправленію, и да будетъ

ему впредь всегдашнимъ напamтованiемъ тѣхъ обязательствъ его званiя, отъ которыхъ онъ распутствомъ своимъ далеко устранился и за неисполненiе которыхъ можетъ онъ потерять и временное и вѣчное свое счастье“¹⁾).

Въ первые же годы управленiя епархiею Христофору пришлось натолкнуться на довольно серьезные неприятности, вызванныя жалобой на него въ св. Синодъ нѣкоторыми священниками. Жалобы эти не всегда были вѣрны дѣйствительности, нерѣдко составлялись подъ влiянiемъ личнаго недовольства, тѣмъ не менѣе, они знакомятъ насъ съ тѣми неурядками въ тогдашнемъ епархiальномъ управленiи, на кои указывало и коими тяготилось духовенство, такъ или иначе желая устранить ихъ. Вотъ что писалъ въ своемъ прошенiи Синоду острогожской округи сл. Поповки Покровской церкви священникъ Ioаннъ Морозовъ. „Преосвященный епископъ Христофоръ резолюцiею своею назначаетъ говорить каждому ученому священнику двѣ проповѣди въ годъ: одну—въ г. Харьковѣ, отстоящемъ отъ моего жилища за 350 верстъ, а другимъ около 500 верстъ. и являться за три или четыре дня до сказанiя проповѣди въ Харьковъ, къ цензору, протоiерю А. Прокоповичу, а послѣ къ нему—Христофору, по введенному обыкновенiю, *кто съ чѣмъ хочетъ*. Другую проповѣдь назначаетъ говорить въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ, отстоящемъ отъ села Поповки въ 80-ти, а отъ другихъ въ 120 верстахъ, и являться къ протоiерю Сумеону Сдѣпинскому также, какъ выше упомянуто, т. е., *кто съ чѣмъ хочетъ*. По сказанiи проповѣди соборный протопопъ Сумеонъ Сдѣпинскiй, имѣя отъ консисторiи указъ объ отправленiи служенiя и иныхъ потребъ, вмѣсто его, всѣми города Острогожска священниками, съ возвращенiемъ ему всѣхъ доходовъ,—оставляетъ нерѣдко меня служить вмѣсто своей очереди. Бывъ сего 1801 г., сентября 12-го, въ ономъ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ для оказыванiя проповѣди, я никакими, даже слезными и многократными прошенiями, не могъ быть уволенъ, представляя въ резонъ крайнюю свою бѣдность, что нечѣмъ содержать ни себя, ни лошадей, но что оный протопопъ угрожалъ представленiемъ меня за против-

¹⁾ Дѣло Конс. 1801 года, дек. 23.

леніе власти, чего я опасаясь, при всей своей бѣдности, принужденъ былъ оставаться. Преосвященный Христофоръ, пишетъ далѣе Морозовъ, при подачѣ отъ просителей и ставленниковъ бумагъ, принимаетъ ихъ *приносы и подарки*, почему иныя, будучи имущественны и честолюбивы, формально подаютъ прошенія объ отличіи ихъ набедренниками или протопопствами, представляя какія нибудь мнимыя свои достоинства и заслуги, каковыхъ у иныхъ совсѣмъ не бывало. Резолюціи преосвященнаго исходятъ въ слободскую консисторію инымъ при самой подачѣ прошеній, а другимъ на четвертый и пятый день, писанныя не собственною его рукою, а только означенныя въ концѣ первоначальными буквами его титула, кои резолюціи въ консисторіи также инымъ скоро, другимъ не скоро объявляются. Только тѣхъ дѣла производятся скоро, кои имѣютъ и не жалѣютъ себя и кошту своего. Издача въ острогожское духовное правленіе метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ отъ самаго бѣднаго прихода становится священнику не менѣе десяти рублей. Протопопъ Сцѣпинскій говоритъ, что ему де самому много стоитъ, издавая оныя въ слободскую консисторію. А какъ таковое распоряженіе и заведеніе преосвященнаго есть для всѣхъ, а равно и для меня тягостно. такъ что весь почти годовыи мой доходъ, состоящій не болѣе какъ въ 60-ти рубляхъ, исходить то на поѣздку для сказыванія проповѣдей въ Харьковъ и Острогожскъ, то на издачу метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ. Для сего покорнѣйше прошу св. Синодъ предписать преосвященному Христофору, дабы для сказыванія проповѣдей въ г. Харьковъ и Острогожскъ, по отдаленности оныхъ, мнѣ не ѣздить, а говорить бы въ своей церкви, а также указать, дабы я зналъ, сколько именно за издаваемыя метрическія и исповѣдныя книги я долженъ платить духовному правленію“. По поводу этой жалобы въ указѣ св. Синода на имя преосвященнаго Христофора читаемъ слѣдующее: „прошеніе священника Морозова писано не по указанной формѣ и притомъ со включеніемъ стороннихъ матерій и поносительныхъ словъ не только на слободскую консисторію и острогожское духовное правленіе, но и на ваше преосвященство, безъ всякаго по силѣ законовъ доказательства, по-

чему онаго, по силѣ узаконеній, принимать и въ дѣйствіе производить не слѣдовало бы, но поелику въ немъ показанъ доносъ, относящійся къ *тисному мизоимству*, чего безъ особливаго вниманія оставить не можно, для того оное прошеніе, на основаніи генеральнаго регламента 19 главы, удержавъ въ св. Синодѣ, послать вамъ указъ и велѣть по жалобѣ его, Морозова, о наносимой ему якобы тягости чрезъ поѣздку въ губернской и уѣздный города, для сказыванія проповѣдей, учинить распоряженіе такъ, чтобы назначеніе изъ таковыхъ отдаленныхъ мѣстъ было-бы безъ отягощенія священникамъ, если вѣрно то разстояніе, какое указано Морозовымъ. Что-же касается до упоминаемыхъ имъ, Морозовымъ, яко принимаемыхъ вашимъ преосвященствомъ *примосовъ и подарковъ*, за что нѣкоторые будто-бы отличаются набедренниками и протопопствами, да и дѣла въ консисторіи производятся скоро тѣхъ только, которые не жалѣютъ кошту своего, также о расходахъ, происходящихъ въ Острогожскомъ духовномъ правленіи на сдачу метрическихъ и исповѣдныхъ росписей по десяти рублей съ священника, о чемъ протопопъ Сцѣпинскій отозвался, что ему самому много стоитъ сдача тѣхъ книгъ въ слободской консисторіи, то вашему преосвященству, потребовавъ о семъ отъ него Сцѣпинскаго и отъ консисторіи особое показаніе, а отъ онаго Морозова противъ того доказательства съ явными доводами прислать все то въ св. Синодъ, объясняя при томъ по самой сущей справедливости и о показуемомъ на васъ“. Что писалъ въ доказательство своего доноса священникъ Морозовъ и что въ защиту консисторія и преосвященный Христофоръ—свѣдѣній мы не имѣемъ¹⁾. Намъ извѣстенъ результатъ другого доноса священника Григорія Штанкевскаго на Христофора. Штанкевскій состоялъ священникомъ при Харьковской Вознесенской церкви. Прадѣдъ его былъ еврей. При крещеніи его воспріимнымъ отцемъ былъ Петръ I-й. Новокрещенный впоследствии былъ стольникомъ и наконецъ полковникомъ. Дѣдъ его былъ священникомъ въ Парижѣ при министрѣ, князѣ Кянтемирѣ, потомъ, при государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ придворнымъ священникомъ, а при Екате-

1) Дѣло Харьк. Дух. Конс. 1801 г.

ринѣ II духовникомъ ея. Священникъ Штанкевскій отличался неугомоннымъ характеромъ. Въ теченіи своей жизни, онъ нѣсколько разъ былъ подъ судомъ и перемѣнилъ нѣсколько приходоѡ. Епархіальная процедура съ Штанкевскимъ довольно характерна въ историко-бытовомъ отношеніи. Она указываетъ, во первыхъ на энергію и довольно видныя способности Штанкевскаго, попавшаго въ несвойственную ему среду, а во вторыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ неистощимомъ терпѣніи Христофора, съ какимъ онъ до послѣдней возможности относился къ безпокойному и опороченному священнику. И тутъ проявлялась не слабость, а великодушная снисходительность. А дабы видѣть, что за личность былъ Штанкевскій, достаточно привести слѣдующую резолюцію Христофора отъ 13 Мая 1803 г. „Къ крайнему огорченію и прискорбію моему многократно уже доходить къ свѣдѣнію моему, что Харьковской Вознесенской церкви священникъ Григорій Штанкевскій съ давняго времени будучи очерненъ многими важными доносами и жалобами и нынѣ состоитъ подъ разными слѣдствіями, не показываетъ ни малѣйшаго расположенія къ исправленію, хотя нѣсколько разъ былъ наказываемъ и обязываемъ въ консисторіи подписками. Потерявъ страхъ Божій и гласъ совѣсти, болѣе и болѣе погружается въ безчувственную развратность, всегда пьянствуетъ, ссорится не только въ частныхъ домахъ, но даже въ самой церкви, заводитъ съ своими причетниками и посторонними драки, товарищу своему дѣлаетъ многія ругательства и наглости, по городу таскается въ пьяномъ видѣ, какъ самъ я это видѣлъ, съ растрепавшими волосами, въ неопрятной и неприличной священнику одеждѣ, вѣнчаетъ непозволительные браки; вмѣшивается въ чужіе приходы и нерѣдко опускаетъ молебствія въ торжественные дни и государственныя панихиды. А такой образъ распутной жизни его, сколько производитъ въ народѣ соблазна, сколько всему честному духовенству дѣлаетъ посямленіе, а начальству огорченіе. Потому, дабы пробудить въ немъ совѣсть и дать ему почувствовать, что всѣ его безчинные поступки превосходятъ уже всякую мѣру терпѣнія, запретивъ ему священнослуженіе, отправивъ его немедленно

въ Старо-Харьковскій Куряжскій монастырь, впредь до рѣшенія всѣхъ производимыхъ въ консисторіи о немъ дѣлъ, предписавъ указомъ благочинному, чтобы онъ употреблялъ его въ монастырскія послушанія по своему усмотрѣнію, а о поведеніи его репортовалъ ежемѣсячно“. Штанкевскій рѣшительно отказался вышолнить эпитимію и остался дома. Тогда Христофоръ сдѣлалъ распоряженіе о заключеніи его въ своемъ Покровскомъ монастырѣ и отдалъ его подъ присмотръ двухъ іеромонаховъ; Штанкевскій пробылъ здѣсь двѣ недѣли и самовольно ушелъ въ свой домъ. На рапортѣ о семъ эконома Христофоръ написалъ: „священника Штанкевскаго, сыскавъ, вызвать въ консисторію допросить, гдѣ онъ шатался и затѣмъ обязать строжайшею подпискою, чтобы онъ не смѣлъ отнюдь отваживаться дѣлать подобныхъ отлучекъ изъ монастыря, *подъ опасеніемъ впредь посаженія въ цѣпю*“. Въ промежутокъ этого времени консисторія представила Христофору дѣло о Штанкевскомъ на 22 листахъ и присудила виновнаго къ дьячковской, гдѣ либо въ селѣ, должности, съ запрещеніемъ священнослуженія. „Полагая надежду, пишетъ Христофоръ на журналѣ консисторіи, что презрѣніе всенародное къ подлымъ его дѣламъ, къ каковымъ довелъ себя Штанкевскій чрезъ свое пьянство, страдающая чрезъ сіе жена его, дѣти, лишенная воспитанія и добраго родительскаго примѣра,—всѣ эти трогательныя обстоятельства будутъ достаточны, при его преклонныхъ лѣтахъ, внушить въ сердце его чувство раскаянія, а потому учинить его свободнымъ отъ дьячковской должности, разрѣшить ему священнослуженіе, давъ ему на волю избрать себѣ, кромѣ Харькова, гдѣ либо въ селѣ священническое мѣсто и притомъ тамъ, гдѣ прихожане принять его пожелаютъ“. Штанкевскій не захотѣлъ искать себѣ такого мѣста, а послалъ жалобы на Христофора: одну въ св. Синодъ, другую—министру юстиціи, Державину. Приводимъ текстъ послѣдней. „Громкая благодѣяніи вашихъ слава разлита повсюду, хранится же и въ сердцахъ, оными оживленныхъ. Сямъ прибѣгая къ покровительству вашему и на меня отъ щедротъ прошу излить лучъ милосердія. Приклони ухо твое ко мнѣ, напатствуемому, и, яко человекѣколю-

бывшій меценавъ, скоро услыши мя. Изъ ревностнаго студента богословія харьковскаго коллегіума, за отѣмнность успѣховъ и добропорядочность моихъ качествъ, я 1777 года произведенъ во священника преосвященнымъ бѣлградскимъ Аггеємъ въ сл. Цареборисовку Изюмской округи. Десять лѣтъ я своимъ коштомъ ежегодно ѣздилъ за 200 верстъ въ Бѣлгородъ, по назначенію онаго епископа, проповѣдывать слово Божіе, а также въ г. Изюмъ. Семнадцать лѣтъ исправлялъ должность благочиннаго, бывъ притомъ присутствующимъ въ изюмскомъ духовномъ правленіи. Архіепископъ Теокистъ перевелъ меня въ Харьковъ къ Вознесенской церкви. И здѣсь я, по благодати Божіей, не послѣдній проповѣдникъ. Но преосвященный слободскій епископъ Христофоръ, не умѣя самъ проповѣдывать слова Божія, ибо отъ него мы никогда не слышали слова въ храмъ Божіемъ, съ меня ругается и нападаетъ столько, что едва могу великодушно переносить. Въ 1802 году безъ всякой моей виновности велѣлъ мнѣ при публикѣ въ соборной успенской церкви предъ мѣстною Спасителя иконою положить 200 поклоновъ, что я исполнилъ. Сего же 1803 года онъ же, епископъ, нагло и безвинно, безъ суда, запретилъ мнѣ священнослуженіе, насильно отрѣшилъ меня отъ церкви, прихода и дома, отправилъ меня въ куряжскій монастырь, а потомъ заперъ въ архіерейскій домъ, не приказалъ никому изъ ближнихъ моихъ приходить ко мнѣ и на мое мѣсто опредѣлить другого. Я же имѣю трехъ сыновъ, обучающихся въ училищахъ, жену и дочь, кои безъ меня могутъ прійти въ жесточайшее и бѣдственное состояніе, но онъ, Христофоръ, ни трудовъ, ни ученія моего, ни заслугъ моихъ не уважая, всѣ мѣры изыскиваетъ еще больше меня обидѣть. Причина же тому, что, когда прispѣтъ праздникъ Рождества и Воскресенія Христова, онъ съ самага прибытія своего въ Харьковъ по всягодно всему града сего духовенству велитъ приходить къ нему съ визитомъ и приносить въ гостинецъ напитки по росписанію на четыре, пять, шесть и семь рублей изъ церковной суммы, въ чемъ ссылаюсь на всѣхъ харьковскихъ священно-церковно-служителей и ктиторовъ, но я не хожу къ нему съ визитомъ на поклоны, за что нахожусь отъ

его, епископа, въ сильномъ гоненіи и разореніи. Преклоня главу мою подъ державное ваше превосходительства покровительство, смиренно прошу: не отврати лица твоего отъ мене, буди мнѣ въ Бога защитителя и въ домъ прибѣжища, еже спасти мя, да среди церкви воспою тя, да прославится имя твое въ родъ и родъ“. Св. Синодъ предписалъ слободско-украинской консисторіи взять отъ Штанкевскаго показаніе съ ясными доводами и свидѣтельствами на содержаніе его жалобы и особенно по доносу, относящемуся до гнуснаго лихоимства и затѣмъ произвести надлежащее слѣдствіе, а до рассмотрѣнія сего дѣла немедленно освободить его, Штанкевскаго, отъ содержанія въ архіерейскомъ домѣ и опредѣлить по прежнему къ тому же, Вознесенской церкви, приходу, съ разрѣшеніемъ ему священнослуженія. Дѣло затѣялось не шуточное, тянулось около двухъ лѣтъ и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ преосвященнаго Христофора, не мало беспокоило его. Спрошенные при слѣдствіи по священству пяти градскихъ церквей священники, на коихъ указалъ Штанкевскій, и церковные старосты—по принятіи присяги, показали, что никогда никто не требовалъ у нихъ денегъ отъ церкви, для приноса преосвященному напитокковъ въ дни праздниковъ и что они являясь съ визитами къ архіерею, никакими подарками никогда не презентовали его. И, при рассмотрѣніи всѣхъ расходныхъ книгъ церквей градскихъ, ни въ одной не оказался записаннымъ расходъ денегъ на покупку напитокковъ преосвященному. Представляя св. Синоду настоящее слѣдственное дѣло и всѣ дѣла, прежде производившіяся о Штанкевскомъ, преосвященный Христофоръ присовокупилъ, что жалоба Штанкевскаго, будто онъ чинилъ ему притѣсненіе, гоненіе и разореніе, есть не болѣе, какъ опытъ его неблагодарности къ тому снисхожденію, какое онъ оказывалъ ему. Что касается приказа его приносить ему разные гостинцы, то объ этомъ и намѣренія у него никакого никогда не было, почему просить св. Синодъ оказать ему правосудное удовлетвореніе, а клеветѣ—должное воздаяніе. Св. Синодъ, принявъ во вниманіе настоящее дѣло и всѣ бывшія прежде и не видя надежды къ исправленію Штанкевскаго, опредѣлилъ: „по силѣ 42 прав.

св. апостоль и втораго вселенск. собора главы II, прав. 6-е *яко ложца и клеветника*, лишить священническаго сана во все. И хотя слѣдовало бы, исключая его изъ духовнаго вѣдомства отослать въ гражданское правительство для опредѣленія, куда годнымъ окажется, но, въ разсужденіи немолодыхъ его лѣтъ и семейства, оставя его въ вѣдомствѣ духовномъ, опредѣлитъ въ причетническую должность, гдѣ прихожане имѣтъ его пожелаютъ“. Штанкевскій на объявленный ему синодальныи указъ отвѣтилъ консисторіи, что причетническаго мѣста онъ не желаетъ принять, а такъ какъ онъ послалъ всеподданныи шую государю императору жалобу на св. Синодъ, то проситъ не беспокоить его, пока не послѣдуетъ Высочайшей конфирмаціи на его дѣло. Штанкевскій вскорѣ послѣ этого скончался.

Слободская Украина, въ лицѣ бывшаго викарія Θεодосійскаго Христофора, получила перваго своего святителя, а Христофоръ въ лицѣ Слободской епархіи унаслѣдовалъ новую, но древне православную и искони благочестивую паству. Извѣстно, что первые насельники здѣшной страны, послѣ вѣковаго ея опустошенія дикими и свирѣпыми варварами, какъ повѣствуютъ лѣтописныя сказанія, были люди вообще религіозныя. Рядъ сохраненія въ неприкосновенной чистотѣ своего православія они удалились сюда лѣтъ полтораста тому назадъ изъ западной окраины Россіи, находившейся тогда подъ владычествомъ польско-литовскимъ, гдѣ имъ угрожало отпаденіе отъ православной церкви и совращеніе къ чуждому и ненавистному для нихъ ученію. Отсюда—изъ-за Днѣпровья, предки—малороссійскіе козаки—вынесли теплое религіозное чувство и перенесли на свою новую родину—въ Слободскую Украину православно-церковное братство, полемическую литературу духовнаго содержанія, школы, типографіи и шпитали, вызванныя къ жизни бывшимъ тамошнимъ религіознымъ преслѣдованіемъ. Во главѣ всѣхъ этихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій стояло духовенство, не только не порвавшее связей съ народомъ, но, наоборотъ, крѣпко связанное съ нимъ нравственными узами и общими духовными интересами¹⁾. Къ утвержденію и сохраненію въ здѣшной странѣ чистоты пра-

¹⁾ Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки, проф. Д. И. Багалія. Кіев. Ст. 1893.

вославія и укорененію благочестія, безъ сомнѣнія, весьма много споспѣшествовали, и словомъ ученія, и примѣромъ благочестивой жизни, высшіе блюстители вѣры и благочестія, т. е. епископы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какія высокочтимыя имена встрѣчаются въ лѣтописяхъ здѣшней церковной іерархіи. Вотъ, напримѣръ, приснопамятный Епифаній Тихорскій, этотъ пламенный ревнитель духовнаго просвѣщенія, устроившій въ Харьковѣ высшее духовное училище, изъ котораго такъ много вышло въ послѣдствіи полезныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ на духовномъ, такъ и на другихъ поприщахъ общественнаго служенія. Вотъ Іасафъ Горленко. Въ лицѣ его духовенство имѣло начальника просвѣщеннѣйшаго, дѣятельнаго, добраго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгаго тамъ, гдѣ дѣло касалось чистоты церковныхъ правилъ и благочинія, а вся Слободская Украина — доблестнаго подвижника, бдительнаго стража ея духовно-нравственной жизни, архипастыря высокой, святой жизни. Вотъ Θεоктистъ Мочульскій. Это былъ неутомимый и ревностный архипастырь, просвѣтитель подчиненнаго духовенства и попечительный отецъ всей своей паствы. Онъ оставилъ по себѣ память, какъ славный миссіонеръ, покровитель духовныхъ школъ и вообще духовнаго просвѣщенія и авторъ многочисленныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ богословской науки ¹⁾. А отъ такихъ твердыхъ въ вѣрѣ и благочестіи предковъ, естественно быть такимъ же и потомкамъ. Ибо какъ *по древней притчѣ, отъ незаконныхъ исходитъ беззаконіе* (1 Цар. 24,14), такъ, напротивъ, отъ праведныхъ и благочестивыхъ естественно должны исходить правда и благочестіе. Потомки малоросійскихъ козаковъ, за время Христофора, были тверды въ вѣрѣ. Какъ ни сильны были тѣ искушенія, коимъ подвергалась въ то время ихъ вѣра, со стороны вторгавшихся сюда раскольниковъ и разныхъ другихъ сектъ, малороссы, въ силу своей привязанности къ вѣрѣ предковъ, сумѣли сохранить

¹⁾ Преосв. Θεоктистъ — предшественникъ Христофора. Онъ правилъ Бѣлгородскою епархіею, въ томъ числѣ и церквами, вошедшими потомъ въ составъ новой Слободско-Украинской, 13 лѣтъ, а собственно Бѣлгородскою 30 лѣтъ. Сконч. въ 1812 г., на 90 г. жизни.

себя отъ всѣхъ прираженій раскола. „Отличительною чертою, и чертою отрадною, высокою, украинскаго малоросса служить то, говорить Филаретъ, что онъ не терпитъ раскола¹⁾. И въ прежнее время, не было и нынѣ нѣтъ украинцевъ въ числѣ раскольниковъ. Исключеніе, и то весьма рѣдкое, бывало только тогда, когда какой нибудь сирота или безпріютный бѣднякъ попадался въ семью раскольниковъ зятемъ ея, да и то потомъ легко разставался съ предрасудками суевѣрія. Иначе же и въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ малороссы живутъ вмѣстѣ съ великоруссами, между первыми не было, и нѣтъ ни одного раскольника“. Въ доказательство, какъ малороссы, живя въ одномъ селѣ съ раскольниками, старались держать себя, какъ можно дальше отъ нихъ, представляемъ слѣдующіе примѣры. Въ малороссійской слободѣ Маяки не было раскольниковъ, но поселились здѣсь русскіе, а съ ними явился расколъ. Впослѣдствіи всѣ великороссы перешли на жительство на рѣку Самару и въ Маякахъ снова не стало ни одного раскольника. Въ малороссійской слободѣ Цареборисовой поселились великороссы—бѣглецы, укрывавшіеся отъ суда и помѣщиковъ, въ числѣ болѣе 100 человекъ; скоро появилась здѣсь часовня и бѣглецы священники, но малороссы—цареборисовцы, обратились къ правительству съ жалобой на наглость раскольниковъ; оно сломало часовню, выслало бѣглаго священника и расколъ значительно ослабѣлъ. Въ хуторѣ Гниломѣ между малороссами поселились жители изъ разныхъ мѣстъ великой Россіи и съ нимъ появился расколъ. Дабы оградить православныхъ отъ раскола, малороссъ Миронъ Евсюкъ задумалъ было построить храмъ въ своемъ хуторѣ Гниломѣ, но сектанты поморской безпоповщины отклоняли православныхъ отъ построения храма, съ цѣлію плѣнить ихъ въ свою ересь и долго препятствовали исполненію благочестиваго намѣренія Мирона Евсюка. Наглость ересеначальника Прокофія Иванова дошла до того, что онъ, въ званіи апостола, обходилъ дома православныхъ и увѣщевалъ къ поступленію въ расколъ. Вотъ тутъ-то благочестивый старецъ Евсюкъ, ревнуя ко благу православія и видя въ какой опасности находится его

¹⁾ Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. IV, стр. 245.

братія, оказалъ рѣдкую братскую любовь и самоотверженіе. Онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ избранныхъ жителей, отправился въ Харьковъ къ преосвященному Христофору и разсказалъ о дѣлахъ раскола и бѣдствіяхъ православія. Преосвященный немедленно далъ разрѣшеніе и благословеніе къ собиранію пожертвованій для постройки храма и прислалъ въ х. Гнилое священника Дмитрія Чернявскаго, который, принявъ приходъ въ свое завѣдываніе, тогда-же открылъ богослуженіе на первый разъ въ простой избѣ. Расколъ притихъ и смирился. Разсказываютъ, что, когда по освященіи храма было сорокодневное служеніе, то малороссъ Евсюкъ былъ постояннымъ и повседневымъ молещикомъ въ храмѣ и часто просиживалъ предъ храмомъ по нѣсколько часовъ и долго плакалъ. Конечно это были слезы радости и благодарности ко Всевышнему за то, что онъ сотворилъ съ нимъ великую милость, избравъ его орудіемъ въ построеніи храма и охраненіи чрезъ него своихъ односельцевъ отъ погибельнаго раскола ¹⁾.

Страна, получившая наименованіе Слободско-Украинской, такъ еще недавно (какъ замѣчено было выше) предъ временемъ учрежденія здѣсь самостоятельной епархіи, начала заселяться черкасами, а между тѣмъ, за тотъ промежутокъ времени, здѣсь было построено около 600 храмовъ и воздвигнуто 17 иноческихъ обителей. Въ этихъ обителяхъ находили себѣ тихое пристанище подъ конецъ жизни многіе славные воины; изъ выдающихся мѣстныхъ старшинскихъ фамилій выходили даже настоятели и настоятельницы такихъ монастырей; самыя обители и церкви устраивались иногда представителями тѣхъ-же фамилій, они-же жертвовали на монастыри и храмы разнаго рода вклады: деньгами, книгами, церковными облаченіями, сосудами, иконами, крестами, хоругвями, плащаницами и т. п. ²⁾. А такое благочестіе, такое обиліе Божіихъ храмовъ и обителей, созданныхъ въ странѣ, которая не въ столь еще отдаленное время была почти необитаемою пу-

¹⁾ Истр.-статист. опис. Хар. епар. Отд. V, стр. 274.

²⁾ Истор. повѣсти и статьи Г. Квитки. Проф. Д. И. Багалъя. Кіев. Стар. 1893 года.

стыней, такіа щедрія на нихъ жертвы и такое стремленіе лучшихъ людей на жительство въ монастыряхъ, служить выразительнѣйшимъ доказательствомъ жизненности религиозныхъ началъ, дѣйствовавшихъ тогда въ обществѣ малороссовъ, свидѣтельствуеетъ объ ревности ко славѣ Божіей и преданности вѣрѣ отцовъ. И въ описываемое время видна также самая религиозная черта украинца, т. е. усердіе къ построенію и посѣщенію храмовъ. Бывали случаи, когда трудно было рѣшить, кому слѣдуетъ отдать первенство въ усердіи при созданіи храма, пастырямъ или пасомымъ. Представляемъ въ примѣръ постройку Троицкаго храма въ слободѣ Котельвѣ. Въ 1808 году мая 21 дня, въ три часа по полудни, съ юго-запада нашла страшная дождевая туча, изъ которой послѣдовалъ сильный ударъ въ заломъ сѣвернаго притвора, и церковь до тла сгорѣла. Причтъ и прихожане въ одинъ годъ приготовили матеріалы и въ слѣдующемъ 1809 г. положили основаніе храму. Священникъ Смаковскій неотступно распоряжался постройкою и дѣятельно побуждалъ прихожанъ къ пожертвованіямъ. Другой священникъ Пантелѣевъ съ неуспыннымъ тщаніемъ испрашивалъ добротныя пожертвованія по всей Харьковской губерніи, а діаконъ Пуковскій—по всѣмъ донскимъ станицамъ, въ запорожьи и черноморьи, претерпѣвая большія непріятности, въ числѣ которыхъ было даже содержаніе подъ арестомъ. Староста пожертвовалъ отъ себя до 7000 руб. асс., а прихожане отдавали храму и провіантныя деньги, получаемыя съ проходившихъ тогда партій рекрутъ по 200, 300 и 400 руб. асс. Ровно чрезъ три года величественный трехъ—престольный храмъ былъ освященъ ¹⁾. Любовь къ храмозданію—вызывалась иногда дивными событиями. Вотъ на примѣръ, что побудило жителей хутора Осиновки построить у себя каменный храмъ. Приходской храмъ находился на правомъ берегу рѣки Оскола, въ сл. Пристѣнь. Житель хутора, Иванъ Жуковъ и жена его съ груднымъ младенцемъ Марією, 8 іюля 1804 г. въ день храмоваго праздника Божіей Матери, отправились въ Пристѣнь слушать литургію; во время литургіи приобщали они своего младенца

¹⁾ Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. III, стр. 81.

св. Евхаристіи. Послѣ обѣдни, побывавъ у родныхъ, возвращались они на лодкѣ чрезъ Осколь и, опрокинувшись, утонули; младенецъ Марія, выпавъ изъ рукъ матери, въ пеленкахъ поплылъ къ берегу и былъ вынутъ изъ воды невредимый. Осиновскій обыватель Димитрій Головковъ тутъ-же у берега рѣки взялъ младенца Марію къ себѣ и воспиталъ; а племянникъ его женился на ней. Марія скончалась въ концѣ сороковыхъ годовъ. Несчастіе съ Жуковымъ и дивное спасеніе младенца такъ поразило хуторянь, что они тогда-же рѣшили и затѣмъ, по благословенію Христофора, построили каменный храмъ ¹⁾. Въ 1793 году въ слободѣ Сватовой Лучкѣ, при постройкѣ новой церкви, употребили лѣсъ прежняго очень ветхаго храма. Въ 1810 году іюля 6 служили въ немъ литургію и лишь только вышли всѣ изъ храма, онъ палъ, рассыпавшись до основанія. Это дивное храненіе Промысла Божія возбудило во всѣхъ жителяхъ Сватовой слободы желаніе пламенное возблагодарить Господа сооруженіемъ новаго каменнаго храма, на что тогда-же у преосвященнаго Христофора, испросили благословенную грамоту ²⁾. Прихожане Сумской Николаевской церкви, устроивъ въ 1804 году каменную церковь, вынули колонны, которыя поддерживали своды зданія. Въ апрѣлѣ 1806 года этотъ храмъ неожиданно рушился до основанія. Это было въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, спустя какой нибудь часъ послѣ литургіи. На другой же годъ, по благословенію преосвященнаго Христофора, было приступлено къ заложенію новой каменной церкви ³⁾. Одинъ изъ современниковъ Христофора, Харьковскій житель Е. И. Топчій, вспоминая свое дѣтство, говоритъ: „мы ходили въ приходскую Христорожественскую церковь по первому колоку во всѣ воскресные и праздничные дни къ вечернѣ, утренѣ и обѣднѣ. Дѣдъ мой долгое время былъ ктиторомъ этой церкви и становился обыкновенно на правомъ клиросѣ, пѣлъ и читалъ, какъ я помню, небольшимъ басомъ. Отецъ мой становился на лѣвомъ клиросѣ и пѣлъ теноромъ. Служащій

1) Истор.-статист. опис. Хар. епар. Отд. V, стр. 217.

2) Тамъ-же. Отд. V, стр. 294.

3) Тамъ-же. Отд. III, стр. 334.

священникъ съ причтомъ постоянно заходили къ намъ съ обѣдни во всѣ воскресные и праздничные дни, если не отвлекала ихъ треба по приходу или именины достаточнаго прихожанина. Ихъ подчивали водкою, пирогами, приготовлять которые было въ обычаѣ у богатаго и бѣднаго. Помню, что ежегодно въ храмовой праздникъ нашей приходской церкви служилъ литургію преосвященный епископъ Христофоръ, потомъ обѣдалъ и весь день проводилъ у дѣда моего; другой столъ накрывался на дворѣ подъ навѣсомъ. Здѣсь угощалась нищія братія, несмотря на холодъ, обыкновенно бывающій въ это время года. Тогда храмовой праздникъ считался весьма важнымъ событіемъ для прихожанина; въ этотъ день и бѣднякъ приглашалъ къ себѣ обѣдать гостя изъ другаго прихода, давалъ милостыню нищимъ щедрѣе обыкновеннаго. Теперь въ Харьковѣ, продолжаетъ Топчій, храмовой праздникъ проходитъ едва замѣтно для прихожанъ: нѣкоторые считаютъ его только церковнымъ торжествомъ, до нихъ не относящимся, и даже не бывають на обѣднѣ¹⁾. Угощать въ храмовой праздникъ нищимъ (старцевъ) обѣдомъ было обычаемъ существовавшихъ въ Малороссіи церковныхъ братствъ, на обязанности которыхъ между прочимъ лежало содержаніе церкви и нищихъ. За время Христофора еще оставались цѣлы при Харьковской Христорожественской, Николаевской и Вознесенской церквяхъ *братерскіе дома*, гдѣ братчики въ прежнее время совѣщались о своихъ дѣлахъ и *шпиталь* (богадѣльня) при Троицкой церкви, гдѣ жили церковные нищіе. Это памятники такъ еще недавно предъ симъ живой, но въ описываемое время почти уже угасшей дѣятельности церковныхъ братствъ — этихъ прекрасныхъ религіозно-благотворительныхъ учреждений, которыя были занесены сюда изъ за Днѣпра черкасами — предками украинцевъ. Впрочемъ при нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ сельскимъ храмамъ и за время Христофора еще держались братства (особые кружки лучшихъ людей въ приходѣ), дѣятельность коихъ проявлялась почти исключительно въ храмовые праздники. Обыкновенно, предъ этимъ праздникомъ, церковный староста собиралъ отъ прихожанъ добротныя

1) Южный Край 1883 г., № 874.

подаванія, готовилъ медъ и въ праздникъ ставилъ такъ называвшійся *братскій столъ*, къ которому приглашались священникъ, церковно-служители и прихожане. При этомъ для всего села въ братскомъ дворѣ производилась продажа братскаго меда и выручаемыя деньги обращались въ пользу церкви, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ. Священникъ слободы Черкасской Лозовой Крестовоздвиженской церкви, Даміанъ Лобковский и ктиторъ Иванъ Колесниковъ въ 1807 г. доносили преосвященному Христофору, что со дня храмоваго ихъ праздника Воздвиженія Креста Господня, остававшіеся отъ разсыпки для братскаго стола четыре пуда меда, хранившагося около церкви въ братской клѣтѣ, невѣдомо кѣмъ, по сломаніи замка, 5 декабря украдены ¹⁾. Отсюда ясно открывается, что при церкви слободы Черкасской Лозовой въ 1807 г. было церковное братство, была клѣтѣ, т. е. домъ братскій и, по заднѣпровскому обычаю, въ храмовой праздникъ выставлялся братскій медъ. Кромѣ церковныхъ братствъ существовали *цеховыя братства* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили ремесленники. Это учрежденіе также древнее, какъ и церковныя братства, но съ болѣе ограниченными цѣлями и средствами. Цехи имѣли свои братерскіе дома и пособляли нуждамъ церкви и прихода. Для этой цѣли каждый мастеръ, за право производить свое ремесло, вносилъ извѣстную подать въ пользу приходскаго храма. Хотя въ 1763 году подать эту гражданское правительство обратило въ пользу государства, но эти цеховыя братства, единственно на воспоминаніе о прошедшемъ, еще довольно долго продолжали складчину въ пользу своего приходскаго храма и берегли свой братерскій домъ. Такъ, въ сл. Боромлѣ, въ началѣ этого столѣтія, еще существовало при Рождество-Богородичной церкви *цеховое братство художниковъ сапожничьяго цеху*, что видно изъ приговора членовъ этого братства, который они подали въ 1804 году преосв. Христофору ²⁾, утверждая въ немъ, что священникъ Прокофій Стаховскій несправедливо присвоилъ къ своей Троицкой церкви братерскій домъ, который издревле состоялъ въ приходѣ

¹⁾ Архивъ Х. Дух. Конс. 1807 г. № 42.

²⁾ Дѣло Конс. 1805 г.

Рождество-Богородичной церкви; они просили оставить этот домъ по прежнему при церкви ихъ прихода. Вотъ и еще одинъ прекрасный обычай приходскаго праздника: въ слободѣ Крючикѣ въ имѣніи извѣстнаго помѣщика В. Н. Каразина, въ храмовой праздникъ—въ день Воздвиженья Креста Господня, почетные прихожане собирались въ домъ, гдѣ разбирались всѣ дѣла крестьянъ сего помѣщика и здѣсь, по выслушаніи молебна, обсуждалась и потомъ тутъ же выдавалась денежная премія двумъ крестьянамъ, присужденная имъ сельскою думою за отличное веденіе въ теченіи года сельскаго своего хозяйства. Еще болѣе торжественно праздновали въ старину праздникъ Пасхи. „Въ теченіи страстной седмицы, говоритъ Топчій, заготовлялось весьма много пасокъ и мясного, а въ послѣдніе дни все это развозилось и раздавалось нищимъ и заключеннымъ въ тюрьмѣ. Тогда каждый сколько нибудь зажиточный горожанинъ считалъ для себя священною обязанностию надѣлать съѣстнымъ своего неимущаго ближняго на всю свѣтлую недѣлю, сдѣлать для него по возможности радостнымъ праздникъ изъ праздниковъ. И дѣйствительно, въ то время, продолжаетъ Топчій, Свѣтлое Христово-Воскресеніе было праздникомъ изъ праздниковъ, торжествомъ изъ торжествъ для всѣхъ сословій, для богатаго и бѣднаго. Во всю свѣтлую седмицу церкви были полны народу—въ заутрени, обѣдни и вечерни, а остальное время дня проводили съ родными и знакомыми,—сами въ гостяхъ, или принимая у себя гостей; въ эти дни никто не скучалъ, сидя одинъ дома, и не былъ, какъ теперь, вынужденъ искать разсѣянія за деньги въ публичныхъ увеселеніяхъ“¹⁾.

Изъ среды набожныхъ украинцевъ, нѣкоторые лица особенно выдѣлялись за время Христофора своимъ благочестіемъ. Такъ, ротмистръ Михаилъ Булацель, строитель храма въ сл. Волосской-Балаклеякѣ былъ человѣкъ благородный, добрый и набожный и особенно милосердый къ меньшимъ братіямъ Іисуса Христа. Никто изъ немощныхъ и требующихъ помощи не отходилъ отъ него, не бывъ призрѣвъ его щедрою благо-

¹⁾ Южный Край 1883 г., № 874.

творительностію ¹⁾. Генераль маіорша, вдова Параскева Михайловна Штеричева, извѣстна какъ создательница величественнаго храма въ сл. Штеповкѣ. Проживая въ деревнѣ Басы Сумскаго уѣзда, она устроила въ своемъ домѣ церковь въ честь Вознесенія Господня ²⁾. Для совершенія богослуженія, Штеричева имѣла особаго священника, который пользовался полнымъ ея содержаніемъ и жилъ при ея домѣ. Тутъ же жилъ и регентъ, который обучалъ крестьянскихъ мальчиковъ церковному пѣнію. „Генеральша Штеричева, замѣчаетъ современный свидѣтель ея домашней жизни, была набожная: непремѣнно каждый день она бывала у заутрени и обѣдни. По вечерамъ приглашала къ себѣ своего священника и толковала съ нимъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Священникъ этотъ, говоритъ авторъ воспоминаній, былъ почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставлялъ я читающаго правило, или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ“. Скончалась Штеричева въ 1812 г. ³⁾. Владѣтель сл. Ивановки Андрей Ивановъ Ковалевскій былъ добръ, набоженъ и любилъ принимать къ себѣ странниковъ. Но особенно онъ извѣстенъ по дружбѣ своей съ извѣстнымъ малороссійскимъ философомъ Григоріемъ Саввичемъ Сковородою, котораго онъ сперва принялъ къ себѣ какъ странника, а потомъ тотъ нашелъ у него и послѣдній свой покой—могилу ⁴⁾. Помѣщикъ Андрей Ивановичъ Островерховъ, создатель въ 1799 г. храма въ своемъ имѣніи сл. Одринкѣ. Онъ любилъ духовенство и щедро дѣлился съ нимъ земными благами, кои даны были ему Промысломъ. Особенно любовь къ нищимъ развита была въ домѣ его въ высокой степени. Разъ въ праздникъ явился къ нему отставной солдатъ въ рубашкѣ. Давъ ему верхнее платье, онъ увидѣлъ, что рубашка у него

¹⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. V, стр. 221.

²⁾ Церковь эта существуетъ до сихъ поръ. Въ 1897 г. 10 апрѣля ей исполнится 100 лѣтъ. Св. антиминь, на которомъ и теперь совершается Бож. литургія, по своей древности, есть единственный въ церквахъ Харьковской епархіи. Со дня освященія его 20 марта—1798 г. ему уже окончилось 100 лѣтъ, но онъ совершенно цѣлъ.

³⁾ Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 35.

⁴⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. II, стр. 125.

вся въ дырахъ и лоскуткахъ и попросилъ у своей старушки, чтобы та дала ему рубашку. Та не хотѣла дать, жалуясь на его излишнюю щедрость. Онъ снялъ съ себя рубашку и облекъ ею гостя и, когда жена подала для него самого рубашку, онъ отдалъ ее бѣдняку въ запасъ на будущее, отъ имени жены своей¹⁾. Григорій Никитниковъ (управляющій имѣніями помѣщика Дякова съ 1802 по 1824 годъ), живя, въ сл. Штормовой, болѣе чѣмъ за версту отъ храма, не упускалъ ни одного богослуженія, чтобы не быть съ семействомъ въ храмѣ; ни зима, ни осень, ни темная ночь не удерживали его отъ святаго намѣренія. вмѣстѣ съ тѣмъ, у него было положено одѣвать каждый годъ одежду и обувь отъ 20 до 30-ти человѣкъ; онъ дѣлалъ подаванія церквямъ и монастырямъ, особенно Хорошевскому, гдѣ подвизалась и скончалась дочь его, дѣвица Варвара, въ монашествѣ Серафима²⁾. Подъ вліяніемъ истинно релігіознаго чувства, нѣкоторые изъ украинцевъ, современныхъ Христофору, проводилъ жизнь въ уединеніи, постѣ и молитвѣ. Оставляя домъ, уходили въ пустынные мѣста, береговныя пещеры и здѣсь „спасались о Христѣ“; на этомъ поприщѣ являлись истинные подвижники, высокіе молитвенники. Таковъ былъ помѣщикъ Егоръ Яковлевичъ Тихоцкій, строитель храма въ сл. Верхней Дуванкѣ. Вся жизнь его состояла въ занятіяхъ, трудахъ и заботахъ о храмѣ и въ подвигахъ благочестія: онъ проводилъ жизнь уединенную въ постѣ и молитвѣ и не пропускалъ ни одного богослуженія храма³⁾. Дворянинъ Иванъ Ивановичъ Квитка, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ, ибо онъ имѣлъ у себя на Основѣ особенное уединенное жилище и, кромѣ храма, другая дорога у него была къ мѣстному архіерею, для благочестивой бесѣды съ нимъ⁴⁾. Таковъ-же былъ казенный крестьянинъ сл. Гороховатки Матѳей Ляхъ. Будучи уже въ глубокой старости, а именно на 85 году своей жизни, удалившись отъ міра и семейства своего и заключивъ

¹⁾ Истор.-стат. опис. Х. епар. Отд. II, стр. 294—295.

²⁾ Тамъ же. Отд. V, стр. 359.

³⁾ Тамъ же. Отд. V, стр. 240.

⁴⁾ Тамъ же. Отд. II, стр. 132.

себя, какъ пустынный, въ бѣдную и тѣсную, отдѣльно стоящую хижину, провелъ въ ней 15 лѣтъ въ непрестанномъ бѣднѣи, постѣ и молитвѣ, и въ семь глубокомъ уединеніи, въ семь благочестивомъ подвигѣ скончался 1814 года ноября 22 дня, на сотомъ году своей жизни, какъ истинно благочестивый христіанинъ¹⁾. Особенно удивительную жизнь проводилъ при Христофорѣ казенный крестьянинъ сл. Закамьянки Дмитрій Горскій. Въ молодости онъ женатъ былъ и имѣлъ двухъ дѣтей. До 42-хъ лѣтъ прожилъ онъ въ своей семьѣ. При какой то домашней размолвкѣ, Дмитрій, увлеченный гнѣвомъ, ударилъ рукою своего отца. Тяжкій грѣхъ преступной дерзости сына противъ отца легъ камнемъ на душу сына, совѣсть сильно мучила его. Онъ пошелъ въ Кіевъ поклониться св. мѣстамъ; тамъ открылъ онъ растерзанную душу свою духовнику іеромонаху; тотъ, объясняя ему важность грѣха его, напомнилъ ему о словахъ Спасителя: *аще соблазняетъ руку твою, отстѣчь ю*. Слова эти такъ поразили Дмитрія, что, возвратясь изъ Кіева, онъ отсѣкъ кисть лѣвой руки своей, которую поднималъ на отца, и удалился изъ дома. На правомъ берегу Айдары, въ горѣ, устроилъ онъ себѣ хижину и тамъ проводилъ остальную жизнь. Постъ хранилъ строгій: никогда не ѣлъ рыбы; великимъ постомъ принималъ пищу только два раза въ недѣлю, а къ концу жизни, по принятіи св. тайнъ, во всю недѣлю довольствовался одною просфорою. Изучась грамотѣ уже въ отшельнической хижинѣ своей, онъ читалъ день и ночь псалтырь и молился. Не имѣлъ попеченія ни о чемъ житейскомъ; хлѣбъ, овощи, одежду принималъ отъ подающихъ только тогда, когда хотѣлъ подать кому либо другому, или когда для него самого была настоятельная нужда въ чемъ либо; денегъ же ни въ какомъ случаѣ не бралъ, а давалъ совѣтъ отдать въ храмъ Божій. Пока былъ въ силахъ, неопустительно посѣщалъ храмъ Божій. Иногда выходилъ на вершину горы, при которой была его келья, рано утромъ или поздно вечеромъ, и, сѣдя на камнѣ, бесѣдовалъ съ приходившими къ нему. Впрочемъ, не легко было видѣть его: онъ рѣдко открывалъ келью и никогда—не кончивъ молитвы. Объ

¹⁾ Ист.-ст. оп. X. епар. Отд. V, стр. 228.

отсѣченной рукѣ его надобно сказать, что, оставшись при кисти только на одной кожѣ, она впослѣдствіи срослась сама собой, хотя ни кистью, ни пальцами онъ уже не владѣлъ. Скончался онъ 88 лѣтъ. Жители Закамьянки и другихъ слободъ чтятъ память его, поминая его въ своихъ молитвахъ. Келья его понынѣ цѣла съ двумя иконами св. Дмитрія и Божіей Матери, предъ которыми онъ молился; здѣсь теплится лампада¹⁾.

Въ средѣ малорусскихъ дворянъ у Христофора была богатая родня. Изъ родныхъ братьевъ его извѣстны Семенъ Семеновичъ—надворный совѣтникъ († 1788 г.), Акимъ Семеновичъ—тайный совѣтникъ († 1818 г.), Евстафій Семеновичъ—секундъ-маіоръ († 1769 г.) и Григорій Семеновичъ. Последний съ 1766 г. извѣстенъ, какъ монахъ Мотронинскаго монастыря. Изъ сестеръ—Марія Семеновна была замужемъ за бригадиромъ Андреемъ Ивановичемъ Новицкимъ († 1798 г.), Евдокія Семеновна—за помѣщикомъ Григоріемъ Васильевичемъ Перекрестовымъ († 1798 г.), Пелагея Семеновна—за нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Ивановичемъ Разумовскимъ († 1792 г.). Всѣ они, за исключеніемъ Григорія Семеновича, владѣли помѣстьями въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Дворяне Савичи, Кованьки, Мухановы, Генриковы, жившіе въ Слободской Украинѣ, были въ родствѣ съ Христофоромъ. Съ родными своими Христофоръ велъ обширную переписку²⁾, переписывался съ епископами и со многими свѣтскими высокопоставленными лицами³⁾. Родная сестра Христофора

1) Ист.-ст. оп. X. еп. Отд. V, стр. 320.

2) Чаще всего у Христофора шла переписка съ братомъ Акимомъ Семеновичемъ, владѣвшимъ имѣніями, гдѣ жилали ихъ родители (Сулимовка, Барышевка). Акимъ Сулима былъ человекъ образованный, зналъ французскій и латинскій языки, послѣдній перѣдко употреблялъ въ письмахъ къ Христофору. Онъ долго состоялъ на гражданской службѣ и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, со звѣздой са. Станислава, занималъ въ Черниговской губерніи, гдѣ былъ имѣніи его жены, довольно видныя должности. Въ письмахъ къ брату Христофору А. С. извѣщалъ его о своихъ семейныхъ и хозяйственныхъ занятіяхъ, дѣлился съ нимъ разными государственными и мѣстными новостями. Два сына Акима Семеновича, получившіе образованіе въ Московскомъ и Геттингенскомъ университетахъ, извѣщали своего дядюшку о своихъ успѣхахъ по наукамъ, а потомъ и по службѣ. Христофоръ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ хвалилъ ихъ за успѣхи и вообще съ большимъ сочувствіемъ относился къ нимъ.

3) Таковы лица изъ іерархіи духовной: Оеоктистъ, архіепископъ Курскій,

Пелагія Семеновна Разумовская, будучи бездѣтна, по смерти своего мужа, все свое благопріобрѣтенное имѣніе какъ-то: села Пашковку и Драгуновку и хуторъ Верещовку съ людьми, съ ихъ движимыми и недвижимыми имѣніями, жилой домъ съ дворомъ, пашенныя и сѣнокосныя земли, лѣса и всѣ угодья, а также домъ и водяную мельницу въ городѣ Нѣжинѣ—завѣщала родному своему брату Христофору, бывшему тогда настоятелемъ Гамалѣвскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы онъ владѣлъ и располагалъ онымъ такъ, какъ полный и законный владѣлецъ. При этомъ въ завѣщаніи, утвержденномъ 20 іюля 1792 г. Нѣжинскимъ земскимъ судомъ, было сказано, что если онъ, архимандритъ, встрѣтитъ каковыя либо причины, отъемляющія возможность владѣть этими имѣніями и крестьянами самому лично и непосредственно, то она, Разумовская, предоставляетъ ему право въ цѣлости, или по частямъ продать, кому захочетъ, или отдать родственникамъ, кому и какъ самъ заблагоразсудитъ. Христофоръ подарилъ это имѣніе въ вѣчное и потомственное владѣніе двоюродной сестрѣ своей Татьянѣ Васильевнѣ Савичевой-Володковской, женѣ умершаго бунчуковаго товарища. Даръ этотъ онъ обусловилъ слѣдующими требованіями: а) чтобы она, Савичева, родную сестру его Христофора, Евдокію Семеновну, по мужу Осицову—Перекрестову, до смерти содержала въ довольствѣ, требуемомъ благороднымъ ея достоинствомъ, б) какъ слѣдуетъ воспитала двухъ своихъ дочерей, а его племянницъ, и приготовила приличное имъ приданное, в) чтобы по выходѣ ихъ замужъ имѣніе это было раздѣлено между ними обѣими пополамъ и затѣмъ должно переходить по завѣщанію или по продажѣ изъ

Феофанъ Полтавскій, Амвросій, митрополитъ Новгородскій, Герофей Киевскій и др.; изъ свѣтскихъ: князя Голицына, Хованскій, графы Безбородко, Кочубей, Трощинскій, Потоцкій и др. По содержанию своему письма эти не представляютъ чего либо общенитереснаго. Большая часть изъ нихъ поздравительныя и заключаютъ въ себѣ выраженія взаимныхъ чувствъ и благопожеланій по поводу новаго года, дня тезоименитства и т. п. Огромная переписка Христофора, послѣ его смерти перешла въ собственность протодіакона Іакова Александрова, но въ настоящее время отъ нея и слѣдовъ нѣтъ. Совершенно изъ другихъ рукъ досталось намъ нѣсколько писемъ Христофоровскихъ, изъ коихъ нѣкоторые были нами напечатаны въ 1865 году въ издававшемся при Харьковской семинаріи журналѣ „Духовный Дневникъ“.

рода въ родъ, но въ постороннія руки отнюдь никогда не должно поступать и г) чтобы ежегодно, въ январь мѣсяцъ, доставляла ему изъ доходовъ имѣнія 150 руб. и изъ экономіи въ опредѣленной мѣрѣ потребную провизію. Эта дарственная передача была утверждена уѣзднымъ судомъ Черниговскаго намѣстничества ¹⁾. Передавъ имѣніе госпожѣ Савичевой, онъ нѣсколько семействъ изъ дворовыхъ крестьянъ Разумовскаго взялъ къ себѣ и они, всюду за нимъ слѣдуя, исполняли обязанности прислуги, какъ-то: кучера, повара, истопника, ключника, лакея и т. п. Въ годъ назначенія въ Харьковъ онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отпустилъ на волю, а другихъ опредѣлилъ въ Харьковѣ на сторожевскіе должности при катедральномъ Покровскомъ Соборѣ: такъ напр. въ 1801 году онъ объявилъ консисторіи свою волю въ слѣдующемъ: „Власъ Шпиленко былъ моимъ крестьяниномъ и въ собственной моей службѣ, но нынѣ мною изъ крестьянъ на волю на всегда уволенъ въ *церковный причтъ*“. Не задолго до своей кончины Христофоръ всѣмъ остальнымъ крестьянамъ выдалъ такъ называемыя „отпускныя“, наградивши ихъ деньгами для первоначальнаго обзаведенія. Они поселились въ Харьковѣ, приобрѣли здѣсь недвижимую собственность и долго были извѣстны, подъ названіемъ Христофоровскихъ крестьянъ. Еще въ 1780 году въ сл. Пашковкѣ былъ устроенъ Разумовскими храмъ въ честь Преображенія Господня, при которомъ они потомъ были похоронены. Этому храму много благодѣтельствовали Разумовская и преосвященный Христофоръ. Послѣдній въ 1802 году пожертвовалъ богатую ризницу, утварь и богослужебныя книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Цѣлы еще и теперь серебряное кадило 84 пробы, вѣсомъ одинъ фунтъ и 24 золотника—даръ епископа Христофора, и полный кругъ богослужебныхъ книгъ. На одной изъ этихъ книгъ хранится слѣдующая собственноручная надпись Христофора: „Харьковъ 1802 года Іюня 6-го дня отъ бывшаго въ Крыму въ 1798 году по 1800 годъ Θεодосійскаго и Маріупольскаго, а нынѣ Слободскаго-Украинскаго и Харь-

¹⁾ Прибавл. къ Чернигов. Извѣст., изд. 1877 г., вып. VII, стр. 180.

ковскаго епископа Христофора Сулимы Черниговской Малороссійской губерніи, Нѣжинскаго повѣта села Пашковки, въ церковь Преображенія Господня въ память свою и родной сестры своей Пелагіи полковницы Разумовской, записавшей ему, епископу, въ 1792 году Іюля въ 20-й день оное село Пашковку во владѣніе“¹⁾). Христофоръ много благодѣтельствовавъ храму, находившемуся въ селѣ Сулимовкѣ, родовомъ имѣніи фамиліи Сулимъ. „Церковь сулимовская, пишетъ Христофору его родной братъ Акимъ Сулима, владѣлецъ с. Сулимовки, *толь богато отъ васъ снабждаемая*, провнесеніемъ имени вашего при всякой отправѣ возглашаетъ къ вамъ свое и погребенныхъ въ ней“²⁾ признаніе: *коликожь мое къ вамъ“?*

Наступилъ 1812 годъ, столь извѣстный войною съ Наполеономъ и полчищами западно европейскыхъ народовъ. Этотъ годъ былъ послѣднимъ въ служебной дѣятельности Христофора. Вся Русь тогда поднялась на спасеніе отечества. Духовенство Слободско-Украинской епархіи отозвалось на отечественное бѣдствіе пожертвованіемъ семи тысячъ рублей и нѣсколькихъ слитковъ серебра отъ Куряжскаго монастыря и нѣкоторыхъ уѣздныхъ соборовъ. Изъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ, многіе жители бѣжали на югъ Россіи, нѣкоторые изъ нихъ очутились въ Харьковѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. По распоряженію Христофора 16 мушкетъ, на время войны, были размѣщены въ Куряжскомъ монастырѣ, а 25 женщинъ въ женскомъ Харьковскомъ. Необучавшіеся въ школахъ и жившіе праздно при отцахъ своихъ, а также причетники, от-

¹⁾ Тамъ же, стр. 183. Пашковка потомъ поступила во владѣніе племянницы Христофора Ефросиніи Крушовской (урожденной Владковской) женѣ майора кавалера и Мальтійскаго командора Ивана Филипповича Крушовскаго съ правомъ наоратнимъ, почему имѣніе это досталось во владѣніе старшему сыну ихъ, поручику Евгенію Ивановичу Крушовскому. Пока старики Крушовскіе были въ живыхъ, причтъ Пашковской церкви, равно и сама церковь, продолжали пользоваться щедрыми ихъ благотвореніями, по смерти же ихъ средства содержанія причта оскудѣли, даже земли 33 десятины Крушовскій взялъ въ свою собственность, храмъ былъ приписанъ къ сосѣдней церкви. Тамъ же, стр. 160.

²⁾ Братъ Христофора Акимъ Сулима въ своемъ дневникѣ (на французскомъ языкѣ) пишетъ: „въ 1788 году 1 Сентября умеръ въ сл. Барышевкѣ мой старшій братъ Сем.ънъ Семеновичъ и 3-го числа того-же мѣсяца погребенъ въ Сулимовкѣ подъ церковію, *отъ похороненъ наши предки*“. (Сулим. архивъ Лазаревскаго, стр. 161).

рѣшенные за дурное поведеніе отъ мѣста, согласно Высочайшему повелѣнію, были отправлены въ дѣйствующія войска. Когда война потребовала новыхъ жертвъ, то согласно указу св. Синода, объявлено было семинаристамъ не выше риторическаго класса и всѣмъ причетникамъ, что они добровольно могутъ идти въ ряды христіанскаго воинства. На это объявленіе сразу вызвались и охотно стали въ ряды защитниковъ отечества пятнадцать учениковъ коллегіума. Одежда и оружіе были куплены для нихъ на церковную кошелевую сумму. Въ числѣ этихъ первыхъ добровольцевъ былъ сынъ извѣстнаго въ то время Валковскаго протоіерея, о. Василія Снѣсарева. Онъ былъ даровитый юноша и подавалъ большія надежды, но на Бородинскомъ полѣ легъ на вѣчный покой ¹⁾. Причетниковъ, отданныхъ въ военную службу за дурное поведеніе и поступившихъ туда по доброй волѣ, было довольно значительное число, что видно уже изъ того, что въ 1813 году свободныхъ причетническихъ мѣстъ во всей епархіи оказалось свыше двухсотъ.

Въ концѣ 1812-го года Христофоръ чувствовалъ себя настолько слабымъ, что 16 ноября послалъ на Высочайшее имя въ святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи его отъ епархіи. Въ этомъ-же мѣсяцѣ онъ написалъ дополненіе къ своему духовному завѣщанію, составленному 30 января 1811 года. Вотъ его прошеніе. „Проходя служеніе по иночеству съ 1765 года, въ разныхъ бывшихъ возлагаемыми на меня начальствами послушаніяхъ и опредѣляемыхъ мнѣ должностяхъ, какъ свидѣтельствуется о томъ имѣющіеся въ св. Синодѣ послужные списки, произведенъ я въ 1798 году во епископа въ бывшую Феодосійскую епархію, за уничтоженіемъ коей переведенъ въ 1799 году въ Слободско-Украинскую съ жалованьемъ на второклассную епархію положеннымъ ²⁾, гдѣ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему благоволенію удостоенъ ордена св. Анны 1-й степени. Нынѣ, когда уже отъ долговременной службы и трудовъ здоровье мое и зрѣніе глазъ

¹⁾ Ист.-статис. опис. х. епархіи. Отд. II, стр. 227.

²⁾ На содержаніи архіерея 16 октября 1799 г. ассигновано было на жалованье 1000 р. ассиг. и на провіантъ 1600 руб. асс.

пришли въ крайнее ослабленіе, такъ что я затѣмъ ни богослуженія, ни по должности моей исправлять нахожу себя совершенно не въ силахъ, всеподданнѣйшее прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повѣлѣно было св. Правительствующему Сѣноду, по означеннымъ причинамъ, меня отъ службы уволнить, со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ въ награду трудовъ моихъ и въ уваженіе болѣзней и старости моей пенсіи для моего содержанія, и притомъ повелѣть мнѣ имѣть жилище сей-же епархіи въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ общежительномъ монастырѣ⁴. На докладъ св. Сѣнода 6 февраля 1813 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе на увольненіе его по старости и болѣзни на покой, съ дозволеніемъ жить въ Куряжскомъ монастырѣ съ предоставленіемъ, во вниманіе немаловажнаго служенія его, пенсіи 1200 руб. асс. ежегодно по смерть изъ суммъ, ассигнованныхъ на духовный департаментъ. При этомъ повелѣно до назначенія новаго архипастыря дѣла, относящіяся до архіерейскаго разрѣшенія представлять преосвященному Теокисту, архіепископу Курскому ¹). Уже будучи больной, въ началѣ Апрѣля онъ переѣхалъ на жительство въ Куряжскій монастырь и занялъ здѣсь келліи, въ коихъ прежде, во время лѣта, живалъ, и кои вновь, на свой счетъ ремонтировалъ. Консисторія предписала строителю и братіи монастыря сохранять къ особѣ его Преосвященства полное должное почтеніе и уваженіе. Здѣсь онъ скоро слегъ въ постель и 17 мая въ 4 часа пополудни скончался на 78 г. жизни. На другой день послѣ ранней литургіи духовенство Харьковскихъ церквей въ Успенскомъ соборѣ, отправило по усопшемъ своемъ архипастырѣ панихиду. Граждане и духовенство города Харькова чрезъ нарочито посланнаго просили преосвященнаго Бѣлгородскаго Теокиста прибыть въ Харьковъ на погребеніе. Преосвященный письменно отвѣчалъ, что онъ усердно желалъ бы отдать покойному послѣдній долгъ, но собственныя его силы каждый день примѣтно ослабѣваютъ, притомъ-же умножившіяся епаршескія дѣла, медленія нетерпящія и требующія лич-

¹) Указъ св. Сѣнода отъ 10 марта 1813 г., за № 1087.

наго его разсмотрѣнія и рѣшенія главнымъ препятствіемъ къ тому служатъ. При этомъ онъ выразилъ надежду, что духовная консисторія распорядится совершить погребеніе съ личною почестію, каковую чада слободо-украинскія паствы обязаны оказать своему бывшему архипастырю. Тѣло почившаго владыки 19 мая духовенствомъ и братією Куряжскаго монастыря, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, было перенесено въ Харьковъ въ нижнюю Трехсвятительскую церковь Покровскаго собора, гдѣ на другой день, по совершеніи литургіи, было, по чиноположенію, отпѣто и предано землѣ подъ сводами этой церкви, въ мѣстѣ нарочито для этого покойнымъ устроенномъ. Книги его, въ количествѣ 500 экземпляровъ, согласно духовному его завѣщанію, поступили въ коллегіумскую бібліотеку, иконы, бывшія въ его келліяхъ, мебель и прочія разныя вещи, оставшіяся въ покояхъ Покровскаго и Куряжскаго монастыря, экипажи, лошади, рогатый скотъ, какъ свое благопріобрѣтенное имущество, онъ завѣщалъ въ собственность будущаго здѣшняго архіерея, а тѣ вещи, какія оказались въ комодахъ, шкафахъ, сундукахъ и прочихъ сему подобныхъ мѣстахъ, завѣщалъ племянницѣ Евфросиніи Яковлевнѣ Крушовской ¹⁾.

Преосвященный Христофоръ управлялъ Слободско-Украинскою епархією 12 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 17 дней и оставилъ по себѣ добрую память.

Уже въ первый годъ служенія Христофора харьковскій коллегіумъ привѣтствовалъ его исполненіемъ своихъ завѣтныхъ надеждъ. Вотъ что говорилъ одинъ изъ студентовъ Богословія по случаю дня его ангела (9 мая 1800 г.):

„Богоизбранный мужъ, нашъ пастырь Христофоръ!
 Позволь, да юныхъ музъ Украинскихъ соборъ
 Откроетъ чувства передъ тобой душевны!
 Позволь; да радостью сердечной восхищены

¹⁾ Крушовскій Иванъ Филипповичъ жаловался св. Синоду на Харьк. духовную консисторію за то, что она, оставшіяся по смерти Христофора нѣкоторыя вещи и разнаго рода напитки удержала у себя. Жалоба эта оказалась несправедливою. (Указ. св. Сын. отъ 23 дек. 1813 г. № 3775 и 1814 г. отъ 16 Іюня, за № 1632).

Святительскихъ добротъ твоихъ ликъ воспоеть,
 И жертву истинной хвалы тебѣ пожреть.
 Долгъ благодарности къ сему насъ убѣждаетъ
 А искренность сердець языкомъ управляетъ.
 Державы Русскія премудрѣйшій монархъ
 Когда изрекъ: да ты великій іерархъ
 Въ украинской странѣ власть пастырску поставишь
 И счастье ея возвысишь и прославишь.
 Всеобща о тебѣ молва вѣщала такъ:
 „Онъ добръ, онъ милостивъ, отца въ немъ узрять всякъ.“
 Вѣщала—и сердца надеждой ободрались;
 Всѣхъ мысли о тебѣ и души восхищались.
 „Онъ добръ“? зывали всѣ. „Онъ будетъ нашъ отецъ?
 О! поспѣши ему въ пути благій Творецъ“.
 И се (благодаримъ вселенныя Творца)
 Въ тебѣ мы истинно узрѣли всѣ отца.
 Ты все сіе въ себѣ, о, пастырь нашъ, вмѣщаешь;
 Ты всѣ часы на то лишь посвящаешь,
 Чтобъ всѣмъ и каждому добро одно творить,
 Чтобъ всѣхъ и каждого блаженства утвердить.
 Наукъ ты меценать,—трудовъ, заслугъ—награда;
 Ты сиротамъ—отецъ, гонимымъ—щитъ, ограда.
 О! продолжай творить добро великій мужъ
 Толикимъ тысящамъ тебѣ врученныхъ душъ,
 Окрестныя страны намъ будутъ удивляться
 Дѣянія твои въ потомствѣ возвѣстятся“.

Нѣкоторые изъ современниковъ Христофора, хорошо его знавшихъ, въ своихъ воспоминавіяхъ оставили о немъ очень добрые отзывы. „Въ мое время, говоритъ воспитанникъ коллегіума, дворянинъ Ефимъ Ивановичъ Топчій, управлялъ епархіею епископъ Христофоръ по фамиліи Сулима, поступившій въ монашество изъ дворянъ Полтавской губерніи. Онъ былъ неученый, но его всѣ любили за доброту и доступность—равно для богатаго и бѣднаго“¹⁾. Григорій Пѣхотинскій,

¹⁾ Южный Край 1883 г. № 881. Мнѣніе о Христофорѣ, какъ о епископѣ не ученомъ, сложилось у нѣкоторыхъ современниковъ вѣроятно на томъ основаніи, что онъ никогда не говорилъ проповѣдей.

также воспитанникъ коллегіума—называетъ Христофора „архипастыремъ добрымъ, незабвеннымъ и милосерднымъ“ ¹⁾. „Христофоръ, говоритъ учитель коллегіума, Я. В. Толмачевъ, былъ первымъ епископомъ въ Харьковской епархіи и отличался высокимъ благородствомъ и добротою души. Онъ былъ чловѣкъ образованный, умный, добрый, архипастырь примѣрно благодѣтельный“ ²⁾.

Прот. Н. Лашенковъ.

1) Духовн. Вѣсти. 1865 г. т. XI, стр. 425.

2) Русская Старина 1892 г. Сентябрь, стр. 708.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СУДА *).

Происхождение, устройство и характеръ крестьянскаго суда находятся въ тѣсной органической связи съ тѣми бытовыми и историческими условіями, которыми обусловливалось образование крестьянскаго сословія, какъ особаго класса людей въ организаціи Русскаго государства, и участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія. Поэтому изложенію исторіи крестьянскаго суда необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній объ образованіи крестьянскаго сословія и участіи народнаго элемента въ отправленіи правосудія.

Исслѣдованіями древнихъ русскихъ памятниковъ и юридическихъ актовъ, произведенными русскими и иностранными учеными, съ достаточною полнотою установлено, что русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ; по словамъ Нестора они и дань давали „отъ дыма и рата“, т. е. съ двора, съ осѣдлости, съ сохи, съ земледѣльческаго орудія. Еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ, земледѣліе было распространено по русской землѣ отъ юго-западныхъ ея предѣловъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ. Такимъ образомъ издревле на всемъ пространствѣ Русской земли жили земледѣльцы—пахари, но они не составляли въ древности отдѣльнаго сословія и не носили какого-либо особаго

*) Источники и пособія, которыми авторъ руководствовался при составленіи статьи: *Леонтовичъ*—Исторія русскаго права; *Баллаевъ*—Крестьяне на Руси; *Мамышевъ*—Курсъ гражданскаго судопр., т. 3; *Кистяковский*—Волоетные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе; *Заруцкий*—Законы и жизнь; *Сергеевичъ*—Исторія русскаго права; *Пахманъ*—Обычное гражданское право въ Россіи: Полное собраніе законовъ и Сводъ законовъ.

имени: весь народъ занимался земледѣлемъ, торговлею и промысломъ; тѣмъ не менѣе, однако, въ русскомъ обществѣ, какъ и въ другихъ человѣческихъ обществахъ, уже очень рано, благодаря неравенству силъ и способностей и различію въ семейныхъ и бытовыхъ условіяхъ жизни индивидуума, стали выдвигаться изъ массы „лучшіе люди“, т. е. разумные, болѣе сильные, или богатѣйшіе, и образовался особый классъ людей, отличный отъ остальной массы общества. О „лучшихъ людяхъ“ есть указаніе у Нестора: такъ онъ, рассказывая о посольствѣ Древлянъ къ Ольгѣ, два раза упоминаетъ о „лучшихъ мужахъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ русскомъ обществѣ очень рано обозначилось два класса: „лучшіе мужи“, держащіе землю и „людіе“, граждане, народъ, „земляне“.

Съ прибытіемъ Варяго-Русскихъ князей, изъ „лучшихъ мужей“ образовались бояре: такъ въ 1018 году, во время сборовъ Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, Новгородцы, собиравшіе деньги для найма Варяговъ, уже явно не составляли сплошной безразличной массы, но дѣлились на простолюдиновъ и бояръ; въ лѣтописи сказано (Лавр. лѣт., стр. 62): „начаша скотъ собирать отъ мужа по 4 куны, отъ старосты по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ“. Мужы, внесшіе на пособіе Ярославу по 4 куны, вѣроятно, составляли особое сословіе, получившее впоследствии общее названіе крестьянъ, людей.

Крестьяне въ первый разъ подъ собственнымъ своимъ именемъ встрѣчаются въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана, данной въ 1391 году Константиновскому монастырю. Въ этой грамотѣ такъ выражены обязанности крестьянъ къ землевладѣльцу—Константиновскому монастырю: лучшіе, т. е. зажиточные изъ крестьянъ, живущихъ въ селлахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и зимніе ѣзы и закопы для рыбной ловли, оплетать сады, прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобры, молотить рожь, молотъ солодъ“ и пр.

Жалованная грамота Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича Толгскому монастырю, данная въ 1400 году, представ-

ляетъ крестьянъ вольными людьми, могущими переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, живущими на земляхъ монастырскихъ и княжескихъ волостныхъ, платящими дань и разныя пошлыны, частію землевладѣльцамъ, и подлежащими суду или князю, по общему порядку всѣхъ свободныхъ людей, или, по привилегіи, землевладѣльческому, монастырскому.

Далѣе въ жалованной грамотѣ Іоны митрополита Андрея Аванасьеву, данной въ 1450 г., видно, что крестьяне жили не только на монастырскихъ и княжескихъ земляхъ, но и на земляхъ другихъ владѣльцевъ и свободно могли переходить съ одной земли на другую.

Въ грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Суздальскому и Юрьевскому намѣстникамъ, данной въ 1466—1478 гг., указывается на сроки, когда въ году крестьяне имѣли право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, именно срокомъ здѣсь названъ Юрьевъ день осенній, а кто переходитъ не въ этотъ день, того возвращали назадъ доживать до срока.

Такимъ образомъ въ грамотахъ, въ которыхъ упоминается имя крестьянъ, признакомъ крестьянства служатъ: свобода крестьянъ жить на земляхъ казенныхъ, волостныхъ, княжескихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, свобода переходить съ одной земли на другую въ извѣстный срокъ въ году, въ Юрьевъ день, подчиненіе крестьянъ общему суду, ежели землевладѣлецъ не имѣлъ привилегіи на право своего суда надъ крестьянами, обязанность платить казенныя подати и отправлять другія повинности государственныя и въ то же время платить оброка и отправлять разныя земледѣльческія работы на землевладѣльца, на землѣ котораго живетъ крестьянинъ.

Какое участіе принималъ русскій народъ въ отправленіи правосудія, начиная съ организациіи и укрѣпленія княжеской власти, т. е. со времени Рюрика и въ періодъ удѣловъ, на основаніи законодательныхъ памятниковъ,—съ опредѣленностью трудно сказать. Но не подлежитъ сомнѣнію, что древній русскій судъ не былъ судомъ исключительно княжескихъ чиновниковъ, а въ немъ присутствовали представители отъ народа. Последнее обстоятельство подтверждается 43 ст. Русской

Правды, гдѣ находится такое свидѣтельство: „а кто взыщеть на немъ тянуть (т. е. станеть искать того, къ чему другой обязался) и тотъ, на комъ ищутъ, начнетъ запираеться, то ийти ему на изводъ предъ двѣнадцать человекъ“. Эти двѣнадцать человекъ, предъ которыми должно быть разобрано дѣло, не были, конечно, княжескими чиновниками, потому что, въ противномъ случаѣ, было-бы прямо сказано „идти на изводъ предъ княжи мужи“; слѣдовательно эти 12 человекъ, по всей вѣроятности, были судьями, выбранными народомъ. Относительно участія въ судѣ представителей отъ народа имѣется указаніе, относящееся къ болѣе позднему времени, къ XIII в. Такъ напр., въ договорѣ Мстислава съ Ригою отъ 1239 г. говорится: „судъ происходитъ передъ судьями и добрыми людьми“. Затѣмъ въ Новгородской Судной Грамотѣ есть также указаніе на то, что на судѣ, кромѣ судей, присутствовали какіе-то люди, въ качествѣ, представителей отъ народа.

Болѣе положительныя данныя о значительномъ участіи крестьянскихъ общинъ въ отправленіи правосудія имѣются въ законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. Въ этотъ періодъ участіе общины въ отправленіи правосудія выражалось въ двухъ видахъ: первый видъ состоялъ въ томъ, что въ судѣ намѣстниковъ и волостелей принимали участіе старожилы, лучшіе люди и цѣловальники, словомъ, такъ называемые въ законодательныхъ памятникахъ судные мужи. Второй видъ состоялъ въ томъ, что отправленіе уголовного правосудія по нѣкоторымъ преступленіямъ князь предоставлялъ крестьянской общинѣ. На существованіе перваго вида участія крестьянской общины въ отправленіи правосудія имѣются положительныя указанія: такъ, въ грамотахъ уставныхъ и губныхъ, въ первомъ (1497 г.) и во второмъ (1550 г.) судебникахъ постоянно повторяется повелѣніе, чтобы намѣстники и волостели, бояре и дѣти боярскіе, за которыми признано кормленіе съ судомъ боярскимъ, безъ дворскаго старосты, лучшихъ людей или цѣловальниковъ суда не судили.

Въ чемъ состояло и какъ выражалось участіе судныхъ мужей въ отправленіи правосудія, находятся указанія во второмъ судебникѣ: „судные мужи сидятъ на судѣ намѣстниковъ, во-

лостелей, бояръ и боярскихъ дѣтей, за которыми кормленіе съ судомъ боярскимъ". Къ какой волости принадлежитъ истецъ и отвѣтчикъ, изъ той волости старосты, лучшіе люди и цѣловальники должны являться и сидѣть на судѣ княжескихъ чиновниковъ, въ качествѣ судныхъ мужей.

По порядку тогдашняго судопроизводства, лице, подлежащее отдачѣ на поруки до суда или послѣ суда, на случай поруки по немъ не было, лишалось свободы, въ видѣ отдачи за пристава или содержанія въ тюрьмѣ. Но намѣстники и волостелины люди, недѣльщики и пристава, безъ явки такого человѣка старостѣ и цѣловальникамъ, которые принимали участіе въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ, не имѣли права къ себѣ его водить и у себя его ковать. При нарушеніи этого правила судные мужи имѣли право освободить скованнаго, если только, по жалобѣ рода и племени, они удостовѣряются въ неправильномъ лишеніи свободы, причемъ виновные въ неправильномъ лишеніи свободы платили безчестье и убытки въ пользу неправильно лишеннаго свободы.

По разсмотрѣніи дѣла на судѣ намѣстничьемъ и волостелиномъ, рѣшеніе или, какъ сказано въ судебникѣ, „судное дѣло“ должно быть написано рукою земскаго дьяка за подписомъ судныхъ мужей, т. е. дворскаго старосты и цѣловальника. Подлинникъ находился у намѣстника, а копія отдавалась на храненіе суднымъ мужамъ. Когда дѣло вершилось не иначе, какъ съ доклада царю, то судный списокъ былъ отсылаемъ государю. Если истецъ и отвѣтчикъ будутъ утверждать, что судъ происходилъ не такъ, какъ изложено въ судномъ спискѣ, тогда царемъ или царскимъ судьей вызывались судные люди на судъ княжескій и должны были представить копію или „противень“. Когда судные люди подтвердятъ, что судъ былъ таковъ, какъ онъ изложенъ въ докладномъ спискѣ, и если этотъ послѣдній сходится съ представленною копіею, то признавался виновнымъ тотъ, кто списокъ „оболжилъ“. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта судныхъ мужей, за искъ отвѣчалъ судья и подвергался, сверхъ сего, пенѣ.

Второй видъ участія сельской общины въ отправленіи правосудія состоялъ въ томъ, что сама община, безъ участія

княжескихъ чиновниковъ, судила и наказывала преступника. Этотъ видъ участія общины въ отправленіи правосудія выразился съ достаточною полнотою въ такъ называемыхъ губныхъ учрежденіяхъ. Когда возникли губныя учрежденія, съ точностію сказать нельзя; несомнѣнно, однако, что они уже существовали въ первой половинѣ XVI ст., на что указываютъ губныя грамоты царя Ивана Грознаго: Семигалицкая 1540 г., двѣ грамоты селамъ и деревнямъ Сергіево-Троицкаго монастыря 1541 г., губной наказъ селамъ Кирилловскаго монастыря 1549 г. и Вижская грамота 1552 г. Губныя учрежденія возникаютъ по просьбѣ мѣстныхъ жителей: обыкновенно жители сами просили, чтобы имъ дано было право преслѣдовать разбойниковъ чрезъ посредство выборныхъ лицъ, такъ какъ воеводы и сыщики малодѣтельны и, кромѣ того, всякіе убытки чинять.

Губныя учрежденія дѣйствовали чрезъ своихъ выборныхъ, т. е. губныхъ головъ, старостъ и цѣловальниковъ, и вѣдали полицію, судъ и исполненіе приговоровъ. Относительно полиціи обязанности губныхъ учрежденій состояли въ наблюденіи, чтобы не было грабежей и разбоевъ: они должны были ловить всякихъ воровъ и разбойниковъ, производить надъ ними судъ и постановленныя ими судебныя рѣшенія приводить въ исполненіе. Они имѣли право приговаривать разбойниковъ къ казни и казнить ихъ.

Первоначально губнымъ учрежденіямъ были подсудны такіа преступленія, которыя изъ преступленія разбоя и грабежа сдѣлали для себя ремесло. Но затѣмъ дѣятельность губныхъ учрежденій является гораздо шире: они вѣдаютъ не только разбойничьи дѣла въ настоящемъ смыслѣ, но и множество другихъ преступленій, хотя бы они въ связи съ разбоемъ не состояли.

Въ XVII стол. усиливаются приказныя начала и съ этимъ вмѣстѣ видоизмѣняется участіе общины въ судѣ надъ разбойниками, а равнымъ образомъ стало ослабѣвать участіе въ судѣ и судебныхъ мужей, какъ представителей общинъ. Въ судѣ воеводѣ, заступившихъ съ начала XVII в. намѣстниковъ, въ судѣ сыщиковъ и затѣмъ губернаторовъ,—судныхъ мужей уже

не встрѣчается. Въ соборномъ уложеніи, которымъ руководствовались воеводы, сыщики и губные старосты въ качествѣ судей, нѣтъ и помину о судныхъ мужахъ. При Петрѣ I довершена работа прежнихъ вѣковъ: приказъ и канцелярія забрали въ свои руки весь судъ, не только по важнымъ, но даже по маловажнымъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе въ крестьянскихъ общинахъ и въ первой половинѣ XVIII вѣка существовали остатки общиннаго мірскаго суда, хотя это было дѣломъ факта, а не признаннаго закономъ права.

Во второй половинѣ XVIII вѣка направленіе законодательной дѣятельности рѣзко измѣняется и опять высказывается сильное тяготѣніе къ земскому самоуправленію въ отправленіи суда. Въ законодательныхъ памятникахъ этого времени признается вреднымъ подчинять маловажныя уголовныя дѣла общему порядку и разрѣшается крестьянамъ разныхъ наименованій въ маловажныхъ ссорахъ и распрахъ судиться на словахъ чрезъ своихъ выборныхъ. Во второй половинѣ XVIII в. и въ первой четверти XIX издается цѣлый рядъ законовъ, устанавливающихъ участіе мѣстнаго населенія въ отправленіи правосудія; такъ, указомъ 17 февраля 1764 г. дозволено было однодворцамъ для словеснаго разбиранія ссоръ учреждать между собою выборныхъ и старостъ, т. е. лучшаго и добраго состоянія людей. Въ 1764 г., для управленія экономическими крестьянами (отобранными отъ духовенства), учреждены были особенные чиновники, подъ названіемъ казначеевъ, для которыхъ опредѣленъ былъ извѣстный кругъ дѣятельности, но всѣ прочія внутреннія разбирательства, какъ сказано въ указѣ 13 августа 1764 года, оставлены на избранныхъ въ каждомъ жительство. Право въ малыхъ дѣлахъ разбираться у людей, самими же крестьянами въ каждомъ селеніи изъ себя избранныхъ, подтверждено было для экономическихъ крестьянъ указомъ 5 октября 1779 г. и 18 декабря 1786 г.; о правѣ горнозаводскихъ крестьянъ разбираться въ маловажныхъ дѣлахъ посредствомъ сотника, старосты, міра и вообще волостнаго суда говорится въ указахъ 1763 года и 1764 г. марта 13 дня.

Важнѣйшимъ закономъ XVIII ст. относительно волостныхъ судовъ нужно считать установленіе сельскаго порядка въ ка-

зенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества 1787 г. Въ этомъ законѣ излагаются впервые тѣ начала волостной и сельской организаціи, которыя получили окончательное развитіе въ законахъ 1838 года. По силѣ этого закона сельское управленіе состояло изъ старшины, старосты, выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ и сборщика. Число выборныхъ или словесныхъ разборщиковъ зависѣло отъ числа дворовъ мѣстечка или села. Выборные обязаны были чинить разбирательство въ сельской сборной избѣ по сущей справедливости и всѣ способы принимать къ примиренію спорящихъ; въ случаѣ несогласія спорящихъ, выборные приглашали старшину и старосту на общее сужденіе. Если и этимъ способомъ не будетъ достигнуто примиреніе, то спорящимъ предоставлялось право выбрать сельскихъ посредниковъ, и несогласившіеся выбрать этихъ посредниковъ, или недовольные ихъ приговоромъ, имѣли право обратиться къ суду нижней расправы. Въ малочисленныхъ селеніяхъ, гдѣ не положено выборныхъ, судъ чинили старшина и староста, чрезъ представленныхъ отъ спорящихъ посредниковъ. По указу 7 августа 1797 года для государственныхъ крестьянъ введено было волостное управленіе; обязанности разбирать маловажныя дѣла возложены были на волостного голову, причѣмъ недовольнымъ этимъ разбирательствомъ предоставлено было вѣдаться въ общихъ судахъ. Указъ этотъ поясненъ былъ въ 1812 году въ томъ смыслѣ, что волостные головы разбираютъ дѣло въ мирской сходкѣ.

До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, судъ не имѣлъ строго опредѣленной организаціи; свойство его зависѣло отъ обычаевъ, которые издавна присущи крестьянскому населенію. Въ 1838 году 30 апрѣля издано было общее учрежденіе для государственныхъ крестьянъ: сельскій и волостной судъ въ этомъ учрежденіи названы судомъ домашнимъ. Онъ состоялъ изъ двухъ степеней: первую степень представляла сельская расправа, вторую—волостная. Сельская расправа состояла, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старшины, изъ двухъ добросовѣстныхъ: одного старшаго и другого младшаго, избираемыхъ по выбору на три года изъ государ-

ственныхъ крестьянъ, отличающихся хорошимъ поведѣніемъ и доброю нравственностію. Волостная же расправа состояла, подъ предсѣдательствомъ волостного головы, также изъ двухъ выборныхъ волостныхъ добросовѣстныхъ. Письмоводство въ сельской расправѣ возложено на сельскаго писаря, въ волости—на волостного писаря. Сельская расправа имѣла свое мѣстопробываніе въ главномъ селеніи и помѣщалась въ томъ домѣ, гдѣ занимались дѣлами сельскій старшина и сельскій писарь, а волостная расправа—при волостномъ правленіи.

Волостная расправа разсматривала споры о духовныхъ завѣщаніяхъ и составляла апелляціонную инстанцію по дѣламъ, рѣшаемымъ въ сельской расправѣ. Сельская и волостная расправы обязаны были руководствоваться сельскимъ судебнымъ уставомъ.

Въ крестьянскихъ реформахъ Императора Александра II сохраняются начала участія крестьянской общины въ отправленіи суда, и закономъ 19 февраля 1861 года крестьянамъ предоставлено право своего суда по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ и по спорамъ и тяжбамъ между крестьянами. Крестьянскій Судъ состоитъ изъ одной инстанціи—Волостного Суда. Для составленія волостного суда, волостной сходъ, а гдѣ волость состоитъ изъ одного сельскаго общества, то сельскій сходъ, выбираетъ ежегодно отъ четырехъ до двѣнадцати очередныхъ судей. Опредѣленіе числа судей и установленіе между ними очереди зависитъ отъ волостнаго схода.

Волостной судъ вообще собирается чрезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ; въ случаѣ же нужды онъ созывается старшиною и въ другіе дни и чаще. Дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно. Въ волости есть книга, въ которую вписываются приговоры волостного суда. Въ эту книгу записываются: имя виновнаго и мѣра наложеннаго на него взысканія. Волостной судъ вѣдаетъ какъ споры и тяжбы между крестьянами, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ.

Волостной судъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы, собственно между крестьянами, цѣною до ста руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣ-

лахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненные.

Если дѣло превышаетъ сумму въ сто руб., или тяжба касается недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крестьянами въ собственность внѣ надѣла, а также если участвуютъ въ тяжбѣ лица другихъ состояній, то во всѣхъ сихъ случаяхъ, по требованію одной изъ сторонъ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Независимо отъ сего, окончательному рѣшенію волостнаго суда подлежатъ всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны предоставятъ рѣшенію волостнаго суда. Споры и тяжбы, въ коихъ, кромѣ крестьянъ, участвуютъ и постороннія лица, могутъ быть также, по желанію тяжущихся, предоставляемы окончательному рѣшенію волостнаго суда. По всѣмъ дѣламъ, безъ ограниченія ихъ цѣною, если съ оными не соединено преступленія или проступка и не сопряжены пользы малолѣтнихъ и умалишенныхъ, крестьяне, какъ одной, такъ и разныхъ волостей могутъ, вмѣсто разбирательства въ волостномъ судѣ, обращаться, по взаимному соглашенію къ третейскому, по совѣсти, суду, не стѣсняясь никакими формами. Рѣшеніе третейскаго суда должно быть немедленно объявлено тяжущимся сторонамъ и внесено въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу. Оно считается вошедшимъ окончательно въ законную силу, со времени внесения въ эту книгу. Никакія жалобы на оное нигдѣ не принимаются.

Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказаніямъ крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажныя поступки, когда оны совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также, когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ другой волости, то виновныхъ при-

говариваетъ къ наказанію судъ той волости, въ предѣлахъ коей совершенъ проступокъ.

Волостной судъ властенъ по таковымъ проступкамъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ денежному взысканію до трехъ рублей, или къ аресту до семи дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ, къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самаго суда.

По закону 1861 года приговоры волостнаго суда по проступкамъ считаются окончательными и неподлежащими отмѣнѣ ни въ апелляціонномъ, ни въ кассационномъ порядкѣ. Въ 1866 году, февраля 14 дня, изданъ законъ, по которому дозволяется приносить Уѣздному Съѣзду Мирowychъ Посредниковъ жалобу въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда судъ постановить рѣшеніе по такому дѣлу, которое неподсудно ему; б) когда судъ приговоритъ ко взысканію или наказанію въ мѣрѣ большей, чѣмъ это ему предоставлено; в) или рѣшить дѣло, безъ вызова къ суду участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Жалоба на рѣшеніе волостнаго суда, противное закону, должна быть подана въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія. Мировому посреднику предоставлено право, по важности дѣла, представлять мировому съѣзду объ отмѣнѣ приговора волостнаго суда и безъ просьбы лица, котораго приговоръ касается, когда судъ явно превыситъ власть, ему предоставленную.

При разсмотрѣніи просьбъ и представленій объ отмѣнѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, мировой съѣздъ ограничивается лишь обсужденіемъ вопроса, дѣйствительно-ли рѣшеніе содержитъ въ себѣ какое-либо изъ указанныхъ выше нарушеній общаго полож. о крестьянахъ. Если съѣздъ найдетъ, что такое нарушеніе существуетъ, то или передаетъ дѣло въ волостной судъ, для постановленія новаго рѣшенія; если дѣло подсудно волостному суду, или въ случаѣ неподсудности дѣла сему суду, отсылаетъ оное по принадлежности, или въ дѣлахъ тяжбныхъ предоставляетъ тяжущимся самимъ обратиться въ подлежащій судъ.

Устройство волостныхъ судовъ (организація 1861 г.) введено

было съ 1864 по 1867 годы вмѣстѣ съ преобразованіемъ быта у вольныхъ людей западныхъ губерній, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, у бакирѣ, у оружейниковъ Ижорскаго и Сестрорѣцкаго оружейнаго и Райволовскаго желѣзкокательныхъ заводовъ, въ Закавказскомъ краѣ, въ губерніяхъ Тифлисской, Кутаисской, Бакинской и Мингреліи, наконецъ въ 1866 году в у государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ волостной судъ организаціи 1861 года составлялъ принадлежность всего крестьянскаго населенія.

Кромѣ официальнаго и установленнаго закономъ 1861 г. волостнаго суда, среди крестьянскаго населенія дѣйствуютъ особые суды, которые возникли въ силу обычая. Мѣстные крестьянскіе суды, по ихъ формѣ, многочисленны и разнообразны. Высочайше утвержденная въ 1872 году комиссія для изслѣдованія положенія волостныхъ судовъ констатировала слѣдующія формы крестьянскихъ мѣстныхъ обычныхъ судовъ: единоличный судъ старосты и волостного старшины, коллегіальные суды: судъ стариковъ, судъ посредниковъ, судъ сельскаго схода, судъ волостнаго схода, судъ старосты съ добросовѣтными, судъ съ выборными, судъ старосты съ волостными судьями, судъ сельскихъсудей со старостою. Кромѣ этихъ судовъ, еще наблюдались суды спеціальные: въ трудахъ комиссіи есть указаніе на одинъ изъ такихъ судовъ—въ Угодичевской волости, Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда для разрѣшенія споровъ и пререканій, которые возникаютъ по поводу рыбной ловли на озерѣ Неро. Рыбаки выбираютъ каждую осень изъ среды своей особаго судью на одинъ годъ, который разрѣшаетъ окончательно всѣ дѣла по рыбной ловлѣ. Крестьянскіе суды, какъ въ формѣ обычныхъ мѣстныхъ, такъ и закономъ установленныхъ судовъ, отличаются слѣдующими чертами: разрѣшаютъ дѣла словесно и открыто въ присутствіи постороннихъ людей, стремятся къ достиженію не только одной формальной правды, но, главнымъ образомъ, правды матеріальной и, находясь близко къ населенію, съ необыкновенною скоростью разрѣшаютъ дѣла. Такимъ образомъ, когда надъ общими дореформенными официальными судами тяготѣли крупныя недостатки: канцелярская тайна, сложное письменное производство и форма-

лизмъ, теорія предустановленныхъ доказательствъ, медленность производства дѣлъ, достигавшая по нѣкоторымъ дѣламъ полустолѣтїя,—народные суды охраняли и практиковали такія начала, которыя затѣмъ легли въ основаніе великой судебной реформы Императора Александра II.

Юридическая литература и наука мало занимались изученіемъ дѣятельности крестьянскаго суда и его значенія для народной жизни и считали этотъ судъ домашнимъ судомъ крестьянъ, дѣломъ исключительно интереснымъ для крестьянъ и неимѣющимъ государственнаго значенія. Благодаря такому взгляду, и въ настоящее время весьма еще мало научныхъ изслѣдованій, знакомящихъ съ значеніемъ крестьянскихъ судовъ. Мнѣнія относительно этихъ судовъ носятъ субъективный, чисто эмпирический характеръ и большею частью сводятся къ признанію за крестьянскимъ судомъ разумности и справедливости. Съ такимъ предубѣжденіемъ противъ волостнаго суда приступилъ къ наблюденіямъ и научнымъ изслѣдованіямъ волостнаго суда П. П. Чубинскій, участвовавшій въ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. Русск. Геогр. Общ., но затѣмъ, познакомившись съ массою рѣшеній волостныхъ судовъ по пятидесяти уѣздамъ юго-западнаго края, онъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „волостной судъ представляетъ собою жизненное учрежденіе, незамѣнимое никакимъ другимъ. У народа существуетъ цѣлый рядъ правоотношеній, которыя вытекаютъ изъ его экономической обстановки, обусловливаются его этнографическими особенностями и историческими судьбами. Здѣсь только волостной судъ компетентенъ, потому что только онъ одинъ солидаренъ съ народомъ,—съ массою, въ возрѣвїяхъ на подобныя правоотношенія. Состоящій изъ очередныхъ и притомъ выборныхъ судей, онъ таковъ, что никогда не выдѣлится, не обособится отъ общей народной жизни. По мѣрѣ развитія массы, и онъ будетъ развиваться, никогда не забѣгая впередъ, не оставаясь назади“.

Къ такимъ же почти выводамъ пришелъ профессоръ А. Ф. Кистяковскій, который составилъ, на основаніи уголовныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ, извлеченныхъ трудами членовъ эт-

нографическо-статистическ. экспедиціи, статью: „Волостные суды, ихъ исторія, нынѣшняя ихъ практика и настоящее ихъ положеніе“. Въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, высказываетъ такія положенія: волостная юстиція во многомъ отличается отъ юстиціи, отправляемой общими судами по Уложенію о Наказ. и по Судебнымъ Уставамъ. Она несравненно мягче этой послѣдней какъ по свойству, такъ и по мѣрѣ наказаній, ею опредѣляемыхъ. Волостная юстиція болѣе держится матеріальной правды, чѣмъ общая юстиція, слѣдующая болѣе формальнымъ началамъ. Тамъ, гдѣ общая юстиція, стоящая на формальной точкѣ зрѣнія, откажется развязать узелъ, или по неимѣнію закона, или по формальнымъ основаніямъ, тамъ волостная юстиція берется разрѣшить вопросъ и по мѣрѣ своихъ силъ его рѣшаетъ. Во всякомъ случаѣ она ближе подходитъ къ быту народа, чѣмъ юстиція общихъ судовъ.

Судебно-крестьянскою реформою Императора Александра III не только сохранено крестьянское самоуправленіе въ области отправленія правосудія, но еще въ значительной степени расширена компетенція волостныхъ судовъ въ производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

По закону 12 іюля 1889 г. волостной судъ состоитъ изъ четырехъ судей, причемъ одинъ изъ нихъ, по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ. Съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанность предсѣдателя на старшину. Волостные судьи опредѣляются на эту должность слѣдующимъ порядкомъ: каждое сельское общество выбираетъ на сельскомъ сходѣ одного кандидата въ волостные судьи; такихъ кандидатовъ на волость должно быть не менѣе восьми человѣкъ. Если же въ волости меньше восьми сельскихъ обществъ, то уѣздный съѣздъ назначаетъ, которому изъ нихъ избирать больше, чѣмъ одного кандидата, и сколько именно. Изъ восьми кандидатовъ, выбранныхъ сельскими обществами, земскій начальникъ, по своему усмотрѣнію, утверждаетъ четырехъ волостными судьями, а остальныхъ четырехъ—кандидатами къ нимъ, тѣхъ и другихъ на три года. На должность волостного судьи избираются крестьяне-домохозяева, достигшіе тридцати пяти лѣтъ отъ роду, пользующіеся уваженіемъ

своихъ односельцевъ и, по возможности, грамотные. Волостные судьи и ихъ кандидаты приводятся къ присягѣ, въ присутствіи земскаго начальника, по установленной для судей формѣ. Волостные судьи получаютъ содержаніе, причемъ окладъ содержанія не долженъ превышать для предсѣдателя волостнаго суда 100 руб., а для волостнаго судьи—60 руб.

Волостной судъ вѣдаетъ споры и тяжбы по имуществу, равно какъ дѣла по проступкамъ крестьянъ и другихъ лицъ, подчиненныхъ вѣдомству сего суда. Вѣдомство волостнаго суда распространяется не только на крестьянъ, но и на мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ. Изъ числа гражданскихъ дѣлъ вѣдомству волостнаго суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2-мъ споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, сему суду неподвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелають разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества: а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) когда наслѣдственное имущество, находящееся въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей.

Въ уголовномъ порядкѣ разбирательству волостнаго суда подлежатъ—подвѣдомственная ему лица за слѣдующіе проступки: противъ церковнаго благочинія; противъ властей; противъ благочинія, порядка и спокойствія; противъ общественаго благоустройства; противъ уставовъ: о паспортахъ, строительнаго и путей сообщенія; противъ правилъ осторожности отъ пожаровъ; противъ народнаго здравія; противъ

личной безопасности; за оскорбленіе и обиды, угрозы, насиліе и самоуправство; противъ правъ семейственныхъ; противъ чужой собственности; за кражу и мошенничество, если цѣна похищеннаго или присвоеннаго имущества не превышаетъ пятидесяти рублей и если, притомъ, кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ; за нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ; за мотовство и пьянство, если пороки эти влекутъ за собою разстройство хозяйства.

Означенные выше проступки подлежатъ вѣдѣнію волостного суда, когда они совершены подвѣдомственными ему лицами въ предѣлахъ волости, хотя-бы и не на земляхъ крестьянскаго надѣла, противъ людей, принадлежащихъ къ тому же состоянію, и безъ участія лицъ, волостному суду неподвѣдомственныхъ. Лица другихъ состояній, противъ которыхъ совершены проступки лицами, подвѣдомственными волостному суду, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдующее имъ удовлетвореніе въ означенномъ судѣ, у земскихъ начальниковъ или въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ подсудности дѣлъ волостнымъ судамъ сравнительно съ подсудностью, опредѣленною въ общ. полож. о крестьянахъ, законъ 12 Іюля 1889 года ввелъ и особый порядокъ обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостного суда: въ качествѣ апелляціонной инстанціи учрежденъ уѣздный съѣздъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ уѣзднаго члена окружного суда, городского судьи, почетныхъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ; въ качествѣ кассаціонной инстанціи—губернское присутствіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, находящагося въ губернскомъ городѣ окружного суда или его товарища, (а въ губерніяхъ, гдѣ судебное преобразование не введено въ полномъ объемѣ, губернскаго прокурора или его товарища) и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Сверхъ того въ составъ губернскаго присутствія приглашаются, на

правахъ членовъ, для участія въ разсмотрѣннн судебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ въ него изъ уѣздныхъ сѣздовъ, предсѣдатель или членъ мѣстнаго окружнаго суда (а гдѣ его нѣтъ, — предсѣдатель или членъ соединенной палаты).

Съ введеніемъ судебно-крестьянской реформы Императора Александра III волостные суды получили болѣе опредѣленную организацію и стали вполнѣ государственнымъ учрежденіемъ: волостные судьи избираются изъ лучшихъ и благонадежныхъ крестьянъ, принимаютъ общую судейскую присягу и имѣютъ присвоенный ихъ званію судейскій знакъ; волостные суды находятся подъ контролемъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій: уѣздныхъ сѣздовъ и губернскихъ присутствій; рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ и кассационномъ порядкѣ и, по вступленіи въ законную силу, имѣютъ такое же юридическое значеніе, какъ рѣшенія и приговоры другихъ судебныхъ установленій имперіи.

Н. С. Илларионовъ.

О правѣ наслѣдованія у крестьянъ Харьковскаго уѣзда.

(Продолженіе).

О правѣ дочери, вышедшей замужъ, при отсутствіи родныхъ братьевъ, на пользованіе земельнымъ надѣломъ.

(С. *Непокрытое*).

Изстари и по настоящее время никогда женщина полевымъ надѣломъ не пользовалась: ни вдова, ни замужняя дочь. Всѣ онѣ лишь получаютъ соотвѣтствующую часть движимаго имущества, оставшагося послѣ покойнаго, и, если осталась вдова, то она возвращается въ семью, изъ которой вышла замужъ, или выходитъ вторично замужъ; если же остается незамужняя дочь, то ее обязаны взять, содержать и выдать замужъ родные покойнаго, воспользовавшіеся своими правами на владѣніе его полевыми надѣлами. Въ дѣлахъ-же дореформеннаго волостнаго суда имѣются примѣры (и не мало), что надѣлы покойнаго переходили въ пользованіе вдовы и дочерей съ опредѣленіемъ суда: пользоваться таковыми впредь до выхода въ замужество за лицъ, не принадлежащихъ къ составу общества; и то таковыя опредѣленія касаются лично собственнаго надѣла наслѣдодателя, т. е. значащагося за нимъ по уставной грамотѣ, надѣлы-же, оставшіеся послѣ смерти мужа, или брата и притомъ доставшіеся ему не по уставной грамотѣ, а по наслѣдству, изъ мужскихъ линій не выходятъ.

О наслѣдованіи падчерицы въ имуществѣ мачихи, имѣющей родныхъ дѣтей.

(С. *Должикъ*.)

Если вдова, имѣющая дѣтей, выходитъ замужъ за крестьянина, имѣющаго своихъ дѣтей отъ первой жены, и если притомъ при выходѣ вторично замужъ имѣетъ свое собственное имущество, пріобрѣтенное съ первымъ мужемъ, или доставшееся ей отъ отца, или инымъ путемъ, то, послѣ ея смерти, все принадлежащее ей имущество идетъ роднымъ ея дѣтямъ, падчерицы-же ничего не получаютъ и не наслѣдуютъ въ этомъ имуществѣ.

О наслѣдованіи пріймаками, при существованіи наслѣдниковъ въ боковой линіи.

(С. *Ледная*, Бабаевской вол.)

Пріемный сынъ, при существованіи родственниковъ боковой линіи у принявшаго, является полнымъ наслѣдникомъ

умершаго домохозяина и устраняетъ право наслѣдованія этихъ родственниковъ въ томъ случаѣ, когда пріймакъ такой кормилъ и похоронилъ принявшаго.

О наслѣдованіи къ имуществу дядей племянницы, вышедшей замужъ въ другое общество, и о вымороченныхъ имуществахъ.

(С. *Гавриловка*).

Старозаимочная земля переходитъ къ наслѣдникамъ, какъ мужскаго пола, такъ и женскаго, въ прямой и боковыхъ линияхъ; но племянница, вышедшая замужъ въ другое общество, продавъ свое отцовское имущество, не кормивъ и не похоронивъ своихъ дядей, не можетъ искать своихъ наслѣдственныхъ правъ въ ихъ имуществѣ и такое должно перейти въ распоряженіе общества. (Общество имѣетъ вымороченную землю подъ названіемъ „Борнова“; къ ней наслѣдниковъ никакихъ не было).

О наслѣдственныхъ правахъ пріемыша въ имуществѣ принявшаго, послѣ котораго остались замужнія дочери.

(С. *Борщевое*, Липецкой вол.)

Въ крестьянскомъ быту пріемышъ принимается въ семью лишь при отсутствіи сыновей, могущихъ помогать хозяину, поддерживать хозяйство,—т. е. въ качествѣ работника, хотя бы и съ малолѣтняго возраста, а потому онъ, пріемышъ, пріобрѣтаетъ на наслѣдственное имущество „принятеля“ всѣ права и обязанности родного сына. Дочери же наслѣдуются на общемъ основаніи существующаго обычая, при замужествѣ получаютъ приданное и болѣе никакихъ правъ на имущество, оставшееся послѣ смерти отца ихъ, не имѣютъ, при наличности сыновей или пріемышей.

О наслѣдованіи падчерицъ въ имуществѣ мачихи, имѣющей родныхъ дѣтей.

(С. *Должикъ*).

Если вдова, имѣющая дѣтей, выходитъ замужъ за крестьянина, имѣющаго своихъ дѣтей отъ первой жены, и если притомъ, при выходѣ вторично замужъ, имѣетъ свое собственное имущество, пріобрѣтенное съ первымъ мужемъ или доставшееся ей отъ отца или инымъ путемъ, то послѣ ея смерти,

все принадлежащее ей имущество идетъ роднымъ ея дѣтямъ, падчерицы-же ничего не получаютъ и не наследуютъ въ этомъ имуществѣ.

Наслѣдственные права братьевъ и сестеръ въ „материзнѣ“.

(С. Пересѣчное).

1. Мать въ большинствѣ случаевъ и даже всегда распределяетъ свое имущество „за живота“, одѣляя одного больше, другого меньше, по своему усмотрѣнiю и независимо отъ того, будетъ-ли имущество движимое или недвижимое, и будетъ-ли это сынъ или дочь.

2. Если мать умерла, не сдѣлавъ распоряженiя о своемъ имуществѣ, то послѣднее дѣлится поровну между всѣми прямыми ея наследниками, и братья получаютъ наравнѣ съ сестрами.

3. Если мать приняла къ себѣ „прймака“, то сыновья, не смотря на существованiе имущества у прймака, имѣютъ преимущественное право на „материнское насиженное мѣсто“, т. е. на усадьбу съ постройками, дѣля все остальное имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, между собою и сестрами поровну.

4. Незаконнорожденные наследуютъ въ „материзнѣ“ наравнѣ съ законными дѣтьми.

5. Рожденный до брака считается наравнѣ съ законными дѣтьми и не считается незаконнорожденнымъ.

6. Земля подворнаго владѣнiя переходитъ по наследству къ прямымъ наследникамъ, въ томъ числѣ и къ дочерямъ, вышедшимъ въ замужествѣ, но, при отсутствiи братьевъ, причемъ если дочь вышла въ другое общество, — землю, переданную къ ней по наследству, при отсутствiи братьевъ, откупаетъ родственникъ однообщественникъ, а если послѣднiй не въ состоянiи, то кто либо изъ постороннихъ, но только однообщественниковъ, но бывають случаи, что вышедшая замужъ въ другое общество и сама пользуется родонаслѣдственной землею и общество не касается. Случаевъ выморочнаго имущества въ обществѣ нѣтъ.

О наслѣдованіи вдовою имуществомъ мужа при родныхъ дѣтяхъ и пасынкахъ.

(С. *Песочинъ*, Пересѣчанской вол.).

1. Сестры при братьяхъ не наслѣдницы, а выдаются (замужъ) изъ отцовской хаты, причемъ имъ дается въ приданное что нибудь изъ движимости. При раздѣлѣ обыкновенно сестры остаются при меньшемъ братѣ, который наслѣдуетъ батьковскую хату и усадьбу; если осталось двѣ хаты, то одну беретъ старшій и переносится съ батьковской усадьбы; если усадьба достаточная для построекъ двумъ братьямъ или тремъ, то дѣлятъ усадьбу, но и въ этомъ случаѣ меньшій остается на насиженномъ мѣстѣ.

2. Сестра—калѣка получаетъ наравнѣ съ братьями изъ движимаго и недвижимаго и живетъ въ отцовской хатѣ при братѣ и часть ея переходитъ къ тому, который ее присматриваетъ и похоронитъ, даже если-бъ этотъ послѣдній былъ и не родственникъ, но только однообщественникъ. Въ большинствѣ случаевъ отецъ „за живота“ опредѣляетъ часть дочери—калѣкѣ.

3. Незаконнорожденный матери живетъ въ семьѣ мужа матери до совершеннолѣтія, а затѣмъ уходитъ, не получая ничего изъ имущества мужа матери; въ большинствѣ случаевъ его готовятъ къ мастерству и ко времени ухода онъ уже въ состояніи заработать кусокъ хлѣба, иногда мужъ матери даетъ часть усадьбы за труды и уваженіе.

4. Незаконнорожденный въ имуществѣ матери наслѣдуетъ наравнѣ съ законными дѣтьми.

5. Съ пріймакомъ обыкновенно совершается документъ.

7. Вдова при малолѣтнихъ дѣтяхъ завѣдуетъ сама хозяйствомъ и, когда подростаетъ дочь, выдаетъ замужъ;—сына выдѣляетъ такъ-же какъ отецъ; при раздѣлѣ вдова беретъ за себя часть изъ движимаго и недвижимаго имущества и затѣмъ живетъ при комъ-либо изъ сыновей, обыкновенно при меньшемъ, гдѣ находится и ея часть, а по смерти переходитъ къ тому, при комъ жила и кто похоронилъ; часть эта, взятая безъ опредѣленія покойнаго мужа, по смерти вдовы переходитъ непременно въ тотъ-же родъ, и вдова не можетъ передать посто-

роннему. Если же покойный передалъ самъ часть жены по документу, то эту часть вдова можетъ передать кому пожелаетъ, но только однообщественнику. Вдова получаетъ наравнѣ съ сынами изъ движимаго и недвижимаго имущества.

7. Частью, оставленною отцомъ на себя, отецъ распредѣляетъ „за живота“ и можетъ отдать, кому пожелаетъ изъ сыновей, кто кормилъ, платилъ и похоронилъ; если же живутъ „мисно“ и сыновья платятъ всѣ и похоронятъ на общія средства, то частью, оставленною отцомъ на себя, дѣлятся, а отецъ „за живота“ такъ и распредѣляетъ.

8. Приданное дочери, умершей замужемъ бездѣтною, возвращается въ ту семью, откуда она вышла, возвращается то, что осталось въ цѣлости изъ отданнаго; остается только въ пользу мужа покойной подушка, рядно и икона, которую благословляли, причемъ принимаются въ расчетъ расходы на похороны, почему изъ приданнаго не все забирается; въ нѣкоторыхъ случаяхъ отецъ умершей замужемъ дочери бездѣтною, не предъявляетъ требованія о возвратѣ, если приданное нецѣнное и „не стоитъ хлопотъ“,—т. е. въ душѣ ему жаль семью, гдѣ она жила и которая утратилась на похороны.

9. Дочери, при отсутствіи сыновей, полныя наслѣдницы и устраняютъ боковыхъ родственниковъ; владѣютъ, хотя выходятъ замужъ и въ другое общество, землю только старозаимочною, а тою, которая дѣлится обществомъ между собою не владѣютъ, таковая переходитъ къ той, которая замужемъ за однообщественникомъ.

10. Старозаимочная земля остается въ наслѣдственномъ пользованіи рода и переходитъ даже по наслѣдству къ женщинѣ, вышедшей замужъ въ другое общество и только при отсутствіи наслѣдниковъ земля эта переходитъ въ общество.

11. Вдова, вышедшая замужъ вторично, взятой части при раздѣлѣ не беретъ, а беретъ только благопріобрѣтенное и часть „отписанную“ мужемъ, а не полученную при раздѣлѣ. Въ документѣ обыкновенно пишется „по смерть“, если покойный мужъ даетъ часть своей женѣ; причемъ родовой земли во всякомъ случаѣ не беретъ, а земля остается прямымъ наслѣдникамъ.

12. При выдачѣ дочери замужъ отецъ считаетъ своею обязанностью справить 2 тулуца, одинъ праздничный и одинъ буденный, 2 свиты, одну сянюю, а другую сѣрую, дукаты, скрыню съ одежою, корову, бываетъ, что даетъ и кусокъ земли.

13. Кто засваталъ и отказался, тотъ обязанъ возратить расходы; платитъ виновная сторона, причемъ болѣе платитъ тотъ, кто засваталъ и отказался „такъ какъ нанесъ порокъ дѣвкѣ“ и отъ него идетъ инициатива вступленія въ бракъ.

14. Сводныя дѣти наслѣдуютъ каждый въ своей „батьковщинѣ“ и „материзнѣ“.

15. Сводные считаются въ близкомъ родствѣ и составляютъ какъ бы одну семью и считаются членами этой семьи: называютъ „батькой и матерью“.

О правѣ главы семьи дѣлать завѣщательныя распоряженія объ имуществѣ, прибрѣтенномъ трудами всей семьи.

(Золочевская вол.).

Если старшій членъ семьи—отецъ имѣетъ родонаслѣдственную землю, крѣпостную или старозаимочную, прибрѣтенную еще предками, то, послѣ смерти его, такая земля должна дѣлиться между сыновьями поровну, дочери изъ такой земли ничего не получаютъ; духовное завѣщаніе его, по которому одному сыну—наслѣднику передается большая часть, а другому сыну или его наслѣднику—меньшая, считается не правильнымъ.—Что касается остального движимаго и недвижимаго имущества, прибрѣтеннаго всей семьей, то имущество это между сыновьями, участвовавшими въ его прибрѣтеніи, также дѣлится вообще въ равной части, причемъ извѣстную часть его отецъ оставляетъ на себя и затѣмъ передаетъ ее тому сыну, который его присмотрѣлъ, докормилъ и похоронилъ. Отецъ имѣетъ право завѣщать живущему при немъ сыну большую часть за его труды, а бросившему его или принимавшему меньшее участіе въ прибрѣтеніи и въ трудахъ—меньшую часть, и составленное въ такомъ смыслѣ духовное завѣщаніе почитается правильнымъ.

О возвращеніи обратно приданнаго.*(Черноглазовка, Карасевской вол.).*

1. Если послѣ смерти жены остаются дѣти, безразлично, будутъ ли то мальчики или дѣвочки, все приданное, доставшееся на долю ея при выходѣ замужъ, какъ-то „скрыня“ и все, что въ ней будетъ: одежда, холстъ и пр., скотъ (корова, телушка, овца и т. д.)—остаются въ пользованіи той семьѣ, въ которую она пошла замужъ, т. е. идетъ на сиротъ.

2. Если, послѣ смерти ея, наслѣдниковъ не осталось, то сколько-бы времени она ни жила, все приданное отдается назадъ, т. е. той семьѣ, изъ которой она шла замужъ, причемъ если, напр., ей давалась телка, стоившая въ то время 5 р., а потомъ эта телка выросла и стала коровой, стоящей уже не 5, а 40—50 р., то взамѣнъ ея мужъ или семья его оплачиваютъ семьѣ покойницы или деньгами, или даютъ такой-же стоимости телку. Изъ двухъ вѣнокъ, какъ благословеніе родителей покойницы, одна остается мужу вдовцу, а другая отбирается, также точно ему оставляютъ необходимое для постели: подушку, рядно, нѣсколько сорочекъ и подштанниковъ.

О правѣ на произведенія съ отобранной земли.*(С. Ледное, Бабаевск. вол.).*

Старый владѣлецъ, владѣвшій землей добросовѣстно, имѣетъ право забрать въ свою пользу произведенія земли, его трудами и средствами созданнаго, при владѣніи же недобросовѣстномъ, такимъ правомъ владѣлецъ старый не пользуется, и всѣ произведенія земли раздѣляютъ судьбу самой земли, т. е. переходятъ законному владѣльцу.

О правѣ наслѣдованія племянникомъ недѣлимой усадьбой съ дядей.*(Д. Утковка).*

1. Племянникъ во всякихъ случаяхъ имѣетъ право на ту часть усадьбы, какая причитается на долю его отца; въ случаѣ недѣлимости усадьбы, на коей остался жить дядя, этотъ послѣдній обязанъ помочь въ соотвѣтственной части своему племяннику устроиться и приобрести для себя другую усадьбу.

Во всякомъ-же случаѣ дѣдовская усадьба должна быть въ равныхъ частяхъ раздѣлена между дядями и, по праву представительства, племянниками. Если есть возможность, путемъ перестановки старой хаты, устроить новую, съ соблюденіемъ правилъ строительнаго устава, то, при переносѣ старой хаты, добывающійся части усадьбы долженъ помочь переносу стараго дома.

О наслѣдованіи имуществомъ вдовою и братьями наслѣдодателя.

(Х. Сотницкій Козачекъ, Одноробовской вол.).

Пока семья живетъ вмѣстѣ, при жизни ли отца, или послѣ его смерти, всё имущество считается общимъ, затѣмъ, когда въ семьѣ начинается разладъ или является какая либо причина, мѣшающая семьѣ жить вмѣстѣ, между братьями происходитъ дѣлежъ: дѣлается опись всему имуществу, приглашаются отъ 8 и до 10 и 12 человекъ сосѣдей, пользующихся уваженіемъ, дѣлятъ имущество поровну на извѣстныя части и бросаютъ жребій. Кому какая часть выпадаетъ, тотъ то и забираетъ. Отъ воли отца (если онъ живъ) зависитъ оставить того или иного изъ сыновей при себѣ, а остальныхъ выдѣлить.—Каждый получившій свою часть является съ того времени полнымъ ея распорядителемъ. Затѣмъ, если онъ поживъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, померъ, то всё его имущество переходитъ вдовѣ, и она уже является наслѣдницей этого имущества, и притомъ полной, независимо отъ того, оставилъ ли покойный мужъ ея наслѣдниковъ или нѣтъ. Затѣмъ, если она выходитъ замужъ, но при этомъ бросаетъ свой дворъ (чему не было примѣра) и переходитъ во дворъ второго своего мужа, то свекоръ или его сыновья даютъ ей часть изъ хозяйства: корову, хлѣба и т. п., а остальное остается въ распоряженіи той семьи, изъ которой вышла покойный ея мужъ. Если она остается вдовою и не оставляетъ своего двора, то, кромѣ того, что она является полной хозяйкой въ имуществѣ, она можетъ оставить за собой и надѣлы покойнаго мужа, при томъ условіи, конечно, если будетъ исправно уплачивать платежи за нихъ. На надѣлъ этотъ и вообще въ хозяйство свое она можетъ принять кого

ей угодно, даже крестьянина изъ другой губерніи, и родъ покойнаго мужа не вправѣ вмѣшиваться въ ея имущество и предъявлять какія либо права на ту или другую часть его.

О наслѣдованіи сестрами, вышедшими замужъ, при братьяхъ.

(С. Б. Даниловка).

Дочери не наслѣдницы къ имуществу, оставшемуся послѣ отца, а они получаютъ изъ движимаго при выходѣ замужъ. Если же имущество материнское, то все имущество получаютъ дочери.

О правѣ домохозяина распорядиться до смерти своимъ имуществомъ и о наслѣдованіи братьями.

(С. Калутаевка, Липецк. вол.).

1. Каждый домохозяинъ безусловно можетъ распорядиться на случай смерти своимъ движимымъ и недвижимымъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, какъ ему угодно, если дѣти не участвовали въ пріобрѣтеніи или поддержаніи означеннаго имущества.

2. Родовое-же дѣдовское имущество переходитъ, въ порядкѣ наслѣдованія, къ прямымъ наслѣдникамъ въ равныхъ доляхъ, при наличности участія ихъ въ трудѣ, или капиталѣ, по поддержанію хозяйства.

3. При условіи-же, если одинъ изъ наслѣдниковъ не жилъ при жизни наслѣдодателя въ общемъ хозяйствѣ и не участвовалъ въ трудѣ на него по капризу, вслѣдствіе неповиновенія старшему члену семьи (наслѣдодателю), въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, послѣдній, т. е. наслѣдодатель, можетъ лишить его наслѣдства даже родового. Это право покойнаго неотъемлемо въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: а) часто дѣти, вышедшія изъ повиновенія родителей преклоннаго возраста, бросаютъ ихъ и безъ паспорта отлучаются невѣдомо куда до смерти стариковъ, которые, будучи неспособны къ труду, вынуждены нанимать рабочаго для обработки земли и поддержанія хозяйства; за неимѣніемъ же средствъ для найма рабочихъ, они бывають вынуждены принимать къ себѣ въ хозяйство кого нибудь изъ членовъ об-

щества на условіяхъ, весьма распространенныхъ въ подобныхъ случаяхъ: эти послѣдніе должны ихъ кормить, обрабатывать землю, поддерживать хозяйство, вносить за нихъ подати и по смерти похоронить, и какъ-бы въ уплату за всё это покойники оставляютъ этому кормильцу ихъ движимое и недвижимое имущество, хотя-бы родовое. Такое право вытекаетъ изъ безвыходнаго положенія родителей, неспособныхъ къ труду, оставленныхъ сыновьями, находящимися въ безвѣстной отлучкѣ, благодаря которой родители даже не могутъ обратиться къ покровительству закона. б) Всякое хозяйство безъ правильнаго присмотра очевидно падаетъ и приходитъ въ окончательное разореніе; выкупные платежи, совмѣстно съ трудомъ членовъ семьи, какъ-бы даютъ право этимъ послѣднимъ считать родовое имущество уже частью благопріобрѣтеннымъ, а слѣдовательно пріобрѣтается и право распоряженія имъ по своему усмотрѣнію. Чтобы не впасть въ ошибку и не лишитъ родовой части наслѣдника, вышедшаго давно изъ общаго хозяйства не по своей винѣ, а въ силу какихъ либо обстоятельствъ, само общество, зная хорошо семейныя отношенія всѣхъ членовъ своего общества, является всегда на помощь, или—вѣрнѣе сказать—являлось до реформы 1889 года волостнымъ судамъ.

О наслѣдованіи дѣтьми обоого пола въ имуществѣ ихъ матери.

(Сл. Уды).

Если, послѣ смерти матери, остается имущество движимое, то дочери, при отсутствіи духовнаго завѣщанія, получаютъ часть движимости и то, что носитъ общее названіе „приданнаго“, всею-же остальною движимостью и недвижимымъ имуществомъ, наслѣдуютъ сыновья, на которыхъ лежитъ обязанность выдавать замужъ сестеръ въ томъ случаѣ, если это не сдѣлано при жизни матери.

О наслѣдованіи сестеръ къ имуществу бездѣтнаго брата, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола.

(Г. Золочевъ).

Если братъ умеръ бездѣтнымъ и, изъ наслѣдниковъ по нисходящей линіи, остались въ живыхъ сестра, то эта послѣдняя

получаетъ все братнино имущество, въ чемъ бы оно ни заключалось: въ хатѣ, постройкахъ, скотѣ, предметахъ домашняго хозяйства и деньгахъ. Единственной наследницей въ этомъ имуществѣ является она, какъ въ томъ случаѣ, если она дѣвушка, такъ равно и въ томъ, если она за долго до смерти брата была выдана замужъ, слѣдовательно получила причитающуюся на ея долю часть въ видѣ приданнаго. Представители боковыхъ линій изъ имущества этого ничего не получаютъ, за исключеніемъ обязательствъ и проч., которыя могли существовать между наследооставителемъ и представителями боковыхъ линій.

О наследственныхъ правахъ сестеръ, при братьяхъ, въ отцовскомъ имуществѣ.

(С. Должикъ).

Въ обыкновенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, съ надѣльной землей, усадьбой, постройками на ней, скотомъ и проч., сестры при братьяхъ получаютъ, при выходѣ замужъ, то, что называется „приданнымъ“; изъ общаго имущества „справляется“ свадьба. Вотъ все, что получаетъ дочь. Все же оставшееся въ распоряженіи отца, а послѣ его смерти, сына, если, кромѣ этого, у отца была крѣпостная земля, приобрѣтенная имъ, то, если не было завѣщанія, она переходитъ къ сыну. Если же будетъ удостовѣренно актомъ, или инымъ путемъ, что отецъ часть крѣпостной недвижимости желалъ передать и дочери и какую именно часть, то дочь и должна получить ее.

О наследованіи старозаимочною землею пріймакомъ и боковыми.

(С. Гавриловка).

1. „Побратимы“—сводныя дѣти наследуютъ каждый въ своей „батьковщинѣ“.

2. Сводныя дѣти состоятъ въ близкомъ родствѣ, и бракъ между ними невозможенъ.

3. Вдовецъ обязанъ падчерицъ выдать замужъ изъ своей хаты; если онѣ его почитаютъ и на его семью работаютъ.

4. Племянникъ полный наследникъ въ имуществѣ своего родного дяди, если у него нѣтъ родныхъ сыновей.

5. Дочь, вышедшая замужъ въ другое общество, при отсутствіи другихъ прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуетъ въ батьковщинѣ.

6. Пріймакъ, если принять къ дочери, живетъ только на имуществѣ, но не наслѣдуетъ, а наслѣдницей остается дочь, причемъ, если дочь эта умретъ раньше и останутся дѣти, а пріймакъ женится на другой и будетъ имѣть еще дѣтей, то послѣдніе не наслѣдуютъ въ имущество пріявшаго.

7. Пріймаки мужъ и жена, принятые къ бездѣтному, владѣютъ только по письменнымъ документамъ, а при отсутствіи документовъ вытѣсняются наслѣдниками.

8. Старозаимочная земля, если не находится наслѣдниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія, поступаетъ въ пользу общества.

О наслѣдованіи материнскимъ имуществомъ дочерями, при существованіи сыновей.

(С. *Пересьчное*).

1. Слово „побратымъ“ не употребляется, а „сведеннія“—сводные братья и сестры наслѣдуютъ каждый въ своей отцовщинѣ.

2. Отецъ обязанъ выдать замужъ сводныхъ дочерей изъ своей хаты и прилично снарядить, если работаютъ на его семью.

3. Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ въ отцовщинѣ, а братья обязаны выдать замужъ изъ отцовской хаты и прилично снарядить.

4. Дочери въ „материзнинѣ“, движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, даже если выйдутъ и замужъ, полныя наслѣдницы и даютъ часть братьямъ по своему согласію.

5. Незаконорожденные не наслѣдуютъ въ имущество мужа ихъ матери, а наслѣдуютъ въ имущество послѣдней.

6. Незаконорожденные, при существованіи законныхъ наслѣдниковъ, наслѣдуютъ въ материнскомъ, а законные въ отцовскомъ.

7. Въ имуществѣ матери, при отсутствіи отцовскаго имущества, наслѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти „по братски“ поровну; обыкновенно же мать „за живота“ распределяетъ.

8. „Жировыя дѣти“, т. е. прижитыя до брака лицами, которыя затѣмъ вступили въ бракъ, признаются наравнѣ съ за-

конными и такимъ путемъ наслѣдуютъ; при крещеніи обыкновенно записываютъ такихъ дѣтей по фамиліи отца.

9. Часть, оставленная отцомъ, при раздѣлѣ сыновей, на себя, переходитъ различно: къ одному сыну, поровну, въ неравныхъ частяхъ, въ зависимости отъ воли отца, который распредѣляетъ оставленную часть при жизни, въ противномъ же случаѣ сыновья дѣлятся, если платили платежи поровну и похоронили отца на общія средства.

10. Сводные братья и сестры признаются въ близкомъ родствѣ, и бракъ возможенъ развѣ только въ третьемъ колѣнѣ или далѣе.

11. Отцовская часть, т. е., оставленная при раздѣлѣ сыновей отцомъ на себя, переходитъ къ тому изъ сыновей, у котораго отецъ жилъ, кто похоронилъ и кто платежи за его часть платилъ.

О правѣ наслѣдованія „пріймака“, при наличности родного сына.

(С. *Ольшани*).

Принятый къ дочери домохозяина или посторонній пріймакъ, въ прежнее время, въ обезпеченіе себя, дѣлалъ документъ въ волостномъ правленіи о передачѣ принявшими опредѣленнаго имущества принятому; документъ этотъ подписывался сторонами и добросовѣстные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемъ—люди болѣе состоятельные, совершали духовное завѣщаніе. Къ обществу рѣдко обращались за разрѣшеніемъ, хотя и бывали подобные случаи. Если происходили ссоры и пріймакъ прожилъ немного, то пріймака удаляли, вознаградивъ по расчету за прожитое деньгами или частью имущества. Домохозяинъ, выдѣливъ старшаго сына, имѣлъ право на оставленное на себя имущество принять „пріймака“; такой пріймакъ, прожившій на имуществѣ домохозяина до смерти послѣдняго, платя всѣ платежи и похоронивъ, наслѣдуетъ этимъ имуществомъ. Если у принявшаго, при пріемѣ „пріймака“, были малолѣтніе наслѣдники мужскаго пола и „пріймакъ“ прожилъ до ихъ совершеннолѣтія, то домохозяинъ „за живота“ распредѣлялъ свое имущество между своими родными дѣтьми и „пріймакомъ“. Если онъ не успѣлъ распредѣлить, то наслѣдники вы-

дѣляютъ пріймаку часть изъ имущества, если пріймакъ приобрѣталъ и увеличивалъ имущество, въ противномъ случаѣ, т. е. если расточилъ имущество и пьянствовалъ, изгоняють „пріймака“ и ничего не даютъ. Принятый безъ документа не могъ изгоняться, и обыкновенно старики сосѣди удерживали говоря: „если ты-де прогонишь, то придется платить“; на томъ оканчивалось и пріймакъ оставался жить. Въ настоящее же время т. е. въ послѣдніе годы всѣ „пріймаки“ совершаютъ документы и запрашиваютъ согласія общества, что и было, повидимому, въ виду, при прежнемъ установленіи существованія обычая наследованія пріймаковъ. На положеніе „пріймака“ въ прежнее время имѣлъ большое вліяніе платежъ „подушнаго“; кто отдавалъ свою душу „на платежъ“, тотъ тѣмъ уже какъ-бы передавалъ и имущество, обезпечивающее платежъ и по необходимости долженъ былъ совершать документъ, такъ какъ переписывая по книгамъ платежъ подушнаго, въ то же время писали и условія передачи имущества.

О правѣ наследованія жены послѣ мужа и о правѣ пользованія надѣломъ умершаго бездѣтнымъ сына.

(С. *Васищево*).

Жена умершаго домохозяина является, по обычаю, полной домохозяйкой, она пользуется всѣмъ имуществомъ умершаго, движимымъ и недвижимымъ, распоряжается имъ, и боковые родственники умершаго права этого лишить ее не могутъ, хотя бы она была и бездѣтна. По смерти бездѣтнаго сына имущество его, при отсутствіи жены, поступаетъ родителямъ въ пожизненное пользованіе, а въ противномъ случаѣ женѣ и, уже по смерти ея, родителямъ умершаго. Это правило по отношенію къ родителямъ практиковалось въ томъ случаѣ, если родители выдѣлили сына изъ своего имущества. Если-же сынъ самъ приобрѣлъ имущество, приставъ напр. въ пріймы, то на такое имущество родители сына права никакого не имѣють.

О правѣ домохозяина распорядиться своимъ имуществомъ на случай смерти.

(С. *Несочинъ*).

1. Обыкновенно отецъ, отдѣливъ сыновей, оставляетъ часть на себя, которою можетъ, на случай смерти, распорядиться

по своему усмотрѣнію, и въ большинствѣ случаевъ отецъ отписываетъ тому изъ сыновей, кто при немъ жилъ и его похоронилъ по христіанскому обряду, если-же всѣ сыновья платили за оставленную на отца часть и похоронили, то отецъ дѣлать свое имущество на всѣхъ. Случаевъ отдачи отцомъ по духовному завѣщанію одному сыну, въ ущербъ остальнымъ, какъ родового, такъ и благопріобрѣтеннаго, не было. Отецъ, чувствуя приближеніе смерти, призывалъ сосѣдей и словесно указывалъ каждому изъ своихъ наслѣдниковъ части имущества, по возможности уравнивая ихъ стоимость, въ землѣ указывалъ каждому слѣдующее ему „загоны“ и „садки“. Если, по смерти отца, братья живутъ мирно и уважаютъ память отца и его посмертныя распоряженія, то „держуть“ такъ, какъ отецъ указалъ, въ противномъ случаѣ обиженный или считающій себя таковымъ обращается въ судъ. Судъ, черезъ опросъ свидѣтелей, устанавливалъ стоимость частей въ моментъ распоряженія отца и старался уравнивать, сохраняя за наслѣдникомъ указанная части отцомъ. До смерти-же отца, каждый изъ наслѣдниковъ его свято выполнялъ волю отца и пользовался только тѣмъ, что отецъ указалъ. Если домохозяинъ не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ и желалъ имущество вручить члену „чужой фамиліи“, то дѣлалъ духовное завѣщаніе. Такая духовная совершалась въ присутствіи четырехъ или болѣе стариковъ, сельскаго старосты и непременно подписывалась священникомъ, съ приложеніемъ церковной печати; духовная хранилась или въ церкви или чаще у того, кому отписано имущество. При совершеніи духовная свидѣтельствовалась въ волостномъ правленіи и по смерти никуда не представлялась. Случаевъ распоряженія имуществомъ, кромѣ главы семейства, другими членами семейства не было. Женщины свое имущество—„материэну“ могли отдавать по словесному и письменному завѣщанію. Домохозяинъ, желая обезпечить свою жену, при прямыхъ наслѣдникахъ, совершалъ „передаточную“ росписку о передачѣ части родового и благопріобрѣтеннаго имущества женѣ по ея смерти или до выхода замужъ; передаточная росписка имѣла временный характеръ, а духовная имѣла характеръ вѣчнаго владѣнія; въ передаточной роспискѣ

ставились условія, чтобы жена жила при дѣтяхъ и проч. Душеприказчиковъ не было. Лица, въ пользу которыхъ отписано имущество по духовному, тотчасъ вступаютъ въ распоряженіе имуществомъ, т. е. скорѣе хозяйничаютъ подъ надзоромъ завѣщателя. Словесныя распоряженія, касающіяся имущества между прямыми наслѣдниками, относятся также къ третьимъ лицамъ, обязывая выдать замужъ, или выдать столько-то при выдачѣ. Домохозяинъ имѣетъ право и совершаетъ духовную на имя жены на благопріобрѣтенное имущество, если нѣтъ наслѣдниковъ прямыхъ. Завѣщатель имѣетъ право во всякое время измѣнить и уничтожить духовную. Духовныя завѣщанія не приводились въ исполненіе, такъ какъ, при жизни завѣщателя, наслѣдники вступали въ пользованіе имуществомъ.

О силѣ и значеніи духовныхъ завѣщаній въ крестьянскомъ быту.

(С. Перестъное).

Духовныя завѣщанія существовали, какъ письменныя, такъ и словесныя; письменныя совершались очень рѣдко, словесныя завѣщанія совершались въ присутствіи и болѣе сосѣдей—стариковъ и старосты, если онъ могъ быть; письменныя духовныя совершались за подписью 4 и болѣе свидѣтелей, священника въ церковную печатью и старосты съ его печатью. Духовныя завѣщанія письменныя свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи, при жизни наслѣдодателя. Духовныя хранились у того, кому отписано имущество, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ церкви. Случаевъ назначенія душеприказчиковъ не было. При жизни домохозяинъ опредѣлялъ каждому изъ сыновей опредѣленную часть имущества, оставивъ часть на себя; оставленную часть на себя отецъ отдаетъ кому нибудь изъ наслѣдниковъ, кто его кормить и похоронить по христіанскому обряду, по словесному или письменному завѣщанію или закрѣпляетъ за ними по „дарственной“ или „запродажной“; если сыновья всѣ кормятъ, платятъ за часть и похоронять, то отецъ дѣлитъ оставленную на себя часть на всѣхъ. Раньше письменные документы вообще рѣдко совершались. Отецъ старался распредѣлить части между наслѣдниками поровну, а если давалъ кому либо больше, то дѣлалъ документъ:

„передаточную“, запродажную, дарственную записи. Случаевъ отдачи по завѣщанію одному изъ прямыхъ наслѣдниковъ родового имущества въ ущербъ другимъ не было. Домохозяинъ могъ распорядиться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Домохозяинъ, желая обезпечить вторую жену, при прямыхъ наслѣдникахъ, могъ совершить духовное завѣщаніе на благопріобрѣтенное имущество въ пользу жены, а на родовое могъ только совершить — и то только на часть, „передаточную росписку“ по смерти или до выхода замужъ. Женщина могла своимъ имуществомъ распорядиться какъ по письменному, такъ и по словесному завѣщанію, причемъ, сравнительно съ мужчиной, женщины всегда сами распредѣляютъ свое имущество. Домохозяинъ совершивши духовную или другую запись могъ уничтожить или измѣнить ее. Случаевъ распоряженія имуществомъ опредѣленнымъ членамъ семьи при жизни домохозяина не было, а имущество, или переходило къ наслѣдникамъ умершаго или, за отсутствіемъ послѣднихъ въ прямой нисходящей линіи, оставалось во дворѣ домохозяина. Домохозяинъ, распредѣляя части словесно или письменно, обязывалъ наслѣдниковъ въ пользу третьихъ лицъ, вродѣ выдачи сестры замужъ или выдачи денегъ и проч. Случаевъ отдачи родового имущества въ боковыя линіи при существованіи наслѣдниковъ въ нисходящей линіи не было. Домохозяинъ, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, желая передать имущество въ чужую фамилію, совершалъ купчую, дарственную, запродажную и проч.

О правѣ наслѣдованія частью имущества, оставленнаго отцомъ на себя, при раздѣлѣ сыновей.

(С. Гавриловка).

Духовныя завѣщанія существовали какъ словесныя, такъ и письменныя; словесныя завѣщанія совершались при свидѣтеляхъ старикахъ отъ 3 до 12 человекъ и въ присутствіи сельскаго старосты, если на тотъ случай можетъ явиться; письменныя совершались при свидѣтеляхъ отъ 3 до 4, подписывались непременно священникомъ, съ приложеніемъ церковной печати, и сельскимъ старостой съ его печатью; при совершеніи

духовныя завѣщанія свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи; по смерти эти духовныя никуда не представлялись; духовныя завѣщанія хранились у того, кому завѣщано имущество. Домохозяинъ, при жизни, словесно, при свидѣтеляхъ, распределяетъ имущество между своими прямыми наследниками, оставляя часть на себя. Оставленную часть отецъ опредѣляетъ тому изъ сыновей, кто его кормилъ, за часть платилъ и похоронилъ по христіанскому обряду; если всѣ сыновья кормятъ, платятъ за часть и похороняютъ, то дѣлится часть на всѣхъ. Если отецъ желаетъ отдать оставленную на себя часть, то долженъ сдѣлать духовное завѣщаніе; при отсутствіи завѣщанія письменнаго, часть раздѣляется, независимо отъ того, было ли словесное распоряженіе или нѣтъ; вмѣсто духовной часто на эту часть совершается дарственная запись. Раздѣленные сыновья вступаютъ во владѣніе имуществомъ, при жизни отца, и не спорятъ въ это время, а, по смерти отца, обиженный обращался въ судъ, который при разрѣшеніи принималъ во вниманіе стоимость опредѣленной части и другія обстоятельства и старался уравнять, не нарушая указаній домохозяина. Случаевъ отдачи по духовному завѣщанію одному сыну родового имущества въ ущербъ другому сыну не было; благопріобрѣтенное же имущество отецъ могъ отписать одному. Женица имѣла право распоряжаться своимъ имуществомъ какъ, по словесному, такъ и письменному завѣщанію. Домохозяинъ, желая обезпечить свою жену, при прямыхъ наследникахъ, совершалъ „передаточную росписку“, опредѣляющую часть изъ родового и благопріобрѣтеннаго имущества по смерти или до выхода замужъ. Благопріобрѣтенное домохозяинъ могъ отписать по духовному завѣщанію своей женѣ. Какъ по письменному, такъ и по словесному завѣщанію опредѣляются обязательства наследниковъ въ пользу третьихъ лицъ, вродѣ выдачи замужъ по состоянію и проч.

О правѣ наследованія дочери, вышедшей замужъ за крестьянина другого общества.

(С. *Одноробова*).

Если дочь выходитъ замужъ за крестьянина другого общества и, слѣдовательно, оставляетъ, то, въ которомъ жилъ по-

койный ея отецъ, то она должна получить все движимое и недвижимое, за исключеніемъ усадьбы и полевого надѣла. Въ Одноробовкѣ усадьбы составляютъ нераздѣльную часть надѣла и входятъ въ эти послѣдніе. Если-бы вышедшая замужъ въ другое общество крестьянка получила отцовскую усадьбу, то, не живя на ней, она не отбывала-бы натуральныхъ повинностей, равнымъ образомъ, если бы она держала на этой усадьбѣ какого нибудь временно проживающаго квартиранта, то и этотъ послѣдній не отбывалъ бы тѣхъ-же самыхъ повинностей.

О правѣ наслѣдованія вдовы неотдѣленнаго сына, оставившаго дѣтей.

(С. Одноробовка).

Если вдова послѣ смерти мужа остается въ семьѣ свекра, то она является участницей въ общемъ хозяйствѣ, т. е., на обязанности какъ ея, такъ и свекра лежитъ выдавать замужъ дочерей первой и внучекъ—послѣдняго, а сыновьямъ или внукамъ выдѣлить слѣдующую имъ часть, по достиженіи совершеннолѣтія. Равнымъ образомъ и вдовѣ указывается ея вдовья часть. Если она, оставивши свекра, выходитъ замужъ и оставляетъ семью покойнаго своего мужа, то забираетъ свое приданное, заключающееся въ одеждѣ, скотѣ и пр. и, кромѣ того, свекоръ даетъ ей часть хлѣба и часть скота изъ своего хозяйства. Если между дѣтьми едтъ мальчики, а покойный ихъ отецъ имѣлъ на свою душу надѣлъ, то вдова можетъ пользоваться этимъ надѣломъ, если бы вышла даже замужъ и въ другое общество. Если же такого отдѣльнаго надѣла не было, а былъ лишь одинъ у свекра, то изъ земли она ничѣмъ не пользуется, и право пользованія имъ пріобрѣтается ея сыномъ уже послѣ смерти свекра. Наконецъ, если вдова по своему желанію оставить свекра, то въ такомъ случаѣ этотъ послѣдній въ правѣ ей ничего не дать, кромѣ ея приданнаго, которое и забирается ею съ собой; напротивъ, если поводъ къ уходу былъ поданъ самимъ свекромъ, по характеру-ли его, неуживчивости и проч., то, кромѣ приданнаго, онъ обязанъ дать ей изъ своего хозяйства хлѣбомъ, скотомъ и пр.

ОТДѢЛЪ II-й.

МАТЕРІАЛЫ

ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛ҄Я ЭТНОГРАФІЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

СТАРОВѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

12.—Сл. Бѣло-Нураино.

Гл. 3-я.

Народные рассказы и легенды.—Рассказы о разбойникахъ.

1. „*О тмѣ, видѣли взямыя мыройиды.* Якъ Богъ змѣтивъ, шо Егò сáмый старшій Янголь задумавъ Егò змистѣты, щòбъ у своей рѣки вижки взѣты, то Винъ напершъ всёго очухравъ ёмѹ изъ криль пѣрья, забравъ свою всю одѣжу, й зробывъ ёгò всёгò въ шерсты, уквичавъ рогáмы, щё й ззади й хвистъ ёмѹ причипывъ, та такъ и турнѹвъ ёгò изъ нѣба въ пѣкло.. Такъ винъ, якъ котѣвся тудѹ (дорóга, мать, булá не рѣвна), а хвистъ одпавъ и впавъ на зѣмлю тáй породѣвъ видъ себе миройидѣвъ“.

2. „*О тмѣ, якъ пѣяныця попáвъ у рай.* Умеръ пѣяныця, тай блѹкá по томѹ свѣти, шукае раю. Дѣло це булò ношнóйи добѹ. Дѣвыцьця—двѣри, й даваѣ стукотѣты.—„Хто тамъ (тáмычки), оклѣкаецьця Святѣй Петрò“?—„Це я—пѣяныця, промовывъ той“.
„Зачѣмъ ты сюдá, хибá ты ни знаѣешь, щò пѣяныци ни наслѣдуютъ цáрства Бóжого“?—„А хибá ты тодѣ бѹвъ пѣяный, якъ одъ Хрыстá одрѣкся“?..... Выслухавъ це Святѣй Петрò, почесавъ собѣ потѣлицю, тай хѣли назадкѣ, а дѹмка бѣ то все такá, щòбъ спынѣты цѣго неокáянного грѣшныка; й пославъ винъ за—мистъ себе Святòго Пáвля; идѣ, мовъ, каже, ты: мóже, спынѣшь цѣю нѣчистъ“. А пѣяныця знаѣ стучѣть... —„Хто стучѣть, гукнѹвъ Святѣй Пáвлò“?—„Пѣяныця“. —„За чѣмъ“?—„Звѣсчѣть“.

но,—раю шукаю“.—„Чи ты зъ глѣзду, бува, зѳвсимъ ни зѳхавъ: хибѧ жѳ ты не знѧешь, що пѧяницы да ни вунаслідують Цѧрствѧ Бѳжого“?—„А ты хибѧ забувъ, якъ казавъ, тай и въ Вангелѧи йе, шо—„не судѧ й не суденъ будешъ“.—Св. Павлѧ мирьщѧй до Вангелѧйя; ось, мовъ, докажѧ, начавъ розгѧртуваты, шукаты, а пѧяница тимъ часомъ-пимѧтъ поблѧ ёгѧ, та въ самѧсенский рай.—Св. Павлѧ й бѧйдѧже собѧ, все шука, а тоѧ давнѧ вже у раѧ. Оттакъ то пѧяница попавъ у рай“.

3. „О тимъ, що трапѧлось Давѧду, якъ допысувавъ псавтырь. (Хто кѧнчивъ псавтырь). Цѧрь Давѧдъ довго мѧсувавъ, якъ бы лѧчче закѧнчыты свѧй псавтырь; а жѧбы, якъ на злѧ, розкрычѧлись напрѧтивъ ёгѧ хѧты у ѧзерѧ и зѳвсимъ мѧшалъ ёмѧ: ни якъ сердѧга не прыдѧма, чѧмъ розквытацьця, попѧвныты та закрасыты на кѧнцѧ свѧй псавтырь; й начавъ зъ досѧды, та злѧсти, що ни йе, зъ усѧйёйѧ сѧлы прокльнѧты цѧю помѧху—гѧспѧдськихъ жѧбъ; ужѧ винъ: й шобъ на васъ лѧхѧ годѧна, й шобъ вы пропѧлы, й трѧсьця вамъ, а дѧли й одѧмвѧся: та нѧ що жѧ це я йѧхъ лѧю?—ить и воно жѧ животѧна, ёгѧ Богъ создавъ, и всѧкое живѧтное дыханѧе тожѧ хвѧлыть Гѧспѧда. Якъ казавъ це Давѧдъ, такъ и спѧдхвѧтывся зъ стильцѧ, зрадѧвъ: „стой, кѧже, це самъ Богъ навѧвъ менѧ на цѧ мѧсли, тепѧрь знѧю, шо робѧты“,—та взявъ тодѧ тай закѧнчывъ свѧй псавтырь тѧмы словѧмы, що зпокутовавъ свѧй грѧхъ за прокльѧтыя жѧбъ: „Всѧкое дыханѧе да хвѧлыть Гѧспѧда“.—И такъ, якъ бы ни лучѧсь на цѧ пору жѧбы, ни зѧщо бъ Давѧдъ не кѧнчывъ бы свѧй псавтырь; знѧчыть, кѧнчылы псавтырь жѧбы“.

4. „О тимъ, якъ хотѧлось Св. Петру наградѧты бѧдною. Одынъ разъ йшовъ Исѧсъ Хрѧстѧсъ зъ Св. Петрѧмъ, й зайшлы ночувѧты до одного вѧбого чоловѧка,—мѧжно бачъ бы й до багачѧ, такъ разговѧтувалысь: бѧдный, кѧжуть, лѧчче—усѧрднѧщъ прѧйме. Прѧйшлы; тоѧ бувъ такой радъ, шо не знавъ, де йѧхъ и посадыты й чѧмъ погостѧты; прѧнавъ, звѧсно, похрѧстыѧнському. Отъ переночувѧлы вони, вѧйшлы одъ бѧдного и йдѧть чѧрезъ мѧсть, а Св. Петрѧ й кѧже: „Гѧспѧды! давѧй постаवѧмо отѧтъ на цѧмъ мѧсткѧ глѧчѧчокъ золѧтыхъ оцѧмѧ бѧдолѧзи, де мы ночувѧлы, ёмѧ никуды бѧльшъ вѧйты зъ двѧру, якъ не на цѧей мѧсть, и отѧ винъ йѧтѧме й вѧзьме ёгѧ собѧ за

ѣго добру до насъ ласку“. (Бачъ, нельзя бѣ-то, скажемъ, було йимъ тодѣ самымъ дѣты, чи може забўлы).—„Хибѣ жъ вонѣ вони ёму й достануцьця, хочъ-бы й поставыгы оцѣ ихъ тутъ? Скорѣшь вѣзьме онъ той багачъ, шо чотыри пѣры волѣвъ маѣ“.— „Ни такѣ, каже Св. Петро, поставымо тѣй поставымо, може такѣ вѣзьме“,—и зъ тымъ настѣйивъ наградыты бѣдного.— „Ну ходѣмъ же, сказавъ Исусъ, геть вѣдциль, станемъ ѡдалъ та будемъ дывѣцьця, чи вѣйде правда“.—Наложѣлы повнѣнький кушѣнчикъ золотѣхъ й поставылы на мисткѣ, а самы засѣлы у бѣрези й зарѣать, шо зъ цѣго вѣйде. Дѣвляцьця,—йдѣ бѣдный по грѣбли черезъ мистъ; дохѣде до мѣсту, подывѣвъсь кругѣмъ себѣ, знявъ шапку й каже: „Бѣже мѣлостывѣй! якъ вонѣ отѣ слипѣ ходѣать чѣрезъ цѣй мистъ, колѣ вонѣ тутъ й выдѣчому страшно:—кудѣ не глянь, сама вода та такъ и бурѣе; дай и собѣ зажмѣру ѡчи, спрѣбую, може такъ—невѣдѣчому не такъ страшно бѣде“. Заплѣщивъ ѡчи и пишѣвъ собѣ чѣрезъ мистъ, мовъ слипѣй бачъ, тѣй пройшѣвъ кушѣнчикъ зъ грѣшьмы. От-такѣ,—дывѣцьця Св. Петро на цю кумѣдию й почисѣвъ потѣльцю. Цѣ згѣдомъ трѣхи, якъ сѣнце стѣло о пивднѣй, йде багачъ зъ плѣгомъ, запряженымъ чотырьмѣ пѣрамы волѣвъ и тожъ собѣ на мистъ, кричѣть: „сѣбъ, сѣбѣ! гей, гей!“ й тѣки зѣйхавъ на мистъ, дѣвѣцьця блищѣть кушѣнчикъ золотѣй; „тпру!“ слынывъ мирѣщѣй волѣвъ, до ѣго, а вѣ ёму повнѣисинько золотѣхъ. Нахѣлѣвся й взявъ багачъ тѣгроши й не перехрѣстывся, ще й попинѣвъ: „бачъ, каже, не зумѣвъ хтѣсь якого добра берегѣты!“.. Зъ тыхъ пѣрь пишѣвъ багачъ ще й дѣжче багатѣты, а бѣдный бѣднѣты.—„А шо, каже тодѣ Исусъ Св. Петру,—не я казѣвъ?“ Такѣ-то“!

5. „Гонѣны на Хрыста. Було йкосъ разъ гонѣны на Хрыста одъ хварысѣйивъ; отъ вони шо ускѣчуть у одынъ двѣрь, а Хрыстѣсь ужѣ у дрѣгомѣ,—вонѣ у дрѣгий, а Хрыстѣсь у трѣтий и ось-ось ужѣ за малѣмъ остѣлось йимъ спѣймѣты,—дѣли дѣвляцьця, а Винъ вже пишѣвъ у пѣле й ставъ кѣло тогѣ чоловѣка, шо розсѣва собѣ нѣву. Прѣйшѣвъ Хрыстѣсь й начавъ просѣтысь, шѣбъ той чоловѣкъ схѣвавъ бы ѣго де-нѣбудъ одъ врагѣвъ, бо ось вже, каже, недалѣчко за мноѣй йдутъ хварысѣйи, вѣзьмутъ менѣ й бѣдутъ истязѣты на своѣ потѣху.--„Боѣсь,

одвичѣ той, нигдѣ въ мене Тоби заховѣтысь, а знайдуть й менѣ на медь бѣде“.—„Ну, такъ зъ тымъ прощай, а якъ прѣйдуть до вѣзу, такъ ты й ихъ забалакай, щобъ дали минѣ одъ й ихъ одиты“.—Пишѣвъ собѣ дали Хрыстѣсь, а мужикъ, кончивъ розсѣваты й затѣго кончавъ волочиты, колы такъ—идѣ цѣла юрма хварысѣйивъ та такъ прѣмо до вѣзу й гребѣцця: „чи не бачивъ ты, мовъ, дѣду, де Хрыстѣсь дивѣвся, куды видъ тебѣ винъ пишѣвъ“?—„Недавнично, одвичѣ, бувъ тутъ хтось коло мене, просѣвся сховѣтысь, й ниякъ давнѣ, каже: тодѣ, якъ я цю нѣву зберѣвся коньчѣты сѣяты“. Ти зиркъ на нѣву, а вона вже зеленѣе й затѣго зберѣецця колосья викидѣты; колыжъ це вона тутъ булѣ те дѣло, дѣмають? Тай пишлѣ назадъ, обизналысь бачъ бы то, мѣже й збудылы.—А дидъ стойтъ тодѣ надъ своѣю нѣвою й самъ не свий одъ такогѣ чѣда“.

6. „*О тимъ, зъ чѣмъ взялысь ведмѣди.* Йшѣвъ разъ Госпѣдъ зъ Св. Петромъ чѣрезъ мистъ, а зъ-пидъ мѣсту вѣбигъ чоловикъ у вѣвернутому кожусѣ,—винъ за здалегидъ йще заховѣся тамъ. и дѣмка бѣ то булѣ въ ѣго злякѣты Исуса и Петра,—та якъ крикне: „ве“!.. а Госпѣдъ одвернѣвъ одъ ѣго, плѣнувъ й сказѣвъ: „ну, такъ иды жъ тепѣрь собѣ у цѣй шкѣри на вси крайи свѣта, лякай людеѣ, а люды тебѣ“. Пишѣвъ тодѣ той чоловикъ ведмѣдемъ, а зъ ѣго й намѣжился вже й по всѣмѣу свѣту ведмѣжий рѣдъ. Отъ тымъ то ведмѣдъ й похѣжий на людѣну“.

7. „*Видкли възялысь гадюки.* Гадючки тожъ взялысь одъ того. шо одной жѣнцѣ хотѣлось чи злякѣты бѣ то, чѣ, мѣже, пошутковѣты зъ Хрыстѣмъ и св. Петромъ. Ийдуть бачъ вони пѣсля того, якъ чоловикъ хотивъ й ихъ злякѣты, а вона й повзѣ рѣчки и гѣла, та йимъ пидъ нѣги и почалѣ сычѣты: вѣсолыла языкъ й ну—„с... с... с“!—Госпѣдъ проклявъ йий й сказѣвъ: „зъ сѣго чѣсу, ты бѣдешъ новѣнною на землѣ, цѣлыѣ викъ тобѣ пѣвзаты на пѣзи й безъ одѣжи“. Жѣнка полизла гѣдыною й расплодыла й ихъ одъ себѣ по всѣмѣу свѣту“.

8. „*О тимъ, якъ хотѣлы Хрыстѣ зубыты.* Иродово вѣйсько заздрѣло, шо Йѣсыхъ зъ Бѣжою Мѣтирю неслѣ кудысь млѣдѣнца Исуса, й пѣстылысь за нѣмы наздогѣнъ, щобъ стрѣбѣть млѣдѣнца. Йѣсыфъ зъ Марѣю змытылы погоню, прыбѣлысь у однѣ жильѣя та мирщѣй въ хѣту, а тамъ сидѣтъ хозяйка надъ

колыскою й кача своє дитынча; вони отò довго незабарёмь, взяли ёго зь люльки соби на рѹки, а свогò положили на помість й упросили ту жінку чужє назвати свойимь, а своє чужимь. Вона такь и зробила. Настыгли гонители взяли зь рукъ Божойи Матери младєнца, распалили у пичи, й бросили ёго тудà. А Спаситель такь спасся. Зь тыхъ пирь прынычтожилося гонєны на Христа“.

9. „*О Велькодню*. На що мы такь кажемь: „Велькдень?“— Велькдень називаецьця потому, що вь те время, якь Христòсь родився, свитыло сонце и стоявь одынъ такой день, шо тепєришнихъ трєба цїлыхъ симь днивъ зложиты до кѹпы. Дни ци помєнчача зь тыхъ пирь, якь жиды роспьяли Христа; тодї, це бачь було на препослїдокъ, якь звийшло сонце у недїлью вь равьци, та зайшло ажь у субòту у вєчери, а потимь тóго тодї и тепєрь дни помєнчача и тїлко у цєрквы царьски врата такь стоять навстязь симь сѹтокъ, якь зпершъ колысь стоявь день и свитыло сонце. Такь ось чогò винь такь зовєцьця,—винь тепєрь вь годѹ одынъ, якь колысь, до Христового роспьятыя вони були шо дня“.

10. „*Утренняя, обїдня и вечерня*. Якь ўтренний морòзъ прыбє на дѹби лысть, а сонце глїве и лысть опадє, такь все равнò ўтреня и обїдня: у вѹтриню ты прыносышь вси свойи грихї, шо за тѹждень нарòбывь, и цєркава йихъ охвачує, якь той морòзомь лысть, а обїдня, та вже, бачь, зовсімь проща твойи грихї, якь те сонце, шо пїсля ёго отпадаецьця побитый морòзомь лысть. Вечерня слѹже за-для тóго, щобь вь нєи згадувати дневнї свойи грихї“.

11. „*Шо есть быблия*. У бѣблии и весь свить завязанный и звязанный; йийи ниякъ немòжно прочитаты, бо й хто по натѹжицьця, захоче бачь бы то все узнаты, шо вь ний йє, такь той хочь нехай шо, такь ззума зыйде. Грамотнымь людямь особливо трєба берегтись, бѣблии, бо тамь йє таки слова, щой мòжно таки читаты, а промижъ нмы то йє й таки, шо ниякъ не годыцьця йихъ казаты“.

12. „*Кимъ наповныцьця пєкло*. Пєкло наповныцьця попамы, панамы, неправеднымы судиямы и ковалямы, бо й ци послїдни рая ве наслїдують,—вони кували жидамь гвòзди прыбиваты Хры-

ста.—Про кабаччика й мирóшныка ще й на тимъ свѣти не думалысь, куды йихъ помистыты,—бо кабаччикъ недосыпавъ, а мирóшныкъ такъ бравъ, шо ажъ чѣрезъ верхъ сѣпалось“...

13. „*Про Анцѣхрыста*. Анцѣхрысть народыцця изъ православыныхъ. Отò може взамыты вамъ, шо колысь будò усè небо червоне, такъ отò тодѣ сáме одынь анцѣхрысть народывся. Вонѣ родяцця чáсто, та тилко йимъ все невдаецця властвувати мѣромъ,—якъ який оцѣ народыцця анцѣхрысть, то й начинáе борóцця зъ Бóгомъ, и якъ одолѣе колы, який зъ йихъ небудь. Бóга,—ото й начнецця стрáшный судъ;—такъ Богъ, бачъ вамъ недоказавъ, такъ удáривъ тогò анцѣхрыста, шо вмѣсти зъ червонымъ небомъ родывся, шо ажъ земля затрусѣлась и трѣснула й ёгò (анцѣхрыста) у трѣщину втягло“.

14. „*Видьмы*. У насъ у Курáковий одъ здорового мóсту и до сáмои Тѣхоньскои цѣркви двонáдцять видѣмъ. Зибралысь разъ мужики на вóльци дѣя (бѣля) Бабаевои кумóри, совсѣмъ вже на смеркáнни, бачуть: де не взылась пирѣста кобыла, въ ботѣнкахъ на ногахъ, тай снує халѣра на ўзбичи поверхний пирѣи, мóвъ глазѣ, мы схопылысь та мирыщѣ до неѣ, й гайнулы въ слѣдъ за нею, а вона хѣли, та въ пѣстку у викно и цѣзла; трѣба бѣ булò отò и собѣ туды дойти бѣ такѣ дѣла,—такъ побоялысь“.

„У одной станѣици цей годъ вѣмерлы козáки, соть до чотырѣхъ, та самѣ пайковѣ, прѣмо мижѣньни, а дощѣ цей годъ, за всю вѣсну и лѣто, тамъ нѣякъ ёгò не булò, и цѣ все прычыною цѣмѣ всѣмѣ одна гѣмонова видьма; вона, чортѣвъ би ёѣи кѣча, такъ поробыла. Ну, тай не безъ дóбрихъ же й людѣй, найшлысь такѣ, що дошлы й до цѣго; найшлы, шо робыты, якъ гóрю пособыты. Кажуть, хтось пронюхавъ тай проказавъ про неѣ, що вона, якъ зачула свою смерть, шо ёсь вже наблыжаецця, тай стáла скрѣзь ходыты та росказуваты, а мѣнчимъ сѣбе приказъ даваты: „мынулось моѣ царствувáння, видьмывська потѣха, о-сѣ-сѣ ззо мною смерть лучѣцця, я й бачу ийѣ, якъ вона зъ косою за плечѣма въ мѣне хóде, такъ вы тодѣ, якъ будѣ вáша лáска, кажѣть людымъ, шо робыты одъ неврожáю: нехáй вонѣ перилóвляють всѣхъ пивнѣвъ по всѣй станѣици, повыврýвають до: канцура йимъ зъ хвостѣвъ пѣрѣя, щóбъ булы“

кѣди, и потѣмъ треба ззирѣты те пѣрѣ, пѣтѣ у якѣй нѣбудѣ глыбѣкѣй ярѣ и повстромлѣты ёгѣ тамѣ,—й квѣтъ—все бѣде ѣнѣякъ, горѣздѣ“.—Такѣ вонѣ, братѣ ты мѣй, якѣ зрѣбѣлы тѣ-кѣчки, такѣ-такѣ и нѣшѣвъ дощѣ; а це вѣже дѣло пѣдхѣдыло до бѣсны; й ну тодѣ роскошувѣтъ“.

15. „*О тѣмѣ, якѣ вѣдѣму пѣймѣты.* Якѣ тѣлко взнѣешѣ, замѣ-тышѣ, шо вѣдѣма здоѣла вѣже въ тѣбе корѣву, а взнѣецѣця це такѣ: якѣ пѣде молодѣця доѣты, а вонѣ будѣ молоко, та немѣ; зостѣ-нещѣця, якѣ кѣтъ наплѣкавъ, таѣ те ненѣче зѣ крѣвьѣю перѣ-мѣшанѣ. Отѣ йдѣ мѣрѣцѣй и дѣй стѣко надѣбѣшѣ; тодѣ затѣп-лой у пѣчѣ, абѣ на прѣпѣчку, колѣбѣ це ни случѣлось тамѣ: у рѣвѣцѣ, у вѣчѣри чѣ сырѣдѣ нѣчи, лѣй ёгѣ на сковорѣдку и прѣжѣ; потѣмѣ, якѣ зпрѣжѣецѣця, берѣ нѣжѣ таѣ рѣжѣ нѣмѣ по сковорѣдѣ крѣстѣ и тѣйкай ёгѣ тѣмѣ же ножѣмѣ,—и такѣ пышѣ ножѣмѣ крѣстѣ и тѣйкай, пышѣ и тѣйкай, якѣ будѣешѣ це дѣлаты, вонѣ небѣзпѣрѣмѣнно до тѣбе прѣйдѣ.—Ну, й дыкѣвынка, чѣете, я це самѣ робѣвъ и що жѣ?—Дѣвлюсь, а воно зѣ дру-гоѣ пѣрѣй прѣбѣгѣ до мѣне дѣльнѣ сусѣдка и ныкѣ, ныкѣ по хѣти все, якѣ бѣтѣто чѣгѣ вызѣрѣла; та й такѣ, нѣчѣго ни ска-зѣвше, й мѣйнѣла махѣндрѣла. Я въ слѣдѣ до нѣи: „тѣтко, тѣтко, чѣгѣ вамѣ, скажѣтъ, чѣгѣ, чѣгѣ прѣхѣдылы“?! А вонѣ вѣже й слѣдѣ тѣтчѣнѣ захѣлѣнѣвъ, й такѣ зѣ тѣмѣ нѣчѣго й не допы-тѣвсь, влѣпетнѣла; мѣбуть, и въ нѣи на душѣ такѣ зашквѣр-чѣло, якѣ тѣе молоко на сковорѣдѣ, ну, зѣ тихѣ же й пѣрѣ, якѣ нѣгу влѣмѣла, и тепѣрь, до слѣчного чѣсу, все благополѣшно“.

16. „*О тѣмѣ, якѣ пѣдѣлядѣвѣ вѣдѣму.* Колѣсь будѣ, роскѣзуютѣ ще нѣнѣи батѣкѣ, оцѣ всѣ подѣна, де оттепѣрь базѣрь, булѣ княжѣ лѣки. Стогѣвъ-стогѣвъ тѣтъ перебулѣ. Скѣтѣна ходѣла у прѣпускѣ, а корѣвы хѣбѣ такѣ, мѣбуть, булѣ якѣ тепѣрь?—Эге, мѣбуть,—рѣгѣ будѣ не достѣнѣшѣ.—Одѣнѣ разѣ унѣды-ласѣ вѣдѣма до Зѣнѣцѣ доѣты корѣвъ, хѣде таѣ хѣде, отѣ вѣнѣ возѣмѣ таѣ засѣдѣ, дѣмка бѣ то такѣ булѣ, щѣбѣ пѣймѣты; дѣ-выщѣця, а вонѣ копѣцею пѣдсѣнулѣсь и дѣе, чѣты, цѣрчѣтъ. А Зѣнѣцѣ мѣй, сѣдѣтъ, прѣтулѣвсь до плѣтнѣ и зѣ мѣсѣця не звѣрухнѣецѣця одѣ зѣяку. Вѣдѣма впрѣвыласѣ, вѣгнѣла телѣ зѣ зѣгорѣды, прѣчинѣла хвѣрѣточку та тодѣ вѣтягла зѣ борѣны зѣ-бокѣ, насѣнулѣсь на Зѣнѣцѣ и всѣдѣла ёгѣ ёмѣ въ задѣ.. Прѣй-

шовъ тоді винъ у хату чуть живий тай расказавъ, якъ було. Зубокъ той вѣтяглы ёму увесь у крові и хочъ вѣтягты й вѣтяглы, та недовго винъ, сердяга, після того поживъ,—умёръ. Кажуть, бачъ, не треба видьмы стерегты.—А булы й такі люди, ось, приміромъ, Ковтунъ; такъ той дѣвицьця,—котыцьця по дорози видьма клубкомъ, винъ взявъ ёго, прынісь до себе у хату та до лавы десь и врубавъ,—а на другий день показувавъ вже людамъ ту видьму,—бабу безъ носу“.

17. „*О тімъ, якъ видьму побачити.* У первый понеділокъ на масныцю заставъ бабу пекты млынци и первый той млынець. шо вона зпечє, возьмы, згорні ёго, якъ слидъ, положи звєрху на коминъ, и ото хай винъ тамъ лежить, не ворущь ёго до самого „Велікодня“. На Велікдень же, якъ ударють, слухай, у первый звинъ, беры ёго въ кишєню и смалы мирщій у цєркуву, стий зъ нымъ тамъ цілу вутриню; а, прыйшовше додому. сховай де небудь, у скрїни, абощо. Тоді тико дывысь, та примчай: жадна видьма, одна зсперєдъ одномъ бѣде спишиты до тебе хочъ подержацьця за замокъ“.

18. „*Мертва видьма з непокутанымъ грихомъ.* У одного чоловіка та вмєрла жінка видьма; отъ винъ взявъ тай заховавъ ий нѣшкомъ. Малось-бы то попá позваты, такъ винъ, спасѣби ёму, такє загарувавъ, шо й на голову не надїнешть: „твой жінка, ка (каже), видьма и несповїдана вмєрла“; воно бъ це все й ничого, хто бъ ёго й знавъ про тее; оцє жъ я и чоловікъ ий, а не скажи мині цєго пипъ, й далєбибъ ни знавъ сєго, а пипъ, та бувъ самъ видьмакъ родымый,—опыряка. Ну шò жъ тутъ?—подумавъ—подумавъ, хочъ и грихъ скотынякою ховаты, бо й воно жъ такий чоловікъ, якъ й мы гришни,—христьянѣнъ, та нуждà закòнъ зминя. Зправывся ото винъ зъ жінкою, а самъ пойхавъ кудысь и йиздывъ до самісинькои нòчи, дѣвыцьця,—а на зустричъ ёго бижить розпáтлана й въ одній сорòцци ёго жінка, та такъ и грибєцьця прямо до петелєкъ; винъ одъ неи, а вона за нымъ, и такъ гналась до самого двору. Чоловикъ бачє що дїло паганє, та скорйшъ батурою по шкапи, уйхавъ у двіръ, вѣпригъ наскоро коня, пустывъ пидъ повитку, а самъ мирщій у хату; засунувся и лигъ спаты; вонò й спаньня тамъ, мабуть, було вже такє; цє слуха: кругòмъ хаты шумить

гуде бурею. Оттакѣ, дѹма, несвитовѣ зтрапылось, це жѣ мой жинка зѣ непокутоваными грихамы, не лежйцьця ий сердызи у доломѣни (домовѣни), пруть ий виднѣ видтыль грихи; та такъ налякѣвся, шо и не гасывѣ каганьцьця цилу ничѣ.—Дѹмки ѣмѹ наляглы, звѣсно, ѣнчи, а мѣже й свить вѣ очахѣ одѣ зляку кругѣмѣ пишѣвѣ, помутѣвся и винѣ на выдѹ зовсимѣ змарнѣвѣ бидолага; дѣты ѣгѣ тожѣ зѣ дня на-день, сказано, мое нѣнѣко, чѣхнуть та хирѣють: журацьця, мѣвѣ, крѣпѣко дѣты за мѣмѣкою, мѣбуть. Дѹмки всяковы. Бо (Богѣ) знѣ.—А сусѣды, имѣ то виднишѣ, пидмѣтыли, шо вонѣ творѣцьця, та возмы й скажы ѣмѹ: „Отслужи, голубѣ сѣвнѣй, заклятнѣй малѣбинѣ, бо по ночахѣ, якѣ тебе немѣ дѣма, прихѣде до тебе твоя покѣйна жинка зѣ клѣдовыща, грѣе окрѣпѣ,—мѣтель, та мѣе твѣймѣ дѣтамѣ голѣвы й до тѣго ихѣ вѣре, шо вѣны, якѣ мѣрѣтѣви, выхѣдѣть зѣ кѹпылю; тодѣ ще вѣзмы, грибинѣць та й вѣоши повывѣсѣе; такѣ ось чѣгѣ вѣны вѣ тебе чѣриють“.—ѣгѣ жѣ свѣтѣ воля, шо бѣде!—На ѣншу ничѣ не свитьвѣ каганьцьця, лигѣ, притайѣвѣ духѣ, та й прислухѣйцьця; ажѣ це, бѣвайѣте здѣровѣ, якѣ ѣе о пѣвночи, прийшла жинка й прыняла зѣ своѣ робѣту, тошнѣсенѣко, якѣ сусѣды казѣлы. Вѣна мѣже й при свѣтѣлови ходѣла, та сонѣ такѣй одѣлѣвѣвѣ, шо не до примѣчанѣня. Зѣ цѣгѣ жѣ рѣзу жинка стѣла явлѣцьця жѣдну ничѣ, и свѣтѣло не мишѣло ѣй; та такѣ до тихѣ пирѣ навѣщѣла, пѣки не порѣялы ѣмѹ дѣбри лѣудѣ устроимѣты ѣй у ѣму осѣковѣй клѣнѣ, такѣ ажѣ тодѣ тѣлько вѣже перестѣла вѣна навѣщѣаты ѣгѣ. И дѣты зѣ тихѣ пирѣ стѣлы, якѣ дѣты, та й самѣ одѣжавѣ“.

19. „Видѣмы зѣ цидылкамы на голови. Разѣвѣ стѣки прѣхѣдѣлось моѣму бѣтѣкови чѣмакувѣаты вмѣсѣци зѣ однѣмѣ опѣрякою. Прийхѣлы вѣны рѣзѣ до кабака вѣранѣци, до черѣды ще, а вупырѣка й кѣже: „хѣчѣшь, насѣ угѣсѣятѣ тѹтычки бабѣ водѣкою, оришкамы, сметѣною й чѣмѣ хѣчѣшь?“—„Гѣспѣды Сѹсе“! крѣстѣ ѣгѣ“, кѣже.—„Отѣ тобѣ й „Сѹсе“, а хѣтѣ мѣсе, той вышѣ и закѣсе“. Повыпрыгѣла воливѣ та й жѣдѣть. Чѣредѣу начинѣють бабѣ зѣбѣныты; бѣтѣко й дѣма мѣй, шо цѣ жѣ вѣнѣ самѣ бабѣ; ажѣ вѣнѣ выхѣде дѣло: мѣжѣ нѣмы ѣе й видѣмы зѣ цидылкамы на голови; винѣ сѣгѣ не бѣче, а опѣряци то вѣдно, и винѣ цѣ все бѣчитѣ. Одѣгнѣлы отѣ вѣны кѣ черѣды; колѣ такѣ: пѣдхѣ-

дять прѣмо до кабака ѣ давай гулять; окружили опыряку тринадцуть, танцюють кругомъ ёго, та поштують одна зъ передъ ёдною, а зъ нымъ въ одну чѣргу ѣ могё бѣтька. Дёбре погулялы.—Бачъ, вонё колысь якѣ булы люды! Эгё“!

20. „*Видьма клубкомъ*. Йшовъ одѣнь чоловікъ зъ поля додому, та якъсь нечаянно (нычаянно) ѣ оглянувся, а за нымъ кётыщця клубокъ зъ вѣлу; винъ идё собѣ байдуже, а клубокъ кётыщця тай кётыщця. Шо зъ нымъ робыты? ѣ надумаъ: возьму я ёго та прибуью до стовба гвиздомъ, мёже, це видьма. Отъ прыйшовъ, узавъ тай прыбывъ до стовба у себё въ хати, а самъ лигъ спѣты. Гладъ, на зорѣ вже, ажъ вонё вмѣсто клубка стоить прыбыта жѣнка за нѣжно губу, тай жалѣбно просыщця, щобъ ѣйѣ отпустылы. Ни, постривай: поклыкавъ сусѣдъ, прыложилы раду ѣ положилы ѣйѣ каюкъ; розпеклы жалѣзни шворни ѣ давай ѣйѣ пыкты нѣмы, ѣ до того допеклы ѣйѣ, поки здёхла; тодѣ, яъ ны жалъ ёму булё хаты, а всётаки пѣсля такой скверноты, не хотѣлы въ нѣй жыты, взяли ѣ спѣлылы“.

21. „*Мёртвый опыряка и знахарь*. Одѣнь якъсь рѣзь лучѣлось знахарю задрѣты, якъ опыряка вѣйшовъ изъ домовѣны, та взявъ тай залѣзъ у неѣ самъ; лигъ та ѣ лежить, пѣджида, шо зъ цёго вѣйде. Це слѣха, пѣхёде опыряка до своёѣ ямы; ходывъ, ходывъ, та ѣ каже: „та чи ты вѣлизешъ видѣлы?“—„Ни, каже ёму знахарь,—скажи першъ, де ты бувъ та шо дѣявъ, тодѣ вѣйду!“—„Бувъ я, видвѣча опыряка, на свѣльби“.—„Шожъ ты тамъ бачывъ, та дѣявъ?“—„Та порѣзавъ тамъ всѣхъ людёй“.—„Та на щожъ це ты такъ здѣлавъ?“—„На тё, шо вонѣ тамъ вси дѣялысь и не хрестѣлысь; тѣко ѣ zostавывъ одну жѣнку, та ѣйѣ чоловіка, бо вонѣ, якъ лягала спѣты, такъ перехрестѣлась; вонѣ то ѣ перехрестѣлась тамъ такъ—набиръ, та ѣ чоловіка свогё пѣяного перехрестѣла“.—Вѣслушавъ це знахаръ, тай пѣшовъ, а опыряка тодѣ знёву лигъ“.

22. „*Сердыта жѣнка-видьма*. Одна жѣнка була така сердыта, шо чоловікъ взявъ ѣйѣ якъсь,—сказано, пѣшло вже дѣло на одчай Бёжий: найшла ёму печинкѣ, тай шпурнувъ у той рѣвъ, де чортѣ вёдящця. Вонѣ зрадѣлы, позбѣгѣлысь до неѣи, такъ вона ѣ тамъ всѣхъ чортѣвъ порозрывала ѣ сама зробѣлась старшою“.

23. „Привидѣнница прохóжому у видѣмь. Зайшóвъ одинъ чолóвикъ до бáбы й упрóсѣвся ночувáть. Дóбре. Полягáлы, тай задóлы хропакá. Чóе прохóжий, а вонó шóсь у кóмини, якъ йе серѣдъ нóчи, тѣко: „дж...ж..., дж... ж...“.—„Шó воно за привидѣн-ня? Тьху! прóпасть тебѣ возьмь“. Поглáнувъ на бáбу—спыть; винъ туды й сюды,—у кóмини знáй бушóе. Винъ дóжче ставъ до бáбы доглядáцця, а вонá врагóва лежить, якъ колóда, й неворóшицця; полáпавъ, пощóпавъ, полóскотáвъ йийи,—все тежъ. „Ну, постóй же“, а видъ людѣй винъ та чувъ про кой якй кáверзы; у нóси знáты булó. Бáба лежить; це, дóмае, до видѣмы зателесовáвся. Э! ну, стривáй же, бесурмѣнова, стривáй!—та взявъ йийи за нóги й за гóлову, тай здвѣнувъ на другѣ мѣсце зъ тогò, де спáла. Лежи жъ тепѣрь, трясыця бъ тоби!—Чóе,—ужѣ й пивни спивáють, а вонó знай собѣ въ кóмини: „дж... ж... дж... ж“, и бáба спыть; уже и свита,—спыть. Ну, шóжъ ёгò тепѣрь зъ нею зробѣты?²—Дóмавъ-дóмавъ (мáбуть, не порóжний бувъ), та тоди взявъ тай положѣвъ йийи тѣло зновъ на тѣе мѣсце, якъ и зпѣршу лежáло; и тѣко положѣвъ, а вонó зъ кóмину, такѣ вбѣльпки, якъ мóха, тѣко: „дж...“, та йий въ нѣздрю такъ и шурхнóло—влитѣло; тоди пиднялáсь бáба тай терáе очи: „ху, кáже, якъ я й крѣпко—здóрово заснóла, шо ажъ проспáла!“—А той собѣ на умѣ: проспáла бъ ты, врагóва.—О такъ винъ йийи прошкóлывъ“.

24. „Видѣмына мазь. Однá видѣма помáзала собѣ чимсь пидъ мѣшкыма и пырхъ у дѣрку, та въ кóмынъ. Побáчивъ це чолóвикъ, шо въ неѣ ночувáвъ, та взявъ тай собѣ жъ тимъ добрòмъ намáзавъ, и тимъ же слѣдомъ въ кóмынъ пырхъ, тай попáвъ до йихъ на видѣмѣвське збóрыще, а тамъ йихъ, брáтти мий, десь зъ усѣго свѣту, позлитáлысь, хто ёгò зна й скѣлько. Якъ прылитѣвъ, ставъ мижъ нѣмы, та такъ и отуманѣвъ; а та шѣльма зиркъ, тáй схамынóлася, шо зостáвила, завѣштáлася, бачъ, тодѣ, тай забóла де небóдь спрóдыты свий каганчикъ зъ прѣмхыма, та до ёго: „охъ, лишечко“.—Зоставáцця бъ ёму повикъ зъ видѣмѣвськыма крѣлыма видѣмакòмъ, такъ та вже бáба, ёго знáкома, зробыла ёму шóсь такъ, шо винъ назадъ полетѣвъ одъ йихъ и стáвъ зновъ такѣмъ же чолóвикòмъ, якъ трѣба. Вонá булá, матъ (мáбуть), родыма, а родыма видѣма

кажуть замышляе всима видьмамы й прыказы йимъ дае.—Такъ такѣ то. Вона, бачъ, зъ дѹру хочъ у кручѹ, а якъ то не тямѹишь, лѹчче й неберѹсь.—Онъ що“!

25. „Прывидѣнница зъ видьмою. Разъ йшли мий дидѹсь за пидтытарнымъ зъ каминного кабака: вонѹ тодѹ булѹ цирковнымъ старостою. Вотъ вонѹ йдѹть—тай йдѹть; вже дойшли якъ ѣе до вугла ограда, а вонѹ, де не возъмѹсь, манѣнька горнишина собачка, та дѣдови мижъ нѹги. Винъ и впавъ. Пѹтимъ у дрѹге, йи въ трѣтье. Шо за нечиста матирь?.. А пидтытарный Кандѹба, оцѹхъ хлопцивъ, Йвана тощо-дѣдъ, та вы ѣгѹ знаѣте, матъ, та тямувавъ кой цѹ одъ цѣго. Змитывъ, шо то булѹ видьма, тай каже: „ну, оставъ, оставъ, оставъ! Гѹди вже тобѹ, надсмѹялась трѹхи, ну й шкода,—бѹде тобѹ“!.. Непослѹхалась. окайна, Кандѹбы и ще разѹвъ ззо два пидбыла пидъ нѹги. то клубѹмъ, то свынѣю и тодѹ побѹгла. Разѹвъ зъ пѣять вона ѣгѹ смалѣнѹла ошкварѹла пѹки винъ до двѹру дѹйшовъ, а пидтытарного й ни трѹнула; видно, чимсь булѹ обѹжина, або давнѹшь за шо булѹ злоба.

А то якосъ йдуть вонѹ, братыць мий, все тежъ зъ того зъ такѹ каминного обчеського кабачка, дѹвлюцьца,—а спѣреди ихъ стойть на дорѹзи копыця сѹна. Шо за сѹкинъ сынъ, де вона взялася? Ни тыжъ ѣго печѣне лѹхо! а дѹли, трѹшки згѹдомъ й дѹмають: цежъ ошьтѹ, мабуть, та злодѹга видьма; шожъ ѣгѹ тутъ робѹты йий? Хреста вона не бойицьца.—взявъ, звернѹвъ гѣтъ у бѹкъ, тай чѣше навманьня, якѹ бѹде,—а вона, трѹсьца бѹ йий, за нѹмы,—за нѹмы; вонѹ вже й—то тудѹ, то сюдѹ,—умѹлилы, ажъ пѹра йде, й вона за нѹмы лѣмча. Та такъ скажѹть, гнѹлась до самого двѹру. Вонѹ, дѹдушка, якъ прибѹгли до дверѹй, такъ-такъ и згаряча вѹбылы зъ крѹчкѹвъ синѣшни двѣри, та швѣдче у хѹту. Мы вси поперелякувались,—звѹсно, булѹ цѣ ношнѹи добѹ, тай ще й зъ просѹну,—та до ихъ, а вонѹ трѹсяцьца и слѹва не вѹмовлять. Онъ що зтрапылось.—Чуть-чуть, за малѹмъ булѹ, кажуть, не здогнала окайна. Шѹбъ вона вже й робѹла бѹ?—Десь задавила бѹ, бедлѹга, тай тѹко. Такъ вонѹ пѹсля цѣго три недѹльи прохворѹлы, трѹхи й не вмѣрлы; тай квитъ, зъ тѹхъ пиръ закаялись, зариклѹсь самѹ ходѹты.

А отò, мòже вы знáете Гордйку Вакúлыху, такъ йийй чоловйкъ, забувъ йий Бòгу, якъ ёгò звáлы, винъ, булò кáжутъ, якъ молодйй бувъ, такъ охòчивъ бувъ зъ чужймы жинкáмы балáсы точйты, а прййде додòму, всё летйть, шкарéбиртъ, та на пòпа; годйвъ зъ двадцáть томú назáдъ, винъ берйгъ лáвокъ,— такъ той знáвъ усè одъ видёмъ, куéвдывъ, та верховòдывъ нймы, якъ хотйвъ, ничòго не буáвся. Разъ кòтыцьця клубòкъ, винъ взявъ ёгò, прййсь у хáту, провертйвъ чоповймъ свёрдломъ у лáви дйрку, пòтимъ оддйлывъ одъ клубкá пáсмо,—дéсáть чйсныць, захпнўвъ ййхъ у ту дйрку та й забйвъ осйковымъ килкòмъ; а ўтромъ, то бáчь булò дйло вéчеромъ, зызвáвъ до сéбе всйхъ своййхъ сосйдъ, и мой бáтя ходйлы туды, такъ свойймы очйма бáчили, шо стоййть баба, нагнуáлась до лáвы й нйжня губá прыбйта у нййи осйковымъ килкòмъ.—Онъ-то вонò щò“!

26. „*Про вовкулаку*. Вовкулаки, бачъ, кáжутъ, йе. Торйкъ ось, чувъ я, балáкавъ одйнь мужйкъ зъ Колмыкйвки, шо тамъ, позáторйкъ це булò, ййде винъ зъ пòля у свйй хўтырь, а вонò шалáецьця шось по шпйныцьяхъ: жнывáмы бъ це то булò, пòтимъ вйбйгло вйтты (вйттыль) такè ззувййлшки, якъ мидьвйдь и вь ширстй, тай йде до мéне, а вь мéне й духъ похолòнувъ, перелякáвся такъ; та дўмаю, дўмаю, нйякъ не вторòпаю, шо вонò за злыдèнь, чогò ёмў видъ мéне трéба? а дáли страхъ трòхи одвалйвъ, я й здўмавъ, шо це жъ той, матъ (мáбугъ), вовкулака, щò, кáжутъ, проявйвся у насъ. Ну цежъ трéба якъ нéбудъ одкорáськацьця видъ ёго, и тйко це подўмавъ. а винъ шкйдло скйкъ до мéне на повòзку, та й сивъ пузь мéне рýдомъ упёрсь очйма,—та тákъ нймы пильно прядè (дйвыцьця) минй вь вйчи, вйлупывъ (вйтрищывъ) ййхъ, якъ барабáнь, чи пакъ той бубынь, а балáкаты ничòго не балáка, белькòче шось, потйка, по свòему, ничòго ны поймйшъ. Сивъ ото й сидйть винъ чиннёнъко, ни йкòйи шкòды не рòбе, тйлько все бъ то порывáецьця шось промòвыть. Ййдемъ собй й ййдемъ; це чўты гáвкють собáки, хўтырь недалéко, й начáлы выдньйцьця хáты; хўра моя заздрыла, шо блйзько вже жыллè, схопывся зъ вòзу тай бувъ такйй, давъ тйгу на зádни й юпйáть побйгъ, скйко вйдно, у поле. Чи винъ бы то вйдно чось (чогòсь), асо пы-

тавъ, або просывъ у мене, злыдень же ёго зна, а тико бувъ бачъ тоди мырний. Хиба тымъ, сказать, шо днёмъ? Ноччу жъ оце, якъ совсімъ гораздъ вже смеркне, и люде обиснуцьця трóхи, то отò, бачъ, не винъ вже й буде, щòбъ не залізъ де въ хату, й не повытягавъ бы видьты хлибъ — стико йе, сáло, смытану, мáсло, молоко, а якъ шо йе, шо не пойдые у пичй, то й все зъ пéчи берè й нисè зъ собою.—Пиддира бачъ винъ дóбре.—Собáка на ёго не гáвка и дзвирь ниякий не бирè; пробували ёго вжé й стико разивъ засидаты,—каравулылы, ничòго й ниякъ не мóжно таку сýлу зпийматы.—На облычча винъ всимъ такйй якъ и чоловйкъ; и нóги, и рúки, и мóрда, и все такè, та тико ввесь въ шырсты, и вона стоить на ёму штыремъ.

На одной свáльби у понедилокъ, пýсля тóго, якъ обдарылы молодыхъ, у бáтька молодóго и молодой; такъ вони якъ ййхалы вже до дóму, до молодóго, такъ якъ йе насередь дорóги познимáлысь (позлáзылы) зъ пóйизду, йихъ булò симъ чоловйкъ: молодйй, молодá, дружкò, пиддружий и тры свáшки, тай пишлы въ свитъ за очима на симъ рáзныхъ киньцйвъ свита. Кáжуть, це йимъ здýлано такъ на симъ годйвъ, а пóтимъ опáть зыйдуцьця“.

27. „Колдунъ и вовкулака. Литъ зъ пять тому назадъ и въ насъ молва пройшла, тай тепèрь такй балакають, шо бйгáлы вовкулаки по нашому степу. Кумèдный цей дзвирь „вовкулака“. Вовкулаки йе такй й такй, шо йзъ рóду нймы рóдяцьця, а ще, шо на бильшь, йе такйхъ, шо йихъ рóблять колдуны та знахарй зъ такйхъ-же людей, якъ бы оце й мй грйшни. Всè цè пичèне лýхо бильшь всèго востаè на свальбахъ зъ за-дружкйвъ и трапыцьця жъ вонò на йихъ, та на пиддружихъ. Зрядъ бува, то втовкмáчицьця якйй у ци причиндáлы, берецьця за дýло. а кибéты нема, й у нóси не хватá, а тутъ гляды, на ту лиху годыну й проявыцьця такйй, шо й зъ пéкла выскоче,—ну й гóре: ото зайде злòбá, та гнйвъ, о тимъ, шо ёго зплюздровáлы —не попросылы-бъ то, бачъ, або не нанялы дружкуваты и видъ циèи пáкосты, дывысь, жды, мучйцьця мóже такè, шо й ввесь нарòдъ на свальбахъ пóртять. А хто отò вже; другй такъ дýлають: якъ замйге, шо прилёмзавъ на свальбу якйй нèбудъ

одирвѣголова, ни въ чимъ не перѣчуть ёмѹ ѥ нарвляѣтъ все поштуваты, та всимъ годѣты,—а винъ перѣдъ всѣю кагалѣю чубѹныцьця, велычаецьця: я, молъ, не я; и Бѣже упасѣ питѣ на перекѣръ прѣты шерсты, тодѣ квытъ,—хочъ заздолѣгидъ крычѣ кара-вѹлъ... Ни вже, о тимъ—шкодѣ!—годѣ вже, бачъ, тодѣ, тай годѣ. А бѹдышь нѣдовукъ, абѣ вѣкси нѣукъ у цѣму дѣли, та зъ поиздомъ зъ молодѣмы будишь ѥйхаты, то когѣ бѣ ты ни задрѣвъ, чи зустрѣвъ бы то, здѣймаѣ мирущѣй шапку, клѣнайсь у поѣсь и пидносѣ горѣлки ѥ закуски. Вѣпье не вѣпье, закусе не закусе,—немѣ тобѣ до тѣго дѣла; будь бы вонѣ була видѣ тебе честь приложена, бо всѣки причѣны видѣ людѣй бубають, и ѣго худѣго ни за що невзнѣешъ мѣжъ дѣбрымъ.

Одногѣ чоловѣка отѣкъ зрѣбывъ колысь колдѹнѣ вовкулакою. Бувъ дружкѣмъ, чи щѣбъ то, та ѥ поспѣрылы; ну, винъ ёмѹ ѥ вдружайвъ:—нарѣду на свѣльби хмѣра, а винъ бидѣга побѣгъ тай побѣгъ собѣ видѣ ѣго вовкулакою, скѣко вѣдно у пѣле на чѣтырѣхъ; останѣвыцьця оцѣ, подѣвыцьця та ѥ упяты. И щѣй то, скажѣтъ на мѣлѣсть, що все чѣе ѥ розмышлѣ, та не балака и зрѣзу ставъ увѣсь у шерстѣ, ѥ облѣччамъ той же вовкѣ. Чоловѣкъ винъ не старѣй ѥ малѣ дѣтки ѥе; плачутъ вси тодѣ по ёму, сумѹють. Журба напѣла и сосѣдѣ. Отъ одѣнѣ якѣйсь ѣго знакомѣй видѣ всѣго дѣбре тѣмувавъ, тай прочѣвъ ѣкосъ про це лѣхо, жжалѣвся надѣ нымъ ѥ намирывсь одвалѣты,—обирнѹты назѣдъ въ чоловѣка; бо вонѣ, кѣже, ѥе такѣ, шо тѣко згѣбыты мѣжутъ, а напѣравыты „ба“, хочъ би ѥ захѣтивъ це зрѣбыты; а ѥе такѣ, то ѥ те ѥ другѣ тѣмѹють. Зибравъ ѥ пишѣвъ ѣго шукѣты скрѣзь по пѣлю; шукѣвъ, шукѣвъ, а винъ дѣсь далѣко забѣгъ, та ажъ на трѣтѣй дѣнь на слѣдъ натрѣпывъ ѥ знайшѣвъ: „чогѣ ты, кѣже, тутъ шалѣйсься? ходѣмъ до дѣму“!—А той вѣсолѣпывъ ѣчи тай ни мѣкне. Отъ винъ покачѣвъ, покачѣвъ головѣю, та взявъ та ѥ перевернѹвъ ѣгѣ у чоловѣка, якъ ѥ испѣршу нымъ бувъ, а тодѣ ѥ кѣже: „идѣ жѣ ты на своѣ сѣлѣ и въ рѣныци, дожѣдай былѣ колѣдѣизѣ, тудѣ прѣйде однѣ баба, такъ ты возьмѣ ѥйѣи сзѣды за плѣчи, злѣкаѣ (скажѣ: „тѣю!“) и промѣвышь: „нѣ зѣ мѣне цѣю (оцѣ) мою шкѣру и носѣ ѥйѣе стѣко, скѣко я носѣвъ“, а шѣбъ ты скорѣйшъ це зрѣбывъ, бо ѥты далѣко, бѣжѣ вовкулакою“.

Той возьми та такъ и зроби, и баба стала вовкулакомъ, а винь—чоловикомъ.

28. „Шкарбы. Шкарбы—це заклятнн грѣши; кладени вони всякими людмы крещенымы й нѣхристамы; ховалы йихъ у землю де небудь была якои небудь примѣты, або й описля клалы якѣ небудь свойи вже примѣты: кущъ дерезѣ, бузыны, калыны, лыпы и чоґо тѣки,—находяцяца шкарбы й белѣ мугиль, то бачъ давнишъ хтось клавъ. Шукаты йихъ трѣдно, ѣе всяково: ѣе люды такѣ шо на те врождѣни, вже та й знахаркѣ кой-комѣ попадають у рыхву.—Бильшъ совѣтують такъ, особливо де старѣ шкарбы одъ нѣхривъ: трѣба статы пузъ (поручъ) зъ примѣтою й дождѣаты, поки сонце зийде у ростъ чоловѣчий, и тодѣ й дывысь, куды впадѣ тинь съ твоѣи головы, и рый,—якъ шо нема ничѣго, такъ тодѣ примѣть ту тинь, яка ляже зъ примѣты: узнають, чи пакъ примичають це однаково й по заходѣ сонца. Пры киньцѣ свѣта вси, де ни ѣе, шкарбы бѣдутъ являцяца всѣмъ людымъ безъ розбѣру, такъ тѣко йихъ тодѣ не трѣба бѣде: не до йихъ.. У нашъ виѣ, якъ шо выхѣде срокъ заклятннмъ грѣшамъ, йихъ заклянають на сто годѣвъ ѣе й на виѣ; тѣки-ти, шо на виѣ, такъ лежатъ пидъ такѣмъ камѣннѣмъ якъ горы завбѣльшки: такъ вони являюцяца тодѣ людымъ,—не абы якѣмъ, а тѣмъ. якѣмъ назнѣче Богъ,—або козямъ, або котѣмъ, пѣвнемъ, свѣчкою горѣть. або соплѣвымъ старѣмъ дѣдомъ и жѣдутъ отѣ. щѣбъ йихъ хто вдѣрывъ, и вони тодѣ й розсѣплюцяца якѣми небудь грѣшмы. Ще й не грѣши, головнѣ-то бачъ, такѣ, шо за йихъ й не зѣдришъ, якъ заплѣтишь своѣю, або жъ зъ симѣи чѣю головою, а, бачъ, небезпрѣмно такѣ за ихъ плѣта“.

29. „Дидъ и вдова. Одѣнъ разъ, кажутъ, прѣйшовъ до однѣи жѣнки старѣй престарѣй соплѣвый дидъ, а йийи то чоловика та якъ на те не булѣ дома; отъ винъ и каже ей: „утрѣ менѣ старѣнького, утрѣ сѣво голѣбочко!“ А сопли такъ-такъ зз-обохъ нызьдѣрь й шлякотѣть.—„Щуръ тобѣ, старѣй дѣду, хай тобѣ абыцо, гѣть собѣ бѣжѣ мирщѣй, а то ось-ось незабарѣмъ якъ прѣйде мѣй чоловѣкъ додѣму, то винъ тебѣ утрѣ нагаѣю!“ И пѣшовъ дидѣсь, изигнѣвся и лѣдѣ ноги сова; а тамъ недалѣчко. звернѣтъ тѣко у провѣлокъ, жилѣ бѣдна удова. Дѣдъ до нейи: „здѣрѣва булѣ! Утрѣ минѣ, молодѣчко, старѣнькому, сопли!“ Вдо-

вѣ зъ сливнѣя ископѣлась, стягла зъ мѣсника ганьчѣрку тай утѣрла выскряки; успѣла тѣко трѣпку одхвѣтиты, а вонѣ— „брязъ! брязъ!“ ѣ розсыпавса передѣ бѣдною вдовою старѣй, соплѣвый та гидкѣй на вроду дѣдѣ самѣмы чирвѣнцѣмы. Стѣла тодѣ вдова жѣты, багатѣты, та Бѣга хвалѣты“.

30. „*Старѣй дидѣ и дѣвка*. Зѣ вечернѣцѣ ѣшла дѣвка пѣлемѣ; це у лѣтку булѣ дѣло; кругѣмѣ степѣ, сама травѣ-перекотѣ пѣле ѣ тѣрса зѣ ковылою. Зѣркѣ на ѣзбичѣ до лѣскѣвѣ, вѣйшло шѣсѣ изѣ лѣсу, стѣло тѣ ѣ стойтѣ. Стѣжка ѣшла поблѣ лѣскѣвѣ ѣ пузѣ тогѣ, шо вѣйшовѣ вѣдты. Дѣвка ѣдѣ собѣ бѣйдѣже,—чѣгѣ полошицѣця? Пѣдхѣде блѣжче. Стойтѣ поблѣ стѣжки, пѣдпѣрѣсь пѣлѣгою старѣй, старѣй дѣдугѣ, у пѣясѣ бѣла бѣродѣ и выскрякѣ зѣ низдрѣ повѣсѣ, чѣть-чѣть трѣшки не додѣлу; заздѣрѣвѣ дѣвку ѣ кѣже: „идѣ лѣшинѣ сюдѣ, дѣчко, та втѣры менѣ хустѣною!“ Дѣвка булѣ, кудѣ хѣчѣ ѣ не зѣ труслѣвѣго десѣтку, крѣстыкѣ бѣувѣ на шѣйѣ тѣжѣ, а зѣ нѣмѣ кудѣ хѣчѣшѣ, та ѣ такѣ такѣ-булѣ небрезглѣва, пѣдѣйшла собѣ шѣвѣдѣнѣько та ѣ утѣрла хустѣною соплѣкѣ дѣдѣсеви, а винѣ, лѣдѣся, узѣявѣ та ѣ розсыпавса у нѣги до дѣвки, ѣ стѣлы зѣ ѣгѣ самѣ стрѣбнѣ грѣши. Ну, зѣвѣсно жѣ, вѣнѣ ѣихѣ зѣзѣбрѣла ѣ понеслѣ зѣ собѣю“.

31. „*Дѣты и козыня*. Однѣ бѣба пѣраецѣця, тѣ ѣ пѣраецѣця собѣ кѣло пѣчи, а дѣткамѣ своѣймѣ, шѣбѣ не пустѣвалы та не пошкѣдылы чѣгѣ, насѣпѣала у мѣску молѣкѣ ѣ посадыла ѣихѣ посерѣдѣ хѣты на долѣвци ѣйсты. Самѣ жѣ зновѣ одѣвхнѣлася, за дѣло вѣзялѣся та ѣ бѣйдѣжѣ,—не дѣвицѣця до дѣтѣй. А вонѣ, чѣете, де не вѣялѣсь зѣ пѣдпѣкутѣ ѣ вѣбижи манѣнѣькѣ козынѣьтѣко, та до дѣтѣкѣ, до молѣкѣ,—ѣ ну давѣй зѣ нѣми хлѣбтѣаты; дѣтки попускѣлы лѣжкѣ на рѣдѣнѣьце та до мѣтери: „мѣмо, а козынѣьтѣко молѣкѣ ѣйстѣ“.—„А гѣди тѣмѣ вѣмѣ, де вонѣ, кѣже, вѣзьмѣецѣця“? Сказѣла, одѣвѣтѣ, бѣчѣ, отѣ далѣ, та знѣй такѣ собѣ пѣраецѣця. Колѣ це, трѣхи згѣдомѣ, опѣять вѣже дѣжче крѣчѣть дѣты: „мѣ-мо, ма-мѣ! Та шѣо це вонѣ за козынѣ привѣрзѣло до насѣ? прогонѣ ѣгѣ одѣ мѣски, атѣ вонѣ скѣро усѣ молѣкѣ у насѣ поѣйстѣ“.—„Шѣо за абѣщѣ? дѣмаѣ собѣ мѣты,—хѣбѣ и справдѣ лѣчѣлѣся дѣткамѣ якѣ привѣдѣнѣьцѣя“?—а вѣнѣ то та чѣла.

вѣднѣ, про такі прычыны, ну та не дѣже йимъ вѣрила, и такъ нѣхотя, скрызъ зѣбы проточила: „бѣйте жъ ёгѣ, дѣты, ложкѣмы, не бѣйтесь ничѣго!“ Дѣтки якъ удѣрылы по ёму, а вонѣ такъ и розсыпалось самѣмы стрѣбнымы грѣшмы. Ажъ тодѣ такѣ й вонѣ поняла цѣмѣу вѣры. Грѣшей кѣча“!

32. „*Китъ и дѣты*. Грѣлысь дѣты на вѣлыци, якъ бѣчуть—идѣ до ныхъ жѣвтыи китъ, тай кѣже йимъ: „бѣйте менѣ, бѣйте менѣ!“ Ну, а вонѣ обнаковѣнно, бацъ, началѣ ёгѣ лѣщты и грѣтыся зъ нымъ... Прыхѣдють до дѣму тай хвалюцьця свойѣ мѣтери: „мѣмо, мѣмо! Слѣхай, шо тамъ вонѣ такѣ:—мы грѣлысь на дорѣзи, а до насъ прыбѣгъ чѣйсъ жѣвтыи китъ, начѣвъ зъ нѣмы модрувѣщты и все наровѣтъ мѣжъ нѣмы бѣты у середѣни, а пѣтимъ й роспѣякѣвся, начѣвъ рѣзни вѣтивки вѣтивѣты: то дѣзѣкою покрѣтыщты, то гетъ одѣ насъ сховѣищты, хотѣвъ, мѣтъ, винъ шѣсъ намъ зрѣбѣты, та такъ ничѣго й не зорѣдовавъ и все кѣже: „бѣйте менѣ, бѣйте менѣ! А мы й не бѣлы ёгѣ, пожалѣлы, бо винъ такѣи бѣвъ гѣрныи та лѣскѣвыи; и шерсть на ёму грѣла, якъ сѣнце сѣйе й полѣштѣвана глѣдѣнѣко; такъ тѣкѣчки—погрѣлысь собѣ трѣхи и винъ незабѣрѣмъ й пишѣвъ олъ насъ, шо мы й не зѣздрѣлись“.—Мѣты вѣслухѣла цѣ, тай кѣже: „ну, глѣдѣтъ же, дѣтки, якъ пѣдете ще грѣщты и прыѣде знѣву, китъ до васъ, такъ вы ёгѣ хочъ помѣнюсинѣку удѣрѣте тамъ кулакѣмъ абѣщо, тодѣ куплѣу я вамъ пѣвенъ бурѣгѣтъ медѣянкѣвъ, фрѣндѣдѣль и гѣлѣтивъ“.—Отъ вонѣ пишлѣы опѣтъ грѣтысь, грѣлысь, грѣлысь—дѣвлющты и китъ упѣтъ иде и тѣжъ стрѣе, и нѣвчѣтъ: „бѣйте менѣ!“ А мѣжъ нѣмы та бѣвъ тепѣръ такѣи зарѣчинѣи хѣдѣпецъ, незлѣкѣвся, пѣдѣишѣвъ до ёгѣ блѣжче та якъ учѣше—трѣсне ёгѣ пѣ лѣби, а винъ чѣкбрѣкъ зъ усѣхъ чѣтырѣхъ й россыпѣвся золѣтыми грѣшмы. Булѣ жъ тодѣ йимъ невпѣищтъ рѣзныхъ лѣсощты“.

33. „*Пѣстухѣ и козынѣта*. У вѣчѣри рѣзъ пѣстухѣ гнѣлы волѣвъ зъ пѣля до дѣму, булѣ дѣло пѣдъ якѣйсъ велѣкѣи прѣзныкъ; цѣ дѣвлющты—поперѣдъ йихъ, гѣнъ, мѣже, зъ двѣе бѣжѣтъ якъ бѣ назѣстрѣчъ. йимъ двѣе козынѣтъ, та оцѣ—розгѣнющты одѣнъ зъ—пѣредъ одногѣ, та такъ лѣбѣмы й удѣрѣющты и всѣ, и всѣ якъ бѣдѣто бѣ то наблѣжѣющты и наровлѣтъ пѣрѣбѣгты дорѣгу пѣстухѣмъ. Пѣстухѣ дѣвѣлысь, дѣвѣлысь й дѣ-

малы и ниякъ въ толкъ собѣ не вхопѣлы, шо то вонѣ такѣ за дыкѣвина:—вѣвци давнѣ вже прогналы зъ толѣки, а дежъ взялася ця худѣба? А одынъ и каже: „постриваймо, подѣвимось, шо вонѣ за бисъ“,—„то, мать, чортынята граюцьця, сказавъ другий“! Якъ же це винъ, брѣте мий, сказавъ, такъ такъ скѣзано, въ выдѣ ййхнѣму, хто зна, де й дѣлося. Звѣсно дурнй тодѣ булы; якъ бе тепѣрь, отѣ бѣ мирьщій трѣба булѣ бѣ крестѣцьця, та Бѣгу молѣтысь и отѣ Богъ бы давъ шкарбъ, шо называицьця, небезпримѣнно бувъ бы у ййхъ рукахъ“.

34. „Заклятый кладъ. Одынъ знахаръ знавъ все своѣ знахурство и росказавъ моѣму брѣту, де йе позаховани грѣши и навчѣвъ молѣтвы такѣйи, шо винъ мѣже, де вгѣдно, грѣши знайтѣ, тѣльки бизъ урѣмья (бизъ врѣмья) не мѣже взѣты. Отѣмъ, каже, де колѣдѣзь былѣ Зайцѣвъ на репьяхѣвци, такъ такъ цѣлий чувѣль зарѣтый зъ грѣшмы, а въ зрѣби, шо пидъ Бунчукивкою, такъ тамъ пидъ лѣповымъ кушѣмъ, де невилѣкий ярѣчокъ вытѣвся до Курѣковойи, симъ зрѣзывъ зарѣто изъ золотѣмы, тѣлько, звѣсно, вонѣ заклятнй; винъ и ходѣвъ тудѣ, такъ отѣмъ дидъ сидѣйсидѣй йе, шо зна вси твой мѣсли, шо ты й дѣмайишь, винъ то й каже моѣму брѣту: „шо зъ тѣго, шо ты вѣзьмешъ? Йимъ зрокъ ще не вѣйшовъ, и ты нѣми не подживѣшъ, а отѣмъ сказавъ вже той дидъ ѣму, чи мѣже й знахаръ, де велѣкий мѣсть, перекинутый чирѣзь ричку у Курѣковий, такъ тамъ, якъ на сѣжень одступѣты и на аршѣнъ вѣрыты, йе казанѣкъ зъ грѣшмы, тѣльки цѣмъ зрокъ чѣрезъ пѣять годѣвъ, а якъ вѣйде, тодѣ и вѣзьмешъ“ (и винъ же це, отъ изѣстыно правду й казавъ, ютому шо, якъ йдешъ булѣ на сѣвошну пидъ Велѣкденъ, такъ на тимъ мѣсти повсѣгдѣ горѣть свѣчка). Отъ мий брѣтъ дѣвго крипѣвся, а дѣли не вѣтерпѣвъ и пишѣвъ тудѣ у ночѣ, откопѣвъ, знайшовъ тамъ ти грѣши, тодѣ скинувъ зъ сѣбе чѣбитъ, шпѣвъ торбѣнкѣю онѣчу и набравъ тудѣ грѣшей, скѣлько влѣзло. Прийшовъ ото винъ додѣму й положѣвъ ййхъ пидъ скрѣнею, а самъ такъ и одѣбѣвъ зрѣзу, й рѣчи однялѣ, й ничимъ ни володѣ. Мы жъ, звѣсно, про це нихтѣ ничѣго не знавъ й не гадавъ, валякѣлысь й пожурѣлысь дѣбре, а дѣли—мѣте и каже: „давайте абѣ малѣбинъ одслѣжимъ, абѣ шо“. Взѣлы зѣбрѣлысь и одслѣжѣлы. Ему полѣгшало,—рѣчи одпустѣло, ставъ балѣкаты и ворѣчацьця,

а ходыты не може. Винь и каже тоді: „Господы! якъ бы мині піднятысь, такъ я бь си грѣши заразь бы й однісь туды жь на те мѣсто, де и взявъ“. Колы такъ,—на другий день піднявся, дождався нѣчи: взявъ ти грѣши и однісь; ни тико жь зь ёго и добра жь не було,—такъ винь дожывъ до Велыкодня и вмеръ“.

35. „Головни гроши. Літомъ якосъ бѣгали дѣтки стѣжкою въ садѣкъ на травѣчку грацьця и знайшлы тамъ открыту скрѣню, звѣсно, изь землі вѣйшла, а въ ній булы самы золоті грѣши; воны жь, бачь, отѣ, сказано жь ще дурній—дѣты, обрадили цѣмъ дѣву й началы промѣжъ собѣю лементовацьця: „дывѣсь, каже, оѣ-ѣ-ѣй у скрѣни якыхъ цяцѣкъ напычкано!“ Нахилылся у скрѣню й понабералы собѣ тихъ цяцѣкъ,—хто въ кишѣню, хто въ пазуку, хто въ пѣлену (дитѣкъ було чималѣнько) й побѣгли зь нѣми вси у хату грѣтысь. Гралысь, гралысь й удрамы въ друге; принеслы, вѣсыпалы у кѣчку, таі въ трѣте побѣгли—принесли. Посидѣлы на долѣвци й началы ворошкѣ насыпѣты та въ крѣймушки грѣты. Шо не підкинуть цяцѣкы, вона впадѣ на другу та тико: „дзѣнь...дзѣ-е-нь“ й гѣлосъ протѣгне; дѣтки здывувалысь, шо цяцѣкѣ спивають, та до мамки: „Мамѣ, мамѣ! йды дывѣсь, яку мы цяцѣкы знайшлы“.—„А гѣди тамъ вамъ, скѣрви дѣты, зь вашими цяцѣкѣми“,—а сама й не оглядаецьця!—Дѣтки пограмысь, пограмысь та впыть такі кортыть похвалѣцьця: „та мамѣ, такі! ось подывѣсь такі, якыхъ цяцѣкъ прѣдбѣлы!“ Мѣты нѣхотѣ зиркнула й взнала червѣнцы, та такъ зь мѣста й підскѣчила: „дежъ це вы, мой дѣточкѣ, цѣю цяцѣчку взяли“?—А дѣтки однѣ зь-пѣредѣ ѣдного: „ось ходѣмъ мамѣ, онъ, отѣмечкѣ; постривѣй, стривѣй, мы покажемѣ“. Ну й дѣбре. Пишлы и побѣгли. А однѣ дѣтынчѣ, та було бь тѣбѣ, гѣспидьске, шѣстре, такъ и снуѣ туды й сюды, й крутыцьця, якъ дзѣга на лѣду, вси йдѣтъ потихѣньку, а вонѣ жь, якъ ненѣче чѣе на себѣ лихѣ годѣну: побѣгло, таі побѣгло уперѣдѣ. Мѣты зиркъ у бѣкъ—стойить пѣдли стѣжки скрѣня роскрѣта, и хлопчикъ йийи добига вже до нѣйи, а дѣли—перехилився кѣторжній у скрѣню й не дождався мѣтери, хотѣвъ бы то пѣрвый скорѣшъ достѣты зь скрѣни цяцѣкы, та тико гѣлову тудѣ, а вонѣ крѣшка тѣки—„бѣць!“ Хлопнула, закрѣлась й одрубѣла дѣты-

ни голову и такъ зъ нею й увишла опьятъ назадъ у зѣмлю. Поки дойшла маты до того мѣсяца, ажъ вонѣ й зѣмлю заривняло, неначе й ничѣго не булѣ, тѣко лежить тамъ однѣ тѣло-выще зъ йийи дитѣны.—„Оттакѣ, кѣже вонѣ годѣ, не ты жъ ѣго, скѣрва дитѣна, бачъ, чоѣо самѣ собѣ нарѣбѣла“! У матери дѣмка бѣ то такѣ булѣ, якъ бы вонѣ вмѣсти зъ дѣтѣмы до скрѣни пидийшла, то и вѣды бѣ гѣря бѣ нѣякого не булѣ; та тѣко ни, мабутъ, це шкарѣбъ такѣй, шо за ѣго небизпрѣмѣнно одвѣчатѣ треба комѣ небудѣ своѣю головѣю: не дѣтяча, такъ йийи бѣ голова пийшла бѣ у зѣмлю зъ скрѣнею.—Оттакѣ то вонѣ: будѣ доволынѣ чѣмъ небудѣ однѣмъ: або грѣшмы, червѣнцѣмы, або головѣю“.

36. „*О тимъ, якъ дѣвка пошуткувала.* Ишли дѣвки на вѣлицю до дѣвчатъ гуляты, й треба булѣ въ однѣмъ мѣсяци ярѣкъ помѣнѣты; то булѣ глухѣ мѣсцѣна, степъ не степъ, болѣто тай гѣги. Ну й побѣгли дѣвчатѣчка скрѣзь по тѣй дѣрѣзи, ось исѣвсимъ перебѣгли, ужѣ й вѣдно хѣты. Однѣй изъ нѣхъ схѣтѣлося про себѣ прѣсѣсты, зѣстѣлася пидѣ кущѣмъ, а ти знай побѣгли. Пидняласѣ й стѣла тодѣ пѣдругъ догонѣты; бѣжить самѣ по дѣрѣзи, а булѣ темнѣнѣко, зѣркъ на бѣкъ—схѣваласѣ въ ковѣли сидѣтъ якѣсь дѣвка. Бачъ, дѣмае собѣ вонѣ, ще й сѣла лякѣты; якъ добѣгла, та хѣпъ платѣкъ зъ нѣйи й хѣли по дѣрѣзи. Доганѣ свойнѣхъ дѣвчатъ тай пытѣйицѣя: „прѣзнавѣтѣсь, чѣй платѣкъ, гѣди шуткувѣты“!—„Це не мѣй, це не мѣй и це не мѣй“,—усѣ такъ сказѣлы. „Та шо за нечѣста? та кѣтра жѣ то зѣставѣласѣ менѣ излякѣты?“—„Мы тѣтѣчки ось усѣ:—Гѣпка, Стѣха, Мѣлѣшка, Тѣтяна... всѣхъ перѣлѣчѣлы“.—Такъ и ѣе! Здѣвгнѣлыся всѣ плѣчѣма, здѣвувѣлыся сѣй прѣчѣни й налякѣлыся дѣбре, тай подѣй Богъ нѣги, побрѣлыся всѣ за рѣки й лѣтѣты вѣже мѣвчки. Вѣчернѣи не вдѣлыся: сумнѣхъ булѣ бѣльша половѣна. Хѣлѣпци зпѣршу розвѣгалы, у скрѣпки и ба-лабѣйки витрѣбѣнѣки грѣлы; пѣтимъ лѣялыся зъ досѣды, крычѣлы и зъ тимъ розѣйшлися. Пѣшли дѣвки на домѣвку, а хѣлѣпци за нѣми. Прѣйшла дѣвка у хѣжину й принѣслѣ хѣстѣну зѣвсимъ ищѣ новѣсенѣку, зъ порѣдку шѣвковѣхъ, й положѣла на полѣицѣ, самѣ жѣ ляглѣ спѣты. Бувъ, чи не бувъ тоѣ сонъ у нѣйи, а бачъ же лежѣла, й усѣ въ хѣжѣи спѣлы, про дѣвѣчу хѣстѣнонѣку ничѣго не зналы. Це якъ ѣе вѣже о пѣвъ нѣчи, прѣхѣде

пось до хѣжины й стукотѣть и грюкотѣть, ажъ бычачи пузыри полѣпалысь у викнѣ, и знай колѣшка та крычѣть: „вернѣ моє минѣ назадѣ! вернѣ, вернѣ, оддѣй моє“! Побудѣло враже лѣхо й навернуло дѣмокъ, ажъ у бчакъ зѣ перелѣку метѣлики грають.—„Хтѣ ты, шо тобѣ видѣ мене, убѣого, трѣба“? насторѣчивъ вѣхо й слѣха, що єму промѣве, а вонѣ й утѣхло, ничѣго не чѣты. Полягѣлы зновѣ. Тѣко звелѣ бчи, слѣхаютъ—стучѣть: „вернѣ моє минѣ назадѣ! вернѣ, вернѣ, оддѣй моє“! та такъ й заскрыгѣче. Схопѣлыся, засвитѣлы страшнѣ свѣчку й лыпѣдку до Спѣса, тай началѣ творѣты молѣтву. Помолылись, якъ зѣумѣлы, й началѣ промижѣ собѣю пытѣтись, тѣлку пидбирѣты, кѣ тѣму,—шо то, бачѣ, йимѣ за нечѣста вѣ викнѣ стугонѣла й велѣла вернѣты шосѣ такѣ йийѣ. Дѣвка дѣвго крипѣлася, взяла й росказѣла про тѣ, якъ йшла зѣ дивчатѣмы, йшла, тай и зостѣлася,—пѣтимѣ доганѣла, й якъ ничѣянно вѣ вошѣбку сѣ кѣгосѣ на дорѣзи хустѣну увирѣвала. Росказѣла й протягла на полѣцѣо рѣку: „Дывѣтєся, ось вонѣ“. Розвернѣла на столѣ перѣдѣ образамѣ й залыѣлася, бидолагѣ, дрѣбнымѣ слѣзамѣ... Затѣмѣ пидхѣде дрѣга ничѣ. Зѣ пивѣ—ночи тежѣ творѣцьця. На трѣтю, якъ прѣйшло, взяли вонѣ й шпурнѣлы хѣстку у викнѣ. Лежѣть на прѣзьбѣи та хустѣна, а вѣ хѣжинѣи одѣ стѣку, ажъ хѣдоромѣ все хѣде. На ѣтри зновѣ взяли хустѣну й пишлѣ изѣ нею до попѣ—радѣ попытѣты. Прѣхѣдютѣ, питѣютѣ: „що робѣты тутѣ намѣ, пѣпе,—отѣакъ й отѣакъ намѣ трапылось“, й росказѣлы, якъ булѣ одѣ начѣла до кинѣця. Попенѣвъ йихѣ трѣхи пипѣ, а що нѣбилышѣ—дѣвку: „не слѣдѣ булѣ бѣ, кѣже, брѣты, не знѣючи одний пустувѣты“! Тай порѣявъ ще разѣ, абѣ й мѣже й двѣчи, вѣкинутѣ ту хустѣну за викнѣ, якъ прѣйде. Поклонѣлыся попѣ тай пишлѣ до дѣму; ждуть, сидѣть й очѣй не змыкѣютѣ. Чѣютѣ зѣ жѣаднымѣ рѣзомѣ бѣльше стервенѣцьця, кричить однѣ: „оддѣй моє“,—тай бѣста! Кѣнулы, такъ ни, й далѣко не риднѣ. Ну, що жѣ тутѣ дожидѣты,—зробѣлы й ще разѣ такъ єму, такъ лѣчче хочѣ й облѣшѣ,—й пишлѣ опѣять до попѣ, що робѣть, питѣты.—„Не берѣ, вырлѣтѣй злѣдѣнь, кѣжутѣ вонѣ попѣ, затвердѣвъ собѣи однѣ, тѣпѣунѣ єму бѣ на язѣкѣ: „вернѣ моє минѣ назадѣ“! щѣжѣ тутѣ зѣ нымѣ робѣты? прѣямо немѣ жѣсты, прѣйшлѣ вѣвкомѣ вѣты“.—„Теперѣ зостаѣцьця,—

давай сюда дівку, покүту накинү тай запричасьтò; тодì нехай берè платòкъ ÿ несè томү, хто до неï прыйде, бо сама ёгò зняла, сама жь нехай ÿ завьяже“. Наступыла ничь, а за нею незабарёмь надитила півничь жартуваты зь дивчиною за шовковю хүстку. Стүкъ, стүкъ, стүкъ—затрусилась хата; пишла дівка изь платкомь тай бильшь не верталась. Ждаты пождаты, ажь ось и ўтро, а йийи немае; та такь якь нема, ÿ нема ÿ нема. Пишлы тодì зь усимь селомь ту дівку шукаты ÿ найшлы вь яру одни кистки та шматкымы мясо, знаты зь неï познуцавсь вечыстий, понехтувавь, розирывавь ÿ роскидавь скрызь по яру.—Такè то, чүете, колысь зь дівкою лучилось!“

37. „*О тимж, якз баба бабувала у чортывз.* Ночу прыйхала коляска до бабыной хаты; а вона то була така, шо скрызь бабуе, це дило вже за нею; якь же безь неïи то ÿ не те. Вона якь тико було черезь поригь,—ÿ ось тоби ÿ Богь посылае... Ну, такь коляска бь то прыйхала ÿ вь ний сидило два купця таки гладки та здорови, та наряджени, у всёмү новомү, шо такь же ÿ блистят и блистят ÿ брязкотят на ÿихь. Та ÿ викликают на двирь бабу: „выходи, кажуть, пожалуста, сюды!“ Баба выхòде, бо дүже докучалась. Воны, якь тико вздрлы, ÿ кажуть ÿей: „Пидхòдь та тилки не хрестысь“. Баба такь и обомлила—ÿий и во снì никòлы не вздрывалось бачиты такогò вбранства на купцяхь, такыхь коней и калыски, а прыказь ÿихь, щòбь то не хрестылась, все ривно, якь кать по спыни оперезавь тебè кишкою.—„Не бийсь! мы прыйихалы за тобою, щòбь ты вмисьти зь нами пойихала, та дòброе бь дило намь зробыла, сидай зь нами та ÿ пойидьмо!“—Сила баба и ни слова. Коляска побигла. Баба не вспива примичагы, куды ÿийи тарахтарты. Завезлы бабу у болòто, у густы прегусты очерета, та ÿ и остановылись. Увòдять у хату, а дигынча уже родылось ÿ родыльня хòде по хати, взялася рукамы за живить—стòгне ÿ прòсе бабу скупаты дитину. Баба взялась за дило, а вона хòде по хати та вказуе, якь купаты; шо це такè, дүма баба, ажь росердылась, скрызь було годю, нихтò ще не вчивь, а це бачь прыйшлось знайти одну такү, шо не по ÿийи,—казыты жь ÿийи про це—бойицьця. Купае соби та ÿ купае; дывыцьця,—а вь дитыны ззади высить кишка зь дòбрыи собачий хвисть, та такь

й отхитнулася назадъ. Хотѣла перекрестыцца, моли́тву створи́ты. зи́ркь, ажъ тамъ нигдѣ нема и одни́и выко́ны. Догадалася ба́ба, тай мовчи́ть тоди́ вже. Старши́й пославъ одногò зберати́ гуля́ння, кля́кати на роды́ны, а другóму прыказавъ: „пиди́ ты, у тогò-то йе нехри́щенихъ три горшкы́ зъ ма́сло́мъ, а у тогò-то медъ та́кий, а у то́го—те и те... бери́ усѣ й неси́ ёгò сюды́“. На дóсвѣтку позлитáлысь гóсти:—хто у двѣри, хто у ви́кно, а хто й лети́въ зъ пѣчи.—Стои́ть ба́ба не жива́, не мѣртва. Позлитáлысь й началы́ гуля́ты: танцю́ють, перекида́юцьця та въ ладо́ши плѣщуть; оди́нь скакнѹвъ на стиль та по сто́ли й ну гарьцюва́цьця, та самъ себѣ сѹпьятка́ми объ за́дныцю бы́ты. Ба́че ба́ба го́ре й мовчи́ть, шобъ не двòе; зибра́лася зъ дѹхомъ, поверну́лась до старшо́го й ка́же: „одвези́ть тепѣрь до́дому, я вамъ не подо́ба, що зуми́ла,—пороби́ла, бильшъ робо́ты ни́чого; бува́йте здоро́вы“.—Звели́въ старши́й ко́ней запряга́ты. Запря́гли. Стоя́ть ко́ни якъ орлы́; шерсть на нихъ такъ и сáйе, копы́тами зѣмлю́ рѣю́ть, а óчи бли́щать, якъ каганьци́.—„На жь тоби́, ка́же, за труды́, иди́ сюды́ до ка́диба та наставля́й свою́ пѣлену́“.—Пидня́ла ба́ба пѣлену́ й утрѹнку́ все, мать, похолóнуло, а винъ здоро́вий та пря́мий, якъ дубы́на (не глы́зѣвый бу́въ), та такъ все го́госомъ, го́госомъ ко́ло нейи́,—набравъ зъ ка́доба зъ ми́рку вѹгилья́ та такъ й шурхнѹвъ ба́би за трудá. Пойи́хала ба́ба мовчки́. Ко́ни не бижа́ть, а летáть й землѣ́ пидъ собо́ю не чу́ють. Забу́ла й подя́кувати;—прийи́хала до́дому, розверну́ла пѣлену́, дѣвы́цьця,—ажъ не вѹгилья́, а повни́синька пѣлена́ одны́хъ золо́тыхъ. Одъ ра́досты ба́бу у пѣть брòсыло, й вона́ захворáла... Оттáкъ ходы́ты бабу́вати до незнако́мыхъ, та ще й у глѹху́ ничь. Грихъ за це немы́нучий: це все равнò дѹшу́ свою́ продáты за грòши. Зъ тыхъ пѣрь пропáла въ ба́би й за́висьть бабу́ванья́“.

38. „Еретны́кы—охóтныкы и ключ-трава́. (Еретны́цька охóта). Ключ-трава́ подо́бна тымъ тѣ́ко, хто зоры́ть за воривствòмъ. Цыга́не—шо на́бильшъ обзаво́дяцьця нею. Ко́лысь бу́до частѣ́нко та́ки проявля́лысь та́ки о цимъ бала́сы, а тепѣрь, дѣвы́сь, хиба́ тѣ́ко одъ старо́и люды́ны де-ни-де почу́ешъ про ци́ рáзни примѹ́сии, та й то вже ста́лы кой́ що забу́вати, та й цыга́нъ та́ки тепѣрь та́кихъ нема́. То бу́въ наро́дъ соби́ мыже́нный,

чорный, ажъ засмальцёванный на выдѹ; а цыганка, булò, якъ глѧне тобѧ въ вѧчи тѧки, такъ такъ, якъ въ воко влѧпе: все роскрѧе, шо булò, та ще ѧ загоди узнѧ, шо бѹде.—Такъ отъ, еретныкѧ, охòтныки—„воряги“, першъ всѧго, щòбъ бѹты пройды-свитомъ, шукѧють, де несѧцьца черепѧха, и якъ зуздрѧть, бачъ, де (знѧйдуть гнзздò), такъ отò ѧ почитѧй вже, що достѧвъ цюю еретныцьку ключъ-травѹ; трѧба тѧко тодѧ каравѹлыты, дывѧцьца, колѧ вона сѧме поповзѧ у воду пѧстысь, и тодѧ возьмы, та ѧ обгороды кругòмъ ѧго килòчкамы; при ний же цѧгò низѧ здѧлаты, бо такъ у тѧло и впнѧцьца. (Несѧцьца вона на сѹши де не (будъ) у травѧ, а пѧстысь лѧзе у воду, на дно рѧчки, або мòря). Вона то прѧйде, побѧче цю крѧпосеть, огорòжу, та тодѧ ѧ тудѧ-ѧ-сюдѧ до гнзздѧ,—не ввѧйде и полѧзе собѧ зновъ у воду, та такъ разывъ зъ три оснуѧ шукѧты тогò зѧльѧ, що всѧку всѧчину рве. Прѧлѧзе, бувѧ, разъ—не та травѧ; у другѧ—ни, ничòго, бачъ, не подѧсе нѧю; а въ трѧтьѧе, якъ полѧзе шукѧты и хочъ дòвго не бѹде, за то вѧрнѧцьца зъ настòящою, прѧлòже до огорòжи, вона зѧразъ же ѧ отпадѧ вся. Травѧ ѧий цѧ тепѧрь не нѹжна, и ты ѧийѧ не берѧ, пòки (пòты) вона засòхне, а засòхне, ждѧ тогò чѧсу, якъ полѧзе черепѧха у воду; тодѧ прорѧжъ на пѧльци (на пѧльцеви) шкѹрку и заложѧ пидъ нѧйи ту травѹ. Тепѧрь знай: якъ це все загòйпѧцьца, до якòго бѹ ты залѧза ни дотрòнувся,—вонò роспадѧцьца, не вѧдерже; до любòго замкѧ, абò якѧхъ такѧхъ запòривъ, тѧко прытульсь рукòю, ѧ вонò ѧ розлитѧцьца“.

39. „*Два чабаны*. Йшлѧ двѧ отѧри чѧризь мистъò бди супротѧ другòв, тай стрѧлыся на грѧбли. Грѧбля булѧ вузѧньѧ; якъ ѧгò булò пройты,—комѹ звернѹты въ бикъ, абò вернѹцьца на-зѧдки? Отъ, одѧнъ чабанъ и кѧже другòму: „стѧй, стривѧй!“—тодѧ збывъ свойхъ овѧць трòхи, пидвѧрнѹвъ пидъ бикъ и тѧко жъ взявъ винъ та постѧвивъ мѧжъ нѧмы, одъ своѧи ѧ чужòи отѧрѧ, свѧдъ гарлѧгу (здорòва пѧлыця) и—„трошь! трошь!“—такъ провѧвъ своѹ худòбу промѧжъ чужѧхъ овѧць, шо якъ пустывъ, такъ хочъ бы однò де вивцѧ, козѧ абò барѧнъ замишѧлысь помѧжъ тѧмы.—Здѧлай же тепѧрь такъ,—атò жъ!—Та шо ѧ казѧты, булò дѧло“.

40. „*Наскòчила косѧ на кѧминь*. („*Два дружкѧ голдунѧ*“). По-

встричались два поїзды, тай стали одынь супротѣ другого; потимъ схопылись зъ горѣлкою у рукахъ дружкѣй й начали угощадьця та хвѣстацьця промѣжъ собою,—хто, бачъ, зъ ихъ лучче тямѣе, шо зробѣты. Отъ одынь нальвѣ чарчѣну тай дае: „на, пий!“—Той выпывъ, а зѣбы зъ роту тѣко цуць емѣ у жмѣню: вѣсолопывъ тодѣ винъ очи, та й лѣпа нѣмы, мовъ, не своїмы, а дали й пытѣ: „це то ты зумѣты зумѣвъ зробѣты, та чи вмѣйнешъ же ты, лѣшень, зновъ ихъ повставлѣты?“—„Нѣ, цѣго вже не мѣжу, выбачѣйте“.—„Ну, такъ дывѣся жъ, якъ це рѣбыцьця“, взявъ та й кѣнувъ собѣ свойѣ зѣбы у ротъ, и вонѣ такъ и посидѣлы, якъ булѣ, на свойихъ гнѣздахъ,—ось якъ це дѣецьця! А ты, бачу, тѣко зпѣртыты, згубѣты, зѣсты умѣешъ, а одвалѣты назадъ нехѣй, мовъ, лѣды, бѣдутъ, звѣйдуцьця, мовъ, такѣ! Отъ за це той не гарѣздъ,—ты такъ: посмѣйся, посмѣйся трѣхы, та й облышь. На жъ, тепѣрь выпѣй моѣи запекѣнки, моѣ бѣде трѣхы смашнѣша: ось на бо, на, попрѣбуѣ цмѣку“, пидносе. Той пѣе и зѣбы ѣго до жѣдного зостаѣоцьця у чѣрци, а очи такъ такъ и повывертѣлись зъ лѣбу. Посѣмѣѣвся такѣ той дѣбре зъ ѣго, та взявъ та й отпуствѣвъ.—„Идѣ жъ собѣ, кѣже, сидѣй на визъ та везѣ молодѣхъ, кудѣ слидъ, та й не глузѣй бильшь зъ лѣудѣй!“—Всѣяки лѣуде ѣе“.

41. „Купѣць и гуртѣ ѣго скотѣны. Гнавъ купѣць шляхомъ гуртѣ скотѣны по помѣщицькѣй землѣ, а вонѣ то, шляхъ той, та бувъ въ однѣму мѣсьци збраннѣй, зостаѣлена булѣ однѣ тѣко вузѣнька дорѣга, за малѣмъ хибѣ, трѣхѣ не стѣжка. Кругѣмъ рослѣ пшеницѣ у ристѣ чолбѣйчѣй. Скотѣны, зѣсно гуртѣ, булѣ чимѣло и йшла мѣ(же) кѣй де по хлѣбовѣ, безъ тѣго вже жъ незѣ. Помѣщикъ узнавъ объ цимъ одъ свойихъ обѣѣжджчикѣвъ и остановѣвъ той гуртѣ, зарѣштовѣвъ. Купѣць просѣцьця,—просѣвъсь, просѣвъсь, а потимъ бѣче, шо дѣло не выхѣде, клѣкнѣвъ погонщикѣвъ до сѣбе, на кѣней—тай поѣхалы у блѣжнюю слѣбѣдку, а гуртѣ зостаѣвся самъ. Якъ тѣко гуртѣ, братъ ты мѣй, зостаѣвся одынь, дѣухомъ почѣвъ не те, хвостѣ задрѣвъ вѣбору, та якъ шпурнѣвъ емѣ винъ по хлѣбахъ, вонѣ спынѣты,—спынѣлы, спынѣлы, кудѣ жъ тутъ? ничѣго немѣжуть зъ нимъ зробѣты, и не тѣко пѣши,—й верхѣй. Нѣвы потѣлочылись и зробѣлись чѣрни, якъ рыльлѣ,—такѣ невстѣлыва скотѣна порѣбѣлась. Дѣй-

шло до того, що порѣ вже й поміщику наздоганяты та про-сіты купця, щобъ геть займавъ свою худобу; и незабарѣмъ таки майнұлы уздогінку.. До купця, а винъ не тиєи: „нехай, мовъ, трѣхи побисѣ.—помордуйицьца“. Потимъ, трішки згѣдомъ, прыйшлы гоньці того гурта,—москалі, и якъ гукнұлы, такъ такъ вся скотына до одниєи й пырнұла,—одна другу зъ шпенѣць на шляхъ туре й шляхомъ скризъ, гей-гей. скіко вѣдно, на домівку. Тіко й бачили.—Оттакъ доказавъ купцю за потраву“.

42. „*Прывѣдѣнця слобідьцизъ табуромъ.* Йшовъ табуръ чумакивъ, та й ставъ на почівокъ при якийсь слобідьци. Підвернұлась ничъ, стѣлы ночувѣты, а пастухи погналы дѣли въ степъ худобу попѣсты. Пѣша дѣбра, волы стѣлы та й кінұлись пѣстысь. Мѣбутъ, ничого було. Хлѣпци-пастушѣта тожъ намѣялись въ дорѣзи, пидтоптѣлись, звѣсно, схилѣлись пидъ бустѣмы й бѣйдужѣ—заснұлы. Худѣба сѣта; трава прыйилась, вони й майнұлы по хлѣбѣхъ. Лучѣвсь, якъ ѣе на ту лыху годѣну, объѣждчикъ зъ якоись окономѣи, ставъ поле оглядѣты, та й натрапывъ на волѣвъ чумацькихъ. Хлѣпци зиркъ,—нема волѣвъ, й до табура хѣли. А объѣждчикъ йихъ давнѣ до сѣбе погнавъ.—Пишлы хлѣпци всимъ табуромъ волѣвъ викупѣты,—торбувѣлись, зпынѣчѣлись, зѣмлю йлы, шо шкода негѣдана; ни щѣ не въ угѣду,—тузѣвъ дѣбре бѣсуривъ объѣждчикъ й узѣвъ изъ йихъ по сынѣнький одѣ жѣднои пѣры. Залпѣкало чумаѣиство, нищѣ не подѣйешъ; повпѣгѣлы волѣвъ въ ѣрма та й въ путь у дорѣжку за сѣльлю у Крымъ. Тіко стѣлы за-пѣгѣты, занѣзы стромѣты, хто пидтѣку поправѣвъ, зъ люш-нѣю возѣвсь, хто вагұ чиплѣвъ пидъ визъ, а хто ище вѣживъ та колѣса мѣзавъ,—подывѣлись на слобѣдку, ажъ лѣлечко—лыхо: ззусиєи слобѣдки, въ дроковѣцю нѣче, бижѣть въ поле на хлѣбѣ волы, и корѣвы, а за нѣмы слѣдомъ кѣни, вѣвци, свѣни и все, шо ни ѣе якѣ худѣба, птѣця—гұсы, кұры и ин-дѣки, та все въ воднѣ мѣсце: на помѣщицки хлѣбѣ... „А шо, вѣражий сѣну? слѣзы дѣромъ не пропѣлы, потишѣйся жъ нѣмы“!.. У пѣли нѣслана худѣба пройшла по хлѣбу й такъ зробѣла, якъ у хѣти на долѣвци“.

43. „*О тимъ, якъ Рѣмахъ ходѣвъ на бакшу кавунѣвъ крѣсты.* Нѣявъ собѣ Рѣмахъ косарѣ—москалѣ тай пойхавъ зъ нѣмъ

на нѣву, ярѣну вбыраты. Прийхалы ще за-вѣдна, наварѣлы кулишѣ (кандѣру) й крутѣи кашѣ, попойлы всѣгѣ добрѣ,— одийшла вечѣра, й полягали спаты.} Недалѣчко, чѣйешь, въ бикъ, зъ полявыны вѣору, ростяглася въ пѣручъ зъ лѣсомъ бакша зъ кавунамы. А Рѣмахъ цѣй бувъ такий, шо не втерпе зрѣду красты, й особлѣво, якъ заздрѣть кавунъ, абѣ дѣню; це вже дзѣдки, не винъ бѣде, шобъ чогѣ не вхѣбыть. Про це й людѣ добрѣ зналы та й берегли бакши. Спавъ чи не спавъ отѣ винъ тамъ, уставъ нѣшкомъ та й поплѣвся промочѣты дѣшу: тай чужѣму чоловѣку—косарѣ тожъ въ пригѣди бѣ статы. Якъ добрався Рѣмахъ до бакши чужѣи, навывыравъ кавуныкѣвъ чималый мишѣчокъ, тай звалѣвъ собѣ на плѣчи, итѣ вже зѣбрався; подывѣвся кругѣмъ себѣ, ажъ скрызъ огорѣжа. Блѣка Рѣмахъ въ вѣгѣдѣни, мѣвъ, спѣтанный пѣтомъ, та й зъ досады полосѣе огиркѣ въ кишѣню... Немѣ хѣду, кудѣ не кинъ, самѣ плетнѣ, крутыцѣя сердѣшний. Ужѣ й скѣро свѣтатыме, и зѣрка вранишня ось-ось. Зарѣ загорѣлась. Проснѣвъ косарѣ, глядъ поглядъ, Рѣмаха катъ-мѣе; ужѣ тутъ винъ тудѣ й сюдѣ на вси дѣмы дѣмавъ. Догадавъся, матъ (мѣбутъ), москаль, шо шѣе недѣбре,—мирыщѣй вѣбигъ, ставъ на бѣтрыкъ, дѣвыцѣя пѣдъ зѣрю, ажъ вѣнѣ тамъ шѣе мирѣе, тонцѣецѣя въ бакшахъ. Винъ до ѣго: „що це ты тутъ рѣбышь“?—„Нарвѣвъ, бачъ, тутъ кавуныкѣвъ та нѣякъ не вѣйду: скрызъ горѣжа, стоять плетнѣ, немѣ минѣ хѣду“. А винъ ужѣ налякавъся, та и мишѣкъ гѣтъ бѣросывъ.—„Берѣ скорѣшъ мишѣкъ зъ добрѣмъ та шамѣль за мною“. Схватѣвъ мишѣкъ, бѣжѣтъ у двѣохъ й плетнѣ ти де дѣлысь, та до вѣзу—й стѣлы.—„Ну, братѣще, косарѣ кѣже, бѣлышъ ты такъ не дѣлай: безъ разбѣру не лѣзь въ вѣду, абѣ окупѣсься“. Винъ и дѣма: „стѣрожь тѣме, а цѣй, матъ, ще дѣжче“,—та й сѣ тихъ пѣръ и ни ногѣю,—квѣтъ, шабашъ вже красты“.

44. „Чумахъ Галѣпа. Разъ мѣй дѣдѣко у дѣрѣзи побратѣвся зъ Галѣпою тай поѣхалы у Крымъ, мѣдъ тудѣ возѣлы й сырѣ кѣжи а колѣ й пшѣнѣцю; а вѣттыль вже вѣнѣ бѣралы силъ та дѣготъ нѣхту, а шо набѣлышъ — бѣралы рѣбу. Всяка булѣ рѣба. Булѣ дѣло, (за тѣждѣнь до Вшѣстя), затѣялы у дѣрѣгу. тай зѣбралы чималенький тѣбуръ, зѣйшло дѣружне чумѣчество, вѣрне товарѣство. Не згадаю, де сѣмечкѣ у якѣму мѣсыци но-

чувáлы всимъ тáбуромъ, везлы, знáю, рыбу; повставáлы вони въ рáньци та й гулькь до худóбы: волы хóдятъ по травѣ дѣне-дѣ заздрыешъ; пáша дóбра, ну й пасу́цьця мовчки, а кóяки вже напáслысь, полягáлы й котуляють рóтомъ. Зиркь до кóней, ажъ й ихъ нема,—щóжъ ёго робыты? Кóни булы дóбри. Якъ узнáлы и... стревóжили такой дѣминть, суматóха зпáвди; хто побйгъ зъ кыйкóмъ шукáты, хто журыцьця, хто нудьгѣ, а хто стоить, плáче: пропáвъ, каже, заробытокъ, що бóду робыты? Товарыство не повйре: скáже, де самъ спрудывъ, абд вóвси скáже:—ты жъ самъ каравулывъ, твой булá черга, ну й давай волы за кóни; оттакóи вышывъ!—Всй торбу́юцьця, хлопóчуть; хóдятъ юрмамы, шукáють, а Галáпа пиднйме знйшка свою пýку, очима блы́мне скрызъ на шляхъ, тай зновъ до вóза,—лáде визъ, якъ бóтто винъ бйды не чѣе; ёму и байдуже про то,—нехáй, молъ, хлопци молодй, нехáй тамъ трóхи погорюють, а самъ бо то, нивáче й вспрáжки, якъ бóдто лáгодыцьця зъ вóзомъ: люшню то здйме, то надйне, пидъ визъ пидлы́зе, пидтóки лаштѣе. Ти верну́лысь. Нема дйла, тйко дурно, нóги были; мать, чимáло одчухрáлы, що ажъ чубы мóкри й по пýци потѣки. Спытáвъ Галáпа, чи всижъ то тамъ верну́лыся, тай замовчáвъ, гóлову повурывъ; а про кóней й ни гугу.—Напусты́лось на Галáпу усѣ товарыство: „щóжъ щобъ то такъ чи що“? й началы вприкáты: „де не дйло, а бизды́ля, иды и ты шукáты“!.. „Постривáйте трóхи, й кóни бóдутъ дóма; той, хто вкравъ, не пйде дáли вйтты (витьты́ль), де сидыть тепѣрь винъ вѣрхи на прытóни. Случáлось такъ не разъ минй, всѣгò на свйти переживъ; кусáла насъ такá!“ Товарыство вы́слухало й ўхи повпускáло. „Що це кáже нашъ Галáпа, чи мóже жъ це стáцьця? Не здурывъ бо винъ у насъ,—мóже зъ переляку? Скорйшь Йвáнь, перекрестй брáта, дай напы́тыся воды́ци, тай на пýку бры́зны; творы скорйшь крѣсную молы́тву!“ Заходы́лыся гуртóмъ й поличылы дйца, тутъ знайшóвся ще й такой, шо й крòвь брòсыть вмйе.—Бóблисть булá не мáла; одвалáлы кóякъ.. А Галáпа насупывся тйко блы́ма очима, нйкъ не вторóпа, що надъ нымъ лучылось.. Трóхи згóдомъ скйнувъ брыль тай перехрѣсты́вся. (Тодй всй въ брыляхъ ходы́лы ти шо чумаки бъ то).—„А ну, лышйнь, кйшь изъ мйсьця, полóсуй за мною, тйко спѣршу договóрь:—цуръ не

быцьця та слухацьця“.—„Добре дїду, добре!“ Распрáвылы хлòпци кúльши (клéшни), погреблѣмь слїдомъ. Йдуть та мýсять, що вйїде изъ сѣго. Пройшли чи малѣнько. „Тпру! стривáйте; стийте тутъ, прогукáвъ Галáпа, я пиду до тихъ майдáнъ, тамъ щось копошицьця“, тай пишòвъ. А майдáни одъ насъ всѣго не бильшъ гòну. Мисьця дѣвляцьця, махае, настромївъ на пáлку брыль всихъ йихъ зозывáе. Поплелѣся дáли. Пидхòдымъ умїсьци. „Онъ де, кáже, й кòни“,—хлòпци й обомлїлы.—А вонò, моськòвьське лѣхо, на рївний поляни крутыцьця изъ кїньмы; та все въ воднийъ мїсьци, а дáли не йїде; бородыще до пòяса, й на выдú червòный а у плéчихъ мирь хочъ не дýже й рòслый. „Здорòвъ бóвъ, Галáпа кáже! Чи то пáкъ добрѣдень! куды йїдешъ, рѣжа хáра?“—„Дýмка булá на Оксáй, та изъ шляху збѣвся; кругòмъ мѣне де й взялыся гòри та байраки, а це стáла кругòмъ стїнка, хочъ тўтычка й пропадáй“.—„Кòни добри, де ты взáвъ йхъ?“—„Оцю (шкáпу) купѣвъ у ярмарьци въ Батюрыний, а це въ мѣне ще изъ рòду,—зъ Бутурлѣмивки я рòдомъ“.—„Добре брѣшешъ“.—„Ни, дидусю, не брешу, мòже вѣведешъ видциль, горáздъ я не бáчу“.—„Сюдý хлòпци“. Хлòпци дýмалы, що бѣты, та такъ й окружили.—„Стривáй, бѣтыся не трѣба! Берѣть мирцѣй въ ёго кòни, тá йїдьте у тáбурь“. Хлòпци рады, беруть кòни, й ўха въ йихъ регòчуцьця. „А ну, дядьку, облышь трòхи, нехáй винъ пойїзде,—погонáй, чòгò стойишь? давáй намъ дорòгу, а винъ крутыцьця изъ нѣми, мовъ, молòте на току“; шкилюють изъ ёго,—у ёго, кáжуть, полúда въ вѣчи заступѣла и свить ёму помарнѣвъ“, та пáльцемъ шѣрь ёму у вѣчи. Галáпа самъ зсадѣвъ ёго зъ коня й давъ хлѣба на дорòгу: „идѣ собѣ, ёму винъ кáже, та бильшъ, глядѣ, не крадь“. Погонòбывъ, погонòбывъ й отпустѣвъ небѣтѣмъ. Галáпа кòней не кувáвъ (не закòвувавъ у пúто) й не возѣвъ залїзного пúта, а все прядывѣяне, и ёгò конѣви зрòду й вáды не бувáло. Везуть рѣбу чумаки й дойїжджáють до горѣ, горá булá высочѣнька (пòкрутковата), а гѣмоньська егò шкáпа взяла тай прыстáла. Тутъ бы тѣко чѣризь гòру перевалѣвъ й почитáй, шо дòма. Шкáпа стойть, а сòнце за тòго захòде,—не стоáты жь тутъ.—„Чуешъ, братъ, Галáпа кáже, выпрагáй, мать, ты цю шкáпу та лизь у воглòбли,—бúду попыхáты; мòже якъ нѣбудь у двохъ вѣвеземъ на гòру“.—„А на вòзи то бúдò

вагі пудивъ зъ трѣдцять. Узялыся потыхѣнку: той все тѣко направляе, а цей пхае, тай вѣвели безъ биды, ще й не становылысь, оддыхалы разомъ. Якъ зибралыся на гѣру, забажалы йсты; тай худоба пидбылася, нехай оддыхне. „Грийте, хлопци, лѣтепло, будемъ варыть кашу“.—Дѣло закипѣло. Лаштувалысь вочуваты, а Галяпа лигъ на зѣмлю тай дывыцьця въ небо, а небо на ёго;—це слухае: штовхае шось—„вставай, дядьку, вставай, дѣду! розбойныки озъ де, рыбы, мабуть, захотѣлы“.—„Такъ зготовъ запѣты... Такъ и йе; пиду я самъ попѣреду та спытаю, що йимъ одъ насъ трѣба, а вы будьте на сторожи про слухай югѣ“,—и поплывся йимъ на зустрѣчь зъ кѣстуромъ въ руцѣ. Здорovy булы, хлопци! та кажѣть, зъ якою вы вѣсьтью“?—Выйшовъ одынъ попѣреду й каже минѣ, а ти вси зосталысь, южидаютъ рады: „Щобъ довго тутъ балясь не точыты, давайте замъ грѣши!“—„Грѣшей?! бачъ вонѣ, чогѣ вамъ трѣба,—ка зна югѣ й забажавъ! а я думавъ, вы зблудѣлы та йдетѣ пытаты шяху. Такъ стромляй же першъ цю штѣку (пѣку) надъ голою у коня, ось сюды“,—тыкнѣвъ винъ пальцемъ. Той встроивъ; тодѣ не зъ мѣсьця кинъ и винъ, и ти, шо зъ заду довидѣлы грѣшей, стоятъ усѣ, мовъ побыты. А Галяпа тѣко кѣмае по йихъ здоровѣнными очѣма: „дѣбре хлопци мѣштру гѣмлють, оттакъ все й вчѣцьця, лѣгше всѣго—давай грѣши! А годѣ? тодѣ: прынесѣ лышъ йимъ, Иванѣ, тиѣи кашѣ, шо ты рѣйешъ, вонѣ йсты хочуть; трѣба жъ першъ нагодуваты, бо рѣхъ гостѣй такъ пускаты, не накормѣвши хлѣбомъ-сѣлью“.—Гѣре Иванъ казанъ зъ водѣю, лѣтепломъ гарѣчимъ, набирае шолоныкъ й дае вистовѣму: „прыволяйтесь, кѣшайте, ни сорѣмгесь, ну бо ще“.—Той пѣе.—„Чи мѣже ще“?—Мовчѣть.—„Чомъ мовчѣшь? хибѣ ще“?—Мовчѣть.—„Це винъ грѣши лѣче, нѣякъ не дасьтъ тѣлку“,—каже товарѣство.—„А що це, не грѣши? грѣши личѣть лѣгче? Пидѣ, Иванѣ, попѣштуй й тыхъ! шо вонѣ рѣмають, хибѣ спѣты сюды прѣйшлы? вонѣ тутъ по дѣлу“!—Пшѣвъ Иванъ; чѣты, тѣко чѣокають. Угостѣвъ йихъ, чимъ Богъ послѣвъ, тай каже Галяпа: „Глядѣть, якъ прѣйдецьця замъ ще цѣгѣ добра (грѣшей) де попытаты, такъ вы попѣреду дывыцьця: якѣ де кѣчка чумакивъ, та й якъ де будуть вонѣ йсты: де два товѣрыща йидѣть та кисткѣ кладѣть у кѣпку, то

туды не лизь; а де йистымуть два кума такъ, шо той туды, а той туды бросаты будуть кисточки, то туды вамъ тико й можно, отд вже й будуть верхи ваши. Повертайте жь теперь кони, та йдьте назадъ й не гнйвайтесь за вгощеньна,—я не выноvať.—Пойихалы розбойныки, въ рѹки пыки взявши; й довелося пойихаты негáданно й неждáно, й не солоно хлѣбáвши”.

45. „Дѣло було у сáмий розгáрь ярмарки. Лѹды скризь вѣштались та шнырáлы и дѣло кипѣло, якъ у кѹци комахня. Прийихавъ на ярмарокъ й Хома Вырвыхвистъ зъ своимъ сѣномъ купыты баби очѣпокъ, та тяжѣны на халáтъ; ззийшóвся зъ товарыствомъ, кó—якою риднѣю и хлѣско—чѣпурно вѣпылы. Отъ пидходе до ёго сынóкъ, годкѣвъ зъ пятна́дцять, тай кáже: „Тату, та-тѹ! дай минѣ грѣвню (три копѣйки) грóшей“,—а тáто, якъ натѣ, й нечѹе;—отъ винъ, вдруге: „тá-то, та дай бо минѣ три копѣйки“! Розсѣрдывся бáтько на сѣна, (винъ вже, бачъ, пидшѣвъ трóхи и все дáли бѣльшъ роскуражовався) та зъ горячá й кáже:—„ну, нá жь тобѣ, разсѹкинъ сынъ, ци грóши, та гляды жь ты минѣ, щобъ ты купѣвъ собѣ на йихъ такѣ, щобъ й найився й напывся, й на гóлову бъ надѣвъ“.—„Дóбре, тáту, дóбре“! Взѣвъ сынóкъ грóшы тай хóде по ярмарьци, мѹсѹе, розгáдуе, щобъ вонó було пидхóже пидъ бáтькову мóву; хóдѣвъ, ходѣвъ тай купѣвъ кавѹнъ.. Бáтько давнó вже жде сѣна назадъ зъ грѣшмы, а сынъ зрѣзавъ зъ кавунá верхѹшкѹ, вѣдовбавъ зъ серѣдины мѣякитѣ, поийвъ, пóтимъ поскромáдывъ—й юшки напывся, и тодѣ ще взѣвъ тай надѣвъ на гóлову, якъ бáтько казавъ, и йде до свогó вóзу, пузь торгóвцивъ черезъ увесь ярмарокъ; дохóде до вóзу; бáтько зиркѣ: иде ёго сынъ, й на головѣ шосъ блестяты; до ёго, ажъ то зъ кавунá шкарлѹпа. Ни якъ не надѣявся про це бáтько на сѣна и такъ зрадѣвъ, що й хмѣль одскóчивъ.—„Отъ тобѣ, тáту, кáже, оцѣ я найився, й напывся, й на гóлову надѣвъ“.—„Тѣху, скѹрвый сѣну! Нажъ теперь тобѣ за це пятакá“.

46. „Одѣнь помѣщикъ та такъ вже й немылости́во прикисьнявъ свойнхъ лѹдѣй, що дáли й нѣкуды; прѣмо дойшлó до тóго,—хочъ зъ мóсту та въ вóду. Отъ одѣнь разъ ёго дворóва бáба, Кулына, зибрáла коло се́бе такѣхъ же, якъ и самá, та й кáже: „Бóже жь ты мий мѣлостывый, Бóже жь ты мий прáведный, якъ

вонѣ на свѣти бѣлому склалося? И це все, во всій цій вынѣ, Ева. Вона це все надѣлала намъ; не соблазнѣсь вона, мы бѣ вси жили бѣ на свѣбѣди ѣ не мѣчилимы бѣ мы, такъ якъ мѣче тепѣрь насъ оцѣй анцѣхрѣсть; ну; ни за-щобъ я, здаецьця, будь на йийи мѣсьци, не пиддалася томѣ соблазну;—бачъ, не бачила яблука, зрадѣла, я бѣ сѣмый пѣрвый щильнѣкъ пидъ нѣги бѣ шпурнула.—Пидслѣхавъ це помѣщикъ тай кѣже йѣмъ всѣмъ: „ну, постривѣйте жѣ; горѣздъ це все, узнѣю жѣ я, чи ѣ справди жѣ то нѣша Кулѣна розѣмна така, хрѣбра та терплѣча, якъ оцѣ ѣе. Вѣзвѣвъ до сѣбе Кулѣну ѣ давѣй ѣий спѣршъ всѣго навѣрюваты, щобъ умъ кѣчки держѣвсѣя, та не куѣвдыла; а тодѣи взявъ мыску, перевернувъ ѣийи на столѣи ѣ кѣже: „Глядѣи жѣ, не додѣвлѣйсѣя, шо тамъ ѣе; а то, якъ узнѣю, шо подѣвѣсѣя, такъ ще гѣрше тобѣи будѣ; а якъ шо жѣ вѣтерпышъ, не соблазнѣсѣя, такъ дамъ вѣльну слѣбѣду на вси чѣтыри стѣроны, и ты де схѣчешъ тамъ ѣи заведѣшъ свѣи рай“.—„Ни, ни це вѣже не сумлѣивѣйтесь. ни за шо цѣго не будѣ“.—Помѣщикъ дѣсь поѣихавъ, и Кулѣна зостѣласѣя пектѣи пирижѣи. Сѣмно чѣгѣсь стало Кулѣни, а якъ подѣвѣласѣя на стилъ, вѣсь страхъ такъ и одѣйшовъ, и вона началѣи свѣи мѣсли пидбѣратѣи, та добырацьця до того, шо „щобъ вонѣи вѣже такѣи ѣи за задѣрне винъ и положѣивъ тамъ пидъ тѣю мѣску, непрѣмѣнно пирижѣи, мѣбутъ, дѣмка бѣ то соблазнѣты, якъ Ева соблазнѣласѣя, та ни, я не вона; та ѣи якъ же ще то винъ и взна, якъ я потѣхѣнѣкѣу пиднѣмѣи ѣийи кинцѣмъ ножѣи, подѣвлѣюсь, тай зновъ опусѣтъ? Такѣи ѣи вѣтие,—кѣ зна шо“. Оскѣма брѣла спрѣбуваты пѣнъски вѣтивки; „дай, кѣже, пидѣймѣи,—хѣбѣи шо“? Взѣласѣя за мѣску и тѣлько хѣпнула за краѣкъ, а мѣша вѣдѣтѣилъ зъ пидъ нейѣи тѣльки порѣсь, та ѣи була такѣи. Охъ, лѣшпечѣко, шо жѣ це я нарѣбѣла. Ы такъ зажурѣласѣя, шо трѣхи зъ журѣи не околѣла. Приѣихавъ пѣнъ тай кѣже: „Ы зѣвѣсѣмъ Кулѣна бѣ то, та гѣлосъ не ѣийи“; и ставъ пѣсья цѣго ще дѣужѣе морѣтъ людѣи рѣботѣю, та гѣлодомъ“.

47. „*Огненный змѣи*“. Огненные змѣи живутъ на тѣхъ пустынныхъ и невѣдомыхъ островахъ, куда разные „знахурѣи, знѣхурѣи, колдунѣи и колдѣнѣи“ ссылаютъ своѣи заклинательными молитвами всякѣи людѣской недугъ, людѣскую нечѣстѣту, словомъ—все

то, что можетъ приносить людямъ вредъ. Тѣ изъ звѣздъ, которыя при паденіи какъ бы оставляютъ по себѣ слѣды въ видѣ хвоста, говорятъ, есть предзнаменованіе переселенія умершей души человѣческой, оставляющей мірскую суетную жизнь и удаляющейся въ необъяснимую вѣчность; говорятъ также, что какой нибудь святой въ это время несетъ её (звѣзду) посвятить Богу; между тѣмъ такіе звѣзды—ничто иное, какъ „огненные змѣи“, но только въ меньшемъ видѣ. Огненные змѣи также указываютъ, гдѣ есть „шкарбы“. Жилъ напр., одинъ человѣкъ около выгона, а противъ его двора, сажень въ 5—10, росъ кустъ дерезы, куда каждый годъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, падалъ огненный змѣй и при паденіи разсыпался „жаромъ“; самое же паденіе жара сопровождалось оглушительнымъ шумомъ; такое обстоятельство можно лишь объяснить тѣмъ, что подъ кустомъ этой дерезы, непримѣнно сохраняется заклинательный шкарбъ. Огненные змѣи не могутъ подыматься вверхъ, а всегда падаютъ на низъ.—Огненные змѣи всегда или чаще всего падаютъ въ низменныхъ мѣстахъ; частое ихъ паденіе означаетъ обильный урожай.—Когда змѣй падаетъ и разсыпается въ жиломъ дворѣ, то часто предвѣщаетъ или же большое счастье, или такое же несчастье.—Иногда змѣи летаютъ къ какой нибудь молодойкѣ и въ качествѣ жениха или любовника. Одна женщина жила съ мужемъ на старомъ дворищѣ, рѣдко какой годъ не леталъ къ нимъ огненный змѣй и каждый разъ падалъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ—въ саду. Женщина въ то время постоянно болѣла, но только перешла она съ мужемъ на другое мѣсто, то стала поправляться. Сосѣди и она сама объясняли пережитую болѣзнь посѣщеніемъ огненнаго змѣя.

48. „Змій любовникъ. Въ Ницирѣтовий до одніей замужнейи жінки литавъ у ночі змій и вона явно чує, якъ винъ вихремъ спускаецьця на хатьнюю крышу, а въ хату вже йде такимъ паномъ, або купцемъ молодымъ, красывымъ та нарядженнымъ и вона жъ то й баче ёго, ригочицьця й пустує зъ нимъ,—змій обніме й поцилує й до себе пригорне, якъ малу дитыну, а чоловікъ цѣго ничого не баче й не знає,—сказано нечистый. Оцѣ стѣлыцьця лягати зъ чоловікомъ, й полягають вмѣсти и змій ляга по бля нейи изъ иншого бѣку. По переду

жъ за мижъ йграшки булò йийй зъ нечѣстымъ дѣхомъ, радѣла зъ нымъ, ублагáла, а чоловѣку случáлося й чѣпру добрè мнѣла, нечѣстымъ й тутъ йий помогавъ, бо чоловѣкъ далѣко бувъ здоровѣшій одъ нѣйи, а пòтимъ не тиѣйи заспѣвала—порà вже на кѣтѣни: раньше въ тѣждень разъ литавъ, а пòсьли й що нòчи; тай зрòбѣвъ винъ—такà стáла, скáзано, якъ щѣпка. Мовчѣть тодѣ, журыцьця та й гòди; шо вже вона й не робѣла й чогò тѣко не дѣмала, шобъ одъ ёго, супостáта, одкарáськацьця-бъ такѣ,—такъ шо жъ? ничòго не подѣе, хочъ живà у грòбъ лягáй. Долитався змѣй до нѣйи, пòки двоухъ дѣтѣй прыжѣвъ, тай не брòсывъ,—зновъ прынявъсь литáты; прáмо безперѣчь. А дѣтки, кáже, моѣ нѣнько, не бильшъ у двáдцáть днѣвъ усѣ рожáлысь; та ще—ажъ óстрашно казáты: хрыстыáньського на ёму тѣла одъ голòвы по пѣпыкъ—по пòясъ, якъ йе половѣна, а зъ другòйи половѣни усѣ у шерсты; вбѣльшки жъ булò меньчъ, чимъ пивъ аршѣна; нарòдыцьця оцѣ, зѣхнѣ рòтомъ трѣчи тай вмрѣ не хрещѣне. Чи малѣнько годѣвъ пройшлò, и все такъ бувáло. Оцѣ жъ онò на те й вѣйшло, потáкують людѣ: „полюбѣла хáря мáрю, тай жѣсты не мáю“. Не замáй чужѣхъ людѣй й хлòпцѣвъ молодѣнькихъ, то й тебѣ нѣхтò не зáйме, комѣ й здáлось на що, атò, бачъ, ледáще! И такъ ищѣ—й не судѣты нѣяково: слѣчай бувà усáковый; бувà такѣ, шо й самъ вѣннѣй, а шо нáбильшъ одъ людѣй—изъ зáвыеты й злòго дѣха насылáты мòжуть. Й побулѣла жъ сердѣшная душѣю и тѣломъ! Булà вона скрѣзь зъ цѣмъ лѣхомъ й прочѣла про Галáпыху-знáхурьку, матъ (мáбутъ), порáявъ хто такѣй, що бувъ зъ такѣмъ лѣхомъ. Якъ прѣйшла жъ, та росказáла она своѣ лѣхо, такъ такъ слѣзы й навѣрнѣлысь; жáлко стáло молодѣццю, шо ни зáщо гѣне.—„Пѣдождѣ жъ, дòню, кáже знáхурька:—пòстрѣвай, облѣшь, слѣхай моѣ рáду: на жъ ось тобѣ цѣгò зѣльля, й якъ прѣйдѣшь до дòму, прѣставъ у пѣчь свѣжойи водѣци й зварѣ ёгò въ чагѣнчику, у горщѣчку, абò у кухлѣти; тѣко дывѣсь, якъ закипѣтъ, шо въ ключъ бѣтысь стáне, й мѣрѣй одставлѣй, тай такъ здѣлай, шобъ ажъ трѣчи водà закипѣла; тодѣ жъ возьмѣ, моѣ дòню, тиѣю водѣю, де варѣлось зѣльля, окрòпы всю хáту и дѣвери, и вѣкна, и те усѣ, шо ты мáйѣшь у себѣ у хáти, вѣйды на двѣрь та й двѣрь покрòпѣшь. И пѣшла жъ она. А це, чѣешъ, яв-

лѣнецца до знѣхурьки, та—бухъ въ нѳги: „спасѣби, бабѣсю! писья тѳго вже будѳ, якъ летѣть до хѣты, такъ тѣкъ ѣскры у дворѣ ѣ росѣпе, та гудѣ,—якъ не трѣсне хѣта,—а въ хѣту не вхѳде; побисѣе, побисѣе кѳло нѣйи, тай зъ тымъ и втыхо-мырыцьца“. Ѣ молодѣцямъ писья цѣго наказувать стѣла, шобъ не трѳгаты чужѣхъ и не дѣмалы-бъ объ ѣихъ, бо лукавый дѣму взнае,—це вже нехѣй шо; ѣ пидкѳтыцьца винъ до тѣбе, шо не зѣдрышь ѣ якъ, ѣ въ чоловика, лучѣйницца, прытворѣцьца мѳже,—берегтѣся трѣба“.

49. *Божчиха еретница.* Божчиха була еретница; за свѣй вѣкъ чимѣлый грѣхъ собѣ на дѣшу ухотѣла. Жила вона до сѳтни зъ лѣшкомъ лять; такѣ жъ то лѣде, якъ вона, усе ѣ по стѣко, кѣжуть, ѣ живѣть. Вона була двохжилна, тогѳ и въ старѣсьть молодѣла ѣ на выдъ була зовсѣмъ ще молодѣ.—Закруткѣ будѳ шукѣты пѣрве ѣйѣй дѣло, незабарѣмъ вона вамъ знаѣде у пѳдушци збѣтый кѳмотъ пѣху, абѳ кѳмотъ пѣрья, розбирѣе по пѣшѣни ѣ чѳгѳ тѣко тамъ не знаѣде; все видѣты (тѣль) повытягѣ. Тамъ де ѣ вѳзьме всѣку шѣрсть: рѣжу, бѣлу ѣ чѳрну,—могѣзку изъ вѣлу, абѳ изъ солѳмы, абѳ зъ чѳго нѣбудь шо нѣбудъ такѣ. Всѣчина бѣвѣе; на всѣчици ѣ мѳжно всѣго накрутѣты, ѣ отѳ ѣ крутѣють такѣ лѣде, якъ бы ѣ ця Божчиха, та прыкѣзуютъ, шѳбѳ отѣ жъ то лучѣлося ѣ даѳтъ тодѣ нечѣстому,—кѣне гетъ, тай скѣже: „на“! Той однѳсе, кудѣ кѣжуть ѣ упѣхѣ мѣжъ пѣрья. Якъ заведѣцьца въ кѳго, такѣ печѣне лѣхо, то бижѣй швѣдѣче до Божчихи, вона вамъ помѳже. Хто до нѣйи прѣйде, вона зрѣзу скѣже, на якѣу прычѣну зѣкрутка завѣта: на хѳзѣйна, чи двѣръ, чи на ѣихъ худѳбу. Ѣ одъ тогѳ вже ѣ наговѳрюе водѣ вамъ пѣты; дасть водѣ напѣтысь ѣ закрутѣ попѣле. Пѣсля нѣйи якъ рукѣмы здѣймецьца все лѣхо. Хочъ лѣдямъ, бачъ, способѣла, та ѣ лѣхо жъ ѣимъ не малѣ чѣнѣла,—це вже годѣ тай годѣ ѣйѣ, шобъ хука не вкѣнула,—усѣ люды, якъ огнѣ буѣлысь Божчихи. За то ѣ смерть ѣйѣ, храни Бѳже, всѣкого хрѣченого, не такъ, якъ лѣдямъ: заходѣлася вмерѣты, ѣ трѣчи умерѣла; шо вже ѣйѣ не вытѣвалы, шобъ скорѣшь умерѣла, такъ ни,—мѣчицьца тай гѳди: выправѣе ѣ въ дугѣ гнѣ, ѳчи на двѣръ лѣзуть, ажъ стрѣшно дѣвѣцьца, самѣ ревѣ, якъ скѳтѣна, на все гѳрло не

свойимъ мѣтомъ.—„Печѣ, рѣжутъ менѣ“. Скривъ хомутъ ийи тяглы, й на зѣмлю вѣе зъ пѣлу клѣлы, а дѣлы, що бачъ ийи на умъ прыйшлѣ: „дерѣтъ мирьщѣ надо мною крѣшу нѣскривъ й потолокъ, а то, бѣчу, безъ цѣго я не бѣду вмѣраты до скончанья вѣку“. Взлѣлы тай продрѣлы, а зъ нѣи тодѣ жъ зрѣзу духъ клубкомъ й повалѣвъ на горѣще въ дѣрку. Ажъ тодѣ тыки вонѣ трѣхи вгломѣлась. Прыйшовъ пипъ покѣту здиймѣты, нахилѣвся тай пытаѣ, впѣиты не мѣжно, взяла усѣ й росказѣла, шо вонѣ й якѣ була, а винъ мирьщѣ за пѣлыцу та зъ хѣты: „такъ Богъ тобѣ судѣ! й читѣты не бѣду; чо гѣ раньче зъ цимъ мовѣла й несповѣстѣлась? Остовѣйтеся жъ вы зъ Богомъ“!—Оттакѣ, одрѣкся й пипъ; вѣдно, була штѣка.... Божѣиха вмѣрла й поховѣлы на кладовѣщи, такъ ийи й тамъ зпокѣю не булѣ,—шосъ зъ годъ ходѣло рыты ийи мугѣлу. Оце, шо загѣрнуть, прѣйдутъ вдруте, опѣять такъ. Не слѣдъ булѣ бы ийи тамъ клѣсты, а де нѣбудъ де на ярѣкъ, отѣмъ бы й мѣсце одвестѣ еретнѣцкимъ всимъ тѣламъ“.

50. „До однѣи йи молодѣици вѣщаѣвъ ийи любѣзныи. А чоловикъ давнѣ це примѣчаѣвъ й пойѣхавъ разъ дѣсь далечѣнко, сынкѣ zostавывъ литъ шостѣ. Прѣйѣздытъ въ ноѣ додому, першъ поздорѣквася зъ симбѣю, а потѣмъ до сынкѣ: ну, здорѣвъ бувъ и ты синѣшу“!—„Здорѣвеньки булѣ, тѣту“. А жѣнка кѣло ийихъ, якъ дѣка на лѣдѣ. „Ну, скажѣ жъ тепѣрь, Панѣсыку, зъ кѣмъ вы ночувѣлы“? Мѣты хватѣ сына за гѣлову та въ ухо й шѣпче: „хѣба зъ кѣмъ, кажѣ, синѣкъ, шо зъ Богомъ“.—„Зъ Богомъ, тѣту“. Сказѣвъ Панѣсъ й одѣмався. „А хѣба ото винъ, мамко, шо у сынихъ штѣняхъ?—„Дѣбрѣ, Панѣсъ, правду кѣжешъ, знѣю то гѣ Бѣга, винъ до мѣтирныхъ молѣтвъ, а не до твоеихъ“.

51. „Ийшѣвъ москаль зъ зарѣбиткѣвъ тай зайшѣвъ до одного мужѣка пообѣдаты; дѣма була самѣ бѣба. Отъ подалѣ вонѣ ѣмѣ зараѣзъ мѣску борщѣ, потѣмъ галупѣкъ, мѣяса, кѣши й на—при послѣдку ѣшки зо звѣру; пойѣвъ москаль й пыта,—„чи немѣ, кѣже, ще чо гѣ“? Пѣшла бѣба у вѣхидъ, взяла капѣсты, огиркѣвъ й яблѣчѣкъ мѣченыхъ; пойѣвъ и це москаль, та й зновъ опѣять пытаѣ, щобъ чѣмъ поласувѣты. „Вѣбачѣй, москалю, й грѣшей твоеихъ не хѣчу, кѣже бѣба“!—Москаль хѣмѣлъ до сво-

ейи поклáжи, вѣтягъ видѣты бутылку зъ горѣлкою, наливъ кѣрчикъ; выпивъ ѣ спасѣби не сказавъ, пишовъ. Приходѣ чолвѣкъ бáбинъ додому; она ѣмѣ ѣ звистыла про це,—що такъ, могъ, ѣ такъ мини булò, трòхи бѣсуривъ москаль и менѣ не ззивъ.—„Оцѣ лѣхо! чи мòжно жъ такъ ѣйсты? винъ пропадѣ; отъ же ты Бòгу пропадѣ! Ось давай змиряемъ, стѣко винъ поивъ, ѣ подѣвмыся, шо вонò, якъ бѣде кыкотѣты у ѣго вѣ пѣзи“. Началѣ злыватъ все до кѣпы, стѣко поивъ, ѣ назывáлы цѣлу помѣйныцю, а вонò такъ и пидходе вѣ ний; ну, тыперъ давай ще ѣ горѣлки. Якъ влылѣ горѣлки, такъ, братъ ты мий. все ѣ стѣшувáлось.—Такъ, бачъ, чомъ винъ такъ ѣивъ“.

52. „Одному мальчику, пастуху, случайно попалъ цвѣтокъ распѣтшаго папоротника вѣ „черевѣкъ“. Онъ ходилъ вѣ то время по лѣсу искать воловъ и, благодаря этой случайности, отыскаль воловъ и сталъ все знать, что есть худого и добраго на всемъ свѣтѣ. Много предвидѣлось или предназначалось ему указать полезныхъ вещей, прозрѣть, приобрѣсти возможность отвратить мѣрское зло; но „врагъ“ людской, ненавидя добро, превращается вѣ купца и предлагаетъ мальчику продáть ему свои „черевѣки“; мальчикъ какъ не прельщался блескомъ золота и всетаки, изъ боязни родителей, не согласился самовольно пойти на эту сдѣлку. Демонъ, ничуть не сокрушаясь, мигомъ измѣняетъ свой планъ: мальчикъ подходитъ по пути къ рѣчкѣ и видитъ своихъ товарищей; одни изъ нихъ купались, а другѣе, издали завидя его, поджидали и предложили поплавать. Но чего-жъ не такъ? Мальчикъ наскоро размоталъ свои „волòки“, сбросилъ вѣ сторону „черевѣки“ и хотѣль уже лѣзть вѣ воду, какъ вдругъ увидѣль себя одного безъ товарищей. Порядкомъ перетрусивъ, онъ снова одѣлся и пошелъ, но только онъ уже потеряль свою прежнюю чудодѣйственную силу, такъ какъ цвѣтъ папоротника былъ уже унесенъ его мнимыми товарищами“.

Сообщимъ нѣсколько народныхъ историческихъ рассказовъ.

53. *Разбойникъ „Василько“*. Вѣ народѣ очень много сохранено преданѣй о разбойникахъ и ихъ шайкахъ. Вѣ нашихъ мѣстахъ, подъ х. Рудовимъ, былъ разбойникъ Василь Трофимовичъ, явившѣйся къ намъ изъ подъ Волуекъ; онъ, говорятъ, былъ единственный сынъ у своего родителя и еще вѣ молодыхъ лѣ-

тахъ оставилъ своего отца и удалился на разбойничій промыселъ. Это былъ человѣкъ невысокаго, немного даже ниже средняго роста, тощъ, но костистъ; волосы носилъ постоянно подрѣзанные въ кружокъ и отрощенную рыжеватую бородку, вытянутую въ острие; часто, какъ котъ, прижималъ свои небольшіе глаза; въ разговорѣ такъ лавировалъ своею рѣчью, что говорѣ его походило не то на великороссійскій, не то на малорусскій. Мѣстомъ своего расположенія „Василько“ избралъ кѣсковыя дремучіе лѣса, покрывавшіе собою дѣлинные степи, прилегающіе къ Волуйскому шляху. Недовольствуясь приведенной своей шайкой, состоящей изъ 40 человѣкъ, онъ усердно принялся пополнять ее разнымъ бродячимъ людомъ. Составивъ новую шайку разбойниковъ, онъ добывалъ для нея путемъ разбоя и грабежа оружіе и расселялъ ихъ поотдалъ себя, въ другіе смежныя лѣса, для наблюденія какой нибудь выгодной добычи. У него было много вѣстовщиковъ—сторожей, которые располагались по курганамъ и слѣдили съ нихъ за движеніемъ народа. У каждаго вѣстовщика—сторожа была подзорная труба, при помощи которой имъ легко было видѣться одинъ съ другимъ и вести разговоръ на пантомимахъ о томъ—предстоитъ ли гдѣ добыча или нѣтъ, или—если нужно было имъ всѣмъ съѣхаться къ „Васильку“ за приказомъ. При всѣхъ грабежахъ „Василько“ строго на строго приказывалъ избѣгать убійствъ и истязаній; случайно приходилось нарываться одинъ на одинъ или два на два и тѣ, которые по доброй волѣ не хотѣли сдаться, были убиваемы,—да и за тѣми „Василько“ сожалѣлъ: онъ велѣлъ рыть ямы въ лѣсу (гробы же—„доломѣны“ были всегда на всякій случай готовы), иногда даже „Василько“ самъ клалъ въ гробъ, и, при чтеніи молитвы, покойника опускали и предавали землѣ; дѣлали большой дубовый крестъ и ставили его въ яму такъ, чтобы онъ весь былъ скрытъ въ могилѣ безъ всякихъ признаковъ на поверхности. Василько строго слѣдилъ за тѣми, которые безъ всякихъ правъ, неизвѣстно откуда, пріѣзжали селиться въ Украину и всячески старался препятствовать ихъ осѣдлой жизни. Разгуливая съ своей шайкой вдоль и поперекъ Волуйскаго шляха, „Василько“ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ предстояла бы какая нибудь нажива. Набѣги свои

онъ производилъ такъ: подъѣзжалъ къ мѣсту предполагаемаго грабежа, останавливалъ свою команду поотдалъ, самъ же зажигалъ восковую свѣчу и съ нею объѣзжалъ сначала мѣстность и, возвращаясь снова къ партіи, становилъ свѣчу въ землю, и тогда всѣ уже отправлялись на промыселъ. Однажды „Василько“, разгуливая съ своей шайкой, вооруженной кремневыми ружьями, въ окрестностяхъ Волуйскаго шлага, грабилъ, убивалъ на пути проѣзжающихъ, наводя своими разбойничьими поступками ужасъ на мирные семьи осѣдлаго народа, былъ вдругъ извѣщенъ сторожевыми о шедшемъ невдалекѣ отъ шлага военномъ транспортѣ, который шель подъ охраной нѣсколькихъ солдатъ, направляя путь къ югу по шляху. Вѣстью этой Василько и его товарищи были страшно обрадованы: не теряя времени, вскочили на лошадей и лихо помчались въ отаку. Извѣстіе было вѣрно. Догнавъ и окруживъ со всѣхъ сторонъ свою жертву, охотники бросались въ драку, которая, за превосходившей силой и храбростью разбойниковъ, продолжалась недолго и осталась на ихъ сторонѣ. Транспортная охрана была вся перебита, и шайкѣ, предводительствуемой Василькомъ, счастливо—безъ урону удалось завладѣть транспортнымъ добромъ, которое состояло изъ нѣсколькихъ боченковъ (въ какихъ продають медь), наполненныхъ золотомъ и серебромъ. Доставивъ добычу къ мѣсту своего пристанища, „Василько“ обратился къ своимъ вѣрнымъ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью: „съ настоящей добычей разбой я покидаю и вы будьте вольны, помышляя каждый о себѣ, или какъ хотите. Прежними добычами я всегда дѣлилъ васъ своею рукою, а теперь, братцы, берите себѣ, кто сколько сможетъ сохранить. Послѣ этого послѣдняго боя, я предчувствую себѣ бѣду неминуемую и потому распускаю васъ на всѣ четыре стороны, вполне надѣясь, что никто изъ васъ не скажетъ, что былъ, молъ, когда обиженъ службой или дѣлжемъ“. Доставшееся золото и серебро дѣлили казанкомъ и, наполнивъ котлы, скрыли ихъ въ землѣ, положивъ „клятбу“, что никто самъ и всѣ безъ одного не могутъ коснуться до этой суммы,—а также и указать кому это мѣсто.

Главнымъ мѣстомъ „Васильковаго“ скиталища былъ „Водяной лѣсъ“, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ невдалекѣ отъ него проходитъ

Валуйскій шляхъ, развѣтвляясь на три части, направляющіеся: одна—кряжемъ, другая—низовьемъ и третья—немного выше, мимо Тарасовки къ р. Красной. Всѣ лѣса: „Водяный“, „Плоскій“ и др., находясь въ районѣ „Васильковаго“ обиталища и по настоящее время носятъ общее названіе „Васильковы лѣса“. Не всегда „Васильку“ и его шайкѣ могли предстоять разбойничьи промыслы, почему, въ свободное время, они занимались бондарствомъ и кузнечествомъ, находя сбытъ своему производству на украинскихъ ярмаркахъ. Въ „Водяномъ“ у нихъ были устроены хаты—полуземлянки, конюшни, бондарни и кузня. Землянка Василька, выложенная срубомъ, также какъ и подвалъ, была отыскана при рубкѣ лѣса случайно провалившимся въ нее быкомъ. Срубъ землянки взять уже однимъ Павловскимъ мужикомъ, который во время ея перевозки нашель въ землянкѣ съ хорошую горсть мѣдныхъ денегъ. Въ землянку свою „Василько“ никого не впускалъ, вотъ потому даже товарищи его не знали о скрытномъ подвалѣ; тамъ, говорятъ сохраняются и по настоящее время всѣ богатства награбленныя у помѣщиковъ, поповъ и церквей; въ этомъ же подземельѣ находится и казна ограбленнаго транспорта, состоящая изъ золота и серебра. Распустивъ свою шайку, „Василько“ остался въ своемъ гнѣздѣ самъ; онъ зналъ, что сѣти уже давно раскинуты на него и что ему бѣды не миновать. О всякомъ происшествіи, замыслѣ или предпріятіи „Василько“ былъ всегда извѣщаемъ кѣмъ-то за три дня. Узнавъ, что къ нему жалуютъ солдаты, онъ забилъ двери своей землянки, сровнялъ землю и поставилъ на то мѣсто ясла и попривязывалъ къ нимъ лошадей, а самъ сѣлъ съ паляницей возлѣ входа общей землянки и поджидалъ своихъ гостей (*). Наконецъ онъ видитъ, направленный уже на его гнѣздо, полкъ солдатъ, который подходилъ все ближе и бли-

*) По другому варианту, главную свою землянку велѣлъ онъ заложить хвостомъ въ сажень толщиною, покрыть толстымъ слоемъ земли и насадить на немъ разныхъ кустовъ: бузины, шиповника и др. Боченки съ золотомъ и серебромъ, большею частью были спрятаны по лѣсамъ. Всѣ похоронки производились такъ: выкапывалась яма, по вмѣстимости боченка, помѣщался въ нее боченокъ, и яма набивалась землей, а сверху ея накладывали, вуръзанние съ землей и корнями кусты дерезы и разныхъ дерешевъ, такъ что мѣстность среды, напр., голой кругомъ стени, казалась съ давнихъ поръ рощеннымъ „пайкомъ“.

же, и слышитъ команду. Передняя часть войска, окружившаго лѣсъ со всѣхъ сторонъ, была выстроена въ боевой порядокъ, залпомъ выстрѣлили въ разбойника, который, какъ ни въ чемъ небывало, сидѣлъ на ослонѣ съ паляницей, да отряхивалъ отъ себя картечь. Нѣсколько разъ такъ послѣдовали въ него выстрѣлы, и „Василько“ ни слова; потомъ, когда они повыбросили свои заряды, онъ поднялся и сказалъ: „Ну, теперь позволь мнѣ, пане, этими галушками угостить твоихъ молодецвъ, они я вижу поустиали!“ Взялъ горсть накиданной ими дроби и бросилъ въ передній рядъ, и солдаты повалились какъ снопы; потомъ снова говорить: „Вы стрѣляли не въ меня, а въ св. хлѣбъ, съ которымъ я вышелъ встрѣтить васъ и вотъ теперъ прошу васъ, обращается къ начальнику, принять отъ меня прежде приготовленную вамъ хлѣбъ-соль, а вмѣстѣ съ нимъ потомъ и меня берите на судъ предъ цара“. „Василько“ былъ взятъ и повезенъ въ коляскѣ на судъ, а всѣ награбленные его сокровища остались на своемъ мѣстѣ, хотя солдаты и искали тайника, но имъ и въ мысль немогло тогда придти, что на слѣдахъ его три дня уже стоятъ ясли съ привязанными къ нимъ лошадьми. „Василько“ былъ посаженъ въ темницу и подверженъ мучительнымъ пыткамъ, несмотря на это онъ отказался указать мѣсто, гдѣ скрыта была царская казна. Послѣдній приговоръ былъ прочитанъ ему сенаторомъ о снятіи его головы; когда было приготовлено мѣсто казни, вывели „Василька“, палачъ взмахнухъ топоромъ и увидѣлъ, что вмѣсто головы „Василька“ лежала на плахѣ его паляница, а самъ онъ кричалъ изъ толпы, собравшейся на диво: „если можете вы мою хлѣбъ-соль стубить, тогда лишь и меня вольно вамъ будетъ убить. Ваше Царское Величество! не велите меня преслѣдовать—я Вамъ одинъ обѣщаю услужить за всѣхъ“. Послѣ всего этого, царь далъ „Васильку“ вольную и отпустилъ его на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго.—Первой заботой теперъ у „Василька“ было раскаяніе: онъ, заковавъ себя въ желѣзо, на четверенькахъ лезъ въ Кіевъ каяться о своихъ грѣхахъ; потомъ, сбросивъ желѣзо, ежегодно ходилъ по монастырямъ и св. мѣстамъ. Три раза, чрезъ каждые три года, „Василько“ ходилъ въ Св. горы и каждый разъ заходилъ на свое прежнее разбойничье

пристанище. Въ послѣдній разъ, идя съ Св. горь, онъ упротился переночевать въ хуторѣ Грицаевомъ къ вдовѣ Грицюшчихѣ, которая приняла странника, какъ долгъ велить, — а сынъ ея взявъ тряпку „ганчирку“ и отеръ ему „постолы“. Василько остался очень доволенъ приемомъ Грицюшчихи, и въ разказахъ о своемъ путешествіи сказалъ ей, кто онъ, потомъ, взявъ за голову ея сына, сотворилъ молитву и сказалъ: „пусть будешь ты счастливецъ, я укажу тебѣ свои собственныя богатства, которые утаивалъ отъ шайки, для этого я пойду впередъ на то мѣсто, посвязваю концы лѣсинъ и положу эту тряпку, что ты отиралъ мнѣ мои ходаки“. Обѣщаніе свое Василько исполнилъ, но только Грицюшчиха не могла воспользоваться имъ: она пріѣхала съ однимъ своимъ родственникомъ въ лѣсъ, и, ничего не говоря о своемъ предпріятіи, нашла положенные знаки; но, чтобы самой лишь съ сыномъ объ этомъ знать, тотъ же часъ уничтожила примѣты и положила свои. Черезъ нѣсколько времени она сколько разъ не ходила, но отыскать того мѣста не могла, а на сына положиться въ томъ совѣмъ надежда была плоха, такъ какъ онъ оказался „мѣшкомъ прибитый изъ за угла“. Въ настоящее время изъ за легкой наживы, основанной по преданіяхъ, „Водяной“ очень усердно изрытъ, но ни одна лопата не коснулась еще, говорятъ, къ тому мѣсту, гдѣ находится потайной погребъ „Василька“, устроенный въ видѣ пещеръ.

Василько былъ золъ до невѣроятія къ тѣмъ, которые убѣгали отъ знакомства съ нимъ, и, напротивъ, былъ милостивъ и неопасенъ для раздѣлявшихъ и поддерживавшихъ его пиршества. Такія дружественныя знакомства заводилъ онъ со многими.— Вдругъ, среди ночи, раздавалась стукотня, грюкотня,—это налетали разбойники, люди прячутся въ тайникъ—въ подземелье, ходъ котораго направлялся въ кошару, выворачиваютъ на себя овечьи козюхи и такъ до разсвѣта лежатъ вмѣстѣ съ овцами; деньги мѣдныя сохранялись въ мѣшкахъ, а серебро и червонцы въ „чаунахъ“ и большихъ мѣдныхъ „глѣкахъ“; все это скрывалось то въ кошарѣ, то въ загородѣ, то такъ еще гдѣ нибудь. Постоянный же ихъ „спрятъ“ находился въ запечкѣ, устроенномъ въ видѣ лежанки, и въ немъ, какъ въ сундукѣ, сохранялось все богат-

ство. Иногда, во время разбойничьихъ набѣговъ оставались вѣ хатѣ одни дѣти, но ихъ разбойники не обижали.

Идетъ разъ шляхомъ на заработки парень, повстрѣчался съ однимъ изъ сорока разбойниковъ, поздоровался и присѣлъ къ нему отдохнуть. „Куда ты идешь?“—спрашиваетъ тотъ прохожаго.—„На заработки“.—„Пойдемъ, мой батька тебя найметъ къ себѣ“.—„А гдѣ онъ?“—„Онъ, указываетъ, въ лѣсу“.—Пошли. „Василько“, разпросивъ его хорошенько, кто онъ и откуда идетъ, сказалъ: „Оставайся служить мнѣ, я тебя не обижу—награжу, чѣмъ Богъ послалъ“. „Бурлака“ согласился и получилъ изъ рукъ „Василька“ лысого коня и сѣдло съ приказомъ: „смотри за нимъ и ухаживай; въ этомъ лишь будетъ заключаться вся твоя работа“. „Привяжи коня и иди, я теперь посмотрю на тебя вмѣстѣ съ своими хлопцами“, и заставилъ ихъ поочередно бороться съ нимъ. Это дѣлалъ „Василько“ для того, чтобы опредѣлить силу новобранца. „Бурлакѣ“ сначала были поставлены силачи и онъ какого не хватить такъ и бросить и бросить; потомъ смекнулъ, что отъ этого ему можетъ быть плохо (они могутъ его возненавидѣть и убить) и, дабы не нажить враговъ, подъ конецъ началъ поддаваться. Но „Василько“ все это понималъ, обиялъ „бурлаку“ послѣ единоборства и назвалъ своимъ меньшимъ братомъ. „Бурлаку“ также звали „Василькомъ“.

Любимымъ мѣстопробываніемъ атамана „Василька“ въ лѣтнее время служилъ развѣтвистый, огромнѣйшихъ размѣровъ дубъ, на вершинѣ котораго онъ устраивалъ себѣ палатку въ видѣ гнѣзда и тамъ проводилъ свои досуги днемъ и ночью. Съ своего гнѣзда ему видно было всю мѣстную окрестную даль; но его гнѣзда никакъ нельзя было принять за человѣческое вмѣстилище. Съ высоты этой палатки онъ дѣлалъ разныя распоряженія и занимался оттуда съ своей братіей обученіемъ стрѣльбы въ цѣль. Для этого чертилъ онъ мѣломъ на своемъ дубѣ цѣль и слѣдилъ съ гнѣзда за выстрѣлами; отчего дубъ этотъ подъ самое гнѣздо былъ весь набитъ дробью. „Василько“ слылъ за „знахура“, „колдуна“, „чародѣя“ и „заговорщика“.—Онъ могъ заговаривать ружья, подъ выстрѣлами которыхъ изображалъ изъ себя мишень и всегда оставался цѣль и невредимъ. „Сѣдай, Васько, коней, гово-

рять однажды атаманъ, да поѣдемъ съ тобой къ одному помѣщику барину—милліонеру, поразживемъ себѣ деньжатъ“. Ни противъ кого такъ не былъ обозленъ атаманъ, какъ противъ помѣщиковъ пановъ. Лошади поданы и они вдвоемъ поѣхали. Въ пути застигаетъ ночь. Възъезжаютъ они въ какое-то село и подвернули къ двору одного пана, со всѣхъ сторонъ огороженному точно крѣпостью. Атаманъ первый слѣзъ съ коня, взялся рукой за замокъ у воротъ и онъ только „дзень“, ворота отворились и они въѣхали; затѣмъ подошелъ къ замку амбара и, совершивъ такое же чудо, приказалъ давать лошадямъ сѣно и овесъ. У „Василька“-атамана были ключи въ рукѣ: вся чудесная сила его получалась отъ цвѣтка папоротника, который былъ у него вращенъ подъ кожицей правой руки. Подходить атаманъ далѣе къ дверямъ дома, берется за замокъ, который издаетъ тотъ же звукъ, и такъ пробрался во внутренніе покои неизвѣстнаго пана. Панъ спитъ мертвецкимъ сномъ. Атаманъ подходит къ нему и говоритъ: „Вставай! Заснулъ, что ли“?—„Да, заснул“,—отвѣчаетъ панъ, а потомъ, „разбуркавсь“, смотритъ, — что то не ладное. „Вставай, вставай“,—повторяетъ разбойникъ, — некогда ждать, „одѣвайся мирщи, да самъ станови намъ самоваръ“. Налившись чаю, неожиданные гости предложили пану подѣлиться съ нимъ его нажитыми деньгами. — „Какими“? — спрашиваетъ хозяинъ дома. — „Тѣми, что у тебя есть, давай и шубы и все что поцѣннѣй“. Набравъ себѣ, что хотѣлъ, „Василько“-атаманъ приказалъ пану не будить дворня, собакъ и не посылать за нимъ погони, „если хочешь избавиться отъ кинжала“,—показалъ онъ пальцемъ на рукоятку. Сѣли на коней и были таковы. Помѣщикъ не стерпѣлъ, далъ тревогу и послалъ погоню. Названный братъ атамана, замѣтивъ погоню, сказалъ о томъ атаману, который обернулся назадъ, взмахнулъ по воздуху кинжаломъ „навхрестъ“ и продолжалъ путь не спѣша. Вотъ вотъ уже догоняютъ и, наконецъ, поровнявшись съ ними, говорятъ: „Гдѣ жъ разбойники? Это „кущи“.—„Онъ, онъ!“ кричалъ панъ. Имъ показывались верховые, а, когда приближались къ нимъ, снова видѣли предъ собой кусты. Вотъ такимъ то невидимкой могъ быть „Василько“-атаманъ.

Неизвѣстно, былъ ли самъ „Василько“—атаманъ грамотный, но у себя держалъ онъ нѣсколько челобѣтѣ, которые исключительно занимались письмоводствомъ. Единственнымъ скрѣпленіемъ въ братской любви, царившей въ шайкѣ во всѣхъ ея дѣлахъ, служилъ крестъ и присяга—„клятва“. Разъ положенная въ чемъ нибудь, „клятва“ оставалась ненарушимой и тогда, если бы пришлось за уговоръ разстаться даже и съ жизнью.

54. *Разбойники „Буза“ и „Гетманецъ“.* Не одинъ Василько прошелъ грозой по Украинѣ; здѣсь подобныя ему проходили цѣлыми отрядами. Тутъ были разбойники Мазепы, остатки которыхъ поселились въ Ханеновомъ, въ Рудовѣ и частью въ Павловскѣ; Пугачи, образовавшіе хуторъ Пугачивка; Бервені—Бервеновку и Шандры—Шандривку,—последніе и теперь живутъ, какъ звѣри. Въ последнее время въ Бѣлокуракиной были разбойники Вошұры (потомокъ ихъ и теперь есть), они скрывались въ лѣсу „Вошурина стѣнка“, что на большомъ шляхѣ изъ Куракиной на Лизинь;—Булавицы, Тишковцы, Макортетенцы, притономъ которыхъ служили „Брянскіе лѣса“ Песчанской волости. Невдалекѣ отъ Ново-Павловки есть большой курганъ, именуемой Бузовой могилой. Изстари ходитъ о ней преданіе такого содержанія: былъ здѣсь когда-то разбойникъ „Буза“, который, подобно разбойнику „Васильку“, все имъ награбленное скрывалъ въ землю. Предчувствуя послѣдніе дни своего промысла, „Буза“ скрылъ золото и серебро, а также и разныя свои письменности, закупоренныя въ бутылки чернаго стекла, неподалеку отъ „могилы“, съ которой онъ наблюдалъ сигнальные костры съ другихъ кургановъ, извѣщавшіе его или объ угрожающей опасности, или объ имѣющемся въ виду предстоящемъ скоро грабежѣ. Вся эта мѣстность была покрыта дремучими и обширнѣйшими лѣсами. Въ лѣсахъ водилось многое множество дикихъ козъ и другого звѣря. Жизнь нашихъ предмѣстниковъ этого края, говорятъ, проводилась въ „скиталищахъ“ подземныхъ ходовъ, почему и ждуть, современемъ, случайнаго ихъ открытія. Съ того времени, какъ разбойникъ „Василько“ распустилъ свою шайку, каждый изъ нихъ сталъ заводить отдѣльно свои разбойничьи берлоги. 12 братьевъ этой шайки, „Гатманьці“, находились подъ руководствомъ атамана „Гатманца“. Мѣстомъ пребыванія ихъ былъ

лѣсъ и яръ, сохраняющій и теперь названіе у великороссіянъ-Ковоплянцевъ—„Гатманцовъ лѣсъ“. Лѣсъ этотъ находится недалеко отъ Валуйскаго шляха. Другая шайка избрала себѣ атаманомъ „Мотяшѣ“,—тоже скрывалась въ лѣсу, именуемомъ Ковоплянами „Мотяшовъ лѣсъ“. Про разбойника „Гатманца“ существуетъ молва,—когда онъ одинъ былъ оставленъ своими братьями въ лѣсу, то срубилъ дубъ, вышиной равнявшійся ширинѣ шляха; стянулъ его, безъ помощи другихъ, на шляхъ и перегородилъ имъ дорогу, въ видѣ заставы. Проходившіе чумаки должны были останавливаться и платить пропускъ. Гатманецъ, кромѣ денегъ, бралъ съ нихъ сало, пшево и хлѣбъ. Получивъ эту дань, онъ бралъ самъ за одинъ конецъ дуба и давалъ пропускъ. Шелъ разъ одинъ чумакъ тѣмъ шляхомъ съ шестью возами, видитъ заставу и приказываетъ ее снести и дать ему свободный проѣздъ безъ платы. „Гатманецъ“ сопротивлялся такой неожиданности, схватился съ нимъ бороться и, наконецъ, биться. Силенъ былъ „Гатманецъ“, но чумакъ оказался еще сильнѣе его. Связавъ разбойника по рукамъ и ногамъ, онъ сдѣлалъ скальпъ; нагнувъ вершину дуба и, привязавъ къ ней его волосы, пустилъ потомъ ее къ верху со скальпомъ, а самъ поѣхалъ. Чтобы загладить этотъ знакъ и уничтожить мучительную боль, „Гатманецъ“ принялся рвать въ лѣсу лопухъ, который варилъ и мочилъ имъ голову. Демьяновцы, говорятъ, видѣли „Гатманца“ въ Донскихъ мѣстахъ, во время заработковъ,—уже дряхлымъ старикомъ. Всѣ разбойники, находившіе уютище въ здѣшнихъ мѣстахъ, направлялись въ область войска Донскаго, гдѣ и оставались жить осѣдло.

55. *Разбойникъ „Засеринъ“.* Въ лѣсахъ по р. Козынѣ и далѣе по Айдари, къ Булавиновкѣ, свирѣпствовала разбойничья гроза дворянства—„Засеринъ“ съ своей шайкой. Въ основахъ его разбойничьяго промысла достигались тѣ же результаты, которые имѣлъ въ виду и „Василько“, но въ предназначеніи награбленнаго онъ былъ совсѣмъ другого свойства. Все добытое добро Василькомъ дѣлилось и закапывалось въ землю; „Засеринъ“, напротивъ, все добытое имъ, или его шайкой, немедленно раздавалъ бѣднякамъ, сиротамъ, вдовамъ и т. п.; никогда онъ не имѣлъ у себя излишка, отдавая все на добрыя дѣла, и зачастую

оставался самъ безъ копейки съ своей шайкой. Ъхаль однаждѣ изъ какой то небогатой экономіи управляющій и попался навстрѣчу „Засерину“. „Засерину“ еще заблаговременно была извѣстна цѣль поѣздки, почему онъ приказалъ ему встать и отдать деньги. Денегъ было что то очень много и тотъ, повинувась, вручилъ разбойнику всѣ деньги. „Засеринъ“, принявъ къ себѣ казню, отсчиталъ, сколько по зарѣзъ ему было нужно, и положилъ въ карманъ, а остальные возвратилъ обратно управляющему, говоря „возьми, это мнѣ ненужно, да скажи своей барынѣ, что часть ея денегъ я беру себѣ въ займы, которыя при удобномъ случаѣ уплачу“. Управляющій былъ просто внѣ себя отъ такого исхода. Воспользовавшись этимъ случаемъ, управляющій задумалъ утаить себѣ другую оставшуюся часть денегъ, и, по приѣздѣ домой, въ страшномъ горѣ заявилъ своей барынѣ, что вотъ, моль, на дорогѣ попался разбойнику „Засерѣ“, который совершенно обобралъ его. Много времени горевала барыня. Не дѣлать было нечего. „Засеринъ“, какъ „колдунъ“, предвидѣлъ, что произойдетъ между барыней и ея управляющимъ. Спустя нѣсколько времени, вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу барыни въ новомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой бойкихъ лошадей какой то генераль и, не успѣвъ онъ, какъ говорится, переступить черезъ порогъ, хозяйка къ нему съ жалобой, что „вотъ, моль проклятый разбойникъ „Засеринъ“ не такъ давно обобралъ на дорогѣ моего управляющаго, который ѣхаль съ большой суммой денегъ, и вотъ теперь хотъ пропадай!“—„Слыхаль, слыхаль я матушка, объ этомъ, да только мнѣ что то не вѣрится: ужъ больно вы на разбойниковъ возстааете, а они вовсе не таковы какими вы ихъ представляете: „Засеринъ“ этого не сдѣлаетъ“.—Хозяйка-барыня и слушать объ этомъ не хотѣла.—„Да какъ же всѣ то, говорите, и забралъ“?—„Всѣ, всѣ, родимый“,—старушка сквозь слезы лепетала. „Позвать управляющаго!—Ну, расскажи какъ съ тобою поступилъ разбойникъ“,—спрашиваетъ генераль.—„О-охъ, ваше благородіе! азіать то онъ какой,—всѣ по копейку забралъ, да еще насмѣялся: „скажи барынѣ, пусть ожидаетъ, завезу ей обратно“,—да вотъ и вправду завезъ—ни слуху ни духу“...—„Козаки, плетей“!—вскричалъ генераль. Козаки—дюжіе два парня, схватили управляющаго и—ну его поротъ!

побили на немъ всю одежду и тѣло до крови. Послѣ этого генераль сердито вскричалъ на него: „врешь ты, мерзавецъ! я взялъ у тебя лишь часть только денегъ, а остальные возвратилъ со словами: „скажи барынѣ, что это я дѣлаю заемъ“, и вотъ теперь привезъ, получите ихъ отъ меня, матушка, а управляющему подбавьте“.—Выложивъ деньги на столъ, генераль уѣхалъ. Засеринъ особенно отличался тѣмъ, что могъ являться въ различныхъ видахъ при особой для каждаго случая осанкѣ. Жилъ мужикъ очень бѣдно въ низенькой ветхой хатенкѣ, расположенной между Осиновой и Закамьянкой, что на р. Айдарѣ. Бѣдность-бы еще не порокъ, да предался, бездѣльникъ, пьянству и пакостнымъ дѣламъ, и въ концѣ концовъ, подъ видомъ заработковъ, взялъ да и бросилъ жену совсѣмъ съ пятью дѣтками. Живи, молъ, какъ хочешь! „Засеринъ“, узнавъ о ея бѣдственномъ положеніи, задумалъ помочь ея горю. Возвращаясь однажды съ своего охотничьяго промысла, „Засеринъ“ повернулъ лошадь къ ея домику. Ночь была лунная, женщина сразу узнала разбойника въ окно и въ страхѣ заперлась и притаила духъ, такъ что на всѣ его просьбы не отвѣтила ни словомъ. Разгнѣванный разбойникъ взялъ мѣлъ и написалъ имъ на двери: „для разбойника запоры твои не страшны, пожалѣешь сама на себя: я хотѣлъ осчастливить тебя и дѣтей твоихъ сотней червонцевъ“. Ёдетъ однажды на встрѣчу „Засерѣ“ гончарь съ горшками. Разбойникъ спрашиваетъ; „что везешь?“—„Звисно горшки“.—„Что они тебѣ стоятъ?“—„Стоять усѣго пять карбованцивъ“.—„Снимай оглоблю съ колеса да бей ихъ до одного“, приказываетъ „Засеринъ“. Мужикъ побилъ исправно весь свой товаръ. „А лошадь что стоитъ?“—„20 руб.“ отвѣчаетъ тотъ.—„Бей лошадь, да получи съ меня 25 р. Да забудь рассказать, что „Засера“ не для себя разбойничаетъ, а для мужиковъ“. Приѣхалъ „Засеринъ“ на одинъ постоялый дворъ самъ третей, сѣлъ за столъ и подперъ обѣими руками свою голову; спалъ ли онъ или обдумывалъ, но только говорятъ, такъ онъ дѣлалъ очень часто. Это было во время ярмарки. Вѣсть о приѣздѣ „Засерина“ быстро пронеслась по всей станицѣ и, многіе жаждали увидѣть его. Спустя нѣсколько времени, явился туда какой то начальникъ, и завязался между

ними разговоръ: „кто ты, обратился начальникъ къ „Засерѣ“?— „Я тебя не спрашивалъ, былъ отвѣтъ, хотя нѣсколько разъ имѣлъ для этого удобный случай и тебѣ до меня нѣтъ дѣла!“ Начальникъ все больше и больше началъ приставать, — „присиковицъца“ къ нему, такъ что тотъ поднялся изъ за стола и сказалъ: „Если ты слыхалъ когда про разбойника „Засерина“, то это я“. Начальникъ сначала оробѣлъ отъ такого смѣлаго отвѣта, а потомъ крикнулъ: „вяжите его!“ Народъ все сходился и набралось, что и не счесть. Власть оказалась безсильной на этотъ разъ, — ужъ потому, что чернь давнымъ давно наслышана была о „Засерѣ“, какъ о защитникѣ слабыхъ противъ сильныхъ и каждый старался какъ бы лучше рассмотреть и запечатлѣть черты его лица. — „Засеринъ“ былъ костистъ, широкоплечъ, ростомъ выше средняго, лицомъ смуглъ и имѣлъ большую голову съ черными курчавыми волосами. Говорятъ, что онъ, во время нашествія французовъ на Москву ѣздилъ къ Наполеону представляться и былъ нимъ принятъ. Во время бесѣды, Наполеонъ спросилъ его. — „Что это у васъ на Дону за казакъ Платовъ? Скажите мнѣ пожалуйста объ этомъ храбрецѣ, какъ рисуетъ его народная молва?“ „Смотри Императоръ на меня, сказалъ „Засеринъ“ каковъ я, таковъ былъ козакъ Платовъ“. По приѣздѣ изъ Москвы, Засеринъ-Платовъ находился на Украинѣ, гдѣ составила пѣсня:

„Хранцузъ умна голова
Невспознала Платова“..

До появленія русскихъ разбойниковъ жизнь украинскихъ мужиковъ была не весьма завидна отъ разбойничьихъ татарскихъ набѣговъ. Однажды, говорятъ, былъ такой случай: спасаясь отъ преслѣдованія татаръ, три довольно дюжіе мужика брата слѣзли на „горище“ и спрятались тамъ въ ожиданіи незванныхъ гостей. Вдругъ дворъ наполняется крикомъ. Появились татары, шныряютъ по всѣмъ куткамъ и закуткамъ двора. не находятъ никого изъ людей и врываются въ хату, гдѣ также видятъ однѣ лишь голыя стѣны. Поворотивъ назадъ носы, выходятъ къ порогу, одинъ татаринъ остался въ сѣняхъ пить воду, черпаетъ большимъ деревяннымъ ополонникомъ воду изъ кадки и пьетъ. Одинъ изъ спрятавшихся на „горищѣ“ украдкой

все высматривалъ гостя, а потомъ снялъ шапку, кланяется и говоритъ: „здоровъ пивъ“!—„А, братецъ, ты тутъ, слѣзай-ка сюда“! И голова свалилась съ плечъ его. Жаль стало брата остальнымъ двумъ; вотъ одинъ изъ нихъ и началъ: „Дурный, тай годи! Бачъ, трѣба бъ то ёму озывацьця—мовчавъ бы такъ, якъ я мовчу“. Татаринъ слышитъ еще чей то голосъ: „А ну, на еще и ты. Да тамъ еще васъ много“?—подаетъ голосъ татаринъ.—„Ну, це вже мабуть дзўзкы, бувайте здорови,—хочъ и йе, такъ не озовѣсь“, равкнулъ третій и также угодилъ татарину на капусту.

56. *Про Аркачеева*. Старые люди раньше не умѣли ругаться; все это теперешнее сквернословіе явилось съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Аркачеевъ обрѣзалъ дороги и вводилъ постриженцевъ. Много въ то время претерпѣлъ народъ. Аркачеевъ обрѣзываетъ дороги, проходя на югъ сплошь до самой крестовой горы, гдѣ Петръ I-й поставилъ крестъ. Про Аркачеева сложилась пѣсня:
„Аркачеевъ всю Россію перерылъ,
Солдатъ голодомъ морилъ“!

Куда бы генералъ ни отправлялся, всегда бралъ съ собой жену. Она, говорили, была у него страшная колдунья. Рядовой солдатъ былъ такъ озлепъ на генерала, что во время одного ученья зарядилъ свое ружье пулю съ цѣлью запустить ее Аркачееву въ лобъ. Выстроивъ ряды, генералъ дѣлаетъ приказъ: „Въ такомъ то взводѣ, такой то выходи“! солдатъ выходитъ. „Подымай ружье дуломъ вверхъ и, по общей командѣ, стрѣляй и ты“. Выстрѣлъ послѣдовалъ залпомъ изъ холостыхъ ружей и въ воздухѣ взвилась лишь одна пуля замѣченнаго солдата, который тутъ-же и былъ казненъ. О замыслѣ солдата заранѣе, конечно, предупредила генерала его жена. Послѣ этой неудачной попытки, солдаты рѣшили истребить прежде всего колдунью. Въ отсутствіе генерала лакей взмахнулъ свой тесакъ надъ головой барыни и пошелъ на встрѣчу Аркачееву, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Жену вашу я зарубилъ“.—„Ну, чтожь, зачѣмъ остановка? Руби и меня“.—Со смертію жены Аркачеевъ совсѣмъ перемѣнился.

Гл. 4-я.

Заговоры и лѣкарства отъ болѣзней.—Привороты.—Народная мудрость: примѣты на всякія случаи жизни.—Колыбельныя пѣсни и дѣтскія игры.

Ключъ лививъ. Правыло: побѣ тоби непрыйшлось личыты такъ и знай соби, що попѣреду всего трѣба молыцца Бѣгу, якъ знайишь—вмйишь, абѣ такъ: „Богородыця Диво, радуйся: ослабы—остаы, й на препослѣдку—Гѣсподы, поможи“.

Одъ перелогивъ. 1) „На горѣ Окияни (Осіяни), на островѣ Буяни стояла хата: въ тий хати—первый вытъ, другий буймытръ (буймыстырь), а третій лукавый. Вытомъ—поля размирать, буймыстромъ судъ судыты, лукавымъ перелѣги згонать изъ цийейи молытвенной, рожденной, красной (якойи, бачъ, буде тамъ шерсты) скотыны“.—Обернысь на схиць сонця й читай цюю молытву трычи безъ оддыху, а потимъ возьми дубчикъ, абѣ соломынку, травынку, абы вонѣ було бѣ однолытокъ, и тыль ударь трычи хвору скотыну по лѣби, трычи по заду, потимъ—зъ тийейи й другоий стороны, по здухахъ; дали—зберай трычи жменею шкуру одъ головы й до хвоста скрызъ по спыни и тоди поламай той дубчикъ, чи чимъ ты тамъ бывъ, на маненыя кусѣчки, тай брось йихъ на спыну скотыни и сплюнь при цѣму трычи на зѣмлю.—Якъ ляже, та гѣлову прыхиле до животѣ, то хай хочъ шо, такъ устане и буде здоровый, а якъ же лѣжатыме, не прыгорне головы й не двыгатеменьця—дылай у другѣ, и до трѣхъ разъ такъ мѣжно робыты.—Мѣжно й за вычи одъ перелогивъ личыты, тико замыты абѣ взнай, яка шерсть буде.

2) „Гѣсподы поможи!—Було соби тры браты за сынимъ моремъ; одынъ дрова руба, другий воду спеня, третій перелѣги замовля, водянийи, витряныйи й зглазнийи: вамъ, перелѣгамъ тутъ не буваты, у червонойи (чи у какойи тамъ не йе) скотыны жѣвтойи кѣсты не ломыты, червонойи крѣвы не пыты, и вамъ перелѣгамъ, трысьця всимъ“!—Якъ прокажешъ, той сплюнь за разъ, а потимъ поглядъ рукою по спыни трычи, одъ головы й до хвоста, й за жаднымъ разомъ сплѣвуй.

3) „На Осіяньскый горѣ, па Бертаньскый землѣ ишовъ Петръ и Пѣвелъ, третій зъ нымы дѣволъ; зийшлы на перехресну до рогу, стѣлы думаты, гадаты—кому перелѣги даты:—Петру рѣ

кавычки, Павлѹ нагалычки, а васъ, перелѳги, сѹпьятку (сѹпостату) пидъ нѳги“.—Проказуй трычи безъ ѳддыху и сплѳвуй.

4) „Ишѳвъ Св. Петрѳ и Макаренко Мытрѳ; Св. Петрѳ положивъ рукавычки немыгычки на престѳли, а Макаренко Митрѳ взявъ перелѳги на свойи рѳги“.—Прокажи й зглядь мишкѳмъ по спыни.

5) „Ишѳвъ пипъ, ишѳвъ и дякъ, ишѳвъ и чортъ; найшѳвъ пипъ рукавыци, а дякъ кáпыцю, а чортъ перелѳги взявъ на свойи рѳги,—зъ ригъ на спыну, зъ спыны на хвистъ, зъ хвѳсту до дѳлу (на доливку)“.—Писля цѳго беры осѳкове полино, бый и прычитуй: „який тутъ йесъть, така ѳмѹ й честь“.—Трычи дунь и сплѳнь писля цѳго и дывысь, шо перѳдъ тобѳю бѳде лежаты (хворостына, дѳбчикъ, чи соломына), тимъ беры и бый по здѳхахъ.

6) „Ийшѳвъ Петрѳ и Павлѳ, за нымы ийшѳвъ трѳтий дьяволъ; зийшлы воны на три шляхи, й найшлы на трѳхъ шляхахъ Павлѹ рукавыци, Петрѹ ноженыци, а дьяволу перелѳги мижъ рѳги. Понесы йихъ, дьяволе рѳгатыи, верлатыи, на жѳвтни писки й нагодѹй свойихъ дитѳй“.

Одъ крови (якъ кровз замовыты). 1) „Во йймья... й слава Воцѹ... а потимъ: „На мѳри на Окияни, на ѳстрови на Одиыни, тамъ стойтъ кинь каръ, кровь не кань; тамъ стойтъ кинь рыжъ, кровь не брижъ; тамъ стойтъ кинь гнидъ, крѳвы нить... Тамъ прѳда дѳвка шѳвку нѳтку; нѳтка ввирвыся, крѳвъ увиймыся въ такоѳго-то раба Бѳжѳго“.—Здавѳ те мисце й цѳмѳкны губáмы.

2) „Кáменна корѳва й кáменна гѳра; на тий гѳри сыдытъ вѳронъ. А вѳронъ не кáркнетъ, и кровь не кáпнетъ. По тий гѳри ходыла Маты Марѳя, рѳзу садыла; рѳза не прынялася, а кровь унялася“.—Проказуй трычи безъ ѳддыху.

3) „Ишла Дѳва Марѳя чѳрезъ золотый мистъ, ийшла кровь—не йшла. Стань, кровь кáменемъ“.—Проказуй трычи по тры раза безъ ѳддыху.

4) „Теклы рѳки кровавыи; одна рѳка рѳки спенѳ, дѳруга рѳка кѳсыты сциля, а трѳтяя рѳка рѳкъ кровь такоѳго то замовля“.

5) „На кáменьний гѳри кáменна корѳва, кáменна дийныця и кáменна й дойильныця; колы бѳде зъ тийѳи кáменнои корѳвы

молоко текты, тоди й буде зь тако́го то раба́ Бѣжого й кровъ йиты. Не дѣжно бѣты, щобъ зь ка́менной корѣвы молоко текло, не мѣжно й то, щобъ зь тако́го то раба́ Бѣжого кровы йиты—о ви́ки ви́ковъ амѣнь“. Шобъ такъ все й зака́мьянило.

6) „На мѣри на Оки́яни, на ѡстрови на Бу́яни сыда́ть тры сестры́ци, шѣють ширѣньки рѣзными шовка́ми... Заговора́тъ бы руду́ рождѣнному, крещѣнному й мо́лытвянному (мѣньня)“.—Прокѣзу́й тры́чи.

7) „Кровъ кровѣще, руда́ рудѣще! Бѣде тоби́ йиты́ть, а то бѣдетъ тоби́, що́ томѣ́ чоло́вику, якѣ́й въ недѣлью́ заготовля́ дрова́ на поне́дѣлокъ“.

8) „Сто́й, не йды, черво́ная кровъ! Я тебѣ́ замовля́ю й заговора́ю, и за́клянаю, якъ́ тогѣ́ чоло́вика, шо́ у недѣлью́ робо́тыть—дрѣва́ рубѣ́йе“.

Одъ бильма́ ни ѡци. 1) Помолѣ́сь Бо́гу й кажы́: „Гѣсподы, помо́жй!—Би́жыть тры́ псы—би́лый за би́лымъ, си́рый за си́рымъ, чо́рный за чо́рнымъ, и би́жыть вы́ и злы́жыть вы́ у Лу́ки бильмо́ зь ѡка“.—Якъ́ прока́жешъ́ разъ́, такъ́ тре́ба пры́це́му ды́хну́ты на ёго́ (хво́рого) й сплю́ну́ты на зе́млю, и такъ́ дѣла́й до тре́хъ разъ́,—прока́зу́й и плѣю́,—а на пры́последку́, у тре́тье́ кажы́: „пропа́ды́ якъ́ ця́ слѣ́на“, и плѣю́ ёму́ въ ви́чи.—Бѣдешъ́ прока́зува́ты у дру́ге,—кажы́: „Гѣсподы, помо́жй! дру́гимъ рѣ́зомъ, ѣ́ньчимъ (ѣ́ньшимъ) ча́сомъ“, а въ тре́тье́ то жъ́—„Гѣсподы помо́жй! Тре́тьимъ рѣ́зомъ, ѣ́ньшимъ ча́сомъ“, и ды́высь за жа́днымъ рѣ́зомъ въ ви́чи на бильмо́. Мѣ́жно каза́ты: „ѣ́ньшимъ ча́сомъ“ и—„лу́чимъ ча́сомъ“; тико́ до мѣ́ньня тре́ба до́казува́ты, шо́ „мо́лытвянный́ и хрещѣ́ный“.

2) „На Оси́яньскѣ́й горѣ́, на Берта́ньскѣ́й землѣ́ ѣ́йшли́ два́ псы, одѣ́нь си́рый, дру́гий би́лый; си́рый бильмо́ збы́ва́йе, би́лый слѣ́зу спыва́йе́ такѣ́му то мо́лытвя́нному й хрещѣ́ному, рабу́́ Бо́жому №́. Чита́йни́цця тры́чи, безъ́ ѡды́ху, й сплѣ́вуйи́цця за жа́днымъ рѣ́зомъ.

3) „Сто́йты́ тры́ хорты́ на Оси́яньскѣ́й горѣ́; одѣ́нь чо́рный дру́гий си́рый, а тре́тий би́лый. Злы́жыть бильмо́́ такѣ́му то мо́лытвя́ному, хрещѣ́ному рабу́́ Бо́жому“. Тры́чи безъ́ ѡды́ху.

4) „И́йшла́ свѣ́та Покро́ва че́резъ́ живѣ́ый мѣ́сть, за не́ю и́йшло́ тры́ хорты́ („псы“); одѣ́нь си́вый, дру́гий чо́рный и тре́тий би́-

лый. Сѣвый ийшовъ кровы замовляты, а чѣрный—перелѣги здымаыты, а бѣлый ийшовъ бѣлыма збираыты, злызаыты и щипаыты мольтвянному, хрещѣному рабѣ Бѣжому (мѣнья), й на помѣщъ составляыты, и дай ёмѹ, Гѣсподы, здрѣныѣ и очищѣныѣ и видѣныѣ“.

Одѣ зубѣвѣ. 1) „Пытаыицьця старѣй молодѣго: „чи не буляты зѹбы у мѣртвого“?—„У мѣртвого не буляты, у мѣртвого й не щимляты; такъ и въ раба Бѣжого (мѣнья) новорождѣнного, мольтвянного, хрещѣного, якъ изъ рѣду не болялы, такъ же й не щимылы, шобъ вонѹ у раба Бѣжого (мѣнья) до смѣрты занимылы и закамьянылы, якъ каминь у водѣ“.

2) „Оче нашъ, йжо... Мѣсяць на нѣби, каминь у мѣри, вовкъ у полы; колы вси ци вѣщи изыйдущыця вечѣратъ умѣсты, тоды у мольтвянного й хрещѣного раба Бѣжого хай зѹбы забуляты“.—Проказуй трѣчи и за гѣднымъ рѣзомъ сплѣлуй.

3) „Ослобонѹ, Гѣсподы, раба Бѣжого (такѣго-то) одѣ сыстѹшки и кальѣрка; успокоды, Гѣсподы, егѣ, раба Бѣжого (мѣнья)“. Проговорыты трѣчи безъ ѣддыху.—Можно й такъ: одѣры бумажки, стѣко мѣжно обернѹты на мизынецъ (кругѣмъ мизынца) й напышы на нѣй ци слова—„мольтву“, и потѣмъ зложѣ йныи и положѣ на болящѣй зубъ, абѣ одѣдай положѣты, тѣко шобъ не розгѣртуваты, и отѣ зъ тымъ такъ и засны зъ мольтвою; якъ устанешъ, переспышъ и бѣлысть пропадѣ.

Одѣ черѣдѣ. 1) „Гѣсподы, помѣжѣ!—Було собѣ двѣнадыцѣтъ братѣвъ, изъ двѣнадыцѣты—ѣдынадыцѣтъ, изъ ѣдынадыцѣты—дѣсѣтъ, изъ десѣты—дѣвѣять, изъ девѣаты—вѣсимъ, изъ висмы—симъ, изъ сѣмы—шысьтъ, изъ шѣсты—пѣять, изъ пѣаты—чѣтыри, изъ чѣтырѣхъ—три, изъ трѣхъ—дѣва, изъ двѣохъ—ѣдынъ, изъ ѣдного—нѣ гѣдного. Тху! (плюнь й скажѣ) пропадытъ“!—Одѣ цѣго тоды посѣбыщыця, якъ не бѣдешъ йнѣхъ ворущѣты.

2) Изщѣтуй одѣ девѣаты до послѣднѣго, и за жѣднымъ рѣзомъ трѣба вырѣваты шерсты и забыты дѣ нѣбудѣ у сукъ, абѣ повертыты и забыты потѣмъ дѣрку хочъ землѣю.

Одѣ иѣдыни. 1) „На горѣ Окиѣны, на ѣстровѣ Буѣяны: тамъ змыѣ короныѣ. Выймай свѣй гѣдъ степѣвыѣ и луговѣыѣ, а не будешъ свѣгѣ гѣду выймаыты, побѣеть тебѣ Госпѣдъ Богъ хрыстѣмъ и Бѣгомъ“.—Три рѣзы сплѣвѣ и рукѣю по укѹшенному

мѣсьцю подавѣ и обведѣ кругомъ тымъ пѣльцемъ, шо зѣньске щенѣ давѣвъ, шобѣ опухъ дѣлы не йшдѣвъ; а якъ шо ѣе крестатый стрѣбный рубѣ, то нымъ годыщѣца подавѣты пухлятыну и обвестѣ кругомъ нейи за мѣсьць пѣльця.

2) „Богорѣдыця... Ослѣбы—остѣвы... Господы, поможѣ!“—„На мори, на востѣци стойитѣ золотый дубѣ, золотокорѣчный, на тимъ дуби гнздѣ золотѣ, золотокорѣчне; ийщѣ тамъ стойитѣ лыповый кущѣ, въ томѣ кущѣ яряче рѣнце, тамъ ёгѣ вся осаульня. Крѣкнувѣ царѣ, крѣкннула царѣця, крѣкнувѣ и царѣвычѣ на всю своѣ осаульню: пидѣ ты, Хѣвря (старша гадюка), по Поляху, по Домѣху, по Марѣну, по Горпѣну, по Тытѣну, по Оляну и за всимъ злымъ, прѣлютымъ гѣдамъ; цей зубѣ будѣ минѣ мѣты, бѣпуху непускаты, жѣвтойи кѣсты не ломѣты, червѣнойи кровѣ не пѣты“.—Одѣ ёгѣ тожѣ такъ, якъ и одѣ нейи, тѣко заминѣ слова, змѣсто: „на мори, на востѣци“, кажы: „на мѣри на окиѣни“; вмѣсто: „цей зубѣ будѣ минѣ мѣты“, кажы сей зубѣ будѣмѣ выймѣты“.—Якъ винѣ укѣсе, такъ на тимъ мѣсци рѣпне; винѣ бѣльштѣ кусѣ на носѣ, а вона на бѣци або на спѣни. Вона товстѣ, а винѣ тонѣнький та злыѣ.

Одѣ урокиѣвъ. „Бѣтъкови врѣки, и мѣтерини врѣки, и дѣдови врѣки, и бѣбыни врѣки, хлопѣячи врѣки, дивчѣачи врѣки (ѣ кажы мѣнья тогѣ, хгѣ врѣчиный) Панѣсови врѣки—одѣ ёгѣ Панѣсовыхъ очѣй, одѣ ёгѣ плечѣй, одѣ ёгѣ пѣльциѣвъ, одѣ ёгѣ семѣдѣсѣты сустѣвциѣвъ.—И пидѣтъ вы уроки въ урѣчище—на пѣщи („пустѣньны мѣста“,—у „пѣстку“), на нѣтры („буйный вѣтерѣ“), де пѣвни не спѣваѣють, де сѣньце не схѣдытъ, де хрѣстыѣньскый гласѣ не захѣдытъ,—на очерѣта и на болѣта, кѣпьямы трасѣты, осокѣ изйидѣйте ѣ тамъ собѣ спѣчѣвокъ мѣйге“.

Одѣ выѣвѣху. „Бѣгла сѣчка чѣрезѣ мѣстѣ ѣ чѣтыри носѣ, пѣтый хвѣстѣ, шѣста головѣ,—нехѣй тобѣ Богѣ помогѣ“. Сплѣнь трѣчи и хрѣсты те мѣсце.

Одѣ вѣвѣкъвъ. „Святый Юрий и Ягорѣй! Вѣйдитѣ на Юросѣлымъску гѣру, крѣкнитѣ своѣймъ гласомъ, склѣчте своѣй хорты, позатыкаѣйте ѣймъ ротѣ. О вѣки амѣнь“.—Тѣй, хгѣ заговѣрюѣе одѣ дзѣвѣру, дѣлженѣ на Юрия цѣлый дѣнь постѣщѣця, ходѣты въ цѣркву и молѣщѣця Бѣгу.—Не слѣдѣ безѣ дѣла

й йихъ голодными оставляютъ, бо й вонь йисты хотять и не самы жъ вонь выбираютъ соби, що зысты, а те, шо йимъ назначе Богъ.—Одна баба такъ все сорокъ литъ не попускала вовкамъ ничого йисты й довела йихъ до того, шо въ ныхъ зосталысь однй шкуры, та кистки,—отъ и пожалылись, признесли жалобу на нейи Юрию; такъ ажъ тодй Юрий благословывъ йимъ попереу ту саму бабу зысти. Ну, й пишли тодй вовки опять жыты.

Защита одъ розбойныкивъ. „Одъ яритныка й едь яретныцы, й одъ голдуня, й одъ голдуньци мйсяцемъ защитюсь, каменемъ загородюсь, одъ всякого врага супостата и розбойныкивъ защитюся“.

Одъ воривъ. „Прыподобный оче, святой Смеркачу и Замыкачу! Замыкайишь ты церквы й городы, и замкны одъ рожденного, молитвяного раба Божого N всякойе горе й вороги.—На Осияньский гори строги дорогийи, замкы золотийи, замыкайишь ты всимъ ворама и ворамама и наведы на йихъ, Гбсподы, страши одъ мого чада, одъ мого стада, одъ мого двора й одъ мого пера й едь всего мого помышления, попечения.—Одъ воривъ годыщца ще хочъ разъ въ годъ самому читаты, а хочъ выслуховаты у другихъ симнадыцтую кахвисьму изъ псавтыря. Щобъ збавыщца одъ воривъ и розбийныкивъ, читай рано и вечеръ сальму: „Живый въ помощи вышняго“...“

Наговоръ воды одъ казу. Налйи у мыску воды и кинь туды ладону, який йе. Кажна ладанына кйдаецца на шо небудь, такъ, примиромъ сказать: одна кйдаецца на симью, потимъ друга на худобу й такъ дали; кому зробилась причина, на тий ладаныни будутъ пузырчики;—узнаецца тожь по цемю, коли й одъ чога сталося: одъ чоловіка, дзвйра, скотыны рогагойи, овецъ, свыней и собакъ всякойи шерсты; якъ станецьца, абд сталося у началы мйсяця, то покажецьца молодыкъ, а въ киньци, то выйде мйсяць на сповни.—Якъ же не покажицьца на ладаныни пузырчикивъ, то въ симни гораздъ буде, все—благополужно. Вода наговорюецца й даецца пыты тико тодй якъ окажецьца на чома небудь прычына (казъ) (пузыри на ладону). Собаки бильшь казюцьца на молодыку и менць на сповни.

На молодыкахъ одлучайецца то, на якбму зъ ныхъ буде на шо небудь казъ; той молодккъ, шо значить казъ, нарбжуйецца прямуватымъ зъ гулими (тупымы) киньцями и бува мутный.— Якъ явйцця де ушкрябнѹте мѣсце кѣгтямы, шо пѣна тудѣ ще не зѣйшла, такъ найтѣ трѣба на горѣщи павутѣны ѣ забѣты нею рѣну и пѣты пѣтимъ наговорѣну вѣду. Казъ мѣже явѣцця въ симъ часѣвъ, въ симъ сѹтокъ, въ симъ недѣль, въ симъ мѣсяцивъ и въ симъ годѣвъ, (абѣжъ въ 9 часѣвъ,—9 сѹтокъ, 9 недѣль, 9 мѣсяцивъ и 9 гѣдивъ).

Молѣтва: „Оченѣшъ.... Святѣй Мытрохвѣний, Св. Улѣсий и Св. Ильѣ прорѣкъ-прорѣчѣтели лыхѣго кѣзу, помѣжитѣ и заступѣть одѣ лыхѣго кѣзу, одѣ бѣшенства, одѣ бѣшеной собѣки: одѣ бѣлойи, одѣ сѣройи, одѣ мѹройи, одѣ рябѣйи, одѣ рѣжѣйи, одѣ чѣрнойи и одѣ усѣкойи разношѣрстѣнойи.—На осѣянѣьскѣй горѣ, на олѣнийи землѣ, тамъ Мѣты Бѣжа спѣла—привѣпочивѣла, ѣ приснѣвѣся ѣий сонѣ нивѣдымый, хѣревымый. Мѣты Бѣжа сына спорѣдыла, святѣю рѣзою прыкрѣла, у ѣсли положѣла. Якѣ на дрѣви корѣ, такѣ чѣста святѣя водѣ. На дрѣви на кабырѣзи Сѹса Хрѣстѣ роспынѣлы, рѹци и нѣзи гвоздѣмъ прыбывѣлы. Мѣты Бѣжа увѣдыла: „Сынѣ мой, Бѣже мой! чи ты на вѣкъ помѣраѣешъ, чи ты за кѣго мѹку прынѣмайешъ“?—„Нѣтъ, мѣти мой, я не на вѣкъ помѣраю, я за весь мирѣ хрѣстыянѣьскѣй мѹку прынѣмаю,—бѹду въ цѣркви на престѣли лежѣты, и бѹде менѣ весь мирѣ хрѣстыянѣьскѣй рѣно ѣ вѣчерѣ помѣнѣты“. Якѣ дѹшечка рѣно ѣ вѣчерѣ цѣю молѣтву бѹде читѣты, та дѹшѣ не бѹде въ водѣ потѣпѣты, ту дѹшу не бѹде гадѣ кусѣты, ту дѹшу не бѹде дѣзвѣрь пойдѣты, ту дѹшу самѣ янголѣ бѹде спѣвидѣты, а самѣ Господѣ бѹде прыѣщѣты (прычѣщѣты). Одѣ пѣли мырѣськѣйи, одѣ велѣкойи зарѣзы Бѣгу небѣсѣному помѣлюсь, Сѹсу Хрѣстѹ прыклонѣюсь; всѣку дрянѣ подобѣю и весь лыхѣй казъ. Амѣнь“.

Якѣ тѣко змѣтыцця казъ, то небарѣсь,—зовѣ тогѣ хто лѣче; винѣ звѣре зѣльѣ пѣты ѣ почѣсте у рѣти, и якѣ вскорѣхъ, то нехѣй хочѣ якѣй лыхѣй казъ, такѣ пропадѣ. Травѣ цѣя роѣцця въ нѣчѣ пѣдѣ десѣте мая (пѣдѣ Сѣмона Зѣлѣта). Трѣба пѣты нѣччу въ лѣсѣ,—дорѣгою, ни тудѣ ѣдучѣ, ни вѣдѣты, не слѣдѣ оглѣдѣцця ѣ смѣяцця,—знайтѣ ѣийи,—

вона сама одкрѣйцеца и вѣрваты хочъ небагáцько, а на дрúгий день мѡжно вже й косыты йийй, стѣко хочъ. Трава бóва рáзна: така якъ лёнь, якъ пырѣй, якъ пѣвныки, одувáнчики й зовѣцьца рáзно: áмбуль, крáмбуль и несмиянъ. Зъ пер- вого гóду трава не годѣцьца на лѣки, а вáрятъ траву третѣго— литню; и варѣты трѣба йийй трѣчи, шобъ на цвѣтъ була чир- вѡна, ажъ бóра, и на укусь—терпкá и вѣзка, пыты жъ трѣба по ковткú трѣчи й чотѣри рáзы въ день. На бутѣлку кла- дѣцьца травы пúчка, а на велѣкѣй казъ двѣ и бѣльше и, якъ выше, то абѡ жъ одúжа, абѡ немучитымецьца дѡвго:—часивъ зъ два—три й умрѣ. Травы навáрють чотѣри бутѣлки (плѣж- ки), плѣжка на тѣждень. Сáма сыльниша трава: якъ прѣй- децьца траву рвáты, то, шобъ одкрѣлась, трѣба цю молѣтву творѣты:—„Траву порывáю и врагá побиждáю; трава крáмбуль, озвѣсь и ослухнѣсь; на пѡмощь Бѡжу тебѣ зрываю“!

Одъ безсѡнныа дѣтныи. Нѡсятъ пидъ кúры и прыказують: „Кúры бѣли, чѡрни, сѣри, рябы, рѣжи и всякойи мáсты! По- несѣть безсѡнныа такѡго то на вечернѣци, де дивкѣп лѣшуть, хлѡпци скáчуть, а намъ дáйте сонъ зъ усѣхъ сторѡнъ“.—Трѣчи.

Одъ бильмаа скотныи. На якимъ ѡци бильмѡ, зъ тѡго бѡку взять и протягты въ вúхо шѡвкову нѣтку въ цыгáньскѣй гѡльци и тодѣ гѡлку вѣтягты, а нѣтку zostáвить тамъ—и бильмѡ зыйде.

Средство отъ таракановъ. 1) Чтѡбы выслать таракановъ, надо встать подрядъ три утреннихъ зари, до восхода солнца, и за каждымъ разомъ брать цѣлый хлѣбъ, потомъ отрѣзать отъ него краюшку, присыпать солью и, ставъ съ нею надъ какимъ-ни- будь раствореннымъ окномъ, читать три раза, безъ отдыха, слѣ- дующую молитву: „Слава Богу, слава Богу, слава Богу! Я хо- зайка (хозяинъ или человекъ, женщина,—по просьбѣ хозяина) сему дому, и моя хлѣбъ-соль остаётся навсегда со мною до скончаня вѣка, а вы, клопы, тараканы и всякая нечистота,— даю вамъ хлѣбъ-соль на дорогу,—идите, идите, идите изъ мо- его дому:—я васъ выгоняю и высылаю изъ моего дому“.—По прочтении, отъ присоленной краюшки хлѣба отрѣзывается ма- ленькѣй ломтикъ и оставляется у себя, а остальное выбрасы- вается за окно. Надо при этомъ стараться, чтобы никто мимо окна не проходилъ или издали не могъ бы кто видѣть надъ раскры-

тымъ окномъ. Главный секретъ при этомъ тотъ, говорятъ, что не слѣдуетъ никому хвалиться, что „вотъ, молъ, выгонялъ, и теперъ нѣтъ“; надо постараться забыть и никому объ этомъ не говорить. Даже если вздумаешь травить чѣмъ таракановъ, мышей и т. п., то стоитъ лишь рассказать про задуманное, чтобы предпріятіе твое никогда не увѣнчалось успѣхомъ. Таракановъ можно выгнать лишь до Покрова; они такъ, какъ квартиранты: противъ зимы не выходятъ.

2) На Свѣтлый Праздникъ идетъ одинъ кто-нибудь изъ дому къ заутренѣ, а другой остается дома, возлѣ предпечнаго окна, поджидая къ себѣ, пока тотъ прійдетъ изъ церкви къ затворенному окну. Тотъ долженъ выйти изъ церкви первымъ, тогда, когда священники начнутъ въ алтарѣ христосоваться между собою, и спѣшить къ окну прежде, чѣмъ кто-нибудь пришель бы въ комнату, и говорить: „Христось воскресъ Христось воскресъ! Христось воскресъ!“—„Воистину воскресъ,—долженъ откликаться другой.—„Чимъ вы будете розгивляцця“?—„Паскою та ковбасю“.—„А ти, шо за стиню“?—„А ти, шо за стиню,—самы собю“.—Послѣ этихъ переговоровъ, первый входитъ ранѣ другихъ въ комнату, обнимается съ тѣмъ, кто оставался, и начинаютъ христосоваться. Тараканы съ этого времени должны будутъ поѣсть одного и больше не водиться. Хорошо, если никто не замѣтитъ и не подслушаетъ.

3) Когда умереть кто въ томъ домѣ, гдѣ есть тараканы, то надо ту воду, которою будутъ омывать покойника, приберечь, а когда отойдутъ похороны, одинъ изъ членовъ семьи долженъ въ 12 час. ночи снять съ себя верхнее платье и бѣлье и въ природномъ костюмѣ побрызгать (покропить) тою водою всѣ стѣны, углы, потолокъ и полъ,—и тараканы сойдутъ.

4. Въ чистый (страстной) четвергъ сметаютъ вѣникомъ со стѣнъ, угловъ, потолока, пола, изъ-подъ столовъ, кроватей и т. п. и этотъ соръ потомъ, вмѣстѣ съ тараканами (въ 12 час. ночи), выносятъ на перекрестную дорогу.

5) Найденную на дорогѣ чеку кладутъ отъ таракановъ подъ „прѣпичокъ“.

6) Поймать и связать вмѣстѣ двухъ таракановъ, какъ свиваютъ младенца, и отнести ихъ или въ переулочекъ, или бросить кому-нибудь на возъ, говоря: „возьмите и насъ собою въ гости“!—Тотъ, конечно, ничего въ этомъ не будетъ подразумевать, изъяснить полнѣйшее желаніе и повезетъ съ собою незамѣтно положенныхъ гостей—таракановъ.

Таракановъ насылаютъ въ чистый четвертокъ; ихъ приносятъ въ новомъ горшкѣ, незамѣтно выбрасываютъ и тѣмъ себя отъ нихъ избавляютъ. Приносятъ таракановъ и на новоселье, если кто позоветъ; на новоселье легче всего выходятъ тараканы.

Случайеца, шо супротѣвныкъ пидкѣнеца у голѣву, такъ одъ цѣго супротѣвныка трѣба пидкѣривати херувѣмськимъ лѣданомъ, и винъ вѣйде.—Якъ зѣдрышъ нечѣстого, абѣ друти страши,—читай: „Да воскреснетъ Богъ“.

Одъ живота завѣрюють сѣяшныци, выбѣрають у животѣ и стружуть старѣнни мѣдни грѣши и йидѣть зъ хлѣбомъ мидь; кажутъ, одъ „порѣхи“.

Хѣваецца томѣ, когѣ згѣдують, а бува, шо й нападаецца одъ того, якъ зивѣешъ та не крѣстышъ рѣту, то тодѣ трѣба казѣты: „Хѣкавка, хѣкавка, пиды до воды, когѣ схочъ, тогѣ и напады—хочъ конѣ, хочъ кобылу, хочъ цыганьську дытѣну“! Й пьютъ зъ кырѣцѣ воду навкрѣсть трѣчи. Одъ запорѣши причѣтують: „Дѣдку, дѣдку, полѣзь на драбѣнку, та вѣймы запорѣшѣнку“. Порѣшу вытягають йе бабы языкѣмъ, а дѣтямъ берѣтъ за вѣю, оттѣгують и кажутъ: „Порѣшко, порѣшко, вѣйды на до-рѣжку, дамъ тобѣ горѣшку“!

Шобъ не напѣла лыхорѣдка, не трѣба йѣсты яецъ на Велѣкденъ; колы йисѣ яйця, товчѣ шкарлѣпу, а то жѣба влѣзе.—Потѣмъ ще срдѣство: напыши на бумазѣци (бумагу впередъ звѣли „попѣро“): „Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Бѣгу, и Богъ бѣ слово“, запѣсочку цю спалѣ, а попѣлецъ вѣпый зъ святою водою. Ще й такъ рѣблять: пѣшутъ крейдѣною скрѣзь по двѣряхъ и прѣтулкахъ—„такѣго-то (мѣнѣня) дѣма нема“. Ще одъ пропѣсныци: мнѣтъ шкарлѣпы зъ рѣкивъ и йидѣть; рощивѣють шѣку й нахѣдѣть у нѣй рыбѣнку, тодѣ сушутъ и йидѣть.

Одъ понѣсу и блѣванѣня пьютъ сѣорыпѣ й завѣрюють сѣяшныци.

Одъ переляку малу дытѣну (таку, шо ще ростѣме) ставлять до одвѣрка, одрѣзують ножныцями навхрестъ по пучци волосья зъ головѣ и ноготкѣ зъ пальцѣвъ, тоди провѣрчуютъ дѣрку у водвѣрку, врывнѣ зъ головою, запыхають тудѣ те волосья и залиплюють воскомъ изъ страшноѣ свѣчки. Дытѣна переростѣ, ѣ лѣки понесѣ. Вывѣрчуютъ переполѣхъ и старѣмъ (шо вгору не ростѣтъ); такъ тыхъ ставляють до осѣпки и вывѣрчуютъ ѣймъ, обрѣзани ноготкѣ и волосья укачуютъ у воскъ и запыхають у дѣрку, и отѣ, якъ осѣпка пидростѣ, то ѣ зъ рѣстомъ и лѣки понесѣ.

Якъ болѣть пояснѣця, трѣба трѣчи до порѣга одрубѣты сокирю нефорошѣный винкъ ѣ посѣбѣцѣя.

Одъ переполѣху выльвають на головѣ ольвомъ абѣ воскомъ: ростѣплюють и льють у воду.

Одъ жовтянѣци ѣидѣть воши зъ хлѣбомъ.

Одъ золотѣхи лѣчуть малѣхъ дѣтѣй такъ: достають клѣптыкъ зѣячѣго смѣшка намазуютъ ѣго сметѣною и прыкладѣють до болячки; одъ цѣго, бѣде мѣякнуты и вытѣкѣты.

Одъ рака прыкладѣй свѣжихъ лыткѣвъ капѣсытѣныхъ зъ сметѣною и не давай ѣймъ ззигрѣвацѣя, перемѣнѣй. Одъ ранѣ це жѣ срдѣстве.

Червотѣчивою, шо бува въ дѣревнѣ (у дѣреви) на осѣли у вербѣ и дѣбовѣ, такъ ѣий дѣрѣтъ (вона, якъ мука) и засѣпають дѣтамъ, шо бѣ не прѣло.

Шо бѣ росла коса, варѣють берѣзку и мѣють нѣю гѣлову шо тѣждѣня.

Одъ чиракѣвъ трѣба у вѣчѣри, шо бѣ нѣхтѣ не бѣчивъ, поставѣты на хвѣртци обрѣчь зъ кадѣба и трѣчи пролѣзты скрѣзь ѣго, тоди взѣты, обкрутнѣцѣя зъ нѣмъ и закѣнуты, и отѣ, хто ѣго вѣзѣме, на тѣму и окошѣцѣя.

Надѣжны лѣки одъ лѣхорѣдки, прыпадкѣвъ, геморѣя и въ рѣзныхъ кѣлькахъ: трѣба прынѣмѣть по чѣрчѣни за часъ пѣредѣ ѣидѣю (трѣба бѣты надѣголодь шо дѣня) настѣйки, настѣйнойѣ на штохѣ горѣлки зъ прыправѣю (прыправѣу першѣ трѣба ззимѣяты въ мукѣцю, тоди нальваы): 7 золотныкѣвъ сабѣру, 1 зол. терякѣу, 1 зол. лѣствинойѣ губѣы, 1 зол. горячѣвки, 1 зол. цѣцѣвѣрного кѣрню, 1 зол. шахранѣу, 1 зол. ревенѣю, 3 зол. сѣрного цѣвѣту.

Свынѣй загодѣвають волячимъ — „товаричимъ“ (пометомъ) шобъ не дохлы; загодѣвають и голушкѣамы зъ саломъ. Курдѣокъ у вола личуть свѣцънимъ (пометомъ); прыввѣзують свѣжогó на ганьчѣрочку.

Якъ зличить засѣку?—Найдѣ йийѣ й прыложѣ жѣтнóго хлѣба зъ дѣгтемъ и камфорѣю и, якъ одмѣкне, прополѣ, а пóтимъ кладѣ сырѣй кóржикъ зъ жѣтнóй мукѣ, камфорѣ, дѣгтю и сулимѣ, й загóйицьця.

Тому, хто схóче личѣты одъ пиднебѣньня, попѣреду трѣба задавѣты двомѣ пѣльцѣамы зѣньське щенѣ (крота) и пóтимъ тѣмѣ вже пѣльцѣамы (пѣльци якѣ небудѣ) пиднимѣють пиднебѣньня, пиднимѣють, якъ опадѣ язъчѣокъ; дѣвлють пѣхле гóрло одъ всѣякой бóлисти й роздѣвлюють, якъ ѣе у гóрли пузырѣ; одъ всѣякой такѣй прычѣны пѣльци ци сѣми вѣрны лѣки.

Щобъ избѣавыцьця одъ запѣю, трѣба вѣ тѣй бѣнци, де дѣржуть горѣлку, знайтѣ бѣлыхъ червѣячкѣивъ, вѣсущѣты й ростѣрты ѣихъ, а пóтимъ давѣты на водѣ, а хочъ на чѣму небудѣ, тому, хто пѣе горѣлку, й пѣяныця зъ тѣхъ пѣръ не мѣже тодѣ й нѣсомъ зачѣты, де кабѣкъ.

Одъ зѣйдѣ: мѣжуть ѣихъ сѣркою изъ ўхивъ. Мѣжуть пшѣняною пѣною изъ кѣши.—Щобъ пропѣла плѣснявка, трѣба добрѣнько переварѣты медкѣ й брѣсыты тудѣ ирѣжѣве залѣзо и тодѣ, якъ настѣйицьця трѣхы, мазаты нѣмъ у роткѣ хвѣройи дытѣны.—Огнѣкъ, цѣ звѣсно вже, одъ чѣго бувѣ, а шобъ ѣгѣ стрѣбыты, затѣпѣ вѣ грѣби сырѣмы дровѣамы и, якъ покажецьця зъ ѣихъ на кѣньцѣхъ пѣна, то тѣю пѣною берѣ й мѣжъ. Затѣптують óгнѣкъ й трѣпкою зъ помелѣ; а у кѣзни вѣхтемъ мѣчуть (гартѣють); у малярѣ мѣжуть билѣломъ (хѣзомъ).—Одъ лышѣй онъ шо рѣблять: берѣуть у рѣнѣци зъ шѣбокъ ту рѣсу, шо по ѣихъ слѣзыть, й мѣжуть лышѣй. Лышѣй натѣрають сѣлью й мѣжуть згѣрамы изъ трѣбки.—Веретѣномъ выпѣлкують гѣзку, бородавкѣ.

Травѣ бѣквыця одъ кѣшлю.—Коровѣякъ одъ порѣхи, якъ животѣ вѣхѣдѣть.—Полѣнь и изъ сѣяшнѣкѣивъ лыстѣчки (жѣбѣтый цвѣгъ) одъ лыхорѣдки.—Деревѣй—одъ животѣ. Одъ животѣ: умѣчатъ цибулѣну у силѣ и мѣжуть нѣю нѣжче пѣпа.—Борщевнѣкъ одъ животѣ.—Кѣрнемъ кѣньського щавлѣ мѣжуть

лышай.—Берэзка одь урѹбу.—Раннѹкъ одь чирякѹвъ.—Лѹсьт бликотѹ прытуляють до болячки.—Шиптунѹ и шиптѹхи—„ли карѹ“ могорѹчуть дячка, шобѹ даваѹвъ йимѹ васѹлечкиѹ з пидь креста на Здвѹженнѹ; у йихѹ купають недужающих дитѹй—й одь усѹго. Ту жѹ травѹ й любѹстокѹ, шо на клѹ чальний недѹльля кладѹть бѹтюшци на стѹльчикѹ пидь кнѹжку то жѹ на росхвѹтъ спишатѹ розбирѹты.

Одь вразѹ (мѹтка),—вразѹ, бачѹ, кѹже, не на мѹсьти—й пѹ росѹты попускаѹвъ—одна бѹба выбырѹла у животѹ й такѹ, мо нѹнько, помѹяла, шо на дрѹгий день живѹтъ зробѹвсь, як колѹда, й трѹнуцьця незвѹзя, а потимѹ ще зробѹла клѹди йнѹ пѹты. Цѹ людѹна пѹе такѹ лѹки и кѹже, що йнѹ лѹгшае: шкѹлыкѹ спѹрту, шкѹлыкѹ олѹвы, тры четвѹрки мѹду ($\frac{3}{4}$ ф.) і пѹчку якогѹсь зѹльля; все це змѹшуецѹця, и йде вытягиѹты ти пѹросты, шо вразѹ йнѹй роспустѹвъ.

Когда купають дитѹ, то распарившееся его темя притяпываютъ къ себѹ ртомѹ, полагая, что, вмѹстѹ съ поднятѹемъ кверху кожицы темени, одновременно будетъ подниматься и опавшее поднебенье (нѹбо).

Когда дитѹ часто кричитѹ, то значитѹ, что оно „свѹхнуто“, чтобы этому горю помочь, надо во время купанья смѹрять его три раза навкрестѹ такѹ, чтобы локоть правой руки младенца сходилсѹ бы съ колѹномъ лѹвой ноги и потомѹ локоть лѹвой руки—съ колѹномъ правой ноги.—Когда дитѹ часто слюнѹтъ, то значитѹ, что его беспокоятѹ паразиты (купають и чешутѹ).

Молодайки, очень часто случается, застуживаютъ своѹ грудь, отчего бываетъ нестерпимая боль, и къ ихѹ услугѹмъ мчитсѹ какая-нибудь „бабѹся“ горю пособить: раздобываетъ если у самой нѹтъ, скорлупу съ освященнаго яйца, подсаживаетъ къ больной (чаще это дѹлается подѹ образами) и еѹе подкуривать. Въ заключенѹе дастѹ пить святую воду, и сама наговариваетѹ, и наконецѹ начинаетѹ „развагѹти й вмѹсци съ цимѹ жалѹ завдаѹвать: це, бачѹ, у васѹ, нѹнько, не жидынь, десь не спѹпѹшились, ухватѹлы; винѹ такѹй завбѹлшки, якѹ горошѹна, и отѹ вберѹцьця (въ груди) тай росхдыцьця тамѹ. Оце гарѹздѹ, шо я лучѹлась ускѹри, ато бѹ вамѹ халѹпа“.

Якъ бишена собака покача здорѡву, такъ отѡ не вѣштайсь:—возьмы, выспросы у трѣхъ вдовъ по окрѡйцю одъ цѣлыхъ хлибѣнъ, та й дай йихъ зѣсты собаца хочъ и безъ маекъ, и вона выходящыця и не збѣсыщыця.

Лубьянѡха—це така бѡлисть, шо по всему тѣлу выступаютъ прыщѣ, пидъ кинецъ шѣрхнутъ и сверблять. Лѣки одъ цѣи хворѡбы такѣ: трѣба найты де нѣбудъ на дорѡзи кусѡкъ лубка зъ мѣльныци (нѣмы крыла обшивають), варѣты ёго, тай купаты хворѡго у тимъ литипли трѣчи.

Одъ сухѡты купають у наговѡрѡваний водѣ, и пѡтимъ ту вѡду выливають въ те мѣсто, де два плетнѣ докѡпы сплелѣся.

Огнькъ, якъ бѡдешъ личѣты, такъ запалѣ зъ ганьчѣрки помелѡ и подкѡрюй нымъ, пѡтимъ умочѣ ёгѡ зъ огнемъ у помѣйныцю й обвѡдъ трѣчи кругѡмъ ёгѡ, шобъ дали нейшѡвъ, а тодѣ й помочѣ сѡмый огнькъ навкрестъ трѣчи.

У скотыны бува на языцѣ бѡлисть,—„жаба“. Якъ вилъ скрыгѡче зубѡмы, то такъ и знай, шо въ ёго жаба; примѣта ще й така: пидъ языкомъ бѡде жѣлокъ ззѡдвѣ цвѣтомъ сѣни, такъ здаецъця, шо ажъ бѡтто бѣ то набубнявылы. Лѣчуть йийи такъ: берѡтъ въ рѣку гѡлку, рознимають волѡ ритъ и скѡлюють нѣю по жѣлци; якъ кровь зѣйде й вилъ одлѣга.

Якъ обдѣецъця скотына, такъ трѣба мирыщѣй пускаты зъ низдри кровь.—Одъ хромотѣ тожъ зъ ногѣ пускають кровь.

Якъ убьѡтъ годѡванѡго кабанѡ на сѡло, такъ пѣрвый кусѡкъ вырѣзуютъ у ёго зъ лѡбу, вишаютъ, не солѣвши, на матѡзѡчку и бережутъ одъ всякой прычѣны за-для скотыны. Пры всякѣй бѡлѣсти мѡжно давѡты ёго йѣсты и мазаты.—Пѣрвый кусѡкъ сѡла зъ лѡбу никѡлы не завунѣецъця й черва у ёго не кѣнецъця.—Росѣлъ зъ молодѡго сѡла даютъ скотыни пѣты, якъ облѣецъця, одъ запѡру и такъ, якъ чѡгѡ нѣбудъ бѡде чихрѣты.

Одъ чѣхѡтки: 1-го маѣ нарвѣ зъ прѣдыва (конѡпли) зелѣныхъ верхѡшокъ и вѣсуши; пѡтимъ, пидъ 1-го сентябрѣ, пидѣ, наберѣ полунѡшнѣи водѣ и, не оглядѡчись, прынесѣ додѡму й бережѣ до 1-го октябрѣ; пѡтимъ такъ же й пидъ Пѡкрѡву трѣба прынесѣ полунѡшѣи водѣ, и тодѣ вже змишатъ ту й дрѡту вѡду докѡпы и варѣты въ нѣй ту зелѣнь, верхивѣ зъ

прядыва, шо ты нарвавъ. Якъ устійниця наваръ, тоді пий натошакъ, що день по стакану.

Одъ пропасныци треба вловыты кажана, убыты и зсушыты ёго; потымъ стёрты въ попилецъ, завязаты у вузлыкъ, надыты соби на шию й ходыты зъ нымъ безперечь.

Кажаномъ загодують коней, на мѣсяць абѣ на годъ, щобъ сѣти булы й щобъ швѣдко бѣгали, а якъ вѣйде зрокъ заговору, то вони здыхають.

Якъ ходять молоді зъ пряданнымъ (беседа) по хатахъ (по госьтахъ), то беруть у жаднымъ дворі по мѣчци, абѣ по пивъ мѣчци прядыва й дають ёго молодій, а та зъ свашкамы йдетъ дорѣгою, чѣшитъ й на веретѣно пряде, а, прыйшовши до молодого, дають ёго бѣткови й мѣтери, (то, бачъ, шо напярѣла), а винъ йимъ за це—горѣлки; такъ отъ, оцѣ жъ то, то прядыво и прѣжа, называецця „приданяче“, ёго бережуть, дѣржуть у спрату, и отѣ, якъ захромѣ виль, абѣ шо такъ прыключицця, то нымъ, бачъ, тоді перевязують. Рука розийдецця, перевязують приданячимъ вѣломъ, абѣ прядывомъ, гѣрусомъ зъ гильцѣ, и ниткою зъ бабѣячого пояса, видъ цѣго жъ такі вяжуть. Красна стрѣчка, шо буѣрамъ до шапѣкъ чипляють,—згидлива; вона одъ урикъ держицця.

Перелѣги бувають всѣки: одъ воды, вѣтру и зъ глазъ. Якъ нападуть перелѣги конѣ абѣ що, то становѣсь мирьщій на всхидъ сонѣця й проказуй вводѣнъ духъ трѣчи „очинашч“, тоді мишкѣмъ абѣ шапкою протягнѣ трѣчи по пидъ брѣхомъ, смыкнѣ трѣчи за чѣба и трѣчи за хвистъ, а потымъ ще й шлѣпны ёго ладѣною по задній лѣшци трѣчи,—и кинъ пѣде; тѣко вмѣсто „одъ лукавого“ кажѣ „одъ перелогивъ“. Одъ перелѣгивъ поведѣ конѣ на клѣдовѣще и перекрестѣ ёго трѣчи тѣєю дугѣю, шо ёго запрягаешъ, й кинъ бѣде здоровый.

Якъ заведѣцця де въ скотѣины чѣрвы, такъ возьмѣ на дорѣзи жмѣню пылу и засыпъ нымъ. Одъ цѣго ще й вишають на шию якѣй небѣудъ шкуратѣкъ зъ чѣбота абѣ що; ёго за для цѣго нарѣшне шукають на дорѣзи, хочъ дѣма й ѣе. Шкураткѣ ще й вишають одъ тѣго, щобъ у дроковѣццю не пльгѣла бѣ скотѣина на скотѣину.

Одъ зубѣвъ: якъ побачишь молодѣкъ, то прочитай трѣчи

безъ оддыху „оччинашу“, тико вмисто „одъ лукавого“, кажи— „избавы одъ зубивъ“.—Одъ зубивъ трѣба наръть коринья изъ ожины й зварить ёго, абѣ настѣять на спыртѹ й полоскаты тымъ болящи зѹбы. Писля цѣго не трѣба бѹде вже йисты ничего солѣдкого.

Якъ укѹсе гадюка абѣ навѹкъ тарантѹла, такъ трѣба впийматы цѣго тарантѹду, бросыть у бутылку й налить ёму олывы; винъ отѣ тамъ пропадѣ, выпусте зъ себѣ увѣсь свий ядъ, и тодѣ тымъ мѣжно мазаты те мѣсто, де бѹде укѹшено.

Одъ свынѣчого дѣху йе така трава, якъ бурьякъ, называецця „кирмѣкъ“, коринь йийй (винъ жовтуватый) варють й напувають.

Бородавкы буваютъ одъ того, шо жаба на тѣло шось... Личѹть бородавкы такъ: йихъ вывѣязуютъ:—возьмы якѹ небудь нѣтку, обведы нею кругѣмъ бородавкы, якъ завѣязуютъ, й завѣязи на нѣтци ѹзлыкъ такъ, шобъ винъ прыйшовся на бородавци, й такъ повывѣязуй йихъ вси на ѹзлыки скико ни йе, тодѣ вѣрый у гноѣвому мѣсци ямочку й загорны тудѣ тѹю нѣтку зъ узламы—нѣтка згниѣе, а зъ нею й бородавкы пропадѹтъ.

Прыворотъ *). Приводимые заговоры читаются утренними и вечерними зорями. 1) „Встану я, рабъ Божий, N, и пойду изъ дверей дверями, изъ воротъ—воротами подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну Господнюю, къ тому синему морю Окѣану. У того синяго моря лежитъ бѣль алатырь-камень, подъ тѣмъ бѣлымъ алатырѣмъ-камнемъ лежитъ три доски, а подъ тѣми досками три тоски тоскучія, три рѣзы рѣзучія; подойду я близѣхонько, поклонюся я низѣхонько: „вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія и берите своё огненное пламя, разжигайте рабу (имя дѣвушки), разжигайте её во дни печени и полупечени,—при утренней зарѣ, а при вечерней садитесь, васъ, матушки, три тоски, въ сретивое сердце, въ печень, въ лёгкія, въ мысли, въ думы, въ бѣлое лицо, въ ясныя очи, дабы рабъ Божий N показался бы ей лучше свѣта

*) Крестьянинъ с. Шапарскаго, находясь въ военной службѣ, досталъ отъ какого то солдата помѣщаемыя „заговоры“ и, списавъ ихъ себѣ въ книжечку, принёсъ на родину.

бѣлаго, пуще солнца краснаго, пуще луны Господней; ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, гульбой бы не загуливала, при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ,—не сходилъ бы N съ ея ума—съ разума. Будьте, всѣ мои слова, чрезъ три часа! (ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, въ гульбы бы не загуливала и во снѣ бы не засыпала) крѣпки и липки, крѣпче камня и булата; замыкаю я васъ тридевятью ключами, и этимъ моимъ словамъ переговора и недоговора не измѣнить ихъ никому,—ни хитрецу, ни мудрецу“.

2) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами въ чистое поле подъ востокъ, въ подвосточную сторону. Навстрѣчу мнѣ вышло семь братьевъ и семь сестръ буйныхъ.—„Идѣте куда?“—„Пошли мы въ чистое поле, въ широкое раздолье сушить травы подкошенные, лѣса подрубленные, земли вспаханные“. Пойдите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и съ малыхъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите красной дѣвицѣ N въ ретивое сердце, прибейте ихъ тамъ булатнымъ топоромъ, посадите въ неѣ тоску тоскучую, сухоту сухоточную въ ея кровь горячую, въ печень, въ суставы, семдесятъ семь суставовъ и подсуставовъ и одинъ суставъ, 77 жилъ и единую жилу станovou, чтобы красная дѣвица N тосковала бы и горевала по мнѣ, N, во всѣ сутки и въ 24 часа, ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы она не засыпала, въ теплой парущѣ калиновымъ щѣлокомъ не смывала, шелковымъ вѣникомъ не спаривала бы; пошла бы слеза, плакала бѣ и казался бы я ей милѣе отца и матери, милѣе всего роду и племени, милѣе подлунной Господней, скатскаго жемчуга, платья цвѣтнаго и золотой казны. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата. Ключъ моимъ словамъ не достать и замокъ—въ морской глубинѣ на рыбѣ китъ, и никому эту китъ рыбу не достать и замокъ не отпереть, кромѣ меня, N; а кто эту китъ рыбу добудетъ и замокъ мой отперѣтъ, то онъ будетъ, яко древо, и пошлю я молнію“.

3) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье,

къ синему морю Окіану. У того синяго моря Окіана лежитъ огненный змій; срягается и наряжается онъ зажигать горы и доли, и быстрыя рѣки,—болотныя воды со ржавчиною, орлицу со орлятами, скопу съ скопятами, травы подкошенные, лѣса подсѣченные. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: „Гой еси, ты, огненный змій! Не зажигай ты ни горы, ни доли, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу со орлятами, ни скопу со скопятами, зажги ты красну дѣвицу N въ семьдесятъ семь суставовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилку становую, во всю ея плоть, чтобъ ей мыслилось и хотѣлось... брало бы её днёмъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по мнѣ N,—спаньемъ бы она не засыпывала, ѣдой бы не заѣдала. Какъ бѣлая щука рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы и красная дѣвица N не могла бы безъ меня N ни жить, ни быть. Будьте, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата, востраго ножа и Берзаюнюкова копія,—а ключъ мой къ словамъ на утверждение, и крѣпость крѣпкая и сила сильная—въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ“.

4) „Встану я, N, и пойду изъ дверей во двери, а съ тѣхъ дверей въ ворота и въ чистое поле; тамъ будетъ мнѣ навстрѣчу огонь и пламя и буйный вѣтеръ. Встану я, поклонюсь имъ низехонько и скажу такъ: „Гой, еси огонь и пламя и вѣтеръ буйный! не палите зелѣныхъ луговъ, а ты, буйный вѣтеръ, не раздувай пламя и сослужи службу вѣрную: выгони изъ меня, N, тоску тоскучую, сухогу плакучую и понесите её черезъ боры и не потеряйте, чрезъ моря и рѣки и не утопите, а вложите её въ рабу Божию N, въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце, въ лёгкія, въ печень, чтобы она обо мнѣ, рабѣ Божиємъ, N, тосковала и горевала денную, ночную и полуночную пору,—во всякихъ бы яствахъ не заѣдала, въ меду-пивѣ и вигѣ не запивала бы. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки отнынѣ и до вѣка, заключаю крѣпкимъ замкомъ, и ключъ въ воду“.

5) „Встану я, рабъ Божій, N, на утренней зарѣ, на солнечномъ восходѣ краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота—на восточную сторону, въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ гуляетъ бунъ вѣтеръ. Подойду поближе,

поклонюсь пониже и скажу: „Гой, еси ты, буенъ вѣтеръ! Пособи и помози мнѣ, N, законъ получить отъ того то дому и взять, кого я хочу, и чтобъ у того бы человѣка N умъ и разумъ отступилса на всѣ четыре стороны, а обо мнѣ бы приступилса ей умъ и разумъ до точной судьбы нашей,—къ тому, кого я хочу получить,—перевалились бы, потопились бы ко мнѣ, N, всѣ мысли и охоты, и забавы, и её бѣ съ ними въ насть по водѣ унесло, и они бѣ меня, N, приняли. Ключъ въ морѣ; языкъ—въ ротѣ, тому слову не будь края и конца, и отъ злого человѣка ни вреда, ни бѣды, ни напасти, а если бы кто на меня и на неё что подумалъ,—не доброе есть замыслилъ, то у того бы человѣка ничего-бы не послѣдовало, и заперло бы ключами и замками и восковыми бы печатами было запечатано отъ еушпа (Sic)“.

6) „Лягу, не помоляся, встану, не перекрестяся, и пойду, не благословяся изъ дверей во дворъ, въ двери растворенныя, въ двери скрипучія, пойду на востокъ солнца, на восточную сторону. На восточной сторонѣ лежитъ три дороги, по евитимъ трёмъ дорогамъ идутъ три хитреца и мудрые мудреца, и три красныя дѣвицы, и три молодыя молодицы, и идутъ они зажигать окіанъ море. „Ахъ, вы дѣвицы! скажу я имъ, не зажигайте окіанъ моря, а зажгите N, зажгите вы её не сами, а прикажите вы семидесяти семи чертямъ, семидесяти семи получертямъ, семидесяти семи дьяволамъ, семидесяти семи полудьяволамъ и слѣпому бѣсу и самому сатанѣ. Самъ сатана вставалъ бы съ своего царскова престола и зажегъ бы N ретивое сердце, горящую руку и алую кровь, могучую плоть, чтобъ N тосковала и горевала обо мнѣ, N, и плакала бы и рыдала, какъ тоскуеть кобыла объ жеребѣнкѣ, корова о телѣнкѣ, овца о ягненкѣ, ещё бы тошняя то востосковала обо мнѣ, N. Я, я и я пойду за замками двумя желѣзными; замкну мѣдными и ключъ брошу въ окіанъ море, подъ алатырь камень. Никому мой ключъ не вытащить, никому моего замка не отпереть, и моихъ воротъ не отворяти, и моего заговора не отворачивать, и моихъ приворотъ ни отворачивати никому: ни дьячку, ни черту, ни дьяволу, ни полубѣсу, ни самому сатанѣ. Мой заговоръ или приворотъ,—крѣпче камня алатыря...Крѣпко—на—

крѣпко и туго—на—туго, еще быти нельзя всего свѣту вольнова. Одной быти (имя); за мной тосковати“.

Отворота. „Встану я, N, и пойду изъи збы въ двери, изъ дверей въ ворота на быструю рѣку (название рѣки) и стану я, N, по три краты мытися и полоскатися, три раза утренней и по три зори вечернія и приговаривати: „Гой, еси ты рѣка быстрая! Прохожу я по тебѣ по три зори утреннія и по три зори вечернія съ тоской тоскучею, съ сухотой плакучею мыти и полоскати лице бѣлое, чтобы сошла она съ моего лица бѣлаго эта сухота плакучая и изъ ретиваго сердца—тоска тоскучая, и понеси ты, быстрая рѣченька (имя рѣки), своюю быстрою струга и затопи ты ея въ своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда по мнѣ, N, не приходила. И всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ, и ключъ въ воду“.

Какъ приворожитъ жениха. Когда будешь подавать чай тому молодому человѣку, который можетъ быть любимъ тобою, то положи себѣ сначала подъ мышку (подъ плечо руки) кусочекъ сахару и жди, какъ онъ надопьетъ немного, тогда возьми да и брось ему его незамѣтно въ стаканъ.—Кусочекъ сахара будетъ пропитанъ потомъ отъ твоего желанія, и когда онъ растворится въ чаю и будетъ испить, то вѣрь—что тотъ молодой человѣкъ, какъ незамѣтно принялъ чрезъ посредство кусочка сахара твои мысли и желанія, такъ точно незамѣтно, даже иногда противъ вольной своей воли, будетъ исполненъ однихъ мыслей и желаній съ твоими.

Какъ взять ту двушку, которую любишь. 1) Для этого надо поймать „кожана“ (летучую мышь), отнести его и положить на „комашню“ (муравейникъ) и накрыть горшкомъ съ проверченнымъ вверху дномъ. Такъ онъ долженъ пролежать тамъ трое сутокъ; потомъ въ 12 часовъ ночи, надо прийти и взять изъ подъ горшка остатки съѣденнаго комашками (муравьями) кожана: вилочку и ключечку. Нести надо, не оглядываясь. Когда принесешь, держи у себя, и вилочкой будешь незамѣтно отталкивать, а ключечкой притягивать къ себѣ, кто понаравитъсь; и цѣль будетъ достигнута.

2) Можно засушить и жабу, только на солнцѣ, и затѣмъ вынуть изъ нея вилочку и ключечку.

3) Написать или наговорить на конфетѣ: „На морѣ-окіянь, на бертанскомъ диванѣ, стоить пень пнемъ, тридевать чертей, тридевать колдуновъ и тридевать колдуній. Кто возьметъ эту ветушку и поднесетъ ее къ красной дѣвицѣ, тотъ чтобъ былъ ею любимъ и никто бы не могъ быть ей милъ, кромѣ какъ я только одинъ“. Наговоренную конфетку, или что другое, дается ей скушать.

Шобъ вѣйти дѣвци зѣмижъ, трѣба вѣрваты того зѣмля, що де на хѣти ростѣ, ѣ приказаты: „шобъ же ѣ я така дѣвна була всимъ хлѣпцямъ (абѣ одному якому), якъ цѣя трава“! и пѣтимъ внести въ хѣту ѣ положити мижъ иконы—образы“.

Какъ „доказать“ своему врагу. Чтобы „доказать“ (отмстить) своему врагу, возьми песку или земли изъ подъ бѣшеной собаки и, задумавъ при этомъ что нибудь („пропади“, „онѣмѣй“), брось ему въ глаза, и задуманное скоро-не-скоро, но непременно съ нимъ должно будетъ исполниться.

Какъ сдѣлаться незамѣтнымъ въ присутствіи другихъ. Отрыть могилу и взять черепъ, затѣмъ положить въ него 9—12 фасолинъ и, закопавъ въ яму, поливать. Когда эта фасоль вырастетъ и дастъ плодъ, то тогда стоитъ лишь вложить одну фасолину въ ротъ и держать за щекой, чтобъ можно было тебѣ все дѣлать и быть незамѣченнымъ въ присутствіи другихъ.

Чтобы заставить поѣздъ съ молодымъ не выѣхать или въѣхать во дворъ, надо намазать ворота волчьимъ жиромъ и бросать на лошадей той земли, которую нарылъ кротъ, приговаривая: „Какъ эта земля изъ норы кротомъ выкидалась, такъ чтобы и вы возили молодыхъ“.

Неразмѣнный рубль. Чтобы достать неразмѣнный рубль, надо взять одноцвѣтную кошку или пѣтуха и пойти съ нимъ на середокрестную дорогу въ 12 часовъ ночи, когда дойдешь, то говорить: „принесъ вамъ N, купите, дайте лишь за него рубль неразмѣнный!“ Нечистый тутъ, какъ тутъ, возьметъ у тебя изъ рукъ принесенное, а тебѣ дастъ желанный рубль. Что бы ты, гдѣ на этотъ рубль ни купилъ, онъ послѣ всегда будетъ оказываться у тебя неразмѣннымъ, цѣлымъ. Только знай при этомъ, когда будешь идти за нимъ и обратно, то долженъ не оглядываться.

Народная мудрость. „Якъ набижить въ дорѣзи гримъ и мѣнія, такъ тоді нетрѣба по ний йихаты, а звернуты й йихаты побля дорѣги, бо въ те саме время по ний бижить врагъ, а за нымъ гѣныцца св. Илья зъ гримомъ истребляты нечисту сѣлу; такъ врагъ отѣ й крутыцца выхрсмъ по дорѣзи, шобъ когѣ наздогнаты й ударыцца объ ёго, и якъ трапыцца ёму це зрѣбыты тоді, винъ остаецца живый, а, вмѣсто ёго, нечистого, грѣмъ убывае тогѣ, хто ишовъ, абѣ йихавъ по дорѣзи.

Хто куре, та не плюё, томѣ грѣха нема; а хто жъ куре и плюё, томѣ пѣкла немынаты, бо земля всимъ намъ маты,—мы вси зъ землѣ, зъ землѣ й живѣмъ и знѣвъ у землю пйдемъ,—а тогѣ й земля не прйме, хто на нейи плюё. Хто нѣха та невтыраецца, и томѣ тожъ грѣха нема, одъ тогѣ, шо зъ ёго люды сміюцца, осуждають и тымъ беруть на себѣ зъ ёго грѣхъ. Наши батьки курылы зпершу зъ очеретѣны, а потимъ явлысь вѣвертки, а цыгарѣкъ крутыты навчылысь одъ кантанѣствъ, а купырѣсы (купырѣсыцца) змудрувалы нѣмци. Нюхалы зъ рѣгу, носылы й въ вѣзлыку, а тепѣрь зъ табатѣрьки.

Якъ шо хѣчишь, шобъ новорождѣнный хлѣпчикъ бувъ плѣтныкомъ, такъ трѣба ёму кишку одъ пѣпыка одрубаты сокирою до порѣга; а якъ однадѣ пѣпыкъ, такъ сховай ёгѣ й держй пѣки вѣросте, тоді дай развѣзаты, й якъ розвѣже, тоді ёму скрызъ буде свѣтъ самъ розвѣзуваецца.

Шобъ дитѣна скорйшь ходыла, трѣба йийи поставыты нижкѣмы на землю й перерѣзаты ножѣмъ мижъ ногѣмы землю,—це-бъ то означѣ то, шо перерѣзали пѣто;—не зрѣбышь цѣго, такъ довго буде лѣзыты, а начне ходыты, часто буде спотыкаецца.

Стрѣчными кѣмомъ и кѣмою называюцца ти, хто першь на бѣи стрѣвся. Стрѣчныхъ кѣмивъ берутъ по причѣни: бува, шо дѣтки й частѣнько такй рѣдяецца, та, Богъ зна чогѣ, не растѣтъ, такъ отѣ, якъ возьмѣшь стрѣчныхъ кѣмивъ, и дѣты бѣдутъ ростѣ. Стрѣчныхъ кѣмивъ самъ Богъ навѣде.

Шобъ бѣльшь дѣтѣй не водыты, скажи тѣко объ цимъ тий бѣби, шо бабуватѣме у тебѣ, то вона тѣко сокирою перерубѣ мѣсто навкрѣсть, (те въ чимъ дѣтѣна), й гуляй тоді, дѣво, смѣло!

Шобъ вѣкыкаты бродѣгу изъ забрѣду, трѣба напысѣть ёгѣ

мѣнья на просвырї за упокой и подать йийї у цѣркви на проскомѣдію; такъ трѣба зрѣбѣть трѣчи, абѣ й зразу це мѣжно зрѣбѣты тамъ де йе тры цѣркви. Чимъ частышъ будешъ помынаты живѣго умѣршимъ, тѣмъ бѣльше бѣде ёго нудьга йїсты й кортѣтыме до дѣму.

Якъ рѣдыцьця дитїна нежива, такъ трѣба йийї оклыкаты на рѣзни мѣнья, и вона на чийѣ нѣбудь й озовѣцьця, и отѣ тѣмъ же мѣньнемъ трѣба и крестѣты.—Якъ рѣде яка родыльня, то заразы же стѣлють на покути кожухъ вѣвною вѣбору, заводять и садовлять йийї за стиль на той кожухъ, шобъ була багата.—Родыльни неслидъ первый разъ безъ ничѣго въ людї являцьця, а трѣба браты зъ собою нижъ и держаты ёго пидъ пеленѣю, бо всяки бчи йе. Кѣ-яки бабѣ рѣблять такъ: якъ на-надивають у тѣждень разъ бѣду сорѣчку, такъ першъ всего прѣтягують скрѣзь нѣйи киньчастый нижъ, шобъ не прыстали нїяки худї наговѣры.

Першъ тѣго, шобъ зрѣбѣть хату, трѣба найтї на нѣйи мѣсто, а це рѣбыцьця такъ: положи на чѣтырѣхъ углахъ по каменюци и побля жѣдной тийѣи каменюки насыпъ по кучци жїта, пѣтимъ черѣзь ничъ подывѣсь у рѣнци, якъ не буде ни кимъ ворѣшене, то мѣсце подѣбне, а якъ шо жъ поворѣшене, то хати, бачъ, тамъ бѣты не на мѣсьти, и отѣ посувайсь дѣли, атѣ въ жїсты никѣлы не бѣде тамъ нїякого добра.—Якъ стягають на хату свѣлокъ; такъ прывѣязують до ёго кожухъ, абѣ платѣкъ, а плотныкивъ перевѣязують полотномъ и стягають тодї ёго такъ, шобъ не тилипѣлось те, шо бѣде прывѣязане до свѣлока, а ти, шо стѣгують, шобъ не крѣтѣлы, и тодї тѣко въ тий хати жистъ бѣде безъ печѣли и воздыхѣния. Те, чимъ перевѣязани плѣтныки, бѣде йїхнимъ.—Прыйшовши зъ стрѣтивъ, прыносять свѣчку до дѣму, засвѣчену ще у цѣркви, и пѣшуть, напѣлюють нѣю на свѣлоци чѣрный крестъ—страшнѣй, шобъ хѣтню симѣю мыналы всяки стрѣсти.—На свѣлоци прыбывають и деревѣанный крестъ, шобъ не пысацьця шо гѣду,—такъ тѣко тодї, якъ рѣблять хату, це трѣба за-бля тогѣ, шобъ вмѣсьти зъ хѣтою посвятѣвса бѣ и крестъ на свѣлоци.—Якъ стрѣюють хату, то пидъ свѣлокъ кладѣть якї нѣбудь грѣши, шобъ була хѣта грѣшовѣта.—Свѣлоци въ старынѣ цяцкывѣлы.—

выризували кружалки и ко-які цвиточки; тепѣрь це переводыцьця. Кружалки означаюцьця, шобъ жисть наша такъ ийшла, якъ на осі колесо, а наловняюцьця вонѣ у середѣни кружечкамы, серпамы, якъ молодѣкъ,—шобъ жисть була не пуста.

Шобъ красты и не попадацьця, такъ настоящи вѣры добувають собѣ чоловічого жиру, топлять зъ ёго свѣчки и зъ нѣмы тодѣ кудѣ хочъ: свѣтѣ й шаръ смилѣво.—Можно запасться кѣсткою зъ руки мертвеца, и нею якъ окрѣстышь вѣкна, дѣри и двирь який, такъ все спатыме, якъ у могѣли мертвеца, до тихъ пирь, поки назадь не одкрѣстышь.—Ще й такъ: первому вѣру, шо тѣко начинаеть красты, трѣба першъ укрѣсты шо небудь пидь страсты, абд пидь Велѣкдень, абд пидь Ризвѣд, та прѣмо такѣ пидь який небудь здоровый прѣзныкъ,—й не поасться, тодѣ крадь смилѣво,—не попадѣсья!

Якъ отдають дѣвку замижъ, кладуть у скрыню по куткамъ старѣнни грѣши, шобъ плодѣлысь—наживѣлысь грѣши.

Въ чѣстый четвѣрь сидають прѣхи на порѣгъ и прядуть—крутють нѣтку навпакѣ; нѣтки ци прядуцьця за-бля того, якъ розийдецьця рука, такъ нѣмы перевѣзують, шобъ не булѣла.

Покѣйныку кладуть въ домовѣну, абд въ кишѣню грѣшей зъ грѣвню (3 коп.) и прѣнычкѣвъ, за-бля того, шобъ булѣ чимъ одкупѣтысь на тимъ свѣтѣ одъ грихѣвъ, й отѣ грѣши ти винъ дасѣть Кѣсарю, а прѣнычки—Цѣзарю, шобъ пустѣвъ у рай.—Покѣйныку колѣсь становѣлы у гѣлови й штофъ (штовхъ, штохъ) горѣлки,—гробачѣ находѣлы,—то бъ то, кажутъ, бачъ, не наши булѣ похѣвани, а цыгане.

Шобъ чоѣ не забѣты, такъ завѣзують на хѣстоцьци вѣзлыкъ.

Шобъ дѣтѣй не булѣ, трѣба спалѣты мѣсто.

Краски—мѣсяшне у жинѣкъ бувае безперѣчь йдуть одъ того, шо йихъ хтось напоийвъ нѣмы, абд самѣ де встѣплять ногоѣ на чужѣ краску.

Важкѣй бѣби, якъ ще половѣны нема, не слидъ ходѣты дѣвѣцьця на мѣртвѣхъ, атѣ неживѣ найдецьця (родыцьця).

Якъ злѣкайсья пужарѣ и вѣзьмесья пѣтимъ за шо, то у дѣтѣвы, шо родыцьця, на тимъ мѣсци бѣде красне пѣятнѣ.

Нѣгги цвѣтѣть перѣдъ даранѣцѣю, абд обнѣвкою; задыраѣцьця

шкура на нѳгтяхъ не сама, то нечистый йихъ задыра за тымъ, шо въ недѣлью рѳблять.

Якъ мѳртвай прыснѣцьця, хочъ бы й чужий, то ёго трѣба помываты. Причитуванья мертвому:

„Ой тужу жъ я, тужу,		Тай такй й не дурно,
По чужѳму мѳжу,		За чорнѣньке рѳно“.

Возы у табури якъ шо лущать, такъ це вже чумакъ зна, шо пошь, якась ёму прычына та бѳде: абѳ жъ стрѣча зъ рѳзбѳйныкамы, абѳ жъ зъ ворягамы.

Щѳбъ рѳбѳчи мѳло ййлы и наййлысь бы, такъ кой хто за-бля цѳго стромля въ зѳмлю нижъ, стѳлеть звѳрху на ёму рядѣнце й станѳве тодѳ стрѳву и хлѳбъ-силъ. Скѳико ни йе, усй найидяцьця (накѳрмляцьця—нагодѳюцьця) и ще й зоста-нецьця пѳсля ййхъ стѳико обѳйидьдя, шо хвѳте й на другѳй день.—Хто цю хѳзѳйску прѳймху рѳзполоба, возьмы и выймы нижъ зъ пѳдъ радѣнця щѳбъ нѳхтѳ не вздривъ, и держй у себѳе, такъ тодѳ хѳзѳйна тогѳ такъ хвѳте сѳяшныця та зъ прозѳру, шо винъ знѳтыме свогѳ бѳтька.

Шапки не слидъ клѳсты на столѳ, бо не оберѳсья людъ-сьѳѳѳи напѳсты. Шапку мѳжно тодѳ на стилъ клѳсты, якъ шо йе въ въ кишѣни сто кѳрбуливъ, абѳ буде въ шапци у-трѳмлѳна гѳлка зъ нѳткою.

Щѳбъ бѳты на пѳци (на выдѳ) чѳстому, такъ, якъ бѳдѳшь у тѳждень сорѳчку надиваты, повернысь на зѳхидъ сѳньця и утрѳсь спѳнкою сорѳчки и вся нѣчѳсть, якъ шо й хочъ и не пропадѳ, такъ зѳйде вся на спѳну.

Щѳбъ скѳѳтына велѳсь и благополѳшна булѳ, то трѣба у за-горѳди за стрѳхою держѳты викѳнку свѳтогѳ Влѳсия.—Щѳбъ дѳты булѳ умнѣньки й учѳлысь грѳмоти бѳйко, то трѣба одѳвѳдыты ййхъ у шкѳлу на свѳтогѳ Наѳма (1 декабрь).

Щѳбъ завѳсты плодѳчѳхъ утѳть, трѣба берѳгтысь, щѳбъ не купѳты у тогѳ, шо бѳде жѳты одѳ тебѳ прѳты водѳ, а у тогѳ, якѳй за водѳю, щѳбъ вѳтка сама бачъ плывлѳ бѳ до тебѳ.—Утѳта мѳжуть дѳбре рѳзвестѳсь и одѳ тогѳ, якъ купышь, бувлѳ на зарѳзъ, та якъ нѣбудъ и облышишь, то цѳ бѳ то вутѳта (таѳ всѳтаѳи таѳе) зъ-пѳдъ ножа плодѳчи буваѳють, и у рѳку пѳдѳть.

Щѳбъ взнѳть, де шукаѳты втѳпленныка, пускаѳють на воду

чашку деревяну зъ огнѣмъ, и на якому мѣсци начнѣ вона крутыця, тамъ духа (скоро) ѣ знайдешъ мѣртве тѣло.

Свиней трѣба рѣзаты у чѣстый читвѣрь, шобъ не завѣдылысь чѣрвы у сѣлови,—шобъ то чѣсте сѣло булѣ.

У бишеной скотыны пидъ языкомъ завѣдыця червякъ; винъ невеличкий ѣ увѣсь въ шерсты. Одному чоловѣкови (хотѣвъ, бачъ, розглядѣты) такъ упѣався у ладѣню, шо ѣ не вѣтягы,—прѣйшлѣсь дрѣтомъ выпѣлюваты.

Журба прыключѣецця одъ несомѣру ѣ одъ того, шо нема ни грѣшей, ни хлѣба, а одъ журбы вже ѣ все лѣхо востайѣ.

Чимъ мѣжно побидѣты видѣму? Замѣтышъ видѣму у викни,—вонѣ, бачу, чѣсто ходѣтъ лѣзыты по викнахъ людѣй лякѣты,—такъ тѣко стулы ѣи дѣлю ѣ дай, отѣ ѣ все. Бѣдешъ де прохѣдыты мѣжъ бабѣмы, стулы двѣ дѣли ѣ заложѣ ѣихъ въ кишѣню, и отѣ, якъ шо ѣе мѣжъ нѣмы якѣ видѣма, то вона ни зацо не змѣвче,—чимъ нѣбудъ, а зачѣпе.

Сѣнце—Бѣже викѣнце.—На мѣсяци Кѣвилѣ Вѣвыля убѣвъ, тай на вѣла настрѣмѣвъ.—На молодѣкъ грихъ пѣльцемъ тѣкѣты, бо почорнѣе.—На молодѣкѣ заговѣрюютъ зѣбы; тай такъ годѣцѣя,—якъ уздрѣшъ, такъ перехрѣстѣсь на всхѣдъ сѣнца, шобъ увѣсь мѣсяцъ прожѣты безъ бѣды.—На вспѣвни мѣсяца дѣбре всѣку всѣчину солѣты, шобъ повнѣнка удалѣсь (кавунѣцѣ, огирѣи).—Якъ мѣсяцъ нарѣдыця зъ гѣстрымы кинѣцѣмы, такъ то бѣде увѣсь мѣсяцъ сухѣй,—а якъ зъ тѣпымы, шо ненѣче, якъ бѣдѣто губы одѣвѣсе, то бѣты ѣму мѣкрому и витрѣному.—Млѣчный путь—дорѣга зъ Кѣева у Юрусалѣмъ,—по нѣй св. Илѣя вѣзе свѣй грѣмъ.—Юрусалѣмъ—путь землѣ.

Якъ пѣрвый грѣмъ загрѣмѣтъ, такъ трѣба шо нѣбудъ спѣною подавѣты, шобъ не булѣла; це, шо набѣльшъ рѣблѣтъ бабѣ, шобъ у жывѣа не булѣлы ѣихни спѣны.—Страшна свѣчка бережѣецця одъ всѣкихъ прычинъ (вона згѣдывѣа).—Шо громъ запѣле, тогѣ тѣшѣты грихъ, бо то такъ угѣдно Бѣгу, а бѣдешъ тѣшѣты, бѣде бѣльшъ горѣты и водѣ нѣпочѣмъ, хѣба молокѣ ѣе, такъ нѣмъ тѣко ѣ мѣжно утѣшѣты.—Громъ не пѣле, винъ тѣко гуркѣтытъ, а пѣле стрѣлѣ; вона видѣты летѣтъ ѣ скрѣзь зѣмлю прохѣде, якъ ѣе на другѣй свѣтъ; ѣиѣй незвѣд чѣго нѣбудъ не запѣлѣты, бо вона огнѣмъ себѣ очѣща.—Громъ

гремятъ—св. Ильля на колесницы зъ Богомъ розиджа;—св. Ильля горшки вѣзе.—Богъ грѣма свѣрыщца на людей, щобъ не гришлы, та хрестылысь.

Градомъ мѣють очи, щобъ не булылы.

Поки райдуга на нѣби бѣде, то й потопу не бѣде, бо вона спыня воду, не даѣ йий ходу: якъ чимало наберецьця, отѣ вона заразъ однѣмъ киньцѣмъ спускаѣецца у воду, а дрѣгимъ подаѣ на тѣчи и зновъ ту воду розсыва.

До Ильи тѣчи ходять прѣты вѣтру, а зъ Ильи—за вѣтромъ.

Наша земля—маты Тытяна. Земля дѣржицьця на китъ-рыби.

Якъ бѣде жѣто перѣдъ покѣсомъ лежаты на всхидъ соньця, то жды зиму глыбѣку. Якъ сонце зийде на Вдѣкию (Явдѣкию) у хмари, а зъ пивъ дня вѣясныцьця, такъ урожай пизнишого посыва бѣде лѣчче одъ раньнѣго; ну, а все-такѣ це бува тѣки у врожайни гѣды.

Замѣть отъ Сперыдона й до Риздѣа, ци двонѣдцѣть днѣвъ и знай, якѣй колѣ бѣде день, такѣй и бѣде весь той мѣсяцъ. шо на ѣго прыпадѣ.—Зирки падають у осенѣ, перѣдъ голодомъ и мѣромъ. Мѣтлы являюцьця на нѣби перѣдъ якою нѣбудъ котурьмѣю, бѣчою, войнѣю.

Домовѣ ѣе. Вонѣ дѣшутъ, налягають на людей у ночѣ. якъ вонѣ поснѣтъ (обиснѣтъ). По йихъ мѣжно взнѣты своѣе щасѣя: возьмѣ тѣко й спытай абѣ подѣмай: „чи на хѣдо, чи на добрѣ“? то винъ й одвѣте: „ху“! абѣ—„до“! (хѣдо, добрѣ). Мѣжно ще й полѣпаты ѣгѣ, якъ шо бѣде винъ въ шерсты, то къ богѣству, а гѣлыѣ—къ убѣжеству. Домовѣ перѣдъ якою нѣбудъ причѣною пускають воду изъ стѣли на доливку, на стѣль, а лѣчалось, шо йидѣть, а винъ прѣме у мѣску такъ й попѣсте.—Цѣпѣвъ дѣржуть у конюшни за-бля тѣго, щобъ у ночѣ йѣздылы на йихъ домовѣ.—Якъ шо домовѣ бѣдѣтъ заплѣтѣты грѣву шкѣпы, то та шерсть ѣде пѣдвору.

Кѣнь у вѣхиръ нѣжъ, абѣ склянку, бѣде въ кровѣ; отѣ, бачъ, нечѣстого тамъ уразышь.

Пѣдъ голѣднѣй свѣтвѣчиръ (Брещѣнья) пѣшутъ скрѣзь по вѣкнахъ крейдѣною хрестѣ, й по дѣрѣяхъ, по горшкахъ, кѣчѣрѣгахъ и скрѣзь по подѣрью: по кумѣряхъ, закрѣмахъ, возахъ, сѣняхъ и такъ дѣли. Ци крестѣ ѣе стѣрають на трѣтѣй день, щобъ кѣры булы несѣщи.

Въ опівночи пидъ Крещенья вода буруйе въ Йёрданьскому кресті; ту воду беруть тоді ти, шо личуть одъ урікъ.

Пидъ чистый четвёръ середъ нѣчи и въ самыи четвёръ вравыци до схида сонья хвори болячкамы, не чистотамы купающья у рицьци; забавляющья жъ одъ всякой такойи скверноты тѣко ти, хто первыи влѣзе въ воду.—Купающья одъ такыхъ же причинъ й тоді, якъ святыщья вода у рицьци.

На Крещенья въ Йёрданьский крестъ убиваютъ у головы коляку за-бля того, шобъ бджолы клалы медъ собѣ у вѣликахъ до головы, а якъ хто опѣсли ту коляку вѣтягне самъ свойими рукамы, томѣ бѣдутъ ийтѣ бджолы.

Кытай пиднимецья передъ страшнымъ судомъ, — передъ кончиною.

Вьона незья йисты, винъ гадючойи порѣди.—Голубивъ грихъ йисты, въ ихъ вселявся Духъ Святыи, а хто йистъ, такъ не рѣжутъ, а одрываютъ йимъ головы.

Писля Ильи негодыщья купащья, буде болѣты голова (тудѣ Лья (Ильѣ) напѣсте шѣ).

На покути ставляютъ на сини озваръ и кутѣ пидъ Риздѣ — богатый святвечиръ й на голодный святвечиръ; кутѣ означа тѣло Хрыстоѣ, озваръ—кровъ, а сино ѣсли, де родѣвся Господъ.

Страшнѣ крестѣ стыраютъ зъ сволокѣвъ на середокресний ведѣльи.

Горобецъ—проклятыи, винъ, якъ роспыналы жиды Христа, такъ кричавъ: „живъ, живъ“! разбойныки вернулысь й вбѣлы Емѣ залізный гвоздь у саме сердце.—Залізнымъ гвоздямъ й Бѣже якъ грихъ збываты грѣбы, иконы и склепуваты, крипѣты иконостасъ.

Йндычу голову негодыщья йисты; вона дурна и схѣжа на гадючу. Индыка сама уричлива пѣщя.

Гусы купающья,—дощъ бѣде, а прѣтивъ холоду носѣ пидъ крѣла ховаютъ.

Пивень на порѣзи кричатъ —гостей сподиваѣецья.

Передъ умерущимъ собака рые ямки, а передъ пужаремъ вѣѣ.

Курья спива пивнемъ передъ причиною, а шобъ мынѣты йийи, возъмѣ впиймаѣ, змиръ йийи одъ стола и до порѣга, и чимъ прѣйдещья до порѣга, те й одрубай. Прѣйдещья головою, одрубай и закынъ, а зъ нейи борщѣ наварѣ, та йийи помьянѣ,—

а якъ шо хвостомъ, одрубай и пусты, вона буде хазайка, несуха й сыжуха.—Курьця—Бѣжа птыця; вона, якъ родывся Сусь, такъ кыгтямы загортала Егѡ, шобъ не знайшовъ якій Иродъ.

Дорѡгу перебижить, перейде пипъ, собака, кышка, зъ порожними вѣдрами, зъ сметгьямъ—добра не жди.—Зъ пѡвнымъ чимъ переходѣ, абѡ перейжджа,—бѣты щастю.

Сычъ бѣде крычатъ де на осѣли: „сплю! сплю!“—перѣдъ умерщшимъ, а якъ бѣде тико: „гавъ! гавъ!“—то це перѣдъ якимъ звѣстьямъ.

Кышка умывайецця—перѣдъ гостьямы; куды головою, видьты й ожидай.—Кышка шкряботытъ кыгтямы по стынѣ, бѣде якъ нѣбудъ хуга; на пичѣ спытъ, абѡ у грубу влѣзе—перѣдъ морѡзомъ, сѣредъ хаты розвѣрнецця—на теплѡ.

На Здѣвѣженья вси гады злизяюцця до кѣпы вѣ одну яму,—та тико ти, бачъ, шо ни людѣй, ни скотыны не кусалы,—й лыжуть тамъ камѣнный стѡвѡбъ и тымъ зимуютъ до веснѣ.—На Здѣвѣженья неззя у лисъ ходыты, бо провалыся до гадѡкъ у яму. Разъ пишѡвъ такъ одыньчоловикъ и попавъ мижъ ныхъ, то вонѣ такъ и сѣнулыся булѡ кусаты, а старша якъ засычытъ вонѣ й назадкѣ: началѣ лызаты камѣнный стѡвѡбъ и йѣго пхнуть туды жъ; полызавъ й ставъ по ййхнѣму понимать,—та такъ прожывъ зъ нымы до сѡмойи веснѣ; вѣлизты жъ самѡму нѣкъ булѡ неззя:—така глыбѡка яма.

Хто рѡтомъ зивѡ-позиха, томѣ трѣба ѣгѡ перекрестыты.

За столѡмъ грѣхъ ногѡмы махаты, бо тымъ чортывъ колышешъ.

Свѣдовѣ жѣто называецця те, шо на дзелень косыцця, вонѡ й на цвѣтъ бѣде прозеленкувате, на висъ вѡжче, й на утрѣнокъ здоровѣше.

Отныкъ бува у дѣтѣй одъ тѡго, шо вонѣ плюють на огѡнь.

Не беры у ротъ грибинця, а то плѣсьнявка нападѣ.

Якъ вѣпаде у малѡйи дыгыны зубъ, такъ йийѣ учать закынуты ѣгѡ на горыще й казаты: „мышка, мышка! на тобѣ костяный зубъ, а минѣ дай залѣзный!“

На Головосѣка (Усѣкновѣнѣ главы св. Іоанна Прѣдтечи) не вѡрютъ борщѣ й не крышуть головокъ капѣсты и ничѡго не рѣжуть такогѡ круглогѡ, шобъ булѡ похѡже на гѡлову,—це бачъ за-бля тѡго, шобъ не врѣзаты й собѣ головы Прѣтѣдчинойи и не дѣлаты цѣгѡ примѣру, бо особлѣво капѣста,—вона врѣбуецця.

Старѣ бабѣ понедѣлкують: абѣ жѣ ничѣго не йидѣть, абѣ жѣ йидѣть, та писнѣ. Йе й такѣ, шо пѣатынкѣють: йидѣть вони разѣ у день и то у вѣчери.

Первыѣ дзвинѣ—чортѣмъ на розгѣнѣ; другѣй—на збирѣ ѡнгеливѣ, а трѣтѣй—людемъ на покликѣ; отѣ тоѣго и не крѣсь-тощѣца тодѣ, якѣ бѣвкуть тѣко разѣ.

Якѣ узнатѣ, колѣ корѣва отѣлыщѣца? На Мылѣнки трѣба спектѣ зѣ сѣромѣ пирижѣкѣ и питѣ зѣ нымѣ у зѣгороду перѣдѣ вѣчѣрею и дывѣщѣца,—кудѣ бѣде корѣва лежатѣ головѣю; якѣ шо на всхидѣ сѣнѣца,—у ранѣци бѣде, на вѣюгѣ—о пѣвѣ дни, на сѣвирѣськѣ—у полудѣнь, на зѣхидѣ сѣнѣца (западнѣй)—зѣччу.—Скотѣна понимѣ лѣчче чоловѣка, та тѣко не балѣака; зѣна то й балѣака, та тѣко у ночѣ пидѣ Риздѣвѣ и Вѣлѣкденѣ.

Цигѣне на облыщѣца такѣ, якѣмы Богѣ создѣвѣ первѣхѣ людѣй; вони й тепѣрѣ такѣ живѣть, якѣ жилѣ людѣ значѣлу свѣта.

Нѣша жистѣ—вѣтивки.

Осѣька прѣклята за те, шо на нѣй повѣсывѣсь Юда.—Осѣька зѣдывѣва и для лѣкивѣ подѣба.—На Сѣмона Зѣйлѣта ходѣть у нѣсь за травѣю ти бабѣй, шо бабѣють и лѣчуть одѣ всѣькой жѣячины людѣй и скотѣну; травѣ та то жѣ зѣдывѣва, й одѣ жѣькой бѣлисти пособлѣ.

Якѣ тѣко первистѣка отѣлыщѣца, провернѣй йѣй прѣвѣый рѣгѣ, насѣпѣ тудѣ святѣго мѣку, шѣбѣ молѣшна, бачѣ, булѣ, потимѣ керувѣмѣьского ладанѣцю, шѣбѣ нѣякий нечѣьстѣй не пидчѣпѣвѣся, и кѣнѣцѣ голки жалѣмѣ у гѣру, шѣбѣ вѣдѣму колѣбла, и тодѣ-це возѣмѣ и забѣь осѣьковѣмѣ кѣлкѣмѣ изѣ клѣчанѣнья, шѣбѣ же жѣ булѣ до сѣмойѣ йѣьей смѣрты нѣкѣмѣ ненарушѣмѣ.

Шѣбѣ плодѣьлѣьсѣ индѣьки,—ходѣть пидѣ Стрѣьтынѣьна на рѣчку, шѣбѣ до колѣдѣизѣ; ну, зѣвѣсно жѣ, опѣвночи, и дѣржуть ту вѣду, шѣбѣ кропѣьты нѣю инѣьдѣшѣьтѣ одѣ урѣкѣивѣь.—Трѣба звѣзѣьты зѣвѣьый нѣхворѣцѣанѣьый вѣьныкѣь и вѣьместѣь нымѣь трѣьчи у годѣь: за Риздѣвѣь, на Благовѣьщанѣьня и на Вѣлѣькденѣь; а тодѣь схѣььаты и дѣржѣьты за-блѣьа такѣьой прѣьгѣьды: якѣь вѣьлуплющѣьца индѣьки, шѣбѣь гусѣь, такѣь отѣь умѣьчѣьь еѣьдѣь у помѣььныцѣью и покропѣьь йѣьхѣь нымѣь, тодѣь, бачѣь, нѣьхтѣь вѣьже не згѣььлѣьзе, а якѣь бѣьдѣьшь вѣьга-ѣььты зѣь двѣьору на вѣьгѣьнѣь пѣьсты, такѣь тѣьмѣь же вѣььныкомѣь опѣьььтѣьь и прѣьганѣьь йѣьхѣь и все бѣьде горѣьздѣь—благѣьполѣьшно.—Шѣьбѣь

плодылысь кўры, трѣба вѣминяты у старьця десятокъ яйецъ и пидсыпаты нѣмы квѣчку.—Лучайецьця, шо гўска, абѣ кўрыця зъ яйцѣмъ, а ниякъ не знесецьця цѣлый день, два й три и мѣже зъ тѣго пропасты; то трѣба протягты йийи трѣчи кругѣмъ скрїзь штаны (у холошу й вытягаты), и вона тоді знесецьця. Це лѣхо шо набильшь трапыцьця зъ усакою птыцѣю одъ тѣго, якъ йийи глядять (чи зъ яйцѣмъ), та невзначай, бува, повернешь догорѣ ногамы, абѣ пўзомъ угѣру.—Кўрка хвостѣмъ круте перѣдъ бурѣю, абѣ жъ митѣльлю.—Горобци цвириньчатъ на дощъ. Гусакъ стоить на одной нозѣ и нисъ хова у пѣрѣя, значийця бѣты инышый погоди.—Удодъ на осѣли де бѣде довбаты носѣмъ и крычатѣме, то тамъ (у тимъ дворѣ) шѣсь недѣбре бѣде („Хѣдо тутъ! хѣдо тутъ!“).

Черѣзъ порїгъ не трѣба рукы даваты, якъ прощаеться, атѣ полаетесь.—Силь нывзначай просыпешъ на столѣ, то значить, полаетесь зъ кѣмсь.—На вѣворотъ сорѣчку, абѣ шо нѣбудъ надѣнешъ, тѣже бѣты якѣй нѣбудъ напасты.—Чѣбитъ не на ту нѣгу вбѣешъ—бѣты невдачи.—Якъ перелякаецьця чѣгѣ дытѣна, такъ трѣба скїнуты зъ нѣйи сорѣчку и надѣты йийи назалъ пазухѣю.—Якъ крѣпко забьецьця обѣ шо дытѣна, такъ трѣба на те мѣсце, обѣ шо бачъ вдарылось, лынѣты холѣдной водыци, шѣбъ злѣки не напалы, а до болячого мѣсяця трѣба прытулыты мѣдныи якѣй нѣбудъ грошъ.—Якъ яка зла собѣка тебѣ вкусе, такъ ты ввырвы абѣ вѣстрыжи (хѣщъ и лѣды це нехай зрѣблѣютъ) зъ нѣйи шерсты, спалы йийи и прысыпай угѣшене мѣсто.—Шѣбъ не буяцьця мертвецѣ и у нѣчи видъ ѣго не жахѣцьця, не забѣдъ (трѣба), якъ прѣйдешь зъ клѣдовыща, такъ першъ всѣго зарѣазъ за кѣминъ рукѣю взѣцьця.—Якъ пьешъ горѣлку, такъ не оставляй на дни ничѣго, дошывай вси стѣчки, шѣбъ булы сыны и дѣчки.—Шѣбъ не булѣ дѣтѣй, такъ достаѣютъ дѣброго намѣста (корѣаллы), трутъ и йидѣть.—На середокрѣсну дорѣгу якъ зыйдешь, абѣ зыйдешь, такъ трѣба хрѣстыцьця, бо тамъ зблѣгаецьця тудѣ вся нѣчистъ.—У хѣти якъ шо трѣсне, абѣ лѣсне, такъ бѣты якѣйсь прычѣны, звѣстию, абѣ перѣдъ умерѣщымъ.

Первый понедѣлокъ у велѣкѣй пистъ зѣвѣцьця „жѣловый“,—тоді йидѣть рѣдѣку.—Якъ йидѣть кутѣю, такъ стрѣляютъ, це на багѣтый святвѣчиръ, а якъ провожаютъ йийи на голѣдныи святвѣчиръ, такъ бѣютъ дрѣкомъ обѣ угилъ глухѣйи стѣны.

Якъ великій морозъ, то треба нащитаты пивсѣтнѣ лысыхъ дидивъ.—Якъ жаба вѣнецьця чоловіку въ тѣло, такъ йийй треба одриваты ничимъ другимъ, якъ ковальськымы кліщамы.—На 40 мѹчиныкывъ печуть сѣрокъ жайворонкывъ.—Малыхъ дитѣй зовуть жайворончкымы, голубьяткомъ й зозулькою.

Де ластивка гнзидѣ змѣсте, въ томѹ дворѣ щасѣтя, а якъ розорышь ёгѣ, то вона може й спалыты.

Якъ скотына обдымаѣецця, такъ пышуть йий на здухахъ хресты дѣгтемъ, дають сала, сиривцю зъ нашатыремъ, дѣгтемъ у рѣти мажутъ и, якъ шо одъ цѣго не помѣжецьця, пробывають здухи ножѣмъ, и отѣ духъ вѣйде, й пышѣвъ тодѣ жыты.

Волы закидають собѣ хвосты на спыну—бѹты дощѹ.—Ворѣны й галкы выграють на вѣтеръ.—Дымъ на зѣмлю зъ трубѣ стѣлецця на сырѹ погѣду.

Шобъ торгѣвлю одбѣты одъ другыхъ, прывьяжи до замка тры диркача зъ вѣныка.

Йе такы люде и скотына, шо не дають одъ себѣ плѣду; такъ шобъ давалы,—булы бѣ то плѣдѹчы, треба вкрасѣ очкѹрь зъ тыхъ штанывъ, шо скыне хто пидъ недѣльлю, й навѣсыты ёгѣ собѣ на шыю, та такъ и ходы; пысла цѣго поважчайешѣ.—Одъ цѣго жѣ такы зберають те пшонѣ, шо кашовары просыпають на-поли, абѣ де нѣбудъ на дорѣзи, вѣрють ёгѣ й йидѣть.

Той, комѹ йыхаты сѣяты, надивѣ на страсты новѹ сорѣчку, а, прыйшѣвши до дѣму, скидѣ; пѣтимъ надивѣ опѣять цѣю сорѣчку, якъ йде на плащаныцю, и, прыйшѣвши до дѣму, зновъ скидѣ; тепѣрь въ трѣтьте вже, надивѣ йийй тодѣ, якъ прыйдецьця йыхаты на нѣву сѣяты. Якъ шо зрѣбышь такъ, то й шпеныця бѣде чѣста, безъ будякывъ.

На середохрѣсний недѣльли, у сѣреду, бабы учинають кысто, у четвѣрь изъ кыста лыплатъ хресты и, въ пѣрвый злыплиный хрестъ, кладѹть який нѣбудъ грошь; вѣпеченый цѣй пѣрвый хрестъ односыть и кладѹть у ту шпеныцю, шо будутъ розсываты, а якъ настѣне порѣ сѣяты, то до схидъ сѣныця, вмысьти зъ шпеныцѣю, вывѣзѣть на нѣву й хрестъ; пѣтимъ. прыйхавшы, становлюцьця, кладѹть хрестъ на зѣмлю на риллы, хрѣстюцьця, й, прыйшѣвши сивѣкъ, вѣнь отѣ лежить, тодѣ моляцьця Бѣгу, берѹть той хрестъ, ламають й йидѣть, а останны хресты тожѣ

Йидать дома домашни уже тоды, якъ прийдуть зъ нывы и привезуть вмѣсто хреста грошь. Грошь достаецьця тому погоничеву—хлопцу, або дивчини, хто не проспѣть.—Печуть хресты зъ грѣшмы й на щасья: напечуть, и берѣ собѣ жадный по старшинству, кому попадѣцьця щасья.

Мьясо укѣсне бува пясля того, у кого рука легка; унаецьця це такъ, якъ шо пидкидаецьця зарѣзана кѣрка, або барань, отò й добре! а якъ же ни,—то буде неукѣсне, хочъ геть вышпурны.—Важка рука дѣлаецьця одтого, шо шо небудь убывають, а особливо скаженюку.

Якъ бѣшину собаку, або шо небудь убьють, такъ те паличка або чимъ ты бывъ, бросаютъ на тимъ мѣсти, щобъ вона не встала; а якъ шо хочешъ взѣты, такъ треба попереду висимъ разъ скрызъ огонь йийи провесты, щобъ очыстлось.—Якъ убиту собаку переволочешъ на друге мѣсце, такъ може ожѣты.

Якъ у малòго дытѣты нема на очахъ мясыцѣ, шо чѣсти бачъ, будуть, то то означа, шо дытѣна не вѣросте, а вмре.—Якъ буде дытѣна собю глѣзѣва (сыра, важка), то тожь умрѣ.—Якъ начнуть у дытѣны впередъ у горѣ росты зѣбы, тожь вмре.—Якъ хто вмре й дѣвыцьця однѣмъ окомъ, то въ тѣй симѣ ще хтось вмре.

Шобъ не текло зъ вѣконъ, треба вставляты йихъ на писноòго Йвѣана (Головосѣка).

Якѣй день бува на Благовѣщенья, такѣй буде й на Великдень.—На Благовѣщенья и Великдень сонце граѣе—радуецьця.

Шобъ удалась бакша, сий у ту пѣятницю, шо пясля Великодня (колыбъ вона не була).

Градъ чи малу шкòду рòбе, а шобъ ёгò спынѣты, такъ якъ розѣйдецьця винъ, то бабы мирьщѣй нехай выкидають зъ хѣты на двѣрь помелò, лопѣту (шо хлибъ сажаютъ), кочергѣ, чалѣйку й рогачѣ, и градъ увѣймѣцьця.

Треба запасацьця страшноòу свѣчкою, шобъ вона була зъ двонадцѣты годѣвъ (12 разъ шобъ була на стрѣсты); у когò ѣе така свѣчка, такъ той, де схòче, тамъ и постаѣе собѣ хѣту. й всѣке хозѣйство ёму буде йты, й не прыстане до ёго нѣяка нѣчѣсть; треба тѣко, бачъ, ту страшнѣу свѣчку растòплюваты у каòанчику и обкѣрваты нею вси пожѣтки.

На дѣтяхъ не годѣцьця ничѣго зашива́ты, а то умъ прише́цьця.—Якъ жѣнка у та́гости, та бѣде на соби шо зашива́ты, такъ дытѣна бѣде коли́ка.

На Спыридо́на (12 декаб́ря) трѣба трусы́ты я́блунѣ, гру́ши, ду́ли (бармо́ты), ви́шни (яго́ды) ѣ те́рень, шобъ уроды́лысь.

Шобъ булы́ плодѣ́чи кѣры, такъ загодѣ́вуютъ на Но́вый годъ кѣтею, на Хре́щѣнье тожъ годѣ́ютъ нею ѣ ще ѣ крѣплять свято́ю водо́ю.—Шобъ кѣры плоды́лысь: на Но́вый годъ, якъ прѣйду́тъ пе́рви посыпа́льни́ки, такъ ты ѣихъ посады́ на ла́вци, а самъ пиды́ зъ кочерго́ю на сѣдало, де куры сѣда́ютъ, ѣ попра́сай ѣихъ; тоды́ прѣйды́ въ ха́ту ѣ дай тѣмъ хлѣ́пцямъ, посыпа́лькамъ, шо Богъ посла́въ (грѣши́къ, абѣ ла́сощивъ—прѣвы́къ, канхвѣ́тъ).

Якъ прѣйду́тъ зъ вече́рни на голо́дный свѣ́твечиръ, такъ берѣ́тъ соки́ру, ѣдутъ зъ нею у садо́къ ляка́ты я́блукѣ и все те, шо ѣе; пидѣ́де оцѣ́ зъ сока́рою до я́блунѣ ѣ намы́рыцьця, якъ бѣ́до руба́ты хо́че, и прыка́зуе:—„якъ бѣ́дешъ рожа́ты, не бѣ́ду ѣ руба́ты; не бѣ́дешъ рожа́ты,—бѣ́ду руба́ты“, та тамъ и цю́кне по нѣй тры́чи—примѣ́рь зрѣ́бе, тоды́ ѣде да́ли.

Ти палы́чкѣ, ко́три лежа́тъ на каду́шци зъ водо́ю, шо на ѣихъ кла́дѣтъ по́пы хре́сть, якъ свѣ́тять во́ду, такъ на ѣихъ позѣ́ха жа́дныѣ ѣ коло́тыцьця за ны́хъ (коло́тне́ча бува́ не ма́ла), шобъ то́му ѣ то́му взѣ́ты, бо якъ ти палочкѣ́ бѣ́дешъ мѣ́ты (имѣ́ты), такъ бѣ́жбы ѣтѣ́мутъ.—Шобъ бѣ́жбы водѣ́лысь, вбыва́ютъ и вынима́ютъ по́тимъ ко́ляку зъ голо́вы Иѣрданьска́го хре́ста́.

Якъ шо до́хле дерѣ́тъ ноже́мъ, такъ шо упра́вци сли́дъ очища́ты той нѣ́жъ одѣ́ скверно́ты: ѣго́ тры́чи стромля́ютъ у зе́млю; тре́тѣй разъ якъ устро́млять, такъ не выѣ́маютъ тры́ часа́, шобъ очища́вся одѣ́ всѣ́койѣ по́гани; атѣ́, бачъ, якъ не зрѣ́быты цѣ́го, то ѣ незѣ́зя ны́мъ бѣ́де рѣ́заты ны́ мя́са, ны́ хлѣ́ба.

Шобъ вся худѣ́ба бу́ла здо́рова, такъ роспу́ска́ютъ ла́данъ ѣ кро́плять ѣйѣи́ свято́ю водо́ю тоды́, якъ вона́ освяща́ецьця.

Чѣ́рного пѣ́вня нѣ́якъ не сли́дъ держа́ты у дво́рѣ, бо тамъ, де вѣнъ ѣе, нѣ́ко́лы не живѣ́тъ въ со́мѣри чолові́къ зъ жѣ́нкою, а все межъ нѣ́ми распрѣ́.—Шобъ нѣ́шкомъ зрѣ́быты въ якѣ́й симнѣ́ бѣ́чу мѣ́жъ чолові́комъ ѣ жѣ́нкою, трѣ́ба понести́ ѣймъ ударѣ́ванну чѣ́рну кѣ́рыцю.—На новосѣ́лля, якъ хто до́брѣ́ му́се, хо́-

дять зъ хлѣбомъ—силлю, а якъ хто ни, то зъ примхамы: да-
рують грѣбинѣць и чърку на тарѣльци; грѣбинѣць означа не
сомырну жисть, чърка—пьянство, а тарѣлка—нову жисть.

Шо найдешъ на дорѣзи, здря не берѣ, а першъ перехрестѣ ёго.

Дытѣна рѣдыцьця у сорѣцьци (зъ мѣстомъ),—означа, шо буде
вона багата,—а зъ зубамы,—зла; съ косою звѣди—бѣты красы-
вий, абѣ духовного порядку.—Якъ рѣдыцьця дытѣна, такъ ѣе назна-
чають (перве слѣво), чимъ бѣты: пѣномъ, хлѣборѣбомъ, кунцѣмъ.

Якъ посаджють хлѣбъ у пичъ, такъ не трѣба дверьми стѣ-
каты, атѣ палянѣци невдѣли вѣйдуть,—осѣдуть.—Якъ печуть
паскѣ, такъ примчѣають: гѣрни владѣцьця, гѣрна ѣ цѣлѣй
годъ буде жисть, а ни,—бѣты плохий.—Паскѣ осѣдають абѣ
бувають порѣзни передъ умерѣщимъ.

Не тѣею ногою (не правою, бачъ) на порѣгъ абѣ черезъ
порѣгъ ступышь—бѣты бѣчи.

Тройцькими святкамы ти бѣби, у якѣхъ ѣе корѣви, вывер-
тають на себѣ кожухъ, ѣдуть у загороду до корѣвы и лякають
ѣий за-бля того, шобъ и вона лякала такъ вѣдму, якъ прѣй-
де ѣий дойты.

Гѣлу гѣлку зъ рукъ незьѣ такъ браты, а трѣба поперѣду
уколѣты нею.

За обѣдомъ полѣжишь лышню лѣжку на стилъ—бѣты го-
лѣдному гѣсьтю.—Хто за кутѣю, якъ ѣистыметъ, чхне, такъ
буде во всѣмъ щаслѣвий и багатый.

Якъ спѣстыцьця надъ тобѣю манѣнький павучѣкъ, ти ёго
задавѣшь,—буде гостъ, а якъ же ни,—буде письмо, абѣ якѣ
звѣстѣе.

На Стрѣтенья зима зъ лѣтомъ стрѣваецьця.

На Анныно Зачѣтѣтя (9 декабра) вовки зачинають бѣгаты
тѣчкамы, а на Хрѣщѣнья бросають.—Якъ сѣка изъ тѣчки не
кѣнецьця, то ѣ вовкѣ—ни одѣнъ ѣ не подѣвыцьця на того,
хто по-бля ѣихъ проѣжда, абѣ прохѣде.—Скѣко недѣль Рѣз-
вѣяного мясойѣду, стѣко ѣ вовкѣвъ самѣвъ буде за вовчѣ-
хою бѣгаты.—Жѣдка вовчѣха за всю свою жисть одѣнъ тѣки
разъ прывѣде (выплѣжѣе) вовченѣтъ, а бѣльшь ужѣ—ни, це
якъ бы вона шо году ѣихъ водѣла бѣ, то ѣихъ бы булѣ стѣко-
якъ тепѣрь у насъ собѣкъ.

Гадюка якъ наведѣ гадючинягъ, то възьме ѿ обивьѣцьця зъ нѣмы на суцѣ (сукѣ) ѿ начнѣ ѿихъ ѿисты и отѣ, кѣтре впадѣ, втѣчѣ. те тѣко ѿ застаѣцьця жѣты, а то, якъ бы вона цѣгѣ не робыла, хибѣ бѣ ѿихъ стѣко бѣло бѣ?

Все цѣ такъ Богъ давъ, а прѣйдуть времена, шо всѣгѣ на-мнѣжыцьця,— ѿ дзвѣру, и людѣй,— и дзвиръ дзвѣра бѣде ѿисты, а людѣ людѣй“.

Пѣсни. Приспѣва дѣтямъ бля колѣски:

„Ой, ну-ну, скѣрва кѣцю,
Шкодѣ ходѣть по водѣцю.
Шкодѣ ходѣть по водѣцю,
Бо юпадѣшь у крейнѣцю.

Ийшла кѣця по водѣцю
Та ѿ юпѣла у крейнѣцю,
Крычѣть тодѣ репетѣе,
И нѣхтѣ ѿийи не ратѣе.

Зачѣувъ кѣтыкъ, вѣбѣгъ зъ хѣты,
Пишовъ кѣцю выгѣгѣты.

Пишовъ кѣцю выгѣгѣты
Та ѿ вѣтягъ за вѣши.

Ой, вѣтягъ за вѣши (за вѣхо),
Поставывъ на сѣши (на сѣхо).
Обтрусѣлась зъ водѣ кѣця
Та ѿ стѣла весѣла.

Сушѣсь, сушѣсь, моя кѣця,
Я пидѣ изъ сѣла.

Пидѣ я скризъ долѣною,
Ззорѣ нѣву тернѣною.

Ззорѣ нѣву тернѣною,
Мѣтирку посию.
Мѣлось бѣты бѣ матѣроцьци
И уродѣвсь лѣсѣчекъ,

И уродѣвсь лѣсѣчекъ,
Порѣсь лопушѣчекъ;
А я пидѣ ѿ ю лѣсѣкъ (-сѣчекъ)
Та ѿ вѣрижу лопушѣкъ (-шѣчекъ)

„Э... э... люлѣчки,
Шовкѣвийи вервѣчки,
Мѣлѣвани (золотѣийи) бѣльця
Пишлѣ до Кѣрильця.

Та ѿ вѣрижу лопушѣкъ (-шѣ
чекъ)

Та ѿ пошѣю кожущѣкъ (-шѣ-
чекъ)

Та ѿ надину на кѣцинѣкѣ,
А зъ кѣцинѣкѣ знѣты.

А зъ кѣцинѣкѣ знѣты

Та (Марѣси) дѣты.

Бѣдемъ, дѣню, укривѣть (-ѣты).

Шѣбъ теплѣнько бѣло спѣть
(-ѣты).

А (Марѣси) манѣсенѣка,
Вона спѣтки радѣсенѣка,
Вона бѣде мѣвчѣки спѣть
Та ѿ не бѣде плѣкѣть.

Бѣдѣ спѣла ѿ не плѣкала,
Бѣдѣ рослѣ ѿ не хворѣла.
Бѣдѣ рослѣ ѿ не хворѣла,
Сѣмѣй щѣсьтя спѣдѣбѣла.

Лѣцѣмъ бѣла, сѣрдцѣмъ щѣра’
Ийи кѣсточѣки у рѣсточѣки.....
Кѣстры грѣють, выгравѣють,
Нѣньку зъ хѣты выгѣнѣють.

Пишла нѣнька, тынѣючи,
Пидѣ вѣконѣю пытѣючи,
Тѣмъ, де хѣтка ѿе теплѣнька,
Де дѣтына ѿе манѣнька“.

Шѣ Кѣрильцѣ рѣбе?
Вѣнъ пѣсьмонѣка пѣше.
Вѣнъ пѣсьмонѣка пѣше,
Дѣтыну колѣше“.

* *
 * *
 „Э... э... Тылѣшику,
 Звары минѣ кулѣшику
 Зъ руйцамы, зъ ножцамы,

Изь бѣлымы плечцамы.
 Изъ карымы очцамы“.

* *
 * *
 „Коту сѣрый, коту бѣлый
 Не ходы по хати,
 Не цокоты чобиткамы

И незбуды дятаты.
 Вонд ище манѣсенке
 И спатоньки радѣсенке“.

* *
 * *
 „Э... э... люди котусю,
 Займы нашу телусю
 Ой, вы, хлѣнци, хлопьята,
 Де вы паслы телята?
 На поповий толѣци,
 А тамъ травы по бѣци.
 Кинь бижить, трава шумить,

Пидь тымъ конѣмъ козакъ
 лежить
 Порубаный, поцѣканый
 Ще й дрѣтыкомъ поштрикан-
 ный (2 раза).
 И писѣчкомъ прысыпанный.
 Одъ сѣнечка погоривъ.
 Одъ витроньку почорнивъ“.

* *
 * *
 „Э... э... коту, котку,
 Не лизь на колѣдку,
 Не лизь на колѣдку,
 Розибьешъ головку.
 Головка бѣде болить,
 Ничимъ ийи завертить.
 Одна була хустына,
 Та й ту вкрала дивчина.

На куклы подрала
 Кукѣль нарѣбла, (2 раза)
 Кота оженѣла,
 Дивчатъ подражняла.
 Въ печѣ затопѣла, (2 раза)
 Куклы попалѣла,
 А котѣви-воркотѣви
 Гѣлову набѣла“.

* *
 * *
 „О—ой коту, котѣчокъ,
 Укравъ котыкъ клубѣчокъ
 Та й пишовъ до Гали,
 Положивъ на лави.
 Стала Галя бѣты,
 Стала котѣ вѣты:
 Не вчись, коту, красты,
 Цурайсь одъ напасты.
 Та вчися робѣты,
 Черевѣчки шѣты—
 Й чѣлочки (пончѣхи) зъ мачѣдочки

И черевѣчки зъ бабачка
 Якъ выйду (я въ ныхъ на
 вѣлицю)
 (Шобъ пишла я на вѣлицю).
 Та й ударю трепачка.
 (Та й вдарыла бѣ трепачка).
 Хлѣнци бѣдутъ въ сѣрыбкѣ
 граты.
 (Балабайнымъ бѣде граты).
 Вытребѣньки вытѣваты“.

* *
 * *
 „Баю, баю, люли,
 А котыку дѣли,

А (Панасу) калачѣ.
 Шобъ свавъ у день и въ ноцѣ.

А въ въ ноцѣ—на печѣ,
А въ рѣньцѣ—на лѣвцѣ.
Врѣньцѣ—на лѣвцѣ,
А въ день—уколысьцѣ.

А въ вѣчери—у синѣхъ,
На пуховыхъ подушкѣхъ.
Мѣты бѣде сповывѣты,
(Панѣсыка) годувѣты“.

* *

Колѣсочка хитъ,—хитъ
А (Панѣсыкъ) спыть—спыть
Колѣсочка хитнѣлася,
(Панѣсыку) хикнѣлося.

Ворѣточка скрыпъ-скрыпъ,
А (Панѣсыкъ) спыть-спыть.
Ворѣточка вклякнѣлася,
(Панѣсыки) проснѣлся“.

* *

Э... э... мѣмко,
Пошѣй (Ивѣньцо) люльку.
Изь бѣлого шѣвку;
А я пидѣ на войнѣ.

Попѣви сказѣлы,
А пипъ зъ пѣчи
И вѣбывъ собѣи плѣчи,
А попадѣ зъ грѣбы

Посвѣтаю попѣвну,
А попѣвна нѣжна,
Черѣзъ тынѣкъ лѣзла;
Тынъ (плѣтѣнь) повзѣмла,
Тѣлѣтко прѣбѣла.
Тѣлѣтко ревнѣло,
Собѣаки брѣхнѣлы,
А лѣды почѣлы.

Та и вѣбыла грѣды,
А дѣчѣкъ зъ хѣжки
Та и розгубѣвъ кнѣжки,
Повомѣрь зъ полѣщи

Покрѣвъ полянѣщи,
А нѣймѣчка зъ подушѣкъ
И навѣрыла галущѣкъ“.

* *

Лѣули, лѣули, лѣули,
Налѣнулы гѣули
Та и сѣлы на лѣули.
Цѣтыте, гѣули, не гудѣтъ,
Малыхъ дѣтокъ не будѣтъ.
Малыхъ дѣтѣй не будѣтъ
Та и по хѣти не ходѣтъ,
Буркѣтыки не бурчѣтъ.
Бѣде, гѣули, вамъ гудѣтъ,

Возмѣтъ собѣи и пометѣтъ
Возмѣтъ собѣи и полетѣтъ,
Нишнѣць (Ивѣньци) прине-
сѣтъ,

А (Вѣвѣчокъ) манѣсенѣкий
И винъ спѣтки радѣсенѣкий.
Э... э... гѣули, гѣули
Не ходѣтъ по хѣти,
Не збудѣтъ дытѣты.“

* *

Эй, тѣуры, тѣуры, тѣуры,
Пипшлѣ кѣуры на шѣптѣуры

Воробѣйко помѣрь,
Емѣу вѣчнѣй покѣй“.

* *

Лѣтѣвъ шпѣкъ черѣзъ макъ
Тѣмнѣнѣкойи нѣчи,
Уморѣвся, тѣй прѣсѣвъ
И залѣущѣвъ ѣчи.

А за нѣмъ-сорѣка
Та щѣ и билѣбѣка
И лѣтѣтъ, скрѣкотѣтъ
И цѣкѣче, скрѣкѣче;

Вона дітокъ зовє
Й иймь йістки несє.
Скρο-ко-кò, скρο-ко-кò!
Несу діткамъ молокò.

Злигайтеся, мойі дітки,
Пòрхайте зь калїни.
Несу я вамъ у кубельце
Яєчокъ рядєнце“.

Когда дитя начинаетъ узнавать свою маму, то она, утѣшаясь имъ, кладетъ его на подушку и водить рукой—„ладòнею“ сверху внизъ, отъ груди, и кончаетъ ступнями ногъ. При этомъ массажѣ она не то поётъ, не то приговариваетъ:

„Потягуси, потягуси,
На (Галю) ростуси,
Шобъ (Галочка) рòсла,
Рòсла—вырòстала,
Шобъ (Галочка) свойий мамци

Скорийшъ вь помичъ стàла.
(Вь помичъ мамци стàла).
У помочи стàла,
Дитòкъ колыхàла
Й хату. доглядàла“.

* * *

„Потягуси, потягуси,
На (Тышу) ростуси,
Щобъ (Тышечка) рисъ-порисъ,
Кохавсь на свободи,—

Бувъ бы добрымъ козакòмъ
Й воякою смїлымъ.
Щобъ (Тышечка) не лякòвсь
Ни людєй, ни дзвїру.
Й не отдавъ бе на войнї
Туркамъ свою вїру“

Мижь конями, табунамы
На степу ширòкимъ,

Якъ чукїкають, приказують:

Ой, чукъ, дòчка,
Мой пàннòчка,
Безпридàннòчка:
Не за Сàвку дочкù,

Не за Мàрка дочкù,
Ни за кòго дочкù
Свою пàннòчку,
Безпридàннòчку.

* * *

„Ой чукъ, чукъ, чукъ!
Наловївъ дидь щукъ,
А бабуса плитчòкъ
Годувàты дитчòкъ,

А бабуса карасикивъ
Годувàты Тараскиивъ,
А бабуса окунцївъ
Годувàты молодцївъ“.

* * *

„Ой чукъ, хлòпци,
(Ой такъ, хлòпци),
Малї (мойї) запорòжци!
Насїяли жїта вь корòбци,
Пòстàвылы вь кòпки
Та й вдàрылы вь гòпки.
Ой гòпъ,—гопакà!
Пòлюбїла казакà!...
Ой гòпъ,—гопакà!

Любївъ дївку козакъ;
Любївъ йїи, шанувàвъ,
Пòдарунòчки давàвъ.

Ой чукъ, черевїкъ,
Тай набòкуватий,
Ой, набòкуватий,
Прыторòкуватий!“

Ой чукъ—чукáлочки,
Иде Сьдирь на пáлочки,
А Омелько на скралляхъ

* * *

У червоныхъ чобиткахъ,
А Маруся на тилижки
Щобкае орѣпки“.

Чукъ, чукъ—чукáлочки!
Попивъ батько жупаночки.

* * *

И пошивъ и надивъ,
И на дбцю поглядивъ“.

Ой такъ, нáши
Наварылы квáши (кáши)

* * *

У во парнимъ горшку
Та й на дбнычку“.

Ой чукй, чукй, чукй,
Побылыся барчуки.
За якую прычину?

* * *

За дивчину красыву.
За якую за бйду?
За дивочку (дивчину) мо-
лодѹ“.

Первые дѣтскіе уроки. Мать, глядя въ глазки дитяти, скоро
заскоро ворочаетъ своею головой слѣва направо, приговаривая:

„Тѹри, тѹрки, тѹрки“!

Дитя очень скоро воспринимаетъ этотъ первый урокъ и при
словѣ „тѹрки“, начинаетъ мотать головой.—Дитя капризничаетъ,
мать прибѣгаетъ къ „туркамъ“, и оно, забывъ свое настроеніе,
тираетъ слѣзы кулакомъ и исполняетъ это подь машиналь-
ный выговоръ матери: „турки, турки“...

Ударяя ладонь о ладонь, приговариваютъ:

„Лáдки, лáдки (лáдушки, лáдуш-
А де булы? [ки),
— „Въ бабки“. (Въ бабушки).
А шо йлы?
— „Кáшку“.
А шо пылы?“

— „Брáжку“.
Кáшку пойлы,
Брáжку по пылы,
Самы полетылы
Тай гуль, гуль, гуль, гуль
На голóвку сйлы.—

При этомъ на голову накладываются руки.

„А ну, якъ бабу морозъ дáве“? На этотъ вопросъ дитя сжи-
маетъ оба кулачка и давить ихъ изо всей силы, причемъ и
самъ трасѣтся.

На лѣвую руку плюютъ, а потомъ приговариваютъ, указы-
вая на ладонь указательнымъ пальцемъ правой руки:

„Сорóка, ворóна
На прыпичку сьдйла,
Дйтвамъ кáшку варйла“?

Затѣмъ, перебирая пальцы на лѣвой рукѣ отъ мизинца, говорятъ:

„Цѣму дамъ, цѣму дамъ,
Цѣму дамъ, цѣму дамъ.“

Дойдя же до большого, присказываютъ:

„А цѣму не дамъ:
Цей быщманъ,
Винъ болванъ:
Дровъ (дривецъ) не рубавъ,
Воды не носивъ,

Въ печи не топывъ,
Каша не варывъ,
Дѣтокъ не кормивъ,—
Цуръ ему,—пекъ“!

Ударяя кулакомъ о пятку ноги, приговариваютъ:

1) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ,
Пидкуй чобитокъ!
—Давай, пане, гроши“.
2) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ,
Пидкуй чобитокъ,

А я тобі, ковалѣкъ,
Дамъ за тѣе пятачокъ.
—Я не хочу кувать:
Въ мене рѣчки булять“.

Взявъ дитя за уши, слегка въ тактъ пѣсенки поворачиваютъ его голову то направо, то налево, присказывая:

„Зайчику, зайчику,
Де ты бувавъ?
—„У млыннй, у млыннй“.
Що жъ ты выдавъ?
—„Симъ мишкивъ оришкивъ“.
Чому жъ ты не вкравъ?
—„Позбигалысь мальчики,
Та й побылы пальчики...“

Былы менѣ й кравчики.
Золотийи пальчики.
А (такъ) я взявъ та й утѣкъ.
Та черезъ попывъ тикъ.
Та й пятки попикъ,
Та черезъ колбду
Й шувббвхъ (шувббвхнвѣ)
у воду“.

Мать садится на „лаву“, ставитъ дитя на ноги и, то подымая вверхъ, то подымая внизъ, качаетъ подъ тактъ пѣсенки:

„Хити, хити,
А коньки въ жити,

Та й нікому выгнати,
Тико Микиты“.

Мать, желая выучить свое дитя прыгать на одной ногѣ, употребляетъ слѣдующее:

Дитя: „Мама, дай хлѣба“!

Мать: „А поскачай дѣда“.

Мальчикъ становится на одну ногу, прыгаетъ и поетъ:

„Скачу, скачу дѣда
За скибочку хлѣба.“

Я не дурно скачу,
А я йисты хочу“.

Мать полна довольства, рѣжетъ „окрайчикъ“ хлѣба и даетъ.

„Мамо, дай водѣ!
—„Пиды до верба“.
А верба де?“

—„Тамъ, де вода“.
А вода де?
—„Тамъ, де верба“.

Мать или отецъ, развивая свое дитя, учитъ его понимать и

разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно.—„Говоры, сынокъ, за мною: „и я“,—шо бѣ я ни сказаѣ“.

„Я пойду въ лись.

—„И я“.

Вырубаю дуба.

—„И я“.

Выдовбаю човень.

—„И я“.

Накладу я пѣвень.

—„И я“.

Свѣни будутъ йсты.

—„И я“.

Послѣ этого раздаѣтся смѣхъ, и мальчикъ или дѣвочка до тѣхъ поръ упражняется въ этомъ, пока пойметъ, что здѣсь приводится сравненіе съ свиньей.

Дѣти, радуясь первому майскому дождю, приговариваютъ:

„Дощику, дощику,
Прыпусты, прыпусты

Та на наши капусты!..
Видромъ, цебрѣмъ, видѣрцемъ
цебѣрцемъ“!

Когда дѣти замѣтятъ, что ихъ родители предвидятъ въ частыхъ дождяхъ вредъ для травъ, хлѣба и овощей, то поютъ:

„Дощику, дощику,
Перестань, перестань,
Мы пойдемъ у Ёрдань,—

У Ёрдань, у Ёрдань
Богу помолыцца,
Хрысту поклоныцца“.

Н а р о д н а я п о э з і я .

„Казавъ пань: козѣ дамъ,
Та ще й зъ чѣрнымъ козынямъ;
Пишла козку дойты,
Крутѣ кашу варыты.
Ни то каша, ни кулышъ...

Прыйды, сѣрце, Тымйшъ!
Й дождались Тымйша.
Прыньсь Тымйшъ хлѣбъ та
книшъ, (2 раза).
Та й побылысь за кулышъ“.

* * *

„Ишовъ пастѣхъ долыною
За своєю скотыною.
Скаче винъ—поскаче:
Шось бля шляху баче:

Хѣдять свѣни по долыни
У серебряний щетѣни,
А за нѣмы старый дидъ,
Томѣ диду сѣрокъ литъ“.

* * *

„Тра-та-та, тра-та-та.
Сила баба на котѣ,
Пойхала до попа;
А попови дѣчки.
Шіють чобитѣчки.
Одна коса, друга бѣса,
Трѣтья безъ сорѣчки.

Шіють вѣны пошивають,
На кѣтыка примиряють.
А кѣтикъ не хоче
Йзъ горы шурхаты.
Стий, кѣту, не бижй,
Скажѣ тоби ремезѣ“.

* *
 *
 „Су-ду-дѹ, су-ду-дѹ! (О-ду-ду!)
 Сидѣть голубѣ (вбронѣ) на дубѹ,
 Выгравѣе у трубу;
 Труба еѹго точбная,
 Позолбченная.
 Прилитоило тры сынѣици
 То жѣ мойи сестрици.
 На помбсти жилы,

Трехъ сынѣивъ привелѣи
 Й Стыцька и Грыцька,
 Трѣтий сынѣ бувѣ Максимѣ.
 Ти сынѣи подростѣи,
 Та й на Динѣ пишлѣи.
 Цѣберѣ мѣду купувѣлѣи,
 За чубѣ бѣтъка водѣлѣи“.

* *
 *
 „Ой, тѣту нашѣ, тѣту,
 Сидѣи на лопѣту,
 Понесѣмѣ за хѣту:
 Тамѣ нашѣ панѣ-Деревѣянѣ

Колѣса дуббви,
 Сѹчка рябѣнѣкѣ,
 Свинѣи молодѣнѣкѣ“.

* *
 *
 „Лѣпотѣ хбде, кисилѣ тбпче.
 Ти, кисилѹ, кисилѹ,
 Прысувѣйся блѣжче,

Бѹдемѣ тебе йисты
 На гарѣчимѣ мѣсѣти“.

* *
 *
 „Гулькѣ! шбсѣ вѣ лѣси гукѣ.
 То сынѣ бѣтъка шукаѣ.
 „Ой, тѣту, мий тѣту!
 Гуляѣ дбма мѣты,
 Ше й зѣ тымѣ козакѣмѣ,
 Що вѣ йихѣ шѣпки бокѣмѣ.
 Хбдѣимѣ, тѣту, дбдбму:

Пропѣ мѣты худббу:
 Сѹчку рябѣнѣкѣ,
 Й свинѣю молодѣнѣкѣ,
 Й курбчку рябѣсенѣкѣ,
 Й пѣвнѣкѣ спивкѣкѣ,
 Й колѣсб новѣсенѣкѣ
 Й (ще й) кбныкѣ тупкѣкѣ“.

* *
 *
 „Бижѣи, бижѣи, кбню,
 Потѹпѣи ногбю,
 Потѹпѣи ногбю
 Дб тѣтки дб Вѣрѣкѣи,

А у тѣтки вѣ Вѣрѣкѣи
 Прысмѣленѣи лѣпки:
 Я якѣ сивѣ и прыкипѣивѣ
 Й вечѣрѣятѣ не схотѣивѣ“.

* *
 *
 „А вѣ нѣшбйи Нѣсти
 Черевѣчки крѣсни,
 А вѣ нѣшбйи Марусѣи
 По чбтъри подѹшѣины,

Щѣ й пѣята манѣнѣкѣ,
 Й самѣи молодѣнѣкѣ,
 А шбсте рядѣнѣце
 Прыкрѣтъ моѣ сѣрѣце“.

* *
 *
 „Оттворѣяйте воротѣи.
 Йидѣ панѣ сѣротѣи
 Безѣ сорбчки, безѣ штанивѣвѣ,
 Пбвна тбрб сѹхарѣивѣ.
 Безѣ волбсья, безѣ зубѣивѣ

И на пѣици невдѣлѣи.
 Що ни скѣже то й свѣстѣтъ,
 Що ни пѣде, то й репѣтъ,
 А очѣма такѣ й сѣе,
 Якѣ жѣбѣи у мѣи“.

* *
* *
„Господы, помилуй!
Дидь бабу покинуть,

Соломкою притрусывъ
Щобъ комарыкъ не вкусывъ“.

* *
* *
„Бондарыку, бондарыку,
Набый минн бочку,
А я тоби, бондарыку,
Пошию сорочку.

Вдину й стричечку красеньку
Шобъ тоби вгодыты.
Сыдыть москаль, круте вусы,
Та шось соби мусе,
Сыдыть соби у куточку,
Пидтыкавъ сорочку“.

Сорочечку новесеньку
Сама буду шить.

* *
* *
„Бовъ—дзелень, Савка вмеръ, | Прийшовъ пипъ—Савка втикъ“.

* *
* *
„Бовъ—дзелень, Савка вмеръ,
Положиы Савку
На дубову лавку.
Лавка трищить, гнечья,

А Савка смиецья.
Пбки зряхався пипъ,
Савка зъ хаты утыкъ“.

* *
* *
„Запряжу я свыню въ дрозжки
Та й пойду до Явдошки,
А Явдошка добра буде,—
Горилочки роздобуде.

И рогозу не набрала,
Й свынн визъ поламала.
Ой, посиявъ Семень гречку
На дубу—звершечку.
Де не взялась штюра—буря
Й Семёнову гречку здѣла“.

Запряжу я свыню въ визъ
Та й пойду по рогизъ,

* *
* *
„Йде Семень на кози
(Хляпотка йде на кози)
У синему картузи,
Й нема пальцивъ на нози.

Ёго коза поносила,
Повозчину разтрусила,
Та й послѣдни (ему) пальци
На ногахъ побыла“.

* *
* *
„Савка-булавка
Злизъ на лавку,
Покотывъ бѣлку
Та й вбывъ кѣрку.

Побитъ на тикъ
И йийи поволикъ.
Волочивъ-волочивъ
Та й у борщъ умочивъ“.

* *
* *
„Чомъ я парень не хорошъ?
Чи я ростомъ не доросъ?
Чи не рублена хата?
Чи не люблять дивчата?

—А ты рѣжий, якъ собака,
Ноги въ тебе, якъ у рака,
Стань у: тебе, якъ у бабы,
Й очи въ тебе, якъ у жабы“.

„Москóвка ряба
 Пойíхала по дрова
 Ы зустрéла попá.
 Ой, мий батюшка!...
 Та й не доказáла.
 Зачепылася за пенёкъ
 Ы простóяла весь денёкъ.
 Напрáвила все на ладъ

Ы стáла йíхаты назáдь;
 А пидтóки обвалылысь,
 Ы колéса скрыпéлять,—
 А собáки то зачúлы
 Ы позбигáлысь изъ дворивъ.
 Бижать слéдомъ, скавучать.
 Думки—везуть поросéть“.

Игры. Дѣти при игрѣ въ жмурки—„кузьмарки“ выдѣляютъ изъ среды своей одного, который бы „жмурився“, такъ: одинъ изъ нихъ, указывая пальцемъ по порядку на каждого, декламируетъ какіе нибудь сложенные для этого немудрые стишки такъ, какъ они дѣлятся по плавности и размѣру стиха, приче́мъ. если придется на кого послѣднѣе такое дѣленіе, то тотъ и „жмурится“, а остальные прячутся—„ховáюцья“.

Писни за-бля щóту у „кузьмарки“:

„Котылася тóрба
 Зъ высóкого гóрба,
 А въ тий тóрби

Кнйшъ, паляннця.
 Кому прыпадéцья
 Той бóде жмурыцья“.

„Котылося яблочко,
 Въ огорóдь, въ огорóдь.
 Хто взявъ яблочко?
 —Войивóдь, войивóдь.
 Войивóдова женá

Породыла тры сына—
 Ы попá, и дýка,
 Ы серéбренныка.
 Дзень-брызъ,
 Выйшовъ князь“!

„Тáня, бáня,
 Шо пидъ нáмы?
 Стúльчикъ, мáльчикъ,

Самъ корóльчикъ.
 Дзень-брызъ,
 Выйшовъ князь“.

„Ты, кúколка, ты манéнька,
 Почому ты не булá?
 —Буялася воркунá.
 Воркунóвы дýты

Хотылы летыты...
 Щóтки рибéтки,
 Нóжници хлопъ“.

„Йишла бáня изъ-за дáня,
 Рýсу-кóсу держáла
 Ы на Бóга прохáла...
 А нашъ панъ копытáнь
 Симъ кóней понúтавъ

Серебрóмъ и злóтомъ,
 Пáньскимъ дрóтомъ
 Ты не винчана
 Не ходы по замкáмъ,
 Кйстóчку-лйстóчку кинь“!

* *

*

„Одѣнчики первѣнчики
По сороку струнокъ.
Струнка лепѣтка,
Такова—солѣмка.
Тикъ токовѣй!...

Бѣже, убѣй
И Ярему небирѣму,
Чувѣкѣ, башмакѣ;
Райдѣвно, вѣйды вонѣ“.

* *

*

„Акинѣ бѣкинѣ
Самѣ вершунѣ.
Грикынѣ бѣкинѣ

Петербургѣ.
Арбунѣ хѣрынѣ
Вѣронѣ дашѣ“!

* *

*

„Эньки бѣньки
Бѣйкаси.
Лѣшкѣ плѣшкѣ

Тайраси.
Шѣйинѣ-вѣйинѣ
Прѣчи рѣссы“!

* *

*

„Адомѣ-падѣдомѣ
Самѣ маршунѣ
Ушкинѣ вѣшинѣ

Петербургѣ.
Арынѣ мѣрынѣ,
Вѣронѣ дашѣ“.

* *

*

„Катерѣна квѣчка
На морѣ впѣла, (2 раза)
Цѣркава стѣла.
А вѣ тѣй цѣркеви

Сынѣ Мыкѣла
Грамотѣ пышѣ,
Вѣажко дѣше.
Адѣомѣ-падѣомѣ-дѣхѣ“!

* *

*

„Пѣявко-зозулѣка,
Щѣбѣче голѣубка.
Катерѣна матерѣна

Не винѣчѣйецѣя.
Кѣстонѣчка правѣдонѣчка лѣнѣ“!

* *

*

„Однѣоко-подѣвоко,
По трѣте-рыпѣте,
По пѣйте—щѣкѣте.

Щѣокѣнѣ вѣронѣ
Дѣва рѣбли И хрѣстѣтѣй
грѣшѣ“.

Кладется дѣска на колоду (отрубѣкѣ отъ дѣрева) и на ея двѣхъ противоположныхъ концахъ садятся по мальчику, перевѣшиваютъ одинъ другого и поютъ:

„Перѣваги, ваги!
Дѣй, дѣду, бѣраги,
А мы тобѣ калачѣ,
Щѣ И посадышѣ на печѣ.

А не дасы, расхѣтѣйемѣ
И вси кѣсточкѣ поламаѣемѣ,
Бѣдѣшѣ чѣ тодѣ-сыдѣты.
На увѣсы дѣвѣрѣ сырѣтѣты“.

Дѣвое изъ дѣтей, взявшѣсь за руки, выбиваютъ ногами такѣтъ подѣ такую „складѣку“:

„Дрибѹ, дрибѹ, дрибѹшечки,—
 Найлися галѹшечки.
 Гей, гей до воды,—
 Найлися лободѹ.
 Гей, гей въ очеретѣ—

Тѹта й бѹдемъ вечерѹть.
 Кто насъ стане повирѹть
 (-ты)?
 До смеркѹ бѹдемъ гулять
 (-ляты)“!

Игра въ „робака“ или „хрѣщика“ (въ горѣлки).—Выходятъ двое на одного на условленномъ разстояннн и спрашиваютъ:

„Робѹку, робѹку,
 Чи вловышь изгѹку?

—„Побижышь та й взѹйишь“.

Или такъ:

„Блохѹ, блохѹ, чи ты дуже
 лыхѹ?”

—„Якъ укусѹ, такъ знѹты-
 менгъ“!

* * *

Для игры въ „гѹсочки“ избираются одна „мѹтка“ (дѣвушка), два „вовкѹ“ (мальчики) и пастухъ или пастушка съ гусятами. Гуси садятся на землю или лазятъ, щиплють руками траву и поютъ (поѣтъ это и одна пастушка):

„Ирвѹ, ирвѹ оришнички,
 Не боѹсь вовкѹ и (ни) трѣпечки.
 А вовкѹ за горѹю,

А я (мы) за другѹю.
 Той вовкѹ въ кожѹхъ-пѹни.
 А я (мы) въ шарахвѹни“.

Матка, выслушавъ пѣсню, говоритъ: „Гѹсы додѹму!“—„Чогѹ?“ „Вовкѹ за горѹю!“—„Шо винъ тамъ рѹбе?“—„Гѹску скубѣ“.— „Чиѹ та чиѹ?“—„Попѹву та дяковѹ,—гѹсы додѹму“!...

Гуси бѣгутъ по направленню къ „мѹткѹ“; волки ловятъ, или одинъ изъ нихъ ловитъ, а другой какъ бы гдѣ за горою „скубѣ гѹску попѹву та дяковѹ“; матка же старается въ это время охранять. Гуси отправляются „маткою“ пастись до тѣхъ поръ, пока волкъ переловитъ ихъ всѣхъ. Тогда „матка“, обходя волчью берлогу вмѣстѣ съ пастушкою, спрашиваетъ: „Здорѹвъ“!—„Здорѹвъ“ (волки стоятъ одинъ впереди, а другой, который меньше наловилъ, сзади его).—„Чи не бачили вы тутъ нашихъ гусей?“—„А якѹ вѹши гѹсы“?—„Сирѣньки, билѣньки, мурѣньки“ (гуси стоятъ въ это время, наклоня голову книзу, и прислушиваются).—„Ни, не бачили. Сирѣньки побѣгли по сирѣнький дорѹзи, билѣньки—по билѣнький, а мурѣньки—по мурѣнький“.—Матка, пропрыгавъ немного на одной ногѣ въ одну, другую и третью сторону, возвращается и начинаетъ обходить кругомъ волчьяго городка; волкъ злится: „вернысь, кумѹ“! (въ это время гуси

даютъ знать о своемъ присутствіи: стучать ногами и кричать: „гиль, гиль“.—„А це шо у васъ за гусы“?—„Це наши“.—„Ни, мой“.—„Ни, наши“.—„Ни, мой“.—Волкъ, какъ бы въ доказательство, беретъ горсть земли и сыплетъ её, какъ сыплютъ гусямъ кормъ. Гуси, въ виду матки и пастушки, начинаютъ плевать на него: „тху! тху!“—Беретъ потомъ горсть земли matka и продѣлываетъ также. Гуси поднимаютъ вверхъ головы, узнаютъ свою „матку“ и кричатъ: „нямъ! нямъ! нямъ!“ Посрамленный волкъ убѣгаетъ, а matka съ пастушкой уводятъ съ собою гусей.

Игра въ „горобца“.—Играющіе, побравшись за руки, составляютъ кругъ и поютъ („горобецъ“ въ это время ходитъ кругомъ города):

„Царю, сыну, горобецъ,
Кругомъ города ходывъ.

Царю, сыну, горобецъ,
Та й городъ уступывъ“.

„Горобецъ“ входитъ въ городъ.

„Царю, сыну, горобецъ,

Поклонись низенько“.

„Горобецъ“ кланяется.

„Царю, сыну, горобецъ,

Поцилуйсь зъ мыленькою (зъ мѣлымъ)“.

„Горобецъ“ цѣлуетъ когонибудь изъ играющихъ.

Затѣмъ поцѣлованный „горобецъ“ выполняетъ игру „горобца“, а тотъ замѣняетъ его мѣсто.

Игра въ „ворона“.—Въ этой игрѣ одинъ изъ играющихъ мальчикъ беретъ палочку, садится и начинаетъ рыть яму; это и будетъ „воронъ“; дѣвочка изображаетъ изъ себя „матку“, которая, поставивъ сзади себя гуськомъ по росту дѣтей, подходитъ съ ними къ „ворону“ и спрашиваетъ:

— Шо ты робышь?— „Яму копаю“.

— На шо (на вищо)?— „Пичку зроблю“.

— На шо?— „Окрѣпецъ буду грѣты“.

— На шо?— „Твоймъ дѣтямъ очи залывати“.

— На шо?— „Щобъ у горобецъ не лазылы“.

— А якій у тебе огородецъ?— „Отакій,

(поднимаетъ руку вверхъ) до неба“!...—„А у мене оттакисенькій (наклоняется къ землѣ и показываетъ вышину въ четверть аршина), обгоробенный терниною й шиичиною, то й то не ла-

зюль". Воронъ, засматривая съ той и другой стороны матки на конецъ протянувшихся лентою дѣтей, говоритъ:—„Кинѣць, ййсты хѳчу!“—„Пиды собй погрызы на дубови бору“.—„Сучий хвистъ, кобйляча голова“! При этомъ восклицаніи воронъ старается оторвать себѣ крайняго съ конца, а matka, не допуская до этого, наровитъ стоять предъ нимъ сама.—Игра оканчивается, когда всѣ дѣти будутъ забраны ворономъ.

Игра въ „красочки“.—Для этой игры выбираются: ангель,—какойнибудь красивенькій мальчикъ, чортъ—какойнибудь „неуклюга“, спорливый, сварливый мальчикъ, и распорядитель или matka.—Распорядитель разсаживаетъ въ одну линію дѣтей: затѣмъ, вызывая къ себѣ въ сторону по одному, даетъ имъ названія цвѣтовъ: (синій, красный, голубой, „поднебесный“).—Дѣти получивъ себѣ отъ распорядителя новое названіе, усаживаются на свои мѣста и ожидаютъ „бовъ-бовъ“ и „дзень-дзень“ (чорта и ангела). Къ сидящимъ подходитъ ангель и говоритъ: „Бовъ-бовъ“! Распорядитель, стоя спрашиваетъ: „Хто йдѣть?“—„Ангель“.—„Зачимъ?“—„За краскою“.—„За якою?“—„За красною“.—Если съ такою краскою окажется сидящимъ въ ряду мальчикъ, то онъ моментально схвачивается съ своего мѣста и идетъ къ ангелу; если же не окажется такого цвѣта, то не полагается больше требовать другой до слѣдующаго раза.—„Дзень-дзень“!—„Хто йдѣть?“—„Чортъ съ колотушкою“.—„Зачимъ?“—„За краскою“.—„За якою?“—„За пиднебесною“.—У каждаго изъ играющихъ является желаніе попасть къ ангелу. Когда всѣ мальчики газберутся, то они берутся за палку и начинаютъ перетягиваться, узнавая такимъ способомъ, кто изъ нихъ сильнѣе или ловче. Распорядитель присоединяется къ большинству или по условію. На этомъ и оканчивается игра.

Игра въ „пыжѣ“. Игра въ „пыжѣ“ состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ разсаживаетъ передъ собою мальчиковъ или дѣвочекъ, велитъ имъ наклониться къ себѣ на колѣни и, когда это будетъ исполнено, кидаетъ какуюнибудь вещь черезъ головы играющихъ, говоря: „Пидовъ пыжъ въ поле“. Играющіе поднимаются и ищутъ брошенную вещь; тотъ, кто найдетъ, становится распорядителемъ, и т. д.

Игра въ „зѣлото“.—Эта игра состоитъ въ томъ, чтобы отыскать „забѣвану“,—спрятанную однимъ изъ играющихъ вещь; для чего играющіе садятся въ одну линію со сложенными межъ ногами (впереди) руками. Тотъ, кто будетъ прятать вещь, проходя съ края въ край, суетъ каждому свою руку и говоритъ: „Я зѣлото хороню, хороню | „У бѣтющки въ теремѣ, теремѣ!

Въ это время кому нибудь бросаетъ вещь, иногда даже не замѣтно отъ другихъ.

Другой затѣмъ подходитъ и съ первого разу долженъ указать, у кого находится спрятанная вещь. Проходя по ряду, говоритъ: „и ты рай, и ты рай. а ты отдай“. Если „вгадѣетъ“, то садится на мѣсто того, у кого была вещь, а тотъ встаетъ и исполняетъ его обязанности, если же три раза подъ-рядъ явится отыскивать вещь и не найдетъ, то его женятъ. Прятавшій отводитъ его въ сторону и назначаетъ ему невѣсту; играющіе интересуются выборомъ, узнаютъ и, посмѣявшись вдоволь, продолжаютъ игру.

Игра въ „присыца“.—Игра состоитъ въ томъ, что дѣти, взявшись за руки, строятся въ одну линію, держа руки горизонтально. Одинъ изъ играющихъ „мѣтка“ беретъ въ руки „дубчикъ“ и прогоняетъ крайняго винтомъ межъ руками съ одного конца въ другой, такъ что каждый послѣдній становится первымъ. Тотъ ловокъ изъ играющихъ, кто, пробѣгая между руками, ускользнетъ отъ удара мѣтки.

Игра у „скракли“.—Въ эту игру играютъ двое, хотя можно и по-двое, по трое и т. д. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: отмѣриваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого два городка; по срединѣ между этимъ разстояніемъ выкапывается ямочка. Для каждаго городка полагается пять „скраклѣй“—небольшихъ отрубковъ, палочекъ; для играющаго же по двѣ хорошія палки—„битка“. „Скракли“ укладываются такъ: сначала кладется поперегъ одинъ, затѣмъ на него три и наконецъ на эти три кладется пятый (горизонтально) параллельно первому поперечному. Играющій долженъ начинать сбивать „скракли“ въ чужомъ городкѣ отъ своего городка; если одинъ собьетъ три раза, тогда какъ другой—ни разу, или разъ—два, то игра начинается снова; причемъ второй—плохой игрокъ, везетъ на себѣ

верхомъ перваго къ другому противоположному городку. Прилегающая своимъ краемъ къ границѣ „скракля“ называется „допкомъ“. Онъ втыкается однимъ концомъ въ землю и такимъ образомъ, по отношенію къ площади, принимаетъ вертикальное положеніе; въ другой разъ онъ и сбивается въ такомъ же положеніи. Отъ колодца начинаетъ бить тотъ, кто собьетъ съ города хоть одинъ „скраколь“.

Игра въ „набръ“.—Два, желающіе набрать себѣ войско, усаживаютъ играющихъ, и одному изъ нихъ должны доставаться тѣ, которые во время игры смѣались, а другому напротивъ. Для этого заводится такой разговоръ съ каждымъ отдѣльно: показывая палочкой вверхъ спрашивается:—Шо тамъ такѣ?—„Небо“.—А це шо? (указываетъ на землю)—„Земля“.—А въ землѣ шо?—„Погрибець“.—А въ погрибцѣ шо?—„Кабанецъ“.—А въ кабаньци шо?—„Бубунецъ“.—А въ бубунцѣ шо?—„Панъ та пана“.—Шо вони роблять?—„Пють та гуляють, та по драбѣни лазють“.—Йишовъ чоловікъ черезъ мисть?—„Йишовъ“.—Шо винъ нисъ? „Михъ“.—А въ миху шо?—„Смихъ“.—Подѣленная такимъ образомъ партія перетягивается на палкѣ.

Стоитъ крикнуть кому нибудь изъ играющихъ: „малѣ куча“! мигомъ свѣливается одинъ, а на него наваливаются и всѣ.

Игра въ „цурки“ состоитъ въ искусствѣ такъ ударять „цурку“ по оконечности, чтобы она подпрыгивала вверхъ, а затѣмъ, ударяя её палкой на лету, посылать дальше.

Игра въ „мячъ“.—При этой игрѣ то мѣсто, гдѣ бьютъ мячъ, называется „гбродъ“; то, куда бѣгаютъ—„стѣпка“; состязающіяся партіи одна, слѣдовательно, въ городѣ, другая уходитъ въ „запбле“, и одинъ изъ нихъ въ городѣ „гиле“,—подаетъ мячъ; палка, которою бьютъ, называется „пѣлка“.

Когда дитя плачетъ, мать не то утѣшаетъ, не то дразнить его, вымѣщая на томъ свою досаду:

„Цыть, цыть (дбно), не плачь!
Мату спечѣ калачъ,
Медкомъ помаже,

Й тоби покаже.
Пѣтимъ того сама й ззисеть,
А тоби—дѣлю пидъ нисъ“.

Когда дитя сдѣлаетъ какую нибудь „шкѳду“; то мать или кто нибудь беретъ его за чубъ, ухо и, выдирая, въ тактъ припѣваетъ: *)

„Карасю, карасю,
Чогѳ ты дождався?
Чи лысого горобця,
Чи пойдхавъ по дровця,

Чи хринь, чи качань,
Чи пшонѳ-ришино,
Чи рубель, чи качалка“?

Чтобы начать снова, присказываютъ: „качавъ, качавъ, та впять начавъ“... Дитя сначала думаетъ, что съ нимъ играютъ; когда же видитъ, что эта „йграшка“ безъ конца и становится больно, начинаетъ плакать.

Дѣти, расходясь съ какой нибудь игры, стараются кого-нибудь ударить—„дать латку“; при этомъ одною рукою придерживаетъ, а другою бьетъ и присказываетъ:

„Латка-бѳтка,
Шѳвкова нѳтка!

На тоби вѳши,
А минѳ—грѳши,

А якъ не оддасы,
Завтра въ борщѳ
изйисѳ“.

Получившѳй „латку“, въ свою очередь, старается хоть разъ ударить.

Образцы народнаго каламбура, первоначальныхъ дѣтскихъ сказокъ и народныхъ молитвъ:

„Товчѳ, товчѳ макъ,
За стѳпою—дякъ.
Чогѳ, дѳче, плачешъ?
—„Спеклѳ маты
кнышъ“.
Дежъ той кнышъ?
—„Изйѳла мышъ“.
Дежъ той мышъ?
—„Пойгъ пидъ прѳ-
пичокъ“.
Дежъ той прѳпичокъ?
—„Мѳре залылѳ“.

Дежъ те мѳре?
—„Быкѳ попылѳ“.
Дежъ ти быкѳ?
—„Колѳда побѳла“.
Дежъ та колѳда?
—„Чѳрвы поточѳлы“.
Дежъ ти чѳрвы?
—„Кѳры пойдѳлы“.
Дежъ ти кѳры?
—„Шулики похва-
талѳ“.
Дежъ ти шулики?

—„У лисѳ полетѳлы“.
Дежъ той лисъ?
—„Цвиткѳмы за-
рѳсъ“.
Дежъ ти цвитки?
—„Порвалѳ дивки“.
Дежъ ти дивки?
—„Женыхѳ побрѳ-
лы“.
А дежъ ти женыхѳ?
—„На войнѳ пш-
лѳ“.

* *

„Здорѳвъ бувъ!
—„Хливъ городѳ“.
Та Бѳже поможѳ!

—„На свѳни“.
А, шѳбъ вонѳ тоби подѳхлѳ!
—„Спасѳбѳ“.

* *

„Здорѳвъ бувъ!

—„На ярмарку бувъ“.

*) Чѳще упражняютъ въ этомъ сами между собою пастухѳ.

Та Бóже тобі допоможі!	Бодай вонд тобі распропаю!
—„Эге, купывь кобылу та вóжжи“.	—„Спасыби, такъ же й вась“.
* * *	* * *
„Охъ, мойе ненько, Уже й смёркло—нераненько! (Чоловикъ беригъ тильну корóву) Свиты мирьщій, Галько. Намъ Богъ давъ телятко!	А подывысь, лыпть, Денысе, Чи вонд, сучай, не лысе!?. —„Лысе, жынко, лысе“!.. (А Денысь та въ хату жынцы Не теля,—собаку нысе..)
* * *	* * *
„Казка заказка Залызла за лавку,	Хвóсты задрала, Нижки (трóшци) показала“.
* * *	* * *
Бувъ соби чоловикъ Сашка, Въ ёго була сinya семеряжка,	На голові повстаня шапочка А на штаныцяхъ красненька латочка.

„Чи хороша моя казочка“?—Выслушавшій это говоритъ: „хороша“, або „погана“, а рассказчикъ начинаетъ вновь, прибавляя: „ты кажешъ: хороша, або погана, и я кажю: хороша—погана“, и т. д.

Заботливая мать, укладывая дитя спать, читаетъ такую молитву:

„Хрестъ постелю, Хрестомъ укрьюсь. Самъ Богъ у головахъ, Святійи у ногахъ, А янголы по бокахъ.	Янголы хранители! Хранить мою (Йвѣнчину) дѣшу Изъ вечера до півночи, А зъ півночи до ранку, А зъ ранку й до бѣлого дня“!
--	--

П. М. Шинкаревъ.

13.—Сл. Курячевка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Заговоры.—Занятіе.—Религіозность, умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Свадебные обряды и пѣсни.—Родины и похороны.

Курячевка, находящаяся на разстояніи 60 верстъ отъ Старобѣльска, расположена по обѣимъ сторонамъ р. Деркуль. Когда именно осѣли здѣсь первые поселенцы, точно опредѣлить нельзя, хотя, впрочемъ, преданіе относитъ первое поселеніе къ концу царствованія Петра Великаго или къ началу царствованія Екатерины I-й. Первымъ поселенцемъ, гласитъ преданіе, былъ выходецъ изъ сл. Терновъ Харьк. губ. малорось-земледѣлецъ Даміанъ Курячій съ тремя сыновьями, отъ прозвища котораго и произошло названіе Курячевка. Рѣка Деркуль, на которой расположена Курячевка, не такъ давно, какъ помнятъ старожилы, отличалась необыкновенною глубиною и чрезвычайнымъ изобиліемъ рыбы. Теперь же отъ этой славной рѣки остался жалкій ручеекъ, который въ сухое лѣто высыхаетъ окончательно. Мѣстность, по направленію отъ сл. Курячевки къ сѣверу и западу, была богата лѣсами, жалкіе остатки которыхъ существуютъ еще и теперь. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ водились массыи звѣрьки, по описанію очень похожіе на бѣлокъ. По ярамъ росло очень много терну, который въ доброе старое время тщательно оберегался крестьянами и рвался не иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ что въ зиму на долю каждой семьи доставалось его по нѣсколько мѣшковъ. Теперь отъ этихъ терновъ остались лишь жалкіе слѣды, лишь изрѣдка торчатъ небольшіе и совершенно безплодные кусты этого растенія.

Жителей въ Курячевкѣ до 3,500 д. об. п.; инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жилище. Хаты въ послѣднее время, по случаю безлѣсья и дороговизны строительнаго лѣснаго матеріала, по большей части строятся „лампаговья“ (глиняный кирпичь). Даже люди зажи-

точные и богатые, которыхъ нужда заставляетъ строить себѣ жилище, и тѣ строить его изъ лаплага. Помѣстительность крестьянскихъ хатъ бываетъ различна, смотря и по достатку хозяина, и по количеству семьи. По большей части строятся двѣ хаты рядомъ: одна большая, собственно хата, другая маленькая—„хатына“; но у нѣкоторыхъ богатыхъ случается три и даже четыре комнаты, и, хотя очень рѣдко, встрѣчаются хаты съ полами. Если хата деревянная, то у мало-мальски зажиточнаго хозяина стѣны въ одной изъ комнатъ непременно мытыя. Въ переднемъ углу помѣщаются иконы, по большей части самой простой Суздальской работы въ фольговыхъ ризахъ, у богатыхъ встрѣчаются иконы въ серебрянныхъ ризахъ. Крестьянинъ падохъ на численность иконъ, мало обращая вниманія на живопись и украшенія, такъ что у нѣкоторыхъ крестьянъ иконами занятъ не только передній уголъ или „пóкуть“, но и вся передняя стѣнка и до половины прилегающія къ ней боковыя. Иконы, особенно въ праздничные дни, обязательно бываютъ убраны рушниками домашняго приготовленія съ вышивками, а кто побогаче, у того купленными. Столъ, стоящій около передняго угла, рѣдко застилается скатертью, только лишь у бѣдняковъ и мало-зажиточныхъ, а по большей части суконнымъ тканымъ ковромъ, на полѣ котораго расположены рядами небольшие, вытканые же кресты; ковры эти очень напоминаютъ собою старинную малороссійскую плахту, только лучшей и болѣе чистой работы.

Передній уголъ,—это самое почетное мѣсто въ крестьянской хатѣ, тогда какъ порогъ считается самымъ послѣднимъ, и постоять въ чужой хатѣ у порога крестьянинъ считаетъ для себя унижительнымъ. Около порога непременно помѣщается большая печь, раскрашенная синькою въ видѣ звѣздочекъ. Дворовыя крестьянскія постройки обыкновенно располагаются такимъ образомъ: отъ дома идетъ небольшой плетень или заборъ, отдѣляющій дворъ отъ улицы, далѣе ворота, за воротами рядомъ слѣдуетъ или амбаръ, если таковой не вынесенъ куда-нибудь на токъ, что встрѣчается чаще,—или же сарай изъ „саману“, въ которомъ крестьянинъ помѣщаетъ мягкій хлѣбъ (ячень, овесъ), а также запасную одежду и проч.; далѣе, въ видѣ гла-

голя, у мало-мальски зажиточнаго хозяина располагаются сараи, для помѣщенія повозокъ, саней, плуговъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей. Внутренняя сторона двора, отдѣляющая его отъ крестьянскаго тока, почти всегда застроена помѣщеніями для домашняго скота.

Крестьянская будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ полотняной сорочки и такихъ же штановъ,—хотя крестьянина болѣе зажиточнаго никогда не увидишь въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ, а всегда въ черныхъ, купленныхъ,—капота, черкесиноваго или какойнибудь дешевой матеріи, и самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна свиты, сшитой капотомъ, а зимою бѣлаго нагольнаго или дубленаго кожуха; тогда какъ въ праздничные дни крестьяне бывають одѣты, особенно молодые парни, въ ситцевую или бѣлую вышитую сорочку, черные штаны, которые носятъ на выпускъ, и сапоги, вычищенные ваксой, суконный пиджакъ или капотъ въ теплое время, а въ холодное — стеганный на ватѣ; въ зимнее же время — полушубокъ, крытый сукномъ, или какойнибудь другой матеріей. Крестьянскія бабы въ будничные дни бывають одѣты въ круглую широкую кофту и юбку безъ оборки, широкое пальто бѣлаго самодѣльнаго сукна, или стеганную кофту; голова повязывается маленькимъ платочкомъ. Въ праздничные же дни женщины бывають одѣты въ шерстяные или суконные кофты и юбки, на ногахъ красные сапоги, а лѣтомъ башмаки или ботинки съ резинами, ситцевыя или миткалевыя рубашки, стеганное пальто или кофты, покрытыя „амбукомъ“ и отдѣланныя плисомъ, а зимою—крытые сукномъ кожухи. Дѣвки и бабы покрываются кашемировыми и шелковыми платками, а повязокъ почти не носятъ,—лишь изрѣдка можно увидѣть дѣвку въ повязкѣ, а бабу въ очипкѣ; молодня же бабы носятъ, вмѣсто повязокъ, ситцевыя или бѣлыя миткалевые чепчики.

Крестьянская пища, особенно въ послѣднее время, по случаю мѣстныхъ неурожаевъ, отличается большою скудностью и однообразіемъ. Тѣ же борщъ, каша, галушки и картофель служатъ постоянною пищею какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ семействъ; различіе состоитъ только въ томъ, что богатый ѣстъ все это съ саломъ или масломъ, а по праздникамъ даже

съ мясомъ и рыбой, а бѣднякъ или даже и средній крестьянинъ ѣстъ большую часть года пищу совершенно постную, т. е. безъ сала, масла и рыбы. Вліяніе городское какъ и вездѣ, замѣчается среди крестьянъ и въ этомъ отношеніи: человекъ богатый имѣетъ непремѣнно самоваръ, нѣсколько тарелокъ, вилокъ и ножей; послѣдніе, впрочемъ, онъ рѣдко пускаетъ въ употребленіе и самъ вилокъ никогда не ѣстъ, развѣ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ семьяхъ побѣднѣ около порога на полкѣ непремѣнно красуется двѣ—три чашки, чайничекъ и, замѣняющій собою самоваръ, большой чайникъ для нагрѣванія воды. Свои помѣщенія крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Къ врачамъ и фельдшерамъ, относятся благосклонно, особенно въ эти послѣдніе годы крестьяне начали вѣрить въ медицину, но нерѣдко обращаются за помощью къ знахарямъ, ворожеямъ и бабкамъ. Если заболѣваетъ ребенокъ или взрослый—безсонницей, то его несутъ или ведутъ къ бабкѣ. Бабка беретъ больного, несетъ или ведетъ его въ тотъ сарай, гдѣ на ночлегъ садятся куры и читаетъ слѣдующую молитву: „Куры, курицы, адамовы дочки, крылати, орлати, дайте намъ сонливци, а соби возмытъ ношныци, и поныситъ ихъ на очерета, на болота, де витерь не вие, сонечко не грие и, христьянскій голосъ не заходе, зъ хрыщеннаго, новорожденнаго, мольтвяннаго (называютъ—по имени) младенця или раба Божого“. Дѣтей лечатъ отъ безсонницы еще такимъ образомъ: беретъ бабка ребенка на руки на вечерней и утренней зарѣ, поворачивается на востокъ и читаетъ молитву: „Во имя Оця и Сына, и Святаго Духа, аминь. Не я помогаю, самъ Господь помогае. Заря зарница, красна дивыця; заря раня, заря пизня, возмы мои крыкльвци и несонливци, понесы у чисте поле, у темни лиса. Тамъ вамъ гуляты и роскошуваты, новорожденному, хрыщенному и мольтвянному младенцю (имя) спаты“.

Если ребенка или взрослого кто „сглазитъ“, бабки лечатъ отъ „урокивъ“ и читаютъ сначала „Во имя Отца“, а потомъ слѣдующую молитву: „Не я помогаю, самъ Господь Сусъ Хрыстось. Уроки урочыщи, прозоры прозорыци, витряни и водяни, испятани, изйидени, подумани и погадани, парубоцки и дивоцькы,

мужыцьки и жиноцьки. Выкликаю, вызываю и вышптую; тутъ вамъ не стояты, кости не ломыты и щирого сердца не тошныты. Зийдыть соби на очерета, та на болота, де витерь не вие и сонечко не грие, хрыстьянский голось не заходе, съ хрыщеннаго и мольтвянаго раба Божого (имя)⁴. Если у кого на глазу бѣльмо, то бабки читають молитву: „Йихавъ панъ Билыньскій, изъ билои горки, на билому кони, у билому плати, и зъ билымъ копьемъ, и зъ билымъ хортормъ; копьемъ тебе сколе, хортормъ тебе строе, отъ жовтой кости до червоной крови. Я съ словами, а самъ Господь Сусъ Хрыстось съ помичью. Новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвянаго раба (или рабу) Божого (имя)⁴. Если у кого болитъ голова или болятъ глаза, то говорятъ: „це налягла кровь“, а потому идуць къ бабкѣ лечиться отъ крови, и бабка лечить, читая слѣдующую молитву: „Во имя Отця, и Сына. и Св. Духа. Помози мини, Господы, отъ крови шептаты. Кровь витряна, водяна и вихряна; выкликаю, вызываю и вышптую,—розийдыся, кровь, по шкури, яко вода по рики, такъ и кровь по шкури, по вснхъ жилахъ и по суставахъ; тутъ тоби не стояты, кости не ломыты, и зайды соби на очерета, де витерь не вие, сонечко не грие, и хрыстьянский голось не заходе, съ хрыщеннаго, новорожденнаго и мольтвянаго раба Божого (имя)⁴. Если у кого болятъ зубы, то бабка выводитъ его на дворъ, ставить напротивъ молодого мѣсяца и заговариваетъ такъ: „Младъ мисяць на неби, а дубъ у лиси, коринь у земли, а каминь у води; якъ ци чотыри брата умисти посидять, тоди у раба Божого, новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвянаго (имя) зубы заболѣять“.

Главное занятіе жителей сл. Курячевки составляетъ земледѣіе, но въ послѣднее время, благодаря неурожайнымъ годамъ, крестьяне, не оставляя земледѣлія, ищуть подспорья для своего хозяйства въ мелкой торговлѣ и отхожихъ промыслахъ. Весною народъ, по преимуществу молодежь обоого пола, отправляется на заработки въ Донскія мѣста, на Кавказъ и Волгу. Очень многіе въ лѣтнее же время отправляются на торговлю, извѣстную по мѣстной терминологіи подъ именемъ „ниточниства“. Занимающійся этимъ промысломъ покупаетъ у

оптоваго торговца различную мелочь—мыло, нитки, пуговицы кружева, ленты, снурки и т. п., и потомъ отправляется по деревнямъ и преимущественно по хуторамъ обширной Донской области, гдѣ и сбываетъ свой товаръ за очень хорошія цѣны. Этотъ промыселъ очень выгоденъ, что видно уже изъ одного того, что хозяева—ниточники платятъ своимъ работницамъ—продащицамъ по 70, 100 и 150 руб. въ лѣто. Другіе же изъ жителей занимаются собираніемъ яицъ и различной домашней птицы, а потомъ все это сбываютъ въ центральные сборные пункты, находящіеся въ Донецкихъ мѣстахъ. Пчеловодствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать двухъ, трехъ хозяевъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ болѣе тридцати ульевъ пчель.

Религіозность. Православная вѣра, исповѣдуемая здѣшнимъ народомъ, выражается многими сторонами ихъ жизни: правилами, порядками и завѣтными обычаями, придавшими ихъ жизни отпечатокъ христіанской церковности; они ко всякому дѣлу приступаютъ съ крестнымъ знаменіемъ и призываніемъ имени Божія, Христова. Утромъ и вечеромъ они обязательно молятся Богу; съ молитвой приступаютъ къ постройкѣ дома: освятивъ построенный домъ церковной молитвой, начинаютъ жить въ немъ. Въ домѣ первое украшеніе—это св. иконы. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда принято за неизмѣнное правило помолиться Богу.

Въ особыхъ случаяхъ семейнаго быта радостныхъ и скорбныхъ служатъ молебны, напримѣръ: предъ совершеніемъ браковъ, во время болѣзни, падежа скота, долгой засухи, пропажи, утери чего-либо. Въ воскресные и праздничные дни, оставивъ свои житейскія дѣла, посѣщаютъ церковныя службы, особенно утреню и литургію, ежегодно бываютъ у исповѣди и св. Причастія, приготовляясь къ этимъ таинствамъ говѣньемъ и примиреніемъ съ ближними, особенно съ кѣмъ были въ ссорѣ, и, прося прощенія, кланяются въ поясъ, а старѣйшему годами кланяются въ землю до трехъ разъ. Посты блюдутъ строго въ отношеніи пищи.

Нѣкоторые дни, важные въ христіанской церкви отмѣчаются особыми обычаями и обрядами, напримѣръ: въ повечерія Рож-

ества и Крещенія Господня приготавлиются на вечерю кутья (варенье) изъ плодовъ и ставятся въ переднемъ углу подъ образами на сѣнѣ. На Крещеніе—заготавливается освященная вода и хранится для больныхъ. Изъ утрени великаго четверга, т. е. о „страстей“, возвращаются съ важными свѣчами, которыми выжигаются кресты на матицѣ или сволокѣ дома, и долго не стираются. Къ празднику Пасхи пекутся куличи (пасхи) и приготавливаются крашенія яйца, которыми, между прочимъ, обмѣниваются при христованіи. На Пятидесятницу (Троицу) дома крашаются зеленью, древесными зелеными вѣтками; цвѣтами и равой выстилается полъ въ домѣ. Знаютъ они дни поминовенья усопшихъ (родительскія субботы). Не всегда, не ежегодно, но случается—отправляются на богомолье въ монастыри, къ мощамъ угодниковъ: въ Воронежъ, Задонскъ, Кіевъ, Св. оры. Ради Христа подается милостыня нищимъ; при скудости средствъ,—хоть ломоть хлѣба, а иногда ковшъ зерна, луки, аршинъ-два холста; подаютъ голодающимъ, пострадавшимъ отъ пожара, калѣкамъ, разнымъ прохожимъ, словомъ всемъ просящимъ, даже, случалось, и обманщикамъ. Въ послѣдніе годы много являлось восточныхъ людей, подъ именемъ рековъ изъ Іерусалима, и получали обильное подаваніе. Когда былъ набожнѣе народъ,—теперь или въ прежнее время,—свидѣтельствовать трудно. Слышны похвалы старому времени, старымъ прежнимъ людямъ, что они къ старшимъ были почти-ельнѣе, при отдачѣ долговъ честнѣе; тогда росписокъ, векселей не знали и вѣрно отдавали ссуженное въ долгъ, а теперь гдѣтъ прежняго довѣрія.

Умственное состояніе народа нельзя назвать удовлетвори-тельнымъ. Народъ, повидимому, смышленный, бывалый, бойкій, много хорошаго видѣвшій,—въ своемъ же житейскомъ быту мало сдѣлалъ улучшеній:—полеводство, огородничество, скотоводство ведутся по стародавнему, какъ было у предковъ; въ хлѣбопашествѣ—тѣ же орудія для обработки земли: тяжелыя и неудобныя; удобренія земли не знаютъ, травосѣянія тоже, хотя хлѣбопашество есть исключительное занятіе жителей. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ; здѣсь до послѣдняго

времени были и есть сторонніе бондари, сапожники, кузнецы, скорняки; нѣтъ никого знающаго садоводство, чтобы умѣть хотя привить плодовое дерево, и нѣтъ охоты къ садоводству, не въ ходу и пчеловодство: нѣтъ ни одной хорошей пасѣки. Однакожъ не должно умолчать, что замѣчается какъ бы поворотъ къ улучшенію веденія хозяйства: заводятся желѣзные плуги, есть въ слободѣ вѣялки, были попытки заводить конныя мохотилки; появились мѣстные сапожники, портные, столяры— для нуждъ населенія; стали возводить „саманныя“ постройки; есть даже небольшое заведеніе для выдѣлки кожъ для сапожнаго товара. Нужда улучшить свое хозяйство есть, но вводится лучшее слабо; медленно; по привычкѣ ли къ прежнимъ порядкамъ, нерѣшительности выступить новаторомъ, или по недостаточности средствъ, но только лучшее вводится недружно, только немногими.

Учебнымъ заведеніемъ для просвѣщенія народа служитъ начальное народное училище, существующее съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ немъ всегда было довольно учащихся мальчиковъ, а въ послѣдніе годы оно переполнено ими, и въ числѣ учащихся стали появляться дѣвочки. Грамотныхъ, научившихся въ этомъ училищѣ читать, писать, считать, уже много въ слободѣ; найдется мало семействъ, въ которыхъ нѣтъ грамотнаго. Читеніемъ для грамотныхъ служатъ преимущественно книги религіозно-нравственнаго содержанія: Четьи-Минен, Псалтырь, Новый завѣтъ, Указаніе пути въ царство небесное митрополита Иннокентія, Исторія ветхаго и новаго завѣта. Въ народномъ обращеніи свѣтскаго содержанія книгъ весьма мало: „Соломонъ“, оракулы, нѣкоторыя сказки. Первые передаются по наслѣдству отъ предковъ и выносятся изъ монастырей, изъ Кіева, при паломничествѣ туда; послѣднія книжки, брошюры покупаются у офеней—разныхъ коробейниковъ. Къ ученію грамотѣ расположеніе и охота увеличиваются съ каждымъ годомъ, но только по житейскимъ нуждамъ не всегда учащіеся своевременно поступаютъ въ училище; рано весной, для услугъ въ домѣ, хозяйствѣ, ученики оставляютъ училище, и отъ этого изъ числа учащихся мало держатъ выпускной экзаменъ, который бываетъ въ концѣ мая, когда полевая работа въ полномъ ходу.

Отношенія малороссовъ къ великороссамъ вообще враждебныя. Хотя у насъ нѣтъ осѣдлыхъ великороссовъ, но при встрѣчѣ малоросса съ великороссомъ на какойнибудь работѣ, сейчасъ можно замѣтить ихъ обоюдное враждебное отношеніе. Часто приходится слышать, какъ ссорятся малороссы съ великороссами, если приходится имъ работать вмѣстѣ. Особенно любятъ малороссы подразнить великоросса, называя его „кацапомъ“ и „лапотникомъ“, а великороссы въ свою очередь дразнятъ малоросса „мазепомъ“. Если приходится косить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ траву или хлѣбъ, то великороссы находятъ, что онъ лучше и скорѣе косить, и всегда самодовольно говоритъ: „ты, мазешъ, моимъ махомъ хлѣбъ ѣшь“. Враждебно также относятся малороссы и къ цыганамъ. Особенно не любятъ онъ цыгана за то, что тотъ часто божится, рассказывая правду или неправду, и не имѣетъ къ нему никакого довѣрія, а потому говоритъ: „цыгане, я тобѣ не вѣрю: твѣй Богъ у свынѣнды на тернѣнды“. Рассказываютъ крестьяне также, что цыганамъ не грѣхъ божиться, потому что они спрятали Спасителя въ будку, когда его хотѣли убить жида за то, что онъ изгналъ изъ храма торжниковъ. Когда его искали жида и спрашивали у цыганъ, то цыгане божились, что его не видѣли и у нихъ въ будкѣ нѣтъ. „Вамъ божиться не грѣхъ, за то, что вы меня спасли“, сказалъ имъ Спаситель. Между малороссами даже вошли въ пословицу слѣдующія слова: „не брешъ, якъ цыганъ“, или „та брешешъ, якъ цыганъ“, если онъ не вѣритъ чтонибудь рассказчику.

Положеніе женщины въ семьѣ вообще рабское. По выходѣ замужъ она находится въ самомъ угнетенномъ состояніи, какъ то: работаетъ самыя тяжелыя работы и все, что ей прикажутъ, она должна выполнить исправно. Не спросившись старшихъ, она не должна никуда не отлучаться и не начинать никакого дѣла. Первые годы своего замужества она должна подавать завтракъ, обѣдъ и ужинъ на столъ, а сама ѣсть стоя, не сядя за столъ, а набравши въ ложку щей или каши, каждый разъ отходить къ порогу, выѣдаетъ изъ ложки и опять подходитъ къ столу набирать. Въ права хозяйки женщина входитъ тогда, когда остается старшей въ семьѣ; тогда только она дѣлается всѣми уважаемой и ей отдаютъ особое предпочтеніе.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ—зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. Если дѣти почитаютъ родителей и бываютъ послушны, то родители ихъ любятъ и стараются приобретать для нихъ все необходимое; если же дѣти непослушны, то родители, несмотря на то, что ихъ сынъ, напримеръ, человекъ семейный, гонятъ его со двора, не давши ему ничего. Иные хозяева со своими наймитами, обращаются хорошо, какъ со своими дѣтьми, другіе обращаются безчеловѣчно, притѣсняя то тѣмъ, то другимъ, и заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы.—Пьянство въ народѣ не особенно развито, кабаки посѣщаютъ рѣдко.

Сватовство между крестьянами происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда сынъ достигаетъ совершеннолѣтія, отецъ приглашаетъ двухъ человекъ сосѣдей или хорошихъ знакомыхъ въ старосты и проситъ ихъ пойти сватать за его сына дѣвку, по желанію жениха, т. е. гдѣ жениху понравится невѣста. Отецъ даетъ старостамъ хлѣбъ и тѣ идутъ или ѣдутъ вмѣстѣ съ женихомъ сватать невѣсту; причемъ женихъ одѣтый въ суконной капотъ, или крытый сукномъ козухъ садится обязательно на козлахъ. Войдя или приѣхавши во дворъ невѣсты, они не входятъ въ хату, а прежде всего одинъ изъ старостовъ подходитъ къ окну со двора, и говоритъ: „добрый день“, если днемъ, а если вечеромъ то: „дай, Боже, вечеръ добрый“, имъ хозяинъ отвѣчаетъ: „здравствуйты“; „пускайты на хватырю“ (квартиру) продолжаютъ старосты; „мылосты просымъ“, отвѣчаютъ хозяева, тогда старосты входятъ въ избу. По входѣ въ избу, крестятся и даютъ въ руки хозяину принесенный хлѣбъ, а сами по приглашенію хозяевъ садятся на лавку у стола. Поговоривъ немного о постороннемъ, старосты приступаютъ къ дѣлу, начиная такъ: „пытайты добри люды, чога мы до васъ пришли“,—имъ отвѣчаютъ: „скажыте“.—„А ось чога мы прийшли у васъ йе дивка, а у насъ парубокъ, такъ оце мы прийшли свататы за его вашу дивку“. Поговоривъ нѣсколько на эту тему, въ избу вводятъ дѣвку, чтобы она посмотрѣла на жениха, а женихъ на нее. Если жениху понравится невѣста, то старосты приходятъ нѣсколько разъ, пока не посватаютъ, или не получатъ отказъ и имъ возвратятъ хлѣбъ, ими принесенный.

Когда посватаютъ дѣвку, она идетъ собирать на „змовины“ дружекъ—(подругъ); собравши, вводитъ ихъ въ избу. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ восковыя свѣчи, прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ, и всѣ начинаютъ молиться Богу. Помолившись Богу, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери невѣстинному и жениховому, а потомъ и прочимъ роднымъ; при этомъ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

Ой, пропѣю пропѣю!
Та пропѣвъ бѣтько дѣчку,
Въ вышнѣвымъ садѣчку,
На солѣдкому медѣчку,
На зелѣному гильѣ,—
Та не жаль дѣчки минѣ.
На когѣ ты, тай Мѣрьечка,
уповѣла,

Що ты собѣ тай Ивана сподобѣла,
Чи на его худбоньку, чи на грѣши,
Чи на его урѣдоньку, що винѣ хорѣший“.

Послѣ того, какъ поклонятся, молодая беретъ тарелку, кладетъ платокъ на тарелку и сама перевязываетъ старостѣвъ; въ это время дружки выходятъ изъ хаты, а въ хатѣ остаются старики. Сватъ подноситъ всѣмъ гостямъ водку и проситъ на „оглядыны“. Послѣ этого старики ѣдутъ къ жениховому отцу и гуляютъ, а женихъ остается у невѣсты, и вся молодежь гуляетъ всю ночь. На разсвѣтѣ старики приѣзжаютъ домой, а женихъ остается у невѣсты; утромъ его угощаютъ: даютъ ему позавтракать и съ хлѣбомъ провожаютъ домой. Черезъ недѣлю послѣ „змовины“ бываетъ „сватанье“. На сватанье приѣзжаютъ сваты; ихъ угощаютъ пирогами, жаркимъ, и сватъ подноситъ по рюмкѣ воды; затѣмъ приходитъ невѣста и цѣлуется со всѣми; потомъ невѣсту посылаютъ за дружками. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ; невѣста съ женихомъ молятся, положивши по 3 поклона, кланяются въ ноги отцу, матери и всѣмъ роднымъ по 3 раза, а ихъ благословляютъ—иконою и хлѣбомъ. Послѣ благословенія садятся сваты и женихъ съ боярами за столъ, мать приноситъ платки и отдаетъ невѣстѣ, а невѣста даетъ ихъ жениху и боярамъ, потомъ перевязываетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ; при этомъ каждый отдариваетъ деньгами, кладя ихъ на тарелку. Когда невѣста окончитъ даренье, свекоръ беретъ графинъ и даетъ невѣстѣ, а невѣста дружкѣ; дружка беретъ графинъ; а невѣста тарелку

съ рюмками, дружка наливаетъ, а невѣста подноситъ жениху первому и сама беретъ рюмку, и пьютъ, а потомъ отцу, свекру; свекоръ отсылаетъ къ невѣстинуому отцу и матери. Когда невѣстины отецъ и мать выпьютъ, тогда пьютъ свекоръ и свекровь, а затѣмъ и всѣ родные; притомъ каждый за водку кладетъ на тарелку невѣстѣ въ подарокъ деньги. Въ это время дѣвки поютъ пѣсни:

„Ой! не знала, тай не выдала,	Зайдѣ, зайдѣ зъ высокого тѣрэма,
Колѣ свѣшинька найхала,	Прыголубъ ты ясного сокола.
Ой, гóрдая, тай спысывая,	Ясного сокола тай зажитыяго.
Та ще къ томѣ тай вродливая.	Дóброгомóлудцятай прыйизжаго,
Ты Марьечка, ты Степановна,	А Иванка тай Егóровыча“.

Когда молодая обноситъ, тогда дружекъ провожаютъ изъ хаты, а сватамъ даютъ обѣдать. Пообѣдавши, свекоръ подноситъ по рюмкѣ и проситъ къ себѣ всѣхъ гостей. Гости всѣ уходятъ или уѣзжаютъ къ свекру гулять, а женихъ остаётся съ боярами у невѣсты, и вотъ невѣста съ подругами начинаютъ варить вареники и угощаютъ всѣхъ, кто бы ни былъ въ хатѣ. Поѣвши вареники, всѣ зрители уходятъ, а въ хатѣ остаются нѣсколько дѣвокъ, женихъ и бояринъ; тутъ начинаютъ ужинать, пьютъ водку и садятся за столъ парубки съ дѣвками парами. Послѣ ужина ложатся спать.

Свадьба по большей части назначается на воскресенье, а въ пятницу и субботу невѣста ходитъ просить сосѣдей и знакомыхъ лѣпить шишки. Собираются женщины и начинаютъ лѣпить „шишки“, „лежень“ и „каравай“. „Каравай“ лѣпятъ такъ: въ „дичу“ сыплютъ муки, льютъ воды, зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ дичѣ. Тѣсто мѣситъ мужчина указательнымъ пальцемъ, и когда заколотить тѣсто, тогда мать невѣсты подноситъ по рюмкѣ водки, и, по выпивкѣ водки, женщины начинаютъ лѣпить каравай, при этомъ поютъ пѣсню:

„Трѣйца по цѣркви ходѣла,	Хорóбии каравайныци.
Спаса за рѣчку водѣла.	Хорóпенько каравай бають,
Ой, ходимъ, Спасъ, до насъ:	Вѣсело спивають“.
У насъ усѣ гораздъ:	

Въ субботу подъ воскресенье бываетъ „подвисѣлокъ“. Къ „подвисѣлку“ убираютъ столъ такимъ образомъ: ставятъ два стола въ длину, покрываютъ ихъ скатертями, по всѣмъ угламъ кладутъ

шесть хлѣбовъ, а посрединѣ кладутъ „лѣжень“ (длинный большой хлѣбъ, убранный шишками и калиною). Въ „лѣжень“ втыкаютъ „гильце“ (вишневая вѣтка, убранная бумажными цвѣтами, калиною, лентами и конфектами). На тарелкѣ передъ невѣстою ставятъ калачъ, убранный калиною, лентами съ красными нитками, а на него кладутъ двѣ ложки, связанные красною лентою. Пока убираютъ столъ, невѣста ходитъ, сзываетъ дружокъ и, собравши ихъ, приводитъ въ первую избу. Тутъ начинается невѣста молиться Богу; затѣмъ ведутъ ее въ сѣни и тамъ ее благословляютъ отецъ съ матерью, при чемъ она кланяется имъ въ ноги. Послѣ благословенія невѣсту беретъ поддрузій за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и сажаетъ ее за столъ. Въ это время невѣста бываетъ одѣта въ шерстяную кофту, юбку и фартухъ,—широкое ватное пальто, подпоясана сверхъ пальто расшитымъ „рушникомъ“, на шеѣ имѣетъ „намѣсто“, на ногахъ красные сапоги, вся спина бываетъ покрыта лентами, которыя привязываются къ „намѣстамъ“ и вплетаются въ косу, заплетенную широко въ „дрибушки“, лежащую на спинѣ, убранную лентами и цвѣтами, а голова повязана шелковымъ платкомъ; къ повязкѣ прикалываютъ цвѣты. Посадивши невѣсту за столъ, начинаютъ подносить всѣмъ водку, а невѣста, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ въ отдѣльности, кто пьетъ водку; въ это время дѣвки поютъ:

„А въ оцѣ Мыколы
Ударыли у дзвоны,
А Марьечкинъ батько
По двору хѣде,
По двору хѣде,
Зъ Богомъ говоре:
„Ой, маю я, Гбсподы,

Дочкѣ виддаты,
Прыйдѣ, огляды
И долею одарѣ“.
„Я Самъ не пийдѣ.
Янгуливъ пошлѣ:
Янгулы оглядѣ
И долею одарѣ“.

* * *

„Полнѣли голубонки
У полѣ, гудѣчи,
Марьечкино дивуванѣ
Тай нысѣчи,
А за ними, тай Марьечка,
Тай плачѣчи,
Риднѣнького тай бѣтенька,
Тай просѣчи:

„Ой, переймай, мий бѣтенько,
Тѣи гблубы:
Вонѣ моѣ дивуванѣ
Зъ собѣю узялѣ“!
„Ой, вѣсоко, дытѣ моѣ,
Полнѣли,
Пидь крѣлечка дивуванѣ
Пидгорнѣлы“.

Угостивши всѣхъ водкой, садятся за столъ и начинаютъ вечерять. Вечеря состоитъ изъ пироговъ, вареной капусты, лапши и мяса. Послѣ ужина старики расходятся по домамъ, невѣста же съ женихомъ, друзьями и боярами собираются куда нибудь въ избу и гуляютъ всю ночь.

Къ жениху въ воскресенье, по приглашенію сходятся „бояре“, свашкѣ и свитѣлки“. „Дружкѣ“ беретъ жениха за платокъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, вводитъ его въ сѣни и черезъ порогъ говоритъ: „Старосты, панѣ-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бѣга, та до ва́шого здѣровья,—благословѣть, старосты, молодого князя за стиль завысты“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть“. Тогда дружка беретъ жениха, заводитъ его за столъ, и возлѣ него садятся бояре, свашки и свитѣлки. Старшая свитѣлка держитъ „мечъ“, который связываетъ изъ васильковъ, крокоса и гвоздикъ; въ „мечъ“ воткнуты два деревянныхъ копыя, и къ нимъ приклеиваютъ горящую свѣчу. Когда посадятся за столъ, имъ подають обѣдать. Послѣ обѣда поднесутъ по рюмкѣ или двѣ водки, и мать жениха начинаетъ „дарить“. Сначала перевязываетъ жениха, потомъ подастъ платочекъ на мечъ, свашкамъ и свитѣлкамъ по платочку, а боярамъ пришиваютъ къ картузамъ красныя ленточки. Одаривъ такимъ образомъ гостей, молятся Богу и выходятъ изъ-за стола. Свитѣлка, одна съ мечомъ, другая съ „гильцеиъ“, затѣмъ свашки, бояры и музыканты садятся на повозки, запряженныя убранными лентами, цвѣтами и кумачемъ лошадьми. Женихъ стоитъ безъ шапки среди двора; тутъ выходитъ мать жениха и въ фартухѣ держитъ—хмѣль, овесъ, сѣмечки изъ „гарбузовъ“, орѣхи, рожки и конфекты. Дружка беретъ ее за платочекъ, который она держитъ въ рукѣ, обводитъ ее три раза вокругъ „пбйизда“, и она обсыпаетъ поѣздъ всѣмъ тѣмъ, что у нея въ фартухѣ. Затѣмъ мать беретъ платочкомъ подъ уздцы лошадей, на которыхъ садится женихъ, и выводитъ ихъ за ворота. Тутъ уже женихъ крестится, садится въ повозку, надѣваетъ шапку, и всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ.

Утромъ въ воскресенье невѣсту одѣваютъ, и она съ подругами идетъ въ церковь. По приходѣ изъ церкви въ скорости прѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ, боярами, свашками и музыкан-

тами, берутъ невѣсту и катаютъ почти до вечера. Покатавъ невѣсту, подвозятъ ее къ двору; она встаетъ и стоитъ, пока женихъ, проѣхавши раза два по улицѣ, вѣдетъ во дворъ. Во дворѣ встаютъ свашки и свитилки и становятся передъ крыльцомъ, возлѣ заранѣе поставленнаго стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ кусокъ соли; самъ же женихъ опять ѣдетъ. Тутъ къ нимъ подходитъ невѣста, кланяется три раза въ поясъ, цѣлуетъ всѣхъ свашекъ и свитилокъ и идетъ въ сѣни. Здѣсь беретъ ее подружій за платокъ, держитъ его въ одной рукѣ, а въ другой рукѣ два хлѣба и говоритъ: „Старосты, паны-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бѣга, та до ва́шого здоро́вья, благословы́ть, старосты, молоду́ за стили́ завести́“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы́ть“. Тогда подружій сажаетъ ее за столъ, возлѣ нея садятся дружки, а подлѣ иконъ, на покути, стоятъ маленькіе мальчики съ палками, на концахъ которыхъ навязано по пучку соломы. Тѣмъ временемъ подъѣзжаетъ поѣздъ ко двору; дружка вводитъ во дворъ подъ уздцы лошадей; тутъ женихъ встаетъ и становится возлѣ свашекъ. Увидѣвъ, что пріѣхалъ женихъ, выходитъ теща, выноситъ стаканъ, наполненный хмѣлемъ, цѣлуетъ жениха, отдаетъ этотъ хмѣль старшему боярину, а бояринъ сыплетъ этотъ хмѣль между лошадей; потомъ теща здороваётся съ боярами, свашками и свитилками и проситъ ихъ въ хату. Когда выйдутъ всѣ въ сѣни, дружка беретъ жениха за платокъ и говоритъ: „Старосты, паны-пидстаросты, хто до ко́го, а мы до Бѣга, та до ва́шего здоро́вья, благословы́ть старосты, молодого князя за стили́ завести́“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы́ть“. Получивъ разрѣшеніе войти въ хату, дружку подводитъ ихъ къ столу, чтобы посадить жениха за столъ; но тутъ является препятствіе: мальчики, стоящіе на покути съ соломенными „кйі́ками“, не пускаютъ жениха за столъ и начинаютъ безъ церемоніи бить впереди стоящаго дружка, прося выкупъ за косу невѣсты. Дружка подноситъ имъ по рюмкѣ водкѣ, которую они выпиваютъ до дна, даетъ имъ копѣйки по двѣ или по три денегъ и по шишкѣ, которыхъ свашка держитъ полную большую сумку; тогда только мальчики встаютъ, а женихъ залѣзаетъ за столъ, цѣлуетъ невѣсту и садится возлѣ нея, возлѣ него — всѣ сви-

тилки и свашки, а напротивъ бояре. Въ это время дружки поютъ слѣдующую пѣсню: „А въ саду соловѣйко защебетавъ, молодой Иванко Марьечку поцилувавъ“. Когда усядутся все за столъ, подходитъ къ столу отецъ невѣсты и подноситъ всѣмъ гостямъ водки, а потомъ подноситъ мать; въ это время женихъ и невѣста кланяются всѣмъ, кто пьетъ, выражая этимъ то, что они просятъ выпить.

Когда всѣхъ угостятъ водкою, тутъ молодыя бабы изъ родни, стояція на полу (кровати), берутъ у жениха шапку, пришиваютъ къ ней вѣнокъ, который берутъ у невѣсты, и поютъ пѣсни:

„Изъ Кіева швачки,
Мицѣанскіи дѣчки,

Шовка скуповѣлы,
Винокъ пришивѣлы“.

Пришивъ вѣнокъ, сестра невѣсты кладетъ шапку съ вѣнкомъ на голову, и поютъ пѣсни:

„Зять на мене
Тай не дѣвыщця:
Винъ на мене
Нѣшкомъ крѣвыщця;

Зять на мене
Кѣсо поглядѣе:
Винъ на мене
Нѣшкомъ лае“.

* *

„Ой, зятѣ хоробій,
Вѣймы копу грѣшей,

Ще копою не одбѣдешъ,
Хиба мині жупанъ купышъ“.

* *

„Не дѣвысь, зять, на мене,
По-за плечѣма, не лупай очѣма;

Заглянь у кишѣню,
Вѣймы грѣшей жмѣню“.

* *

„Зять на пичъ поглядѣе скѣса,
Чи нема на печѣ грѣса,

Кѣлы-бъ швѣдче утектѣ,
Щѣбъ не застѣвылы товѣты“.

Тутъ ей за пришитый вѣнокъ подають рюмку водки на тарелкѣ, копѣекъ 5—10 денегъ и шишку; она выпиваетъ водку, беретъ деньги, кладетъ на тарелку шапку и отправляетъ ее боярину, а сама поетъ.

„Слѣвылы бояры,
Щѣ зять багатый и грѣшей михъ,

А винъ положивъ
Полѣшку, якъ на смихъ“.

Бояринъ беретъ шапку и черезъ столъ надѣваетъ ее на жениха три раза, то надѣвая, то снимая, а потомъ беретъ и держитъ ее у себя. Въ это время дружки поютъ свашкамъ:

„Ой, ты, дружечко,
Наша Марьечко,

Чи пѣсни спавѣты,
Чи свѣшку прохѣты:

Свѣнечко, свѣнечко,
Свѣтѣлочко, барвѣночко,

А свашки поють:

„Ой, благословѣ, пѣну свѣте,
Пѣсенки намъ заспѣваты.
У нашого пѣна свѣта во дворѣ,
Стояла яблунька, либонь двѣ.
На тѣй яблунци соловѣй,

Заспѣвай намъ хоть одний,
Весело, прѣйзжою пѣсеньки“.

А на другій зузѣла.
Найхалы подолѣны съ подолѣ.
Тѣй прывезлы съ собою ыгры,
Началѣ ыгры грѣты,
А староста зѣ свѣнычкою ска-
кѣты“.

Дружки боярамъ поють:

„Рубайте вы, дружкѣ лѣзы,
Рубайте занѣзы,
Боярѣ запрягѣть,

На табакъ орѣть.
Не сѣдѣть, боярѣ, до нѣчи.
Бо вѣкѣлюе совѣ очи“.

Пришивъ вѣнокъ, требуютъ подарковъ которые выговарива-
ютъ еще до свадьбы. Тутъ начинаются дары: матери подаютъ
сапоги, сестрѣ „киснѣкъ“ (ленту), невѣсткамъ по пяти копѣекъ
денегъ, а остальнымъ родичамъ по шишкѣ. Остальныя шишки
свашка раздаетъ дружкамъ, а если не дастъ дружкамъ по
шишкѣ, то они начинаютъ ей пѣть пѣсню:

„Свашка не липѣшка,
Шишѣкъ не липѣла.
Дружѣкъ не дарѣла;
Однѣ излипѣла,
Та й ту самѣ зѣйла,

А що не дойла,
До стола прилипѣла,
А боярѣ оголодалы,
Зѣбы поломѣлы“.

Получивъ подарки, начинаетъ дарить мать невѣсты. Сначала
подаетъ платокъ жениху, потомъ платочекъ на мечъ, свашкамъ,
свитилкамъ и боярамъ по платочку или по ленточкѣ. Въ это
время дружки поють:

„Булѣ повнѣ скрѣня,
Стѣла половѣна:
Мѣте надбирѣла,

Боярѣ дарувѣла;
А боярѣ дарѣ забрѣла
Й спасѣби не сказѣлы“.

Беря подарки, свашки и свитилки благодарятъ, выражая
благодарность въ такихъ словахъ: „спасѣби свѣтови, свѣси и
молодѣй княгини, що ранѣнько вставѣла, та подѣрѣчки прѣла“.
Когда окончатъ даренѣе, подходитъ къ столу дружкѣ, беретъ
ножъ, начинаетъ рѣзать на куски каравай и подаетъ сначала по
куску на тарелкѣ жениху и невѣстѣ, а потомъ и всѣмъ роднымъ.
Дружки въ это время поють:

„А казали, дружкò старь, старь,
Ажъ винъ молодесенький,
Якъ гай зеленесенький;
А на ёму кафтанъ, кафтанъ,
Соломою напханъ, напханъ.

Обручамы голова сбита,
Мочалою борода спита,
Лычкомъ пидперезався,
Къ караваяу прыбрався“.

„А дружкò каравай крае,
Семеро дитей мае,

Та й вси съ торбынками:
Увесь каравай забрали“.

„Чы не бачишь, ты дружкò,
Що бояры каравай крадутъ;
Хто въ михъ, хто въ кишёню—
Батькови на вечерю,

Хто въ михъ, хто въ рука-
вѣци—
Дивеамъ на вечернѣци“.

Послѣ этого дѣвки выходятъ изъ за-стола, цѣлуютъ невѣсту
черезъ столъ и уходятъ, а на ихъ мѣсто садятся молодыя
бабы. Дѣвки, когда уходятъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

„Прощай, прощай, сестра наша,
Мы не твой подруженьки, ты не
наша.

Прощай, прощай, сестра на-
ша, мы вже идѣмо,
Мы твое дивуванье съ со-
бою беремо“.

Тѣ-же бабы, которыя садятся возлѣ невѣсты, поютъ:

„Чомъ ты, Марьечко, досѣжуешь
Чомъ ты бѣтенька не дякуешь
За твоє коханьячко.
Ужѣ коньки позапряжени
И колясочки позавертани,
Тильки сѣсты, та й пойдихаты.
„Я велю конькамъ вивса дати,
А визниченькамъ постоять,
Покылъ прѣйде мий бѣтенько
изъ саду—вынограду“.
Та до мене на порадѣ.
Тилько бѣтенько на поригъ,
Кланяйся, Марьечко, низенько
до нигъ.

„Спасѣби тобі, ты мий бѣ-
тенько,
За твоє коханьячко,
Що я въ тебе жила
Важкого дѣла не знала:
Тилько знала раненько
встаты,
Кѣску счисаты,
Та сплисты виночокъ,
Питы до дивочекъ,
Тай погуляты.
А тепѣрь пиду, поскачу.
Важкѣ дѣлонько побачу“.

Послѣ этого выводятъ жениха изъ-за стола, они кланяются
отцу и матери въ ноги; отецъ даетъ жениху икону, а женихъ
невѣстѣ, потомъ даютъ обоимъ по хлѣбу и говорятъ: „А до цѣго
ще прыробляйте“. Послѣ этого невѣста выходитъ изъ хаты и
становится на тарантасъ, а дружкò обводитъ жениха три раза

кругомъ „поѣзда“ и каждый разъ женихъ бьетъ невѣсту плетью, а она ему кланяется, стоя на тарантасѣ, потомъ садятся и ѣдутъ къ свекру.

У свекра встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью отецъ и мать и говорятъ: „мылосты прѣсымы въ отцовскій домъ“; потомъ сажаютъ ихъ за столъ, подносятъ по рюмкѣ, тѣмъ свадьба и оканчивается. На другой день невѣста ѣдетъ съ женихомъ, дружкой, подружками и свашками къ родному отцу завтракать.

Гуляютъ крестьяне почти цѣлую недѣлю, зазывая „бесѣду“ (гостей) одинъ къ другому. Богатому человѣку свадьба обходится не меньше 200 руб., а бѣдному не меньше 70 рублей, крупный расходъ большею частью падаетъ на водку, которой выходитъ очень много. За невѣсту женихъ даетъ обязательно деньги отъ 10 до 100 руб., хлѣба отъ 4 мѣръ до 3—4 четвертей, смотря, на чемъ поладятъ, а также ведро или 2 водки.

Родины. Когда родится ребенокъ его сейчасъ обмываютъ, бабка беретъ на руки ребенка и отдаетъ его куму со словами: „Нате вамъ новорожденнаго, нехрыщеного, а намъ прынысытъ хрыщенога и мольтвянаго“. Кумъ беретъ ребенка, отдаетъ его кумѣ, и они идутъ къ священнику. Когда придутъ отъ священника, кума отдаетъ ребенка бабкѣ и поздравляетъ всѣхъ родныхъ съ новорожденнымъ, а бабка кладетъ ребенка на печь. На крестины зовутъ родныхъ и сосѣдей и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать. За обѣдомъ кума подноситъ гостямъ водку, и гости дарятъ роженицу, а потомъ подносятъ бабка, дарятъ бабку, кладя на тарелку деньги. На третій день бабка сливаетъ на руки роженицѣ воду, которую беретъ въ колодецѣ, и читаетъ молитву „Господнюю“, „Пресвятой Богородицѣ“ и слѣдующую молитву, какъ они называютъ: „Дай, Бѣже, вѣчирь доброй, земля Тытѣна, вода Оляна, дай минѣ воды отъ усакои нужды и биды. Омываешь ты лугы и берегы и все чисте поле, мый ты хрыщеноу, порождѣну“ (имя роженицы). Сливъ на руки воду роженицѣ, бабка стелетъ за столомъ на лавѣ кофухъ, на кофухъ сажаютъ роженицу и подаютъ обѣдать. Роженица подноситъ водку бабкѣ и гостямъ (которыхъ все это время бываетъ 2—3 человѣка); вся эта церемонія у нихъ называется посадить роженицу и гостей „въ рай“.

Послѣ обѣда роженица кладетъ на столъ три хлѣба бабкѣ и на хлѣбъ-соль, а также за труды какойнибудь подарокъ: полотна или ситцу. Бабка беретъ хлѣбъ, съѣдаетъ кусочекъ, потомъ подаетъ роженицѣ кусочекъ хлѣба и кусочекъ соли. Хлѣбъ роженица съѣдаетъ, а соль завязываетъ въ рубашку, и должна ѣсть эту соль каждое утро натошакъ, чтобы скорѣе выздоровѣть. Послѣ этого бабкѣ отдаютъ все приготовленное, какъ то: хлѣбъ, подарки, и провожаютъ домой. Роженица не должна выходить въ первый разъ послѣ болѣзни, не взявъ чегонибудь желѣзнаго въ руки: гвоздя или ножа: иначе ее сглазятъ, и она долго будетъ болѣть. Роженицы, особенно здоровыя, по большей части начинаютъ подыматься и работать съ перваго дня.

Похороны. Когда умретъ у крестьянъ ктонибудь въ домѣ, то въ хату вносятъ солому, постилаютъ ее на землю, покрываютъ сверху рядомъ и кладутъ на нее покойника, гдѣ его и обмываютъ.

Обмывъ покойника, одѣваютъ его въ чистое бѣлье и подпоясываютъ пояскомъ, завязывая узелъ въ петлю такъ, чтобы ему легко было развязать этотъ узелъ на томъ свѣтѣ; на лавѣ въ это время стелютъ полотно и кладутъ его на немъ. Въ маленькій платочекъ завязываютъ копѣйку или двѣ денегъ и затыкаютъ его за поясъ покойника, чтобы ему было, чѣмъ на томъ свѣтѣ утираться и было за что откупить мѣсто. На ночь собираются мѣстные черницы (монашки) и поютъ молитвы и псалмы, а богатые люди, или если умретъ человекъ старый, начинаютъ читать надъ покойникомъ псалтырь; у нѣкоторыхъ онъ читается до шести недѣль, а также и во все это время на окнѣ возлѣ иконъ стоитъ стаканъ, наполненный медомъ. На ночь возлѣ стакана съ медомъ кладутъ чистое полотенце. Крестьяне дѣлаютъ это для того, чтобы душѣ было, что поѣсть и чѣмъ утереться, такъ какъ душа покойника приходитъ каждую ночь домой. Когда покойника выносятъ изъ хаты, хозяева берутъ жито и сыплютъ вслѣдъ покойнику по всей хатѣ, сѣнямъ и на крыльцѣ, чтобы онъ не унесъ съ собою семейнаго счастья, и чтобы жить безъ него было хорошо.

Вынося покойника изъ хаты, выносятъ вслѣдъ за нимъ и его постель, на которой онъ лежалъ, а также всѣ родные и кто есть въ хатѣ выходятъ не только изъ хаты, но за ворота и

створяють ворота, пока унесутъ покойника, вѣря въ то, что, или кто останется въ хатѣ или во дворѣ, то съ нимъ остается и смерть. Суевѣріе это такъ сильно у нихъ, что бывали случаи, когда изъ хаты выносили покойника, а въ той же хатѣ ставался сильно больной, такъ, чтобы не оставалась съ нимъ смерть, его выносили за ворота изъ постели.

Д. Шинкарева.

14.—Сл. Пантюхино.

Поселеніе и населеніе.—Говоръ.—Хаты, одежда и пища.—Народное лѣченіе.—Куриный промыселъ.—Религіозность и развитіе.—Вечерниці.—Свадебные пѣсни и обряды.—Праздничныя пѣсни.—Игры.—Повѣрья и пословицы.

Слобода находится на возвышенномъ мѣстѣ и расположена глаголемъ, т. е. на подобіе буквы Г; разстояніе ея отъ уѣзднаго города 75 вер., отъ сл. Марковки, въ которой производится хлѣбная торговля тысячъ на 100 руб., въ 25 вер. и въ 25 вер. отъ сл. Константиновки, Богучарскаго у., Воронежской губ. черезъ которую проходитъ линія Козлово-В.-Р. ж. д., и гдѣ находится станція Кантемировка съ элеваторомъ. Сл. Пантюхино находится на границѣ съ Воронежскою губ., именно: теперешняя сл. Бондарева Воронежской губ. и Пантюхино были одною деревнею, и, какъ г. Старобѣльскъ принадлежалъ къ Воронежской губ., такъ и Пантюхино была тоже Воронежской губ.; по новому же раздѣленію губерній, сл. Пантюхино раздѣлили пополамъ: сѣверная часть Пантюхина отошла къ Воронежской губ. и была названа сл. Бондаревою, а южная осталась Пантюхино, и жители сл. Бондаревой называютъ теперешнюю сл. Пантюхино Верхотой—потому что она расположена выше ихъ деревни. Крестьяне сами себя называютъ „пантюшанами“, а другіе называютъ ихъ „верхотянами“.

Мѣстные крестьяне были не помѣщичьими, а, какъ и теперь. государственными, и, съ большимъ удовольствіемъ вспоминая о прежней роскошной для нихъ жизни, передаютъ, что у нихъ было всего вдоволь: земли, лѣсовъ, скота рогатаго, лошадей, свиней, хлѣба; хлѣбъ сѣяли только для себя, а не для продажи; ситцевъ и матерій не покупали, а носили бѣлье изъ своего холста, обувь и платье тоже своей работы; деньги нужны были только для самыхъ необходимыхъ потребностей: на соль, деготь, на подушное и только. Нѣкоторые передаютъ, что первымъ поселившимся здѣсь былъ крестьянинъ Пантелеймонъ, или по мѣстному „Панько“, отъ этого Пантюха—впослѣдствіи Пантюхино.

Въ деревнѣ этой нѣтъ ни рѣки, ни пруда, но воды въ колодцахъ много. Замѣчается,—гдѣ вода, повидимому, должна быть близко, тамъ далеко, и наоборотъ.

Всѣ жители подходятъ болѣе къ великорусскому типу, языкъ—малороссійскій; особенностей говора замѣчается мало, кромѣ многихъ словъ, на примѣръ: „чи пакъ забѣвъ“—я и забылъ, каяче“—кое-гдѣ есть, виднѣется, „суромыщца“—стыдится, пидмытъ“—мѣсто для посѣва конопли, „мирщій“—скорѣе.

Говоръ. Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: рокъ—рикъ, жена—ѣнка, ледъ—лидъ, печь—пичъ, бокъ—бикъ, свой—свий, поць—пшъ, песокъ—писокъ, соль—силъ, столъ—стиль, кошка—кѣшка, котъ—китъ, громъ—гримъ, подкова—пидкова, горькій—иркѣй, колодезь—колѣдизъ, слесарь—слісарь; примѣры перехода *е* въ *ѣ*: его—ѣго, чернило—чѣрніло, пчела—пчѣла, бджола; переходъ *о* въ *ѣ*: Осипъ—ѣсипъ; переходъ *ѣ* въ *е*: твердый—вердый, зелѣный—зелѣный, козѣлъ—козѣлъ, варѣный—варѣный, орѣлъ—орѣлъ; переходъ *ь* въ *и*: вѣра—вѣра, мѣсяць—мѣсяць, бѣлый—бѣлый, снѣгъ—снѣгъ, дѣло—дѣло, рѣзать—рѣзать, орѣхъ—орѣхъ, и т. д.

Измѣненія неударяемаго *о*: горячій—гарячій, хозяинъ—хазяень, въ соборѣ—въ субѣри, хорошо—харапшѣ, Харьковъ—Каркивъ, самоваръ—самуваръ, солдатъ—салдатъ, топоръ—упоръ, яблоко—яблоко.

Звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ въ литературномъ говорѣ, почти какъ *ы*: синица—сынѣца, жито—жѣто, Филиппъ—Фыльппъ, учитель—учѣтель, умирать—умырять; *ы* произносится вообще твердо и иногда измѣняется въ *у*: былъ—бувъ и пр.; *ы*: стекло—стыкло, палець—пѣлыць, семья—сымѣя, сестра—сыстра, нельзя—ныльзя; *г* (*g* или *h*) произносится, какъ литературное *г* (*g* и *gh*); сочетанія *жа*, *ча*, *ша*, *шу*, *гу*, *жу* и проч.: жу—сыдѣю, щука—щѣка, шучу—шутѣю и др. Измѣненія *з*, *ц*—*с*: звѣрь—звирь и дзвирь, стговориться—зговорѣцьца, съ горы—зъ горы, звонъ—звинъ и дзвинъ, огурцы—огиркы, доска—дѣшка.

Измѣненія губныхъ *б*, *н* и *в*: юбка—юнка, пчела—бжолѣ, бжолѣ, внукъ—онѣкъ и унѣкъ; измѣненія зубныхъ *д* и *т*: календарь—калантѣрь, хотъ—хочъ, записаться—занысѣцьца. Звукъ *дж* рѣдко слышенъ. Измѣненія *л*: шелкъ—шовкъ,

волкъ—вовкъ, гналь—гнавъ; измѣненія звука *ф*: форточка—хвѣрточка, фонарь—хвынаръ, фунтъ—хвунтъ; случаевъ удвоенія согласныхъ не замѣчено. Случаи придыханія: овѣсь, овса—говѣсь, вивса, овца—вивця, арбузь—гарбузь, утка—вѣтка, вдова—удова, окно—викно, ось—вись. Измѣненія *щ* и *ч*: имущество—имѣчество, что—шо.

Народъ читаетъ преимущественно псалтырь, часословъ, Евангеліе, житія Св. и сказки про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и др., приобретаая ихъ отъ книгоношъ и на ярмаркахъ.

Хаты крестьянъ строятся по большей части деревянныя и изрѣдка изъ „самана“, т. е. необожженнаго глинянаго въ смѣсь съ соломою кирпича, въ четверть или 5 в. ширины и 8 или 9 вер. длины; крыты соломой; строятся въ 2 и 3 комнаты; устройство ихъ однообразно. Хату лицомъ (причишкомъ) ставятъ на югъ или на востокъ, или, если входная дверь съ юга, лицомъ на западъ; это общепринятый способъ,—не смотря на улицу. Хата въ 2 комнаты: одна изъ нихъ „хата“ для гостей и хозяевъ, „хатына“—кухня и, если—въ 3 комнаты, то 3 называется „кимната“—спальня; отдѣляется она такъ: отъ „хатыны“ печью, а отъ хаты—досками; почему она самая теплая изъ комнатъ. Это новѣйшее устройство; старинное же было въ 1 комнату и въ 3 окна, теперешняя хата имѣетъ отъ 4 до 8 оконъ, мѣстные жители не придають, повидимому, никакихъ значеній, ни углямъ, ни печамъ, ни порогамъ. Амбары стоятъ почти у всѣхъ жителей на улицу; за домомъ помѣщается маленькій амбарчикъ, вродѣ кладовой; дальше загоны (кошары) для скота; противъ оконъ на югъ сарай и конюшня; позади двора токъ (гумно) и клѣня (рига); за токомъ огорождъ для овощей, далѣе роца.

Дворъ расположенъ квадратомъ и устраивается такъ, что изъ оконъ хаты видно все, что дѣлается на дворѣ. Если семейство велико, то крестьяне не дѣлають пристроекъ къ дому; а строятъ другой, считая, что рано или поздно прійдется дѣлиться, т. е. не жить вмѣстѣ. Украшеній въ хатахъ нѣтъ никакихъ; сволоковъ съ надписями нѣтъ.

Одежда мужчинъ зимняя праздничная: тулудъ съ воротникомъ,—не у всѣхъ, 30 р. кужухъ, крытый сукномъ, или на-

ольный, отъ 10 до 20 р., свита съ воротникомъ 6 р., капеюхъ 1 р., шапка отъ 55 к. до 3 р.; весенняя свита изъ чернаго сукна 5 р., чумарка отъ 4 р. до 15 р., пиджаки, жилетъ и брюки отъ 5 р. до 15 р., картузь отъ 50 к. до 2 р.,—по большей части суконныя или триковыя пары, кушакъ 1 р. 50 к. и шарфъ отъ 30 к. до 60 к. Будничное тоже самое, только старое. У женщинъ зимняя одежда: „кожухъ“ отъ 10 р. до 20 р. платки до 4 р., „очіпокъ“ очень рѣдко, почти вышелъ изъ моды, отъ 1 р. 50 к. до 10 р., „юпка“ и „шарафанъ“ бумазейныя. Весеннія: юбки разныхъ рисунковъ, халаты и свиты изъ бѣлаго сукна 5 р., платки покупаютъ дѣвушкамъ даже шелковые до 4 р. Городское вліяніе оказалось въ появленіи пиджака, брюкъ и „жилетки“ суконныхъ или триковыхъ. Обувь—валенки отъ 1 р. до 1 р. 50 к., сапоги отъ 3 до 5 руб., штилеты отъ 2 до 4 р. Крестьяне ходятъ чисто и любятъ щеголять. Остатковъ старинныхъ одеждъ нѣтъ.

Пища: борщъ, мясо, капуста, квасъ, блины и пироги—у богатыхъ и у бѣдныхъ, различія нѣтъ. Пища улучшается, каждый безъ исключенія крестьянинъ пьетъ чай; если самовара нѣтъ, то изъ горшка, и мало употребляютъ „фруктовый“, а все требуютъ: „В. И. Попова“. Относительно чая говорятъ: „Панъ пье,—умъ ѳе; купецъ пье,—грѣши ѳе; мужыкъ пье,—пѣкъ воды ѳе“.

Мѣстные лавченіи не оказываютъ никакого вліянія; подъ ними собирается молодежь въ воскресные и праздничные дни, поетъ пѣсни и грызетъ сѣмечки. Освѣщеніе вездѣ керосиновое.

Народное лѣченіе. Есть бабки и дѣды-шептуны, которые шепчутъ отъ лишая, ячменя на глазу, отъ зубовъ и др. Отношеніе къ врачамъ недовѣрчивое, въ особенности къ фельдшерамъ. Скотъ лѣчатъ мѣстные дѣды-шептуны: „желѣзнякъ“—скалываютъ шиломъ, „курдюкъ“—натираютъ чеснокомъ, отъ запора—растеніе „калѣчики“ (*Malva rotundifolia*, *Malva borealis*), съ корнями, съ прибавкою „жѣстера“ (крушина); вскипятивши, заливаютъ черезъ ротъ; отъ „перелѣговъ“—дѣдъ-шептунъ шапкою или картузомъ обводитъ вокругъ быка или коровы съ головы до зада, кругомъ спины, шепча таинственные слова.

Занятіе. Ни садоводства, ни пчеловодства, ни кустарныхъ

промысловъ нѣтъ; главное занятіе—земледѣліе, подспорьемъ въ хозяйствѣ является куриный промыселъ. Только 15 дворовъ не занимаются этимъ промысломъ, остальные отправляются съ 15 мая до Великаго поста по Старобѣльскому, Купянскому и Изюмскому у. собирать куръ, утокъ, индюшекъ; набравши дней за семь повозку куръ, которыя возятся въ „садкахъ“, клѣткахъ, для того устроенныхъ, возвращаются домой,—изъ дому ѣдутъ „сдавать“ купцамъ, которые живутъ въ сл. Бондаревой—въ 1 верстѣ, въ сл. Куликовѣ—въ 12 в., въ сл. Бѣлой—въ 12 вер., въ сл. Константиновкѣ—въ 25 вер.; все это Воронежской губ. и Богучарскаго у. Зарабатываютъ они на одну повозку чистаго барыша отъ 5 до 20 р. и болѣе. Съ 15 мая наступаетъ сборъ цыплятъ, отъ 20 до 40 к. за пару, сдаютъ ихъ купцамъ отъ 40 до 60 к. за пару; куръ и цыплятъ побольше собираютъ послѣ жатвы хлѣба, отъ 38 до 70 к. за пару. Купцы, покупая лѣтомъ птицу, кормятъ ее 2 или 3 дня и отправляютъ живую въ Москву или Петербургъ, а птица, собранная осенью, кормится дней 12 и, ее убитою отправляютъ туда же. Съ марта до Филипповки крестьяне, человѣкъ 40, собираютъ яйца и сдаютъ ихъ тѣмъ же хозяевамъ; яйца покупаютъ отъ 8 до 12 к. за десятокъ, а сдаютъ отъ 12 до 20 коп. Тѣ крестьяне, которые занимаются куринымъ промысломъ, зарабатываютъ отъ 70 до 150 р., а тѣ, которые и яичнымъ вмѣстѣ,—отъ 100 до 200 р. Иногда купцы сами впередъ предлагаютъ крестьянамъ деньги, безъ росписокъ, отъ 70 до 150 р.

Религіозность и развитіе. Народъ религіознаго настроенія; сектантовъ нѣтъ. Крестьяне чтутъ особенно св. Митрофанія, престоль во имя его и икону св. Варвары великомученицы; послѣднюю чтутъ съ недавняго времени по слѣдующему обстоятельству: одинъ крестьянинъ отправился зимою въ Харьковъ пѣшкомъ и на обратномъ пути долженъ былъ переходить рѣку уже передъ разливомъ рѣкъ; вдругъ онъ провалился и сталъ тонуть, и пришло ему на мысль, что въ этотъ день церковь празднуетъ память св. Варвары великомученицы; онъ сталъ просить ея покровительства, и въ то самое время ему представилось, что какая то женщина протягиваетъ ему свою руку и вытаскиваетъ его. Пришедши домой, онъ разсказалъ своимъ

односельчанамъ о случившемся, почему они и выписали изъ Аео-на икону св. Великомученицы и благоговѣнно чтуть день празднованія ея памяти.

Народъ развитъ; образование даетъ одна школа; большинство молодаго поколѣнія грамотно. Крестьяне желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились, но небрежно относятся къ ремонту школы и вообще къ денежнымъ затратамъ на школу, къ учителю относятся довѣрчиво. Правы народа мало испорчены, народъ почтителенъ и добръ. Женщина считается полною хозяйкою дома, но въ обществѣ не имѣетъ никакого значенія. Родители мало обращаютъ вниманія на нравственное состояніе дѣтей и смотрятъ на нихъ только, какъ на помощниковъ въ хозяйствѣ, хотя и желаютъ, чтобы они были грамотны. Хозяева обращаются со своими работниками и работающими, какъ съ членами своей семьи,—вмѣстѣ работаютъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ 1891 г. по 1894 г. кабаки были закрыты: крестьяне сознали, что кабаки причиняютъ большой вредъ.

Каждый богатый хозяинъ имѣетъ запасъ водки. Пьянство теперь мало развито;—но замѣчательно, что крестьяне ничего не въ состояніи сдѣлать безъ могорыча: купить, продать—обязательно могорычъ,—хотя бы продажа или покупка была даже на нѣсколько копѣекъ, говорятъ: „хиба те діло, шо безъ магарыча“. Проституція нѣтъ.

При рожденіи пѣсенъ не поютъ. Сейчасъ послѣ родовъ призываютъ кума и куму и несутъ ребенка крестить; если священника нѣтъ дома, то везутъ въ сосѣднюю деревню, не дожидаясь его. Мать дитяти послѣ родовъ купаютъ въ ваннѣ. Въ этотъ день въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ,—ничего не займутъ и не продадутъ, даже самой пустячной вещи.

Вечерницы начинаются съ 1 октября и продолжаются до великаго поста, дѣвушки прядутъ пряжу, а молодые ребята сидятъ и забавляютъ ихъ игрою на гармоніяхъ или балалайкахъ; пѣсни поютъ вмѣстѣ дѣвицы и хлопцы. Приведемъ нѣкоторые:

„Сію рідьку (2 раза),
Сію, полываю.
Та родысь рідька,
Чепурненька,
На зиму сховаю.

Та ще рідьки не кұшавъ:
Кажуть—вона гирька,
А ще мѣлои не слұшавъ:
Кажуть—вона бойка“.

* * *

„Плывѣ Донъ (2 раза)
Тѣхою стрилѣю,
Та зустрѣнь, мѣла, любѣзнаго
За быструю рикѣю!
Ой вастонала, не увнала,
Гулатъ заказала.
Та ходы, маты,
Кболо хаты,

А я буду спаты (2 раза),
Тай качалочки въ головѣщи,
Пранички пидь бочкы;
Лягай, нѣнька,—
Тутъ мякѣнько;
Бодай ты не встала,
Щобъ ты моей головѣньки
Та не клопотала“!

Свадебныя пѣсни и обряды. Крестьяне сватаются большею частію въ своей деревнѣ; если же нѣтъ подходящихъ, тогда ѣздить на сторону. „Якъ задумають женѣты пѣрня, тодѣ пригласають двоухъ чоловікъ, або зъ рѣдывивъ, або зъ сусѣдъ близькихъ (та тыхъ, якѣ балакучи), котѣри называютьца старостами;—идуть вони до дѣвки, яку надумали свѣтаты; а якъ не въ своей слободѣ, то запрягають пару коней;—дойшовши або дойхавши до сусѣдъ дѣвки, роспрошуютъ про сымѣйство: чи чѣсте вони, чи не чѣсте; та яка вона наудаль, чи сырдыта, чи смѣрна, чи робитныця—(щобъ вѣйти на нѣву нестыдно було), якѣй бѣтько, яка маты, та ще вся и ридня ихъ,—и якѣхъ вони родывъ. (Ходять старосты вранци, або ввѣчери). Пидишовши до викна, старосты, съ паляныцею въ платѣчку пидь рукою, кажутъ: „здоровъ, хованъ, пусты обогрицьця.“—Бѣтько дѣвки, або старшый каже: „прѣсымъ мѣлосты,—въ бѣтькивський курѣнь“. Дѣвка жъ, якъ у хаты,—заразъ шмыгъ изъ хаты на вулицю, або до сусѣдъ. Старосты, вийшовши въ хату, скидають шапки и моляцьця Бѣгу—„здрѣствуйте, „съ середѣю“, чи якъ инше, „та будьте здорови“; отдають паляныцю бѣтькови, або старшому; той, поцилувавши йий, кладе на стиль и приглаша сидѣть ихъ. Сыдѣть вони, не роздагѣючись, съ пѣлками въ рукахъ, ковыряють ими зѣмлю, або чѣботы обтырають, спрашуютъ: „чи на отдѣнни дѣвчина, и якъ шо на отдѣнни, такъ кажитъ дѣломъ, а то мы будѣмъ шукаты собѣ ще свѣтивъ; дѣло ваше! цей хлѣпецъ вамъ звѣсний, та ѣ бѣтька егѣ знаете, та ще знаете и бѣтькового бѣтька и матирь, вони люды лѣвки и гѣрныхъ родывъ“. „За цѣго хлѣпца можно було-бъ отдать нашу дѣвчину, та у насъ недостатокъ: на свѣйбу у неѣ нѣма и скрѣни, и свѣтки празнышной, и

кожуха, и чобитъ, и сорочоу нима, и рушныкѣвъ перевязать старостѣвъ нима, та ще треба купиты очипокъ рублѣвъ за три (отъ 2 до 10 р.), (и якъ шо думаютъ отдаты, то кажутъ:) якъ вы пособыте минѣ цѣлковыхъ пятнадцать, такъ, може, будемъ и сватамы“. Торгующца.

Старостамъ приходьщца разѣвъ зъ дѣсять ходѣты, помы не вѣсватаютъ: изъ однобо рѣза дѣла ныколы не бува; пѣсля согласкы старостѣ зъ бѣтькомъ призываютъ дѣвку, и бѣтько каже дѣвци: „треба подывѣщца ще й на хлопца, хочъ мы и бачылы и зѣаемо“. Приходѣ хлопецъ.—Становлять ихъ коло порога и спрашуютъ, чи вонѣ согласни? Дѣвка: „якъ бѣтько та маты скажутъ“,—знѣчить, вонѣ согласна. Рѣжутъ тодѣ ту паляпѣцю, шо принесли старостѣ, выпинаютъ зъ—за пазухы, або кармана водку и пьютъ „могорѣчь“. Якъ оцѣ дѣло вранци, абѣ перѣдъ вѣчеромъ, такъ молодѣ достаѣ рушныкѣ и имы перевязуютъ старостѣвъ, а якъ въ ноцѣ, то дождѣаютъ ранка (утра),—бо не полагаецьца.

Вѣпьютъ водку старостѣ и идуть до женихового бѣтька и объясняютъ, въ чомъ дѣло, а женихъ остаецьца у молодѣи почуваты и ходѣ кажду ничъ почуваты, а вранци снѣда (завтракаетъ) тамъ у неѣ. Сваты зѣйдущца колы небудь абѣ на другий дѣнь и балакаютъ, на колы гулять свѣтанья; свѣтанья бува скѣро послѣ тобо, якъ поладять, и тутъ ладять, кому якѣ подаркы давать.

На якѣй дѣнь поладылы сваты гулять свѣтанья, молодѣа ходѣ съ дружкѣамы (дѣвки рѣзныхъ вѣзраствѣ) съ двора на двирь и зовѣ на свѣтанья. Молодѣа идѣ позади дружѣокъ; дружкѣы спиваютъ одну пѣсьню усѣ времья: „Не просвѣтуй менѣ, бѣтенько, свѣта минѣ не завязуй, молодѣи“. Припѣвъ: „Дѣра, дѣра, дѣра; горѣхъ, горѣхъ по дорѣзи, а бѣтько у дорѣзи“.

Якъ прышла молодѣа до-дѣму (молодѣй ужѣ прыинѣвъ сюды съ бѣтькомъ, матерью и блѣзкѣимы рѣдычѣамы), молодѣо еажаютъ за стилъ зъ старшѣмъ боѣрыномъ (шаферъ), а молодѣа съ старшею дружѣкою (шаферѣина), кладѣ на тарѣлку платѣкъ и отдаѣ молодѣму, тодѣ старшѣму боѣрыну хустку, тодѣ свѣкровѣ, свѣкрѣусѣ, хрещѣному бѣтькови и матьери, а остальнымъ даѣ по чѣрци горѣлки; за ци подаркы молодѣй даѣ одѣнѣ рубль, бо-

ярынь тóже, свѣкорь тóже, свекрѹха на парочку, а остальныхъ одѣ двадцать копѣекъ до одного рубля. Молодѣ якъ пидносе водку, молодый все время стоять за столѣмъ и кланяецца. Всимъ пидносеать, и малымъ, а главное—по порядку (по чину): бѣтькови, мѣтери, дядькамъ, титкамъ, двоюродному брату, сыстри, а то зъ—за цѣго ссбры бувають“.

Прежде, чѣмъ молодого (жениха) заведуть за столъ, молодой и молодая становятся парю и по порядку кланяются каждому изъ присутствующихъ по 3 раза и цѣлуются.

„Пислѣ пидносекъ водки, молодѣжь съ молодю и молодымъ идуть въ сусидьську хѣту, варять варѣныкы, а молодой угоща водкою. Старй остаюецца тутъ у хѣти, сидають за стиль,—хрещены бѣтько и мѣты на покути,—подають обидать (вечерять) капусту, галушкы, бараныну; бѣтько и мѣты пидносеать по рюмци. Пóсли цѣго обѣда женыхивъ бѣтько зве до себе всю бѣседу; тутъ ужѣ водкы вдóволь, оришкы, пырожкы, гуска жарына, капуста, лапша; якъ подають дрѹгу пырымину, пидносеать по-рѣду по чѣрци. (Стоить это отъ 30 до 50 р.). Пислѣ цѣго винчають, а пислѣ винца вечерыны.

На явий день вечерыны, тодѣ хóде молодѣ опьѣтъ зъ дружкѣмъ, хóде она зъ двора на двирь, кланяецца каждому по трѣчи и цѣлуе,—наряжена хорошó: косѣ убрана кисныкѣмъ (лентами), голова цвѣтамъ. Молодой хóде зъ старшимъ боарыномъ тóже зъ двора на двирь и зовѣ, (но не кланяецца); прѣйшóвни до тѣстя, прóсе: „мѣлосты прóсымъ до нашого бѣтька въ гóсти“; а молодѣ пишлѣ до свекрѹхы, тутъ йийи сажаютъ за стиль, дають по чѣрци, по пирожекѹ и по шѣнци, хто зъ нею прѣйшóвъ. Такѣ честь и молодому.

Прѣйшóвши, молодой, додóму, спрашуе дружкѣ (ропорядителя свѣдьбы); дружкó благословѣтъ: „идѣ ты до сусиды, возьмѣ свѣй тырымóкъ (продолговатая пишка), стѣршнѣй боарынъ нехай порѣже, та роздасть всимъ“. Ты пишлы и здѣлалы, шо приказано. Трѣшки опослѣ идѣ за молодымъ дружкó въ сусидьську хѣту, каже: „ходѣмъ въ бѣтькивъ курѣнь начынать дѣло робыть“, прѣвѣвши ёго въ хѣту до себе (додóму), свѣте свѣчкы; „а подайте лышень платокъ прослѣты пидъ нóгы“. Молодой, помолившысѣ Бóгу, кланяецца бѣтькови, мѣтери и всѣй

родни и знакомымъ и цилуе. Тодѣ дружкѣ, одошедши до дверей, съ молодымъ позады, ставши лицѣмъ въ хату, кричить: „Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ“. — Батько женыхъ: „Аминь, Богъ благословить“, и идутъ прямо за стилъ вси бояре; дружкѣ, завѣвши молодого за стилъ, сидѣ была старостивъ и вздорѣваецца: „здрѣствуйте“, — „здрѣствуйте“. — „Бѣже, поможи“, дружкѣ каже: „за цю вѣсть, якъ бы чѣрокъ шить, а хочъ и по ѳдний, та по пѳвний“. Попѳдчуотъ дружкѣ, винъ и вылазе витыля, и сажѣе свитылокъ (у рукахъ у ныхъ васылькы, а въ васылькахъ деревыный мечъ и кинь) и свашѳкъ. Пидступѣ бѣтько до стола, берѣ пляшку, — дружкѣ кричить: „встань, пиднимысь“. Молодыи встае, бѣтько пидносѣ молодѳму, — винъ отклѣнюецца (и водкы не пѣе и въ рѣкы не берѣ); бѣтько пѣе самъ, даѣ мѣтери и по чѣну всимъ рѣдычамъ. Якъ усимъ пиднесутъ, тодѣ пѣе и самъ молодой, боярынамъ (ихъ много), свашкамъ (женщины) а свитылкамъ (дивкѣ). Пидступѣ мѣты, — пидносѣ такъ, якъ и бѣтько, а молодой съ боярыномъ стоить и пры каждомъ пидноси и отклѣнюецца. Пидносѣять (якъ у багатыхъ), такъ почтѣ уся ридня за столѳмъ, якъ посидѣлы, такъ отѳ ужѣ не вынустатъ никого. Дивчѣта въ це время спивѣють пѣсню:

„Ломыте рѳженьку,
Стелыте дорѳженьку,
Шобъ мнѣтко ступѣты,

Та на двирь, та на по-
двирьячко;
Та на ясне сѳчѳчко“.

А якъ отдають сырѳту, то спивѣють:

„Плывы, плывы, сѣра вѣтыця,
Тѣхо й по водѣ,
Прыбѣдь, прыбѣдь, мѳя нѣнько,
Ой, дай минѣ, порѣдоньки,

Видный сырѳтѣ.
Та нехай тобѣ порѣжають
Ти, шо й отдають“.

Пѳсли цѣго пѳтчуванья, рѳдычивъ сажѣють вечерѣть, пѳтимъ того росхѳдяцца, а молодой, не дожидѣаясь вечерѣи, берѣ боярь и берѣ двѣ хлѣбѣни и кусѳкъ сала, и пивквѣрты водкы, идѣ до тѣстя; тамъ зъ молодѳю и дружкѣамы вечерѣяють.

Та же сама истѳрѣя идѣ и у молодѳи; — тѳчно такъ, безъ всякихъ изминѣний.

Перѣдъ свѣдѣбой дня за два пычѣтъ шишкы, лѣжень (про-долговатый хлѣбъ), корѳвай (круглый); якъ той, такъ и дрѣ-

гий—украшинный. Колы сажаютъ коровай, то старающа по-
пасты хлѡнца, и шобъ винъ вымывъ пичку и посадивъ хлѡбъ;
за це ёму дають чарку горѣлки. Посадивши коровай въ пичъ,
четыри молодѣи бабы берутъ дижу и обносятъ йийи трѣчи кру-
гомъ; при цѣму спиваютъ: „Дижку носятъ на рукахъ, а пичъ
ходе на ногахъ“. Проспивавши, наперерывъ одна пара передъ
другою, целующа, становлятъ дижу на зѣмлю, накрываютъ
скатертною, становлятъ пивъ-бутылки, водки и кладутъ шишки,
пьють и закусюють.

Сбирають пойдзъ у молодого. Сходяща боаре, звѡдять
кѡни, запрягаютъ, заплитають, кисничкы, кѡни накрываютъ
кумачѣмъ, дзвѡныкы привязують до дуги и обмѡтуютъ кума-
чѣмъ. (Дзвѡныкы прѣсятъ у свойхъ крестьянъ, и за це повѣнь
дзвѡныкъ водки). Якъ усѣ оцѣ готово, дружкѡ введе молодого
въ хату и всихъ боаръ зъ надвору, и въ хати моляща Богу,
крячѣть дружкѡ: „подайте платѡкъ прослатъ, де быть поклѡны“;
поклонившимъ бѣткови, матери и всимъ родычамъ, тодѣ за-
веде молодого за стилъ. Дружкѡ даѣ ёму двѣ хлѣбыны пидъ
праву рѣку и, перекрѣстившись, ведѣ кругомъ стола и садо-
вытъ на покути; молодой кладѣ по хлѣбыни по углахъ; довив-
ши молодого до покути, самъ сида, здраствуеща съ старо-
стѣми (котѡри тутъ же сидѣтъ); дружкѡ: „здраствуйте вамъ“,
„здраствуйте“, — старостѣ одвѣчаютъ; „Боже, поможи“, — „спа-
сиби за добре слово“. — Дружкѡ: „за цю вистъ якъ бы чарокъ
пийтъ, а хотъ и по ѡдний, та по повний“. Пѣе дружкѡ, пидносѣ
старостѣмъ; послѣ выпивки дружкѡ встѣе, — сажѣе свитѣлокъ
и свашѡкъ. Свашки становлятъ тарилки и крячатъ на боаръ:
„подавайте свой шапки: мы будѣмъ пришивати стежки“; при-
шиваютъ старостѣмъ и визныкамъ; — старостѣвъ и визныкивъ
ще й перевязують рушныками. И кажень за свою шапку ки-
даѣ копѣйку въ повозку свашѡкъ. Пидступа бѣткѡ до молодого
и частѣе ёго; винъ откланюеща; пидносятъ уеймъ, — тодѣ
молодому съ боарамы и свашкамъ; тодѣ пидступа потчувати
мѣты, — такѣ же цырымѡния. Попотчувавши гостей, — дружкѡ
сидѣ за стилъ, а свашки и свитѣлки вылизѣаютъ. Дружкѡ
опѣять здраствуеща съ старостѣми; тодѣ выведе молодого
изъ-за стола и даѣ опѣять ти двѣ хлѣбыни, що булы поло-
жени на краяхъ.

Убыраюцца до молодби: кладуть у торбу той хлебъ; и шишокъ кладуть у торбу, та ще й прыбавлять дви хлебѣни: всихъ чотыри; выходать зъ хаты, сѣдають на тарантасы; садѣцця молодый и, вставши на нѣги, хрыстыцця на вси чотыри стѣроны; зъ нымъ сѣда, старший бойрынтъ;—друга повѣзка зъ свашкамы и свитѣлкамы, трѣтя, повѣзка зъ боярамы, четвѣрта зъ старостамы, (старосты ще не сѣдають: дожидаютъ вѣрмья).

Маты берѣ хмѣлю, вивса, орыхвѣ, кониѣкъ и старыхъ грошѣвъ въ пѣлы, держа пѣлы съ платкомъ;—дружко берѣ за хустку (платѣкъ) и обводе кругомъ пѣйизду, куды сончыко идѣ; одынъ разъ, втѣрый разъ, довѣвши до переднихъ коней, де молодый сѣдытъ, и кыдаеть навхрестъ; народъ такъ и пада на землю: дѣма схватѣтъ копѣйку, и крычѣтъ: „кыдай, мамо, сюда“; якый остаецця хмѣль въ заполи, маты опѣать захѣде напередъ коней и сѣпе имъ пидъ нѣги и тодѣ берѣ полѣю за пѣводы абѣ за вѣжки, а дружко берѣ матырь за пѣлу и вывѣдытъ до двѣра потыхѣнъку,—тодѣ отсѣакуе на бикъ;—молодый, якъ тѣлько маты вѣведе зъ дружкомъ за вѣрѣта коней, то сейчасъ съ правой руки кыда грѣши на обѣ двѣ стѣроны.

Пѣйиздъ пѣйхавѣ. Дружко зъ своимы старостамы зовѣ людѣй у хату—дорѣгу глѣдытъ; дадѣтъ по стакану и идѣтъ до молодби въ двѣрь. Дѣвши нарѣду по стакану и по шынци, прѣсѣять на вѣчеръ, якъ молодѣ прывезѣтъ.

Пѣйиздъ дойхавѣ до цѣрквы, трѣчи оббижить кругомъ неи; тодѣ встаѣ молодый съ старшимъ бойрыномъ, идѣтъ на схѣдци цѣрквы и, взийшовши на рунѣкъ (папертъ), моляцця Бѣгу,—идѣтъ и сѣдають на тарантасъ, катаюцця по слободѣ. Молодѣ, якъ бы дождѣа молодѣго, хѣде съ дружкамы по улыци, а, побѣачивши пѣйиздъ, хѣаецця въ хату; якъ пѣйиздъ добѣжѣтъ до тѣи хаты и стѣне пытѣты,—де вѣна, пиддружинѣ, (со стѣроны невѣсты, то, что со стѣроны жениха дружкѣ) скѣже молодый, шо йий ждуть; вѣна вѣйде зъ хаты на улыцю съ дивчѣтамы, пѣйиздъ оббига кругомъ йихъ, и тодѣ молодѣ пидхѣде съ старшѣю дружкою до молодѣго, здѣрѣвѣаюцця и цѣлююцця со всимы, хто на пѣйизди, за шо имъ пидносѣтъ по рѣмци моло-

дѣй. Пойѣхали ще катаѣцца. А старосты ужѣ давно прійѣхали до свѣта; не дойзджая до свѣтового двора, ихъ заравъ зустрічають и не пускають у двирь; а дружкѣ иде самъ у хату до свѣта и достаѣ изъ кармана дви шпшки: „здрѣстуйте вамъ, свѣтокъ и свѣха, Бже, помож! вамъ клѣняюцця свѣтъ—свѣтови, а свѣха свѣси, князь—княгѣни, а вамъ, свѣтушка, ще й хлибъ—силъ отъ свѣта и отъ свѣхи“, даѣ ти дви шпшки, и тодѣ дружкѣ поглядѣе въ глухий край (де стоять рогачѣ), чи нема тамъ колдѣныци; якъ шо ѣе, такъ винъ даѣ йѣй шпшку (щобъ не колдовала), и дружкѣ выбига тодѣ зъ хаты безъ шпшки до воритъ, де старосты дожидають, и каже винъ старостамъ: „попштите людѣй, и вони васъ пропустятъ на постѣальный двирь“, старосты пидносять по рѣмци, и ихъ пропускають у двирь.

Дружкѣ кыва на поѣиздъ, щобъ йѣхавъ, берѣ коней за поводы и вѣзжѣа у двирь,—встають боѣры зъ повѣзки, убыврають коней, кладѣть сѣна, и дружкѣ иде въ хату и посидѣа за молодѣю пиддружого.

Перѣдъ порогомъ стоить стиль, накрытый скатыртѣною, хлибъ и силъ; перѣдъ столѣмъ становляцця старосты, дальше молодой зъ боѣрамы (вси стоять безъ шапокъ). Дружкѣ молодого ухѣде въ хату и говорыть: „клѣнялась свѣха—свѣтови, а свѣтъ—свѣси, а боѣры—дружечкамъ, а князь княгѣни—на хлибъ—на силъ“.—Кладѣ дви шпшки на стиль;—сидѣть рядѣмъ собравшиися срѣдственыки и срѣдственыци княгѣни и говорятъ дружкѣви:—„здрѣстуй, дружкѣ!“—„А я и забѣвь зъ вами, свѣхи, пѣздоровкацця“ (важно), и начинѣе зъ свѣхи (титки молодой) и свѣта, матерѣну сестрѣ; дрѣгимъ любопытѣно, кажутъ: „поцилѣуй и насъ, свѣту, ну, да пидрѣдъ усѣхъ,“—„ну, извенѣте“, „та не такъ тѣичкы (только), ты цымъ не одбѣвь, то поцилувавь, а хѣчецця намъ ще и свѣтовѣи по рѣмочци вѣпыты“.—„Та хто ѣго зѣѣе, свѣшенъку: я за дѣломъ прійѣхавъ, минѣ нѣжно о томъ смотрѣть, на менѣ дорѣчено (поручено) цѣлое собравны хазѣйства бракосочѣтанныя. да, мабѣудъ, ужѣ пиднестѣ, моглѣ бытъ, шо вы якъ на дѣйстви, то и за мноѣ заступытесъ“. Вынимаѣетъ зъ-за пѣзухи, абѣ зъ кармана полушѣбка, чи свѣтки, илы же тѣчыть изъ бѣченка, котѣрый батъ-

комъ на продовольствие поѣзда дѣнный, и тѣчить, вынимаетъ зъ-за пазухи рюмку пидноситъ бѣткови (князьви), той отсылаетъ; „ну, будьты, здоровы“, хрестыцца; „дай же, Господы, сие дѣло добре началы, такъ съ Божью помощю и коньчить, дай, Богъ, сватокъ, помершимъ царство небесное, а за водочкой, живымъ легенько погадаецца, вашимъ, сваточей, нашимъ и всимъ знакомымъ“,—„кушайты, кушайты, сватокъ, ну, будьты здоровы!“ Выпиваетъ стаканчикъ до половины,—„сватокъ, це ты намъ ны радъ, будьты насколькы добри“,—„я радъ бы выпить: да мни дѣла то много предстойтъ“,—„хоть, трѣшки прибавте ищѣ“,—„будьты здоровы, сваты и сванютки“,—допиваетъ стаканчикъ.

Наливаетъ и даетъ бѣткови, та ще кому небудь: „время не ждѣтъ, намъ нужно, о чомъ насъ бѣткѣ пославъ, о томъ должнй мы и заботыцца. Якъ же то такъ, сватокъ, будьты здоровы“. Выпивъ бѣткѣ, дае матыри, маты одсылаетъ дружкови: „сватокъ, извольты соби“. „Сванютка, я южъ и такъ выпивъ: отъ свата и отъ себе, а це васъ прошу покѣрнийше, сванютка, кушайты“,—„Ну, сватокъ, дай же, Господы, шобъ счасливо и благополучно оцѣ дѣло начатъ и коньчить“,—Начинае дружкѣ порядку пидноситы по рюмочци, и тии выпиваютъ по силе возможности, поряду. „Довольны ли вы, сваты и сванютки?“—„Довольны“,—Дружкѣ каже: „ныльзя ли изъ васъ тамъ, сватокъ, выгадаты по рюмочци?“—„Ну, сватокъ, якъ добрый ты чоловікъ, попѣтчую“,—берѣтъ водку, наливаетъ у рюмочку:—„сватокъ, извольтысь“,—„Извольтысь соби, сватокъ“,—наливаетъ другу:—„извольтысь“,—„Ныхай сватынька выпеть“. Сваха (на глазахъ со слезами): „дай же Богъ, сватокъ, шобъ все благополучно будѣ“ (напоминаецца матырына утрѣба, родившая дѣтѣ—и отдаѣтъ у странни рѣкы, и чырызъ то у неѣ открывающецца слѣзы)—„будьты здоровы!“—„Кушайты, сванютко, Богъ дастъ счастья и здоровья,—житы будуть“. Выпиваетъ сванютка, и слѣзы на глазахъ; бѣткѣ тѣже утыра глаза, вдобавокъ говорить, кывъ на свою хазайку: „кушай, кушай, стара!“—Выпила. Тепѣрь наливаетъ дружкови, отсылаетъ винъ блызькимъ рѣдычамъ, а якъ нымъ, каже: „кушай, сватокъ, время ны ждѣтъ, поскорий, дружкѣ“,—„Ну, сватокъ, дай же Богъ, шобъ

благополучно“,—берѣ тутъ у рѣки рѣмку и хрѣстыцѣя:—„по-мѣршимъ царство небѣсное, за хлѣбомъ-солью—будьты здоровы“. Вышывъ: „Ну, свать, у васъ усѣ готове?“—„Та, сватокъ, усѣ“. „Ну, посылайте,—де у васъ пиддружій,—посылайте за дѣтьми, а ты, мамо, ѣсли у тебе все готово,—подарки,—якъ тамъ у васъ съ свѣтомъ на договори булѣ: свашкамъ, свитылкамъ, боѣрамъ“.—„Та усѣ, усѣ, свать, готово!“—Дружкѣ товарищу: „Та й ты, товарищъ, мабудь, вышьешъ?“—„Та я того и дожидаюсь!“—Пидносе ёму; той отсылаеть ёму. „Ну, будь здоровъ, якъ шо такъ“,—налива другу и дае ёму:—„можѣ, ще кому?“—„Нить, тутъ ничого, а немѣленно-поскорій“.—„Ну, будь здоровъ, братыцъ“,—пѣе:—тепѣрь, можѣ, ще другу пидбавыты.—налитъ?“—„Нить, довольно“.—„Иды жъ, сватокъ, поскоріе, отыскай дѣтѣй!“ Уходе и скоро введе молодѣ въ домъ; свѣтятъ свичкѣ, моляцѣя Бѣгу и пиддружій просытъ платокъ; молодѣ кланяюцѣя; бѣтко йий берѣ хлѣбну и стоить, а дочка трѣчи кланяецѣя и цилѣе бѣтка. Пиддружій передае цю хлѣбну матери, дѣду, бѣби, дѣдькови, тѣтци, старостамъ молодѣго.—„Та ще кому?“—„Та билышъ нема нѣкому“.—„Ну, кланяѣся минѣ“ (пиддружому).—Поклонѣлась и поцилувала по—трѣчи. Тодѣ пиддружій берѣ двѣ хлѣбни пидъ праву рѣку, дае молодѣй одѣнъ край хѣстки, а самъ берѣцѣя за другій.—„Гѣсподы, благословѣ“,—и завѣде за столъ; за нѣю идѣ старша дружкѣ, обходѣтъ кругомъ стола, и садовѣцѣя молодѣ на покути, а пиддружій на прычѣлковѣй лѣви; тутъ же и старостѣ пидсуваюцѣя, и пиддружій здоровкаецѣя съ старостамы: „за цю висть—чѣрокъ шить, а хочъ по ѣдний, та по пѣвний“.—и пиддружій берѣ зо стола водку, наливаееть и пидносѣтъ старости; староста ёму отсыла.—„Ну, будьте здоровы, дай, Гѣсподы“, и т. д. Потѣмъ вышывае староста и другій, и тодѣ пиддружій идѣ, кудѣ знае. Пѣсли цѣго бѣтко берѣ водку, абѣ частійшъ варѣнѣй медъ, котѣрий стоить на столѣ, заткнутѣй колѣсыамы изъ жита; молодѣ встае зъ старшою дружкою на нѣги, бѣтко пидносе йий; вона одказуецѣя; пѣе самъ; тодѣ матери, по чѣну пѣсли старшихъ пѣе молодѣ зъ своимы дружкамы; тодѣ пидносе маты. Дружкѣ: „Свать, у тебе старостѣ есть, хай выхѣдѣтъ тудѣ до стола; а ти, шо перѣдъ порѣгомъ

стоять безъ шапокъ, зъ хлѣбомъ и солью, поки дружкѣ роспорядыцца“, выплы вонѣ. „Здраствуйте, сваты“.—„Здраствуйте, сватыки“,—„шо вы за люды?“—„Та пришлы до васъ погрицьца“,—„Мы жъ ны знаёмъ, шо вы за люды“.—„Та мы люды добри: (вокругъ народъ стойть и хохочеть изъ нихъ; хто небудь и крычить: „полно вамъ морозыть“).—„Если (колѣ) такъ, такъ и такъ,—давайты здорѣвацца“. Начинають три рѣза цилувацца черезъ стиль навхрестъ. Заразъ же выхѣде маты изъ хаты и дае по чѣрци молодому зъ боѣрамы мѣду съ хмѣлѣмъ; вонѣ не пьютъ, а выльвають за спыну, и тодѣ ввѣдять ихъ въ хату“.

Праздничныя пѣсни. На Р. Хр. дѣти ходять съ поздравленіемъ до разсвѣта и поютъ:

„На вылькый плачъ Охлиѣмъ,
Когда Ыродъ народѣвся,
На Хрыста возмутѣвся.
Повелѣвъ Хрыста ськатъ,
Молодыхъ дитѣй бытъ побы-
вать,
На копьяхъ пиднимать,
Безбожна царя проклинать.
Ыроде, Ыроде, скверный сынъ,

Шо ты сочинѣвъ,
Чотырнадцять тысячъ
Невыннхъ младѣнцѣвъ
погубѣвъ.
За царствомъ-багацтвомъ
погнався,
Самъ въ вѣчную мѣку по-
пався“.

„Снимъ, поздравляемъ, та будьте здорови съ праздыкомъ“.

Съ понедѣльника на масляной начинають варить „варѣныкы“ и печь „блны“. Дѣвки и хлопцы поютъ пѣсни,—что называется „козда водить“.

На новый годъ говорятъ:

„Роды, Бѣже, жѣто й пшенѣцю, всяку пашныцю, та будьте здорови. Съ праздыкомъ, та зъ новымъ годомъ, та зъ Васылѣмъ“.

31 Декабря на Меланію дѣвки, собравшись гурьбою, поютъ подь окнами.

„Мыланка ходыла.
Васыля просыла:
Васылю, мий баѣю,
Пусты менѣ въ хату,
Я жѣта не жѣла,
Чесный хрестъ держала.
Кадыцьца (кайтѣся) люды:

До васъ Исусъ Хрыстѣсъ будѣ,
Бѣгу свичу ставѣ,
А намъ пирѣгъ дайте,
Зъ рукамы, зъ ногамы,
Шобъ бигъ за намъ;
Безъ рукъ, безъ нигъ,
Шобъ не впавъ въ снѣгъ“.

„Чи дома дядько?
Чи дома тѣтка?
Чи варылы кашку?“

Дайте минѣ галушку,
Якъ не дастѣ, такъ самы
зйистѣ“ (веч. поздно).

На Свѣтлый Праздникъ дѣти поють:

Христось Спаситель,
Гдѣ былъ на крестѣ прибытый,
Тогда былъ страхъ великий,
Земля тряслась,
Каминь роспадъся,
Исусова Мать
Подъ крестомъ стояла,

Своего Сына прыглядала.
„Мой Сынъ прекрасный,
Чого помыраешъ,
Въ гробъ плащаницю прын-
маешъ?“
Христось Воскресъ (3 раза).

На Троицу крестьяне только украшаютъ свои дома зеленью.

Въ „чѣмтый четвергъ“ до разсвѣта моются и купаются почти всѣ, чтобы не было накожныхъ болѣзней, и бьютъ сви-ней; говорятъ, что въ салѣ этихъ свиней никогда не заведется ничего ни противнаго, ни вреднаго.

Въ первый понедѣльникъ послѣ Св. Хр. Воскресенья слу-жать панихиды на гробахъ; послѣ служенія—преимущественно бабы—устраиваютъ попойки.

Дѣтскія игры:—„панась“ (бузмирка“), лѣтомъ мячъ, зимою и осенью—„свѣнка“ (отрубокъ изъ крѣпкаго дерева, который одна сторона отбиваетъ у другой). Дѣти, юноши и взрослые преданы картамъ,—юноши и взрослые играютъ на деньги, въ три-листика, а дѣти на спички.

Танцуютъ „камарынский“ и „чоботы“, подъ игру на балалайкѣ, гармоникѣ, скрипкѣ и „цымбалахъ“ (родъ цитры).

Повѣрья. Люди вѣрятъ, что, когда разорить гнѣздо ласточкы и при дворѣ, то она испортитъ корову, которая не будетъ мо-лока давать, а хотя и будетъ, то съ кровью и невкусное, по-чему уважаютъ и не трогаютъ этихъ птичекъ.

Если зимою большіе морозы, то нужно насчитать 40 лы-сихъ, и морозъ перестанетъ. Вѣрятъ, что, когда загремитъ 1-й громъ, то нужно сейчасъ же бѣжать и опрокинуть какойнибудь возъ (телѣгу), тогда опрокинувшій цѣлый годъ не будетъ болѣть. Послѣ перваго дождя—купаются—(хотя и рѣчки нѣтъ).

Пословицы: „Прывыкла собака за возомъ бѣгаты, такъ и за саньмѣ не вѣрпе.—Ныхай кобыла за дѣломъ, а лоша вѣссе безъ дѣла.—Якѣ корѣнья, такѣ и насѣнья.—Хочъ не по кобыли, такъ по оглобли.—Въ гуртѣ и каша йсыщья; гуртомъ и бѣтка лѣвко бытъ.—Тимъ саломъ, та по тий же и шкурѣ.—Абѣ выла въ бикъ, абѣ сѣна клокъ.—Була ны була—побувала.—Усѣ кизякѣ перевернувъ, та все вашойи мѣлосты шукаю, а вы бѣзъдечки собѣ разбандѣрылысь.—Побачивъ и я смѣленого вѣвка.—Низя тѣко на нѣбо злѣзты, а то дывысь, яка онъ высѣка дзвинѣця, й на нѣи жъ бачъ лѣзютъ.—Вѣнъ прѣты торѣшнѣго хочъ и чортъ, та дѣла не бѣде: въ ѣго вѣвча дѣжка; сказавъ, якъ завязавъ.—Аминъ пирижкамъ.—Хто бѣде, той самъ рѣно встѣе.—Горѣ жъ минѣ та бѣда, шо вѣйшла замѣжъ молодѣ.—Грѣши—чѣрвы, а людѣ безъ йихъ—чѣрти.—Тоди полѣгша, якъ ракъ свѣсне.—Богъ не телѣ, бѣче й видтылѣ.—Була правда, та заржавѣла.—Й тому добрѣ не бѣде, хто скѣже, шо вонѣ колѣ бѣде.—Дѣлженъ, не спѣрю, одѣамъ нескѣро, знѣчить, пѣдождѣ.—Такой нѣжный, якъ свѣнѣ архирѣй.—Испылѣ кровь, такъ и мѣсцѣ зѣйжте.—Нѣша Прѣська все трѣска, и бублыки лѣпе якъ хто кѣпе, а не кѣпе обѣдѣцѣця, вонѣ и такъ мѣнѣцѣця.—И пѣво—мѣдъ пѣе, якъ хто даѣ, а не маѣе, то й такъ перекотулаѣ“.

И. Н. Шухминъ.

15.—Сл. Райгородна.

Населеніе.—Населеніе и языкъ.—Одежда и пища.—Волѣны.—Занятіе.—Религіозность.—Свадебные обичаи и пѣсни.—Похороны.—Примѣты о погодѣ и этнографическій календарь.—Писанки.—Посѣвъ и косовица.—Игры.—Демонологія и повѣрья.—Сказки и пѣсни.

Слобода расположена на правой сторонѣ р. Айдаря, болшею частью на отлогомъ мѣстѣ, а меньшею по склону холмовъ. Почва этой мѣстности почти вся супесчаная; растительность встрѣчается по низовьямъ очень хорошая, имѣется много садовъ, въ которыхъ растутъ различныя фруктовыя деревья, а по склону холмовъ сады съ каждымъ годомъ высыхаютъ. Слобода находится въ 50 в. отъ уѣзднаго города Славяносербска (Екатер. губ.) и въ 35 в. отъ Луганска (Екатер. губ.). Окрестности Райгородки въ старинное время были покрыты непроходимыми лѣсами, въ которыхъ обитали шайки разбойниковъ, занимавшіеся грабежомъ. До сихъ поръ сохранились здѣсь курганы и пещеры, какъ ихъ памятники. Эти разбойники находили себѣ пріютъ и у перваго поселенца Яндилова. Отъ имени этого поселенца сл. Райгородка сначала именовалась „Яндиловой“. Съ 1759 года часть дворянцевъ сл. Райгородки (Изюм. уѣзда) была переселена въ Яндиловку, по просьбѣ полковаго начальника, и отъ имени новыхъ поселенцевъ сл. Яндиловка стала называться Райгородкой. Народъ объясняетъ названіе своей слободы еще такимъ образомъ: во время казачества всѣ поселенія, занимавшіяся ими, назывались городками. И вотъ, осматривая войска. одинъ начальникъ пришелъ въ восторгъ отъ этой красивой мѣстности и ея жителей и далъ поселенію названіе Райгородки.

Населеніе и языкъ. Въ слободѣ считается до 2,172 д. жителей, изъ этого количества на мужской полъ приходится 1,073 души, а на женскій 1,099. Здѣшніе мужчины по болшей части средняго роста, а женщины высокаго. Волосы болше чернаго цвѣта и гладкіе. По наружности населеніе не отличается кра-

сотою, хотя въ старинное время могли гордиться ею. Причина, вліяющая на перерожденіе красивыхъ, есть болѣзнь, свирѣпствующая здѣсь въ сильной степени.

Эту мѣстность населяютъ великоросы, пришедшіе частью изъ Орловской губ., частью изъ Калужской, Тульской и Воронежской. Въ ихъ говорѣ часто встрѣчаются слѣдующія неправильности: звукъ *о* неударяемый подвергается измѣненію въ *а*, напр., галава (голова), харашо (хорошо), агурцы (огурцы); неправильное употребленія *а* послѣ горт. *к*, напр., Вѣнька (Вѣнька), Дунька (Дунька); послѣ свистящихъ и шипящихъ также встрѣчаются неправильности: чѣпля (цѣпля), чѣпочка (цѣпочка), шшотка (щетка), шшакѣ (щека), тьвѣты (цвѣты), тьвѣтутъ (цвѣтутъ); мѣстоимѣнія: кого, того, себѣ, тебѣ выговариваются: таво, каво, сабѣ, табѣ; въ глаголахъ наст. времени 3 лица, звукъ *ѣ* произносится за *е*, напр., зальѣтся (зальѣтся), озовѣтся (озовѣтся); вмѣсто глагола наст. вр., 3 лица, употр. дѣепр. съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр., хѣдя (ходить), ѣдя (идеть), пѣша (пишетъ).

Изъ мѣстныхъ словъ интересны слѣдующія: закутѣтся (заставляется), окѣчены (ставни), пѣнька (хлѣвъ), анадѣсь (дня 2 назадъ) дѣвеча (нѣсколько часовъ назадъ); ласкательныя слова: радѣменькая май, ягодѣночка май, зѣлото, зѣрнышко.

Народъ въ этой мѣстности по большей части читаетъ — Евангеліе, Псалтирь, житія святыхъ, о страшномъ судѣ Господнемъ, поминовеніи усопшихъ, церковномъ Богослуженіи, а также читаетъ сказки и нѣкоторые отрывки изъ русской исторіи, объ Иванѣ Царевичѣ и о сѣромъ волкѣ, Конекъ Горбунокъ, Приключеніе Робинзона Крузе, Довъ Бихотъ, Крещеніе Руси, Убіеніе царевича Димитрія, Александръ Невскій, нашествіе французовъ. Между крестьянами болѣе распространяются книги духовно-нравственнаго содержанія, доставаемыя въ церкви, въ мѣстномъ народномъ училищѣ, или покупаемыя ими на ярмаркахъ.

Одежда. Въ праздничные дни лѣтомъ одежда мужчинъ состоитъ изъ „чумарки“ дорогого сукна, шерстяной или ситцевой рубахи, жилетки, шароваръ изъ черной или синей китайки и картуза. Костюмъ женщины — изъ кумачеваго сарафана, или

шерстяного, цвѣта: синяго, зеленого, бордо, отдѣланнаго кружевами, лентами и шнурками, самодѣльнаго сарафана (прядуть шерсть изъ овецъ, ткуть ее, синятъ, шьютъ изъ него этотъ костюмъ и отдѣлываютъ его краснымъ ситцемъ, лентами, сѣтками или позументами и пуговицами), рубахъ съ прошивами изъ миткаля, кумача и заграничнаго (т. е. краснаго съ рисунками) ситца, короткихъ люстриновыхъ или нанбуковыхъ кофть. Кромѣ этого, молодыя замужнія женщины, а также и нѣкоторыя среднихъ лѣтъ носятъ „кокошники“ изъ бархата и шелка. Первые называются „бархатниками“, а вторые „штѣфами“. Къ кокошникамъ надѣваютъ „подзатыльни“ изъ бѣлаго миткаля, вышитыя серебряной канителью и украшенныя разноцвѣтными „монистами“. Молодыя дѣвушки носятъ перевязки изъ шелковыхъ платковъ, украшенныя перьями и „лопастиками“, т. е. ленты, привязанныя къ янтаркамъ, бусамъ и разноцвѣтнымъ „монистамъ“. Пожилыя женщины носятъ шерстяныя и гарусныя платки.

Въ будничные дни вся одежда мужчинъ холщевая; рубахи обыкновенно шьютъ съ красными „ластовками“, а „жерелки“ (воротники) вышиваютъ красною бумагою. Женщины носятъ все свои старые костюмы.

Въ зимнее время одежда мужчинъ и женщинъ почти та же самая, разница только въ верхней одеждѣ: женщины вмѣсто своихъ осеннихъ и весеннихъ халатовъ и сѣрыхъ зипуновъ, носятъ бѣлыя шубы, отдѣланныя сафьяномъ, шнурками и опушенныя „курпéкомъ“ изъ смухъ, синя и черныя, крытыя нанбукомъ и китайкою, опушенныя бѣлкою. Мужчины носятъ дубленые полушубки, полушубки изъ смухъ, отдѣланныя сафьяномъ и шнурками. Шапки „курпéчатя“, плюшевыя и „каплеухи“ малороссійскіе.

Къ старинной одеждѣ этой мѣстности принадлежатъ сарафаны, кокошники, перевязки,—которые въ настоящее время мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются городскими ситцами, бумазеей и всевозможными платками. Такая перемѣна, какъ объясняетъ народъ, происходитъ отъ того, что старинная одежда очень дорого стоитъ, а послѣдняя дешевле.

Пища. Богатые и бѣдные крестьяне этой мѣстности ѣдятъ почти одинаково; разница состоитъ въ томъ, что богатые въ скоромный день ѣдятъ борщъ съ мясомъ или саломъ, а бѣдные постный. Остальные кушанья, какъ то: „драчѣвникъ“, „саламать“, „лапшѣвникъ“, блинцы, лалшу ѣдятъ всѣ. „Драчѣвникъ“ дѣлаютъ такъ: берутъ муку, разводятъ водою, бьютъ яйца и, когда испекутъ, ѣдятъ съ масломъ; „саламать“: кипятятъ воду, насыпаютъ въ нее муки, варятъ и ѣдятъ съ жиромъ; „лапшѣвникъ“: бросаютъ лапшу въ кипяченую воду, варятъ а затѣмъ пекутъ съ яйцами.

Въ постные дни ѣдятъ—горохъ, похлебку (изъ картофеля), чечевицу, кулѣшъ, затерку (взбрызгиваютъ муку водою, растираютъ ее руками, чтобы превратилась въ мелкую крупу и варятъ), „солодѣху“ (льютъ теплой воды въ муку, ставятъ на печь „солодѣтъ“, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного скисло, на другой день варятъ съ вишнями или сливами), „вишникъ“ или взваръ, „ладушки“—оладьи.

Вообще пища крестьянъ ухудшается, благодаря почти 3-хъ лѣтнему неурожаю. Городскихъ кушаньевъ здѣсь не встрѣчается, позаимствовано только чаепитіе: даже бѣдные и тѣ пьютъ хотя вмѣсто чая липовый цвѣтъ. Въ этой мѣстности крестьяне освѣщаютъ свои хаты „газѣлками“, керосиновыми лампочками, а нѣкоторые наливаютъ въ черепокъ жиру или постнаго масла, вставляютъ фитиль и зажигаютъ его.

Волѣзни. По большей части въ этой мѣстности умираютъ младенцы отъ такъ называемаго въ народѣ „младенческаго“. Дѣти лѣтъ 5-ти, 6-ти, 7-ти, 8-ти, до 15-ти, умираютъ отъ дифтерита, а взрослые—отъ тифа. Развитію послѣдней болѣзни способствуетъ низкое и болотистое мѣсто. Изъ лекарствъ во время болѣзней употребляютъ слѣдующія: липовый цвѣтъ (отъ кашля), „колючки“ (отъ колики), „рагаль“ (отъ лихорадки), „кучелѣбу“ (отъ болѣзни зубовъ), „злую воду“ (для промывки ранъ), церковное вино съ синимъ камнемъ и корицей (отъ болѣзни десенъ).

Большею частью здѣсь лечатся наговорною водою и заговариваютъ болѣзни. Наговорною водою лечатся отъ „бѣшихи“, лихорадки, укушенія собакъ, отъ переполоха (испуга). Заговари-

вають зубную боль, лихорадку, „сблосницу“ (боль въ животѣ).

Къ врачамъ относятся недоувѣрчиво,—немногіе обращаются къ нимъ за совѣтами: не находятъ, чтобы доктора могли оказать помощь,—не вѣрятъ въ ихъ лекарства. Болѣзни скота слѣдующія: обдуванье, перелогои, кровь и т. д. Обдуванье происходитъ тогда, когда скотина обопьется; лечатъ такъ: обливаютъ водою и надрѣзываютъ конецъ уха (т. е. пускаютъ кровь). Если же скотина объѣтся, то ее подкуриваютъ тѣмъ зерномъ, которымъ она объѣлась. Перелогои (скотина ничего не ѣсть, не пьетъ и не можетъ встать) заговариваютъ. Иногда на скотину „нападаетъ кровь“: она стоитъ, понурия голову, не ѣсть, не пьетъ, и если её оставить безъ вниманія, то она пропадетъ, а поэтому ей пускаютъ кровь (надрѣзываютъ ухо и бьютъ по немъ палкой).

Заговоры. Отъ зубной боли:

1) „Мѣсяцъ навскось,
Дай мнѣ здравіе въ кость.
Атъ панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Рабы Божіей Маріи (имя)“.

2) „Мѣсяцъ на небѣ,
Медвѣдъ въ лѣсу,

Отъ ломоть:

„Туть табѣ не стаять,
Чорнай крови не пить,
Жолтыхъ кастей не ламить,

Отъ переполоха (испуга):

Атъ деннова, атъ нашнова,
Атъ полуденнова, атъ глазнава,
Туть табѣ не быть,

Камень въ морѣ.

Багда эти три брата сай-
дутца,
Тагда у рабы Божіей (имя).
Панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Зубы забалаять“.

Рабы Божіей не сушить,
Ступай въ крутыя горы,
Въ гнилыя калѣды“.

Кастей не ламить,
Чорнай крови не пить,
Отъ панашенной, паражденной
и т. д.

Занятія. Въ прежнее время главнымъ занятіемъ здѣшняго населенія было пчеловодство, такъ какъ этому занятію способствовали громадныя лѣса. Въ настоящее время лѣса почти все вырублены—и пчеловодство пришло въ упадокъ. Занимаются преимущественно земледѣіемъ, а также разводятъ фруктовые сады. Крестьяне развозятъ фрукты по ближайшимъ мѣстностямъ и продаютъ ихъ. Существуютъ также и отхожіе промыслы. Вес-

ною нѣкоторые крестьяне отправляются на лѣтнія работы въ дальнія мѣста и возвращаются большею частью всѣ къ Покрову. Зимую идутъ на шахты, находящіяся въ 45 в., и тамъ нанимаются, а нѣкоторые ѣздятъ за каменнымъ углемъ; купивъ его, везутъ на базаръ въ города. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Религіозность. Народъ этой мѣстности очень религіозенъ, часто посѣщаютъ храмъ Божій и дѣлаютъ много жертвъ. На ихъ религіозныя убѣжденія однако вліяютъ раскольники (безпоповцы).

Здѣшнія женщины по большей части жертвуютъ полотномъ, а мужчины деньгами на священныя одежды и другія принадлежности; оказываютъ тайную помощь, напр., ставятъ мѣшокъ или мѣрку хлѣба неимущему, но такъ, чтобы послѣдній не зналъ, отъ кого. Въ каждую поминальную субботу и въ праздники женщины приносятъ въ церковь буханцы, пироги, брусочки, пампушки и раздаютъ нищимъ.

Послѣ рожденія ребенка, бабка идетъ къ священнику за молитвою и именемъ, а на другой день приглашаются кумовья, которые принимаютъ ребенка не отъ матери, а отъ бабки. Бабка кладетъ новорожденнаго на тулупъ передъ святыми иконами, чтобы ребенокъ былъ счастливъ въ жизни, а кумовья берутъ его съ тулука и несутъ крестить. Послѣ крещенія устраивается обѣдъ. Кума и куму сажаютъ на почетное мѣсто, т. е. въ святой уголъ. Бабка во время обѣда угощаетъ гостей водкою, а ей за это бросаютъ деньги. Когда она угостила всѣхъ гостей, то начинаютъ подносить водку кумовья, и деньги, собранныя ими, отдаютъ матери новорожденнаго. Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи никакихъ не поютъ.

Свадебные обычаи и пѣсни. Свадьба начинается обыкновенно „сговоромъ“. Приходятъ отъ жениха „боаре“ и говорятъ: „у насъ есть парень, а у васъ дѣвка, давайте сватами сходиться“. Если невѣстиной роднѣ не нравится женихова родня, то они говорятъ: „не ходите, не ходите и слѣду не кладите“; а если согласны, то приглашаютъ на другой день съ хлѣбомъ-солью, водкою и „выговоромъ“. Здѣсь беретъ не женихова сторона, а невѣстина, 10—15 р. или меньше, но за то выгова-

риваютъ хлѣбомъ и водкою. На другой день собирается вся невѣстина и женихова родня къ невѣстѣ. Невѣстина родня садится за столъ и начинаетъ угощать женихову, которая въ это время стоитъ. Когда невѣстина родня обнесетъ женихову по 3 рюмки, то спрашиваетъ: „съ чѣмъ вы къ намъ пришли, и за что пьемъ, покажите свой товаръ“. Тѣ приводятъ жениха въ хату, и они начинаютъ осматривать его и спрашиваютъ: „не косой ли онъ, не хромой ли“? Затѣмъ, чтобы всѣмъ убѣдиться, ставятъ посреди хаты табуретку, а на нее жениха и осматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого поворачиваютъ его къ двери и даютъ въ руки подносъ съ рюмкою вина. Въ это время дѣвки начинаютъ „играть“ (пѣть) пѣсню:

„Смѣнь сакѡлъ вылеталъ,
Чечѣтушку выкликалъ:

„Чечѣтушка, вѣйди къ намъ!
Смѣнная вѣпархни“!

* *
* *
* *

„Иванушка (имя) прѣзжалъ,
Марьюшку выкликалъ.
Марьюшка, падарй

Шѣлкамъ шиту ширинку,
Иванушкѣ атдарй,
Три червѡнца палажй“.

Послѣ этой пѣсни выходитъ невѣста съ „ширинкой“, т. е. съ вышитымъ полотенцемъ, и даетъ ее жениху, а онъ ей бросаетъ три серебрянныхъ монеты на тарелку. Затѣмъ женихъ подноситъ невѣстѣ водку; выпивъ немного, она отдаетъ жениху, тотъ выпиваетъ остальное, цѣлуется, становится съ невѣстою и оба кланяются роднѣ. Потомъ невѣста раздаетъ дары жениховой роднѣ, а дѣвки „друзки“ поютъ пѣсню:

„Ва сáдику калинушка,
Ва зелѣномъ раствѣлâ.
Вѣчоръ нáша Марьюшка
Съ Иваномъ стáйла,
Рѣчь гаварйла.
Увидáли падрѣженъки,
Журйли—бранйли:
—Дабрѡ—дабрѡ Марьюшка,
Мы батенькѣ скáжемъ!
—Дѣвушки-падрѣженъки,
Хоть вы не кажйте:
Пра то дѣло, саглáсйе,
Самъ батюшка знáе

За кавѡ атдавáе,
За младѡво Иванушку
Гѡлаву заклочáе,
Съ кѣмъ стáю, на кавѡ гляжѣ,
Съ кѣмъ рѣчь гаварйю!
—Живй, живй, Марьюшка!
Живй, не печáлься,
Ва таскѣ не вдавáйся.
Изъ той таскй, са кручйны
Вѣйду за варѡта,—
Травá ва балѡтѣ,
Вѣйду за новѣя,—
Лугá зеленѣе,

Гляну въ чисто поле,—
 Иванъ—свѣтъ гуляе,
 Паде нимъ вбранъ конь играе,
 Что сокаль летаетъ,
 На немъ шуба галубая,
 Что макъ разцвѣтае.
 Марьюшка воду несетъ,
 Карамыслицы гнѣтца,
 Съ ведеръ вада льѣтца;
 Иванушка въ акно гляне,
 Слезюю залѣтца.
 Пачтò же вы, карбмыслицы,
 Давно не обламѣлись,

Пачтò же вы, дубовыя
 Вѣдра, не пабились?
 Пачтò же вы, Иванушка,
 Дасольт не женились?
 —Радъ-бы я женитьца,
 Негдѣ было взяти.
 Прашодль же я, Марьюшка,
 Три ўлицы въ рядъ,
 Не нашольт, Ивановна,
 Тваво лица чище.
 Лицо твае бѣлое,
 Брòви чòрныя, развесѣлые
 глаза“.

Когда невѣста одарить всѣхъ, то садится съ женихомъ за столъ, и остается одна молодежь, а всѣ пожилые уходятъ къ жениху и тамъ гуляютъ. На другой день невѣста кроить рубахи и разноситъ подругамъ шить, за то, что онѣ гуляли стоворы. По прошествіи нѣсколькихъ дней начинается свадьба, передъ которою какъ у жениха, такъ и у невѣсты лѣпятъ шишки, кромѣ этого, у невѣсты дѣлають „плакашникъ“, т. е. пирогъ, надъ которымъ невѣста „голòситъ“ (плачетъ), когда на нее надѣвають кокошникъ,—а у жениха лѣпятъ витой хлѣбъ, или коровай. Мужики и парни въ эту ночь гуляютъ до самаго утра. Утромъ дружки провожаютъ невѣсту къ вѣнцу; передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, невѣста проситъ благословенія у своихъ родителей такъ: „прости меня, батюшка, прости меня, мамушка, и благословите къ Божьему суду и къ вѣнчанію“. Послѣ вѣнца невѣста идетъ къ себѣ домой, а женихъ къ себѣ. Пообѣдавъ, женихъ идетъ съ парнями къ невѣстѣ, она въ это время сидитъ въ чуланѣ и „голòситъ“, а дружки поютъ:

„Пойди-ка, дружило,
 Пойди-ка, дружило,
 Давно тебя ждали,

Ждали—поджидали,
 Коврами дворъ устилали,
 Чѣрными сабалями“.

Дружко выкупаютъ мѣсто у дѣвокъ (дружекъ), заводятъ за столъ невѣсту, продають ея косу, затѣмъ ее „правляютъ“, т. е. надѣвають кокошникъ. Послѣ этого женихъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ невѣстою; пообѣдавъ, ихъ провожаютъ къ жениху.

Похоронные обряды. Покойниковъ хоронятъ въ этой мѣстности такъ: надѣвають чистую одежду; но, чтобы она была не

нарядна; за поясъ кладутъ платочекъ (существуетъ повѣрье, что на томъ свѣтѣ покойникъ будетъ въ него прятать тѣ частицы, которыя вынимались въ воспоминаніе его), кладутъ на лавку, головою къ образамъ; на столѣ ставятъ стаканъ съ медомъ и восковою свѣчою, хлѣбъ и псалтырь. Когда сдѣлаютъ гробъ, кладутъ въ него покойника и, если онъ взрослый, вносятъ въ церковь; маленькихъ по большей части не вносятъ. а служатъ панихиду и печатаютъ гробики дома. При этомъ по отцу „причитываютъ“ такъ:

„Радименькій, мой бѣтющка!
Кармилецъ, мой бѣтющка!
Что-жъ вы, мой бѣтющка,
Ка мнѣ не озываегесь?
Чи я жъ вамъ тепѣрь нежѣл-
кая и ненужная?!

Вы жъ, мой бѣтющка, желѣн-
ный о мнѣ были!
А сей-часъ же мнѣ не къ
каму голбвущки-жъ при-
хилити“.

По „матери“ причитываютъ:

„Радименькая, мая мамушка!
На горѣ, мая мамушка,
Вы меня порадили!
Худобю же долею надѣлили!
Я жъ за вами, мамушка,
Ничевѣ не знала,
Вы жъ меня угацали,

Вы жъ меня привѣчали!
А сей-часъ какъ прийдю,
мамушка,
Никтѣ ка мнѣ не озовѣтся;
Не нашлѣ жъ я сабѣ такова
дружка,
Какъ родная мамушка“.

Схоронивши умершаго, устраиваютъ обѣдъ, кромѣ того, поминаютъ въ 3, 4, 40 день. Каждую поминальную субботу крестьяне служатъ панихиды, подаютъ милостыню и просфоры на проскомидію.

Этнографическій календарь. На праздникъ Георгія Побѣдоносца всѣ крестьяне ходятъ рано утромъ собирать росу; существуетъ повѣрье, что эта роса помогаетъ при болѣзни глазъ. На Благовѣщенье пекутъ просфоры по числу семьи, причемъ въ одну изъ нихъ кладутъ денежку, и, кому достанется просфора съ деньгою, тотъ будетъ счастливъ. Подъ Вознесеніе Господне пекутъ лѣстницы, ставятъ ихъ подъ святой уголь, чтобы Исусъ Христосъ взшелъ по нимъ. На крестопоклонной, т. е. на 4, недѣлѣ Великаго поста пекутъ кресты и кладутъ ихъ въ тѣ мѣшки, зерна въ которыхъ предназначены для посѣва. На Свѣтлый Праздникъ, когда обносятъ плащаницу, если

кто возьмется за замокъ церкви, того считаютъ вѣдьмою. На послѣдній день масланицы, т. е. въ воскресенье, всѣ ходятъ прощаться другъ съ другомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этотъ день долженъ быть страшный судъ.

Молодыя дѣвушки этой мѣстности всю Филиповку, а также и Рождественскіе праздники водятъ „корогоды“ (хороводы) и при этомъ поютъ пѣсню:

„Черемуха, зелѣный кустъ,
Далеко въ полѣ лелѣтся,
Лелѣтся—зеленѣтся.

Кто-жь у насъ
Па садику ходилъ?
Кто-жь у насъ
Па зелѣнаму гулялъ?
У насъ па садику
Иванушка ходилъ,
Па зелѣнаму
Ивановичъ гулялъ;

А онъ вода
Сваво вѣрана каня,
А на встрѣчу Иванушкѣ
Идя красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Марьюшка.
—А Марьюшка—Ивановна,
А, Марьюшка, перейми маво
каня,
Ивановна, каня вѣранова.
За тѣ за шелковы павада,
За жемчужные махра“.

Подъ Новый годъ гадаютъ: бросаютъ за ворота башмаки, выливаютъ воскъ въ чистую воду, считаютъ колья и т. д.

Кромѣ этого, „щедруютъ“.

„Шедеръ-вѣдеръ,
Добрый вечеръ,
Добримъ людямъ
На здаровье.
Хозяинъ добрый,
Вынаси пирога долгий,
Кагда мало,
Кусокъ сала,

Кали трѣшки,
Хоть картошки,
Кѣнчикъ калбаски,
Глудачку кашки.
Вынасите,
Не крашите,
А ламайте,
Намъ давайте“.

Маленькія дѣти и парни ходятъ на Новый годъ и „обсыпаютъ“ пшеницей, житомъ, просомъ, горохомъ и т. д., и при этомъ маленькія дѣти поютъ:

„Пасѣй, Бѣже,
Заради, Бѣже,
Жито, пшеницу,
Всякую пошеницу!

Поздравляемъ васъ
Съ новымъ годамъ,
Съ новымъ счастьемъ,
Съ Василевымъ днѣмъ!“

Взрослые поютъ слѣдующую пѣсню:

„Поля поля,
Самъ Богъ ходя,
Дѣва Марія

Истину насилъ,
Бога прасилъ.
Хѣдя Иля

На веселья,
Нбся пугу жительную;
Я туда махну,—

Тамъ жито растётъ;
Я туда махну,—
Пшеница твѣтётъ“.

„Здравствуйте, хазинъ съ хазяюшкой, съ праздникомъ по-здравляемъ, съ Василевымъ днёмъ“!

На масляницу вся молодежь катается и, приэтомъ, поютъ пѣсню:

„Па ўлицѣ, ўлицѣ,
Па ширóкай,
Па ширóкай, навóй,
Тамъ шёлъ прашёлъ
Пáрень маладóй,
На дѣтинущкѣ шляпачка
Съ павлінымъ перомъ.
Увидáла дѣвушка
Съ высóкава тэрема,
Съ высóкава тэрема,
Съ хрустáльнава акóшечка,
Съ яснава стекóлушка,—

Васклікнула дѣвушка
Сваймъ грóмкимъ гóласамъ:
—Вернись, вернись, мблá-
дець,
Пáрень маладóй!
Пасиди хотъ трóшечки ты
са мной.
—Баюсь, баюсь, дѣвушка,
Опасáюсь я вáшей семьй!
—Не бось, не бось, мблáдецъ,
Не опасáйся,—
Нáшей семьй дóма нѣту-ти“.

На празники Свѣтлаго Христова Воскресенья, Вознесенья, на Георгія Побѣдоносца не поется отдѣльныхъ пѣсень, а поются уличныя, какъ-то: „Брасай, няня, всю работу рабатать“, „Вы, сады, мой зелёные“, „Въ полѣ три берёзы стаяли“ и проч.

Крашенки. Подъ празникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья здѣшніе крестьяне красятъ яйца; большею частью красятъ красною краскою, въ напоминаніе крови Іисуса Христа. Красныя яички зовутся „крашенками“. Нѣкоторые красятъ серпіемъ, берутъ сухую прошлогоднюю травку (серпій) варятъ ее, а затѣмъ бросаютъ въ наваръ яйца, они получаютъ желтый цвѣтъ. Яйца красятъ ради Великаго празника; существуетъ между крестьянами поговорка: „дорого яичко къ Велику дню“. Скорлупу святыхъ яичекъ крестьяне бережно сохраняютъ; существуетъ повѣрье, что если ими подкуриться во время лихорадки, то она оставить,—ими же подкуриваютъ и скотину. Крестьяне вѣрятъ, что въ святомъ яйцѣ находятся 40 милостынъ и въ немъ пребываетъ Духъ Святой.

Кромѣ крашенокъ и желтыхъ яичекъ, здѣсь дѣлаютъ еще писанки такъ: облѣпливаютъ яйца воскомъ, а затѣмъ обмаки-

ваютъ въ краски и сушатъ. На писанкахъ изъ воска бываютъ разные рисунки. Писанки здѣсь дѣлаются для украшеній.

Посѣвъ и косовица. Передъ тѣмъ, какъ начинать сѣять хлѣбъ, крестьяне молятся и говорятъ слѣдующія слова: „зароди, Боже, жито, пшеницу, всякую овощь, и на видущихъ, и на невидущихъ, и на вдовъ, и на сиротъ и на насъ на грѣшныхъ. Зароди, Боже“. Затѣмъ берутъ зерна и сѣютъ. Когда поспѣетъ хлѣбъ, то его начинаютъ косить и первый скошенный снопокъ затыкаютъ за поясъ, что-бы не болѣла спина. Скосивъ хлѣбъ, оставляютъ небольшой кустикъ „Иль на бороду“, подъ этотъ кустикъ ставятъ хлѣбъ съ солью, а затѣмъ крестятся и три раза катаются по нивѣ, причемъ говорятъ: „нѣвка—нѣвка, отдай мою сѣлку“ и т. д. Во время косовицы дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

„Внизъ па мѣтушкѣ,
Па широкѣму раздѣлю,
Падымалась съ моря пагода,
Пагодѣшка небольшая, волновѣя.
Ничавѣ въ волнахъ не видно,
Не видно, не слышно,
Только лѣбачки краснѣютъ,

На гребцѣхъ шляпы чернѣютъ.
Гребцы, май маладые,
Гребитесь, не лѣнитесь,
Пригребайте вы къ бережѣчку,
Къ Танюшеному ко дварѣчку.
Выходила Тѣня за варѣтѣя
Въ одной тоненькой рубашкѣ“.

* *

„Касилъ Вѣня травушку
Зелѣненькую,
Любилъ парень дѣвушку
Чернявенькую,
Любилъ да и покинулъ,
Скѣра бросилъ, позабылъ.
Съ вѣсточной старанѣ
Прѣятный вѣздухъ несѣтъ.
Гдѣ май размилая,

Душѣ Сѣшенъка, живѣтъ?
Живѣтъ-проживаетъ она
Въ нѣвамъ крапенамъ дамѣ,
И хѣдя и гуляе
Ана па зелѣному садѣ,
Щипляе, ламѣе
Спѣлый-дрѣлый винаградѣ,
Кидѣе, бросѣе
Мѣламу въ краватѣ“.

При свозкѣ хлѣба, никакихъ пѣсенъ не поютъ, такъ какъ крестьяне его возятъ въ разное время и не вмѣстѣ.

При печеніи новаго хлѣба вспоминаются всѣ умершіе родственники.

Игры. Въ зимнюю пору всѣ взрослые юноши и дѣти большею частію въ праздники выходятъ „на кулѣчки“ и бьются,— взрослые и юноши между собою, а дѣти съ дѣтьми. Кромѣ этой забавы, какъ у взрослыхъ юношей, такъ и у дѣтей су-

ществуютъ игры: въ „скраклѣ“ и въ „ладышки“. Для первой игры выкапываютъ на снѣгу 2 клѣтки такъ, что-бы одна отъ другой были на довольно большомъ разстояніи; кладутъ по 5 деревяшекъ на каждую, вооружаются палками, становятся около клѣтокъ и бьютъ по деревяшкамъ—то тѣ, то другіе—до тѣхъ поръ, пока чья нибудь сторона не собьѣтъ въ клѣткѣ всѣхъ деревяшекъ; тогда сбитая партія носить на плечахъ остальныхъ. Въ ладышки играютъ такъ: берутъ „свиняшки“, „барашки“ и „волѣшки“, т. е. кости изъ ногъ свиней, овецъ и коровъ, одинъ изъ играющихъ ставитъ ихъ въ рядъ, а остальные сбиваютъ ихъ своими ладышками. Вечеромъ юноши и взрослые собираются по хатамъ играть въ карты; обыкновенно играютъ на деньги. Кромѣ этихъ игръ, крестьяне зимою больше ничѣмъ не забавляются, а съ наступленіемъ весны вся молодежь и дѣти играютъ въ „дукъ“,—вырываютъ по числу играющихъ ямки, въ срединѣ ихъ одну большую, затѣмъ всѣ играющіе становятся около ямокъ съ палками, одинъ беретъ цурку (т. е. деревянный шарикъ) и подбрасываетъ вверхъ; когда цурка упадетъ на землю, то онъ гонитъ ее въ кругъ (или въ „дукъ“), въ это время остальные играющіе отгоняютъ цурку палками и, если цурка попадаетъ въ чью нибудь ямку, то тотъ играющій уступаетъ свое мѣсто, а самъ идетъ подбрасывать цурку. Въ „пыжѣ“: берутъ небольшую деревянную палочку и вручаютъ 2-мъ играющимъ, которые называются „бабками“, всѣ остальные ложатся бабкамъ въ ноги и, когда бабки крикнутъ: „пыжъ за пыжомъ, за горячимъ ножемъ“, и бросятъ палочку въ сторону, то играющіе вскакиваютъ и отыскиваютъ пыжъ, кто найдетъ его, кричитъ: „горитъ пыжъ“; за послѣднимъ начинаютъ гоняться и, если его уловятъ, то дерутъ за волосы и кричатъ: „покинь пыжъ“, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ, кто его найдетъ, несетъ въ бабку. Такъ играютъ до 3-хъ разъ и на тѣхъ, кто въ промежутокъ этого времени ни разу не отдавалъ бабкѣ пыжа, катаются верхомъ. На праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья всѣ, исключая стариковъ, играютъ въ мячъ и яйца. Игра въ яйца двухъ родовъ: „на—вбиткѣ“ и „на—вкаткѣ“. Первая состоитъ въ томъ, что одинъ бьетъ своимъ яйцомъ яйцо другого, и, чье окажется разбитымъ, тотъ отдаетъ яйцо.

При второй—дѣлается городокъ, въ которомъ одинъ наставля-
етъ внизъ яйца, а другой катитъ сверху, и, если его яйцо сой-
дется съ нижнимъ, беретъ яйцо, а первый опять наставляетъ.

Въ лѣтнее время всѣ крестьяне ничѣмъ не забавляются, такъ
какъ отъ мала до велика заняты работами. Въ этой мѣстно-
сти существуютъ слѣдующіе танцы: третьяка, черезъ ножку,
задка, по улицѣ мостовѣй, навприсядку.

Музыка: расадушка, журавля, чѣботы, казачка, барыня.

Здѣсь по большей части играютъ на гармоніи, дудкѣ, пи-
щикѣ, балалайкѣ, на музыкѣ (скрипкѣ) и бьютъ въ бубны.

Демонологія. Среди мѣстнаго населенія распространены
повѣрья относительно существованія вѣдьмъ, колдуновъ, домо-
выхъ и русалокъ. Вѣдьмъ крестьяне представляютъ въ образѣ
женщинъ, съ распущенными волосами, въ бѣломъ одѣяніи и съ
хвостомъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, выдаиваютъ молоко, онѣ
обращаются въ клубки съ иглками, въ собакъ, въ свиней и съ
т. д., нападаютъ на человѣка и катаютъ его до тѣхъ поръ,
пока послѣдній не выбьется изъ силъ. Большею частью вѣдьмы
нападаютъ на человѣка или подъ средою, или подъ пятницу;
колдуны же, по словамъ крестьянъ, портятъ людей, дѣлаютъ
закрутки въ хлѣбѣ, въ подушкахъ, разводятъ мужа съ же-
ною, или даютъ такого зелья, что человѣкъ начинаетъ по-
стоянно болѣть. Домовые душатъ людей и, если въ это время
спросить: „къ добру или къ худу“ и домовѣй отвѣтитъ „къ добру“,
то ожидать благополучія, „къ худу“—ожидать несчастья. Ру-
салки—дѣвушки съ распущенными волосами и нагія; онѣ, по
словамъ крестьянъ, выходятъ изъ воды и отправляются въ сады,
и здѣсь, если имъ попадется человѣкъ, онѣ могутъ его защекотать
до смерти. Чтобы избавиться отъ вѣдьмъ и уберечь ко-
ровъ, крестьяне читаютъ слѣдующую „молитву“:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и вынѣ, и присно,
и во вѣки вѣковъ аминь. Исуса Христа рука; около моего
двора огненная рѣка, каменная стѣна, желѣзный плетень отъ
неба и до земли; помилуй моихъ рябыхъ коровокъ отъ еретника,
отъ еретницы, отъ простоволосой дѣвицы“.

Кромѣ этого, посыпаютъ вокругъ двора пшеномъ, которое
святится на Свѣтлый Праздникъ.

Примѣты и повѣрья. У здѣшнихъ крестьянъ существуютъ слѣдующія примѣты: съ какой стороны подуетъ вѣтеръ на Покровъ, съ той стороны будетъ дуть цѣлую зиму. На Крещенье, когда выйдутъ со святостями, съ какой стороны будутъ хмары (тучи), съ той стороны—урожай. Если на Срѣтеніе хорошая погода, то и весна будетъ хорошая. Какой день на Благовѣщенье, такой и на Свѣтлый праздникъ. Если на Георгія Побѣдоносца ворона спрячется въ житѣ, то, значитъ, будетъ урожай на него. Если на Илью дождь, будутъ желуди червивые. Заря горитъ—къ вѣтру. Солнце заходитъ за тучи—къ дождю. Воробьи купаются въ пыли—къ дождю, а сильно кричатъ—къ мятели.

Если собака воетъ и при этомъ держитъ голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ—къ покойнику; если кошка умывается—къ гостямъ, а лѣзетъ на печь—къ морозу; когда волки стаями ходятъ по деревнѣ и воютъ—къ голоду, а когда лошадь, стоя на мѣстѣ, фыркаетъ—къ дождю. Съ Рождества Христова и до Новаго года крестьяне обыкновенно метутъ соръ къ святому углу, а на Новый годъ несутъ его до зари въ сады и тамъ разбрасываютъ кучками около деревьевъ; затѣмъ этотъ соръ поджигаютъ, и курево распространяется по дереву; это они дѣлаютъ для того, чтобы весною не было червей на деревьяхъ. Кромѣ этого, подъ Крещенье выходятъ рано утромъ въ сады и стряхиваютъ снѣгъ съ вишенъ для того, чтобы ихъ больше уродило. На Спиридона (12 дек.) рѣжутъ вѣточку, ставятъ ее въ бутылъ подъ святой уголь,—если она зацвѣтетъ ясно на Новый годъ, то значитъ—хорошій цвѣтъ будетъ на деревьяхъ. Когда цвѣтетъ розъ, то дѣвки срываютъ ее черезъ голову и моютъ розжью голову, чтобы росли волосы.

Сказка. *Лисица и волкъ.* „Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ пошелъ за рыбною, а баба испекла пирожокъ съ начинкою, положила на окошечко, а сама пошла къ обѣднѣ. Какъ только баба ушла, прибѣжала лисичка-сестричка къ окну, схватила пирожокъ, наложила половы и ушла съ нимъ. Приходитъ къ пастушкамъ и говоритъ: „пастушки, промѣняйте мнѣ пирожокъ на бычка, а когда я зайду за ту горку, вы его разломите“.—Пастухи согласились, отдали лисичкѣ бычка, лисичка зашла за горку, нашла тамъ саночки, впрягла бычка и поѣхала. Вотъ

ѣдетъ, а на встрѣчу ей волкъ.—„Здравствуй, кумушка“.—„Здравствуй, куманекъ“,—отвѣчаетъ лиса.—„Дозволь мнѣ, кумушка, хоть лапочку положить на саночки“. Лисичка позволила, и поѣхали. Ёдутъ-ѣдутъ, а саночки—хрусть, а лисичка и говоритъ: „слѣзай скорѣй, а то саночки ломаются“. Волкъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, кумушка, это у меня былъ орѣшекъ, я его слуснулъ“. Ёдутъ, а саночки—хрусть, лисичка и говоритъ: „слѣзай, а то саночки ломаются“.—„Нѣтъ, кумушка, это у меня былъ другой орѣшекъ, я его и слуснулъ“. Поѣхали, а саночки опять хрусть и разломались. Лисичка-сестричка послала куманьку въ лѣсъ за полозьями. Волкъ ходилъ-ходилъ по лѣсу и нашелъ большое сучковатое дерево. Лисичка опять послала волка, чтобы онъ выбралъ поглаже. Волчекъ и во второй разъ принесъ такое же. Тогда лисичка оставила волка, а сама пошла въ лѣсъ. Волкъ выбралъ всю внутренность у бычка, набилъ его соломою, а самъ ушелъ. Лисичка приходитъ, видитъ, что волкъ обманулъ ее,—захотѣла наказать его: порѣзала мясо бычка, пожарила, достала капканъ и пошла просить волка въ гости. Волкъ пришелъ, только сталъ ѣсть мясо, а капканъ и прихватилъ его; а лисичка-сестричка бѣгаетъ вокругъ него да и приговариваетъ: „кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ; кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ“.

П ѣ с н и.

„Брасай, няня, всю работу ра-
батать,
Пайдёмъ, няня, у альховаегулять!
У альховамъ многа дѣвакъ,
многа бабъ!
А бабачки карагодами стаятъ,
А дѣвачки на калодачкахъ си-
дятъ,

Пра Луганскую станицу га-
варятъ,
А въ Луганѣ веселыя вербочки.
На Пристѣнкѣ тамъ ребята
дуракъ,—
Падбивали красныхъ дѣвакъ
казакъ“.

* * *

„Вы, сады, май зеленые!
Вы зеленые, развеселые!
Вы пачто, сады, апали,
Пазавяли, пазасохли.
Въ садѣ пташки вылетали,

То не пташки—салавѣйки.
Тѣшно—горькожить на свѣтѣ,
А ташнѣй таво не будя,
Что мужъ женѣ не любя“.

*
*
*

Въ полѣ три березы стояли,
Хадилъ казакъ да дѣвчѣнки

поздно.

— Не хадѣ жъ ты, казачѣкъ,
до меня

Будя слава пра тебя, пра меня

Шо пра тваво каня варанова,

Що пра тебя, парня маладова.

— А я славы не баюся,

Съ кѣмъ люблюся, не нагаварюся,

Пойду въ шинокъ гарѣлки на-
пьюся,

А у шинкарки ума наберуся.

Шинкарка бѣла платѣе шила,

А вдѣвка сваю дѣчку бѣла.

— Гдѣ жъ ты вѣнокъ загубила,

Чи ты прапила, чи прагуляла?

— Срѣду—срѣду я въ карты не
грѣла“.

Е. А. Коробова.

16.—Сл. Боровское.

Поселеніе.—Пища и одежда.—Занятія.—Школа.—Пьянство.—Свадьба.—Свадеб-
ня, весенія, лѣтнія и осенія пѣсни.

Боровское расположено на песчаномъ грунтѣ близъ рѣки С. Донца на лѣвомъ его берегу и въ 10 верст. отъ г. Лисичанска (Екатер. губ.). Названіе свое оно получило или отъ слова „Боровъ“ (кабанъ) или отъ фамиліи Боровской: лѣтъ за 200 до нашего времени мѣстность эта была покрыта сплошными дремучими лѣсами, въ которыхъ водилось множество дикихъ свиней. Нѣкоторые же изъ стариковъ говорятъ, что близъ р. Донца поселился нѣкто Боровской, получившій это названіе за борьбу съ татарами, жившими по лѣвую сторону Донца, который потомъ перешелъ въ сл. Смольянинову, а затѣмъ въ Спѣваковку, гдѣ поколѣніе его живетъ и понынѣ. Жители сл. Боровской, какъ видно изъ исторіи нѣмецкаго писателя Михаила Ранфта, изданной имъ въ 1767 г., назывались еще въ 1717 г. однодворцами и составляли кордонъ, или охранную, сторожевую линію отъ татарскихъ набѣговъ, и, кромѣ того, какъ видно изъ лѣтописи церковной, жители назывались казаками Ново-Донцами и призывались по положенію Донскихъ казаковъ. Что касается племеннаго состава жителей, то на это фактическихъ данныхъ нѣтъ, но можно предположить, что въ составъ населенія сл. Боровской вошли тѣ же племенные элементы, изъ которыхъ составлялись казаки, т. е., могли быть поляки, русскіе и пр., что подтверждается самимъ нарѣчіемъ, нечисто русскимъ, а въ особенности акцентомъ, въ родѣ казацкаго выговора. Въ числу замѣчательныхъ лицъ сл. Боровской относится Дмитрій Труновъ, который послѣ взятія Измаила получилъ рѣдкую въ то время награду: золотой крестъ съ надписью на одной сторонѣ: „Измаиль, Декабря 11-го 1790 года“, а на другой—„за отличную храбрость“. Одновременно онъ получилъ и званіе сот-

ника, т. е., личного дворянина. Крестъ этотъ червоннаго золота (7 золот.) хранится въ церкви. Теперь остались его внуки, дѣти младшихъ сыновей Трунова. Селеніе сначала было расположено вблизи Донца. Донецъ въ то время имѣлъ другое направленіе и былъ не широкою рѣкою, а когда сталъ увеличиваться и, измѣнивъ русло, заливать жилища, то жители перешли дальше отъ рѣки, къ востоку версты на двѣ, куда въ 1730 г. была перенесена и церковь. Это видно изъ лѣтописи, имѣющейся при Боровской Николаевской церкви. Одновременно съ переселеніемъ слободы образовались три хутора къ сѣверу: Вороновъ, Сиротинъ и Метелкинъ, которые получили названіе по фамиліи лицъ, поселившихся тамъ. Поселеніе находится отъ Старобѣльска въ 60 в., отъ Бахмута (Екатер. губ.) тоже въ 60 в.; сосѣднія слободы съ южной стороны: Муратова въ 18 в., съ западной селеніе Верхнее въ 5 в. (3-я рота за Донцомъ); съ сѣверной—хутора Вороновъ въ 3-хъ в., Сиротинъ—7 вер., Метелкинъ 9 в. и Боровенька въ 25 в., съ восточной стороны Смолянинова въ 18 в.

Жители имѣютъ продолговатое лице и рыжеватый цвѣтъ волосъ, говорятъ русскимъ языкомъ съ примѣсю казацкаго и малороссійскаго, численностью ихъ 4,469 д. об. п. (2,297 м. п. 2,172 ж.). Жилища ихъ состоятъ изъ деревянныхъ хатъ, крытыхъ соломой, объ одной и двухъ комнатахъ,—смотря по семействамъ и зажиточности. Надворныя постройки состоятъ изъ сараевъ какъ для мастерства, такъ и для скота и амбара, послѣдній имѣется у людей болѣе зажиточныхъ.

Пища ихъ состоитъ въ будничныи день лѣтомъ изъ борща съ саломъ и рыбою (женщины ежедневно ходятъ на озеро съ бреднями и ловятъ рыбу и раки) и каши съ молокомъ или коровьимъ масломъ, а въ постный день съ постнымъ масломъ; если же такового нѣтъ, то съ борщемъ, а когда поспѣютъ арбузы, то или добавляются арбузы или просто борщъ да „арбузъ“; въ праздники пекутъ пироги съ картофелемъ, горохомъ, чечевицею, мясомъ, сыромъ капустою, смотря, въ какое время года и въ постный или скромный день,—послѣ пироговъ борщъ, мясо изъ борща, которое иногда прижаривается и составляетъ какъ бы отдѣльное блюдо, лапша молочная или

съ масломъ; взварь, который готовится осенью и въ постные дни. Зимомъ готовятъ студень или холодецъ, куда наливаютъ квасу и тертаго хрѣну, борщъ, мясо, по большей части свинину, картофель жареный, лапшу и взварь; въ постъ — борщъ съ сѣченою капустою, кашу и взварь.

Одежда мужчинъ лѣтомъ состоитъ изъ полотняной рубахи, доходящей почти до колѣнъ и подпоясанной поясомъ, штановъ изъ такой же матеріи, сапогъ и картуза, а въ праздничный день сверхъ бѣлья надѣваются бѣдняками зипуны, шитые изъ сѣраго сукна, и подпоясываются зелеными поясами; кто побогаче, надѣваютъ чинарку чернаго или сиваго сукна, или скюртукъ, жилетъ и подъ жилетомъ ситцевую или кумачевую рубаху на выпускъ. Зимомъ бѣдняки надѣваютъ или зипуны или овчинные полушубки, а побогаче чинарки на ватѣ или полушубки, крытые сукномъ. Женщины въ будень, поверхъ рубахи, надѣваютъ сарафаны, голову обматываютъ платкомъ, на подобіе круглаго калача, и лѣтомъ не носятъ обуви; въ праздники та же одежда, но только поновѣе и поизящнѣе; такъ, рубахи сдѣланы въ верхней части стана ситцевыя или кумачевыя, а остальное изъ простого холста, сарафаны обшиты, какъ на груди, такъ и кругомъ, мишурною тесьмою, смотря по богатству,—лучшаго или худшаго достоинства, на головѣ повязаны платки, на ноги надѣваютъ суконные чулки и полуоткрытые башмаки; дѣвушки носятъ платки, которые завязываются также, но середина головы не закрывается, такъ что волосы видны. Волосы заплетаютъ въ видѣ сѣти, къ концу косы привязываютъ бисерный „махорчикъ“, сдѣланный на подобіе сердечка, и въ него вдѣваютъ ленты разныхъ цвѣтовъ, широкія и аршина въ два длины. Зимомъ надѣваютъ—кто побѣднѣе, зипуны, не подпоясанные поясомъ, а побогаче—шубы, крытыя сукномъ, или нагольные или же такъ называемые халаты, длинные изъ чернаго или сиваго сукна.

Волѣзни. Такъ какъ Боровское расположено на низменности и со всѣхъ сторонъ окружено лѣсами, то и болѣзни бываютъ—лихорадка, горячка, корь, оспа, дифтеритъ и др. Лѣчатся по большей части у фельдшера; если же бываетъ врачъ, то обращаются и къ врачу; что касается знахарей, то эти послѣдніе стали имѣть мало значенія въ глазахъ народа, что

объясняется городскимъ вліаніемъ, такъ какъ они, по своимъ лѣснымъ дѣламъ, бываютъ въ разныхъ городахъ и станицахъ казачьихъ.

Главныя занятія жителей—земледѣліе и лѣсопромышленность. Земледѣліемъ они занимаются по большей части за Донцомъ, арендуютъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, платя за десятину по 6—7 и 8 р.; на своемъ-же полѣ сѣютъ жито, но очень мало, такъ какъ земли удобной очень немного, по $\frac{3}{4}$ десятины на душу. Лѣсопромышленность состоитъ въ приготовленіи колесъ, дрогъ, выпалкѣ угля и т. п. Весною, во время разлитія Донца, дѣлаютъ большія лодки, которыя нагружаютъ колесами, спицами, оглоблями, подушками для дрогъ, ободьями, колодками для колесъ, углемъ и друг. матеріалами и отправляютъ внизъ по теченію рѣки на Донъ. Лѣтомъ готовятъ колеса, дроги и уголь и отправляютъ на фурахъ на югъ Россіи. Зимой же заготавливаютъ и матеріаль для упомянутыхъ подѣлокъ.

Школа началась съ декабря 1881 г. на средства, пожертвованныя церковнымъ старостою, а затѣмъ, когда средства эти истощились, то школа считалась только на бумагѣ до 1888 г.; въ 1888 году открыта школа земствомъ въ отдѣльномъ прекрасномъ домѣ, построенномъ обществомъ. До этого школа была въ церковной караулѣ, а въ 1889 г. открыта вновь церковно-приходская школа, на средства церкви и причта, и приглашена учительница, окончившая курсъ въ епархіальномъ училищѣ. Дѣтей своихъ крестьяне посылаютъ въ школу весьма охотно. Въ церковной оградѣ крестьяне построили для церковно-приходской школы прекрасный каменный домъ.

На женщину крестьяне смотрятъ дома, какъ на младшаго члена и какъ на рабу, а въ обществѣ оба пола почти равноправны.

Пьянство здѣсь слишкомъ развито, что объясняется занятіемъ населенія. Продавая на ярмаркѣ или на дому колеса или дроги, они выговариваютъ могорычъ; пріѣхавши съ ярмарки, пріятели сходятся къ винной лавкѣ, и начинается попойка. Въ годъ выпиваютъ до 1,500 ведеръ, на сумму 9,000 р. Недоимки въ податяхъ, однако нѣтъ, имѣется въ кассѣ общества запасной капиталъ, образующійся отъ арендныхъ денегъ за озера, которыхъ въ Боровскомъ очень много, а также и отъ общественныхъ заработковъ.

Свадьба крестьянину обходится весьма дорого, такъ какъ нужно много подарковъ для родственниковъ и другихъ приглашенныхъ лицъ; какъ тѣхъ, такъ и другихъ, бываетъ весьма много, и на долю каждаго приходится подарка по три. Подарки состоятъ изъ платковъ различной стоимости, отъ 15 к. до 3 руб.; кромѣ этого, покупаютъ ведеръ до 5 водки, стоющей 25 р.; такъ что свадьба обходится среднему крестьянину до 50 р., не считая съѣстныхъ припасовъ. Свадьба раздѣляется на три части: сватанье, стоворы и самая свадьба. Каждый изъ этихъ отдѣловъ ничего не имѣетъ особаго, а заключается въ пляскахъ, пѣннн пѣсенъ и угощеннн. Сватанье отправляется сей-часъ, какъ только родители дали свое обоюдное согласн на вступленн ихъ дѣтей въ бракъ; стоворъ—естъ вечеръ, устраиваемый для молодыхъ людей подъ день свадьбы, и устраивается онъ преимущественно въ домѣ невѣсты. Молодые люди занимаютъ плясками и пѣннемъ, а родители, родственники и знакомые—угощеннемъ; причемъ угощенн происходитъ въ домѣ невѣсты; при этомъ, приглашенные со стороны невѣсты сидятъ, а со стороны жениха стоятъ, угощенн же, т. е. водка, вино и закуска, привозится родными жениха. Въ концѣ вечера родные невѣсты раздаютъ подарки всѣмъ безъ исключенн и за это получаютъ обратно деньгами по желанн каждаго. Въ день свадьбы молодыхъ одѣваютъ подруги и товарищи въ одежду, предназначенную раньше, которую окропляютъ святою водою, затѣмъ они ведутъ ихъ къ вѣнцу и при этомъ поютъ пѣсни, послѣ же вѣнца молодыхъ отводятъ въ дома родителей. Молодая, по приходѣ домой, угощаетъ своихъ подругъ, а сама между тѣмъ ничего не ѣстъ. Угощенн продолжается до прихода молодого, а когда онъ прндетъ, то становится у порога и дожидается, пока дружкo откупить ему мѣсто у подругъ невѣсты, и затѣмъ уже садится возлѣ молодой. Послѣ этого молодой расплетаютъ косу на двое, надѣваютъ на голову кокошникъ и сверху закрываютъ ее кисеею, такъ что и все лицо закрывается. Женщины въ это время поютъ пѣсни всѣмъ боярамъ, каждому отдѣльно, а также дружкo, свату и свахѣ, это называется „обыгрываньемъ“ (слово пѣть они замѣняютъ словомъ играть). Затѣмъ молодыхъ выводятъ изъ—за стола и даютъ ему въ руки хлѣбъ, а ей икону,

благословляютъ и отправляютъ ихъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ у фортки двора. У фортки или у воротъ настигается солома, которую зажигаютъ и черезъ огонь проводятъ молодыхъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы очистить отъ заговоровъ недобрыхъ людей, которые могли бы принести вредъ новобрачнымъ. У порога молодыхъ встрѣчаютъ родители съ иконами и, благословивши, сажаютъ ихъ за столъ, даютъ имъ обѣдать, а затѣмъ, отправляютъ ихъ на покой; приглашенные же продолжаютъ веселиться.

Свадебныя пѣсни. На сватаньи поютъ („играють“) слѣдующія пѣсни:

1.

„Чей это конь пробѣжалъ?
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
То Павловъ конь по улицѣ про-
бѣжалъ,
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
Онъ вырвался къ Аннушкѣ въ
огородъ.
(Приѣвъ послѣ каждого стиха).
Онъ вытопталъ руту-мяту, ва-
сильки.
То ему Аннушка смолчала,
Не смолчала Аннина матушка.
Она выломила ракитовую вѣ-
точку,
Постебала ворона коня по бедру,
Захватила Павлушу по лицу.
Приѣзжаетъ Павлуша ко двору,
Сострѣваетъ Павлушу матушка:
„Чего ты, мое дитятко, бѣль-
румянъ,
Чего въ тебѣ черныя брови ко-
лесомъ“?
— Охъ, былъ я, моя матушка,
у тестя,
Охъ, пилъ я, моя родная, медъ
давно,—
Стало мое лицо румяно,
Съ того мои брови колесомъ“.

2.

„Ой, колесо, колесо покатилося,
Ой, лѣли-лешеньки покатилося!
По дорожкѣ далеко,
Покатилося далеко;
Прикатилося къ огороду.
А въ огородѣ столъ стоитъ,
А за столомъ бояре,
Промежъ бояръ
Младъ дружокъ
Водитъ коня въ рукахъ.
Гладитъ коня по бедру:
— „Ой, коне, коне мой вороной.
Товарищъ мой милой!
Послужись, послужишь
Мнѣ ты вѣрно,
Поѣдешь, поѣдешь ты со мною
Въ славную Боровскую слободу
Съ дѣвками и бабами судъ
судить“.
Онъ высудилъ дѣвушку.
Онъ красную похвальную Ан-
нушку“.

3.

„Золотая метелочка, позолочена
ручка.
Лѣли-лешеньки, позолочена
ручка!“

Чистый теремъ выметала
 Изъ кута до порога.
 На крылечко выходила,
 Подумала, погадала,
 Три словечка сказала:
 —Государь ты мой, батюшка,
 Государь ты мой, родимый,
 Ты на что дрова рубишь,
 Ты вырубливаешь?
 Государыня, матушка,
 На что дрова носишь,
 Ты вознашиваешь?
 На что хату топишь,
 Ты востапливаешь?
 На что обѣдъ варишь,
 Ты возвариваешь?
 —Ты, дитя мое, дитя милое!
 Къ намъ нынче дорогой гос-
 тинька буде,
 Что милый то Павлуша, молод-
 ой Ивановичъ,
 Со князьями, со боярами,
 Со молодыми поѣзжанами“.

4.

„Пьяница да пропойница
 Аннинъ батюшка,
 Пропилъ Аннушку
 На меду да на патоку,
 На винной чарочку“.

На стоворахъ поютъ:

5.

„Ой, горы, горы крутыя,
 Ой, рано-рано, крутыя!
 А дороженька торная,
 Ой, рано-рано, торная!
 Кто тыя дороженьку прогопталъ,
 Ой, рано-рано, прогопталъ!
 Прогопталъ дороженьку младъ
 Павло,
 Ой, рано-рано, младъ Павло!
 Къ тестю въ гости ѣзючи,
 Дорогія подарки возючи.“

Первый подарокъ изюмецъ,
 Второй подарокъ сахарецъ,
 Третій подарокъ—самъ на дворъ
 Къ Сергѣевнѣ въ высокъ теремъ“.

6.

„Объ мартѣ мѣсяцѣ выпадала
 пороша,
 Не малая, не великая,—
 Коню по череву, воробью по
 кодьно.
 То Павловы братцы охотники
 были,
 Куницъ да лисицъ били:
 То Аннѣ на шубу
 Съ долгими полами,
 Съ широкими рукавами.
 Аннины братцы
 Ни умны, ни разумны,—
 Не вздумали пригадать,
 Какъ шубушку спитъ
 Съ долгими полами,
 Съ широкими рукавами“.

7.

„Ой, на Донку, на крутомъ бе-
 режку,
 Лежала тонка-гибка досточка,
 На досточкѣ тонки-бѣлы руба-
 шечки
 Обмывала Марьюшка.
 По бережку ходилъ Гордѣюшка,
 Винтовочки справлялъ,
 Хоче стрѣлять на бѣлаго лебедя.
 Лебедь-лебядушка подъ крыль-
 цомъ,
 У Гордѣюшки Марьюшка подъ
 бочкомъ,
 Гордѣюшка до Марьюшки зѣрал:
 —Въ кого жъ ты, Марьюшка,
 удалася хороша?
 —Я удалася въ роднаго ба-
 тюшку,
 А пригожа въ родимую матушку.“

А по поясу золотомъ вилась,
А по плечу въ чистый серебъ“.

8.

„Чистымъ полемъ при дорогѣ
Ячмень уродился,—
Онъ жать пригодился.
Марьюшка ячмень жала
По одномъ колоску
Золотымъ серпчкомъ.
Мимо ѣде Гордѣюшка:
—Богъ помочь, Марьюшка!
У ту пору Марьюшка
Кушать захотѣла:
—Чи мочешъ, Гордѣюшка,
Ко торгу поѣхать,
Да изюму купить,
Меня накормить?
—Могу, Марьюшка,
Ко торгу поѣхать,
Тебѣ изюму купить,
Тебя накормить“!

9.

„Марьюшка по водицу шла,
Коромыслице гнется,
Гордѣюшко въ окно глядитъ,
Самъ слезою льется.
А што жъ ты, коромыслице,
Давно не обломилось?
Что жъ ты, Гордѣюшка,
Давно не женился?
—Радъ бы жениться,
Да не кого брати,
Марьюшка подростала,
А я поджидалъ“!

10.

„Обливалася шелкова трава
росою,
Да хвалилася Марьюшка
косою,
А у меня коса до шелкова
пояса,

Ай у кѣсущки серебряный
косничекъ.

А я выплету изъ кѣсущки
косничекъ,

Да сдѣлаю плетничекъ,
Чтобъ ворона коня чѣмъ по-
гонять,

Чтобъ Марьюшку было чѣмъ
пробуждать.

Ай у Марьюшки дѣла много:
Дары шить, чтобы было чѣмъ
Лютого свекра дарить
И лихую свекровью“.

11.

„Я на улицу спѣшу,
Я ни играть, ни плясать—
Жениха выбирать:
Со права со крыльца
Гордѣюшку молодца.
Гордѣюшка молодецъ:
Онъ и бѣлъ, и румянь,
Чернобровъ и черноглазъ.
Говорить со мной гораздъ“.

12.

„Мимо терема високаго
Ясенъ соколъ пролетаетъ
У галушекъ спрашиваетъ:
—Вы, галушки черныя,
Нѣтъ ли моей сокѣлушки?
Ему галушки отказали:
—Нѣтъ твоей сокѣлушки.
А сокѣлушка озвѣлася:
—Соколикъ мой, я тутъ же-жъ,
Въ темномъ лѣсѣ
Гнѣздышко вью
Съ разныхъ перьевъ;
Ко мнѣ галушки слетались
По перушку сносились“.

13.

„Около колодочки—опеночки,
Только нѣту бѣлаго груздочка;

Со дождику противь солнышка
Груздокъ выростае.
Около Марьюшки
Всѣ дѣвушки молодушки,
Только нѣтути
Молодаго Гордѣюшки.
Со вечера, со полуночи
Гордѣюшка къ намъ буде
Со князьями, со боярами,
Съ молодыми поѣзжанами“.

14.

„Ольха, ты, ольха зеленая,
Шкура золотая!
По той по ольхѣ
Марья ходила,
Шкуру колупала,
На чары ковала,
Медомъ накладала,
Бояръ частовала:
—Вы пейте, бояре,
Вы кушайте, молодые,
Вы медъ, вино пейте,
Да мене не берите,
Не берите красную Марьюшку“.

15.

„Черезъ нашъ высокъ теремъ
Пролеталъ ясенъ соколь.
Уронился за перо,
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
Марьина матушка
Въ окошко глядитъ,
Марьюшкѣ говорить:
—Марьюшка, дитятко,
Николаевна, милая,
Подымься за крыло
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
—Охъ, матушка, не могу,—
По новымъ сѣнямъ хожу,
Дробный жемчугъ беру,
На низочку нижу,
На шелку кладу,
Въ зеркальце гляжу—

Чи хорошо подѣ лицо,
Чи хорошо подѣ бѣлое“!

Въ день свадьбы молодымъ къ
вѣнцу поютъ:

16.

„Да не пчелушки гудутъ
Къ зеленому лугу,
А невѣста идетъ
Къ Божьему суду,
Христовому престолу.
А у насъ нынче рано
Сине море грае,
Посередѣ синяго моря
Волною сбиваетъ,—
Дѣвка потопаетъ:
„А, кто меня выне,
За того замужь пойду“?
Да кидался—бросался
Старый бородатый,
Сроду не женатый,
Ой, я тебя выну“.

Жениху поютъ:

17.

„Горошекъ ты мой,
Хорошо тебя сѣять
При пути, при дорогѣ,
При доброй годинѣ!
Ой! младенекій Иванъ,
Хорошо тебя женить
При роду, при племени.
Чьи то кони на Дунай,
На Дунай рѣку пить пошли.
Пьютъ не пьютъ,
Копытами бьютъ,
Стремена рвутъ,
Дороженьку чуютъ“.

Пѣня молодой, когда ее ведутъ
къ свекру:

18.

„Съ дубравы зеленой [дыхъ,
Выѣзжали 700 бояръ и 4 моло-

Они рано выѣзжали,
 Вывозили молодую.
 Молодая слезно плаче, взрыдае:
 „Не плачь, не плачь,
 Мы тебя веземъ,
 Съ неволюшки да въ волюшку“.

19.

„По горенкѣ голубокъ ходя,
 По терему голосокъ вода,
 Иванъ тестю говора:
 А тестюшка, мой батюшка,
 А ты меня не задерживай,
 Да дороженька моя дальняя,
 Кони мои притомились,
 А бояре мои пьяные, похмѣль-
 ные“.

Къ вѣнцу молодой сиротѣ поютъ:

20.

„Зеленая дубрава,
 Зеленая да негодная,
 Да и одинъ дубъ зеленый
 Да и той безъ верхушки,
 И того буря сломила
 Съ корня до верхушки.
 Одна была матушка,
 Да и та на томъ свѣтѣ.
 Навкрестъ ручки держе,
 Анна въ рукахъ держе шири-
 ночку,
 На лицѣ слезиночку,
 Слезой умывается,
 Шириночкой утирается“.

Когда молодой идетъ съ моло-
 дою домой, имъ поютъ:

21.

„Сострѣнь, сострѣнь, матушка,
 Вотъ самъ соколъ ѣдетъ,
 Соколушку везетъ,
 Перемѣну себѣ:
 Въ полѣ работницу,
 Въ домѣ куховницу

Гостямъ привѣтницу,
 Молодому совѣтницу“.

Когда привозятъ имущество мо-
 лодой въ домъ жениха, то поютъ:

22.

„Выйди, матушка, погляди,
 Что тебе бояре привезли:
 Скрыни (сундуки), перины
 И молодую княгиню“.

23.

„Рай, рай раздѣтае,
 Красно—мурово,
 Зелено—лазорево
 Что красно—Гордѣюшка,
 Что зелено—Марьюшка“.

Весеннія пѣсни.

„Ой, на полѣ, на полянѣ,
 На высокомъ курганѣ,
 Постѣялъ мужикъ проса много.
 Некому просо ижать,
 И полоть, и толочь, и молотъ!
 Побхаль мужикъ у Бѣль-городъ
 Рыбы купить
 И работницу—куховницу нанять.
 Я день ждала,
 Другой ждала,
 На третій день
 Мой мужъ ѣде,
 Рыбу везе
 И работницу куховницу.
 Куховница уся въ золотѣ-сереб-
 На ней рубашка,— [рѣ,
 Что кленовъ листь,
 Покромочка чирчатая,
 Намиста бузовья;
 На ней вѣнчикъ, что лугъ сѣя
 (сіяетъ).

Пошлю рабу туды-сюды,—
 И жать, и полоть,
 И толочь, и молотъ.

„Сама не панья,
 Пойди туды-сюды
 И жни, и коли!“
 Я жъ думала,—работница,
 А жъ ну наша разлучница,
 Разлучила съ милымъ другомъ,
 Съ надеждою великою“.

25.

„Пошли дѣвки по чеснокъ,
 За нами ребята,
 Боровскіе ребята,
 Краснянскіе мужики.
 Поихали на луга,
 Раскинули тенета,
 Поймали комаря.
 Посѣжались судьи,
 Стали судить:
 Какъ комаря дѣлить?
 Кому потрушокъ?
 Ивану потрушокъ,—
 Онъ хорошій женишокъ?
 Кому голову?
 Павлу голову,—
 Онъ великъ безъ ума!
 Кому печенки?
 Петру печенки,—
 Чтобы любили его дѣвченки“.

26.

„А въ городѣ диво:
 Наварилъ чернецъ пива.
 Чернецкое пиво
 Разумчиво было,
 Въ голову ступило.
 Пришли молоду звати,
 У пиръ пировати.
 А вотъ я грухнуса,
 А вотъ я ворохнуса.
 Сиди ты, мужъ, дома,
 Стели, мужъ, постелю,
 Стели пуховую.
 Пришла со галюшекъ,
 Постеля послата,

Въ изголовье наклато.
 Вдарила мужа въ щеку,
 Ударила въ другую.
 Всѣмъ стало диво.
 Что жена мужа била,—
 На худа не вчила:
 Не красть она его посылала,
 Работать заставляла—
 Постелюшку слать“.

27.

„Какъ бы былъ я голубецъ,
 Я бъ узвился высоко,
 Полетѣлъ бы далеко,
 Полетѣлъ бы у торжокъ.
 Что у торжку дешево?
 Дешевы молодцы.
 Что у торгу дорого?
 Дорога у торгу дѣвушка.
 Что за дѣвушку сто рублей,
 А за красную тысячу,
 А за удалаго,
 Смѣты нѣтъ“.

28.

„Я тишкомъ лужкомъ
 Съ милымъ дружомъ,
 Вечеринкой, со лучинкой
 Я пришла ко двору,—
 Бѣло разсвѣло,
 Изба топится,
 Обѣдъ варится.
 Свекоръ-батюшка
 На полу лежитъ,
 Свекровья на приступицѣ,
 Постылъ мужъ
 За столомъ сидить,
 Шелковая плетъ
 На столѣ лежитъ.
 И какъ сталъ меня
 Младу бить:
 Шкуру до пятокъ спустилъ.
 Хоть двѣ спусти,
 Да грать пусти!

И подъ себя постели,
Да гратъ пусти!
И шкура волочится,
Да гратъ хочется!
Слезы катятся,—
Плясать хочется!“

29.

„Охъ, Таня, Танюшка,
Подружка моя!
Скажи, Таня, Татьянушка,
Кто ленту тебѣ купилъ?
Алую повитую
Батюшка купилъ,
А другую голубую
Милый подарилъ!
А третью-разнотретью
Сама отъ себѣ“.

30.

„Ведутъ красную дѣвушку
Съ крыльца до вѣнца:
Одинъ ведетъ за рученьку,
Другой за рукавъ,
А третій стоитъ,—
Животъ болитъ:
Любилъ да не взялъ,
Досталася красная дѣвка
Иному—не мнѣ,
Иному, не чужому,
Брату моему“.

31.

„По стежкѣ, по дорожкѣ
Козаченокъ малекъ идетъ,
На козаченкѣ рубашечка тонка,
Тонка—тонка льняная,
Что кленовъ листокъ.
Да не матушка ему шила,
Не сестра дарила,
Ему шила—вышивала
Купеческая дочка.
А мать сыну говорила,
Углаза бранила:

—„Полно-полно, сынъ, гулять,
Полно,—увоймися,
Съ дѣвками не водися.
Велю, велю, сынъ, поймати,
Велю приковати“.

—„Не куй, не куй меня, мати,
Къ каменной кровати
А прикуй меня, мати,
Къ дѣвчичей кровати.
Дѣвки граютъ, дѣвки пляшутъ,
Молодца забавляютъ.
Я со горя, со кручины
Пойду потанцую,
Со великой печали
Дѣвку поцалую!“

32.

„Вы, комарики, комарики мои.
Вы, комарики, безсовѣстные.
Заведись во зеленомъ саду,
Что не дали красной дѣвкѣ
спать,

А у дѣвушки головушка болитъ,
А отъ головушки бѣло лицо
А отъ бѣла лица [горить,
И совсѣмъ дѣвка больна.
Пойду въ садъ разгуляюсь.
Съ донскимъ-морскимъ пови-

даюсь;
Донской-морской, то Григоръ-
юшка дружокъ,
За собой ведетъ дѣвокъ ко-
рогодъ.

Всѣ дѣвки хороши, пригожи,—
Моя Мотрюшка лучше всѣхъ,
Что получше всѣхъ, повѣж-
ливѣй.

Какъ взялъ Мотрю за правую
руку;
За кисейную рубашеночку.
Какъ повелъ Мотрю въ новый
кабакъ,

Напоилъ Мотрю пьяною,

Всего три ягодки,
 Всего три вышеньки.
 Ягодка Марьюшка,
 А вышенька Варварушка.
 Сестрицы—подруженьки,
 Что у васъ за ягодка?
 Не въ саду выросла,—
 Не въ зеленомъ я выцвѣла.
 Выросла я у батюшки,—
 Выцвѣла у матушки;
 У батюшки на новыхъ сѣнахъ,
 У матушки на бѣлыхъ рукахъ“.

37.

„По надъ озеромъ молодець
 ходить,
 Двухъ коней водить,
 Да двухъ вороныхъ не ручныхъ.
 Купайтесь, мои два коня!
 Мнѣ да на тѣхъ коняхъ
 У поѣздъ ѣхать,
 Да за дѣвкою, за молодкою.
 Та мнѣ дѣвушка не подобилася
 Не въ совѣтъ пришла посовѣ-
 товать“ (Поютъ 2 раза).

38.

„Что ты, сѣрь гусиць,
 Одинъ на водѣ!
 Право, я не одинъ,
 И ей-ей не одинъ!
 Много со мной гусей-лебедей,
 Только нѣту гусыни моей.
 Травушка шумить,
 Гусыня летить,
 Шелкова шумить,
 Сѣрая летить“ (2. раза).

39.

„Какъ пойду млада по воду,—
 Точеное коромысло,
 Да сосновое ведрце,
 Шелковы подцѣпки.
 Навстрѣчу мнѣ, дѣвушкѣ,
 Да дѣтинушка молодой,

Неженатый—холостой.
 А я молода съ нимъ стояла.
 Стояла, говорила.
 Поколь Донъ стоялъ,
 Желтый песокъ ожидалъ.
 Увидалъ батюшка
 Съ высокога терема:
 А чего жь ты, дитятко,
 Мѣшкало долго?“
 На праздникахъ Рождествен-
 скихъ поютъ:

40.

„У насъ на улицѣ, на широкой.
 У насъ на муравѣ на зеленомъ
 Какъ кто-то у насъ ревнивый
 и шутливый?“

Ревнивая Марьюшка,
 Шутливая Антоновна,
 Взяла платокъ, пошла въ та-
 нокъ.

Разыгралася, расшутилася.
 Князя бояре!
 Станьте въ стороны и по от-
 дали.—

Батюшка ѣдя,
 Всѣхъ васъ придаре и пожалуе
 Вороными конями
 Невталеными подкалеными;
 Мнѣ подаре колю шубу собо-
 леву“.

41.

„У воротъ виноградъ,
 У воротъ зеленый!
 По томъ виноградъ,
 Удамый молодець ходя;
 Онъ ходя, гуляе,
 Ускрипку грае,
 Короля забавляе,
 Короля молодого,
 Молодца удалого.
 Вы, дѣвки, молодки,
 Сходите съ терема!“

В. Лютовъ.

17.—Сл. Бахмутовка.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болѣзни. Занятія и нравственное состояніе.—Свадьба и пѣсни.—Похороны.—Праздничные и др. обряды.—Игры.—Народная демонологія.—Сказка.

Слобода расположена на низменномъ мѣстѣ; съ одной стороны окружена невысокими возвышенностями, у подошвъ и по скатамъ которыхъ многіе изъ крестьянъ развели сады, изобилующіе плодовыми деревьями, а съ другой стороны этой слободы протекаетъ рѣка Айдарь, притокъ Донца, которая отдѣляетъ эту слободу отъ хутора, принадлежащаго къ ней и названнаго Бахмутовскимъ. Слобода находится отъ уѣзднаго города въ разстояніи 47 в., отъ Луганска—въ 45 в., отъ Славяносербска—въ 20 в. и отъ Бахмута—въ 50 в. По рассказамъ крестьянъ, эта слобода была основана переселенцами изъ г. Бахмута, которые и дали ей названіе Бахмутовки; когда это произошло,—въ точности неизвѣстно; но народъ говоритъ, что переселенцы стали приходить на эти мѣста тогда, когда крымская соль стала замѣняться бахмутовскою; вполнѣдствіи сюда былъ большой наплывъ переселенцевъ изъ среднихъ губерній Россіи, особенно изъ Курской, а также изъ Воронежской. У народа существуетъ преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ расположилась теперь слобода, нѣкогда были дремучіе лѣса, въ которыхъ укрывались разбойники. Это было въ то время, когда Донецъ былъ еще границею, и происходило завоеваніе юга Россіи. Остатки прежнихъ лѣсовъ сохранились, такъ что въ настоящее время около Бахмутовки встрѣчаются довольно большіе лѣса.

Жителей въ сл. Бахмутовкѣ насчитываютъ 2,037 д., въ т.ч. 1,030 м. и 1,007 ж. п. Въ общемъ всѣ они худощавы, средняго роста, привлекательны, а между женщинами встрѣчаются верѣдко и довольно красивыя. Мужчины всѣ непремѣнно носятъ бороду, такъ какъ брить ее считается большимъ грѣхомъ, на томъ

основани, что Иисусъ Христосъ былъ съ бородою. Въ наружности жителей вліяніе инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жители великороссы; говорятъ московскимъ нарѣчіемъ; звуки *о* и *е* въ словахъ выговариваютъ за *а*, такъ, напримѣръ: вада, агурецъ, авѣсъ, галова, сабѣ, табѣ; *е* и *ь* неудараемые они выговариваютъ за *я*, такъ въ словахъ: тѣвты (цѣвты), земля, мядовый, жана, пшаница; въ окончаніяхъ второго лица единственнаго числа и 3-го лица *ѣ* произносятъ за *е*, напр.: нясешъ, пчешъ, нясеть, вядеть и т. д. У жителей Бахмутовки употребляется странное выраженіе привѣтствія; такъ, приходя къ кому нибудь въ хату, или-же встрѣтясь на улицѣ, они говорятъ: „здорово, днавали“,—„работали“,—„Боже, памажи“. Старовѣровъ они называютъ—„первертни“, малоросовъ—„хохлунди“. Сосѣди называютъ жителей этой слободы москалями, а ихъ женщинъ московками.

Грамотность въ слободѣ очень мало распространена; только немногіе изъ крестьянъ умѣютъ читать и писать. Наибольше распространенными книгами въ народѣ являются: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ, житія Святыхъ и такія, какъ крещеніе Руси, о вѣшествіи французовъ, о подвигѣ Ивана Сусалина, объ Ильѣ Муромцѣ, о Робинзонѣ Крузе и нѣкоторыя другія. Эти книги они достаютъ частью въ церкви, или-же въ школахъ, а нѣкоторыя покупаются ими на ярмаркахъ въ городѣ.

Жилища крестьянъ составляютъ хаты. Сначала идутъ сѣнцы, за ними такъ называемая большая хата, а у болѣе зажиточныхъ крестьянъ за большою хатою устраивается еще „хатенка“ такъ называется небольшая комнатка, въ которой находится русская печь для приготовленія обѣда. При сѣнцахъ находится чуланъ, гдѣ хранятся сундуки. Убранство хатъ составляютъ—столъ, лавки и полъ, сдѣланный изъ досокъ,—гдѣ спятъ крестьяне; главнымъ-же убранствомъ хатъ служатъ иконы, и въ какой хатѣ ихъ больше, та и признается за лучшую. Иконы помѣщаются всегда въ переднемъ углу, который почитается самымъ главнымъ въ хатѣ и называется у нихъ „святнымъ“. Для украшенія на стѣнѣ вѣшаютъ еще шкафъ, который у нихъ называется „мисникомъ“, а полки въ немъ „паліцею“. Входя въ хату, они останавливаются на порогѣ и начинаютъ креститься, вѣря, что ихъ на порогѣ встрѣчаетъ ангель, а потомъ

уже переходят порогъ и здороваются съ хозяиномъ. Существуют повѣрье, будто-бы душа ребенка, родившагося неживымъ, остается на порогѣ хаты, или-же въ трубѣ; поэтому, крестясь на порогѣ, или-же при открываніи и закрытіи трубы, они какъ-бы крестятъ некрещеннаго младенца. Дворъ при хатахъ большой, огораживается обыкновенно плетнемъ изъ хвороста, „шали“ и раздѣляется на двѣ части: на собственно дворъ и огородъ. Дворъ застроенъ слѣдующими постройками: амбаромъ для сыпки хлѣба, около него сарай, гдѣ складываютъ топливо, въ сторонѣ устраивается „закута“ для свиней и помѣщеніе для овецъ, которое у нихъ извѣстно подъ именемъ „кашары“. На огородѣ помѣщается „половень“, гдѣ складываютъ кормъ для скота, и токъ. У бѣдныхъ только сарай и помѣщеніе для скота. Хаты здѣсь не раскрашиваются, рѣзбы также не имѣютъ, и только ставни во всѣхъ хатахъ окрашиваются красною глиною.

Одежда мужчинъ лѣтомъ—„зипунъ“, чумарка, рубахи бѣлая и красная заграничная, а на зиму—еще присоединяется полушубокъ. Въ будни носятъ бѣлую рубаху и бѣлые „портки“; выходя изъ дому, надѣваютъ сверху „зипунъ“; въ праздникъ же надѣваютъ красную рубаху, покупные штаны, сверху чумарку изъ сукна и разноцвѣтный поясъ. Лѣтнюю и зимнюю одежду женщинъ составляютъ „сарафаны“, гарусные и шелковые платки, „салопы“, выдѣланные изъ овечьей шерсти и синенные, или же изъ синяго сукна, шуба изъ овчинъ, обшитая гарусомъ. Будничная одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи, вышитой на плечахъ, изъ синеннаго сарафана, сотканнаго изъ овечьей шерсти, и изъ ситцеваго или же изъ стараго гаруснаго платка. Въ праздникъ онѣ надѣваютъ новый синенный сарафанъ, внизу кругомъ обшитый полосой краснаго ситца; спереди, начиная сверху, идутъ два ряда парчи, называемые „платѣнкой“; между полосами парчи нашиты пучки изъ синихъ и красныхъ лентъ, красную заграничную рубаху, къ рукавамъ которой пришиваются оборочки изъ синяго шелка,—у бѣдныхъ изъ ситца,—которыя носятъ названіе „манжеть“; кругомъ талии обвязываютъ разноцвѣтный суконный поясъ, такъ что концы висятъ на боку. Поверхъ этого нѣкоторыя надѣваютъ еще кофты, обложенныя гарусомъ. Самымъ сложнымъ уборомъ молодыхъ

женщинъ является головной, а именно: сначала онѣ надѣваютъ „подзатылень“, сдѣланный изъ бархата или же просто изъ полотна, весь зашитый золотомъ и убранный бисеромъ, далѣе— „кичку“ изъ холстины, въ родѣ невысокаго кокошника, потомъ „бархатникъ“ изъ краснаго бархата, убранный полосками парчи и имѣющій видъ шапочки, наконецъ повязываютъ шелковый платокъ, такъ что „подзатылень“ и передъ бархатника остаются открытыми. Дѣвушки заплетаютъ косу „въ расплетъ“, вплетаютъ разнаго цвѣта ленты и потомъ вокругъ головы дѣлаютъ перевязку изъ широкой ленты, или сложеннаго небольшого платка, называемаго „подшалникомъ“; сбоку къ такой перевязкѣ прикалываютъ булавками бантики изъ красныхъ лентъ и называютъ ихъ „твѣтками“. Зимой убора не надѣваютъ, а прямо повязываются шерстянымъ или гаруснымъ платкомъ. Старинныхъ одеждъ здѣсь нѣтъ. Хорошіе сарафаны женщинъ обходятся въ 5—6 р., бархатникъ отъ 4 р. до 7 руб., „подзатылень“ въ 1 р., кичка стоитъ 15 к., „зипунъ“ 5 р. Сарафаны синятъ особою синею краскою, которую называютъ „колья“.

Пища какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, одинакова. Въ скромные дни почти у всѣхъ крестьянъ приготавливаютъ очень часто мясо, что нибудь молочное, яйца, а въ постные дни обыкновенною пищею служатъ борщъ и квасъ съ картофелемъ. Очень распространенная здѣсь пища—кисель изъ грушъ и терка, узваръ изъ вишенъ и солодуха съ пшеномъ. Въ послѣднее время пища стала ухудшаться по причинѣ неурожаевъ хлѣба; бывало, прежде и продадутъ хлѣбъ, и еще остается до новаго урожая, а теперь и хлѣба не достаетъ, и скотъ приходится продавать, такъ какъ нечѣмъ кормить его. Здѣшнія лавочки не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ сюда очень часто изъ другихъ селъ и даже изъ городовъ пріѣзжаютъ торгаши, у которыхъ жители забираютъ и покупаютъ все необходимое, да и лавочка здѣсь только одна. Освѣщаются керосиновыми лампами; керосинъ извѣстенъ подъ именемъ „газа“.

Волѣвни. Самыя распространенныя въ слободѣ болѣзни,—дифтеритъ, называемый „давушкой“, и оспа. Лѣкарствами по большей части служатъ настои изъ различныхъ травъ, которыя собираются бабами—знахарками въ маѣ мѣсяцѣ. Если кто

нибудь заболѣтъ, сейчасъ-же посылаютъ за знахаркою, которая приноситъ настой травы, наговариваетъ воду и даетъ ихъ пить больному; самымъ-же важнымъ средствомъ считается шептаніе надъ больнымъ. Заговариваютъ отъ колотья, отъ рожи или „бляшихи“, отъ глазъ; заговариваютъ также кровь, отъ „криксовъ“ дѣтей и отъ всякой простуды. Чтобы заговорить воду, читаютъ три раза „Отче нашъ“, только безъ отдыха, и обмываютъ въ ней ложку, ножикъ или веретено. Чтобы вылѣчить ребенка отъ „криксовъ“, знахарка носитъ его подъ курей и шепчетъ: „качаты, пивны, возьмите криксы—плаксы отъ пораженной, отъ малитвенной и отъ хрищенной“. Отъ колотья знахарка беретъ чеку, непременно ту, которую найдетъ, а то иначе не поможетъ, или же ножъ, или пучочекъ палочекъ по девяти три раза, сначала бросаетъ ихъ назадъ, потомъ поднимаетъ и тогда уже накалываетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ. Крестьяне безусловно вѣрятъ силѣ такихъ заговоровъ и шептаній; къ врачамъ-же народъ относится недоувѣрчиво, даже враждебно, называя ихъ отравителями. При заболѣваніяхъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи врача, а, между тѣмъ, что бы ни случилось,—сейчасъ-же обращаются къ знахаркѣ. Больную скотину также лѣчатъ различными травами, дегтемъ съ солью, квасцами и шепчутъ надъ нею.

Траву „чистякъ“ варятъ и употребляютъ отъ сыпи и золотухи на тѣлѣ; существуетъ повѣрье, что больной, выкупанный въ кореньяхъ „чернобыльника“, на третій день непременно выздоровѣтъ; если же не поднимется черезъ три дня, то это значитъ,—умретъ непременно. Извѣстенъ здѣсь „подбѣлъ“ съ широкими бѣловатыми листьями, который употребляютъ отъ болѣзни головы; здѣсь особенно много по горамъ барбариса, который извѣстенъ подъ именемъ „кислицы“. Крестьяне употребляютъ довольно часто коренья „кислицы“ отъ судорогъ. Многія мѣстныя травы они ѣдятъ, какъ, напр.: козельцы, щавель кислый, коровки, купырья, окуга, пустосель и мн. др. Если хотятъ, чтобы травы помогали отъ болѣзней, то ихъ надо собирать непременно на Симона Зилота. Существуетъ повѣрье о папортникѣ, что, кто сорветъ его цвѣтокъ, который распцѣтаетъ

только подъ Ивана-Купала въ полночь, тотъ будетъ знать, гдѣ зарыты клады, и понимать говоръ животныхъ и растений.

Существуетъ много **заговоровъ**, напр., отъ колотья: „не колитя, не болитя, со всѣхъ суставовъ выходитя, со всѣхъ костей, со всѣхъ мощей; тутъ вамъ не жить, тутъ вамъ костей не ломить; идитя на буйные вятры, на быстрыя рѣки отъ черныхъ глазъ, отъ жолтыхъ глазъ, отъ сѣрыхъ, ото всѣхъ ляхихъ людей, отъ пораженной, отъ молитвенной, отъ хрященой, отъ рабы Божіей и не разъ, и не два, и не три“, такъ до девяти. Этотъ заговоръ произносятъ три раза. Заговоръ крови: „ишли три брата по шарокой вулицѣ, рожу ламали, рожу сажали; рожя не взошла, кровь съ пальца не пошла“. И еще такъ: „на Сіёнской горѣ стоитъ столикъ, надъ столикомъ стульце, а въ стульцѣ сидитъ красная давица, сидитъ у пальцахъ вышивая краснымъ шолкомъ, а шелкъ пярарвется, руда (кровь) увойметя“.

Занятіемъ жителей слободы служатъ преимущественно земледѣліе и садоводство; сѣютъ преимущественно пшеницу, рожь и ячмень; садовъ очень много, по большей части въ нихъ произрастаютъ вишни и черешни,—яблонь мало. На огородахъ сѣютъ арбузы, капусту, ленъ, дынь мало и очень много конопли. Изъ льна и конопли прядутъ нитки и ткутъ холстъ. Прежде здѣсь было очень распространено пчеловодство, но теперь никто не имѣетъ пчель. Въ послѣднее время, когда урожаи стали плохи и земледѣліе не можетъ обезпечить жителей, главнымъ занятіемъ явилось „паленье углей“, которые развозятся и сбываются въ сосѣднихъ городахъ; кромѣ этого, идутъ на заработки въ Ростовъ, въ Ново-Черкасскъ, поступаютъ въ шахты для добыванія каменнаго угля, затѣмъ покупаютъ тамъ уголь и продаютъ.

Крестьяне сл. Бахмутовки—народъ очень религіозный; даже въ самые небольшіе праздники стараются пойти въ церковь. Очень почитаютъ монастыри и, говоря: „надо потрудиться“, цѣлыми толпами идутъ на богомолье; много дѣлаютъ пожертвованій. Когда изъ монастыря приѣзжаютъ собирать пожертвованія, то они даютъ деньги, холстину, кто что имѣетъ, и никогда не отказываютъ. Богатые стараются по возможности помочь бѣднымъ.

Между крестьянами порядочно старовѣровъ, которые имѣютъ молеельни въ ближайшей сл. Рай-городкѣ (въ 3 вер.) и своихъ поповъ.

Народъ здѣсь почти совсѣмъ неграмотенъ, но довольно понятливъ, смысленъ и неглупъ. Для образованія здѣсь открыта школа, куда многіе изъ крестьянъ посылаютъ своихъ дѣтей; когда-же школы здѣсь не было, то крестьяне посылали своихъ дѣтей учиться къ тѣмъ изъ нихъ, кто хотя немного умѣлъ читать. Къ школѣ и къ учителю почти всѣ относятся съ уваженіемъ, хотя есть и такіе, которые не хотятъ понять пользы ученія и относятся къ нему индифферентно.

Народъ очень добрый, миролюбивый и въ высшей степени суетвѣрный. Женщины пользуются уваженіемъ, и семейная жизнь крестьянъ сравнительно очень спокойна. Родители съ дѣтьми обращаются кротко, и только въ очень немногихъ семьяхъ дѣти переносятъ побои и брань.

Хозяева съ наймитами обходятся очень хорошо, обуваютъ ихъ, одѣваютъ, кормятъ и вообще обращаются съ ними лучше даже, чѣмъ со своими. Кабаки есть; одинъ въ слободѣ, а другой на хуторѣ, и жители любятъ выпить; когда здѣсь не было открытаго кабака, то почти каждая изъ крестьянокъ старалась держать у себя водку и продавали на дому.

При рожденіи ребенка, ему сейчасъ-же даютъ имя и несутъ крестить; послѣ крещенія, кумъ и кума непременно должны прійти обѣдать къ тѣмъ, у кого крестятъ; пѣсенъ не соблюдается. Вечерницъ въ Бахмутовкѣ не бываетъ; изрѣдка зимою дѣвушки собираются вмѣстѣ прѣсть.

Свадьба. Просватавъ дѣвушку, начинаютъ пить водку, или, какъ говорятъ, „пропиваютъ“ ее. На другой день послѣ этого въ домѣ невѣсты собираются три—четыре дѣвушки, которымъ невѣста раздаетъ пить ей „дары“. Если-же работы очень много, то эти дѣвушки разносятъ другимъ дѣвушкамъ, и на свадьбѣ могутъ-быть только тѣ, которыя принимаютъ участіе въ шитьѣ этого приданнаго. Здѣсь существуетъ обычай, по которому невѣста до свадьбы должна „голосить“ два раза въ день, утромъ на зарѣ и вечеромъ на зарѣ. Въ первые дни по просватаніи, невѣста голосить, говоря: „радименькая моя мамушка, заклю-

чили вы мою буйную галовушку, и запячалили мое рятивое сярдечушко, и уняли вы мою дѣвичью волюшку“. И такъ еще: „милая мои подружаньки, что-жъ вашла моя воля во зялёнаю дуброву, осыпались всѣ мои лазорявые твѣточки и позавяли всѣ ганусовыя васялѣчки; любай мои подружаньки, хадите вы по зялёному садочку, собярите эти твѣточки, раздялите промежъ сами сабѣ и красуйтеся и любуйтеся съ своими лазорявыми твѣточками и съ моею дѣвчяею красою“. Въ послѣдній день передъ свадьбою она голосить такъ: „родимай мой батюшка, поѣзжайте вы во чистое поле, во зялёнаю дуброву и срубите бѣлаю бирѣзу, перапните моимъ боярамъ дорогу, чтобъ они до мяне не дошли, не доѣхали, чтобъ моей дѣвчяей воли не уймали и мою красоту не тярали“. Передъ самую свадьбою бывають „сговоры“; тогда въ хату невѣсты собираются дѣвушки и парни, и невѣста съ подругами уходитъ въ сосѣдную хату; женихъ-же, пришедши къ невѣстѣ, долженъ остаться на дворѣ. Въ это время въ хатѣ невѣстина родня угощаютъ женихову, и, когда выпьютъ, то зовутъ жениха, даютъ ему въ руки поднось, на который ставятъ стаканъ водки, потомъ зовутъ дѣвушекъ, которыя начинаютъ вызывать невѣсту такъ: „Дукерьюшка (имя), выступи, выступи, Ивановна, подари аго шаринкою (полотенцемъ)“, и потомъ, обращаясь къ жениху, говорятъ: „Сямёновичъ, отдари, три чарвонца золотыхъ положи“. Вслѣдъ за этимъ входитъ въ хату невѣста съ тремя старшими дружками, при этомъ дружки идутъ впереди, а невѣста за ними; потомъ дружки кланяются на три стороны и садятся за столъ, невѣста-же подходитъ къ жениху и, взявъ у него съ подноса стаканъ водки, отпиваетъ немного, а потомъ сама беретъ поднось, а женихъ отпиваетъ изъ этого же стакана немного водки, и такъ повторяють до трехъ разъ. Затѣмъ невѣста ставитъ на поднось два стакана водки и подноситъ роднымъ, сидящимъ за столомъ; когда тѣ выпьютъ, она отдаётъ поднось дружкѣ, а сама цѣлуется съ женихомъ, потомъ кланяются другъ другу и цѣлуются съ тѣми, кто пилъ водку, и невѣста подноситъ водку всѣмъ, кто бываетъ въ хатѣ, не исключая даже маленькихъ. Затѣмъ родные невѣсты уходятъ къ жениху ужинать, а дѣвушки занимають ихъ мѣста за столомъ; дружко жениха начинаетъ

откупать эти мѣста, даетъ за нихъ дѣвушкамъ деньги и водку, и онѣ выходятъ изъ-за стола, а женихъ и невѣста садятся за столъ. Дѣвушки тогда начинаютъ „обыгрывать“ жениха; три старшія изъ дружекъ невѣсты берутъ деревянную чашечку, ставятъ въ нее стаканъ съ водкою, и всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

„Мальчикъ Тимохееюшка, кудря-
вая галовушка,
Кто табѣ пародилъ, молодца?
—Пародила родна матушка,
Вспоилъ—вскормилъ сударь-ба-
тюшка,
Возлялѣялъ на чужу старонушку,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
Создай, Боже, эти кударци
Разудалому добру молодцу,
Тимохееюшки Ивановичу“.

Далѣе продолжаютъ:

„Подари, Тимохееюшка,
Подари, Ивановичъ,
Не рублѣмъ съ палтиною,
Залотою гривною.
Али у табѣ денегъ нѣту-ти,
Займи у сваго друга милаго,
Отъ сердца рятываго,
Обярнися къ намъ лицомъ,
Выпей чарочку съ вянцомъ“.

Женихъ беретъ стаканъ съ водкою и, выпивая, кладетъ дѣвушкамъ деньги; потомъ онѣ также „обыгрываютъ“ почти всѣхъ парней, которые за это, въ свою очередь, даютъ имъ деньги, изъ этихъ денегъ старшія дружки невѣсты берутъ большію часть, а остальные дѣлятся между прочими дѣвушками. Обыгравъ жениха, дѣвушки и парни ужинаютъ у невѣсты и расходятся по домамъ. Дорогою они поютъ:

„Заря, моя зорюшка,
Ранняя, вячерняя,
Усхожае солнышко.
Ой, лелюшки, лелюшки,
Усхожае солнышко!“
Солнышко не рано всадило,
Даляко святило:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синяе море.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Тамъ ляжала сасновая дасточка,
Перекладъ вярбовай,
Ой, лелюшки, лелюшки!..
По той дасточкѣ
Никто не хаживаль,
Никто не хаживаль,
Никого жъ не важиваль.

Ой, лелюшки, лелюшки!..
Только шѣлъ маладой Тимохее-
юшка,
Онъ вѣлъ—перявелъ Лукерь-
юшку (имя невѣсты).
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Онъ вѣлъ, журилъ, бранилъ,
Перяведши, пожалаваль,
По галовкѣ поглаживаль.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Другъ ты, моя Лукерьюшка,
Живогъ-сердце, Яковлевна!
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Чи ты горазда домоу жить,
Чи ты горазда домъ дяржаль?
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Я не горазда домъ дяржать,

Только горазда на ручкахъ | А на правянькой ручкѣ спать
сидѣть, | Ой, лелюшки, лелюшки!..

На слѣдующій день ведутъ невѣсту вѣнчать. Ей надѣвають обшитый парчею сарафанъ, бѣлую полотняную рубаху, заплетаютъ одну косу, дѣлаютъ „перевязку“ на голову; дружки сидятъ за столомъ; невѣста начинаетъ прощаться съ ними, потомъ отецъ и мать благословляютъ ее, а она голосить: „благослови меня, батюшка, къ Божьему суду идти, къ вянчанію; не прошу я у табѣ, батюшка, ни злата, ни серебра, а благословія“. Послѣ этого дѣвушки выходятъ изъ хаты, а ктонибудь изъ родныхъ невѣсты набрасываетъ ей на плечи „покрывалень“, — длинную кисею, и въ руки даютъ „ширинку“. Когда невѣсту ведутъ въ церковь, то дорогою поютъ:

По рѣчушки быстрой

Рой плыветь,

По вулицѣ шарокой

Дѣвки идутъ.

Они кличуть Лукерьюшку:

Если невѣста-сирота, тогда поютъ такъ:

„Бѣлая бярёзуска,

Зялёная дубровушка,

Чаму табѣ сучья много

Сушаго, да нерушаго,

Ни ядинаго тросточка.

Только одинъ дубъ душлистый,

И тотъ безъ макушки,

Безъ зяленой вярхушки.

Красная Лукерьюшка,

Чаму табѣ роду много,

Родного, да не одного,

Ни родимой матушки.

—Хотя есть у мене матушка,

Да на томъ свѣтѣ

—Хади, хади съ нами, Яков-
левна.

Рой лавить.

—Идите вы, дѣвушки красныя.

Я сабѣ уже уловила“.

У Бога-Христа для престола.

Навхрястѣ руки держа,

Она Бога умоляла:

Испусти мене, Боже,

Съ небесъ на землю,

Чтобы я сваю чаду

Поглядѣла, и какъ оно

Сваряжено, на посадѣ по-

сажено.

Она плача, рыдая,

Сваряжана, какъ горькая

сиротинка.

Какъ у поля одна былинка“.

Когда же подходятъ къ церкви, то поютъ:

„Попе, попе, батюшка нашъ,

Раствори церковь противъ насъ,

Перевянчай маладыхъ у доб-
рый часть“.

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ впереди, а за ними сестра невѣсты, или ктонибудь изъ родныхъ, за женихомъ дядька, и держатъ вѣнцы надъ головами; далѣе стоятъ свашки; женихова свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ

двѣ свѣчи, гребень, хмѣль и ложка съ масломъ. Свѣчи даютъ жениху и невѣстѣ во время вѣнчанія, масломъ послѣ вѣнчанія мажутъ жениху волосы, а гребнемъ расчесываютъ, хмѣль посыпаютъ уже на молодыхъ. Невѣстина свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ „оправа“ (бархатникъ, подзатылень и кичка) и двѣ ложки. Когда окончится обрядъ вѣнчанія, то голову невѣсты покрываютъ кисеею, или покрывальнемъ, который у нея былъ надѣтъ на плечахъ, и женихъ съ невѣстою идутъ изъ церкви, взявшись не за руки, а за ширинку. Выйдя изъ церкви, женихъ идетъ къ себѣ домой, а невѣста къ себѣ, и дружки дорогою поютъ:

У Бога были	И всѣмъ выпнимъ и нижнимъ
И Богу молились,	Да всѣмъ чудотворамъ“.

Пришедши домой, невѣста снимаетъ съ себя покрывальень и угощаетъ дружекъ, а къ жениху ѣдетъ „поѣздъ“, состоящей изъ родныхъ невѣсты и званныхъ на свадьбу; они обѣдаютъ у жениха, а онъ съ парнями катается по деревнѣ. Пообѣдавъ, поѣзжане берутъ съ собою жениха и ѣдутъ „оправлять“ невѣсту, т. е. снимаютъ у нея съ головы дѣвичью „перевязку“, развязываютъ въ косѣ ленту, расчесываютъ волосы и заплетаютъ уже двѣ косы, далѣе надѣваютъ на голову подзатылень, кичку, бархатникъ и закрываютъ покрывальнемъ; невѣста не даетъ надѣвать на себя уборъ женщины, сбрасываетъ его нѣсколько разъ, и долго приходится возиться съ нею, пока она не покорится и спокойно дастъ „оправить“ себя; послѣ этого жениха и невѣсту садятъ обѣдать. По окончаніи обѣда они цѣлуютъ „благословеніе“, прощаются съ отцомъ, съ матерью и со всѣми родными невѣсты, потомъ садятся въ телѣгу, кланяются на всѣ четыре стороны и ѣдутъ въ домъ жениха. Когда пріѣзжаетъ молодая, то ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, она имъ кланяется, а они цѣлуютъ ее. На другой день свадьбы, бабы ходятъ по слободѣ, пляшутъ и поютъ:

„Кумушки пьютъ	И звать не назвали,
И голубушки пьютъ,	И рукавъ оторвали
Мяне малоду съ собою завуть,	Совсѣмъ съ пальцами
За рукавъ волокутъ.	И съ долгами рукавами.

Я молода богата пришла,
 Много съ сабой принясла.
 Девять сандуковъ,
 Десятый лозбень,
 Хоть объ земь разбей.
 Во томъ лозбяню
 Дудачки ляжать
 И балабаечка.

Во тѣ дудочки не вялять
 играть,
 Заказываютъ и загавариваютъ:
 А я хоть украдуся,
 Да награюся.
 Я тишкомъ,—тишкомъ
 Со милымъ дружкой,
 Со Тимошею подъ грушаю.

Свадьба стоитъ не всегда одинаково, кто побогаче, тотъ лучше справляетъ ее и расходуетъ очень много, а бѣдный меньше и тратить.

Похороны. Когда человѣкъ умираетъ, ему даютъ въ руки свѣчу и, если кто умѣетъ читать, то читаетъ отходную; когда умретъ, его обмываютъ, кладутъ на лавку и за поясъ затыкаютъ платокъ, говоря, что на томъ свѣтѣ этимъ платкомъ будутъ утирать, и накрываютъ мертвого кисеей,—„сарпинкою“. Когда несутъ на кладбище, то по обычаю непременно голосятъ: если умираютъ родители, то голосятъ такъ:

„На горе ты мяне, мая мамушка, породила, и на каво-жъ ты мяне покинула, и съ кѣмъ я буду совѣтушки совѣщать. И рштупися, мать—сыра земля, и раскалися, дубова доска, и расгорнижъ ты, мамушка, свои бѣлыя ручушки, и распячатывай свои ясные глазушки, и пригорнижъ ты мяне горькаю и безчастною къ сабѣ, и чтобъ я добрымъ людямъ не докучала, и буду-жъ я чужая надокучница, и съ малаго и до большого всё въ люди идти“.

Поминаютъ послѣ смерти до шести недѣль, бѣдные поминаютъ рѣдко.

Праздничные и другіе обряды. Наканунѣ праздника Рождества Христова всѣ варятъ кутью, которую ѣдятъ съ медомъ, и взваръ изъ сушеныхъ яблокъ и вишенъ. Въ каждой хатѣ въ „святомъ“ углу кладутъ солону и ставятъ на нее кутью и „узваръ“ въ воспоминаніе того, что Иисусъ Христосъ родился въ ясляхъ. Послѣ обѣда, когда начинается темнѣть, идутъ колядовать, подходятъ подъ окна; за это имъ кладутъ въ мѣшки пшено, пироги, а, если хотять посмѣяться, то нальютъ въ протянутый мѣшокъ воды. На самый праздникъ ходятъ на

улицу, собираются въ кружокъ и водятъ хороводы, очень часто поютъ слѣдующую пѣсню:

Воробушка-воробей,
Ты рахмальная пташечка,
Даляко-жь ты отляталъ?
Ой, лели да лели,
Даляко-жь ты отляталъ?
—Ой, отъ саду до саду,
До зялёнаго вишенья,
До краснаго орѣшанья!
Ой, лели да лели.....

Ой, младенькій-младъ,
Да Василь, да далеко-жь
Ты отъязжалъ?
Ой лели да лели....
—Ой, отъ двора до двора,
Да до теляго подворья,
Да до тешаго терема,
Да до Лукерьянаго полога!
Ой лели да лели“...

Съ самаго перваго дня Рождества Христова сора изъ хатъ не выбрасываютъ, а оставляютъ его гдѣ-нибудь въ углу до дня Новаго года, а на Новый годъ этимъ соромъ подкуриваютъ сады, чтобы родились плоды.

На масляной здѣсь заведено катанье съ горы: въ концѣ слободы устраивается гора изъ снѣгу; и большіе, и маленькіе катаются съ горы. На праздникъ Пасхи всѣ идутъ въ церковь, освящаютъ пасху и красныя яйца. При наступленіи дня, парни и дѣвушки собираются и идутъ качаться на качели; инныя дѣвушки поютъ пѣсни, которыхъ содержаніе разнообразно. На Вознесеніе пекутъ изъ тѣста „подхресники“ и „дѣсенки“ и все это вмѣстѣ съ красными яйцами кладутъ на столъ. „Подхресники“ и „дѣсенки“ дѣлаютъ въ знакъ того, что провожаютъ Спасителя на небо. Если на Ильинъ день пойдетъ дождь, то у нихъ существуетъ повѣрье, будто-бы арбузы будутъ прѣть и не будетъ желудей: всѣ они осыплются. На Егорьевъ день выгоняютъ скотину на поле, служатъ молебны, и есть повѣрье, что, если рано утромъ въ этотъ день собрать росу, то ею всегда можно вылѣчить болѣзнь глазъ; подъ Ивана Купала ходятъ ночью въ лѣсъ искать папортникъ, который, говорятъ, цвѣтетъ только въ эту ночь. Въ пятницу они никогда не прядутъ по тому повѣрью, что на томъ свѣтѣ Божія Матерь насыплетъ въ черепъ кострики ото льна, или конопли.

Яйца на Пасху красятъ красною краскою, говоря, что Пасха называется красною, потому и яйца надо красить красною краскою. Яйца красятъ они просто для украшенія и для дѣтей; кромѣ красной краски, иногда употребляютъ для окрашиванія

яиць травы чернокленъ и пролѣски, т. е. подснѣжники. Писанокъ съ рисунками не дѣлають.

Передъ посѣвомъ хлѣба накрываютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, потомъ молятся и ѣдутъ въ поле; приѣхавъ туда, опять молятся, говоря: „зароди, Господи, на хромыхъ, слѣпыхъ и на всю нищю братію“, и начинаютъ сѣять. Когда ѣдутъ жать, то молятся Козьмѣ и Демьяну и пророку Ильѣ; при жатвѣ по большей части поютъ: „вы туманы мои, туманы темные, ничяго не было видно въ этихъ туманахъ; только была видна зялёная дубровушка“, но больше работаютъ молча. Когда начинаютъ свозить хлѣбъ въ клуны, то съ молитвою, посреди одонка кладутъ камень чтобы мыши не трогали хлѣба. При печеніи хлѣба изъ новины, чтобы хлѣбъ вышелъ хорошимъ первую хлѣбину перекрещиваютъ крестъ на крестъ.

Игры. Весною и лѣтомъ дѣвушки водятъ хороводы, называя ихъ „карагодами“; вода хороводы, дѣвушки поютъ:

„Хмѣль моя, хмѣлюшко,
Хмѣлиное пѣрышко.
Лебядиное крылушко.
Поляти, нашъ хмѣлюшко,
На нашу старонушку:
На нашей старонушкѣ

Пряволье шарокое,
Раздолье вяликое.
По той по раздольюшки
Семь лябедей плавая
Съ бѣлами лябѣдкамн“.

Послѣ пѣнія начинаютъ величать тѣхъ, которыя бываютъ въ хороводахъ, такъ:

„Ходя, дремя по палицамъ,
Заглядая по дѣвицамъ.
Семь усѣ бяленьки,
Усѣ румяньки;
Одна наша Алѣнушка,
Она ня бялѣя, не румянѣя;
За ней ходя Тимохоеюшка,
За ней ходя Митрофаначъ,
Брусъ мыланося,
Кувшины поднося;

—Мойся, мойся, Алѣнушка.
Сабѣ побялѣя, ямѣ помялѣя.
Поцалуваться, помялуваться,
Кто не скажетъ спасибо,
Тому совѣ да сова,
Совиная галова.
Девять кадушакъ
Салѣнахъ лягушакъ,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ тараканов“.

Дѣти играютъ въ игру, которую называютъ „скаракли“; для этого берутъ 12 круглыхъ палочекъ, шесть изъ нихъ ставятъ на одной сторонѣ, а шесть съ другой; потомъ вблизи этихъ палочекъ проводятъ межи, и четыре мальчика мѣряются на палкѣ.

и, кому достанется верхъ, тотъ первый начинаетъ сбивать палочки,—если сразу собьетъ всѣ шесть, то, значить, онъ сыгралъ „конъ“; если-же какая—нибудь палочка упадетъ не за межу, а до межи, то говорятъ, что это одинъ „чухъ“, и сбиваютъ ее уже лежащую.

Очень часто, особенно взрослые, играютъ въ мяча; дѣти играютъ еще въ цурки, въ пушки. Между парнями особенно распространено биться на кулачки, и это очень часто оканчивается весьма плачевно. Танцы состоятъ въ томъ, что пляшутъ русскую, мятелицу; мѣстными музыкальными инструментами служатъ—дудка, балалайка, бубень и гармоника.

Народная демонологія. Между женщинами здѣсь сильно распространено вѣрованіе въ вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ; мужчины же уже перестаютъ вѣрить. Говорятъ, что русалокъ особенно много бываетъ на Троицу и преимущественно тамъ, гдѣ много осинъ, на которыхъ онѣ качаются; почему женщины и дѣвушки не рѣшаются въ эти дни ходить купаться и на лугъ, говоря, что онѣ утащатъ ихъ въ рѣку, или закачаютъ до смерти. Существоющія будто-бы вѣдьмы ходятъ ночью доить чужихъ коровъ и портятъ людей. Начинаютъ-ли происходить несогласія и вражда въ семьѣ,—говорятъ, что „испортили“; заболѣтъ-ли кто либо чахоткою, тоже испортили, и особенно вѣрятъ, что портятъ молодыхъ на свадьбѣ. Говорятъ, что стоитъ только вѣдьмѣ „перелить“ порогъ, и перешедшій черезъ этотъ порогъ становится порченнымъ, кричитъ на разные голоса, и, дѣйствительно, здѣсь много „кликушъ“. Чтобы узнать вѣдьму, нѣкоторыя изъ женщинъ въ великій постъ бросаютъ черезъ себя на горящій (чердакъ) палку; это дѣлаютъ непременно по понедѣльникамъ, иначе ничего изъ этого не выйдетъ. На „Великъ День“ топятъ этими палками и говорятъ, что вѣдьма тогда обязательно прійдетъ и попроситъ жару. Еще употребляютъ слѣдующее: когда заговляютъ, ѣдятъ сыръ, то оставляютъ во рту маленькій кусочекъ, на другой день вынимаютъ его изо рта и завязываютъ въ узелочекъ, а на „Великъ День“ съ этимъ узелкомъ идутъ въ церковь и говорятъ, что вѣдьма подойдетъ къ этому человѣку и ущипнетъ его. Отъ вѣдьмъ оберегаются молитвою, а нѣкоторые на четвертый день Троицы вбиваютъ ко-

лышекъ отъ „клеванья“ осины въ воротахъ и вѣрятъ, что вѣдьма сюда никогда не прійдетъ.

Сказка. „Однажды жилъ одинъ человекъ, который охотился за птицами, и вотъ ему пришлось поймать птичку, на одномъ изъ крыльевъ которой было написано: „кто съѣстъ голову, тотъ будетъ царемъ, кто-же съѣстъ крыло, тотъ будетъ кашлять деньгами“. Человекъ этотъ читать не умѣлъ, а птичку оставилъ у себя. Однажды, когда его не было дома, этою дорогою проѣзжалъ одинъ купецъ, увидѣлъ эту птицу и взялъ ее: пріѣхавъ домой, онъ велѣлъ изжарить ее, а въ это время возвратились домой два сына этого купца; они были очень голодны и, увидѣвъ жареную птичку, съѣли—одинъ голову, а другой крылышко, и, дѣйствительно, одинъ изъ нихъ вскорѣ сдѣлался царемъ, а другой сталъ кашлять деньгами, и съ тѣхъ поръ появились деньги“.

А. Коломейцева.

18.—Сл. Ново-Айдарь.

Поселеніе.—Избы, одежда, пища.—Богъзвн.—Нравственность.—Свадебные обряды.—Праздничныя вирши и развлечения.—Сказка.—Пѣсни.

Ново-Айдарь расположена на лѣвомъ и правомъ берегахъ р. Айдара, которая беретъ свое начало въ Воронежской губ. Отъ уѣзднаго города слобода стоитъ на 37 в., отъ Луганска Екат. губ.—50 верстъ.

Сторожилы говорятъ, что предки жителей описываемой слободы были казаки и назывались Ново-Донскими. При Екатеринѣ Великой пришло распоряженіе, что, если кто желаетъ служить казакомъ, то долженъ идти на Кубань, нежелающіе же могутъ оставаться въ званіи государственныхъ крестьянъ. Тогда изъ 1200 казаковъ, человекъ 800 пошли на Кубань, а остальные 400 душъ остались въ Айдарѣ.

Черезъ нѣсколько времени явились поселенцы изъ Курской губерніи Суджанскаго уѣзда и населили цѣлую улицу, которая теперь называется „суржею“. Въ первой половинѣ XVIII в. поселеніе это называлось „городкомъ“, какъ это видно изъ одного документа за 1740 г.

По правомъ берегу р. Айдара тянется гора до Донца. Отъ этой горы противъ поселенія идетъ небольшая вѣтвь, саженой триста; въ верху ея есть пещера, между большими камнями. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что въ этой пещерѣ былъ слышенъ колокольный звонъ.

Жителей 4,998 об. п.; росту выше средняго, недурны собою, волосы темнорусые; говорятъ на великорусскомъ языкѣ.

Избы строятся изъ дерева, которое въ старыхъ избахъ очень толсто и не пиленное, а колотое. Въ избѣ одна комната, сѣни, кладовая, гдѣ хранится одежда. Въ комнатѣ убранства почти нѣтъ никакого, только печка раскрашивается по карнизамъ желтою и красною глиною. Новые дома устра-

иваются уже съ двумя комнатами, изъ которыхъ одна содержитъ чистенько. Передній уголъ, въ которомъ стоятъ иконы (нерѣдко до 20 штукъ), считается почетнымъ мѣстомъ.

Недалеко отъ хаты начинается хозяйственная постройка. Для рогатаго скота загораживаютъ небольшое пространство съ навѣсомъ, которое называется „ворокъ“. Для овецъ и телятъ дѣлается сарай, по большей части въ рядъ съ „ворокомъ“. Другіе сарайчики лѣпятся одинъ возлѣ другого, такъ что во дворѣ очень тѣсно. Всѣ эти сараи плетутся изъ лозы, нѣкоторые обмазываются глиною или кизякомъ.

Одежда мужчинъ зимою: полушубокъ изъ своихъ овчинъ, бѣлый или желтый, сверху свита сѣраго сукна своего приготовленія; лѣтомъ: поддевка изъ купленной матеріи, изрѣдка изъ чернаго или синяго сукна, рубашка и штаны,—праздничныя изъ купленнаго ситца и матеріи, а въ будни изъ своего холста, для чего холстъ набивается набойщиками.

Одежда женщинъ: шуба изъ овчинъ своихъ овецъ, халаты изъ сукна своего издѣлія, синяго цвѣта, или изъ купленнаго чернаго, синяго сукна, и изъ матеріи, юбка ситцевая, больше краснаго цвѣта, рубашка ситцевая, рукава одного цвѣта, а станъ другого, сверхъ рубашки носятъ, въ праздники, въ родѣ накидки съ рукавами по поясъ, изъ цвѣтнаго ситца, (больше краснаго цвѣта), нерѣдко изъ шелковой матеріи и называется „душегрѣйка“; прежде рубашки были изъ своего холста, рукава ихъ вышивались цвѣтною бумагою; сверхъ рубашки носили обыкновенный русскій сарафанъ изъ шерстяной синей матеріи своего издѣлія; на голову надѣвали въ праздникъ „кокошникъ“ (въ родѣ кругленькой шапочки) изъ бархата, который обшивался золотыми позументами, онъ стоилъ рублей пять; сверхъ „кокошника“ повязывали голову шелковымъ платкомъ, стоимостью тоже рублей въ пять. Въ будни же голову покрывали косынками изъ своего полотна, выкрашенными въ чернѣйшій цвѣтъ, добывая краску изъ цвѣтовъ черноклена.

Теперь „кокошникъ“ рѣдко когда можно видѣть; онъ нуженъ только во время свадьбы, послѣ вѣнца не больше, какъ на одинъ день; вмѣсто же него, головы покрываютъ большими платками разныхъ цвѣтовъ.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ изъ капусты и бураковъ, картофель, каша пшеничная, приправленные саломъ или масломъ. иногда бываетъ мясное, но рѣдко и только у богатыхъ. Въ постные дни: борщъ и каша съ постнымъ масломъ, своего приготовления, (изъ коноплянаго сѣмени, подсолнуховъ и льняного сѣмени). Бываетъ и рыба, ловимая въ своей рѣкѣ: купленную же рыбу: сельди, тарань, чабакъ—ѣдятъ рѣдко и то только богатые. Съ половины юля до ноября бываетъ много овощей: арбузы, дыни, огурцы. Пища бѣдныхъ: въ скоромные дни тѣ же борщъ, каша и картофель, только очень рѣдко съ коровимъ масломъ или саломъ, а больше съ постнымъ масломъ, котораго тоже употребляютъ очень мало.

Прежде пища была, говорятъ старики, гораздо лучше. Рѣдко кто не имѣлъ коровы, свиней, овецъ. Тогда было больше луговъ и степей, на которыхъ росла хорошая трава, а теперь эти луга и степи большею частью распаханы, да и на уцѣлѣвшихъ уже не родится той травы высокой и густой. Корма были нипочемъ, зимовка ничего не стоила. Корову и овцу очень трудно теперь держать зимою. Кормъ, трудно добываемый, идетъ только для необходимаго рабочаго скота.

Птица хотя и есть—индѣйки, гуси, утки и друг., но все это продается разтѣзжающимъ барышникамъ или продается въ городѣ на базарѣ. Стараются продавать птицу, яйца, а деньги употребляютъ на наряды и на другія пущды въ хозяйствѣ. Мѣстные лавчонки (2 съ краснымъ товаромъ и 3 съ бакалейнымъ) хорошо торгуютъ, такъ какъ большая часть матеріала для одежды и обуви покупается въ нихъ. Дома освѣщаютъ керосиновыми лампочками со стеклами (въ 30 и 40 к.).

Волѣзни, болѣе свойственныя описываемому селенію: дифтеритъ, оспа, въ послѣднее время и сифилисъ.

Раньше лѣчили болѣзни своими средствами и обращались къ знахарямъ, которые то шептали, то давали свои лѣкарства; теперь же хотя и обращаются къ знахарямъ, но рѣдко. Въ сл. Ново-Айдарѣ помѣщается медицинскій участокъ, живутъ врачъ, два фельдшера и акушерка, и здѣсь въ народѣ замѣтно больше довѣрія ко врачу или фельдшеру, чѣмъ къ знахарю; если же и обращается кто къ знахарю, то непременно послѣ идетъ

въ земскую больницу. Скотъ лечатъ мѣстные знахари или сами крестьяне. Если животное раздувается, то даютъ хлѣбъ съ свинымъ саломъ, мажутъ бока дегтемъ. Во время чумы рогатаго скота, даютъ пить разсолъ, стекающей съ соленого свиного сала, и разсолъ соленыхъ огурцовъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ. При чесоткѣ рогатаго скота берутъ квасъ, въ которомъ квасятъ (выдѣлываютъ) сырыя овчины, солятъ его, подогрѣваютъ и мочатъ больное мѣсто. При лѣченіи лошадей и быковъ отъ перелоговъ, когда животное падаетъ, катается, кусаетъ себя за животъ зубами,—сбрасываютъ портки (штаны) и ими три раза обматываютъ больного быка или лошадь, отъ спины до живота кругомъ, или зовутъ знахаря, который читаетъ „Отче нашъ“, или молебствуютъ и просятъ свят. Власія исцѣлить скотину.

Нравственность Религіозность замѣтно стала ослабѣвать, такъ что безъ особаго труда можно найти лжесвидѣтеля, который за деньги приметъ присягу.

Воровство и пьянство стали прекращаться со введеніемъ мировыхъ судей и, въ особенности, земскихъ начальниковъ. Раньше, даже лѣтъ 10 назадъ, нѣкоторые выходили ночью на дорогу и оббирали проѣзжавшихъ. Въ семействѣ отецъ ничуть не стѣняется ругаться всевозможными словами или говорить пошлости при малыхъ и взрослыхъ дѣтяхъ, даже въ трезвомъ состояніи. Женщина не угнетена, а также и дѣти; хотя послѣднія и грубо обращаются съ родителями, но изъ повиновенія выходятъ рѣдко. Прежде работникамъ плохо приходилось при расчетѣ съ хозяевами, а теперь волостной судъ не позволитъ какъ хозяину, такъ и работнику обидѣть одинъ другого.

Свадебныя обряды. Отецъ жениха идетъ въ домъ неvěсты, раньше уже выбранной женихомъ съ согласія родителей, и, если дѣло идетъ на ладъ, договаривается на счетъ „помощи“, которую дастъ сторона жениха неvěстиной сторонѣ, въ видѣ ведра или двухъ водки и мѣшка или двухъ муки. Потомъ дѣлаютъ „пропойки“. Отецъ жениха идетъ со своими родственниками въ домъ неvěсты, ихъ тамъ угощаютъ; потомъ ови зовутъ всю компанію къ себѣ, и такъ „гуляютъ“ дня два, причемъ женихъ и неvěста не участвуютъ въ „въ гуляньи“.

Наканунѣ свадьбы, дружка,—человѣкъ знающій, специалистъ по этой части и обыкновенно уже немолодой, со стороны жениха идетъ съ полквартирой водки къ невѣстѣ за рубашкой (съ отвѣстью) жениху, гдѣ угощаетъ родню ея и получаетъ рубашку. Когда дружка принесетъ рубашку, то жениха одѣваютъ и ведутъ его къ невѣстѣ дружка, отецъ и мать со своими свадебными гостями. Пришедши къ невѣстѣ въ домъ, угощаютъ отца, мать и гостей. Потомъ жениху даютъ тарелку съ рюмкою водки, онъ приглашаетъ невѣсту выпить, и выпиваютъ эту рюмку пополамъ. Ихъ заставляютъ цѣловаться, причемъ поютъ:

„Соловей калину шшекоче,
Не онъ садилъ, не онъ поливалъ,

Однако шшекоче.

Ой, младенькій (имя жениха),
Не онъ кормилъ, не онъ поливалъ,

Однако шшекоче“.

Послѣ этого, молодые подносятъ гостямъ водку по рюмкѣ, кланаясь каждому въ поясъ, а потомъ удаляются.

На другой день, т. е. въ день вѣнчанія, невѣстина родня и гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ угощаютъ выпивкой и даютъ шишки (небольшіе калачики) и отпускаютъ.

Жениха и невѣсту убираютъ къ вѣнцу, каждаго въ своемъ домѣ, затѣмъ ведутъ къ вѣнцу, причемъ поютъ:

„Слетались сизые голуби,
Посадились вокругъ озера,
Ладо, Ладо!
Они да пьютъ, да ѣдятъ.
Ладо, Ладо!
Одинъ голубъ не пьетъ, не ѣстъ,
Ладо, Ладо!
Невесель сидитъ,
Ладо, Ладо!
Что за церковью,
Ладо, Ладо!
За нѣмецкою.
Ладо, Ладо!
Съѣзжались 700 бояръ,
Ладо, Ладо!

Посадились
Ладо, Ладо!
Вокругъ стола;
Ладо, Ладо!
Они да пьютъ, да ѣдятъ,
Ладо, Ладо!
Веселы сидятъ.
Ладо, Ладо!
Одинъ бояринъ не пьетъ, не ѣстъ,
Ладо, Ладо!
Не пьетъ, не ѣстъ, невесель сидитъ.
Ладо, Ладо“!

Каждый изъ молодыхъ приходитъ домой со своими гостями и обѣдаютъ. Послѣ обѣда жениху запрягаютъ пару лошадей, и онъ ѣдетъ съ родственниками за невѣстою. У невѣсты обо-

ихъ молодыхъ сажаютъ за столъ дружко, и „повиваютъ“ невѣсту: надѣваютъ ей на голову кокошникъ свахи и баба повитуха; причемъ поютъ: „повили кукушечку, повили кукушечку“.

Потомъ обѣдаютъ молодые и гости, и везутъ ихъ (молодыхъ) въ домъ жениха. Здѣсь тоже сажаютъ всѣхъ за столъ и угощаютъ. Вскорѣ является отецъ и мать жениха съ подарками для молодыхъ и со своими гостями (дарятъ молодыхъ только отецъ и мать), ихъ угощаютъ, а потомъ они удаляются, молодые также идутъ на покой.

На другой день молодые ѣздятъ и созываютъ свадебныхъ гостей на „блины“, причемъ собственно блиновъ не готовятъ, а пышки. Когда соберутся гости, то имъ даютъ водки и обѣдать. Послѣ обѣда зовутъ къ себѣ невѣстины отецъ и мать, а оттуда уже идутъ по домамъ другихъ родственниковъ, гдѣ тоже идетъ угощеніе.

Когда невѣсту сироту ведутъ предъ вѣнцомъ на могилу отца или матери, то подруги поютъ ей слѣдующую пѣсню:

„Сирота-сиротинушко, Настасьюшка,

Безъ роднаго батюшки.

Настасьинъ батюшка

На томъ свѣтѣ у Бога,

Во Христа злѣ пристаю,

Навкрестъ ручки держить,

Христа Бога молить:

Ой, Боже, мой Боже!

Спусти меня, Боже,

Съ неба на землю.

Хоть бы я поглядѣлъ,

Каково мое чадо,

Каково оно снаряжено?

Снаряжено, какъ маковка,

Зажурено, какъ сиротинушка“.

На свадьбу расходуютъ отъ 50 руб. до 100 руб., большая часть этихъ денегъ идетъ на плату духовенству и на водку.

Праздники. Подъ Рождество Христово дѣвушки ходятъ по улицѣ и поютъ подъ окнами:

„Щедрый, щедрый,

Добрый вечерь!

Добрымъ людямъ

На веселье,

На здорвье.

Знаю, знаю,

Гдѣ мой милый,

Въ концѣ стола,

На емъ шуба новая,

На шубочкѣ поясочекъ,

На поясочку три соболечка“.

На Новый годъ мальчики ходятъ съ сѣменами ржи, пшеницы и проч. посѣвать. Бросаютъ зерна въ св. уголь и говорятъ „виршу“:

„О великій плачь
Во Ефлемѣ случился,
Когда Иродъ царь
Надъ Христомъ изумился
И повелѣлъ Христа искать,
Всѣхъ младенцевъ избивать;
Били—побивали,
На копія подымали.
Не одинъ отецъ и мать
Плакали—рыдали,
Ирода проклинали

Ой Ироде, Ироде!
Какой ты безбожный,
Ты Бога не знаешь
И не считаешь.
А мы Бога знаемъ
И почитаемъ
И васъ всѣхъ
Съ праздникомъ поздравляемъ,
Съ Новымъ годомъ,
Съ Новымъ годомъ поздравляемъ“.

* *

„Былъ маленький воспѣванчикъ,
Родился въ градѣ,
Выдалъ всякія чудеса:
Какъ летѣли ангелы съ небеса.
Я съ того страху спужался,
Бѣгъ, до сырой земли приклонялся;
Не вспѣлъ до двора добѣжать,
Вамъ, господа, рассказать.

Не скупитесь, господа!
Подѣлитесь, господа,
Златомъ и серебромъ.
Я злато и серебро принимаю,
Васъ съ праздникомъ поздравляю.
Здоровъ, хозяйинъ съ хозяйкою,
Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“!

Подъ Вознесенье пекутъ лѣстницы, въ родѣ калачика, въ знакъ того, что Спаситель возносится на небо, и ѣдятъ ихъ на праздникъ Вознесенье.

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ четвергъ пекутъ крестецъ (въ родѣ креста); этотъ крестецъ хранится до посѣва. Когда его пекутъ, вкладываютъ въ него копѣйку. Въ первый разъ выѣхавъ въ поле, семейство разламываетъ между собою крестъ, дѣлятъ его по куску между выѣхавшими въ поле, и, кто получить кусокъ креста съ копѣйкою, тотъ и начинаетъ разсѣвать.

Развлеченія. Съ начала зимы начинаются кулачные бои. Собирается толпа, большіе и малые отъ 10 до 30 лѣтъ. Разбившись на партіи, маленькіе начинаютъ кулачный бой, потомъ большіе и наконецъ всѣ присутствующіе идутъ партія на партію. Наконецъ одна сторона сбиваетъ другую и прогоняетъ ее съ извѣстнаго пункта.

Дѣвушки водятъ хороводъ, танцуютъ, при чемъ кто нибудь изъ парней играетъ въ рожокъ, другихъ музыкальныхъ инструментовъ не бываетъ, играютъ только на мотивъ: „выгоняйте скотину на широкую долину“.

Домовой. Одного крестьянина 4 года душилъ „домовой“, крестьянинъ страдалъ видѣньями и избавился онъ отъ нихъ по совѣту старыхъ женщинъ. Ему сказали, что нужно ту рубашку, въ которой домовой давилъ его, помять въ мельницѣ, въ которой мнутъ волокна льна и конопля, выстирать и надѣть. Онъ сдѣлалъ это и больше не видѣлъ домоваго.

Сказка. „Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ. Взяли его на службу; пробылъ онъ тамъ двадцать лѣтъ; осталось ему еще пять лѣтъ служить, и онъ ушелъ со службы, нанялся къ одному старику волшебнику, прожилъ у него три года. Тогда волшебникъ сказалъ: „что тебѣ, солдатъ, нужно? золота или серебра, аль, можетъ, отставку?“—„Дай мнѣ ружье, сказалъ солдатъ,—пойду въ лѣсъ, подумаю“. Пришелъ въ лѣсъ и сѣлъ на дубу. Дубъ толкнулъ его, а солдатъ вскочилъ и говоритъ: „я застрѣлю тебя!“—„Эхъ! глупый ты, я тебѣ скажу правду. Иди къ старику и скажи: дай мнѣ три клубочка и ружье“. Солдатъ пошелъ къ старику и сказалъ: „дай мнѣ три клубочка и ружье“. Старикъ далъ ему три клубочка, ружье и самъ пошелъ съ нимъ къ дубу. Солдатъ зарядилъ ружье клубкомъ и стрѣльнулъ. Старикъ и спрашиваетъ: „что, солдатъ, видишь?“—„Дѣвушка на море полетѣла“,—говоритъ солдатъ.

Солдатъ зарядилъ ружье еще клубкомъ и выстрѣлилъ. Старикъ спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ. Солдатъ зарядилъ въ третій разъ и выстрѣлилъ. Старикъ опять спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ,—„да еще впалъ лидаченькій (плохенькій) кашпучекъ (кошелекъ), а въ немъ одна копѣйка“. Тогда дубъ сказалъ: „купи за эту копѣйку въ одну церкву три свѣчи, въ другую и третью, потомъ купи евангеліе и приходи ко мнѣ на ночь, обведешь три сажени кругомъ меня, сядешь и будешь читать евангеліе“. Солдатъ купилъ евангеліе, пришелъ къ дубу, обвелъ вокругъ него три сажени, сѣлъ и сталъ читать. Вотъ въ полночь является къ нему жена съ дѣтьми и говоритъ: „милый мой супругъ, что ты насъ покинулъ?“—плачетъ. Прошла полночь, и все скрылось; онъ легъ спать. На другую ночь опять такъ сдѣлалъ,—сѣлъ и читаетъ. Въ полночь является къ нему мать и говоритъ: „милый мой сынокъ, на что ты насъ бросилъ

при старости лѣтъ? Полночь прошла, и все скрылось, а солдатъ легъ спать. На третью ночь является къ нему отецъ и говоритъ: „бѣги, волю въ хлѣбъ!“—а онъ читаетъ, не слушая отца. Полночь прошла, и все скрылось. Отъ моря солдатъ пошелъ въ городъ. Вечеромъ сталъ онъ проситься ночевать, а его никто не пушаетъ. Тогда пошелъ онъ на окраину,—тутъ его пустила волшебница. На другой день напился онъ пьянымъ и пошелъ до моря. На дорогѣ подходитъ къ нему мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, сертукъ забылъ“.—„Не нужно“,—отвѣчаетъ онъ. „Возьми меня съ собою“,—говоритъ мальчикъ. „Пойдемъ“,—сказалъ солдатъ. Пришли они къ морю, а по морю корабли плывутъ. Мальчикъ взялъ и заткнулъ за ухо солдату перышко, солдатъ сейчасъ заснулъ. Является дѣвушка, стала будить его, ворочала, ворочала, а онъ не просыпается; тогда она перевязала ему платочкомъ руку и за пазуху ткнула записочку, а сама скрылась. Мальчикъ вытащилъ перо изъ уха, и солдатъ проснулся, прочиталъ записочку и сказалъ: „дрянь ты, мальчикъ“. Мальчикъ сейчасъ, неизвѣстно гдѣ, дѣлся.

Солдатъ пошелъ въ городъ, напился пьянымъ, а къ вечеру опять пошелъ къ морю. Бѣжить опять тотъ мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, шинель забылъ“.—„Не нужно“, говоритъ солдатъ. „Возьми меня“,—сказалъ мальчикъ. „Пойдемъ, если хочешь“. Пришли къ морю. По морю корабли плывутъ. Мальчикъ опять заткнулъ перо за ухо солдату, а онъ сейчасъ заснулъ. Является опять та дѣвушка, перевязала солдату руку платочкомъ и положила записочку въ карманъ. Потомъ стала его будить. Солдатъ проснулся, а дѣвушка ему и говоритъ: „разорви этого мальчика“. Солдатъ разорвалъ мальчика и кинулъ его въ море. Дѣвушка скрылась, а солдатъ легъ и заснулъ на три года. Откулъ ни взялся большой вихорь, схватилъ солдата и занесъ въ турецкіе сады. Тутъ солдатъ проснулся и увидѣлъ часового. Часовому онъ сказалъ: „иди, скажи своему царю, сколько онъ возьметъ, чтобы нанять домъ?“ Часовой отвѣчаетъ: „три тысячи, баринъ!“ Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька, далъ часовому и сказалъ: „на, отнеси“. Пришелъ часовой, а солдатъ ему: „поди, скажи своему царю: сколько онъ возьметъ, чтобы нанять часового?“—„Три тысячи, баринъ!“ Солдатъ отдалъ и ве-

Женись, женись, сыночекъ, же-
 нись, соколочекъ,
 Бери женушку вдовушку, у вдо-
 вушки обычай недѣвичій.
 Постелюшку стеля, сама слез-
 но плача,
 Головочки склада, взрыдаи.,
 Про прежняго милаго вспоми-
 наи.
 За тобою-жь я, моя лада, пила
 да гуляла.
 За тобою-жь, расканалья, все
 позабывала“.

3.

„Голова ты моя, головушка,
 Голова моя молодецкая,
 Голова молодецкая, разудалец-
 кая,
 Пошатала моя головушка,
 По чужой—дальной сторонущкѣ
 Восхваляли люди чужую сторо-
 нушку:
 Жемчугомъ то поле усѣяно,
 Виноградомъ огорожено,
 А сотицемъ поливано.
 Повѣрилъ же я, добрый моло-
 дець, чужую сторонушку:
 Полыномъ то поле усѣяно,
 А крушиною обгорожено,
 Горячею слезою политое“.

4.

„Воробушекъ, воробей,
 Рахманная пташечка!
 Далеко ты, воробей,
 Далеко ты отлеталъ.
 Отъ саду до саду,
 Съ зеленаго вишенья,
 До сладкаго вишенья,
 До тестева подворья,
 До тещина терема,
 Къ (имя дѣвушки) клѣткѣ.

(Имя дѣвушки), выходи,
 (По отчеству), выступи,
 (Имя парня), обожди,
 (По отчеству), обостой!
 —Радъ бы я обождать,
 Мой воранъ конь не стоитъ,
 Золотой уздой звенить,
 Капытамы землю бье,
 Вѣтеръ дуи, кудри вье,
 Алу ленту разовье.
 Алыи плотокъ растелю,
 (Имя парня) посажу,
 (По отчеству его) пригощу,
 За ворота провожу,
 На слѣдочекъ погляжу“.

5.

„Старона моя, старонушка,
 Старона моя чужая,
 Чужая, дальняя, да незнако-
 мая.
 По тебѣ я, старонушка, про-
 хлаждаюсь
 Да чужую женою выхваляюсь.
 Да чужая, жена ровно ягода;
 А моя шельма жена—
 Полынь горькая трава.
 Полынь горькая трава на межи
 росла,
 Да на межику, на рубежику.
 Да чужой то я жены
 Башмачки куплю,
 Съ чулочками, да съ шелко-
 выми подвязачками,
 А своей шельмѣ женѣ
 Куплю лапотки-растоплеточки“.

6.

„Трава моя, травушка,
 Зеленый лужокъ,
 Крутой бережокъ!
 Хожу я по травушкѣ
 Да не нахожуся;
 Кого вѣрно я люблю,

Того и не вижу;
 Кого ненавижу
 Всегда на глазахъ,
 На ясныхъ очахъ.
 Ишелъ молодешенекъ
 Тишкомъ, да лужкомъ,
 Расчесавши кудерки,
 На воду бросаль.
 Плывите вы, кудерки,
 Плывите туда,
 Гдѣ милая моя;
 Гдѣ милая моя
 Водицу брала,
 Кудерки поймала;
 Нихто про тѣ кудерки,
 Нихто не знаа;
 Только знала про кудерки
 Земля да вода,
 Да я молода“.

7.

„На горѣ, горѣ,
 На крутой горѣ,
 Во всей красотѣ
 Стоитъ тамъ корчма,
 Корчма польская
 Королевская;
 А въ той корчмѣ
 Три молодца
 Пьютъ три вдале:
 Турокъ да полякъ,
 А третій казакъ.
 Турокъ водку пьетъ,
 Червонцы кладетъ;
 А полякъ водку пьетъ,
 Монету кладетъ;
 А донской казакъ
 Водку пьетъ,
 Ничего не кладетъ,
 Шинкарку манить:
 ---Пойдемъ, пойдемъ,
 Шинкаровка, къ намъ
 На тихій Донъ.
 У насъ на Дону

Ни ткуть, ни прядутъ,
 А хорошо ходятъ“.

8.

„А кто, братцы, у насъ
 На Дону бываль,
 Про Кубань слыхаль,
 Про Кубанску славу слободу.
 Про черкесскую частую сло-
 боду?“

Обозвался малый мальчишечка,
 Горькій сиротинушка:
 —„Я, братцы, на Дону бываль
 И все про Кубань слыхаль:
 У насъ на Дону ни ткуть,
 Ни прядутъ, а хорошо ходятъ“.

9.

„Запила, загуляла моя голо-
 вушка,
 Запивши, всхаменулась, вспла-
 кнувши,
 Схаменулась, она вздохнула.
 Какъ мнѣ не плакать, не го-
 ревать:
 Берутъ меня, добраго молодца
 въ солдатушки,
 Сажаетъ меня, добраго молод-
 ца, на возочекъ,
 Везутъ меня въ городочекъ.
 Становятъ добраго молодца въ
 радочекъ,
 Стригутъ мнѣ, доброму молод-
 цу, русы кудри“.

10.

„Груня, ягода моя,
 Веселая голова,
 Почто любишь (имя парня)?
 —Я за то его люблю,
 Что головушка кудрява,
 Бѣло лицо, румяное.
 —Я съ ума Груню свель,

Съ ума, съ ума, великаго розума.

Повадилась Дуня
Часто по воду ходить,
За холодной, ключевой
На Воронежъ на рѣку.
Пришла я молода,
Измутилась вода;
Постояла молода,
Состоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плечики подняла,
Заматалась и пошла.
Противъ милаго двора
Прикатана гора,
Прикатана, прилита,
Чеботами прибыта,
Чеботами и лапотками.
А ячекъ на бочекъ,
Подломился каблучекъ;
Не видала, какъ упала,
И лежу, лежу
На правомъ на боку.
На правомъ на боку
Злѣ царева кабака,
Туды-сюды глядь,—
Меня нѣкому поднять.
(Имя парня) лебединъ,
Подними меня одинъ.
—Я радъ тебя поднять,
Съ стороны люди глядятъ:
Не чужіе, всѣ свои, Донскіе
казаки.

Воры, ябедники,
Плуты каторжники,
Они душу загубили,
Крысѣ голову срубили.
А крысяча голова—
Не великая бѣда,
А крысячинъ хвостъ—
На великій постъ.
А крысячи лапки—
Въ кашѣ сладки“.

11.

„Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,
Возлѣ моря, возлѣ синяго,
Жила была молодая вдова;
Породила она себѣ девять сы-
новей,
Десятую дочь да любимую.
Пятѣб рачевѣ на разбой пошли,
А два брата королю служить,
А два брата стали дома жить,
Стали матушку поить—кормить,
А сестру взрощать.
Возростивши, стали замужъ
отдавать.
За крамара за богатаго,
Они годъ жили и другой жи-
вуть,
А на третій годъ скучились,
Стала крамарша крамара въ
гости звать.
Они день ѣдутъ, другой ѣдутъ,
На третій день приморились,
Среди поля становились,
Откели не взялись два разбой-
ника,
Крамара зарѣзали, крамаршу
съ собой взяли,
Стали крамаршу спрашивать
Чьего роду, чьего племени,
—Возлѣ Дону, возлѣ тихого,
Жила вдова молодая,—
Она матушка моя родная“.

12.

„Не соловушекъ въ лѣсу ще-
бечеть,
Молодецъ красну дѣвицу
Словами утѣшаетъ:
Позволь, позволь, красна дѣ-
вица,
Съ молодцомъ погулять!
Ты сѣдлай, добрый молодець,
Вороного коня въ черкесское
сѣдло.“

—Ты жь бери, ты жь бери,
Красна дѣвица, бѣлый положекъ
(палатка).

Ты садись, садись, красна дѣ-
вица,

Коню на бедро,
А я самъ сяду, добрый молодець,
На черкеское сѣдло,

И поѣдемъ мы, красна дѣвица,
На чистое поле гулять,

Ой, съѣдемъ мы, красная дѣ-
вица,

На широкой, высокой курганъ
Разопнемъ-же мы тонкой,
Бѣ лый по ложекъ,

Да постелемъ мы, красна дѣ-
вица,

Мой бурлацкий потничекъ,
Ты ложись, ты ложись, красна
дѣвица,

Противъ яснаго солнышка,
А я ляжу, добрый молодець,

Отъ буйнаго вѣтра“.

А. Г. Шижковъ.

19.—Сл. Больше-Черниговка.

Поселеніе и ея части.—Одежда.—Пища.—Заговоры.—Занятіе.—Свадьба.—Хороводы.

Больше-Черниговка находится въ 50 в. отъ Старобѣльска, въ 30 в. отъ зашт. г. Бѣловодска и въ 45 отъ г. Луганска Екатеринославской губ.; она расположена на р. Койсугѣ.

Въ книгѣ архіепископа Филарета о Харьковской епархіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о сл. Больше-Черниговкѣ: „Черниговка,—на рѣкѣ Койсугѣ. Татарское названіе рѣчки, означающее „овечій потокъ“, даетъ видѣть о кочеваніи татаръ въ здѣшнихъ мѣстахъ со своими стадами. Гильденштедтъ, въ своемъ путешествіи по югу, 1774 г. писалъ: „за 10 лѣтъ на этомъ потокѣ, Койсугѣ, поселились три слободы бѣглыхъ раскольниковъ, которые возвратились изъ Польши. Эти слободы въ простонародіи называются Верхняя, Средняя и Нижняя сотня, а по бумагамъ Верхняя называется Черниговкою, Средняя—Лапиновкаю, а имени третьей (Богдановка) мнѣ не сказали. Онѣ заключаютъ до 300 семей и состоятъ въ Валуйскомъ у. Воронежской губ. Прежде, чѣмъ привыкли они къ климату и водѣ, очень многіе изъ нихъ померли“. Прибавимъ къ этому болѣе точныя свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ. Первыми поселенцами мѣстъ были Моисей и Степанъ Щигловы, малоруссы Черниговской губ., съ которыми прибыли и раскольники стародубцы: имя Степана Щеглова осталось въ Черкасской Степановкѣ, или Щигловкѣ, что на лѣвомъ берегу Айдара, а имя Моисея Черниговца осталось за Черниговкою. Къ первымъ этимъ поселенцамъ почти тогда же присоединились великоруссы изъ Воронежской губ., православные. Различіе въ дѣлѣ вѣры было причиною того, что раскольники, по обыкновенной своей фарисейской гордости, не захотѣли жить вмѣстѣ съ православ-

ними: они поселились на западномъ берегу р. Койсуга, а православные—на восточной сторонѣ. Такъ какъ раскольниковъ здѣсь явилось болѣе, чѣмъ православныхъ, то первые и успѣли прежде построить себѣ часовню“.

Раскольники и въ настоящее время живутъ въ Черниговкѣ на западномъ берегу р. Койсуга около ветхой часовни, существующей и доселѣ. По исповѣднымъ книгамъ Троицкой церкви въ настоящее время считается муж. пола 68 чел., а женскаго—60 коренныхъ раскольниковъ, признающихъ австрійское священство, и 6 муж., 8 женск. пола—временнопребывающихъ безпоповской секты.

Мѣсто, заселенное раскольниками, именуется въ народѣ „Старожилкою“.

Въ древнее время часть Черниговки, гдѣ жили православные, называлась Правовѣрною или Малою Черниговкою, а часть гдѣ жили раскольники, именовалась Большою Черниговкою. Въ настоящее время обѣ части представляютъ одно селеніе, которое называется Больше-Черниговкою, а въ просторѣчій—Верхнія сотни. Жители восточной части селенія нѣкогда занимались гончарнымъ ремесломъ, отчего и теперь та часть селенія именуется въ народѣ „Горшкотьпами“. За ними, немного западнѣе, живутъ „Литвинцы“. Они такъ называются потому, что предки ихъ были выселенцами изъ Литвы. Центръ слободы не имѣетъ никакого названія. Югозападная часть именуется „Щигры“, по имени уѣзднаго гор. Курской губ., откуда были первые поселенцы той части селенія. Жители южной части называются „Бирючинцы“, потому что первые поселенцы были изъ гор. Бирюча, Воронежской губ. Юговосточная часть называется „Новая улица“, такъ какъ тамъ стали селиться вновь жители того-же селенія, жившіе раньше въ сѣверовосточной части селенія—„Зыковкѣ“ (почему эта часть такъ называется, неизвѣстно). Жителей Зыковки сильно разорила полая и дождевая вода, чѣмъ они и были вынуждены оставить свои избы и огороды и переселились на болѣе безопасное мѣсто.

Въ настоящее время въ сл. Больше-Черниговкѣ по волостнымъ книгамъ считается 1,939 д. м. п. и 1,941 д. ж. п. Говорятъ въ Больше-Черниговкѣ на великорусскомъ языкѣ. Жи-

пища свои строятъ въз тонкаго дѣса, мѣловаго камня и самана, бѣпливають глиною, а потомъ снаружи и внутри бѣлятъ мѣломъ. Саманъ (нежженный земляной кирпичъ) готовятъ жами крестьяне изъ ила, нанесеннаго полою водою на берега ѣки, или изъ глины съ примѣсю соломы или половы.

Одежда. Лѣтняя мужская одежда крестьянъ состоитъ изъ фуражки, рубахи съ косымъ воротомъ, жилета, шароваръ и суконной поддевки; зимою же фуражка замѣняется барашковою папкою, а поддевка—полущубкомъ, подпоясаннымъ цвѣтнымъ поясомъ; на шею же надѣвають шарфы и небольшіе платки,—богатые шерстяные и шелковые, а бѣдные бумажные. Женщины лѣтомъ носятъ сорочки съ полными рукавами, которыя дѣлаются изъ бѣлаго коленкора, кумача и всевозможныхъ ситцевъ (полотняныхъ не носятъ), юбки или сарафаны (ситцевые и перстяные), корсетки (плисовый или ситцевый лифъ безъ рукавовъ), завѣски (передники) и цвѣтные фабричные пояса; въ косу (дѣвицы) вплетаютъ нѣсколько шелковыхъ цвѣтныхъ лентъ, за шею (вообще всѣ женщины) надѣвають „маниста“ (преимущественно янтарь) и голову накрываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ. Осенью и весною въ праздники богатые одѣваются въ суконные черные халаты изъ фабричнаго и домашняго тонкаго сукна, а бѣдныя—въ сѣрыя коротейки (родъ короткихъ свитокъ изъ домашняго толстаго сукна);—нѣкоторыя имѣютъ круглыя кофты на ватѣ, сдѣланныя изъ шерстяной или бумажной черной матеріи. Зимою всѣ женщины одѣваются въ овчинныя шубы—богатые—крытыя сукномъ, а бѣдныя—нагольныя. Дѣвицы зимою накрываютъ голову большими платками, концы которыхъ завязываютъ сзади вокругъ шеи, а женщины зимою и лѣтомъ носятъ на головѣ повязку изъ большихъ платковъ.

Пища. Богатые въ скоромные дни ѣдятъ „холодцы“ (мясной бульонъ, застуженный съ мясомъ), холодный борщъ (ботвинья), борщъ съ мясомъ, а иногда съ однимъ саломъ, похлебку (супъ), запшу, молочную пшеничную кашу, вареное мясо (преимущественно птичье), блины и изварь. Въ постные дни—холодцы изъ рыбы, которую привозятъ сюда на продажу, по большей части изъ р. Донца, борщъ съ постнымъ масломъ, квасъ съ лукомъ, солевую рыбу, кашу и бурачный медъ (патоку). Скоромная пища бѣд-

ныхъ почти ничѣмъ не отличается отъ постной:—они въ тѣ и другіе дни ѣдятъ одно и тоже: если есть квашеная капуста, варятъ борщъ безъ всякой приправы, въ противномъ же случаѣ готовятъ галушки, солодуху (квашу) и „саламать“, или же ѣдятъ хлѣбъ съ квасомъ и лукомъ, а иногда хлѣбъ съ водою.

Жилища свои освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Отъ криксовъ (неспокойное состояніе ребенка, когда онъ не спитъ, а день и ночь кричитъ)—берутъ на руки ребенка, смотрятъ на вечернюю звѣзду и читаютъ сначала три раза Молитву Господню, а затѣмъ слѣдующее: „заря май, зоряшка, вечерняя звѣздущка, ты криксы отъ кшенаво (крещеннаго), отъ пораженнаго (говорится имя), дайте ему сна спать до бѣлаго дня—быть спѣкойному“ (3 раза).

Отъ зубной боли. Надо на „молодикѣ“ прочитать три раза Молитву Господню, а затѣмъ столько же разъ слѣдующее: „ты мѣсяць, на небѣ, а ты, камень, у морѣ, а ты, вѣдьмедь (медвѣдь), у лѣсѣ,—когда эти три брата будутъ бесѣды бесѣдовать. тогда у раба (имя) будутъ зубы болѣть“.

Отъ коликъ:—читается три раза Молитва Господня, затѣмъ лѣкарка беретъ ножъ, прикладываетъ остреемъ крестообразно къ мѣсту, гдѣ колить, и говорить: „я бабушка—духа, отъ Свята Духа, отъ печатнаго хреста, Ангелъ мой, хранитель мой! сохрани кшеннаго (крещеннаго), пораженнаго“.

Къ врачамъ по большей части относятся недоувѣрчиво, но въ крайности и по совѣту мѣстнаго священника, обращаются къ нимъ за помощью. Въ населеніи распространенъ сифилисъ.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе; въ зимнее-же время нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ „прасолуютъ“ (покупаютъ и продаютъ лошадей). Женщины, кромѣ того, что помогаютъ мужчинамъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, ткуютъ полотна, рядна, сукна, пояса и коврики—дорожки. Полотна изготовляются изъ конопли, которая растетъ на ихъ огородахъ, а пояса, сукна и дорожки—изъ шерсти домашнихъ овецъ. Каждая женщина среднимъ числомъ въ сутки можетъ выткать 12 арш. холста, а дорожекъ и сукна—аршинъ 15-ть и болѣе; поясовъ шириною въ $\frac{1}{4}$ арш., длиною въ 4 арш. женщина можетъ выткать 7 штукъ. Часть приготовленныхъ ряденъ и по-

отна женщины оставляютъ для домашняго обихода, остальное же, а также пояса и дорожки, продаютъ на ярмаркахъ. Пирожки готовятъ исключительно для себя. На вырученныя деньги женщины приобретаютъ материалъ, необходимый для ихъ одежды, такъ какъ на обязанности каждой женщины—матери лежить одѣвать себя, мужа и дѣтей,—мужчины же заботятся только о верхней одеждѣ, какъ-то: о шубахъ, коротейкахъ, халатахъ, шапкахъ и сапогахъ.

Свадьба. Въ домъ родителей невѣсты приходитъ мужчина и женщина (сваты) съ пирогомъ (мѣстное названіе хлѣба) и, объяснивъ цѣль своего посѣщенія, просятъ принять отъ нихъ хлѣбъ—соль. Родители невѣсты принимаютъ хлѣбъ, кладутъ его на полку вблизи иконъ, угощаютъ сватовъ и затѣмъ обѣщаютъ, подумавши, дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Послѣ этого родители невѣсты нѣсколько дней разспрашиваютъ близкихъ сосѣдей жениха о его семействѣ, характерѣ, матеріальномъ состояніи и т. п. Если не получаютъ удовлетворительнаго отзыва, возвращаютъ жениху его хлѣбъ обратно; если же сосѣди жениха хорошо отзовутся о немъ, то родители невѣсты просятъ сватовъ посѣтить ихъ вторично. Въ назначенный день являются снова сваты жениха и приносятъ нѣсколько блюдъ (мисокъ) прѣсныхъ блиновъ, мяса и небольшое количество водки ($\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра). Сначала родители невѣсты угощаютъ сватовъ, а потомъ сваты угощаютъ родителей невѣсты и родственниковъ, посадивши ихъ за столъ. Въ это время родители даютъ свое согласіе отдать свою дочь, что называется у нихъ „пропбемъ“. Спустя нѣсколько дней, родители жениха и невѣсты договариваются о времени сговора (сватанья) и свадьбы. Сговоръ по большей части бываетъ наканунѣ свадьбы. Въ день сговора вечеромъ замужняя сестра невѣсты или жена брата идетъ собирать дружекъ (подругъ невсты), сама же невѣста остается дома встрѣчать дружекъ. Собирая дружекъ, поютъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Пайдѣмъ мы вдоль па вѣлицѣ,
Пайдѣмъ вдоль па широкій
И во трѣтій дворъ паслѣшаемъ,
Что люды гаворятъ,—

Мавò батюшку брѣнятъ:
Пьяница, прапѣйница,
Прапѣль свайò дѣчку
За виннаю бѣчку,

Прапиль сваю ўму
За виннаю рюмѹ,

Прапиль сваю чаду
За виннаю чару“.

Когда собираютъ дружекъ, идутъ къ невѣстѣ, берутъ ее съ собою въ сосѣдній домъ и тамъ одѣваютъ ее. Въ домѣ невѣсты собираются гости, исключительно родственники, сваты (родители и родственники жениха) и самъ женихъ. Сюда является и невѣста съ друзьями. Женихъ подходитъ тогда и узнаетъ между ними свою невѣсту, беретъ ее за руку, цѣлуетъ и становится подлѣ нея. Невѣста даритъ жениха небольшимъ платкомъ и полотенцомъ, а женихъ невѣсту деньгами (отъ 30 коп. до рубля). Потомъ родители невѣсты берутъ образъ и хлѣбъ, у ногъ своихъ кладутъ шубу, свороченную шерстью наверхъ, и благословляютъ жениха и невѣсту образомъ, а они кланяются родителямъ до земли. За родителями невѣсты благословляютъ родители жениха, крестные отецъ и мать, старшіе братья и сестры, дяди и тетки и всѣ близкіе родственники, какіе пожелаютъ. Послѣ этого женихъ и невѣста „почтуютъ“ водкою своихъ родителей и всѣхъ гостей, а они дарятъ ихъ, кто чѣмъ въ состояніи. За женихомъ и невѣстою почтуютъ гостей родители невѣсты и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать въ другую комнату. Во время обѣда дружки поютъ и, подъ пѣніе, танцуютъ. Поютъ:

„Яблонь мая садбвая,
Груша зеленая.

Ой, лѣли! ой, ли-ли, лѣли!
Груша зелѣная.

Падъ грушаю, падъ зелѣною,
Кара залатая.

Ой, лѣли! ой, ли-ли, лѣли!
Кара залатая.

Ой, мимо шла да Марьюшка,
Шкару калупала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Шкару калупала, шкару калу-
Золато вынимала. [пала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Тѣмъ золотомъ, тѣмъ серебромъ
Кавѣръ вышивала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Ана тѣмъ кавромъ, ана тѣмъ
шїтымъ

Свѣкарка дарила

Ой, лѣли!.. и т. д.

Свѣкрушко, мой батюшка,
Примай мая дары.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Мая дары небальшія—
Кавры вышивнія.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Тѣмъ золотомъ, тѣмъ серебромъ
Чепецъ вышивала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Ана тѣмъ чепцомъ, ана тѣмъ
шїтымъ

Свекрѣвю дарила.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Звекрѣвьяшка, май матушка,
Примай май дѣры.

Ой, лёли!.. и т. д.

Май дѣры небольшія—
Чепцы вышивныя.

Ой, лёли!.. и т. д.

Гѣмъ зѣлатомъ, тѣмъ сѣребромъ
Платокъ вышивала.

Ой, лёли!.. и т. д.

Ана тѣмъ платкомъ, ана тѣмъ
пнитымъ

Лѣдушку (жениха) дарила.

Ой, лёли!.. и т. д.

Мой лѣдушка, мой батюшка,
Примай май дѣры.

Ой, лёли!.. и т. д.

Май дѣры небольшія—

Платки вышивныя.

Ой, лёли!.. и т. д.

На стговоръ родители жениха везуть въ сундукѣ съѣстные припасы: „холодцы“, вареное мясо, кашу, хлѣбъ, блины, „узварь“ и ведеръ 5 водки въ боченкѣ. Когда родители невѣсты окончатъ угощеніе родни жениха, тогда жениховы родители сажаютъ невѣстиныхъ дружекъ за столъ и угощаютъ ихъ въ свою очередь тѣмъ, что привезли изъ дому.

Если свадьба бываетъ, спустя нѣсколько дней послѣ стговора, то наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ „дѣвишникъ“. Собираются подруги невѣсты въ ея домъ, и каждая изъ нихъ приноситъ изъ дому блюдо (миску) блиновъ, вареную курицу и три калача; здѣсь они лѣпятъ шишки и каравай и въ это время поють.

Когда сажаютъ „каравай“ (небольшой круглый хлѣбъ) въ печь, втыкають въ него двѣ небольшія восковыя свѣчи, наливають рюмку водки, кладуть въ нее монету и хмѣль, и двѣ изъ дружекъ, держа у печи на лопатѣ каравай, подають другъ другу до трехъ разъ подъ лопатую рюмку водки, и каждый разъ понемногу выпивають. Потомъ ставятъ пустую рюмку на коминъ и сажаютъ каравай въ печь. Въ это время всѣ дружки поють:

„А нашъ каравай у печку пошелъ,

А нашъ яравой сабѣ дружку нашель.

Нашъ каравай съ калачемъ шѣпча,

Нашъ яравой съ калачемъ шѣпча.

А печка гагоча, каравайчика хоча,

Жоли, жоли, хоча“.

За караваемъ въ печь сажаютъ шишки. Когда спекутся шишки, тогда невѣста одѣляетъ ими дружекъ и всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого невѣста сажаетъ за столъ подругъ и угощаетъ ихъ, а потомъ подруги сажаютъ невѣсту и всѣхъ ея

родныхъ и угощаютъ ихъ своими кушаньями, которыя они приносятъ изъ дому. Часть изъ этихъ кушаний онѣ оставляютъ у невѣсты и всѣ гости, кромѣ невѣсты, идутъ къ жениху просить къ невѣстѣ на блины. Въ это время приносятъ жениху отъ невѣсты сорочку, крестъ на лентѣ и поясъ. Братъ невѣсты продаетъ все это, запрашивая самую высокую цѣну, а женихъ торгуется. Когда сторгуются, женихъ отдаетъ деньги и беретъ сорочку, послѣ этого угощаютъ водкою и идутъ къ невѣстѣ. Въ этотъ день и у жениха пекутъ шишки и каравай.

Въ день свадьбы собираются гости къ невѣстѣ и къ жениху отдѣльно. Родители жениха благословляютъ своего сына и провожаютъ его съ родственниками въ церковь. Невѣсту (дома) благословляютъ ея родители и тоже провожаютъ въ церковь. Когда благословляютъ невѣсту, она, кланяясь до земли, говорить нараспѣвъ печальнымъ мотивомъ:

„Ой, да радѣмай мой бѣтющка!		И къ Божьему сѣду—
Охъ, да прастѣ, баславѣ!		Къ святѣму вѣнчанью“.
Да у пѣрвай разъ, у другай и		
третей.		

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ къ невѣстѣ, обѣдаютъ тамъ и повиваютъ молодую (дѣлаютъ на головѣ изъ платка повязку). Послѣ обѣда свашка беретъ на руку кусочекъ коровьяго масла, мажетъ имъ голову жениха и посыпаетъ его хмѣлемъ. Потомъ раскрываетъ голову невѣсты, расплетаетъ ей косу и тоже мажетъ ея волосы коровимъ масломъ и посыпаетъ хмѣлемъ. Затѣмъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы, закладываютъ вокругъ головы и повиваютъ. Въ это время поютъ:

„А што мы схотѣли,		Съ муки пеляницу,
То мы срабили—		Съ дѣвичивы маладицу“.

Когда „повьютъ“ невѣсту, ставятъ на телѣгу невѣстинъ сундукъ, кладутъ ея постель и провожаютъ ее къ жениху.

Свадьба богатыхъ стоитъ 100 р. и болѣе, а бѣдныхъ не менѣе 50 р. Большая часть денегъ затрачивается на водку.

Хороводы. Молодые парни и дѣвки въ праздничные дни вечеромъ водить „танки“ (хороводы). Это дѣлается такъ: нѣсколько человекъ молодежи (человекъ 30 и болѣе) берутся за руки и съ пѣснями идутъ по улицѣ. Двое переднихъ, держась за руки,

становятся по сторонамъ дороги, поднимаютъ руки, чтобы подъ ними можно было пройти, и пропускаютъ между собою всѣхъ отъ послѣдняго къ первому. Ихъ примѣру слѣдуютъ тѣ, которые прошли подъ ихъ руками первые. Поютъ:

„Ва гбрадѣ Ярославѣ.

Ой, да лялѣ, лялѣ! Ярославѣ.

Да маладѣцъ канѣ прадавѣя.

Ой, да лялѣ, лялѣ! прадавѣя.

Ёнѣ да продавши канѣ,

Въ гусли грая.

Ой, да лялѣ... и т. д.

Въ ягд струны мачольнѣя,

Ой, да лялѣ... и т. д.

Красная дѣвушка приюснула

У добраго молодца на калѣ-
нахъ.

Добрый молодецъ въ гусли грая,

Красную дѣвушку прабужѣя:

„Встань, дѣвушка, встань,

праснѣя,

Встань, красная, прабудѣя!

За табою мать прихадѣя,

Прихадѣя, шалковую плеть

принасѣя.

Да не чужѣя мать, мать род-
ная,—

Ана бѣльна бѣетъ, пажалѣя,—

Са дварѣ сашлѣтѣ, опять вернѣя“.

Пѣсня. Произведениями народнаго поэтическаго творчества жители сл. Больше-Черниговки не богаты; они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ рассказовъ, мифическихъ сказокъ, романтическихъ пѣсень. Фантастическіе рассказы пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ пѣсни, въ которыхъ главную роль играетъ содержаніе сравнительно съ напѣвомъ, выражаемое болѣе всего усиленіемъ звуковъ, а не разнообразіемъ ихъ. Осенняя пѣсня:

„У вардѣтъ сасна стайтѣ.

Ой, да лялѣ, лялѣ, лялѣ!

У вардѣтъ зеленѣя.

Ой, да лялѣ... и т. д.

(Припѣвъ послѣ каждой строки пѣсни).

Канабѣль (колыбель) клянѣвая,

А крючѣкъ ать-мѣднанѣя,

А лучѣкъ серебрянѣя,

Падцѣпачки шалковѣя,

Патпрутачки ремѣннѣя.

Ва той канабѣли

Качался атецкѣй сынѣ—Ива-
нушка,

Атецкѣй сынѣ—Пятрѣвичѣ.

Качѣли ягд два братѣя,

Да два брата—таварѣши.

Ушѣ вы, братѣя—таварѣши!

Падайдѣтѣ паблѣжа,

Васкачнѣтѣ павѣша,

Штобѣ тѣствѣя дворѣ видѣнѣ

былѣ,

А тѣщинѣя высѣкъ терѣмѣ,

А Марѣюшкинѣя дубѣвый столѣ;

Штобѣ мая Марѣюшка

Не плакала, не рѣдала

И бѣла лицѣя не слязіла“.

Е. С. Тихонова.

20.—Сл. Спѣваковна.

Болѣзни.—Говоръ.

Спѣваковка стоитъ при р. Айдари, на разстояніи 25 вер. отъ г. Старобѣльска. Близость рѣки Айдари къ селу приноситъ много полезнаго и пріятнаго для мѣстныхъ жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много вреда. Весною во время вскрытія рѣки, вода затопляетъ лугъ и берегъ селенія. Жилища крестьянъ, расположенныя вблизи рѣки, долгое время бываютъ затоплены водою, и обитатели ихъ принуждены переходить на квартиры къ сосѣдямъ своимъ недѣли на три, а потомъ оправлять и осушивать свои избы. Во время весны, жители страдаютъ лихорадкою или же простудною горячкою, переходящею со временемъ въ водяную, воспаленіе легкихъ, колотье въ спинѣ и въ ревматизмъ. За немногими исключеніями крестьяне въ помощь земскихъ врачей не вѣрятъ и обращаются къ своимъ, народнымъ лѣкарямъ и знахарямъ. Въ Спѣваковкѣ живетъ крестьянинъ, который лѣчитъ людей отъ „сибирки“. Наговоренное кислое молоко онъ велитъ прикладывать къ больному мѣсту, а также и наговоренную смѣсь изъ нашатыря и водки даетъ пить больному. Болѣзнь переполохъ (испугъ) бабки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и выливаютъ въ чистую воду, читая при этомъ трижды молитву Господню, потомъ вынимаютъ фигуру застывшаго воска изъ воды и даютъ послѣднюю выпить больному. Болѣзнь „съ глазъ“ лѣчатъ тоже бабки, наговаривая воду и умывая ею больного. Когда животныя заболѣваютъ володырями, при чемъ иногда кожа снимается, лѣкаря смѣшиваютъ синій камень съ чистымъ дегтемъ, смазываютъ этою смѣсью полость рта, и болѣзнь уничтожается. Отъ червей знахарь вырываетъ пучекъ шерсти у больного животнаго на лбу между рогами и вывязываютъ ее съ произнесеніемъ молитвы. Отъ запора даютъ наваръ жостера.

Жители Спѣваковки говорятъ на великорусскомъ нарѣчїи. Неударяемый звукъ *о* въ ихъ говорѣ замѣняется звукомъ *а*. Они произносятъ слова: галава, харапò, агурцѣ. Звуки *ъ* и *е* неударяемыя, при произношенїи нѣкоторыхъ словъ переходятъ въ *а* и *я*. Они произносятъ слова: сястра, мядòвый, ляснòй, жанà, пшаница, чатыре. Есть случаи употребленїя *у* вмѣсто *е*. Произносятся слова: удовà, узять, усъ. Произносятъ *т* вмѣсто *д*: „загадаю загатку, перекину черезъ грятку“. Есть случаи употребленїя придыханїя. Произносятъ слова: вонъ—вмѣсто онъ, вѣтка—вмѣсто утка. Шипящїй звукъ *щ* замѣняется шипящимъ *ш*: шавель—вмѣсто щавель, знаюшїй—вмѣсто знающїй, большушїй—вмѣсто большущїй. Мѣстоимѣнїя: себѣ, тебѣ, его, кого, того—произносятся: сабѣ, табѣ, ягò, кагò, тагò. Глаголы въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа имѣютъ окончанїе только *е*, на примѣръ: пекè—вмѣсто печетъ, ведè—вмѣсто ведетъ, несè—вмѣсто несетъ, читае—вмѣсто читаетъ, сѣе—вмѣсто сѣетъ. Въ говорѣ жителей сл. Спѣваковки встрѣчаются такїя слова: пѣвно—вмѣсто вѣроятно, анадѣсь—вмѣсто недавно, анадѣсь—вмѣсто третьяго дня, давеча—вмѣсто недавно, ламка—вмѣсто лампа и гакъ—вмѣсто керосинъ; ласкательныя названїя по адресу женщинъ: мой лебѣдочка бѣлая, мой соколиночка; ласкательныя названїя по адресу мужчинъ: мой соколикъ ясный; прозвища: морòзъ, чикудай, малюкъ, шкаликъ, будѣня.

Е. В. Попова.

21.—Сл. Шульгинка.

Поселеніе.—Жители, языкъ, жилище, одежда, пища, травы.—Свадебные обряды.
Поминки.—Этнографическій календарь.—Игры.—Пѣсни и сказки.

Шульгинка расположена на лѣвомъ берегу р. Айдари и по обѣимъ сторонамъ р. Шульги (почему и получила названіе „Шульгинки“) и находится въ 15 в. отъ г. Старобѣльска. Берега р. Айдари и Шульги покрыты богатою растительностью и представляютъ мѣстность красивую и живописную. Рѣчкою Шульгою слобода дѣлится на двѣ части: на восточную, возвышенную, черноземную, и западную, низменную, песчаную. Она тянется слишкомъ на 3 версты въ длину и на столько же въ ширину. Изъ записокъ еп. Филарета видно, что Шульгинка лежитъ при устьѣ рѣчки Шульги. Вотъ показаніе о населеніи Шульгинки, данное въ 1769 г. Шульгинскимъ священникомъ Тимоѣемъ Алексѣевымъ и атаманомъ Пугачомъ: „Сл. Шульгинка заселена малороссіянами Бахмутскаго уѣзда Новоайдарской слободы—однодворцемъ Ѳеодотомъ Теремязовымъ въ 1719 г., въ урочищѣ р. Шульгинки, оставшимся въ пустѣ и разоренномъ, войска Донскаго, казачьей станицы Шульгинской во время Булавинскаго бунта; земля отъ г. Бахмута въ 110 вер. По поселеніи на той землѣ внизъ по р. Айдару обще съ Новоайдарскими однодворцами по урочище Каменный бродъ на 12, а вверхъ по той же рѣчкѣ по средней, срокъ на 6 верстѣ. Именовалась та слобода, Шульгинка, казенною по 1759 г. Бахмутской соляной канцеляріи регистраторъ Георгій Смольниковъ продалъ сената оберъ-прокурору Александру Ивановичу Глѣбову зачатуую, но недоконченную свою мельницу на р. Айдарѣ противъ слоб. Шульгинки за 5 р. При продажѣ повѣренный г. Глѣбова, Тряпицынъ, назвавъ землю Черкасовъ Шульгинскихъ порожнею, и земля на 150 четв. въ полѣ, Бахмутскою канцелярією отведена Глѣбову, съ платежомъ въ казну по 10 к. съ четверти

земли, впредь до указа; Шульгинка оставалась въ подданствѣ у Глѣбова по 1765 г., когда, по указу сената, отобрана она въ казну“. Первый храмъ во имя св. Николая построенъ былъ здѣсь около 1725 г. Въ 1780 г. выданы были въ Николаевскую церковь слоб. Шульгинки изъ Славянскаго духовнаго правленія метрическія тетради; въ слѣдующемъ 1781 г. прихожане-черкасы уже получили разрѣшеніе построить новый храмъ во имя св. Николая; старый же храмъ оставленъ безъ служенія, какъ ветхій. Другой храмъ въ Шульгинкѣ, на другой сторонѣ рѣчки Шульги, есть тотъ самый, который въ 1781 г. оставленъ безъ служенія, въ 1792 г. перенесенъ былъ на кладбище и освященъ былъ во имя св. Троицы, а съ 1805 г. онъ названъ приходскимъ для поселившихся на правомъ берегу р. Шульги. Онъ и понынѣ проченъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ: стѣны его состоятъ изъ толстыхъ, непиленыхъ, а расколотыхъ пластинъ дуба, который не тревожится отъ вѣковыхъ перемѣнъ атмосферы. Иконостасъ возобновленъ въ 1840 г. Сл. Шульгинка входила въ составъ военнаго поселенія.

Жители слободы—малороссы; роста выше средняго, волосы, почти у всѣхъ, черные, лица круглыя, чистыя, по наружности они въ общемъ красивы; мужчинъ 2,690, женщинъ 2,568, всего 5,258 д. об. п.

Языкъ. Народъ этой мѣстности говоритъ чистымъ малоросійскимъ языкомъ, напримѣръ: „хибѣ тобѣ вѣже зробіты це діло“? Мѣстныя слова и реченія: „мой нѣнько, риднѣнько, зузүля“, „далиби що“ (увѣрю васъ), „чи мѣло“ (достаточно), „задалегидь“ (заблаговременно). Тѣ, которые уходятъ на заработки въ донскія мѣста, по возвращеніи своемъ оттуда, говорятъ ломаннымъ литературнымъ языкомъ, особенно женщины, служившія въ качествѣ горничныхъ у какихъ либо богатыхъ людей, напримѣръ: „я служила гóрнышноу у бáрыни, у ёи дочкѣ учится въ панцыёнѣ, въ одынъ ментъ (моментъ) кнѣжки читаетъ“. Большая часть шульгинцевъ грамотна, охотно читаютъ книги, искажая книжный языкъ, какъ, напримѣръ: „гарой (герой), катыгорія (категорія), кабынѣтъ (кабинетъ), дѣятыль (дѣятель), гостѣня (гостинница), идѣя (идея), достоковѣльно (досконально), провѣентъ (провіантъ), обчество (общество), панцыёнъ (пансіонъ), вишлага (обшлага), сѣра (ссора), сѣртъ (сортъ)“ и т. д.

Избы дѣлають деревянныя; только у бѣдныхъ встрѣчаются плетенныя изъ хворосту, обмазанныя глиною. Прежде изба состояла изъ одной комнаты (хаты) и сѣнцовъ; окна всѣ были обращены во дворъ; теперь, по большей части изъ двухъ отдѣленій: главной (хаты) и другой (хатины) окнами на улицу. Въ хатѣ замѣчается главный уголь, или такъ называемая „покуть“, гдѣ находятся иконы, украшенныя цвѣтками ихъ же издѣлія и увѣшанныя полотняными рушныками своей работы, иногда же и—ситцевыми. Возлѣ иконъ, на стѣнахъ прибиты куски обоевъ, какъ украшеніе. Въ переднемъ углу, вокругъ стѣнъ стоятъ лавки, а передъ ними—некрашеный деревянный столъ, покрытый холщевой скатертью своего приготовленія. За печкою устраивается родъ кровати (пиль), гдѣ они отдыхаютъ; теперь же нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ кровать, диванъ и стулья. Печи и ставни раскрашиваются желтою и красною краскою (глиною). Дворы по улицѣ узки, но очень длинны; во дворѣ находится много построекъ: амбары съ закромами, гдѣ берегаютъ зерновой хлѣбъ, погреба—для сѣстныхъ припасовъ, клуны для хлѣба, загороды—для скота, повитки (сарай)—для экипажей, половикъ—для половы, коморы—для склада теплыхъ вещей, хлѣвъ—для топлива.

Одежда. Жители Шульгинки старинный національный костюмъ, какой носили въ прежнее время, не носятъ, какъ, напр., плахты, дерги, вытканныя изъ шерсти, и выбойчатыя юбки; какъ женщины, такъ и мужчины—дѣлають себѣ наряды, похожіе на наряды городскихъ мѣщанъ, благодаря близкому разстоянію отъ города; еще больше это заимствовано ими изъ донскихъ мѣстъ, куда они ежегодно отправляются на заработки. Одежда мужчинъ въ лѣтнее время, въ будни, состоитъ изъ полотняныхъ шароваръ и такой же рубашки, а въ праздники—изъ чемарки, покрытой какою-либо матеріею, стоющею 1 р. 20—2 р. 50 к., и шароваръ въ 80 к.—1 р. 20 к.; зимою носятъ козухи (полушубки) изъ овчинъ, стоющіе 10—12 р., или крытыя матеріею въ 15—17 р. На голову лѣтомъ надѣвають картузь въ 70 к.—1 р., а зимою шапку въ 40—70 к.; старые и малые носятъ зимою капелюхи (родъ шапки съ закрышками для ушей) въ 30—70 к. Ноги обувають лѣтомъ въ сапоги, а зимою въ валенки. Одежда женщинъ лѣтомъ состоитъ изъ ситцевой

юбки (сарафана) и кофты (юбки). Юбки и кофты отдѣлываютъ пестрыми шнурами, пуговицами и плисомъ; юбка стоитъ 1 р. 20 к.—2 р., а кофта—1 р.—1 р. 80 к.; зимою носятъ ко-
жухи въ 12—13 р., крытые какою-нибудь матеріею съ бараш-
ковыми воротниками въ 17—20 р., сукожные свитки (юбки)
въ 3—4 р. На голову дѣвушки надѣваютъ повязки изъ шел-
коваго платка или ленты (стрички), вѣнки изъ цвѣтовъ, рас-
пускаютъ косы, вплетая массу пестрыхъ лентъ, иногда платки
ситцевые, шерстяные и шелковые, смотря по состоянію, а жен-
щины—очипки, наколки шелковыя, платки; зимою носятъ са-
поги, а лѣтомъ туфли (черевики).

Пища. Въ скоромные дни богатые крестьяне готовятъ 2—3
кушанья: борщъ съ мясомъ, лапшу (рѣзанцы), молочную кашу,
въ праздники прибавляютъ еще пироги со сметаной и что ни-
будь жареное; въ постные же дни—борщъ, заправленный пост-
нымъ масломъ. иногда съ рыбою, пшеную кашу, галушки (рван-
цы), затерку, узваръ изъ сушеныхъ плодовъ; также пекутъ
пироги съ капустою, картофелью, горохомъ, фасолью; изъ этихъ
овещей приготавливаютъ также кушанья. Бѣдные ѣдятъ въ ско-
ромные дни—борщъ съ саломъ, кашу, галушки, лапшу, блины съ
саломъ, а въ постъ—борщъ безъ масла и рыбы, кашу, — иногда
же и ничего не варятъ, питаются хлѣбомъ съ солью и водою, —
лукъ съ квасомъ, огурцы соленые и арбузы (кавуны); лѣтомъ
еще варятъ тыквенную кашу, пшеничку (кукурузу).

Въ прежнее время богатые жители освѣщали свои избы
сальными свѣчами, а бѣдные каганцомъ (наливали въ черепокъ
сала или постнаго масла, олію, опускали въ него фитиль изъ
тряпочки); теперь же освѣщаютъ избы керосиновыми лампочками.

Лѣкарственные травы. Нѣкоторыя растенія употребляютъ,
какъ врачевныя средства: надошникъ (бадяга)—отъ ломоты ко-
стей, полынь и валерьянъ—отъ лихорадки, пижму—отъ желу-
дочной боли, жостеръ—какъ слабительное средство, липовый и
бузиновый цвѣтъ—отъ простуды, калину—отъ кашля, холодную
мяту—отъ расстройства желудка. подорожникъ—отъ зубной
боли, лопухъ—отъ золотухи.

Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; пчеловод-
ство въ упадкѣ, такъ какъ за послѣднее время лѣса совер-

шенно перевелись, садоводство же развито въ высшей степени; береговые жители промышляютъ рыбною ловлею. Кустарныхъ промысловъ не было прежде и теперь нѣтъ; нѣкоторые занимаются здѣсь [прасольствомъ. Здѣшній народъ очень развитъ, много читаетъ; всѣ стремятся отдать своихъ дѣтей въ школу, которыхъ здѣсь двѣ: школьное зданіе одной построено на счетъ сельскаго общества, содержаніе же на школу и учителя отпускается отъ земства; другая—церковно-приходская, помѣщающаяся при церкви, въ сторожкѣ; есть еще частныя школы которыя устраиваются отставными грамотными солдатами.

При рожденіи и крещеніи ребенка не соблюдается ни какихъ пѣсенъ и обычаевъ. Для вечерницъ избирается семейная хата бѣдныхъ людей, за которую посѣтители,—парни и дѣвушки,—платать не деньгами, а съѣстными продуктами, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Дѣвушки приходятъ на вечерницы съ работою, а парни съ балалайками и гармониками идутъ увеселять дѣвушекъ, проводятъ время въ игрѣ, въ пѣніи, въ разговорѣ и этими увеселеніями часто отвлекаютъ дѣвушекъ отъ работы. Гулянье это продолжается до свѣта.

Свадебные обычаи и пѣсни. Для того, чтобы „засватать“ дѣвушку, избираются со стороны жениха два уполномоченныхъ, болѣе разбитныхъ, крестьянина въ старосты, которымъ даютъ хлѣбъ и просятъ ихъ идти засватать намѣченную женихомъ дѣвушку. Это происходитъ обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба. Сваты идутъ преимущественно вечеромъ въ назначенный домъ и начинаютъ разными окольными путями заводить разговоръ; такъ, напр.: „здоровы булы-днювалы собѣ!“—„Слава Бѣгу,—якъ вы собѣ? що вы за люды? за якимъ діломъ вы до насъ пришлы?“—„Та, бачъ, мы охѣтныки, вѣслидылы лысѣцю до васъ у двирь, та й заблудѣлыся, не знаѣмъ, де вона ділась, хочъ по слѣду и вѣдно, що вона у васъ сховалася, чи не мѣжно йийи у васъ пошукаты?“—„Та сидайте, дѣбри люды, а роспытѣемось, мѣже, и найдете“. Послѣ этого сваты говорятъ, отъ кого они присланы, и спрашиваютъ: согласны ли родители отдать свою дочь за извѣстнаго парня. Если они согласны, то берутъ хлѣбъ у сватовъ, кладутъ его на столъ, призываютъ невѣсту и спрашиваютъ ее о согласіи. Если невѣста

согласна съ мнѣніемъ родителей, то приглашаютъ жениха и говорятъ ему: „що-жь, сѣнку, чи согласынъ ты брѣты нашу дѣтѣнку, чи, мѣже, ци лѣуды самы зайшлы сюды“? Женихъ отвѣчаетъ: „та нѣ, вонѣ прийшлы по мойей прѣзѣби, а согласынъ женѣцѣця на вѣший дочцѣ, спытѣйте ей согласься.“—„Мы вже пыталы (спрашивали) ей, вонѣ согласна итѣ за тебе.“ Въ это время вторично призываютъ невѣсту, молятся Богу, потомъ заставляютъ жениха въ знакъ согласія поцѣловаться съ невѣстою, выпиваютъ по чаркѣ водки, отпускаютъ молодыхъ, а сами со сватами остаются, пьютъ водку, дѣлая при этомъ договоръ, состоящій въ томъ, что женихъ обязанъ уплатить за невѣсту отъ 5 до 40 р., или берутъ, вмѣсто денегъ, хлѣбъ и водку, объясняя жениху, что онъ лишаетъ ихъ работницы и беретъ себѣ ее на всю жизнь. Послѣ этого ѣдутъ къ жениху на „оглядыны“, т. е. осматриваютъ дворъ и все его состояніе, а, спустя нѣсколько дней, играютъ формальное сватанье, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ невѣста перевязываетъ родныхъ жениха платками, за что ей даютъ деньги. Сватанье пируютъ 2—3 дня, оно сопровождается пѣніемъ пѣсенъ, музыкою и обходится отъ 20 до 40 р. и болѣе.

По прошествіи 2—3 недѣль послѣ сватанья, отецъ жениха идетъ къ священнику, договаривается за вѣнчанье, и въ назначенный день, послѣ литургіи, совершается вѣнчаніе, при которомъ присутствуютъ родственники жениха и невѣсты. У жениха, вмѣсто шафера, бываетъ парень, называемый бояриномъ, а у невѣсты—дѣвушка—дружка. Какъ невѣста, такъ и дружка верхнее платье подпоясываютъ вышитымъ „рушникомъ“. По окончаніи вѣнчанія женихъ, невѣста, бояринъ, дружка и всѣ родственники идутъ, а иногда ѣдутъ, въ домъ жениха обѣдать, послѣ чего невѣста съ дружкой и со своими родными уходитъ изъ дому жениха до вечера, проводя время съ подругами на вечерницахъ, а женихъ ѣдетъ, собираетъ парней, душъ 10, и снаряжаетъ поѣздъ изъ 2—3 троекъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; послѣ этого всѣ гости входятъ въ домъ, и дружка, избранный распорядитель свадьбы, близкій родственникъ жениха, вводитъ жениха въ сѣни со словами: „Гѣсподы Сѣсе Хрыстѣ, Сѣне Бѣжій, помѣлуй насѣ“. Изъ избы отвѣчаютъ тоже из-

бранные крестьяне: „амѣнь“. Дружка говорить: „спасѣби „амѣнь“, за добре слово, благословить молодого Бѣгу по лицу, отцу, нѣнцы въ ноги поклонница и за стиль завѣсты“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Богъ благословить и я благословить тричи разомъ“. Женихъ, войдя въ избу, молится со своими родными, кланяется имъ въ ноги, а дѣвушки поютъ: „та клянися, Иванька, напередъ Господу Бѣгу, отцу, нѣнцы въ ноги всей родинонцы и близькои, и далѣкои, и матеньки та риднѣнкой“. Затѣмъ дружка беретъ жениха за руки, заводитъ за столъ, который какъ у жениха, такъ и у невѣсты покрывается бѣлою скатерью; на немъ бываетъ положено по угламъ по хлѣбу, по серединѣ „кругленьке“ (булка, украшенная лентами, а на немъ двѣ деревянные ложки, перевязанныя красною лентою, предназначенныя для молодыхъ), затѣмъ „лѣжень“ (большая продолговатая булка, въ которую воткнуты палочки, въ видѣ вѣтокъ, облѣпленныя тѣстомъ и также украшенныя лентами), водка—колосовка, названная такъ потому, что въ отверстіе бутылки воткнуты колосья ржи и ягоды калины. Дружка сажаетъ жениха на покути и самъ садится рядомъ, а дѣвушки поютъ: „Иде Иванька на посадь, стричае его Господь Самъ зъ долею щасливомъ зъ вѣрною дружиною“. Послѣ пѣнія дружка съ подружками пьютъ по чаркѣ водки и выходятъ изъ-за стола, а вокругъ жениха садятся свашки и двѣ свитилки — дѣвушки, которыя держатъ „мечъ“ (большой пучекъ безсмертниковъ и васильковъ). Свашки начинаютъ пришивать боярамъ къ шапкамъ ленты, а отецъ въ это время угощаетъ гостей водкою. Когда свашки пришьютъ ленты, то дружка выводитъ молодого изъ-за стола, за нимъ идутъ свашки, свитилки и всѣ бояре. становятся съ женихомъ посреди двора, гдѣ родная мать жениха осыпаетъ его конфетами, орѣхами, пряниками, деньгами, хмѣлемъ (чтобы сыну ея хорошо жилось); присутствующіе хватаютъ сласти, давая другъ друга. Женихъ съ старшимъ бояриномъ и съ другими боярами садится на первую тройку, которую мать, перекрестясь, своеручно выводитъ со двора на улицу, гдѣ опять осыпаетъ сластями; на другихъ подводахъ ѣдутъ свашки и свитилки. Когда поѣздъ уѣдетъ, родители приглашаютъ гостей въ хату, угощаютъ ихъ, говоря: „пробсымъ покѣрно поглядѣть

ашому сѣну доро́гу“, дають закусить и, провожая ихъ, дарятъ шишкѣ (небольшіе хлѣбцы, украшенные рѣшеточками изъ ѣста), ихъ готовятъ къ свадьбѣ за нѣсколько дней; неѣста, набравъ ихъ, ходитъ по деревнѣ, приглашаетъ на свадьбу (каждому даетъ шишку и проситъ приходить вечеромъ встрѣтаться невѣсту. Женихъ съ поѣздомъ катается до вечера; во время катанья свашки поютъ: „вознѣченько кучерявый, та бый соны, погоняй коны до тѣстего двору“. А подѣзжая ко двору невѣсты, свашки поютъ: „Ой, свату нашъ, свату, пускай насъ хату, та поки мы та стоятымемъ, сырѣ зѣмлю та топтатымемъ, червѣными чобиткѣми, золотѣми пидкивкѣми“, и, обращаясь къ жениху, поютъ: „А на зѣтя та митѣль метѣ, ще й дрибѣнѣ дѣщикѣ иде, крѣйся, нашъ зѣтинько, крѣйся кунѣцями, та лысыцями, червѣными соболѣцями“ (въ смыслѣ того, что женихъ очень богатъ). Приѣздъ ко двору невѣсты повторяется нѣсколько разъ, въ ожиданьи вечера. Часовъ въ семь вечера дружка подходит къ воротамъ невѣстина двора и ласково, съ разными поговорками проситъ сватовъ впустить во дворъ жениха съ поѣздомъ, на что ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ дать выкупъ и угостить сватовъ „варѣною“ (вишневый отваръ, подслащенный сахаромъ или медомъ). Онъ соглашается ихъ угостить, съ условіемъ, если они позволятъ подружѣму идти искать невѣсту и поскорѣе привести домой. Тогда мать невѣсты выноситъ два рушника, перевязываетъ ими дружка и подружого и разрѣшаетъ подружѣму идти искать невѣсту, а дружка угощаетъ родителей невѣсты „варѣною“; поѣздъ же стоитъ у воротъ въ ожиданьи прихода невѣсты. Черезъ нѣсколько времени подружій ведетъ невѣсту съ дружками, которыя поютъ: „та ты дѣшенько, наша Мѣречка, та виляла тобѣ мате сей день погуляты, кѣскою (косою) помѣяты (помотать); та ты, дѣшенька, наша Мѣречка, та насыяла Мѣречка нагидѣкъ, та не вродѣлыся нагидкѣ, вродѣлыся полунѣци (клубника); минѣлыся тобѣ, Мѣречко, дѣсвитки и вечернѣци; та було-бъ тобѣ, Мѣречко, не дружковѣты, а було-бъ свѣни пѣсты съ кѣстуромъ, съ ломѣкою, съ сѣрою собакою, кѣстуромъ гнѣла-бъ, собакою прицьковѣла-бъ“ (отогнала бы отъ себя жениха, чтобы дольше быть дѣвушкою). Приближаясь къ воротамъ, поютъ: „Обмитѣйте дворѣ,

застылайте столы, ось йдутъ дружечки, молоді паняночки“.— „Выйды ты, матынько, протывъ насъ, та глянъ же ты, матынько по всихъ насъ, краще твой Марьечка отъ всихъ насъ“. Подойдя къ поѣзду, невѣста кланяется низко жениху, подходитъ къ свашкамъ, здороваеця съ ними, цѣлуетъ ихъ всѣхъ, идетъ въ хату, а поѣздъ вѣзжаетъ за нею во дворъ; невѣста стоитъ съ дружками у порога, дожидая позволенія садиться за столъ: подружій опять говоритъ: „Гѣсподы Сусы Хрыстѣ, Сыне Бѣжий, помылуй насъ“. Ему отвѣчаютъ: „аминь“. Онъ продолжаетъ: „спасыби за „аминь“, за дѣбрее слово, благословитъ молодѣ въ сей домъ увысты, Бѣгу помолыцьца, отцю, нѣнцы поклоныцьца“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Бѣгъ благословля, и мы благословляемъ трѣчи разомъ“. Въ это время невѣста со своими родными молится Богу, а дружки поютъ: „Та кланяйся, та Марьечко, напередъ Гѣсподу Бѣгу, отцю, нѣнцы въ нѣги, всѣи родыноцьцы и блызькои, и далѣкои, и матыньки та риднѣнькои“. Послѣ этого подружій ведетъ невѣсту и садитъ ее за столъ со старшею дружкой, а остальные поютъ: „Иде Марьечка на посадь, стричае йийй Гѣспѣ Самъ, зъ дѣбею щаслывою, зъ вѣрною дружиною“. Посадивъ невѣсту за столъ, родные ея выходятъ во дворъ и приглашаютъ жениха съ его гостями войти въ хату, цѣлуются со всѣми и угощаютъ ихъ водкою. Когда дружка ведетъ жениха въ хату и садитъ его за столъ, въ это время возлѣ невѣсты стоитъ мальчикъ, братъ ея, съ палкою, увѣшанной репяхами, которою онъ бьетъ дружка, чтобы тотъ не бралъ его сестры изъ дому, а дружки поютъ: „Та ты, дѣшенько, наша Марьечко, темнѣ, хмарно на дворѣ, ще й темнише въ цимъ дѣми. Тѣрки города обнялы, батыковы ворота бояры“.—„Ой, братыку, не лякайся (не пугайся), ой, братыку, постарайся, та не продавай сыстры за ты три золотѣго, проси червѣного, а за мий посадь—симдѣсятъ, а за мой рѣсу кобу—тысячу, а за мой походы (гулянья)—чѣботы, а за мой улочки (улицы)—чѣлочки, а за мой вечернычки—черевычки“. Дружка вынимаетъ 2—3 коп., кладетъ на тарелку, наливаетъ чарку водки и, вмѣстѣ съ шишкою, подноситъ мальчику въ видѣ выкупа, говоря: „Ось тоби и выкупъ за сыстру, тысяча рублѣвъ“. Мальчикъ пьетъ водку, беретъ деньги и тогда пускаетъ же-

ника сѣсть возлѣ невѣсты, а вокругъ размѣщаются свѣшки и свитилки, противъ нихъ бояре; дѣвушки поютъ: „Ще соловейко въ саду не щебетавъ, Иванько Марьечки не циловавъ“. Женихъ цѣлуетъ невѣсту, а послѣ поютъ: „Та вже-жъ соловейко въ саду защебетавъ, Иванька Марьечку поциловавъ“. Мать и отецъ невѣсты подчуютъ всѣхъ водкою, въ это время женихъ и невѣста стоятъ и кланяются, а дѣвушки поютъ пѣсни, относящіяся къ свашкамъ: „Свашка не липашка, шипокъ не липыла, дружкѣ не дарыла, одну излипыла зъ зелѣного сина, та й ту сама зйила“. На что свашки отвѣчаютъ: „Раки, дружечки раки, брѣшите, якъ собаки, а ще й рачинята, брѣшите, якъ цуцынята“, и въ доказательство своего мастерства дарятъ всѣхъ гостей шишками, привезенными съ собою. Дружки обращаются къ боярамъ: „Старшій боарынъ горбатый, а на тимъ горбу вырисла верба, а на тий вербѣ сыдыла сова, сыдыла до пивночи, поки выклювала зъ лоба очи“.—„Стоптана стѣжечка отъ полу до прыпечка, боары топталы, помѣи хлебталы, старшій ухлебтався, въ помѣяхъ остався“.—„Ййлы дружечки, ййлы, цѣлого вола зъййлы, по доливци качаючи, въ помѣи вмочаючи“. Бояре отвѣчаютъ тоже пѣніемъ: „Раки, дружечки, раки, брѣшите, якъ собаки“. Дружки поютъ свѣтилкамъ: „Свитылка—шпылка при стинѣ, на нѣн сорочка не ййй, прийшла сусѣда, торкае: скидай сорочку: смеркае“. Свитилки отвѣчаютъ: „Свѣни, дружечки, свѣни у мене сорочка въ скринѣ, зъ Кийова привезена, шовкомъ помережена“, или: „Я раненько встала, сорочку напярала, пошла, помыла, въ свитылки поспыла“. Дружкѣ обращается къ дружкамъ и говорить: „Годи вже брехаты языкомъ, порѣ совершаты дѣло, давайте-ка покрываты молодыхъ, та мерщій, пожалуста, а то насъ тамъ ждуть и йыхаты далѣко, та й пѣзно буде, зибѣмся съ дороги“, и произноситъ: „старосте, пане—пидстаросте!“—„А мы рады слухать“. „Благословить молодыхъ покрыть?“—„Богъ благословить и мы благословляемъ“. Мать невѣсты отдаетъ очипокъ и серпанокъ (бѣлая кисея), положенные на короваѣ (громадная булка), а дѣвушки поютъ: „Глянька-жъ ты, Марьечко, на поригъ, та несуть тобі бѣлое билованьячко, вѣчное твое покрываньячко“. Въ это время невѣста рыдаетъ, сожалѣя, что разстается со своими подругами. Сестры

невѣсты—женщины берутъ шапку жениха и очипокъ невѣсты, становятся на лежанку, пришиваютъ вѣнокъ (круглый цвѣтокъ, сдѣланный изъ ленточныхъ петель) къ шапкѣ и очипку съ пѣніемъ: „изъ Кийова швачка, купечецька дѣчка, по торгу ходыла, шовкѣ скуповала, въ неѣ ручки билесеньки, пучки тонесеньки, не жаль йийѣ дати, винкѣ пришивати“. Съ этими словами подають шапку дружкѣ и говорятъ: „що вы желали, то мы зробили, а за цю висть чарокъ шить, а съ шестѣ хочъ по одної пидныстѣ“. За что имъ дружкѣ подносятъ чарку водки, 2—3 коп. денегъ и шишку. Свашки жениха снимають съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ косу, примачиваютъ водкою-колосовкою, стоящею на столѣ, и, взявъ очипокъ, надѣваютъ его на голову молодой, которая сопротивляется, не желая надѣвать его, а мать запрещаетъ ей мять очипокъ, говоря: „гѣди тобі, дытына моѣ, таловати (мять) очипокъ: порѣ вже й законъ надѣти“. Тогда невѣста допускаетъ надѣть на себя очипокъ, тихо садится, начинаетъ плакать и прощаться со старшею дружкою, которая беретъ ее за ручникъ и силится вытянуть ее изъ-за стола, а женихъ не пускаетъ, остальные же дружки поютъ: „Брала Марецька ленъ, ленъ, выгонѣла дружечекъ вонъ, вонъ, на що булѣ браты, якъ насъ выгонѣти“. А дружкѣ имъ говоритъ: „гѣди, спивати, та Марью драгувати, вже васъ порѣ зъ хаты выгонѣти, бо Марья вже наша“. Дѣвушки уходятъ. Подружій просятъ благословенія покрыть молодыхъ, и двѣ свашки со стороны жениха берутъ серпанокъ, становятся на лавку, позади жениха и невѣсты, одна кладетъ себѣ на голову цвѣты невѣсты, а другая шапку жениха, приказываютъ молодымъ наклониться, а сами начинаютъ дадъ ними махать серпанкомъ, припѣвая: „Покриванка плѣче, покрывацьця хѣче, не такъ покрывацьця, якъ поциловацьця,—зъ кнышѣвъ въ полянѣци, зъ дѣвичины въ молодѣци“. Свашки цѣлуется и мѣняютъ свой головной уборъ, опять начинаютъ махать серпанкомъ, до трехъ разъ повторяя ту же самую пѣсню. По окончаніи покрыванія, серпанокъ надѣваютъ на голову невѣсты и закрываютъ имъ все лицо, говоря: „що вы желали, то мы здѣлали, а за цю висть чарокъ шить, а съ шестѣ хочъ по одної пидныстѣ“. Дружкѣ ихъ подчуетъ водкою и благодаритъ за трудъ; потомъ молодые съ приѣзжими

далеко за полночь. На другой день снова собираются гости, дѣлають молодымъ подарки, мужчины даютъ деньги, хлѣбъ, овецъ, а женщины—куски полотна, платки, ситець, за что всѣхъ гостей хозяева перевязываютъ въ свою очередь подарками—платками.

Свадебное веселье длится дней 5—6, сопровождается музыкою, и расходы достигаютъ до 200 р., у бѣдныхъ же до 70—100 р.

Поминки. При погребеніи умершаго особыхъ обрядовъ никакихъ нѣтъ; надъ умершимъ плачутъ, приговаривая, если умереть мать: „мой зузѹля, мой нѣнько риднѣнько, на що-жъ ты мене та покинула!“ Если умереть мужъ, плачетъ надъ нимъ жена, приговаривая: „мий хозяинъ, мий дорогой, на кого-жъ ты мене покинувь съ дѣтками манѣнькими; та що-жъ я съ ними буду робѣты, та казаты, та съ кимъ вику коротаты!“ Умершаго поминають, служа панихиды въ 3, 9, 40 дни, подаютъ на проскомидію, дѣлають жертвы, а богатые заказываютъ въ церкви сорокоустъ. Послѣ похоронъ дѣлають обѣдъ, варятъ кутью съ медомъ или сахаромъ (канунъ), пекутъ пироги, варятъ борщъ, галушки, кашу, покупають водку. На похороны зовутъ родственниковъ и знакомыхъ.

Этнографическій календарь. Подъ Рождество Христово здѣшніе парни и дѣвки ходять „колядовать“:

„У недѣлю рано, поранѣнько
Сбыралося все жидовѣ,
Та й радылы раду жидівську,
Якъ Суса Хрыста (поронѣты)
погубѣты.
Та не погубѣлы, тѣлько поронѣлы,
На зѣлено древо положиылы,
Рѹци та нѹзи гвоздѣми прыбѣлы,
Тырнѹвый винѣць наложиылы,
Зъ правого боку рѹку пустѣлы.
Прийшла къ Емѹ Бѹжия Мѹте:

—„Ой, сѣнку жъ мий, сѣнку,
Бѹже жъ мий,
Чомъ ты до мене, сѣнку, не
говѹрышь,
Зъ своѣи гѹрдосты слѹва не
промовышь?“
—Не на вики, Мѹте, помыраю,
За васъ, хрыстьяны, стражду
приймаю,
За васъ.—„За насъ, Гѹсподы,
Бѹже нашъ“.
Дай, Бѹже, вѣчирь дѹбрый,
Дайте пирѣгъ дѹвгий“.

На рождественскихъ святкахъ ежедневно „водятъ козла“ вечеромъ и поютъ:

„Егѹ ридъ, егѹ ридъ, та й пойвѣ козѣль лукъ, чиснокъ,
Та й чѹрную чирнѹшку, зелѣную петрѹшку.“

Та вловылы козла за рижокъ, за рижокъ,
 Та й повылы козла на торжокъ, на торжокъ,
 Та продáлы козла за рубля, за рубля.
 Та прыйшла до дому загула, загула,
 Що дешево козла продала, продала.
 Та накупыла тры зела, тры зела (краски):
 Та одно зéло—красыло, красыло,
 А друге—бильыло, бильыло,
 Трете—чорныло, чорныло.
 Я красыломъ накрáсьюсь, накрáсьюсь,
 А бильыломъ набылюсь, набылюсь,
 А чорныломъ начорнюсь, начорнюсь“.

Подъ Новый годъ дѣвушки „меланкують“:

„Мыланка ходыла, Васыля просыла,
 Васылю, мий батьку, пусты менè въ хатку,
 Я жыта не жала, чесный хрестъ держала,
 Золоту кадильныцю“. Рáдуйтыся, добри люды:
 И къ вамъ Хрыстòсь бúde; Бóгу свѣчку ставте,
 А намъ пирѣгъ дайте, та циленькый давайте
 Зь рукамы, зь ногамы, щòбъ бигъ за намы,
 Бизь рукъ, бизь нигъ, щòбъ загрузъ у снитъ“.

Въ этотъ вечеръ дѣвушки, взявъ пироги, идутъ подслушивать подъ окна; изъ подслушаннаго узнають свою судьбу. Гдѣ услышать лай собаки, въ ту сторону идти замужъ. Впотымахъ берутъ дрова, если попадется полѣно сучковатое, то—женихъ богатый, а если—гладкое, то бѣдный. Снимають ночью съ гнѣзда курицу, раскладываютъ на полу деньги, зерна, ставятъ воду; если курица бросится къ водѣ, то женихъ—пьяница, къ деньгамъ—богачъ, къ зернамъ—хлѣборобъ. Подъ Рождество Христово дѣти носятъ вечерю, состоящую изъ куты и взвара и говорятъ: „Здоровы булы! прислалы батько—мáте кутѣ, узвару“. У нихъ берутъ немного куты и взвару, имъ даютъ сласти и деньги. На Новый годъ ходять посыпать ячменемъ, пшеницею, желая хозяевамъ хорошаго урожая; ихъ опять угощаютъ сластями. На 4-ой недѣлѣ Великаго поста, крестопоклонной, пекутъ кресты; на 40 мучениковъ (9 марта) пекутъ жаворонки, встрѣчаютъ весну съ пѣниемъ:

„Ой, высна́, высна́, днемъ красна́!	Що жъ ты намъ принысла? —Принысла я вамъ лѣтечко
--	---

И зелененько зильчико,
И хрыщатынький барвынокъ,

И запашненый (пахучій)
васылекъ“.

„Співали, дружечки, співали,
Въ ришитѣ пісиньку кладали,
Поставили на вѣрби.

Якъ налынули либиди изъ-за
Дону,
Извалилы ришитѣ додѣлу“.

„Часомъ, дівочки, додѣлу,
Мишайте свинямъ полѣву,
А вы, хлопьята, за нами,—

Йижте полѣву зъ свиняи,
А вы, дивѣчки, за нами,
Пийте, гуляйте зъ панами“.

На теплаго Алексѣя (17 марта) пекутъ бублики. На св. Георгія (23 апрѣля) служатъ молебень и выгоняють скоть на пастбище. На Симона Зилота (10 мая) бабы рвутъ зелье; бьвають пирушки. На Ивана Купала (24 іюня) дѣвушки плетуть вѣнки, надѣвають на головы, купаются и поють:

„Купався Иванъ,
Та въ воду впавъ,

На Ивана Купала
У воду упала“.

Въ день пр. Ильи (20 іюля) бабы завиваютъ головки въ капустѣ, приговаривая: „святій Илья, завивай голова“.

Существуетъ повѣрье, что капуста послѣ этого не портится. На Введеніе (21 ноября) дѣвушки, ложась спать, загадываютъ и приговариваютъ: „Святѣ Введенья, введи мене въ той домъ, де я буду вику доживати“.

На м. Екатерину (24 ноября) дѣвушки чуть свѣтъ встають, идутъ въ садъ, срѣзываютъ вишневыя вѣтки, ставятъ ихъ въ воду, намѣчая, гдѣ чья; чья вѣточка зацвѣтетъ къ Новому году, та дѣвушка выйдетъ замужъ въ томъ году; если же не зацвѣтетъ, то не выйдетъ.

На Андрея Первозваннаго (30 ноября) дѣвушки тоже задумываютъ, приговаривая: „Андрію, Андрію, я на тебе конопельки сию, съ кимъ буду конопельки братъ, съ тимъ буду вику коротати“.

Яйца красятъ прежде всего красною краскою, говоря, что кровь изъ раны Спасителя потекла краснаго цвѣта. Красятъ еще желтою, черною, синею красками и цвѣтными тряпочками, послѣ чего они получаютъ пестрыми; сохраняють ихъ, какъ предохраненіе отъ грозы, скорлупою подкуриваютъ большие зубы, растирають ее въ порошокъ и даютъ его пить отъ лихорадки, а также и отъ куриной слѣпоты.

При посѣвѣ хлѣба приговариваютъ: „уроды, Бѣже, жита, пше-
ныци на долю всякого, и хрещёного, и нехрещёного“, молятся и
тихо разбрасываютъ зерна по полю. При жатвѣ и уборкѣ поютъ:

„Ой, десь наши косарѣ, горбатыи та старѣ,
Вонѣ косють, Бѣга прѣсють:

„Пошлы, Бѣже, дощѣ, абѣ не морозѣ,
Нидѣль на пять, щобѣ намѣ погулять,
Нидѣль на чотыри, щобѣ нѣги спочылы“.

* * *

„Якъ бы жѣ мой воля, сидѣла бѣ я дома
У садѣчку, та ще ѣ въ холодѣчку.
Косарѣ косють, витырь повивае.
Десь мий мыленький зѣ йншею размовляе.
Якъ зѣ лутчею, поможи, Бѣже,
А якѣ съ хужою, накажи ёго, Бѣже“!

* * *

„Ужѣ сонце на обѣдѣ, варѣ кашу, бѣсивѣ дидѣ.
Варѣвѣ—не варѣвѣ, жинцѣвѣ поморѣвѣ.
У дѣброго хозѣина обѣдате порѣ,
А въ нашого лыдѣчого ще ѣ дѣмки нема.
У дѣброго хозѣина ѣидѣть калачѣ,
А въ нашого лыдѣчого ще ѣ хлибѣ у печѣ.
У дѣброго хозѣина горѣлочку пьютѣ,
А въ нашого лыдѣчого ѣисты не даѣтъ“.

* * *

„Ужѣ сонце надѣ дубкѣмѣ, намѣ додѣму холодкѣмѣ
Порѣ, та ѣ давнѣ, а мы не ѣдымѣ,
Порѣ, та ѣ дѣже, а мы ѣ байдѣже“.

* * *

„Ужѣ сонце подѣ лыпкою,
Трусѣ, пѣне, калыткою (кошелькомѣ),
Трусѣ не трусѣ, по копѣ (50 к.) дасы.
Наша пѣня (хозяйка) пышна,
За ворѣта вѣйшла тылять загонѣть,
Грибцѣвѣ выгладѣть.
Наша пѣня Катырына, борщѣ, кашѣ наварыла,
Та ѣ грибцѣвѣ накормыла“.

Мѣстные примѣты. Кошка царапается на дождѣ, гуси купа-
ются—тоже на дождѣ, грачи кружатся зимою—на мятель, а

Она божилась и клялася
Своею вѣрною судьбой,

А я былъ мальчикъ и повѣрылъ
Своей безумной головой“.

„Скоро ѣхать въ Китай-городъ
гулять,
Китайского товара закуплять,
Куплю живъ покупку:
Славного праздничкового на юбку.
Приѣзжаю домой, покорюся,
Своей раздѣшенки у ноги поклонюся.

— „Чи здорова, жина молодая?
Принимай, душа, подарокъ, не
ломайся,
Душа, сердце мое, не смѣйся,
Тайна мене, молдчика, подывы-
Ой, дывыцыця, добри люды, [ся.
Шо мене жина та й не любе
Не любе, не любе й не цилуе“

Только на свадьбахъ соблюдаются чисто малороссійскія пѣсни.
Между пожилыми крестьянами на пирушкахъ можно услышать
слѣдующія:

„Ой, выпьемъ, родыно,
Щобъ намъ жито родыло,
И житечко, и овесь, и зибрався
ридь увесь,
Якъ бы жъ не вы, та не мы,

То-бъ мы тутъ не булы, и горыл-
ки не пылы,
А то мы прыйшлы и горылку
найшлы“.

„И чарка нова,
Та горылки нема,

Хылю, хылю, не течѣ,
Белѣ сердца печѣ“.

„Ой, хочецця йсты, йсты,
Та боюся въ погрибъ лѣзты,

Та боюся, щобъ не впаала,
Щобъ капуста не пропала“.

„Чоловичко, мой Мышенъко,
Тебѣ дома нема, минѣ лы-
шенъко,

Якъ ты дома, триски, дрова
нарубавъ,
Та й унись, та й минѣ пиднись“.

Сказки. „Була собі на свѣти дивчына. Отъ вона йшла разъ по дорозѣ, та й загнала въ ниженьку бѣдыньку (занозу). На дорозѣ йийй застала ниченька, вона прыйшла у перву хату и пробсыщца переночуваты; йийй пустылы. Вона и каже тымъ людымъ: „бросьте, добри люды, мою бѣдыньку у пиченьку“. Ти люды такъ и зробылы, якъ вона казала. Устаѣ ранкомъ и пытаѣ ихъ: „де жъ мой, добри люды, быдынка?“— „Мы йийй кинулы у пиченьку, якъ ты казала“.— „Дайте жъ минѣ теперъ за быдынку пиченьку“.

Отъ вона узала пиченьку и пишла по вѣлицѣ; иде и спива:

„Гуляла на любовыньки (вечерныцахъ),
Та загнала въ ниженьку бѣдыньку,
Та за тую бѣдыньку узала пиченьку“.

Попросілася опьятъ вона ночувати у хату до людей, та каже имъ: „сховайте мою піченьку“. Ураньци устає и говоре: „де жъ моя, добри люди, піченька“? Люди и кажутъ їй: „күрочка їйїй звалыла та й розбыла“.—„Дайте жъ мині за мою піченьку күрочку.“ Узяла күрочку и пишла, співаючи:

„Гуляла на любобыньки,
Та й загнала въ ниженьку бідыньку,
Та за тую бідыньку узяла піченьку,
А за тую піченьку—күрочку“.

Застыгла їйїй ничъ у дорози, попросілася ночувать до людей и каже: „положить мою күрочку до вашихъ“. Утромъ устала и пыта: „де жъ моя, добри люди, күрочка“?—„Волькъ зйивъ“.—„Оддайте жъ мині за күрочку волька“. Узяла вона волька, иде и співа:

„Гуляла я на любобыньки,
Та загнала въ ниженьку бідыньку,
Та за свою бідыньку узяла піченьку,
А за тую піченьку—күрочку,
А за күрочку—волька“.

Иде опьятъ и пробытыця на ночлігъ. Пустылы їйїй люди ночувати, вона и говоре имъ: „поставте мого волька у загороду, де ваши“. Устає враньци и пыта свого волька. Люди їйїй и кажутъ: „нема твого волька, дівчина, йшли дивкі на вечерніци, та одчинылы загороду, а волькъ и пропавъ“.—„Давайте жъ теперь за волька дівку Хвеську (Θеодосію)“. Узяла дівку, посадыла у мишокъ, иде по вұлыци и співа:

„Гуляла на любобыньки,
Та загнала въ ниженьку бідыньку,
Та за тую бідыньку узяла піченьку,
А за піченьку—күрочку,
А за күрочку—волька,
А за волька—дівку Хвеську“.

Попросілася зъ мишкѡмъ ночувати, сама лягла на лаву спати, а мишокъ положила пидъ лаву, а дівчата узнали, що тамъ дівка Хвеська, вытягнулы їйїй виттыля, а за неї посадылы туды собаку Сирка. Враньци устає дівчина, пыта тыхъ людей: „де мий, добри люди, мишѡчокъ“?—„Та онъ вивъ пидъ лавою лыжить“.—„Спасыби вамъ, добри люди, що у васъ мий мишѡчокъ не пропавъ, а то де не почувала, усє моє про-

падало“. Поблагодарыла ихъ, узяла мишчокъ за плѣчи и пишла по дорѣзи и спива:

„Гуляла я на любовнынки,
Та загнала въ ниженьку бѣдыньку,
Та за своѣ бѣдыньку узяла пиченьку,
А за тую пиченьку—кѹрочку,
А за тую кѹрочку—вѣлыка,
А за вѣлыка—дѣвку Хвѣську“.

Обращается будто бы къ дѣвушкѣ, что въ мѣшкѣ, и говоритъ: „спивай за мною, дѣвка Хвѣсько?“ А Сирко изъ мишка: „Грр...“—„Ишь, бѣсова дочка, особачилась; спивай за мною, тобѣ кажу“. А Сирко опять: „Грр...“ Тодѣ она розвѣязала мишчокъ, а виттыля якъ вѣскоче Сирко, такъ ту дѣвчину и розирвавъ на куски“.

Присказка: „вамъ кѣзочка до кинця, намъ по рѹмци вынця, кому рѹмку, кому дви, кому нема одний“.

О яблонкѣ разсказываютъ слѣдующую сказку:

„Жылы собѣ дидъ та баба. У ихъ була онѹчка, Жѹчка и кѹтыкъ. Отъ баба и каже дѣду: „посады, дѣду, яблуньку пидъ поломъ (постелью)“. Дидъ посадывъ. Ростѣ яблунька и вѣросла пидъ пиль. Баба и говѣре: „прыймы, дидѹсю, пиль, хай яблунька ростѣ“. Дидъ прынявъ. Отъ яблунька ростѣ и ростѣ и вѣрисла пидъ саму стѣлю (потолокъ). „Продырай, дѣду, стѣлю, щобъ яблунька проростала“. Дидъ продравъ. Ростѣ она, и пидросла пидъ стрѣху. „Розбырай, дидѹсь, стрѣху, нехай яблунька ростѣ, та врѣдоуцьця яблочки“. Дидъ розибравъ стрѣху, а яблунька все ростѣ, та ростѣ и вѣрисла пидъ саме небо. Тодѣ баба напалася на дѣда: „робы, дѣду, драбыну, полызымъ яблочки рваты“. Зробывъ дидъ драбыну, прыставывъ до яблуньки, полызъ на драбынку, за дѣдомъ баба, за бабою—онѹчка, за онѹчкою—Жѹчка, за Жѹчкою—кѹтыкъ. Вѣрвавъ дидъ яблочно, покоштувавъ, давъ баби, баба—онѹцци, онѹчка—Жѹцци, Жѹчка—кѹтыкови, а кѹтыкъ укусывъ, та й понѣсь и пиднѣсь тобѣ (имя) пидъ нисъ“.

Присказка: „кто казавъ, той медѹкъ лызавъ, а кто слухавъ, той медѹкъ нюхавъ. Осъ тобѣ (имя) кѣзка, а минѣ бѹблыкывъ вязка, тобѣ кошелѣкъ, а минѣ грѹшей мишдкъ. И я тамъ бувъ, медъ,—пѣво пывъ, у рѹти не булѹ, а по вусамъ тьклѹ“.

Е. И. Будянская.

22.—Сл. Литвиновка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Ветеряцн.—Свадьбы.

Литвиновка расположена на ровномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ р. Сухого-Обитока, проходящаго вдоль всей слободы. Рѣка эта беретъ начало въ сл. Брусовкѣ изъ небольшой возвышенности. Съ южной и сѣверной стороны слободы находятся невысокія горы. Слобода дѣлится на нѣсколько частей, каждая часть имѣетъ свое названіе: та часть слободы, гдѣ находятся лучшіе домики, лавки, церкви, школа, волость, называется Накочеванка, сѣверная часть—Новосѣловка, восточная—Балобасовка, западная—Ковалѣвка. Сл. Литвиновка находится отъ г. Старобѣльска въ 45 вер., а сл. Бѣловодска—въ 15 вер. Народъ объясняетъ, что прежде всего здѣсь поселилось нѣсколько семействъ изъ Литвы, почему и слобода получила названіе Литвиновки. Рассказываютъ, что старики брили головы, оставляя пучекъ волосъ на серединѣ, заплетенный въ одну косу.

Жителей 2,926 д. Языкъ малорусскій. Встрѣчаются выраженія: „дузь двора“, „торикъ було“, „далиби“.

Жилища хороши и удобны. Хаты строятъ преимущественно изъ мѣла, который добывается на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ, но есть и деревянные; покрываютъ соломой, иногда камышемъ и желѣзомъ; обмазываютъ снаружи и внутри тоже мѣломъ. Стѣны убираютъ шпалерами и расшитыми полотенцами: у нѣкоторыхъ имѣются зеркала, хорошія, дорогія иконы, шкапы, диваны и стулья. У большинства мебель состоитъ изъ стола, лавокъ и небольшого шкапа. Печь и порогъ не имѣютъ никакого значенія. Передній уголъ имѣетъ значеніе во время свадьбы и крестинъ: въ первомъ случаѣ молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ, а во второмъ—кума и куму. Дворы огораживаютъ хворостомъ или мѣломъ. Остальныя постройки ставятся большею частію позади хаты, какъ то: амбары деревянные, „клуни“ хворостяныя или мѣловыя, „повитки“ или сарайчики, изъ того же матеріала; хлѣбные дворы (токи) обыкновенно строятъ на выгонѣ. Прежде строили небольшія хаты, съ маленькими окошечками и глухою стѣною на улицу; въ настоящее же время хаты, или скорѣе дома, строятъ обширныя, съ нѣсколькими окнами

на улицу, съ отдѣльными кухнями, спальнями, кладовыми и передними. Зимю у большинства вставляют двойныя окна.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: полотняныя сорочки, капоты и жакеты черкасиновые и изъ шведской матеріи, такія же брюки, суконныя картузы, башмаки мелкіе съ резинками и сапоги; праздничная: фабричнаго чернаго сукна или шерстяной матеріи капоты, триковые жакеты, такія же брюки хорошаго издѣлія, чернаго товара сапоги, сорочки разныхъ ситцевъ, а у нѣкоторыхъ изъ бѣлаго миткаля, вышитыя въ крестъ; зимняя будничная: овчинныя полушубки, свиты крестьянскаго бѣлаго сукна, суконныя „капелюхи“ и шапки теплыя („кучми“ черныя); зимняя праздничная: полушубки, крытые сукномъ, дубленые тулупы и полушубки, пальто чернаго фабричнаго сукна,—все высокаго качества. Въ холодное время многіе ходятъ въ валежныхъ сапогахъ. Женская одежда лѣтняя будничная: сорочки ситцевыя, у большинства—своего полотна, юбки („шарафаны“) ситцевыя и изъ синей китайки, кофты черкасиновыя и ситцевыя, платки черкасиновые и ситцевые, сапоги чернаго товара; праздничная лѣтняя: сорочки у всѣхъ ситцевыя, миткалевыя или кумачевыя, „шарафаны“ кубовые, шерстяныя, встрѣчаются, хотя и рѣдко, шелковые, кофты „нанбуковыя“, „манчестеровыя“, а больше одной матеріи съ юбкою, платки шерстяныя и шелковые, обуты всѣ въ ботинки съ резинками; на шею надѣваютъ много разнаго хорошаго „мониста“, серебряныя кресты и стараго серебра рубли, талеры, полтинники и т. д. Въ праздничные дни дѣвки убираютъ голову такъ: волосы заплетаютъ въ одну косу, влетая не менѣ трехъ и пяти кисниковъ—лентъ, потомъ повязываютъ голову шелковымъ платкомъ и прикалываютъ не менѣ двухъ цвѣтковъ. Зимняя будничная одежда: бумазеевыя „шарафаны“ и кофты, пальто крестьянскаго бѣлаго сукна, бѣлыя тулупы; зимняя праздничная: „шарафаны“ фланелевыя, пальто и кофты длинныя, стеганыя на ватѣ, „нанбуковыя“, халаты синіе суконныя, тулупы, крытые сукномъ, пуховыя и суконныя платки, сапоги краснаго товара.

Въ старину одежда мужчинъ состояла изъ сорочки своего полотна, выбойчатыхъ брюкъ и синей жилетки,—последняя надѣвалась только въ праздники,—сапоги чернаго товара безъ подборъ; вмѣсто картузовъ, носили „брыли“,—черныя поярковыя

пляши, въ холодное время четырехугольныя шапки съ мѣховою опушкою, свитки бѣлыя крестьянскаго сукна, овчинныя тулупы и полупубки. Одежда женщинъ состояла изъ холщевой сорочки, черной шерстяной запаски, носили ситцевыя и нанковыя „парочки“ (только зажиточныя), платки черкасиновые и ситцевыя самаго низкаго качества, мелкіе башмаки; головной уборъ дѣвки состоялъ изъ „стрички“, а замужня женщины носили „очипки“. —это единственная вещь, которая осталась изъ старинныхъ одеждъ и въ настоящее время почти выходитъ изъ употребленія.

Пища богатыхъ въ скоромные дни бываетъ хорошая, въ особенности когда бьютъ свиней, рѣжутъ закормленныхъ гусей и утокъ; лѣтомъ много бываетъ куръ и цыплятъ. Въ постные дни соленая рыба, огородные овощи съ приправою постнаго масла. Хлѣбъ ѣдятъ пшеничный и житный. Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: борщъ и галушки съ саломъ; съ мясомъ бываетъ очень рѣдко, только въ годовые праздники и заговѣнье. Можно встрѣтить и молочное, но очень рѣдко. Въ постные дни ѣдятъ еще скуднѣе. Хлѣбъ ѣдятъ житный съ ячнымъ, да и того иногда не хватаетъ.

Освѣщеніе керосиновое; отапливаютъ дровами, соломой, большею частію кизякомъ и углемъ.

Вечерницы бываютъ осенью, большею частію о Рождественскихъ святкахъ. Дѣвки приносятъ изъ дому разные съѣстные припасы, данные матерями, а парни покупаютъ водку, и въ хатѣ избранной „пани-матки“ варятъ вечерять; въ продолженіе всего вечера играютъ на гармоникахъ и поютъ пѣсни.

Пѣсней при рожденіи и крещеніи ребенка не бываетъ. Обычай соблюдаются простые: приглашаются кумовья,—являются за ребенкомъ, котораго баба-акушерка вручаетъ приглашенному куму, а послѣдній передаетъ кумъ, и оба отправляются съ ребенкомъ къ священнику. По крещеніи несутъ ребенка домой, и опять кума передаетъ ребенка куму, а онъ бабѣ, тогда просятъ за столъ обѣдать—первыхъ кума и куму, потомъ приглашенныхъ гостей. Кумъ и кума подаютъ, черезъ бабу, матери ребенка рюмку водки, по пирожку или по кусочку хлѣба и такъ дѣлаютъ передъ началомъ každаго кушанья. По окончаніи всего обѣда баба подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки, и ей кладутъ по 5, по 3 и менѣ коп., тоже и „породилѣ“.

Свадьба. На свадьбахъ поютъ пѣсни: „Хата мой рубленная, ни на помѣсти“, „Бѣла жнѣка мужика“, „И туды гора, и сюды ра, помѣжь тѣми гирѣньками сходѣла зорѣ“, „Якъ поѣхавъ ѣй мылѣнький“, „Туманъ ярѣмъ, морѣзъ долинѣю“, „Ой, полѣла, мѣла орлѣнца лобѣду, тай послѣла прыпотѣя по водѣ“ и друг. вадебный обрядъ таковъ: когда хотѣтъ женить сына, поглаютъ старость къ избранной раньше невѣстѣ; они поддѣютъ подъ окно и говорятъ: „ночувѣлы-здоровы!“—если ранѣромъ, а вечерѣмъ; „дѣбрыѣ вѣчеръ! пускѣйте въ хату, какѣуть, одѣ лысѣнца побѣгта“. На что имъ изъ хаты отвѣчаютъ: „мысты прѣбсымъ“. Невѣста сейчасъ же уходитъ изъ дому. Когда бѣло уладится, является невѣста и даетъ „рушники“ (платки), томъ гуляютъ сватанѣ („заручѣны“). Послѣ „заручѣны“ невѣста бѣираетъ дружекъ и ходитъ по улицамъ; дружки поютъ пѣсни; то продолжается до самаго вѣнчанѣя. Наканунѣ свадьбы невѣста о старшей и другими дружками ходитъ по роднымъ, кланяется аждому по три раза, говоря: „прохавъ батько ѣ мате и я росю на подвисилѣкъ“,—при этомъ даетъ шинѣку. Женихъ оже въ этотъ день ѣздитъ съ старшимъ бояриномъ и проситъ воихъ родныхъ и знакомыхъ. Вѣнецъ бѣываетъ утромъ въ назначенный день. Послѣ вѣнца невѣста съ дружкою идетъ домой гдѣ нибудь прячется, а женихъ отправляется къ себѣ, куа на „отче нашъ“,—т. е. на обѣдъ, сходятся приглашенные гости. Пообѣдавши, женихъ съ боярами, дружкомъ, свашками свитилкою ѣдетъ кататься. Свитилкой обыкновенно бѣваетъ ѣвочка, близкая родственница жениха, которая держитъ въ ухахъ пучекъ васильковъ со свѣчею въ серединѣ. При выѣздѣ жениха изъ двора мать и отецъ обсыпаютъ поѣздъ хмѣлемъ, рѣхами, конфектами и деньгами. Вечерѣмъ того же дня поздъ жениха останавливается у двора невѣсты, дружко идетъ тѣскивать ее; найдя послѣднюю, ведетъ домой, при этомъ дружки, опровождавшѣ невѣсту, поютъ пѣсни: Когда приведутъ невѣсту, стелѣтъ за воротами полотенце, кладутъ шинѣку, деньѣи, ставятъ водку; родня невѣсты забираетъ все это, и огда только поѣздъ вѣѣзжаетъ во дворъ, всѣ входятъ въ хату; переди всѣхъ бояринѣ съ гильцемъ (сосна, убранная бумажными епточками и цвѣтами). Гильце ставятъ на столъ, воткнувъ въ

лежень—большой испеченный хлѣбъ. Дружко, передъ тѣмъ, какъ заводить молодыхъ за столъ, беретъ „оверко“—полсть и говоритъ: „Бѣже, благословѣ унести оверко“,—на что ему отвѣчаютъ—„аминь“. Дружко стелетъ въ переднемъ углу полсть и заводитъ сначала невѣсту, причемъ опять повторяетъ: „Бѣже, благословѣ завести молодую за стилъ“!—ему снова отвѣчаютъ—„аминь“. Когда невѣста сядетъ, по лѣвую сторону ея садится старшая дружка, а по правую мальчикъ, родственникъ невѣсты, со скалкою въ рукахъ и не пускаетъ жениха, пока тотъ не дастъ выкупа, который состоитъ изъ рюмки водки, денегъ и шишки. Откупивъ мѣсто, женихъ садится рядомъ съ невѣстой, подлѣ него свитакъ, и тогда первыхъ молодыхъ угощаютъ водкою, а потомъ всѣхъ остальныхъ; молодые кланяются каждому по три раза. По окончаніи угощенія свашки снимаютъ у невѣсты цвѣтокъ и говорятъ: „Бѣже, благословѣ пришить молодому до картуза квітку“!—имъ отвѣчаютъ—„аминь“. Свашки пришиваютъ цвѣтокъ, и женихъ выкупаетъ его водкою и деньгами; послѣ чего старшая дружка прощается съ невѣстою и уходитъ изъ—за стола, а свашки берутъ платокъ. покрываютъ молодую и поютъ: „покрыванка плаче, покрывацьця хоче, не такъ покрывацьця, якъ поцилувацьця“. Свашки цѣлуются три раза, и имъ подносятъ по рюмкѣ водки. Когда покроютъ невѣсту, она ложится на столъ головою и плачетъ, женихъ поднимаетъ ее, цѣлуетъ, и потомъ они выходятъ изъ-за стола, кланяются отцу и матери и роднымъ, послѣ чего невѣсту везутъ къ жениху, а остальные гуляютъ всю ночь. На другой день молодые являютъся къ ея роднымъ, и снова начинается угощеніе: рѣжутъ каравай на кусочки, мажутъ медомъ и, вмѣстѣ съ платками, подають каждому мужинѣ и тутъ-же перевязываютъ ихъ платками; тѣмъ отдариваютъ, одни по рублю, другіе овцу или телку, а женщины по два арш. ситцу. И этотъ день гулянье продолжается за полночь; на третій же день „бесѣду“ зазываютъ къ себѣ на угощеніе близкіе родные, и такъ продолжается иногда недѣлю.

Свадебный расходъ бываетъ отъ 50 до 300 р. Приданого за невѣстою не даютъ, а берутъ еще съ жениха отъ 10 до 50 р.

23.—Сл. Баранниковка.

Поселеніе.—Занятіе, одежда и языкъ.

Баранниковка находится въ восточной части Старобѣльскаго уѣзда, въ 68 вер. отъ г. Старобѣльска и въ 18-ти отъ сл. Бѣловодска; на югъ отъ Баранниковки, въ 7 вер. находится сл. Нижнебаранниковка, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Злодѣевки“, а на сѣверъ, въ 2-хъ вер., сл. Зеліковка. Баранниковка расположена на берегахъ небольшой рѣчки Камышной, протекающей черезъ слободу съ сѣвера на югъ двумя протоками. Рѣчка получила свое названіе отъ камышей, которые обильно растутъ по ея берегамъ.

Названіе слободы народъ объясняетъ тѣмъ, что первый поселенецъ прозывался „Баранникомъ“; а отъ прозвища перваго поселенца и яръ, около котораго „Баранникъ“ жилъ и пасъ овецъ и др. скотъ, до сихъ поръ зовется „Баранниковымъ“. Въ Баранниковѣ и въ настоящее время есть нѣсколько домохозяевъ съ фамиліей „Бараныкъ“, принадлежащихъ къ числу коренныхъ жителей слободы. Жители окрестныхъ слободъ и Баранниковцы называютъ Баранниковку иногда „Камышною“, такъ ее называютъ потому, что вся почти занимаемая теперь слободою мѣстность и находящіеся около нея лиманы были покрыты въ старину непроходимыми камышами.

О времени, когда была основана Баранниковка, какъ поселокъ или хуторъ, ничего неизвѣстно; несомнѣнно только, что въ XVII вѣкѣ она уже существовала, какъ незначительный хуторокъ. Это можно видѣть изъ того, что въ половинѣ XVIII вѣка въ Баранниковѣ имѣлась церковь, и церковь та, повидимому, была уже ветхою, такъ какъ въ 1769 г. баранниковцы, по словамъ архіепископа Харьковскаго Филарета (см. его „Историко-стати-

стическое описаніе Харьковской епархіи“, изд. 1857 г., ст. 393, отд. 5), — просили разрѣшенія вновь построить у себя храмъ.

Въ Баранниковѣ жителей 3300 д. об. п., всѣ баранниковцы малоруссы; есть, правда, нѣсколько семействъ великоруссовъ но они недавніе поселенцы, — это пришельцы, появившіеся въ Баранниковѣ уже въ настоящемъ вѣкѣ. До 1816 г. жители слободы Баранниковки именовались малороссійскими крестьянами, а съ 1817 года стали именоваться коннозаводскими и конюшными, потому что съ этого года они были обязаны для конскихъ заводовъ, находящихся около Бѣловодска, косить и доставлять сѣно, а также и собственной соломы нѣсколько пудовъ съ каждаго домохозяина. Баранниковцы, не знавшіе раньше панщины, не хотѣли отбывать этой повинности и не повиновались коннозаводскому начальству, почему правительствомъ были въ Баранниковку присланы войска, которыя и наказали непокорныхъ камышанъ розгами.

Занятіе. Баранниковцы съ давняго времени занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, при этомъ обработку земли прежде производили исключительно на волахъ, а теперь производятъ на волахъ и лошадяхъ. Пахота производится тяжелыми самодѣльными плугами и усовершенствованными, — послѣдніе появились года три—четыре назадъ и скоро кажется, войдутъ во всеобщее употребленіе. По части сельскаго хозяйства, какъ полезное нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ отмѣтить кстати и значительное распространеніе въ Баранниковѣ ручныхъ вѣялокъ и появленіе молотильныхъ конныхъ машинъ. Баранниковцы сѣяли и сѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень; посѣвы же проса, ржи, овса, льна и конопли не были и не бываютъ значительны, такъ какъ этотъ хлѣбъ предназначается только для домашняго употребленія, гречихи же баранниковцы вовсе не сѣютъ. Посѣвъ ржи въ послѣдніе годы, впрочемъ, увеличился, — это объясняется тѣмъ, что рожь не подвергается загару: она до наступленія знойныхъ лѣтнихъ дней созрѣваетъ. Всѣ вообще хлѣба до семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія родились въ Баранниковѣ очень хорошо, потому что восточные вѣтры тогда не были такими жгучими

и вредными для произрастанія хлѣбовъ. Избытокъ пшеницы и другихъ хлѣбовъ жители Баранниковки продавали преимущественно въ Бѣловодскѣ, издавна извѣстный ссыпкою хлѣба; нѣкоторые же домохозяева до построения Ворожежско-Ростовской ж. д. иногда отправляли свой хлѣбъ для продажи въ Таганрогъ и Ростовъ, а оттуда привозили торговцамъ сл. Бѣловодска и для себя соль, рыбу, деревянное масло, разные фрукты и проч. Немало тогда было въ Баранниковкѣ и такихъ домохозяевъ, которые въ свободное отъ полевыхъ работъ время охотно нанимались отвозить пшеницу изъ Бѣловодска въ Таганрогъ и Ростовъ и ѣздили также за рыбою и дегтемъ на Волгу (въ Царицынъ).

Скотоводство въ Баранниковкѣ въ послѣдніе годы пришло въ упадокъ; это зависѣло преимущественно отъ неурожаевъ хлѣба и травъ, отъ падежей скота, а также и отъ недостатка земли для попаса. Въ настоящее время уже много въ слободѣ такихъ домохозяевъ, у которыхъ не только воловъ, но и коровенки на дворѣ нѣтъ, чего двадцать—тридцать лѣтъ назадъ совсѣмъ не было: тогда почти каждый домохозяинъ имѣлъ скоть и для себя, и для продажи. Нѣкоторые изъ баранниковцевъ, влѣдствіе неурожаевъ и упадка скотоводства, стали ежегодно весною и лѣтомъ отправляться на заработки въ Донскую и Кубанскую области; тамъ они нанимаются исключительно на полевые работы или поденно, или на извѣстный срокъ. Исключительно ремеслами никто изъ жителей слободы не занимается; если же и бываютъ нѣкоторые заняты изготовленіемъ простой обуви, одежды или плотничествомъ, то и эти работы производятся большею частію въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Огороды и сады баранниковцы имѣютъ для потребностей только своей семьи. Торговля мануфактурнымъ товаромъ, бакалейнымъ и винная находится въ рукахъ поселившихся въ слободѣ великоруссовъ.

Одежда баранниковцевъ въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ замѣтно измѣнилась. Мужчины, напримѣръ, не носятъ уже широкихъ малороссійскихъ шароваръ; бешметъ замѣняется пиджакомъ. Женщины вовсе перестали носить очипокъ, а вмѣсто суконнаго „байбарака“ (длинный халатъ), который прежде въ праздничные дни надѣвали женщины и дѣвицы, теперь носятъ

мѣщанское пальто. Корсетъ и юпка (корсетъ съ рукавами) замѣняется кофтою. Красные сапоги уже рѣдко встрѣчаются. Головная повязка дѣвиць, на подобіе чалмы, перестала быть обычною даже для невѣстъ.

Малороссійская рѣчь баранниковцевъ имѣетъ весьма замѣтные слѣды великорусскаго вліянія,—въ этомъ сказалось вліяніе казаковъ, у которыхъ баранниковцы ежегодно бываютъ на заработкахъ, а также солдатчины и особенно школы, существующей въ Баранниковкѣ съ 1845 года и съ того времени знакомящей молодыя поколѣнія съ литературною русскою рѣчью; приэтомъ и чтеніе народомъ книгъ не могло, конечно, пройти безслѣдно.

С. И. Костиковъ.

24.—Сл. Нижне-Баранниковка.

Поселеніе, жилище, одежда.—Свадьба: „сватанья“, „подвислокъ“, „весилля“.

Нижне-Баранниковка, иначе Злодѣвка, находится въ 75 вер. отъ г. Старобѣльска. Названіе Нижне-Баранниковки оно получило оттого, что лежитъ ниже сл. Баранниковки, къ волости которой принадлежитъ; Злодѣвкой называется потому, что въ старину здѣсь былъ хуторъ, населенный разбойниками, которыхъ народъ называлъ злодѣями. Жителей въ селѣ 1844 д. об. п. Народъ по наружности здоровый и довольно красивый. Хаты въ большинствѣ случаевъ мѣловыя, но встрѣчаются и деревянные. Стѣны въ деревянныхъ хатахъ внутри не бѣлятся, а чисто моются и для блеска натираются бѣлкомъ. У богатыхъ хата состоитъ изъ 2 или 3 комнатъ. Одна для приѣма гостей, другая маленькая называется „кимнатой“ для стариковъ и третья кухня, въ которой помѣщается молодежь.

Лѣтняя одежда мужчинъ: бешметъ, шаровары, сапоги; зимняя: нагольные тулупы, свитки изъ сукна домашняго приготовленія, валенки, капелюхъ, рукавицы. Женская лѣтняя одежда: кофты, юбки, „зависки“ (фартухи), красные сафьяновые сапоги, свитки изъ черной шерстяной матеріи, цвѣтные, шелковые или шерстяные платки; зимняя: тулупъ, сапоги, теплый платокъ. Тулупъ, шитый изъ овчинъ, стоитъ 12 р., бешметъ отъ 4 р. до 10 р., женское платье отъ 2 р. 50 к. до 5 р.

Свадьбы въ этомъ селѣ устраиваются такъ: родители, желающіе женить сына, посылаютъ сватовъ къ родителямъ той дѣвушки, которую они хотятъ взять.

„Сватанье“. Сваты берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстную хату; тамъ они подходятъ подъ окно и говорятъ: „добры люды, пустить на квѣтырю“. Хозяйка отвѣчаютъ: „мѣлосты прѣсымъ“. Тогда сваты входятъ, садятся и объясняютъ причину своего прихода. Если родители дѣвушки согласны, то берутъ хлѣбъ,

если же нѣтъ, то отдають его назадъ. Затѣмъ родители дѣлають уговоръ, сколько надо уплатить денегъ за невѣсту; плата бываетъ отъ 10 до 50 р. Потомъ невѣсту зовутъ въ хату и съ нею жениха и спрашиваютъ ихъ согласія; оба отвѣчаютъ: „якъ бѣтько та мѣты, такъ и мы“. Невѣста идетъ собирать дружокъ, а старики сзываютъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда всѣ сойдутся, жениха сажаютъ за столъ подъ образа вмѣстѣ съ старшимъ дружкомъ или бояриномъ; невѣста наливаетъ рюмки и подноситъ жениху и дружку, они откланиваются, а потомъ пьютъ и на тарелку бросаютъ деньги. Затѣмъ такъ же она угощаетъ другихъ гостей и перевязываетъ сначала близкихъ родныхъ, а потомъ и дальнихъ. Потомъ староста (распорядитель) наливаетъ водки и даетъ невѣстѣ, что бы она угостила дружекъ. Затѣмъ гости, вмѣстѣ съ родителями невѣсты, идутъ къ родителямъ жениха, а дѣвушки остаются варить варенки, къ нимъ приходятъ парубки, и они поютъ. На „свѣтаньи“ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Слѣхайте, дружечки, де голубонька гуде,
Та то не голубонька, то молодѣ Варвѣра
Дивованье сдае.

Нѣте вамъ, дружечки, дивованья моє
И рѣсу косу, дивоцьку красу.
Якъ бы ты, Варвѣра, потыше ходыла,
Потыше ходыла, бѣтеньку годыла,
То бѣ ты це лѣто дѣвкою гуляла,
Дѣвкою гуляла, кѣською майла,
То бѣ красонька въ лѣчиньку стояла“.

* *

„На веснѣ садочкы цвѣтуть,
И дивчѣта виночкы плыстымутъ,
Мѣмо твоей ворѣточкы несты-
мутъ.
Та до хѣты прывыртѣтумуть.

Та, ой, чи дѣма Варвѣра, чи
нема,
Чизь ѣнчимы подружкамы гуляе.
Та вона хѣде гуляе, правды
не знае“.

„Идвисѣлокъ“. Если свадьба предполагается въ воскресенье, то въ пятницу у жениха и невѣсты лѣпятъ шишки, Въ субботу невѣста собираетъ дружокъ и идетъ съ ними къ свекру и свекрови, кланяется имъ до земли и приглашаетъ на „идвисѣлокъ“, затѣмъ заходитъ еще къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, тоже кланяется и проситъ на „идвисѣлокъ“, и за-

тѣмъ, идетъ съ дружками домой, сажаетъ ихъ за столъ и даетъ имъ по пучку васильковъ, изъ которыхъ дружки дѣлають крестики и кладутъ на деревцо, воткнутое въ хлѣбъ и называемое „гильце“, украшаютъ это „гильце“ пестрыми лоскутками и кусочками гаруса. Затѣмъ отецъ и мать подносятъ всѣмъ дружкамъ и невѣстѣ по рюмкѣ водки. Послѣ ужина приходитъ сюда женихъ съ боярами и, вмѣстѣ съ невѣстою и дружками, уходятъ къ какойнибудь сосѣдкѣ. Тамъ поютъ:

„Ходыла Варвара по кимнати,
Пробужала батенька зъ кровати.
—Та устань, устань, мий батенько,
Та минй съ тобою не викъ виковать,
Та останню ниченьку переночевать,
Та обидню часыночку перечасовать“.

„Весілля“. Въ воскресенье, послѣ утрени, жениха и невѣсту вѣнчаютъ, и затѣмъ они расходятся. Невѣста съ дружками идетъ домой, дружки распускають ей дома косу. Мать подноситъ дружкамъ по рюмкѣ водки и даетъ по шишкѣ, потомъ невѣста идетъ къ обѣднѣ. Когда прозвонятъ къ „достою“, она идетъ изъ церкви къ старшей дружкѣ обѣдать. Женихъ ѣздитъ собирать поѣздъ. Когда съѣдется поѣздъ, молодой садится на посадь, его угощаютъ водкою, потомъ всѣ гости размѣщаются по экипажамъ и ѣдутъ кататься по селу, затѣмъ ѣдутъ къ молодой. Женихъ подходитъ къ молодой, цѣлуетъ ее и уѣзжаетъ, а къ невѣстѣ приходитъ поддружій и гонитъ ее къ отцу; она здѣсь здоровається съ родственниками и идетъ въ хату. Ее садятъ на посадь, дружки садятся возлѣ нея. Дружко вводитъ жениха и говоритъ: „Господы, Исусе Христе, Сыне Божий. Благословыть молодого на посадь посадыть“. Посадятъ жениха рядомъ съ невѣстой, а дружки поютъ:

„Не сяди жъ ты, тай Варварочко, прѣмо,
Не зводь головоньки само,
Та нехай той заведе, що была тебе саде.
Сердѣнько мылѣньке, присунься близѣнько,
Будемъ говорыты, якъ на світи жыты“.

Свашки со стороны жениха дарятъ родственникамъ невѣсты по шишкѣ и подносятъ по чаркѣ водки. Снимають съ молодого шапку и отдають теткамъ или сестрамъ невѣсты, которыя при-

шиваютъ къ ней вѣночекъ изъ ленты. Тогда отецъ и мать подаютъ на столъ на тарелкѣ очипокъ (родъ шапочки изъ парчевой матеріи), дѣвушки поютъ:

„Щось тобѣ тай унесено, | На тонѣсенный, на билѣсенный
На столѣ та положено, | кий скатерци“.

Потомъ свашки надѣваютъ на невѣсту очипокъ, покрываютъ платкомъ и поютъ:

„Покриванка плаче, покривацьця хоче,
Не такъ покривацьця, якъ зъ молодымъ поцилувацьця“.

Когда кроютъ, то поютъ:

„Посіяла Варвара лёнь, лёнь, | На що було брата,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ, | Колѣ насъ выгоняты“.

Дивчата уходятъ во дворъ и поютъ:

„Та подорѣзи васылѣчки порослы, | Та повызлы скрѣню и пырѣню
Туды нашу Варвару повызлы, | И молодѣ Варвару-княгѣню“.

Жениха и невѣсту катаютъ по селу и отвозятъ къ свекру; тамъ ихъ благословляютъ и ведутъ въ хату.

Учительница А. Кристѣ.

25.—С. Безгинова.

Поселеніе.—Вечерниці.—Свадьба.

Село Безгинова Ново-Айдарской волости находится на разстояніи 44 вер. отъ г. Старобѣльска. Расположено село у подошвы горы и по берегамъ р. Айдара. Названіе села объясняютъ тѣмъ, что еще во время крупостнаго права былъ помѣщикъ по фамиліи Безгинъ, отъ него и деревня стала называться Безгинова.

Вечерниці иначе называются „посидѣлками“, начинаются съ Покрова дня (1-го Октября) и оканчиваются на масляной. Для вечерницъ выбирается отдѣльная хата, которую освѣщаютъ и отапливаютъ на общія деньги; въ эту хату каждый вечеръ собираются дѣвки и парни, первыя съ работою, а вторыя съ музыкаю и гостинцами, но работаютъ здѣсь очень мало: большею частью играютъ въ игры; такъ, одна изъ наиболѣе любимыхъ игръ „панасъ“, затѣмъ танцуютъ и поютъ пѣсни до поздней ночи.

Вотъ нѣкоторыя пѣсни, которыя поютъ на вечерницахъ:

„Ой, верба ты верба, ты кудрявая, Де жь ты росла, де повѣросла? —Я росла въ лужку на кру- томъ бережку, На высѣкий теремъ похилѣлася; Тамъ стояла вдова пѣзнозъ вечера —Кто кричитъ, кто стучитъ подъ окѣшечко, То жь не воръ идѣтъ, не раз- бѣйничокъ, То жь мой прѣжній другъ, по- любвничокъ.	—Я жь до тебе прійшовъ не гостытыся, Я жь до тебе прійшовъ рас- просытыся, Чи позволышь ты минѣ оже- нытыся? —Ты женись, ты женись, другъ безсовѣстный, Ты возьми, ты возьми собѣ жѣнушку, Собѣ жѣнушку, мою подругу.“
---	--

* * *

„Ходила—гуляла Маша по лужку,
Щипала—ломала спѣлый виноградъ,
Кидала—бросала Ванюшѣ на кровать.

—Кушай—кушай, Ванюша,
 —Кушай, вѣрный другъ поскорѣй,
 Скажи мнѣ словечко, котре повѣрнѣй.
 Жила была красавица, царска меньша дочь,
 А другая смутная, какъ темная ночь,
 Старшая меньшую смутила потайкомъ.
 —Пойдемъ, пойдемъ, сестрица, на бережокъ морской,
 Посмотримъ тамъ, родная, чѣмъ берегъ украшенъ.
 Украшенъ морской берегъ все синюю волной,
 Покрето же море парчою голубой.
 Старшая то меньшую спихнула съ бережка:
 —Плыви, плыви, сестрица, плыви, вѣрный другъ.
 Ратуй, ратуй, сестрица, ратуй невѣрный другъ.
 Я дарю тебѣ колечко отъ друга своего,
 Я дарю тебѣ другое отъ друга своего,
 Вступи, вступи въ гробницу, въ гробницу мнѣ ногой.
 Я дарю тебѣ колечко съ своимъ вѣрнымъ женихомъ,
 И осталось твое колечко безъ послѣдствіи теперъ,
 А ты захлынешься въ холодной же водѣ“.

Свадьба. Сватовство у мѣстныхъ крестьянъ устраиваютъ такимъ образомъ: приходятъ со стороны жениха два мужика съ хлѣбомъ и солью подъ окно къ дому отца невѣсты и просятъ впустить ихъ въ хату; если родители невѣсты согласны въ ту осень отдать свою дочь замужъ, то разрѣшаютъ имъ войти; мужики—„старосты“, войдя въ избу, здороваются и говорятъ, что у нихъ есть купецъ, а слышали, что у хозяевъ есть подходящій товаръ, такъ не будутъ ли они имъ сватами, не продадутъ ли имъ своего товара. Родители невѣсты, хотъ видятъ, что купецъ—„женихъ“ и подходящій, но отказываются, говоря, что ихъ товаръ еще новый,—молодой;—начинается торгъ и родители мало-помалу сдаются, говоря: „пойдите, люди добрые, домой, а мы тутъ посоветуемся“. Старосты уходятъ и, спустя часъ, приходятъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Воротившись, старосты узнаютъ, что „купецъ“ понравился родителямъ, и что они свободно могутъ ему продать свой товаръ; старосты довольны, и сейчасъ же одинъ изъ нихъ выходитъ во дворъ, гдѣ его ожидаютъ женихъ и невѣста, и зоветъ ихъ; женихъ и невѣста входятъ въ хату, и тутъ отецъ невѣсты спрашиваетъ жениха,—желаетъ ли онъ брать его дочь себѣ въ жены; тотъ отвѣчаетъ, что, если бы

онъ не желалъ имѣть ее своею женою, не послалъ бы къ нимъ старость; тогда отецъ спрашиваетъ дочь, согласна ли она идти замужъ за предстоящаго парня. Въ отвѣтъ дочь кланяется отцу въ поясъ,—это означаетъ, что она согласна; тутъ сейчасъ же соединяють руки жениха и невесты и говорятъ, что отнынѣ они должны любить другъ друга, а мать въ это время подаетъ дочери тарелку съ двумя рушниками „хустками“; послѣдняя подноситъ это съ поклономъ сначала одному, затѣмъ другому старостѣ; они благодарятъ ее водкою за рушники, и тутъ же родители невесты благословляютъ молодыхъ образомъ. Сватовство заканчивается, молодые уходятъ на улицу, а старики уславливаются, когда будутъ играть сватанье, и съ тѣмъ расходятся. Въ назначенный для сватанья день женихъ со всѣми своими родственниками приходитъ во дворъ невесты и остается ожидать въ сѣняхъ; старосты смѣло входятъ въ хату и садятся на лавкахъ, одинъ изъ бояръ (бояре товарищи жениха) „дружко“ становится на порогъ и громко говоритъ: „Господи Исусе Христѣ, сѣне Божий“, ему изъ хаты отвѣчаютъ „Аминь“.—„Спасетъ Богъ за аминь“, говоритъ дружко. „Староста, паны пидстаросты, благословить въ честный домъ войтты, усѣ добре говорить“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить, усѣ трѣчи разомъ“. Тогда дружко входитъ въ хату съ женихомъ и невестою, которая съ дружками—подругами стояла тамъ же въ сѣняхъ, и говоритъ: „староста, паны пидстаросты, благословить дѣтямъ Бѣгу помолыцьця, отцѣ, матери въ нѣги поклоныцьця“.—„Богъ благословить“, отвѣчаютъ ему. Тутъ молодыхъ заставляютъ кланяться отцу и матери, которые держатъ одинъ образъ, а другая хлѣбъ затѣмъ ихъ заводятъ за столъ, и дружки начинаютъ пѣть:

Ой у садѣ соловейко ще не щебетавъ,

А Хведечка та Марьечку ще не цилувавъ.

Женихъ долженъ поцѣловать невесту, и послѣ долгихъ сопротивленій со стороны невесты, онъ цѣлуетъ ее, и дружки опять поютъ:

„Ой, у садѣ соловейко вже защебетавъ,

А Хведечко та Марьечку вже поцилувавъ.

Затѣмъ родители невѣсты начинаютъ угощать сначала молодыхъ, потомъ друзей и бояръ, и молодые уходятъ изъ хаты погулять во дворъ, а ихъ мѣсто занимаютъ старики,— угощаются они до поздняго вечера, затѣмъ всѣ уходятъ къ родителямъ жениха, а молодые опять входятъ въ избу и начинаютъ гулять, поютъ пѣсни, танцуютъ и, если свадьба людей зажиточныхъ, то пьютъ медъ и варятъ вареники. Въ домѣ жениха старики уславливаются о днѣ свадьбы.

Слѣдующія пѣсни поютъ на сватаніи:

„Заручена дівка МАРЬЧКА, зарученая
Положила своѣ рѹку на зарѹку.
Бѣла-жъ мой тай рѹченька у бѣтка могѣ,
Та чи будешъ така бѣла у свѣкорка?
Та якъ будешъ, МАРЬЧКО, покирнѣнька,
Буде твой рѹченька, тай билѣнька,
А якъ будешъ ты, МАРЬЧКО, покирнѣша всихъ,
Буде твой тай рѹченька билѣше усихъ,
А якъ будешъ ты, МАРЬЧКО, упрѣмая,—
Буде твой голѣвонька що дня пѣяная“.

* * *

„Отдаешъ менѣ, мий бѣтчко,
И самъ бѣчишь—
Шо не разъ, не два, та й за
мнѣю,
Та й заплачешъ,
Якъ по виснѣ та садѣчки та й
цвистѣмуть,

А дивѣчки та винѣчки та й
плистѣмуть,
Мѣмо твоихъ ворѣтчонокъ та
й нестѣмуть;
Вонѣ жъ будуть та й до хаты
привитѣты.
Вонѣ жъ будуть та й МАРЬ-
ечку выкликѣты“.

* * *

„Отдаешъ менѣ, мой нѣнько,
Самѣ отъ себе,
Останецьца рѹта—мѣята
Вся у тебе,
Уставай же, мой нѣнько,
Та й ранѣнько,

Полывай же рѹту-мѣяту
Тай частѣнько,
Утренними вечерними зоронь-
кѣми,
Та своїми дрибнѣнькими
слизонькѣми“.

* * *

„Ростѣ ростѣ мой мѣята,
Не хилѣся,
Живѣ, живѣ, моя нѣнько,
Не журѣся!

Ой, рада бѣ я не хилѣщыця,—
Та вѣтеръ хилѣ,
Ой, рада бѣ я не журѣщыця.—
Дочкѣ покида“.

За три дня до свадьбы начинают печь хлѣбы и лѣпить шишки и лежень (родъ калача); для этого собираются дружки и лѣпятъ шишки, при этомъ поютъ:

„Чорный воронъ сбудувавъ гóру рано-рано,
 Чорный воронъ сбудувавъ гóру та й раненъко,
 У три стинь камьяныя рано-рано,
 У три стинь камьяны та й ранесенько,
 А четвёртая та й золотая рано-рано,
 А четвёртая та й золотая та й ранесенько,
 А на тѣи стинь та й макивочки рано-рано,
 А на тѣи стинь макивочки тай ранесенько,
 А на макивочки та ластивочки рано-рано,
 А на макивочки та ластивочки тай ранесенько,
 Звылы соби гнздò зъ чорного шóвку рано-рано,
 Зъ чорного шóвку, зъ бѣлои бумаги тай ранесенько;
 Тай вѣвела дѣтокъ та й однолѣтокъ рано-рано,
 Та вѣвела дѣтокъ та й однолѣтокъ та й ранесенько.
 Та жъ перве дѣтятко молодой Хвѣдечка рано-рано,
 А друге дѣтятко молодà Мàрьячка тай ранесенько.
 Ой, мѣсяцю та переборщику тай ранесенько
 Ой, мѣсяцю та переборщику тай ранесенько
 Та не сходи напередъ мѣне та рано-рано,
 Та не сходи напередъ мѣне тай ранесенько,
 А зйдемо обѣ разомъ тай ранесенько.
 Ой, Хвѣдечко, та мий другъ вѣрный, рано-рано,
 Не становся напередъ мѣне тз ранесенько,—
 Та станемо обѣ разомъ рано-рано,
 Та станемо обѣ разомъ тай ранесенько,
 Та развесѣлымо оцѣя, неньку рано-рано,
 Оцѣя, неньку и всю родѣноньку тай ранесенько“.

Послѣ всего лѣпятъ „коровай“, лѣпятъ его возлѣ печи, преимущественно замужнія женщины, такимъ образомъ: ставятъ возлѣ печи „дижѹ“, зажигаютъ крестообразно четыре восковыя свѣчи и начинаютъ лѣпить, причемъ поютъ пѣсню:

Изъ субóты на недѣленьку го-	Та на каравай.
дына,	Хвалыте Бога: сыра́ный и
Избыралася Хвѣдечкина родѣна,	масляный
Прывезлы сыра горщокъ й масла,	Буде нашъ коровай“.

Эту пѣсню поютъ до тѣхъ поръ, пока коровай не будетъ совсѣмъ готовъ, а потомъ берутъ четыре зажженныя свѣчи, соединяютъ ихъ вмѣстѣ и втыкаютъ ихъ въ средину коровай

и такъ сажаютъ его въ печь; существуетъ примѣта, что если эти зажженные свѣчи не потухнутъ въ печи, то молодые будутъ счастливы; затѣмъ 4 бабы берутъ пустую „дижу“, поднимаютъ ее вверхъ на рукахъ и поютъ:

„Пичь хѳде на ногахъ,
Дижѳ хѳде на рукахъ,

Печись, печись коровай“.

Поютъ это три раза и, какъ только окончатъ, то бьютъ „дижою“ о потолокъ. Затѣмъ мать невѣсты проситъ всѣхъ сѣсть, даетъ имъ обѣдать, а когда испекутся шишки и лежень, то послѣдній украшаютъ, „уряжаютъ“, краснымъ гарусомъ и такими же лентами, потомъ расходятся по домамъ до вечера; вечеромъ опять собираются въ домъ невѣсты, поютъ, играютъ, веселятся. Наканунѣ свадьбы все происходитъ такъ-же, какъ и на сватаньи, только расходятся раньше въ виду того, что на другой день бываетъ свадьба.

Канунъ свадьбы называется „пидвисилкомъ“. Въ назначенный для свадьбы день женихъ съ невѣстою, съ старшимъ бояриномъ и старшею дружкой идутъ къ родителямъ невѣсты, а затѣмъ къ родителямъ жениха, тамъ ихъ благословляютъ, и они идутъ въ церковь, гдѣ ихъ вѣнчаютъ; изъ церкви они идутъ къ жениху, гдѣ обѣдаютъ. Пообѣдавши, невѣста уходитъ домой, а женихъ остается въ домѣ своихъ родителей; здѣсь собираются всѣ его товарищи „боѳре“, всѣ садятся за столъ, и снова подаютъ уже для всѣхъ обѣдъ; если у жениха нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то, когда онъ подноситъ первую ложку ко рту, начинаютъ пѣть:

„Васылѣчку, барвиночку зеле-
нѣнький,
А Хвѣдечка сыротынка моло-
дѣнький,
Якъ заплакавъ та Хвѣдечка рѳ-
но на зорѣ,
Та заплакавъ сѣдя на конѣ,
Та слезѳ слезу одна одну по-
бывѳе,
Та що рѣдного та й бѳтечка,
та й немѳе,
Велыкий двирь та манѣнький
сбирь,

Чомъ не вся родынонька?
Сбирѣмося, оглядѣмося,
Котѳрого рѳду немѳе,
Ой, чи блызького, чи далѣкого,
Чи бѳтенька риднѣнького?
Та не манѣнькой перепелычки,
Ни риднѣнькой сестрычки.
Посылѳй же, Хвѣдечко, со-
ловейка въ садъ
До бѳтенька на порѳду;—
Ни соловейки зъ сѳду, ни бѳ-
тенька зъ рѳю,
Ни родыны зъ крайны“.

Послѣ обѣда всѣ бояре садятся на коней, и два изъ нихъ подвоятъ лошадь жениху; тутъ мать обсыпаетъ его хмѣлемъ, деньгами, орѣхами и проч., чтобы женихъ былъ богатъ, а затѣмъ выѣзжаютъ изъ двора и ѣдутъ кататься, причемъ онъ долженъ три раза объѣхать вокругъ церкви и, когда объѣдетъ въ послѣдній разъ, должны перекреститься три раза и черезъ голову бросить три копѣйки; покатавшись до сумерекъ, всѣ бояре съ женихомъ подъѣзжаютъ ко двору невѣсты, гдѣ уже стоятъ всѣ родичи жениха; но ихъ не пускаютъ, потому что еще имъ не заплатили; когда дружка заплатитъ, ихъ впускаютъ во дворъ, и сваты и всѣ старики входятъ въ хату, а женихъ съ боярами стоитъ возлѣ порога; свашка поетъ:

„Ой, якъ буде тебе тѣщенька привитаты,
 Бѣде тебе мѣдомъ—винѣмъ напуваты;
 Не пий, не пий, молодой Хвѣдечка, тогѣ вына,
 Изльй его коныку на грывку“.

Въ это время теща выходитъ и выноситъ рюмку, налитую водою съ хмѣлемъ, и даетъ ее жениху; женихъ выливаетъ черезъ плечо на лошадь, а рюмку беретъ въ карманъ; тогда теща вынимаетъ другую рюмку и бутылку съ водкою, подчуевъ всѣхъ бояръ и даритъ ихъ лентами—„кисныкѣмы“, а затѣмъ зоветъ ихъ въ хату, гдѣ невѣста сидитъ на посадѣ, наклонивъ голову на столъ, и ей накрываютъ голову калачемъ; дружки поютъ:

„Глянъ же, Мѣрѣчко, пидъ калачъ
 Кѣрыма очѣма тай не плачъ.
 Сѣнечко нызѣнко, сердѣнко близѣнко,
 Бѣдете говорѣты, якъ на свѣти жѣты“.

Дружка въ это время торгуется съ дѣтьми, которыя не пускаютъ жениха за столъ; наконецъ имъ даютъ по грошу и по рюмкѣ водки, и они пускаютъ его; онъ снимаетъ у невѣсты съ головы калачъ, поднимаетъ ее и цѣлуетъ, а дружки поютъ:
 „Татарынъ, бѣратуку, татарынъ, | Та взявъ за сестру, стрѣлочку
 Продавъ сестру за талеръ, | За йийй рѣсу кисѣчку“.

Послѣ этого свашка со стороны жениха даетъ тещѣ „чѣботы“, а свашка со стороны невѣсты пришиваетъ къ шапкѣ жениха невѣстинъ вѣнокъ и подаетъ жениховой свашкѣ, за что получаетъ шишку, рюмку водки и на „капоръ“; затѣмъ братъ или племянникъ невѣсты расплетаютъ ей косу, тутъ двѣ свашки

становятся возлѣ невѣсты и начинаютъ покрывать ее, т. е. на дѣваютъ на нее очипокъ, а затѣмъ машутъ надъ головою серпанкомъ, припѣвая три раза:

„Покрѣванка плаче,
Покрѣващца хоче,

Не такъ покрѣващца,
Якъ поцилуващца“.

Пропѣвъ такимъ образомъ три раза, онѣ этимъ самымъ серпанкомъ завязываютъ невѣсту, оставляя одни глаза; затѣмъ отецъ невѣсты даетъ ей бутылку водки, и она выходитъ изъ за стола, угощаетъ всѣхъ своихъ подругъ, цѣлуется съ ними, т. е. прощается, и здѣсь всѣ дѣвки уходятъ, а ее опять благословляютъ вмѣстѣ съ женихомъ, даютъ въ руки жениху хлѣбъ, а ей—образъ и выводятъ во дворъ, гдѣ возлѣ порога стоитъ „дижа“, а на ней лежитъ хлѣбъ; тутъ дружка беретъ за руки молодыхъ и три раза обводитъ ихъ вокругъ „дижи“, чтобы они любили другъ друга, причемъ поетъ:

„Старый оселѣдько
Не стоѣ за рѣдьку,

Не вспивъ оженѣщца,
Ставь зъ жѣнкою быщца“.

Послѣ этого женихъ ведетъ невѣсту къ санямъ, усаживаетъ ее, а самъ садится верхомъ на лошадь, объѣзжаетъ три раза кругомъ невѣсты и бьетъ ее плетью, чтобы она боялась его. и самъ во весь опоръ выѣзжаетъ изъ двора; за нимъ трогается весь поѣздъ, вслѣдъ поѣзду разлаются выстрѣлы; возлѣ двора жениховыхъ родителей женихъ ожидаетъ поѣздъ, и тутъ всѣ переѣзжаютъ черезъ огонь, который лежитъ въ воротахъ; потомъ опять женихъ подходитъ къ санямъ, беретъ невѣсту за „зѣру“ и вводитъ въ хату своихъ родителей; тутъ ихъ встрѣчаютъ съ образомъ, они кланяются въ ноги роднымъ и заходятъ за столъ; подають ужинъ, но молодые не ѣдятъ, а только пьютъ по рюмкѣ водки; посидѣвъ съ $\frac{1}{4}$ ч., дружка говоритъ: „старосты, паны пидстаросты, благословѣть дитѣй на покѣй итѣ“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть усѣ трѣчи разомъ“. Молодые выходятъ въ приготовленную для нихъ комнату, а старики гуляютъ до поздней ночи,—и затѣмъ веселятся цѣлую недѣлю.

Тремпольцева.

10 1111
ANNUNCIATO

Kharkof (Govt) **854123**
Gub. statisticheskii kom.
Kharkovskii sbornik

DK511
K3A4
v.9

854123

DK511
K3A4
v.9

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

- Литература о Харьковской губ. (Библиографическій указатель). *И. А. Устинова*. Ц. 50 к.
- Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г. *І. С. Чирикова*. Ц. 20 к.
- Карта Харьковской губерніи. Ц. 25 к.
- Забутые труды по изслѣдованію народной жизни (Кадастръ Харьковской губ.). *В. В. Иванова*. Ц. 25 к.
- Современная деревня въ Харьковской губ. *В. В. Иванова*. Ц. 10 к.
- „Житіе Григорія Сковороды“ (съ портретомъ). *М. И. Ковалинскаго*. Ц. 20 коп.
- Духоборцы въ Слободской Украинѣ. *А. С. Лебедева*. Ц. 40 к.
- Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. *А. Д. Твердохлѣбова*. Ц. 20 к.
- Харьковъ по переписи 1892 года. *А. А. Русова*. Ц. 10 к.
- О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности земли. *В. И. Мезенцова*. Ц. 25 к.
- Лѣченіе домашнихъ животныхъ. *В. И. Выжникиевича*. Ц. 10 к.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Ц. 30 к.
- Руководство къ устройству народныхъ библиотекъ. Ц. 20 к.
- Христофоръ — первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. *Н. А. Лашенкова*. Ц. 1 руб.
- Исторія Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка (съ картою Слободскихъ полковъ 1764 г.). *Е. А. Альбовскаго*. Ц. 2 руб.
- Харьковскій Сборникъ. Вып. 1—7-й. Ц. 40 к. Вып. 8 и 9. Ц. 60 к.